МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 4 / 2015

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 4 / 2015

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

Основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

Established in 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

Email: mail@histformat.com
Website: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

* * *

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissenscahftlichen Veranstaltungen.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l’information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS:

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги и читатели!

Завершается 2015 год, и для журнала «Исторический формат» он завершается вполне успешно. Можно с уверенностью сказать, что издание состоялось! Как и планировалось, в течение текущего года вышло 4 выпуска, которые можно свободно скачать на нашем официальном сайте: http://histformat.com в формате pdf. Редакция получила немало позитивных откликов, среди которых были и такие: «Ваш журнал – это глоток свежего воздуха», «Исторический формат – начало новой русской исторической мысли…», «гениальный проект»… Это означает, что работа редакции не была напрасной.

Отрадно, что вокруг журнала уже сложился круг талантливых исследователей, постоянно появляются новые авторы, поэтому заключительный выпуск за 2015 год стал намного объемнее, чем предыдущие выпуски. Впрочем, это скорее исключение – так получилось само собой, многие статьи оказались очень внушительными, но редакция приняла решение всё равно их опубликовать. С каждым днём увеличивается круг подписчиков, которые получают уведомления по электронной почте, и редакционная коллегия с удовольствием информирует их о новых номерах. Учёные стали чаще использовать статьи «Исторического формата» в научных исследованиях, и это тоже, безусловно, радует.

Расширился состав Общественного попечительского совета журнала «Исторический формат», в который с этого выпуска вошли: предприниматель, генеральный директор ПАО «СОТБИ» (современные технологии бизнеса) Зиновьев Станислав Валерьевич и кандидат технических наук, исследователь Греков Анатолий Иванович. В состав Общественного попечительского совета может войти каждый желающий. Состав совета публикуется в каждом номере «Исторического формата» вместе с составом редакционной коллегии — известными историками, поскольку вклад общественных попечителей в издание тоже очень важен. У журнала нет спонсоров и других помощников, кроме вас…

Помимо этого, журнал «Исторический формат» выражает персональную благодарность всем, кто поддержал проект на краудфандинговой платформе «Планета» или напрямую, и в особенности: Кулишкину Николаю Петровичу, Лобанову Максиму Александровичу, Михайловскому Юрию Николаевичу, Рычкову Александру Константиновичу, а также тем людям, которые предпочли себя не указывать.

Следующий, первый выпуск журнала за 2016 год будет юбилейным! Весной исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося российского филолога и историка С.Н. Азбелева. Номер будет посвящен ему и его неоценимому вкладу в науку. Сергей Николаевич – член редколлегии журнала «Исторический формат», доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Участник Великой Отечественной войны, с 17 лет воевал на Ленинградском фронте. Автор многих работ по истории, литературе и фольклору Древней Руси.

Мы запустили новый проект на «Планете», который просим вас поддержать, если есть такая возможность. Все подробности по ссылке:

https://planeta.ru/campaigns/27811

Почему так важна ваша поддержка? Журнал «Исторический формат» существует без финансирования со стороны государства и научно-образовательных структур. Это совместный проект известных ученых, которые опираются только на общественную поддержку, на поддержку людей, которые неравнодушны к истории. Журнал является электронным периодическим изданием, рецензируется, индексируется в базе РИНЦ и является принципиально бесплатным для всех читателей и авторов.

«Исторический формат» — первый в России независимый научный журнал, который выходит в формате Open Science. Это свободная трибуна для ученых, которые рассказывают о результатах своих исторических исследований. Это некоммерческий проект, идея которого состоит в том, чтобы стать всенародным научным журналом. Зачем это нужно? Чтобы люди гордились своей историей, знали и понимали её, получая информацию напрямую от профессиональных историков.

По-прежнему принимаются и рассматриваются ваши рукописи к публикации (правила оформления указаны в конце номера), которые следует направлять по электронной почте: **mail@histformat.com**

Желаем вам всего доброго и удачного Нового года!

Всеволод Меркулов,
кандидат исторических наук,
главный редактор

УДК 94(47).03

СКОЛЬКО ИМЕН У ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО?*

А.В. Майоров
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199304, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9
e-mail: a.v.maiorov@gmail.com
Scopus Author ID: 55092108400
Researcher ID: A-5985-2013
http://orcid.org/0000-0001-8212-7467
SPIN-код: 4584-2571

Авторское резюме

В статье сделан вывод, что единственным достоверно подтвержденным личным именем Даниила Галицкого могло быть только имя Даниил. Это имя одновременно выполняло функции как княжеского (светского), так и христианского (крестильного) имени. Предположения о двух христианских именах Даниила Романовича возникли вследствие археографической ошибки, допущенной издателями Актов А.И. Тургенева.

Ключевые слова: Даниил Романович, Иоанн Златоуст, крестильное имя.

HOW MANY NAMES DID DANIEL OF GALICIA HAVE?

Alexander Maiorov
Saint Petersburg State University
7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Abstract

The article concludes that the only reliably confirmed name of this prince of Galicia was Daniel. The name Daniel served both as the prince's secular and as his Christian (baptismal) name. The assumption that Daniel of Galicia had two Christian names arose from an archaeographic error made by the publishers of Historical Acts Regarding Russia by A.I. Turgenev.

Keywords: Daniel of Galicia, John Chrysostom, baptismal name.

* * *

Среди булл римского папы Иннокентия IV, отправленных 3 мая 1246 г. из Лиона на Русь, выделяется обширное послание, адресованное «светлейшему королю Руси Иоанну» (*Joanni illustri Regi Russie*) (Turgenev 1841: 58, nr. 65). В письме папа пространно и красноречиво говорит о единстве церкви и об объединении усилий всех христиан в общей борьбе против татар. Выразив свою радость по поводу стремления русского короля «вернуться к почитанию Апостольского престола и послушанию нам», папа сообщает об отправке на Русь «архиепископа Пруссии и

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект 5.38.265.2015.

Эстонии, легата Апостольского престола, человека, особо близкого нашему сердцу, одаренного знанием наук, честного нрава, мужа зрелого совета, который поведает слова жизни и устно полнее сообщит вам, изложив волю нашу и наших собратьев».

Имя посылаемого на Русь папского легата в письме не названо. Вместе с тем в другом опубликованном в Тургеневских актах послании Иннокентия IV, датированном тем же днем и адресованном непосредственно вновь назначенному легату, читается имя получателя – Генрих: «досточтимому брату Генриху, архиепископу Пруссии, Ливонии и Эстонии, легату Апостольского престола» (*venerabili Fratri Henrico Archiepiscopo Prussiae, Livoniae et Estoniae Apostolicae sedis Legato*) (Turgenev 1841: 56, nr. 61).

Однако, как было показано в последующих публикациях документов Ватиканского Секретного Архива, в оригинале Регестов Иннокентия IV имени прусского архиепископа и папского легата на Руси в адресованных ему буллах от 3 мая 1246 г. не значилось (Berger 1884: 272, nr. 1819; Welykyj 1953: 31-32, nr. 14-15; Haluščynskyj, Wojnar 1962: 68-69, nr. 27-27a).

У исследователей не вызывает сомнений, что в действительности получателем этих посланий был архиепископ Альберт фон Зуербеер (ок. 1200–1272/73) (Goetze 1854: 20, Anm. 53; Potthast 1875: 1025, nr. 12093; Eubel 1913: 420 (Rigen nota 5); Soranzo 1930: 88; Ammann 1936: 254 f; Ammann 1948: 47; Selart 2007: 215). Он же, следовательно, упоминается и в процитированном выше послании к королю Руси, удостоившись самых высоких похвал папы.

Альберт фон Зуербеер – хорошо известный политический и церковный деятель середины XIII в., биография которого неоднократно становилась предметом специального изучения историков: первая посвященная ему монография была издана в Санкт-Петербурге еще в 1854 г. (Goetze 1854).

Получив блестящее образование в Сорбонне, Альберт стал магистром и священником в Бремене. В 1228 г. бременский архиепископ Герхард Ольденбургский назначил его епископом Риги, однако местный клир этого назначения не принял и избрал своего кандидата. В 1240 г. Альберт стал архиепископом Арма и примасом Ирландии. В 1245 г. на Первом Лионском соборе он решительно поддержал Иннокентия IV, объявившего о низложении германского императора Фридриха II. Вскоре после этого Альберт был назначен папой архиепископом Пруссии, Ливонии и Эстонии, а также легатом в Готланде, Голштейне, Рюгене и на Руси, в 1246 г. Альберт возглавил также Любекскую епархию, а в 1253 г. стал архиепископом Риги (см.: Selart 2002: 11-21).

Об отправке Альберта фон Зуербеера на Русь в качестве папского легата свидетельствует также епископ Ассизи Николо да Кальви (Николай из Курбио). В семнадцатой главе составленного им Жизнеописания Иннокентия IV – «О том, как папа отправлял послов к различным народам» (Quod Papa misit nuntios ad diversas gentes) – читаем: «К русским, приславшим к римской курии свое торжественное посольство, [папа] также послал своего легата, через которого они были проинструктированы и проинформированы о католической вере с сохранением греческих обычаев и обрядов, послан же был господин Альберт, архиепископ Ливонии и Пруссии» (см.: Майоров 2011а: 42-49).

Если личность упомянутого в папской булле от 3 мая 1246 г. *архиепископа Пруссии и Эстонии* не вызывает сомнений, то идентификация русского адресата послания – *светлейшего короля Руси Иоанна* – порождает определенные затруднения.

Уже первые публикаторы интересующего нас письма папы идентифицировали его получателя как Даниила Галицкого (Ripoll 1729: 163, nr. 140). Эта точка зрения полностью утвердилась в XIX в., прежде всего, в публикациях А.И. Тургенева и Питера Отто фон Гётце (Turgenev 1841: 58, nr. 65; Goetze 1854: 19-20, 171, nr. 3), воспроизведенных впоследствии другими публикаторами средневековых источников – Карлом Эдуардом Напьерским, Фридрихом Георгом фон Бунге и Густавом Венцелем (Napiersky 1848: 406, nr. 57; Bunge 1853: 14, nr. 214; Wenzel 1869: 211-212, nr. 139).

Август Поттхаст предлагал вместо *Ioann* читать *Daniel* (Iohanni (*legatur* Danieli) regi Russiae nunciat…) (Potthast 1875: 1025, nr. 12097). Чтение Поттхаста принял Н.П. Дашкевич, полагавший, что все папские буллы от 3 мая 1246 г., адресованные королю Руси, предназначались Даниилу Галицкому и его подданным: «Папа имел в виду вообще православный люд галицко-волынских земель, который, согласно начатым с Даниилом переговорам, считался изъявившим покорность Римской церкви» (Дашкевич 1884: 160). Вслед за Поттхастом и Дашкевичем в короле Иоанне папской буллы усматривала галицко-волынского князя Даниила Романовича автор русского перевода документа С.А. Большакова (Большакова 1976: 123, № 1).

Некоторые новейшие исследователи приходят к выводу, что имя *Иоанн* было вторым крестильным именем Даниила Галицкого, которое он получил в честь св. Иоанна Златоуста (Рапов 1977: 188; Войтович 2006: 492; Ужанков 2009: 365; Александрович, Войтович 2013: 14-15). В доказательство приводятся свидетельства Галицко-Волынской летописи о том, что Даниил Романович возвел в своей новой столице Холме храм во имя Иоанна Златоуста (Ипатьевская летопись 1998: 826, 842-843). Такая точка зрения сегодня получила широкое распространение в справочной литературе, в том числе в изданиях по генеалогии Рюриковичей (Рапов 1997: 47; Платонов 2000: 200; Пчелов 2001: 134, 390; Пчелов 2003: 152, 308).

Не все историки, однако, принимают такую возможность. «В издании А.И. Тургенева, – пишут А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, – фигурирует папская грамота Иннокентия IV, обращенная к королю Руси Иоанну, что заставляло исследователей приписывать имя *Иоанн* в качестве второго христианского то Даниилу Романовичу Галицкому, то его младшему брату Василько. Однако адресат этого послания не выяснен…». Далее, ссылаясь на мнение М.С. Грушевского, цитируемые авторы приходят к выводу: «…само имя *Иоанн* присутствует, по-видимому, лишь в некоторой предварительной версии текста. В оригинале (папского послания. – *А. М.*) этого имени нет» (Литвина, Успенский 2006: 213, 533-534).

Как видим, в новейшей литературе по-прежнему остается невыясненным вопрос о том, могло ли имя *Иоанн* принадлежать галицко-волынскому князю Даниилу Романовичу. Кроме того, высказываются сомнения относительно личности *светлейшего короля Руси*, получателя папской буллы от 3 мая 1246 г.

Если папа Иннокентий IV действительно именовал Даниила Галицкого Иоанном, то естественно ожидать, что и в дальнейшем понтифик придерживался бы такого же именования. Однако этого не происходит. В посланиях 1247–1248 гг. папа, обращаясь к галицко-волынскому князю, именует его Даниилом. «Светлейшему королю Руси Даниилу» адресованы три письма папы, датированные 27 августа 1247 г. (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 459v. Nr. 172-174), а также послания от 12 сентября 1247 г. (Fol. 460v. Nr. 187) и 23 января 1248 г. (Fol. 555. Nr. 38) (см.: Turgenev 1841: nr. 67-69, 74, 77; Большакова 1976: № 5-8, 10).

Можно предположить, что в первом послании папы произошла какая-то ошибка в употреблении имени галицко-волынского князя, устраненная в дальнейшем. Но не меньше оснований считать, что: письмо понтифика было адресовано какому-то другому князю.

Е.Е. Голубинский, к примеру, полагал, что свое первое послание на Русь Иннокентий IV адресовал брату Даниила, Васильку Романовичу (Голубинский 1997: 83, прим. 2). Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что сын Василька Владимир был назван в крещении Иоанном (Ипатьевская летопись 1998: 919-920, 927), и это, как будто, может свидетельствовать о каком-то особом почитании св. Иоанна в семействе волынских князей.

Против атрибуции адресата папских посланий от 3 мая 1246 г. как Даниила Галицкого высказывался Б.Я. Рамм. По его мнению, сторонники такого решения неправомерно связывали майскую серию папских посланий 1246 г. с августовско-сентябрьской серией 1247 г., упуская из виду, что при этом неизбежно должен возникнуть вопрос о том, почему письма 1247 г. до некоторой степени повторяют по содержанию письма предыдущего года и притом ни разу на них не ссылаются, как это обычно бывало в практике папской курии в подобных случаях» (Рамм 1959: 160-161).

Рамм соглашается с предположением, выдвинутым в 1957 г. Джеймсом Затко, согласно которому вся серия папских посланий 1246 г. имела в виду того из русских князей, кто действительно носил имя Иван. Таковым тогда был один из братьев великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича. Родившийся в 1197 или 1198 гг. князь Иван, младший сын великого князя Всеволода Большое Гнездо, занимал скромный княжеский стол в Стародубе (близ Суздаля). Иван Всеволодович неоднократно упоминается в летописях, его имя значится среди князей, переживших нашествие Батыя (Zatko 1957: 33-52).

Возможность обращения папы к Ивану Всеволодовичу поддерживается следующими фактами.

Зимой 1245/46 г. великий князь Ярослав Всеволодович отправился сначала к хану Бату на Волгу, а затем прибыл к великому хану в Каракорум. Здесь его застал папский легат Иоанн дель Плано Карпини, который об этой встрече упоминает в своей Истории Монгалов (Плано Карпини 1957: 50, 54, 57, 61). В результате состоявшихся между ними переговоров Ярослав Всеволодович принял католичество. Об этом факте известно из письма папы Иннокентия IV к сыну Ярослава Александру Невскому от 23 января 1248 г. В письме папа ссылается на донесение Плано Карпини, сообщившего, что Ярослав «смиренно и почтительно признал послушание римской церкви, матери своей», и принес обет папскому легату (sui obedientiae Romanae ecclesiae matris suae in ejusdem fratris manibus devote, ac humihter se devovit) (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 555. Nr. 42) (ср.: Turgenev 1841: nr. 78).

Авраам Бзовский (Bzovius) (1567–1637) – один из продолжателей Церковной истории Цезаря Барония – сообщает (без указания своего источника), будто Ярослав даже «принял от Карпини монашеское платье и устав св. Франциска и, отрекшись от мира, сделал большие успехи в монашеском житье и в святости» (habitum religionis et poenitentiae S. Francisci suscepisset et abdi-cato saeculo magnos profectus in discipline regulari et sanctitate fecisset) (Bzovius 1621: 539).

Достоверность последнего сообщения вызывает сомнения. Вместе с тем, готовность Ярослава пойти на какое-то соглашение с представителем папы и, очевидно, согласие на принятие им католичества едва ли можно оспаривать. Нельзя думать, что слова папы в его послании к Александру Невскому об его отце были пустым вымыслом. Во всяком случае, с монгольским двором русские князья поддерживали постоянные связи, и Александр Ярославич имел возможность проверить содержавшиеся в папском послании сведения относительно последних дней своего отца, скончавшегося в Каракоруме.

Кроме того, Карпини, по всей видимости, был лично знаком с Александром. Среди свидетелей своего пребывания у татар папский посол называет «сына князя Ярослава», которого он встретил в ставке Батыя на пути в Каракорум (Carpine 1989: 331-332; Карпини 1957: 82). Возвращаясь из Монголии, Карпини узнал, что, этот сын Ярослава, остававшийся у Батыя, тщетно уговаривал черниговского князя Михаила Всеволодовича поклониться монгольским идолам, поясняя, что в противном случае его ждет смерть (Карпини 1957: 29). С большой вероятностью можно предполагать, что неназванным по имени сыном Ярослава, сопровождавшим его в поездке к татарам, был именно Александр (Selart 2007: 217).

Вместе с тем, в виду малой важности фигуры стародубского князя Ивана Всеволодовича для русской истории некоторые авторы выдвигали (без всякого, впрочем, обоснования) на роль *короля Руси Иоанна* более значительных с их точки зрения правителей, – например Александра Невского (Patze 1958: 81) или кого-то из русских князей, правивших в районе Западной Двины (Даугавы) (Ammann 1960: 120).

Однако, построения Затко – Рамма, видевших в *короле Иоанне* стародубского князя Ивана Всеволодовича, как и тех исследователей, кто пытался приурочить имя *Иоанн* к кому-то из галицко-волынских князей, в равной мере страдают от недостатка источниковедческой критики используемых сведений. По-видимому, большинство современных авторов, пишущих об отношениях Руси с Римом, не только не имели возможности прямого обращения к архивным документам, сохранившим тексты папских посланий, но, ограничившись цитированием Тургеневских актов (по изданию 1841 г.) даже не потрудились проверить их по другим публикациям, прежде всего новейшим изданиям регестов Ватиканского архива.

Отсутствие в оригинале регестов, а также в их ранних копиях имени *Иоанн* в обращении к королю Руси в записях, передающих текст буллы *Cum is qui*, неизбежно приводит нас к выводу, что единственным достоверно подтвержденным личным именем Даниила Галицкого могло быть только имя *Даниил*, выполнявшее одновременно функции как княжеского (светского), так и христианского (крестильного) имени. Для предположения о наличии у этого князя еще одного христианского имени нет достаточных оснований. Тем самым, не находит подтверждения и версия об особой сакральной связи Даниила Романовича с Иоанном Златоустом, будто бы выступавшим в качестве его патронального святого. По нашему мнению, в качестве такового следует признать св. Даниила Столпника (см.: Майоров 2011b: 32-50; Maiorov 2015: 345-366).

Предположения о двух христианских именах Даниила Романовича возникли вследствие археографической ошибки, допущенной издателями Тургеневских актов и воспроизведенной в русском переводе буллы от 3 мая 1246 г., выполненном по этому изданию С.А. Большаковой. Между тем, на отсутствие имени *Иоанн* в оригинале послания Иннокентия IV указал еще Владислав Абрахам, сличивший текст тургеневской копии с оригинальными записями в папских регестах по публикации Э. Берже (Abraham 1904: 125, przyp. 6; см. также: Грушевський 1905: 70, прим. 1). Впоследствии историками были отмечены и другие недостатки, допущенные при публикации Тургеневских актов (см.: Forstreuter 1963: 298-299).

Строительство Даниилом Романовичем в Холме храма в честь Иоанна Златоуста само по себе не может быть свидетельством того, что между князем и святым существовала патронимическая связь. Иначе придется считать, что такая же связь существовала между Даниилом и свв. Козьмой и Дамианом, в честь которых в Холме был возведен еще один храм, причем оба храма построены в одно и то же время. Вместе с тем, не приходится сомневаться, что св. Иоанн пользовался почитанием в семье Романовичей, поскольку это имя, как уже отмечалось, в крещении получил князь Владимир Василькович, племянник Даниила.

ЛИТЕРАТУРА

Александрович, Войтович 2013 - *Александрович В., Войтович Л.* Король Данило Романович. Біла Церква, 2013.

Большакова 1976 - *Большакова С.А.* Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. Москва: Наука, 1976. С. 122-129.

Войтович 2006 - *Войтович Л.В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006.

Голубинский 1997 - *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Т. II. 1-я половина тома. М., 1997.

Грушевський 1905 - *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. III.

Дашкевич 1884 - *Дашкевич Н.* Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католичеством // Университетские известия. [Киев]. 1884. № 7. С. 136-181.

Ипатьевская летопись 1998 - Ипатьевская летопись / Подг. А.А. Шахматов // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. II.

Карпини 1957 - *Джиованни дель Плано Карпини*. История Монгалов / Пер. с лат. А.И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастиной. М., 1957. С. 21-83.

Литвина, Успенский 2006 - *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X – XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Майоров 2011a - *Майоров А.В.* Был ли Даниил Галицкий коронован папой Иннокентием IV? // Русин. Международный исторический журнал. 2011a. № 3. С. 42-49.

Майоров 2011b - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011b. № 4. С. 32-50.

Платонов 2000 - *Платонов О.* Святая Русь: Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., 2000.

Пчелов 2001 - *Пчелов Е.В.* Рюриковичи. История династии. М., 2001.

Пчелов 2003 - *Пчелов Е.В.* Монархи России. М., 2003.

Рамм 1959 - *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959.

Рапов 1977 - *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.

Рапов 1997 - *Рапов О.М.* История России в лицах: с древности до наших дней. Биографический словарь. М., 1997.

Ужанков 2009 - *Ужанков А.Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009.

Abraham 1904 - *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. I. Lwów, 1904.

Ammann 1936 - *Ammann A.M.* Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's: Studien zum Werden der russischen Orthodoxie // Orientalia Christiana Analecta. T. 105. Romae, 1936.

Ammann 1948 - *Ammann A.M.* Storia della Chiesa russa e dei paesi limitrofi, Torino, 1948.

Ammann 1960 - *Ammann A.M.* Gedanken zu einigen neueren Veröffentlichungen aus der frührussischen Kirchengeschichte // Ostkirchliche Studien 9, 1960.

Berger 1884 - *Berger E.* (ed.). Les Registres d'Innocent IV. (1243–1254). Paris, 1884. T. I (=Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. 2e sér. T. 1).

Bunge 1853 - *Bunge Fr.G., von* (hrsg.). Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Reval: Kluge und Ströhm, 1853. Bd. I: 1093–1300.

Bzovius 1621 - *Bzovius (Bzovski) Abraham*. Annalium ecclesiasticonim post… Caesarem Baronium… Coloniae Agrippinae. T. 13. 1621.

Carpine 1989 - *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli / Ed. E. Menestò. Spoleto, 1989.

Eubel 1913 - *Eubel C.* Hierarchia catholica medii aevi. T. I (1198–1431). Monasterii, 1913.

Forstreuter 1963 – *Forstreuter K.* Zur Geschichte des Christburger Friedens von 1249 // Zeitschrift für Ostforschung. 1963. Bd. 12.

Goetze 1854 - *Goetze P.O. von*. Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland. St. Petersburg, 1854.

Haluščynskyj, Wojnar 1962 - *Haluščynskyj Theodosius T. et Wojnar Meletius M.* (eds.). Acta Innocentii PP. IV (1243–1254): e regestis [sic] vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt. Romae: Institutum jur can Universitatis Monacensis, 1962 (=Pontificiae commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Series III. Vol. 4/1).

Maiorov 2014 - *Maiorov A.V.* The imperial Purple of the Galician-Volynian Princes // Русин. Международный исторический журнал. 2014. № 2. С. 147-161.

Maiorov 2015 - *Maiorov A.V.* The Cult of St. Daniel the Stylite among the Russian Princes of the Rurik dynasty // Slavic and East European Journal. 2015. Vol. 59. Nr. 3. S. 345-366.

Napiersky 1848 - *Napiersky K.E.* (ed.). Scriptores rerum Livonicarum: Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Esth- und Kurland. T. I. Riga; Leipzig, 1848.

Patze 1958 - *Patze H.* Der Frieden von Christburg von Jahre 1249 // Jahrbuch f**ü**r die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. 1958. Bd. 7.

Potthast 1875 - *Potthast A.* (ed.). Regesta Pontificarum Romanorum. T. II. Berolini, 1875.

Ripoll 1729 - *Ripoll Thomas* (ed.). Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum. T. I: 1215–1280. Romae: Mainard, 1729.

Selart 2002 - *Selart A.* Riia peapiiskop Albert Suerbeer ja Descriptiones terrarum // Tuna: ajalookultuuri ajakiri. Tallinn, 2002. Nr. 2. S. 11–21.

Selart 2007 - *Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln, 2007 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 21).

Soranzo 1930 - *Soranzo G.*, Il papato, l'Europa cristiana e i Tartari, un secolo di penetrazione occidentale in Asia. Milano, 1930.

Turgenev 1841 - *Turgenev A.I.* Historica Russiae Monumenta. T. I. Petropoli, 1841.

Welykyj 1953 - *Welykyj A.G.* (ed.). Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953). Romae, 1953. T. I (=Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Series II. Sectio 3).

Wenzel 1869 - *Wenzel G.* (ed.). Codex Diplomaticus Arpadianus Continuatus. Pest: Eggenberger Ferdinánd Akademiai, 1869. T. 7 (=Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria. T. 12).

Zatko 1957 - *Zatko J.* The Union of Suzdal: 1222–1252 // Journal of Ecclesiastic History. 1957. Vol. VIII. Nr. 1. S. 33-52.

REFERENCES

Abraham 1904 - *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. I [Creation of the Roman-Catholic church organization in Russia. Volume I], Lwów, 1904 [in Polish].

Aleksandrovich, Vojtovich 2013 - *Aleksandrovich V., Vojtovich L.* Korol' Danilo Romanovich [King Daniel Romanovich], Bila Cerkva, 2013 [in Ukrainian].

Ammann 1936 - *Ammann A.M.* Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's: Studien zum Werden der russischen Orthodoxie [Church and political transformations in East Baltic after Alexander Nevsky's death: Researches of formation of the Russian Orthodoxy], in: Orientalia Christiana Analecta. T. 105 [East Christian researches. Volume 105], Romae, 1936 [in German].

Ammann 1948 - *Ammann A.M.* Storia della Chiesa russa e dei paesi limitrofi [History of Church of Russia and neighboring countries], Torino, 1948 [in Italian].

Ammann 1960 - *Ammann A.M.* Gedanken zu einigen neueren Veröffentlichungen aus der frührussischen Kirchengeschichte [Thoughts of some last publications on tserkoveny history], in: Ostkirchliche Studien [East Christian researches], 1960, Bd. 9 [in German].

Berger 1884 - *Berger E.* (ed.). Les Registres d'Innocent IV. (1243–1254). T. I (=Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. 2e sér. T. 1) [Innokenti's IV registers. (1243–1254). Volume I (=Library of the French schools in Athens and in Rome. Series 2. Volume 1)], Paris, 1884 [in French].

Bunge 1853 - *Bunge Fr.G., von* (hrsg.). Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten [Lebanese, Estonian and kurlyandsky Regesta], Reval: Kluge und Ströhm, 1853, Bd. I: 1093–1300 [in German].

Bzovius 1621 - *Bzovius (Bzovski) Abraham.* Annalium ecclesiasticonim post… Caesarem Baronium… [Chronicle of the successor Caesar Baroniya], Coloniae Agrippinae, 1621, T. 13 [in Latin].

Carpine 1989 - *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli / Ed. E. Menestò [Giovanni da Pian del Carpine. The history of Mongols], Spoleto, 1989 [in Italian].

Carpini 1957 - *Dzhiovanni del' Plano Carpini.* Istorija Mongalov [Giovanni da Pian del Carpine. The history of Mongols], transl. by A.I. Malein, in: Puteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka [Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruck], ed. N.P. Shastina, Moscow, 1957, pp. 21-83 [in Russian].

Dashkevich 1884 - *Dashkevich N.* Peregovory pap s Daniilom Galickim ob unii jugo-zapadnoj Rusi s katolichestvom [Talks popes with Daniel Galicia for the Union southwestern Russia with Catholicism], in: Universitetskie izvestija [University news], Kiev, 1884, № 7, pp. 136-181 [in Russian].

Eubel 1913 - *Eubel C.* Hierarchia catholica medii aevi. T. I (1198–1431) [Medieval Catholic hierarchy. Volume I (1198–1431)], Monasterii, 1913 [in Italian].

Forstreuter 1963 - *Forstreuter K.* Zur Geschichte des Christburger Friedens von 1249 [History of the Christian world from 1249], in: Zeitschrift für Ostforschung [Magazine East researches], 1963, Bd. 12 [in German].

Goetze 1854 - *Goetze P.O. von.* Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland [Albert Suerbeer, archbishop of Prussia, Livonia and Estonia], St. Petersburg, 1854 [in German].

Haluščynskyj, Wojnar 1962 – *Haluščynskyj Theodosius T. et Wojnar Meletius M.* (eds.). Acta Innocentii PP. IV (1243–1254): e regestis [sic] vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt (=Pontificiae commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Series III. Vol. 4/1) [Innokenti IV's acts (1243–1254): registers and other documents from a collection of Vatican (=Papal commission on studying of the initial right. Sources. Series III. Volume 4/1)], Romae, 1962 [in Latin].

Ipatievskaya letopis' 1998 - Ipatievskaya letopis' [The Hypatian Chronicle], in: Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 2, Moscow, 1998 [in Russian].

Maiorov 2011a - *Maiorov A.V.* Byl li Daniil Galickij koronovan papoj Innokentiem IV? [Was Daniel Galitsky crowned by Pope Innocent IV?], in: Rusin. International historical magazine, 2011a, № 3, pp. 42-49 [in Russian].

Maiorov 2011b - *Maiorov A.V.* Daniil Galickij i nachalo formirovanija kul'ta sv. Daniila Stolpnika u Rjurikovichej [Daniil Galitsky and the beginning of the formation of the cult of St. Daniel Stylites at Rurik dinasty], in: Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki [Ancient Russia: mediyevistika questions], 2011b, № 4, pp. 32-50 [in Russian].

Maiorov 2014 - *Maiorov A.V.* The imperial Purple of the Galician-Volynian Princes, in: Rusin. International historical magazine, 2014, № 2, pp. 147-161 [in English].

Maiorov 2015 - *Maiorov A.V.* The Cult of St. Daniel the Stylite among the Russian Princes of the Rurik dynasty, in: Slavic and East European Journal, 2015, Vol. 59, № 3, pp. 345-366 [in English].

Napiersky 1848 - *Napiersky K.E.* (ed.). Scriptores rerum Livonicarum: Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Esth- und Kurland. T. I [Lebanese writers: Collection of chronicles and historical monuments to Liflyandiya, Estlyandiya and Kurland. Volume I], Riga; Leipzig, 1848 [in German].

Patze 1958 - *Patze H.* Der Frieden von Christburg von Jahre 1249 [Christian world 1249], in: Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands [Year-book on stories of the Central and Eastern Europe], 1958, Bd. 7 [in German].

Potthast 1875 - *Potthast A.* (ed.). Regesta Pontificarum Romanorum. T. II [Regesta of the Roman pontiffs. Volume II], Berolini, 1875 [in Latin].

Ramm 1959 - *Ramm B.Ja.* Papstvo i Rus' v X–XV vv. [The Papacy and Rus in the 10–15th centuries], Moscow; Leningrad, 1959 [in Russian].

Ripoll 1729 - *Ripoll Thomas* (ed.). Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum. T. I: 1215–1280 [Papal bulls. Volume I: 1215–1280], Romae: Mainard, 1729 [in Italian].

Selart 2002 - *Selart A.* Riia peapiiskop Albert Suerbeer ja Descriptiones terrarum [Riga bishop Albert Suerbeer in sources], in: Tuna: ajalookultuuri ajakiri [Tuna: magazine of cultural history], Tallinn, 2002, № 2, pp. 11–21 [in Estonian].

Selart 2007 - *Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 21) [Livonia and Russia in the XIII century (Sources and researches on history of the Baltic region. Bd. 21)], Köln, 2007 [in German].

Soranzo 1930 - *Soranzo G.* Il papato, l'Europa cristiana e i Tartari, un secolo di penetrazione occidentale in Asia [Christian Europe and Tatars], Milano, 1930 [in Italian].

Turgenev 1841 - Turgenev A.I. Historica Russiae Monumenta. T. I [Sources on stories of Russia. Volume I], Petropoli, 1841 [in Latin].

Welykyj 1953 - *Welykyj A.G.* (ed.). Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953). T. I (=Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Series II. Sectio 3) [The documents of the Roman pontiffs relating to history of Ukraine (1075–1953). Volume I (=Notes of the Award of Saint Basil the Great. Series II. Section 3)], Romae, 1953 [in Latin].

Wenzel 1869 - *Wenzel G.* (ed.). Codex Diplomaticus Arpadianus Continuatus. T. 7 (=Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria. T. 12) [Diplomatic code of Árpád dynasty. Volume 7 (=Monuments of the Hungarian history. Diplomacy. Volume 12)], Pest: Eggenberger Ferdinánd Akademiai, 1869 [in Latin].

Zatko 1957 - *Zatko J.* The Union of Suzdal: 1222–1252, in: Journal of Ecclesiastic History, 1957, Vol. VIII, № 1, pp. 33-52 [in English].

Майоров Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).
Maiorov Alexander – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Museology of the Institute of History of the St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).
E-mail: a.v.maiorov@gmail.com

УДК 903.01/.09

ФЕНОМЕН «ТРЁХСЛОЙНОЙ ТЕХНОЛОГИИ» (ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)*

***В.И. Завьялов*[1]*, Н.Н. Терехова*[2]**
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
[1]e-mail: v_zavyalov@list.ru
SPIN-код: 1138-6315
[2]e-mail: mail@histformat.com
SPIN-код: 4367-0850

Авторское резюме

Технология трёхслойного пакета относится к высоким технологиям периода средневековья. По всей видимости, эта технология возникла на территории Скандинавии в конце вендельского периода. В IX–X вв. она распространяется на территории Древней Руси и в X – первой половине XII в. становится ведущей технологической схемой городского ремесла. Древнерусскими кузнецами был выработан так называемый восточноевропейский вариант трёхслойной технологии, имевший ряд отличий от «классических» образцов.

Ключевые слова: Древняя Русь, викинги, кузнечное ремесло, технология трёхслойного пакета.

THREE-FOLD WELDING TECHNOLOGY (MEDIEVAL HIGH-TECH)

***Vladimir Zavyalov*[1]*, Nataliya Terekhova*[2]**
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
19 The Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
[1]e-mail: v_zavyalov@list.ru
[2]e-mail: mail@histformat.com

Abstract

Three-fold welding rightly belongs to the high technology of the medieval period. Apparently, this technology originated in Scandinavia in the late Vendel period. It spread over the territory of the Medieval Rus' in the 9th-10th centuries and became the leading technological scheme in the urban blacksmith craft from the 10th-the first half of the 12th century. Medieval Russian blacksmiths developed the so-called Eastern European variant of the three-fold welding technology, which differed from the «standard».

Keywords: Medieval Rus', Vikings, blacksmith's craft, three-fold welding technology.

* * *

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 13-06-12004офи_м.

Под высокими технологиями в древней железообработке мы понимаем технические новации, которые позволяли перейти на качественно новый уровень производства. К таким новациям, несомненно, относится технологическая сварка твёрдого стального лезвия с вязкой железной основой. Это открытие стало возможным благодаря длительному опыту древних кузнецов. Внедрение технологической сварки позволяло изготавливать орудия с высокими эксплуатационными свойствами (гибкость, прочность и острота лезвия), и при этом сводить к минимуму негативные последствия (хрупкость) такой операции как термообработка. Нельзя не учитывать и тот факт, что при сварке экономился дорогостоящий материал (качественная сталь).

Мы не можем достаточно точно сказать, когда была открыта технологическая сварка железа и стали. Наиболее древними артефактами с наварными лезвиями на сегодняшний день можно считать кельтские мечи периода среднего латена (Pleiner 2006: 203). Развитие технологической сварки позволило уже в III в. н.э., по мнению Р. Тилекота, кузнецам рейнских провинций Римской империи овладеть секретами сварки дамасской стали – наиболее сложного из всех технологических приёмов кузнечного ремесла (Tylecote 1992: 66).

Трудности, возникающие при проведении сварки железа со сталью, хорошо описаны Б.А. Колчиным (1953). Они связаны, прежде всего, с необходимостью нагрева заготовок до очень высоких, но разных для различных сортов металла, температур. Поэтому от мастера требовалось знание узкого температурного интервала, при котором можно было сварить, например, высокоуглеродистую сталь и железо. Кроме того, необходимо было применять флюсы, которые защищали поверхность свариваемых металлов от окисления при высоких температурах (Колчин 1953: 170). Всё это требовало многолетнего опыта, закреплённого в производственных традициях.

В Восточной Европе технологическая сварка как устойчивый производственный приём распространяется в конце I тыс. н.э. В этот период она представлена технологией так называемого трёхслойного пакета, когда в середине клинка проходила стальная полоса, а по бокам – железные полосы. По мнению Б.А. Колчина, с технической точки зрения это наиболее целесообразная технология при производстве клинков, придававшая орудию наибольшую вязкость, упругость и высокую твёрдость стального закалённого лезвия (Колчин 1953: 75).

Следует оговориться, что изделия с трёхслойной конструкцией встречаются уже в скифское время (наконечники стрел со стальным сердечником). Известны такие предметы и в гальштате (резец из Chojno близ Rawicz в Польше). По такой схеме изготавливались и некоторые кельтские мечи (Pleiner 2006: 204-205). Однако в раннем железном веке этот приём не стал устойчивым технико-технологическим стереотипом, и может рассматриваться лишь как эксперименты мастеров в освоении сварных конструкций.

Расцвет технологии трёхслойного пакета наступает в последней четверти I тыс. н.э., когда изделия из него (прежде всего ножи) становятся массовым явлением в Северной, а позднее и в Восточной Европе.

Из практики современных кузнецов-экспериментаторов известно, что трёхслойную заготовку можно получить двумя основными способами в зависимости от того, каким образом сложить железную полосу, в которую вставляли стальное лезвие. В одном случае железная заготовка складывалась в продольном направлении (рис. 1), в другом – в поперечном (рис. 2). При первом варианте на шлифе, изготовленном на поперечном сечении клинка, наблюдается трёхслойная схема (стальная полоса выходит на спинку). Во втором – стальная полоса не доходит до спинки (схема, получившая в литературе название вварки). Таким образом, оба варианта могут рассматриваться как две разновидности одной технологической схемы – трёхслойного пакета.

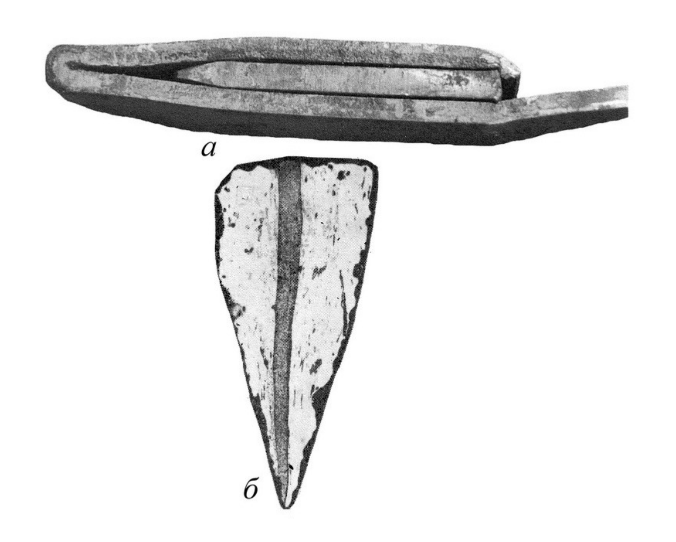

Рис. 1. Способ формовки трёхслойной заготовки (первый вариант):
а – трёхслойная заготовка (по А.Эспелунду);
б – технологическая схема.

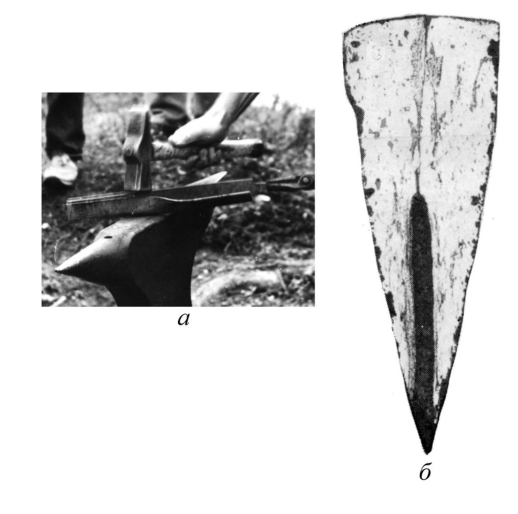

Рис. 2. Способ формовки трёхслойной заготовки (второй вариант):
а – вкладывание стальной пластины в согнутую пополам железную заготовку;
б – технологическая схема.

В литературе неоднократно отмечалось, что истоки трёхслойной технологии лежат в скандинавских землях. К сожалению, до настоящего времени широкомасштабные археометаллографические исследования кузнечной продукции из скандинавских памятников не проводились. Мы вынуждены опираться на результаты немногочисленных микроструктурных анализов, приводившихся в ряде работ. Прежде всего, следует отметить, что именно среди материалов из поселения Хельгё в Швеции обнаружен древнейший нож, изготовленный по технологии трёхслойного пакета (Modin, Pleiner 1978: 102-103; Pleiner 2006: 205). Результаты исследования небольшой серии ножей из другого центра викингов – Бирки – подробно изложены Б. Аррениус (1989). Большинство из этих ножей были изготовлены в трёхслойной технологии (рис. 3). Автор отметила присутствие фосфора в железных полосах, содержание которого на некоторых участках достигало 1,2% (Arrhenius 1989: 82).

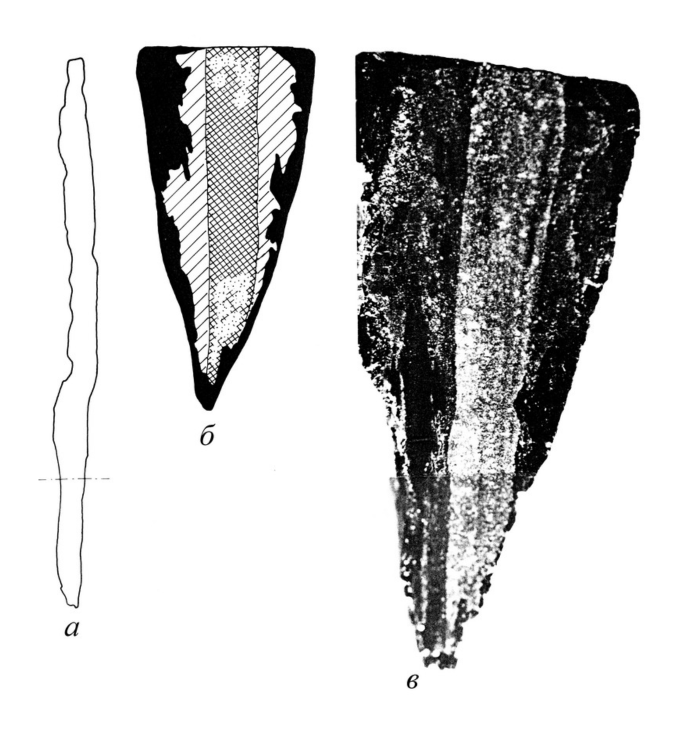

Рис. 3. Трёхслойный нож из Бирки (по B. Arrhenius and L. Tapper):
а – нож; б – технологическая схема; в – фотография микроструктуры.

Серия металлографических анализов десяти железных предметов периода викингов из памятников Южной Швеции опубликованы Р. Томсеном (1971). Предметы были откованы из сырцовой стали и фосфористого железа. Среди них нож, изготовленный по трёхслойной технологии.

Серию ножей из Хедебю исследовал Р. Плейнер (1983). Автор отмечает использование при изготовлении ножей технологии трёхслойного пакета и применение фосфористого железа.

Анализу ножей периода викингов из могильников на территории Дании посвящена статья Г. Лингстрём (1995). Автор подробно разбирает типологические особенности артефактов и приёмы декорирования рукоятей. К сожалению, результаты металлографических анализов 20 ножей с о. Борнхольм представлены в обобщённом виде. Из приведённого в статье рисунка можно заключить, что с VII по XI в. в кузнечном производстве широко применялись сварные технологические схемы (Lyngstrøm 1995: 81, f. 3).

С точки зрения распространения технологии трехслойного пакета в Западной Европе наиболее показательны археометаллографические исследования материалов эпохи викингов из Англии и Ирландии. Полученные результаты убедительно свидетельствуют о существенном воздействии на местное кузнечное ремесло достижений викингов в искусстве обработки чёрных металлов (Scott 1991; Blakelock, McDonnell 2007). В частности, это касается распространения трёхслойной технологии и использования фосфористого железа.

Особенно выразительны материалы из Йорка (Ottaway, Rogers: 2002), находящегося на территории, которая была завоёвана данами в середине IX в. и до середины X в. остававшейся единственной независимой колонией викингов на

территории Англии (Арбман 2006: 108). Однако и после вытеснения викингов их влияние ещё долгое время было весьма ощутимым.

Ещё до прихода викингов Йорк был процветающим торговым и ремесленным поселением, центром международной торговли, где кроме собственной ремесленной продукции продавались предметы роскоши из стран всего мира. Значение Йорка периода викингов подчёркивается чеканкой здесь норманнскими королями собственной монеты.

Интенсивные раскопки Йорка в 70-80-е гг. XX в. позволили получить более 6000 хорошо стратифицированных находок, значительную часть которых составляют изделия из чёрных металлов, в частности было найдено большое количество ножей.

Несколько десятков ножей в разные годы были подвергнуты металлографическому изучению (McDonell 1984; Ottaway, Rogers 2002; Starley 2002). Исследованные предметы охватывают широкий хронологический диапазон: с IX по XIV в. Это позволило проследить динамику развития кузнечной техники как в эпоху викингов, так и в последующие периоды. В результате установлено, что на протяжении всего указанного времени в основе изготовления качественных изделий лежало использование технологической сварки железа и стали (трёхслойный пакет и наварка). Однако соотношение технологических схем менялось: если в IX–X вв. преобладала технологическая схема наварки, то в X–XI вв. доминирует трёхслойный пакет. В последующее время значение трёхслойной технологии сохраняется. Доля других технологических схем была незначительной во все периоды (Blakelock, McDonnell 2007:55). Интересно, что в Ирландии в эпоху викингов в ножевенном производстве, так же, как и в Йорке, X–XI вв. трёхслойная технология преобладает над наваркой (Blakelock et al. 2008: 59).

Обобщая аналитические данные по железообработке в Англии в период викингов, можно констатировать, что, несмотря на развитое кузнечное ремесло, уходящее корнями в традиции римского и кельтского производства (технология наварки), мы отчётливо видим влияние скандинавских традиций – распространение технологии трёхслойного пакета и целенаправленное использование такого сырья как фосфористое железо.

С другой стороны, исследования большой серии ножей из памятников Чехии и Польши, где не фиксируется присутствие викингов, показали, что здесь трёхслойный пакет практически не был известен (Pleiner 1967; Piaskowski 1980; Hošek, Meduna 2011). Таким образом, можно констатировать, что распространение рассматриваемой технологии связано именно с норманнским компонентом.

Говоря о трёхслойной технологии, необходимо отметить, что наблюдается чёткая корреляция рассматриваемой схемы с определённым типом ножей (рис. 4). Мы имеем в виду, ножи, выделенные Р.С. Минасяном в группу IV (1980: 72–73). По классификации А.Е. Леонтьева, они соответствуют орудиям Отдела II и III (Леонтьев 1996: 106). Б.А. Колчин называет их ранним новгородским типом (Колчин 1959: 48). Это ножи, у которых переход от клинка к черенку выделен чёткими уступами. Спинка клинка прямая, несколько приспущена к острию. Клинок узкий, обушок толстый (4–5, иногда 6 мм), черенок длинный, шиловидный, иногда по длине превышающий клинок.

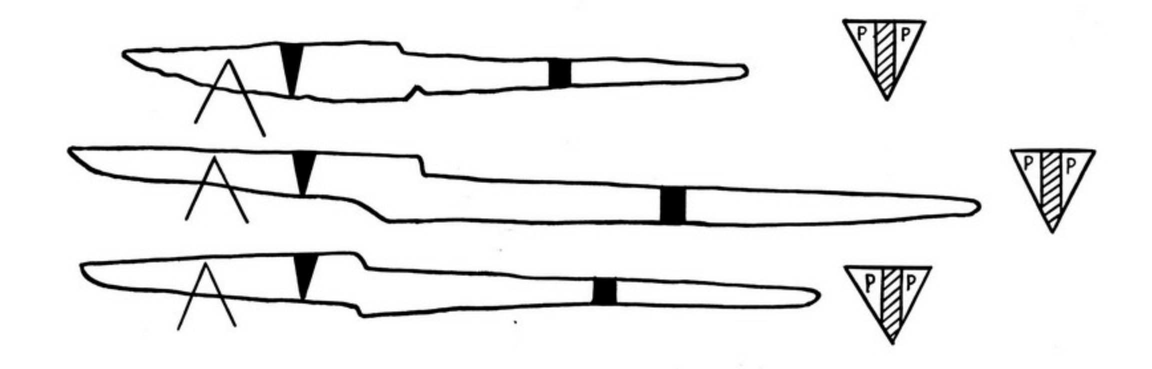

Рис. 4. Четвёртая группа ножей (по Р.С. Минасяну) и технологические схемы изготовления.

Ножи этой формы известны в Скандинавии, на территории Восточной Прибалтики. Начиная с рубежа VIII–IX вв. они распространяются в Восточной Европе. Их происхождение связывают со Скандинавией, где и обнаружены наиболее ранние экземпляры, относящиеся к VII в. (Arrhenius 1970: Fig. 1, *3*).

Выше уже отмечалось, что одной из черт трёхслойной технологии является применение особого сорта железа, а именно железа с высоким содержанием фосфора. Основным исходным сырьём для древней чёрной металлургии на территории Европы, как известно, служили лимониты – болотные и луговые руды. По своему составу эти руды неоднородны: не все пригодны для получения металла сыродутным способом. Нередко лимониты содержат фосфор, который в процессе плавки переходит в железо. Железо с повышенным содержанием фосфора имеет характерные микроструктурные признаки. Это присутствие крупных, плохо протравливаемых зёрен феррита, высокая микротвёрдость железа (достигающая твёрдости закалённой стали), в ряде случаев на образце прослеживаются зоны фосфорной ликвации. Повышенное содержания фосфора в железе ведёт к увеличению твёрдости металла, но одновременно и его хладноломкости (Ottaway, Rogers 2002: 276). Эксперименты, проведённые Э. Носек, показали, что для выковки предметов из фосфористого железа количество нагревов заготовки возрастает в несколько раз по сравнению с железом, имеющим низкое содержание фосфора (Nosek 1991: 67). Многочисленные данные свидетельствуют, что на территории Восточной Европы металлурги долгое время не использовали высокофосфористые руды. В то же время в Западной и Северной Европе изделия, в которых используется фосфористое железо, фиксируются с позднеримского времени, когда в практику кузнецов широко входит технологическая сварка железа и стали. Повышенное содержание фосфора в железе облегчало кузнечную сварку железа и высокоуглеродистой стали. Фосфористое железо имело блестящую серебристую поверхность. В отличие от обычного (низкофосфористого) железа оно было менее восприимчиво к атмосферным явлениям.

Проникновение скандинавов в Восточную Европу, как известно, началось со второй половины VIII в. Разветвлённая речная система Европейской равнины открывала викингам путь на Восток и в Византию. Роль пути на восток в VIII в.

возросла в связи с арабской экспансией, ограничившей доступ европейцев в Средиземное море и нарушившей торговлю с Ближним Востоком.

Особенностью восточноевропейских походов викингов было активное вовлечение в торговлю по Великому Волжскому пути местных народов – славян и финно-угров. Трансъевропейская торговля способствовала развитию межэтнических контактов и послужила стимулом невиданного до тех пор прогресса в области экономики, техники и культуры (Кирпичников 2002). Огромное значение для формирующегося Древнерусского государства имело возникновение вдоль Великого Волжского пути торгово-ремесленных поселений, таких как Гнёздово, Шестовицы, Тимерёво, Сарское городище и др., древнейшим из которых является Старая Ладога.

Поселение в устье Волхова (Старая Ладога) по данным дендрохронологии возникает не позднее середины VIII в. Оно было известно скандинавам под именем Альдейгьюборг. Ладога являлась пунктом, откуда начинались длительные и опасные походы скандинавов на юг и восток. Археологические исследования, проводимые в Старой Ладоге, доказывают тесные контакты славян, финно-угорских народов и норманнов в этом районе в VIII–X веках (Лебедев 1977; 1985: 210; Кирпичников 1979: 103; 2002а: 34). Уже в начальный период существования памятник выступает не рядовым сельским поселением, а международным торжищем с развитым ремесленным производством (Давидан 1970; 1977; 1985; Рябинин 1982; 1985).

Именно в Ладоге на рубеже VIII–IX вв. появляются первые в Восточной Европе изделия, выполненные в трёхслойной технологии с боковыми полосами из фосфористого железа (Розанова 1994: 179). Трёхслойный пакет очень быстро распространяется по территории Севера Восточной Европы, вытесняя местные традиционные технологии. В период X – первой половины XII в. эта технология становится основой древнерусского городского ремесла.

Как нам удалось установить на основании археометаллографического анализа большой серии ножей из памятников Восточной Европы, трёхслойная технология здесь представлена двумя основными вариантами, которые мы обозначаем как *североевропейский* (скандинавский) и *восточноевропейский* (Завьялов, Розанова, Терехова: 2008; 2912). Отличительной чертой *североевропейского* варианта является использование для боковых полос фосфористого железа, а для центральной полосы высокоуглеродистой стали. Именно такие орудия представлены среди ранних материалов из скандинавских поселений эпохи викингов. При изготовлении трёхслойных ножей по *восточноевропейскому* варианту наблюдаются определённые отступления от стандарта: это использование для боковых полос обычного железа или сырцовой стали, или сварка пакета из однородного материала. Сопоставление двух технологических вариантов даёт возможность определить характер распространения технологической инновации в кузнечном производстве конкретного памятника или региона.

Огромная серия хорошо датированных аналитических данных из Новгорода позволяет проследить соотношение двух вариантов трёхслойной технологии во времени. Как следует из наших данных, в X в. наблюдается доминирование ножей, изготовленных по *североевропейскому* технологическому варианту (11 ножей из 13 исследованных). В начале XI в. количество ножей, выполненных в *североевропейском*

варианте, резко уменьшается. В последующие столетия они представлены единичными экземплярами. В XII в. максимального значения достигает *восточноевропейский* технологический вариант. В это же время в Новгороде возрастает количество ножей с наварными лезвиями, а с середины XII в. доля трёхслойных изделий существенно сокращается. В XIII-XIV вв. трёхслойная технология полностью выходит из практики древнерусских кузнецов, а доминирующей становится технология наварки стального лезвия на железную основу (рис. 5*а*).

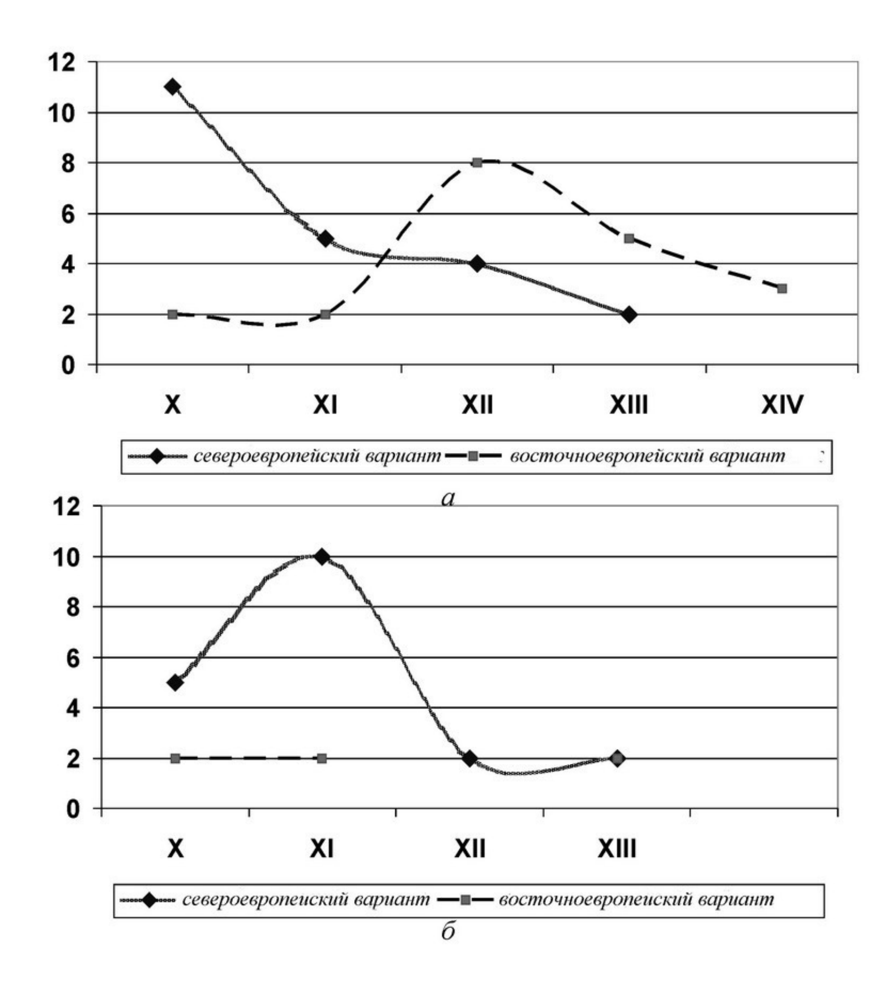

Рис. 5. Распределение североевропейского и восточноевропейского вариантов трёхслойной технологии во времени: а – Новгород; б – Ростово-Суздальская земля.

Для сравнения приведём данные по соотношения скандинавского и восточноевропейского вариантов в Ростово-Суздальской земле (рис. 3). Картина, наблюдаемая здесь, во многом отлична от новгородской. Прежде всего, отметим, что *восточноевропейский* вариант не играл в Ростове сколько-нибудь значимой роли (рис. 5*б*). На XI в. – время резкого сокращения ножей, изготовленных по *североевропейскому* варианту в Новгороде – в Ростове приходится пик их распространения. Таким образом, при существовании общей закономерности (доминировании трёхслойной технологии) можно говорить о различиях в производстве новгородских и ростовских ножей в X-XII вв.

Резкое сокращение доли изделий, изготовленных по *североевропейскому* технологическому варианту в Новгороде в XI в., возможно объясняется общеисторической ситуацией, связанной с пребыванием скандинавов в этом городе: оно, как известно, не было столь выразительным как в Ладоге или на Рюриковом Городище. По мнению Е.Н. Носова, «ни о какой «северной вуали» в культуре» новгородцев говорить не приходится (1990: 163). Об этом же свидетельствует и тот факт, что вещей северного круга по сравнению с общим количеством находок в ранних слоях Новгорода мало (Седова: 1979). О незначительности скандинавских материалов в Новгороде говорил и Х. Арбман (2006: 163). Анализ бронзовых украшений из ранних слоёв Новгорода привёл Л.В. Покровскую к выводу об отсутствии сколько-нибудь заметного влияния скандинавской культуры на новгородскую (1999: 63). Можно вспомнить и летописное свидетельство об уходе из Новгорода в начале X в. скандинавов во главе с Олегом и Игорем.

В производственной сфере на начальном этапе становления новгородского кузнечного ремесла мы наблюдаем существенное воздействие скандинавских производственных традиций. Новационная технология трёхслойного пакета была воспринята городскими мастерами, но интерпретирована ими в ином (*восточноевропейском*) варианте. С ослаблением в конце X в. скандинавского влияния в Новгороде именно *восточноевропейский* вариант становится ведущим в местном кузнечном ремесле.

Что касается Ростово-Суздальской земли, то здесь налицо консервация *скандинавского* технологического варианта. Возможно, это объясняется относительно стабильной ситуацией на северо-востоке формирующегося государства. Носители скандинавских производственных традиций, оседая на этих землях, имели возможность передавать свои навыки из поколения в поколение.

Резюмируя имеющиеся археометаллографические данные можно заключить, что уход варягов с исторической арены в конце XI в. повлёк за собой постепенное исчезновение продукции, изготовленной в скандинавских традициях (в частности, выходит из употребления фосфористое железо). Рост экономического потенциала Древней Руси в середине XII в. привёл к кардинальным изменениям в древнерусском кузнечном ремесле: на смену технологии трёхслойного пакета приходит технология наварки.

ЛИТЕРАТУРА

Арбман 2006 – *Арбман Х.* Викинги. М., 2006.

Давидан 1970 – *Давидан О.И.* О времени появления токарного станка в Старой Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1970. Вып. 12.

Давидан 1977 – *Давидан О.И.* К вопросу об организации костерезного ремесла в древней Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1977. Вып. 18.

Давидан 1985 – *Давидан О.И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–X веков // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1985. Вып. 27.

Завьялов, Розанова, Терехова 2008 – *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Роль Балтийско-Волжского пути в распространении технологических инноваций // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.

Завьялов, Розанова, Терехова 2012 – *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012.

Кирпичников 1979 – *Кирпичников А.Н.* Ладога и ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев, 1979.

Кирпичников 2002 – *Кирпичников А.Н.* Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Колчин 1953 – *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка Древней Руси (домонгольский период) // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 32. М., 1953.

Колчин 1959 – *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 65. М., 1959.

Лебедев 1977 – *Лебедев Г.С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.

Лебедев 1985 – *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Леонтьев 1996 – *Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Минасян 1980 – *Минасян Р.С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1980. № 21.

Носов 1990 – *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

Покровская 1999 – *Покровская Л.В.* Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Розанова 1994 – *Розанова Л.С.* К вопросу о технологических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладоги в докняжеский период // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.

Рябинин 1985 – *Рябинин Е.А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

Седова 1979 – *Седова М.В.* Скандинавские древности из раскопок в Новгороде // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. Петрозаводск, 1979.

Arrhenius 1970 – *Arrhenius B*. Knivas fran Helgo och Birka // Fornvanner. N 65. 1970.

Arrhenius 1989 – *Arrhenius B*. Arbeitsmesser aus den Gräbern von Birka // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stokholm, 1989.

Blakelock, McDonnell 2007 – *Blakelock E., McDonell J.G.* A review of metallographic analyses of early medieval knives // Historical Metallurgy. 41 (1). London, 2007.

Blakelock et al. 2008 – *Blakelock E., McDonell J.G., Mulrooney J. and Wallace P.* Manufacture and use of iron knives from Viking Dublin, Ireland // Early iron in Europe. Prehistoric, roman and medieval iron production. International conference. Hütterberg, 2008.

Hošek, Meduna 2011 – *Hošek J. and Meduna P.* Metallography of knives from the medieval village of Hrdlovka and the burial ground of Zlončice, Bohemia // The archaeometallurgy of iron. Prague, 2011.

McDonell 1984 – *McDonnell J.G*. The Metallurgy of Anglo-Scandinavian Knives // The Crafts of the Blacksmith. Belfast, 1984.

Nosek 1991 – *Nosek E*. Forging of high phosphorus iron // Materiały archeologiczne. XXVI. Kraków, 1991.

Ottaway, Rogers 2002 – *Ottaway P., Rogers N*. Craft, Industry and Everyday Life: Finds from Medieval York // The Archaeology of York. 17/15. Dorchester, 2002.

Piaskowski 1980 – *Piaskowski J.* Technika Gdańskego hutnictwa i kowalstwa żelaznego X–XIV w. na podstawie badań metaloznawczych // Gdańsk wczesnosredniowieczny. Gdańsk, 1980.

Pleiner 1967 – *Pleiner R*. Die Technologie des Schmiedes in der Großmährischen Kultur // Slovenská archeologia. XV-1. 1967.

Starley 2002 – *Starley D*. Metallographic examination // Ottaway P., Rogers N. Craft, Industry and Everyday Life: Finds from Medieval York. The Archaeology of York. 17/15. Dorchester, 2002.

Tylecote 1992 – *Tylecote R.F*. A History of Metallurgy. London, 1992.

REFERENCES

Arbman 2006 – *Arbman H.* Vikingi [Vikings], Moscow, 2006 [in Russian].

Arrhenius 1970 – *Arrhenius B*. Knivas fran Helgo och Birka [Knives from Helgo and Birka], in: Fornvanner, N 65 [in Swedish].

Arrhenius 1989 – *Arrhenius B*. Arbeitsmesser aus den Gräbern von Birka [Knives from the graves of Birka], in: Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde [Systematic analysis of the grave findings], Stokholm, 1989 [in German].

Blakelock, McDonnell 2007 – *Blakelock E., McDonell J.G.* A review of metallographic analyses of early medieval knives, in: Historical Metallurgy, 41 (1), London, 2007 [in English].

Blakelock et al. 2008 – *Blakelock E., McDonell J.G., Mulrooney J. and Wallace P.* Manufacture and use of iron knives from Viking Dublin, Ireland, in: Early iron in Europe. Prehistoric, roman and medieval iron production. International conference, Hütterberg, 2008 [in English].

Davidan 1970 – *Davidan O.I.* O vremeni poyavleniya tokarnogo stanka v Staroy Ladoge [About the date lathe was appeared in Staraya Ladoga], in: Arkheologicheskiyi sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Miscellany of State Hermitage], 1970, № 12 [in Russian].

Davidan 1977 – *Davidan O.I.* K voprosu ob organizacii kostereznogo remesla v drevney Ladoge [To a question of carving craft foundation in ancient Ladoga], in: Arkheologicheskiyi sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Miscellany of State Hermitage], 1977, № 18 [in Russian].

Davidan 1970 – *Davidan O.I.* Etnokulturnye kontakty Staroy Ladogi v VIII–X vekov [Staraya Ladoga's ethno-cultural contacts in 8-10 cc.], in: Arkheologicheskiyi sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Miscellany of State Hermitage], 1985, № 27 [in Russian].

Hošek, Meduna 2011 – *Hošek J. and Meduna P.* Metallography of knives from the medieval village of Hrdlovka and the burial ground of Zlončice, Bohemia, in: The archaeometallurgy of iron, Prague, 2011 [in English].

Kirpichnikov 1979 – *Kirpichnikov A.N.* Ladoga i ladozhskaya volost' v period rannego srednevekovya [Ladoga and Ladoga region in early Middle Ages], in: Slavyane i Rus' [Slavs and Rus'], Kiev, 1979 [in Russian].

Kirpichnikov 2002 – *Kirpichnikov A.N.* Velikiy Volzhskiy put' i evraziyskie torgovye svyazi v epokhu rannego srednevekovya [The Grate Volga rout and Euro-Asia trade connections in the early Middle Ages], in: Ladoga i eye sosedi v epokhu srednevekovya [Ladoga and its neighbors in the Middle Ages], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Kolchin 1953 – *Kolchin B.A.* Chernaya metallurgiya i metelloobrabotka v Drevney Rusi (domongolskiy period) [Ironmaking and ironworking in Ancient Rus' (pre-mongol time)], in: Materialy i issledovanija po arheologii SSSR [Materials and researches on archaeology], № 32, Moscow, 1953 [in Russian].

Kolchin 1959 – *Kolchin B.A.* Zhelezoobrabatyvayushchee remeslo Novgoroda Velikogo [The ironworking of Grate Novgorod], in: Materialy i issledovanija po arheologii SSSR [Materials and researches on archaeology], № 65, Moscow, 1959 [in Russian].

Lebedev 1977 – *Lebedev G.S.* Arkheologicheskie pamyatniki Leningradskoy oblasti [Archaeological sites of Leningrad region], Leningrad, 1977 [in Russian].

Lebedev 1985 – *Lebedev G.S.* Epokha vikingov v Severnoy Evrope [Viking epoch in Northern Europe], Leningrad, 1985 [in Russian].

Leontyev 1996 – *Leontyev A. E.* Arkheologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoy Rusi [Archaeology of Merya. To early history of Northern-East Rus'], Moscow, 1996 [in Russian].

McDonell 1984 – *McDonnell J.G*. The Metallurgy of Anglo-Scandinavian Knives, in: The Crafts of the Blacksmith, Belfast, 1984 [in English].

Minasyan 1980 – *Minasyan R.S.* Chetyre gruppy nozhey Vostochnoy Evropy epokhi rannego srednevekovya [Four groups of Eastern Europe Early Medieval knives], in: Arkheologicheskiyi sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Miscellany of State Hermitage], 1980, № 21 [in Russian].

Nosek 1991 – *Nosek E*. Forging of high phosphorus iron, in: Materiały archeologiczne [Archaeological materials], XXVI, Kraków, 1991 [in English].

Nosov 1990 – *Nosov E.N.* Novgorodskoe (Ryurikovo) gorodichshe [Ryurik hill fortress near Novgorod], Leningrad, 1990 [in Russian].

Ottaway, Rogers 2002 – *Ottaway P., Rogers N*. Craft, Industry and Everyday Life: Finds from Medieval York, in: The Archaeology of York, 17/15, Dorchester, 2002 [in English].

Piaskowski 1980 – *Piaskowski J.* Technika Gdańskego hutnictwa i kowalstwa żelaznego X–XIV w. na podstawie badań metaloznawczych [The technique of Gdansk smelting and forging iron X-XIV cc. on the basis of metallurgy], in: Gdańsk wczesnosredniowieczny [Medieval Gdansk], Gdańsk, 1980 [in Polish].

Pleiner 1967 – *Pleiner R*. Die Technologie des Schmiedes in der Großmährischen Kultur [The technology of the blacksmith in the Great Moravian culture], in: Slovenská archeologia [Slovenes' archaeology], XV-1 [in German].

Pokrovskaya 1999 – *Pokrovskaya L.V.* Yuvelirnye ukrasheniya Novgoroda X–XI vv. (po materialam Nerevskogo i Troickogo haskopov) [Novgorod jewelry of X-XI cc. (at Nerevsky and Troitsky excavation areas materials)], in: Veliky Novgorod v istorii srednevekovoy Evropy [Veliky Novgorod in the history of medieval Europe], Moscow, 1999 [in Russian].

Rozanova 1994 – *Rozanova L.S.* K voprosu o tekhnologixtskikg priemakh izgotovleniyz zheleznykh izdeliy iz Staroy Ladogi v doknyazheskiy period [On the question of technological methods of producinging iron artefacts from Staraya Ladoga in pre-prince period], in: Novgorodckie arkheologicheskie chteniya [Novgorod archaeological conference], Novgorod, 1994 [in Russian].

Ryabinin 1985 – *Ryabinin E.A.* Novye otkrytiya v Staroy Ladoge (itogi raskopok na Zemlyanom gorodichshe v 1973–1975 gg.) [New discoveries in Staraya Ladoga (the results of the excavations on the Zemlyanoy fortress hill in 1973-1975)], in: Srednevekovaya Ladoga. Novye arkheologicheskiya otkrytiya i issledovaniya [Medieval Ladoga. New archaeological discoveries and researches], Leningrad, 1985 [in Russian].

Sedova 1979 – *Sedova M.V.* Skandinavskie drevnosti iz raskopok v Novgorode [Scandinavian antiquities from excavations in Novgorod], in: VIII Vsesoyuznaya konferenciya po izucheniyu istorii, ekonomiki, yazyka i literatury skandinavskikh stran i Finlandii [VIII All-Union conference on the study of history, economics, language and literature of Scandinavian countries and Finland], Vol. 1, Petrozavodsk, 1979 [in Russian].

Starley 2002 – *Starley D*. Metallographic examination, in: Ottaway P., Rogers N. Craft, Industry and Everyday Life: Finds from Medieval York. The Archaeology of York, 17/15, Dorchester, 2002 [in English].

Tylecote 1992 – *Tylecote R.F.* A History of Metallurgy, London, 1992 [in English].

Zavyalov, Rozanova, Terekhova 2008 – *Zavyalov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N.* Rol' Baltiysko–Volzhskogo puti v rasprostranenii tekhnologicheskih innovaciy [The role of the Baltic-Volga route in the diffusion of technological innovations], in: Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale [The pproceedings of the II (XVIII) All-Russian archaeological congress in Suzdal], Vol. II, Moscow, 2008 [in Russian].

Zavyalov, Rozanova, Terekhova 2012 – *Zavyalov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N.* Tradicii i innovacii v proizvodstvennoy kulture Severnoy Rusi [Traditions and innovations in the production culture of Northern Rus'], Moscow, 2012 [in Russian].

Завьялов Владимир Игоревич – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

Zavyalov Vladimir – Doctor of historical sciences, lead research associate at the Laboratory of Natural Sciences Institute archaeology RAS.

E-mail: v_zavyalov@list.ru

Терехова Наталия Николаевна – Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

Terekhova Natalia – Candidate of historical sciences, senior research associate at the Laboratory of Natural Sciences Institute archaeology RAS.

E-mail: mail@histformat.com

УДК 904+902

КАМЕННЫЕ ХРАМЫ ЗАПАДНЫХ И БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН ДОХРИСТИАНСКОЙ ЭПОХИ

А.В. Виноградов
Елабужский институт Казанского федерального университета
Россия, 423604, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89
e-mail: AndreiVinogradov@gmail.com
SPIN-код: 6384-0336

Авторское резюме

Славянские языческие культовые места, как правило, располагались под открытым небом и представляли собой природные объекты, жертвенные площадки и капища. К рубежу X-XI вв. у западных славян широкое распространение получили языческие храмы. На сегодняшний день сохранился ряд источников, позволяющих утверждать, что храмы строились не только из дерева, но и из камня. Так, известно, что один из каменных храмов славян-язычников существовал в городе Ютробоге (территория современной Германии). Вероятно, аналогичные строения были также в городах Любусе и Мейссене. На основании имеющихся свидетельств, перевод которых на русский язык публикуется впервые, автором описывается их конструкция, предназначение, место среди языческих священных мест западных и балтийских славян.

Ключевые слова: западные славяне, балтийские славяне, культовая архитектура, славянское язычество.

STONE TEMPLES OF WESTERN AND BALTIC SLAVS OF THE PRE-CHRISTIAN ERA

Andrei Vinogradov
Elabuga Institute of Kazan Federal University
89 The Kazan Avenue, Yelabuga, 423604, Russia
e-mail: AndreiVinogradov@gmail.com

Abstract

Slavic pagan places of worship were usually located outdoors, representing objects of nature, ceremonial sacrificial sites and sites with figures of ancient gods. By the turn of the 10th – 11th centuries, pagan temples became widespread in Western Slavic territory. A number of extant historical sources suggest that the pagan temples were built not only of wood but also of stone. One of those pagan Slav stone temples existed in the city of Jüterbog (in the territory of modern Germany) and was dedicated to the goddess of dawn. There are many reasons to believe that similar cult buildings were present in the towns of Lubus and Meisson. Having analyzed available evidence, the translation of which is published in Russian for the first time, the author described the temples' design, use and standing among other pagan holy places of the Western and Baltic Slavs.

Keywords: Western Slavs, Baltic Slavs, religious architecture, Slavic paganism.

* * *

Согласно данным большинства письменных и археологических источников, местами отправления языческого культа у славян преимущественно являлись жертвенные площадки, капища и природные объекты, располагавшиеся под открытым небом. Ряд исследователей полагали, в связи с этим, что сооружение храмов было изначально несвойственно славянским народам, и традиция их строительства была заимствована западными славянами у кельтов. Дальнейшее изучение языческих культовых мест показало, что храмы – закрытые помещения, в которых стояли идолы – были распространены в различных частях славянского мира (Русанова, Тимощук 2007: 52-54); обычно они были деревянными и строились из вертикально стоящих бревен.

Однако есть основания полагать, что на рубеже I и II тысячелетий н.э. дерево перестало быть единственным возможным материалом для строительства языческих храмов: ряд источников сообщает о каменных культовых постройках, которые сохранялись на протяжении длительного времени, что позволило современникам подробно описать их внешний вид и назначение.

Одним из немногих отечественных исследователей о существовании каменных языческих храмов у славян упоминал И.И. Срезневский. В своей книге «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян» (1846) он так комментирует свидетельство Аль Масуди об отверстиях в кровле языческих храмов: «Это (*свидетельство – А.В.*) тем вероятнее, что недавно еще, в последние годы прошлого столетия, существовал в Силезском городе *Любусе* (Leubus) (*каменный – А.В.*) храм, относимый знатоками к языческому времени, в котором святилище покрыто было полукруглым сводом, а под ним помещались хоры, так что все вместе имело вид купола…» (Срезневский 1846: 48-54).

Указав на свидетельства живших в XIX столетии потомков балтийских славян из Мекленбурга и Померании о том, что их предки строили храмы из «огромных камений», И.И. Срезневский продолжает: «Не одни подобные предания и слухи доказывают, что храмы были строимы и из камня: кое-где еще недавно видны были и остаются до сих пор остатки языческой каменной постройки. Так в Саксонском городе Ютробог был еще в XVI веке храм языческий, построенный из камня со сводом, низкою дверью и отверстием против солнечного восхода. Так и в Силезском городе *Любусе* был храм, построенный из камня со сводом, и пол был в нем устлан кирпичем, а стены так крепки, что когда их снимали, то надобно было взрывать порохом. Кладбищенская церковь на горе Мартынской, близ Мейсена в Саксонии, переделана из старинного языческого храма, что доказывается, по мнению Клемма, ее странной формой, и ее положением. Немцы думают, что эти и подобные остатки суть остатки языческих храмов Германцев; но ни местности, где их встречаем, ни сведения, какие нам остались о храмах Германцев, не позволяют доходить до подобного заключения» (Срезневский 1846: 50-54).

Это ценное указание Срезневского не получило глубокого анализа среди последующих исследователей славянского язычества. Вместе с тем, его суждения о славянской принадлежности упомянутых храмов не лишены оснований: в современной немецкой историографии славянское происхождение города Ютробог

не вызывает сомнений, как и факт существования в нем культовой языческой постройки.

Описание Ютробогского храма (рис. 1) оставил Саксон Грамматик в «Деяниях Датчан»: согласно ему, божество здесь почиталось образе первого солнечного луча, без каких бы то ни было материальных изображений. С этим согласуется и свидетельство диакона Ганеманна, цитируемое Вагнером (Wagner 1828: 63). Поскольку этот труд не был переведен с немецкого на русский язык, позволим себе привести здесь собственный перевод обширного отрывка, проливающего свет на конструкцию и историю храма:

«В Ютербогке, в низине, на искусственно возведенном пригорке стоял храм богини зари, который, судя по описанию и существующему виду, был настолько мал, что внутри невозможно было установить какой-либо идол, провести богослужение с допущением хотя бы незначительной группы людей. Об этом говорит и диакон Ганеманн в своей "Праздничной проповеди" 1617 г: "На языческие истоки возникновения города указывает древний храм, который был разрушен около 40 лет назад, и в котором должны были проходить языческие богослужения в честь богини зари. Этот храм, стоявший на рыночной площади, у каменного креста – представлял собой квадрат в длину, ширину и высоту, выполненный из красного кирпича, с четырехугольной заостренной кверху крышей над крестовым сводом. Дверной проем с западной стороны был низковат, так что при входе надо было наклоняться. Не было и окон – только круглое отверстие с прочной железной решеткой, выходившее на восток, как раз в направлении восхода солнца на равноденствие. Отверстие в стене было большое, как основание бадьи, так что свет мог попадать внутрь. Это описание я слышал от многих людей, которые до сих пор живы". При доскональном изучении вещей выясняется, что установить в храме идол было совершенно невозможно, так как в целом по описанию это было темное помещение, более того – нора без застекленных просветов, куда попадало мало света, так что все величие всегда оставалось в сумраке. К чему идол, которого не было видно? К тому же, вход был обустроен таким образом, что было очень трудно заглянуть или зайти в храм. В помещении не было окон, только одно круглое отверстие, сделанное как раз в направлении восхода солнца. Отсюда становится ясным, что в основе обустройства храма лежит ни что иное, как стремление представить богиню зари во всем ее величии, насколько это было возможным, и почитать ее как бога без видимого образа...» (Wagner 1828: 63).

Слова диакона Ганеманна, цитируемые многими немецкими исследователями истории Ютробога славянского периода, вызывают доверие, поскольку перекликаются со свидетельством Саксона Грамматика. Сомнительны комментарии самого Вагнера, особенно в отношении «идола, которого не было видно»: случаи почитания намеренно скрытых от глаз большинства идолов у балтийских славян известны. Кроме того, Вагнер противоречит своему предшественнику Экхарду, ссылающемуся на хронику Хитреуса (перевод наш): «Вероятно, это светило (*Солнце – А.В.*) и место его первого появления под именем Ютробога было для них (*лужичан – А.В.*) священным… Не тот ли он (*идол Утробога/Ютробога – А.В.*) вид имел, какой засвидетельствован "Саксонской хроникой": "Держали перед собой идола,

означающего Солнце, испускающего лучи от лица, с огненным кругом на груди"?» (Wagner 1828: 64). «Ютробога единогласно почитали добрым богом. Кроме того, есть стойкая традиция древних о том, что язычники в некоем храме, сооруженном из камня, где окна глядели на восток, почитали Зарю и часто наблюдали приход бога» (Ekhard 1842: 177).

Рис. 1. Реконструкция внешнего вида храма в Ютробоге на основании описания диакона Ганеманна. Худ. А. Воеводина.

Интересно, что Экхард говорит о каменном храме Утробога, ссылаясь при этом не на свидетельство диакона Ганеманна, которое ему, очевидно, было неизвестно, а на «стойкую традицию древних», что говорит о независимости его свитетельства. Таким образом, целый ряд источников свидетельствует о том, что в Ютробоге существовал каменный языческий храм, посвященный Утробогу, с прорезью для наблюдения восхода Солнца, разрушенный только в последней трети XVI в. Этот храм, очевидно, занимал важное место в числе святынь славянских племен, проживавших на Балтийском побережье, поскольку Ютробог являлся центром Ютробожской волости земли стодорян (Гильфердинг 2010: 106, 286). Как и другие города западных и балтийских славян, Ютробог объединял в себе функции не только административного и политического, но также и религиозного центра.

Свидетельства о других храмах, упоминаемых Срезневским, намного более сомнительны и расплывчаты. В книге Бюшинга (Büsching 1775: 198), на указанных Срезневским страницах, не говорится ничего о каменном языческом храме в Любусе, но похожую легенда содержится в английском журнале за 1849 г.: «Любус, недалеко от Бреслау, сам по себе мал и ничтожен, но (*располагавшийся в нем – А.В.*) монастырь был одним из самых известных в Силезии. Когда северо-восточную часть этой страны населяли свевы, как говорят, на месте будущего монастыря стоял храм бога войны. Священное здание (*монастырь – А.В.*) обязано своим происхождением герцогу Казимиру I Польскому, имевшему высокое мнение о благочестии монахов...

Чтобы предоставить им подходящее жилье, он основал два монастыря, один под Краковом, а другой в Любусе, и приказал взорвать старый языческий храм, чтобы освободить место под монастырь. Это было сделано в 1053 году, когда язычество еще не совсем исчезло в Силезии» (Legends 1849: 460).

Клемм, немецкий историк, также пишет о храме в Любусе и упоминает церковь в Мейссене (современный немецкий город *Meißen*, западнослав. *Mišno*), которая была прежде, по его мнению, языческим храмом: «Монастырь Ленбус (*Любус – А.В.*) был основан в 1052 году; М.Х. Штифф видел церковь в ее первоначальном строении в 1704 году и описал ее: "Идол, должно быть, замурован под лестницей хозяйственной постройки. На месте древней церкви располагалась церквушка при Сагане, которая представляла собой часто посещаемый языческий храм". Здесь я обращаю внимание на древнюю часовню при кладбище, расположенную на горе Мартина около Мейсена. Само положение – напротив гигантских камней, на такой ощутимой высоте, вблизи источника – и необычная конструкция приводят к мысли о том, что эта церковь была построена на языческом основании и что здесь прежде было местопребывание богов. Раскопки, насколько мне известно, здесь еще не проводились» (Klemm 1836: 342).

Что касается предполагаемых каменных храмов в Любусе и Мейссене, то подтвердить или опровергнуть указание И.И. Срезневского на факт их существования и славянскую принадлежность могли бы только полевые археологические исследования. Однако представляется весьма вероятным, что каменный языческий храм, принадлежавший славянам, просуществовал вплоть до 70–80–х гг. XVI столетия в Ютробоге. Это позволяет поставить вопрос о существовании у балтийских и западных славян каменной культовой архитектуры, возникшей накануне христианизации.

ЛИТЕРАТУРА

Гильфердинг 2010 - *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. М., 2010.

Русанова, Тимощук 2007 - *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М.: Ладога-100, 2007.

Срезневский 1848 - *Срезневский И.И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков: Университетская типография, 1846.

Büsching 1775 - *Büsching A.F.* Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen. Dritter Jahrgang. Berlin, 1775.

Ekhard 1842 - *Ekhard.* Script. rerum Juterboc // Hanusch I.J. Die Wissenshaft des Slawischen Mythus. Wien, 1842.

Klemm 1836 - *Klemm G.F.* Handbuch der germanischen Alterthumskunde. Dresden, 1836.

Legends 1849 - Legends of Leubus // The New Monthly Magazine. 1849. Vol. 86.

Wagner 1828 - *Wagner F.A.* Die Tempel und Pyramiden der Urbewohner auf dem rechten Elbufer, unweit dem Ausfluss der schwarzen Elster. Leipzig: C.H.F. Hartmann, 1828.

REFERENCES

Büsching 1775 - *Büsching A.F.* Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen. Dritter Jahrgang [Weekly news from the new country charters, geographical, statistical and historical books and stuff. Third year], Berlin, 1775 [in German].

Ekhard 1842 - *Ekhard.* Script. rerum Juterboc (1732) [Monuments of Juterbog (1732)], in: Hanusch I.J. Die Wissenshaft des Slawischen Mythus [Description of Slavic mythology]. Wien, 1842 [in German].

Gil'ferding 2010 - *Gil'ferding A.F.* Istoriya baltiyskikh slavyan [The history of Baltic Slavs], Moscow, 2010 [in Russian].

Klemm 1836 - *Klemm G.F.* Handbuch der germanischen Alterthumskunde [Handbook of Germanic antiquities], Dresden, 1836 [in German].

Legends 1849 - Legends of Leubus // The New Monthly Magazine, 1849, Vol. 86 [in English].

Rusanova, Timoshchuk 2007 - *Rusanova I.P., Timoshchuk B.A.* Yazycheskie svyatilishcha drevnih slavyan [Pagan sanctuaries of ancient Slavs], Moscow, Ladoga-100 Publ., 2007 [in Russian].

Sreznevskiy 1846 - *Sreznevskiy I.I.* Svyatilishcha i obryady yazycheskogo bogosluzheniya drevnikh slavyan [Sanctuaries and rites of pagan worships of ancient Slavs], Kharkiv, University typography Publ., 1846 [in Russian].

Wagner 1828 - *Wagner F.A.* Die Tempel und Pyramiden der Urbewohner auf dem rechten Elbufer, unweit dem Ausfluss der schwarzen Elster [The temples and pyramids of the natives on the right bank, near the outflow of the black Elster], Leipzig, C.H.F. Hartmann Publ., 1828 [in German].

Виноградов Андрей Владиславович – Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института Казанского федерального университета (Елабуга, Россия).
Vinogradov Andrei – candidate of historical sciences, senior teacher of department of general and national history of Institute Elabuga Institute of Kazan Federal University (Yelabuga, Russia).
E-mail: AndreiVinogradov@gmail.com

УДК 929.659

«СТРАДАНИЕ МУЧЕНИКОВ, ПОКОЯЩИХСЯ В ЭБСТОРФЕ» И «ИСТОРИЯ МУЧЕНИКОВ, УБИТЫХ В ГАМБУРГЕ»

А. Пауль
Российско-немецкий исторический семинар (Любек, Германия)
e-mail: andrej.paul@gmx.de
Scopus Author ID: 56330641300
SPIN-код: 7859-7721

Авторское резюме

В статье приводится первая для русскоязычных изданий публикация текста двух списков малоизвестного позднесредневекового западноевропейского источника «Страдание мучеников, покоящихся в Эбсторфе» или «История мучеников, убитых в Гамбурге» на латинском и первый русский перевод этих текстов, выполненный переводчиком И.В. Дьяконовым. Публикации обоих источников предшествует вступительная статья А. Пауля с основной информацией об истории нахождения, публикаций и датировок этих текстов.

Ключевые слова: источники, позднее Средневековье, Гамбург, Эбсторф, ободриты, саксы.

«SUFFERING OF THE HOLY MARTYRS RESTING IN EBSTORF» AND «HISTORY OF THE MARTYRS KILLED IN HAMBURG»

Andreas Paul
The Russian-German Historical Seminar (Lübeck, Germany)
e-mail: andrej.paul@gmx.de

Abstract

The article provides two sources in Latin of the little-known late medieval Western European manuscript: Passio Sanctorum Martirum Ebbekestorp Quiescensium, Que Est Kalendis Augusti (Suffering of the Holy Martyrs Resting In Ebstorf) and Historia Martirum Interfectorum In Hamborgh (History of the Martyrs Killed in Hamburg), as well as their first Russian translation by Igor Dyakonov. The texts of both sources are preceded by an introductory article by A. Paul with information about their discovery, dating, and publications.

Keywords: manuscripts, late Middle Ages, Hamburg, Ebstorf, Obodrites, Saxons.

* * *

«*Страдание мучеников, покоящихся в Эбсторфе*» и «*История мучеников убитых в Гамбурге*» – два варианта позднесредневекового источника, вобравшего в себя несколько исторических и религиозных сюжетов. В некотором роде их можно назвать сборником гамбургских легенд XII-XIV вв.

Сюжет источника повествует о противостоянии славян-язычников и новообращённых христиан в Нордальбингии и её столице Гамбурге во времена Каролингов и является компиляцией сразу нескольких ранне- и позднесредневековых преданий. На первый взгляд, переданный ход событий кажется путанным, если не прямо фантастическим. Однако в свете уже проведённых исследований есть основания утверждать, что речь здесь идёт вовсе не о пустом вымысле. Источник действительно сложен для понимания без обширных сопроводительных комментариев, но представляется редким и очень ценным свидетельством по ранней истории славянско-немецких отношений в нижнем течении Эльбы, в особенности IX-XI вв.

В настоящее время известно две независимых друг от друга и восходящих к более ранним спискам рукописи – Падеборнская и Вольфенбюттельская – впервые полностью опубликованные Х. Хартхаузеном в 1966 году. Несмотря на сильно различающиеся названия и объём текста двух рукописей, в обоих случаях речь идёт об одном и том же источнике, в двух его разных вариантах. Точнее, о разных вариантах пересказа одного и того же более раннего источника. Далее, для удобства повествования, и в силу того, что у источника ещё нет сложившегося русскоязычного названия (в немецкоязычной историографии для него также применялось несколько вариантов названий: «Страдание», «легенда о мучениках», «легенда об эбсторфских мучениках» и т.д., под которыми подразумевались одновременно сразу оба списка), в этой краткой вступительной статье кажется более удобным использовать название «Страдание гамбургских мучеников» или просто «Страдание» для тех случаев, когда речь идёт о вопросах, затрагивающих обе рукописи. В тех же случаях, когда речь будет идти только об одной из рукописей, указывать её как «Вольфенбюттельская/ Падеборнская рукопись», следуя за немецкоязычной историографией и не имея возможности рассматривать здесь этот вопрос более подробно.

Впервые опубликовавший «Страдание» Х. Хартхаузен датировал время записи обоих рукописей концом XIV – началом XV вв или самым их рубежом. При этом он считал Падеборнскую рукопись более древней, датируя её временем около 1400 г. Подготовивший восемью годами позднее первый их немецкий перевод Б. Гатц также датировал запись обоих рукописей рубежом XIV и XV вв., однако, считая более древней напротив Вольфенбюттельскую рукопись (*Gatz B.* Das Leiden der heiligen Märtyrer, die in Ebstorf ruhen // Uelzener Beiträge. 5. 1974. S. 33-80). Дальнейшие исследования показали, что оба исследователя ошиблись, исходя из неверной датировки впервые упоминающей легенду об эбсторфских мучениках Хроники Верденских епископов. Первым на это обстоятельство указал Й. Стржельчик (*Strzelczyk J.* Meszennicy ebstorfcy – dzieje ksztaltowania sie jednej legendy // Slavia Occidentalis. Posen, 1971, s. 260-267). Учтя эти недочёты и обратив внимание на несколько специфичных, употребляемых в Хронике Верденских епископов и «Страданиях» терминов, Э. Хейкен пришёл к выводу, что большая часть эбсторфской легенды, послужившей источником для компиляций Падеборнской и Вольфенбюттельской рукописей, должна была быть записана в середине XIII века (позже 1243 г., в районе 1250 г.) (*Heyken E*. Die Ebstorfer Märtyrerlegende nach der Dresdener Handschrift des Chronicon Episcoporum Verdensium aus der Zeit um 1331 //

Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte, Hildesheim: Lax, Bd. 46/47 (1974/75), S. 1-22). Так как основная аргументация Хартхаузена в пользу 1400 года строилась на принятии схемы, по которой обе рукописи должны были быть написаны вскоре после возникновения легенды (которое он, в свою очередь, датировал 1380 г.), в свете новых данных эта датировка также должна быть пересмотрена. Точная дата пока представляются открытым вопросом.

Сложнее, чем Падеборнскую, датировать Вольфенбюттельскую рукопись. Начало её идентично началу Падеборнской. В издании Хартхаузена эта общая часть помечена римской цифрой I. Далее (под цифрой II в издании) повествование обоих рукописей начинает то заметно различаться, явно происходя из разных источников, то снова становиться идентичным. При этом часть рассказа в одном из таких «индивидуальных» отрывков Вольфеньюттельской рукописи не сохранилась. Датировку Вольфенбюттельской рукописи усложняет то обстоятельство, что в ней отсутствуют части III и IV Падеборнской рукописи, для которых Хейкен предлагал датировки после 1331 г. (III) и около 1250 г. (IV). Таким образом, Вольфенбюттельская рукопись действительно вполне могла быть древнее Падеборнской, как это обосновывал Б. Гатц.

Не менее сложно дело обстоит с датировками отдельных сюжетов «Страдания». Как и было отмечено выше, источники представляют собой фактически компиляцию текстов, повествующих о чудесах и мученичестве различных церковных деятелей, действовавших на территории Гамбургской епархии и прилегающих к ней регионов в нижнем течении Эльбы. Частично они должны были быть переписаны из письменных источников (в этой связи следует обратить особое внимание как на то обстоятельство, что Падеборнская рукопись уже содержит две версии истории о гамбургских мучениках, записанные следом друг за другом, так и на наличие независимых отрывков во II частях обоих рукописях), а частично могли представлять первую запись устных легенд (в особенности IV часть Падеборнской рукописи).

При этом некоторые из сюжетов должны были сложиться уже в IX-XI вв. и передаваться в раннем Средневековье изначально в устном виде, указания на что можно найти в Ксантенских, Фульдских и Кведлинбургских анналах, хрониках Адама Бременского и Гельмольда. Уже первыми исследователями была отмечена известность по другим источникам большинства из сюжетов «Страдания» самих по себе, вместе с путаницей в хронологии и деталях, как и компилятивном характере источника. Большая работа по выявлению источников отдельных сюжетов была проведена уже Хартхаузеном и остаётся актуальной до сих пор, не смотря на ошибку в датировке. На основании собственных исследований мотивики, идеологии и символики «Страдания», как и связей данного источника с Песней о Роланде, Гатц датировал окончательное сложение предшествовавшей письменной записи устной версии легенды второй половиной XII века.

На наш взгляд, эти наработки можно продолжить анализом славизмов и поиском источников славянских сюжетов «Страдания». Подобные попытки уже известны в историографии – первым на незамеченную немецкими исследователями связь источника со славянским прошлым главных мест сложения легенды (Гамбург и

Нордальбингия / Эбсторф и Барденгау) обратил внимание уже Й. Стржельчик (*Strzelczyk J.* Die Legende von den Ebstorfer Märtyrern als Zeugnis über die politischen und ethnischen Verhältnisse in Nordostdeutschland im Mittelalter // Lětopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung. Reihe B. Nr. 18/1, Volkseigener Verlag Domowina, Bautzen, 1971, S. 64-79). Современный уровень изучения славянской истории данных регионов позволяет продолжить и значительно расширить его наработки, подтвердив верность выбранного направления. Однако, в виду большого объёма материала, такой разбор кажется уместнее разместить в виде отдельной работы. По этой же причине кажется уместным опубликовать в виде отдельной статьи и подробный разбор источников и аргументации датировок. Здесь же ограничимся приведением лишь краткой информации о самих рукописях, местах их находок и публикацией оригинального латинского текста и его русского перевода.

Лучше сохранившаяся и более подробная из двух известных рукописей хранится в королевской библиотеке Брюсселя (Codex Bruxellensis No. 7503-18) и помещена в 283-страничном сборнике житий святых, под номером 32, на листах 201-208, под заголовком *Passio sanctorum martirum Ebbekestorp quiescensium, que est kalendis Augusti* («Страдание святых мучеников, покоящихся в Эбсторфе, которое имело место 1 августа»). Х. Хартхаузен датирует этот список концом XIV или рубежом XIV и XV вв. Рукопись была подарена в 1612 году иезуитской общиной города Падеборн, а во второй половине XVII века попала в библиотеку Антверпена, в следствии чего эта рукопись и получила имя «Падеборнской». Текст её состоит из четырёх частей (I-IV), разделённых между собой инициалами. Следуя за изданием Х. Хартхаузена, в русском переводе мы также помечаем эти части римскими цифрами. В комментариях эта рукопись указывается как **P**.

Вторая рукопись хранится в библиотеке герцога Августа в городе Вольфенбюттель (Codex Guelferbytanus No. 257 Helmst.) в 408-страничном сборнике религиозных трактатов и житий святых, предположительно попавшем из монастыря города Хеннинген в город Хельмштедт. Текст помещён в этом сборнике на листах 379-383 под заголовком Historia martirum interfectorum in Hamborgh («История мучеников, убитых в Гамбурге»). Вольфенбюттельская рукопись датируется Хартхаузеном XV веком, а содержание её в общем соответствует содержанию лишь первых двух частей Падеборнской рукописи (I-II). Различающиеся фрагменты обоих рукописей во II части приводятся параллельно. В комментариях эта рукопись указывается как **W**.

Латинский текст приводится по изданию: *Harthausen H.* Die Normanneneinfalle im Elb- und Wesermundungsgebiet mit besonderer Berucksichtigung der Schlacht von 880. Hildesheim, 1966. S. 218-244. Комментарии к нему на немецком языке принадлежат Х. Хартхаузену.

Перевод на русский язык выполнен И.В. Дьяконовым с латинского текста упомянутого выше издания Х. Хартхаузена. Комментарии на русском языке принадлежат И.В. Дьяконову.

Incipit passio sanctorum martirum Ebbekestorp quiescencium, que est kalendis Augusti[1]

I

Alacrius solito magno regi gencium Christo iubilando concinnat sancta mater ecclesia de sanctorum martirum victorioso triumpho, in quibus inter ceteras humane felicitatis mansuetudines tamquam matutinum sidus irradiauit integre fidei sinceritas. Quorum gloriosa merita et exemplaris vite decor in archanis membranarum receptaculis merito memorijs eternalibus reseruatur[2]*. Hij sunt astrorum lumina et lucerne tenebrarum Christi martires, de quibus in presenti historia laude digna recolitur memoria, quos in Germania circa flumen Albie*[3] *Christum confitentes gemina*[4] *strage gentilici sceleris dampnauit atrocitas. Horum fortitudinem quis describere posset, qui nec mortis terrore nec aliquibus, que ad istius sunt seculi decus reputata, trahi poterant a fidei constancia? Quis enim talium martirio non compateretur*[5]*, qui propter Christum pauperem de diuitibus pauperes et exules facti se omnibus periculis exposuerunt? Horum fama perhenniter vigeat*[6]*, quorum*[7] *multiplicium virtutum insignia et recolenda merita velut*[8] *sidera*[9] *choruscant viatoribus in orbe terrarum. Horum eciam memoriam celeberrimam libris extendere decorum est scriptoribus, honestum relatoribus*[10]*, ingeniosum effigiatoribus et pulchrum pictoribus, ex quo testamenta militaria sanguine proprio rutilancia fideliter agonizantes in acie fidei posteris reliquerunt.*

[1] *Historia martirum interfectorum in Hamborgh* W
[2] *reseruantur* P
[3] *Albee* W
[4] *gemina* fehlt W
[5] *comparareretur* falsch und sinnlos P
[6] *veniet vel viuet* W
[7] *ipsorumque* W
[8] *facie* W
[9] *siderea* W
[10] *zelatoribus* W

218

II

Hinc est quod[11]
in cronicis reperitur Karolus primus, qui magnus dictus est, vir christianissimus, verus dei cultor christianeque fidei zelator, defensor ac totis viribus propugnator, inter cetera, que commendabilia dei gracia suffragante perfecit, Saxoniam, Turingiam, Westfaliam, Hassiam, Frisiam, Slauoniam, Holtsaciam cum suis confinijs ad fidem catholicam doctrinis predicacionibus illuminatorum virorum pariter et armata manu conuertit, vt relictis erroribus perpetuis temporibus ipsam catholicam fidem non desererent, sed inuiolabiliter ipsam conseruarent. Post mortem vero prenominati Karoli magni, serenissimi imperatoris, quidam non veri Christiani sed falsi, precipue trans Albeam, quia potenti manu ad fidei christiane suscepcionem quodammodo compulsi sunt, suadente generis humani tociusque nostre salutis hoste crudelissimo susceptam fidem Christi relinquentes idola sua proiecta Hammon, scilicet Suentebueck[13]*, Vitelubbe, Radegast cum ceteris erexerunt et in loca sua pristina statuerunt et ut ante susceptam fidem relicto deo vero coluerunt. Hec facta sunt tempore Lodewici imperatoris filii Karoli magni, dum in Germanie finibus ecclesia nouello germine pullulauit, grauis inualuit Cristianorum persecucio, et specialiter ultra Albeam, ubi gentiles nacione Slaui terrarum fuerunt inhabitatores. Erantque duo castra tunc temporis in Hamborgh, quod antea Buchburi dicebatur, magna et robusta, unum in parte australi in loco illo, in quo nunc ecclesia sancte Marie est constructa, aliud vero in parte aquilonari circa stagnum, quod Afalstria*[12] *nuncupatur. Fuerunt eciam plures ciuitates, ville et fortalicia in conuicinio circumiacentes, videlicet Louenborgh, Ratzeborgh, antiqua Stargardia et Stetin et complures alie ciuitates et castra, quorum inquilini data fide inter se concordie federa iurauerunt statuentes, se mutuis auxiliis in quibuscumque incumbentibus subuenire, ut isto modo pacis gustata dulcedine terras suas in quiete possiderent et roboris eorum vnita virtute alienas naciones contra se insurgentes potencius debellarent.*

In illis diebus illud insigne miraculum accidit in Hamborgh.

---

[11] nach quod geben W und P voneinander abweichenden Wortlaut, mit *Hinc est quod* und dem Text von P setzt das in den *Script. Rer. Brunsvic.* abgedruckte sogenannte *Fragmentum* ein.

[12] *Af-* am Ende der Zeile, durchgestrichen?

[13] das t ist wie ein s geschrieben, aber auch das *Fragmentum* liest t.

219

post mortem Karoli, sicut profertur tempore Lodowici primi, qui Karoli filius fuit. Quam tamen apostosiam religiosi plures et seculares presbiteri deum timentes annis pluribus reclamantes[14] *ac viribus totis corripientes parum profecerunt, quia multis annis hec apostasia vicinis terris et regionibus occulta permansit et serenissimus imperator Lodewicus primus, veri dei cultor christianeque religionis amator, in Italia, Francia, Gallia ceterisque*[16] *superioribus partibus in hijs, que pertinent ad sancte matris ecclesie profectum, sollicitus perseueranter erat. Quo feliciter in domino defuncto filius eius, qui Lodewicus secundus dictus est, in imperio successit. Huius igitur temporibus apostatica malicia Slauorum trans Albeam lucidius apparuit et cepit lacius in vicinas partes ac prouincias diuulgari, quia tunc amplius correctiones et informaciones Christi sacerdotum contempserunt et armatis in eos manibus violenter irruere ceperunt. Erant tunc temporis in illis partibus plures ciuitates, Leuenborch scilicet, Razeborch, antiqua Stargardia, Stetdtyn cum ceteris opidis, castris et villis, quorum inquilini data fide pacis inter se concordieque federa iurauerunt statuentes sibi mutuis auxilijs quibus-*

Fuit quidam gentilis nacione Slauus, nomine Baruch, sanguine generosus, potencia sublimis et dominus castrorum in Hamborgh, qui uxorem habuit nomine Herinam[15]*, tyrannice prauitatis alumnam. Que hanc consultissimam et in eternum valituram catholice fidei assercionem, videlicet Mariam virginem sine virili semine concepisse et peperisse et post partum virginem permansisse, credidit temerandam, impossibile deo esse et nature pertinaciter affirmans. Volebas igitur, deus gloriosus, temerarium ausum et mentem sacrilegam huius nephande tiranne debite ulcionis acrimonia ceteris esse catholice legis contemptoribus in exemplum, ut punite transgressionis exemplar consimiles sceleratos dei retraheret ab offensa.*

Accidit autem, quod eadem mulier concepit et negante natura per duos annos[17]

Fortsetzung S. 222.

---

[14] *redarguentes Fragm.*
[15] kann auch *Hermam* gelesen werden, aber P verlangt *Herinam*.
[16] Enklitikon *-que* steht in P oft als einzelnes Wort; um Irrtümer zu vermeiden, benutzen wir hier die normale Schreibweise.
[17] nach *annos* bieten P und W wieder den gleichen Text.

220

cumque necessitatibus aut causis incumbentibus fortiter fideliterque subuenire, vt hoc modo pacis optata dulcedine retenta suas terras pacifice quieteque possiderent et roboris eorum diuulgata virtute naciones alienas insurgentes contra se potencius debellarent. Inter has autem ciuitates prenominatas et plures alias Hochburch tunc dicta[18]*, nunc Hamborch, de famosioribus fuit habens*[19] *duo magna et robusta castra, vnum in parte australi circa Albeam in illo loco, in quo nunc beate Marie virginis est fundata pariter et consecrata ecclesia, aliud vero in parte aquilonari circa flumen, quod Alstria nuncupatur. Eratque dominus istorum castrorum tociusque ciuitatis dux Barucht*[20]*, contoralisque sua dicebatur Herina, fueruntque pariter sanguine generosi gentilico*[21] *tamen ritu viuentes, potencia terrena sublimes*[22].

Horum temporibus istud insigne miraculum contigit in Hamborch deo mirabiliter disponente, quod ipsa ducis coniunx Herina, beate Marie virginis blasphematrix, catholice fidei contemptrix et impugnatrix, a viro suo conciperet, et errante natura pariterque negante per duos annos[23]

---

[18] *tunc dicta* fehlt *Fragm.*
[19] *habens* ist nicht verstanden worden im *Fragm.*, dafür Lücke gelassen.
[20] *Harucht Fragm.*
[21] *gentili Fragm.*
[22] hinter *sublimes* endet der Abdruck im *Fragmentum*. Es beginnt der Druck im *Catalogus Codicum Hagiographicorum.*
[23] Ende des Abdrucks im *Catalogus*, W setzt wieder ein.

221

in vtero conceptum[24] grauissimo[25] languore portauit. Postea dirupto vtero amarissima morte terminos vite conclusit, et filium monstruosum, in cuius membrorum disposicione natura locum perdidit, loquentem et ambulantem profudit. Qui biceps erat[26] et manus eius quasi pedes vituli figurate, oculos habuit terribiles et aures unius capitis apparatus azinini representauerunt effigiem, pedes habuit vrsinos et continuis motibus insistere saltibusque gaudebat. Mulieres et obstetrices hoc monstrum videntes[27] stupefacte sunt et patrem cum tota familia vocauerunt. Pater autem et omnes, qui aderant, anxij et luctuosi de morte vxoris et de huiusmodi nature defectu ingenito conquesti sunt, et singulorum sensus adeo meror hebetauit et obliuioni dati apertis oculis, quasi loquele beneficio essent priuati, se mutuo viribus deficientes inspexerunt. Tunc monstrum, quod apparuit, voce terribili et insolita clamauit dicens: „Mater mea mortua est, et anima eius faucibus diabolorum traditur eternaliter lanianda, in inferno sepulta est[28] et per virus[29] perpetui cruciatus inuenenata." Et adiunxit[30]: „Ad salutem hominum et ad angelorum gloriam Ihesus Christus, filius dei, fragilis[31] humane condicionis assumpsit formulam, quem thorum viri nesciens Maria[32] virginitatis lilium virgo peperit sicut sidus radium. Et quicumque hanc fidem negauerit, eterni luminis priuacione ferietur." Et hijs dictis cecidit in faciem suam super terram et expirauit. Tunc Barucht[33] dux gentilium mortem vxoris ingenti fletu cepit deplangere credidit que, miraculum antedictum[34] per Christianos esse magicis artibus introductum, et humanitatis amissa prouidencia victusque crudelitate suis ministris dedit in mandatis, vt omnes christiane legis obseruatores et veri dei cultores[35] in suo districtu[36] diuersis vt vellent necarent supplicijs. Qui carnifices antique inuidie in eis flammis[37]

[24] conceptum in utero W
[25] graui W
[26] erat fehlt W
[27] intuentes W
[28] est fehlt W
[29] veneno W
[30] Et adiunxit fehlt W
[31] *fragilem* W
[32] Maria, quem viri thorum nesciens W
[33] Baruch W
[34] predictum W
[35] et veri dei cultores fehlt W
[36] in suo districtu fehlt P
[37] *flammis* fehlt W

222

eructantibus nepharia et detestabili audacia omnes Christianos, quos habere potuerunt, diuersis et inauditis tormentis perdiderunt. O quam valida tempestas celestis aule triumphalibus militibus incubuit, vbi non solum adulti mortem subierunt, sed eciam nescia lucis etas tenera vagiens infancia circa matris ubera gladio perijt occisoris! Huius ergo[38] *nephandissimi tyranni ammiranda sunt ingenia, quod pro explenda libidine tam splendida iusticie bona, videlicet has innocentissimas creaturas, auferre de hoc mundo hac caluisiana machinacione crassatus est, ita vt nullum christianitatis vestigium in toto Albie*[39] *conuicinio relinqueretur. Inter alia sacrilegij scelera ecclesias destruxerunt, ornamenta et libros legum ignibus tradiderunt, predia vero vsibus celestium secretorum dedicata iniuste vsurpacionis contumelia sibi vendicarunt.*

Inter alia vero tormentorum genera horrenda inhumanitate[40] *in Hamborch sexaginta presbiteros cum pluribus Christianis de carceribus eduxerunt, qui abrasis crinibus capitis per transuersum in modum crucis ad ludibria Slauorum per tres dies positi sunt, et eorum gloriosa martiria supplicio tali consummauerunt, videlicet quod tortores in locis predictarum rasurarum crineam decorticantes in quatuor angulis dictam excoriaturam circularibus instrumentis ferreis sanctorum capita perforauerunt. Erant autem huiusmodi instrumentis facta vulnera magna et circularia a fronte et occipite et utrisque tymporibus incipiencia et in centro cerebri concurrencia, ita vt cerebro extractis instrumentis liber relinqueretur effluxus. Et sic post tergum ligatis manibus eorum collis equorum pedibus alligati sunt Christi martires et professores per singulas Slauorum ciuitates et plateas crudelissime tracti super lapidibus, donec excerebrati domino spiritum tradiderunt et in Hamborch sepulti in domino requiescunt.*

Tunc multi Christiani timore mortis angustiati a fide christiana recesserunt et gentilico iugo durissimo subacti sunt. Quidam vero ex Christianis[41] *cepta*[42] *fuga nocturnis temporibus persequencium manus euaserunt et per diuersas prouincias dispersi vitam in exilio peregerunt et ceteris factum nunciauerunt*[43].

Quidam autem Romam venientes summo pontifici[44] *domino Benedicto huiusmodi martiria et persecuciones Christianorum querulosis vocibus*

---

[38] ergo fehlt W
[39] *Albee* W
[40] *humanitati* W
[41] *Christianis ex* W
[42] *capta* W
[43] *et ceteris factum nunciauerunt* fehlt P
[44] *pontifice* P

223

narrauerunt dicentes: „Pater sanctissime, dolorum mole depressi et omni iocunditate exuti exilium de remotis sacre christianitatis finibus vsque ad graciosum sanctitatis tue conspectum cum festinancia peregimus significantes tibi infelices paganos, quorum manus vix euasimus, in Germania vltra Albiam in catholice fidei[45] *dignitatis obprobrium execrabile scelus homicidij in tuos Christianos furioso spiritu commisisse. Quare sanctitatem tuam, pater sanctissime*[46]*, humiliter et suspiriosis*[47] *vocibus pulsamus, quatenus quia merito propter hoc commoueri debes*[48]*, vt iusti doloris tui vindicta in eosdem iniquitatis filios taliter deseuiat, vt tanta malicia tam temerarios et sceleratos non inueniat successores. Ad quod nisi cor tuum congruis consideracionibus apposueris, omnes nostros corregionales Christianos in predictorum circuitu sencies exemplo simili breuiter gentilice prauitatis iugo subactos, et*[49] *ergo tantis vulneribus sancte matris ecclesie quale remedium applicaturus fueris, necessario pensare debes."*

Que cum audiret dominus papa, saucijs vulneratus meroribus et omni solacio destitutus diuersis suspirijs et gemitibus huiusmodi crudelem amare defleuit in catholice fidei filios factam impressionem, et habito consilio a christianissimo imperatore Lodewico querulosis litteris auxilium[50] *pro fidei christiane*[51] *recuperacione in predictis partibus postulauit et lesam innocenciam vindicari. Tunc imperator litteras et nuncios sanctissimi patris cum magno*[52] *honore et reuerencia dinoscitur recepisse, iuxta quarum tenorem gentilici sceleris atrocitate percepta desiderium et voluntatem domini pape imperialibus viribus adimplere conatus est. Et nuncios suos cum litteris suis annulo regio sigillatis ad diuersas prouincias misit, quibus illustres viros, duces, barones, comites, milites vasallosque sub copiosis stipendijs conuocauit et famosum elegantissimorum militum et armigerorum excercitum in breui tempore congregauit, cum quo propria in persona Romam venit*[53] *pro defensione christiane fidei se quibuscumque periculis exponere non recusans. Videns autem*

---

45 *fidei* fehlt W

46 *pater sanctissime* fehlt P

47 *suspirosis* P

48 *debeas* P

49 *vt* P

50 *auxilijs* P

51 *christiane* nach *recuperacione* W

52 *magno* nach *honore* W

53 *venit* vor *Romam* W

224

summus pontifex in illis Christianis[54] *tantam constanciam fidei radicatam deum*[55] *glorificauit omnipotentem et imperatorem osculo pacis*[56] *et cum paterna benedictione ingenti solacio reuerenter suscepit et totum desiderium intencionis sue sibi per ordinem explicauit.*

Nocte autem sequenti angelus domini de celo veniens et eis apparens consolatiua verba eos in pia intencione eorum confortando protulit dicens: „Ego datus sum vobis in custodem et in defensorem. Ite constanter et nolite timere, finitis negociis vestris[57] *merebimini florentis patrie gloria feliciter insigniri." Postea papa Benedictus imperatore Lodewico pro christiane fidei*[58] *et deuocionis augmento in suis partibus dimisso se personaliter cum illis Christi militibus electis excercitus antedicti de Roma transtulit et post temporis decursum ad flumen Albie venit, vbi per duas septimanas moram traxit, ultra Albiam non procedens propter hoc, vt excercitus tanti itineris labore fatigatus in vnum conueniret. Habuitque papa in isto excercitu*

pontifices septem, Thidericum Myndensem episcopum, Dudonem Paderburnensem episcopum, Drogonem Osnaburgensem episcopum, Dodonem Mimigardeuordensem episcopum, Ausfridum Traiectensem episcopum, Rimber(tum)[59] *Hamburgensem episcopum, Erlorfum Verdensem episcopum*[60], *septem episcopeos,*

septem [61] *duces, quindecim comites, aliorum quoque*[62] *baronum, militum et vasallorum numerosa fuit multitudo.*

Post duas ebdomadas ulterius[63] *Christiani vltra Albiam procedentes*[64] *versus Hamborch venerunt, et bellum*[65] *volentes inferre paganis erexerunt tentoria, se viriliter ad pugnam preparantes, et orauerunt deuotis-*

---

[54] *viris* W

[55] *dominum* W

[56] *pacis* fehlt W

[57] nach *vestris* in W *inebrios*, aber durchgestrichen?

[58] *christiana fide* W

[59] *tum* Konjektur

[60] die einzelnen Bischöfe mit Angabe der Diözese nur in P.

[61] *septem* nach *duces* W

[62] *quoque* fehlt W, dafür *aliorumque*

[63] *ulterius* fehlt P

[64] *procedentes* vor *ultra Albeam* W

[65] *bella* P

225

sime ad dominum dicentes: „Adiuua nos, dominus[66] deus salutaris noster, et gratissimam lucem tuam de paradiso nobis irradia, qua circumfulti terreamus et timorem incuciamus hijs, qui audaci spiritu nomen tuum blasphemant et te adorare verum deum[67] contempnunt, vt et ipsi timore tuo correpti cognoscant te solum deum et non alium, qui cum patre et spiritu sancto viuis et regnas deus[68] in secula seculorum. Amen."

Certificati vero pagani de Christianorum aduentu percipientesque ipsos[69] audaci facie bella minari, graui metu[70] percussi sunt scientes, si a Christianis manu forti expugnarentur sibi mortis miseriam[71], templorum destructionem, deorum suorum subuersionem[72] et perpetue desolacionis obprobrium imminere, consilium congregauerunt de incumbentibus tractaturi. Facto itaque gentilium conuentu inter se locuti sunt[73] dicentes: „Angustie nobis sunt[74] vndique, et quod eligendum sit ignoramus. Cum tanta multitudine congregacionem facere minus[75], congressionem minus tutum est nobis, et eis offerre bellum multum[76] est periculosum. Si eciam, quod absit, alieno iugo colla subdiderimus, euelli de iugo difficillime possumus et erimus postea prestiti iuramenti violatores. Quis ergo in hijs inextricabilissimis proplexitatibus consilia[77] prestabit?" Tunc vnus de senioribus silencium indicens alta voce proclamauit dicens: „O viri fortissimi, ad quid[78] animi vestri curarum tanto succumbunt[79] conflictui? Breue consilium[80] adest et sagacissimum, cui si dederitis consensum, prebebit vobis instantis tribulacionis exitum gaudiosum. Vtile est modo cedere, exquo pugna non potest saluare. Inueniamus ergo modum humilem pacis inductiuum et precum curemus insistere lenitati, ut quos armo-

---

[66] *dominus* fehlt P

[67] *dominum verum adorare* W

[68] *deus* fehlt W

[69] *eorum* W

[70] *graui vulnere doloroso* W (*vulnere doloroso* auf dem Rande nachgetragen).

[71] *miseria* P

[72] *deorum suorum subuersionem* fehlt P

[73] *sunt* fehlt W

[74] *sunt* vor *nobis* W

[75] *congregacionem facere minus* fehlt P, dafür hat P *congressionem facere minus*.

[76] *multum* fehlt W

[77] *concilia* P

[78] für *ad quid* in W *utique?* (unleserlich)

[79] *succumbit* P

[80] *concilium* P

226

rum viribus non possumus blandicijs vincamus. Non attemptemus cum eis ardua nostris viribus importabilia, sed vtamur arte et ingenio, quibus sepe perficitur, quod viribus posse fieri non inuenitur. Scitis enim, quod huius populi consciencie erroris[81] *deposcit teneritas sui Christi graciam et*[82] *fidem sicientibus gremium fraternalis affectionis aperire*[83] *et penitentis delictum perpetue tradendum obliuioni. Possumus igitur eorum preceptori*[84] *dissimulato dolore ac si fidem christianam profiteri velimus nostris litteris scribere sub hac forma: ‚Sancte pater, peccauimus et a via veritatis errauimus et pseudo falsisque consiliarijs seducti Christianorum sanguinem innocentem effudimus. Propter quod tu iusto dolore commotus non immerito nos perdere queris. Sed, sancte pater, ignosce nobis et fidei christiane decus et augmentum pia consideracione respice, quia tu es ille, cui sanctitas ignoscendi gloriam dereliquit. Saluberrimas sacratissime catholice legis obseruancias assumere iuxta sanctam tuam informacionem paratos nos reddimus et lauacri regeneracionis cupimus omnes suscipere*[85] *sacramentum Christianorumque*[86] *cetibus inmisceri*[87]*. Cupimus eciam fideles tuos in castris nostris et in omnibus possessionibus nostris nobis donari. Erimus serui tui, nichilque penitus*[88] *de cetero contra inuiolanda statuta christiane religionis faciemus. ‘Quibus sic ordinatis proculdubio gaudebunt et nobis parcent, et sic*[89] *huius consilij prudencia simplicium quam se credunt habere superabitur astucia, et postea aliorum consiliorum suasionibus*[90] *fortune munera nobis arridebunt in victoria." Responderunt gentiles gaudio repleti dicentes: „Benedictus es tu in dijs nostris et benedictum ac sanum consilium tuum, quod ore prophetico protulisti, iuxta quod sine exorbitacione faciemus."*

Miserunt ergo pagani de castris suis litteras[91] *ad papam pacem et graciam secundum modum supratactum in dolo postulantes. Presentantur autem littere domino Benedicto pape, quibus visis et lectis supra modum gauisus est, et quamuis eos ledere proposuerat, tamen miseri-*

---

[81] *erroris* fehlt W
[82] *et* fehlt P
[83] *aperire* fehlt P
[84] *preceptum* W
[85] *incipere* W
[86] *Christianorum* W
[87] *admisceri* W
[88] *penitus* nach *cetero* W
[89] *sic* fehlt W
[90] *sanxionibus* W
[91] *litteras* nach *papam* W

227

cordia motus suspenso flagelli[92] aculeo propicius consolator ipsis iocundissimo vultu assurrexit[93], eosque[94] ad graciam de consuete benignitatis officio in columbina simplicitate eorum velate malicie nescius precordialiter[95] suscepit dicens: „Gaudia innouentur omnibus Christi fidelibus, quod sine mortis examine et sanguinis effusione, sed solum[96] comminante[97] gladio timoris dei tot anime deo lucrande[98] nostre subacte sunt potestati."

Facta ergo pace venerunt Christiani in Hamborch, vbi virgines et mulieres de castris gentilium eis dederunt occursum exhibicione spiritalis reuerencie venenatis linguis Christianos attulerunt. Et magna multitudo paganorum[99] occurrens domino pape colorato gaudio et fellicis cordibus clamauit dicens: „Aduenisti lux pontificum cum glorioso exercitu tuo, tecum credimus Ihesum Christum filium dei nobis animarum nostrarum venire redemptorem. Pater sanctissime, ne nox[100] instans in prioris[101] turpitudinis condicione nos inueniat, petimus quantocius baptizari." Quos statim dominus papa sacramento baptismatis insigniuit et hilarem faciem suis ostendens[102] militibus dixit: „ Que laudum[103] cantica domino deo cantabimus, qui gentiles[104] naciones ab earum[105] perfidia transtulit ad veri luminis agnicionem? Gaudeat sancta mater ecclesia de saluatoris nostri tam miranda prouisione, qua nos ex dono mirifice largitatis sue in tam breui tempore in terris alienis cognoscimus exaltatos. Ergo post tanta beneficia, que nobis contulit ipsa diuinitas, hoc de dei gracia postulamus, vt quos diabolice seruitutis iugo subiectos peregrina regimina huc vsque seduxerunt, deo reconciliari, vt in summo angulari lapide, qui Christus est, pijs intencionibus solidati[106] a noxijs preseruentur et virtutum profi-

[92] *flagelli* Konjektur: *flagello* W, *flabelli* P
[93] surrexit W
[94] eos W
[95] cordialiter W
[96] solo P
[97] comminanti P
[98] luctante W
[99] paganorum vor multitudo W
[100] nos P
[101] prioris nach turpitudinis W
[102] ostendens nach militibus W
[103] laudis W
[104] gentilitatis W
[105] eorum P
[106] solidari P

228

ciant incrementis." Tunc Christiani sacrilegos ydolatrie ritus illarum terrarum destruxerunt et ecclesiam Hamborgensem et alias ecclesias in villis adiacentibus reedificare ceperunt. Et interim isti falsi neophiti, quos lepra vexauit heretica, nuncios cum litteris versus antiquam Stargardiam et Stetyn ad eorum collegas destinarunt in hunc modum: „Propter animosam fiduciam, quam ad vos gerimus et tocius nostre regionis[107] *salutem, ne generalis nostre congregacionis fieret*[108] *dispersio, legitima timoris causa, viribus nobis deficientibus, dissimulata facie, recepto*[109] *baptismate Christianorum nos subdidimus potestati, qui vlterius terras nostras multifarie moliuntur subicere seruituti. Sed vt ars arte deludatur et, qui alieno decore*[110] *dominij nostri se induerunt, ignominiose cadant et pro lucris, quibus auariciam suam saciare venerunt, dampna reportent, hijs ingeniosis vsi sumus ymaginacionibus. Nam in proximo eorum festo, quod ad vincula Petri vocant, eorum papa missam in Hamborch personaliter celebrabit, et ad illam solempnitatem omnes Christiani ibidem existentes inermes et in puritate deuocionis eorum conuenient*[111]*, vt tunc tremenda et armata*[112] *populi multitudine et manu qua poteritis forciori in tante presumpcionis vlcionem veniatis*[113]*, quia ad Christianorum subuersionem nobis in hac forma vester necessarius est aduentus. Et lucidum erit tunc vires nostras ipsis inermibus preualere, vt sicut eis dulcis fuit introitus, exitus fiat spinosus." Tunc paganorum*[114] *visis huiusmodi litteris barbarice libidinis et cupiditatis inquinatissime christianum sanguinem effundendi delicata subintrauit insania, vnde se festinanter congregauerunt et suscitato furore ad seuiendum in Christianos suis induuntur armaturis, versus Hamborch iter aggredientes.*

Adueniente ergo die sancti Petri ad vincula omnes Christiani ad missarum sacra misteria deuote et humiliter deo grata et quieta conuersacione ad ecclesiam Hamborgensem conuenerunt, in qua summus pontifex astantibus sibi cardinalibus et episcopis se ad missarum solempnia preparauit. Et hora terciarum pagani venerunt in Hamborch, quod aliqui

---

107 *religionis* W

108 fehlt W, die Scriptores Rerum Brunsvicensium konjizieren *sequatur* nach *dispersio*.

109 *recepto* nach *baptismate* W

110 *decori* P

111 *conueniunt* W

112 *et armata* fehlt W

113 nach *veniatis* konjizieren die Scr. Rer. Brunsv. *rogamus*, das aber weder in P noch in W erscheint.

114 *pagani* P

229

Christianorum stantes ad fores ecclesie percipientes interrogauerunt alios nouiter baptizatos, ad quid[115] tanta populi multitudo conueniret[116]. Qui blandis adulacionibus respondentes dixerunt: „Hij sunt nostri corregionales, quos sicut et nos hucusque tramite deuio duxit ignorancia, qui eciam christianam fidem scientes veniunt baptizari." Interim angelus domini apparuit summo pontifici dicens: „Ecce dominus vocat te et omnem populum tuum ad coronas perpetuas accipiendas[117]", et hijs dictis statim angelus disparuit. Quibus auditis dominus papa cecidit in faciem suam et orauit ad dominum deum dicens: „Domine Ihesu Christe fili Dauid, qui verus es deus et omnium visibilium et inuisibilium[118] creator, cuius desiderio exules facti sumus et ad istas partes remotas venimus et nunc pro fide tua mori[119] parati sumus, exaudi preces nostras et presta, vt quicumque nomen tuum et gloriose virginis Marie matris tue in isto loco sincera deuocione cum contricione cordis inuocauerint et memoriam passionis nostre recordati fuerint, ab omnibus angustijs et tribulacionibus mereantur liberari et in eorum iustis peticionibus exaudiri."

Et statim angelus iterum astitit ei dicens: „Crede michi, exaudita est oracio tua. In pace sit cor tuum, quia hodie cum tuis celorum tabernacula conscendes." Considerans igitur[120] vnus ex Christianis, qui ad fores ecclesie sedebat, quod pagani ciuitatem Hamborgensem intrantes sanguinem sitirent Christianorum, intrauit ecclesiam et valde clamauit: „Sanctissime pater, veniunt multi pagani et te tuosque armata manu querunt interficere. Capias ergo fugam et salua te!" Que cum audirent Christiani, omnes terrore concussi sunt et eorum corda mortis pre timore maximis sunt aspersa[121] doloribus et grauiter ingemuerunt. Et statim papa benignus animos tristes pia consideracione respiciens stans ante altare ad populum se conuertit et salutifera confortacionis et consolacionis hijs verbis induxit medicamenta: „Hodie est dies salutis nostre[122], in quo Christus saluum faciet populum suum a peccatis eorum, et[123] in cuius signum annuncio vobis gaudia noua[124], quia misit deus hodie angelum

[115] *quod* W
[116] *veniret* P
[117] *accipientes* W
[118] *inuisibilium et visibilium* W
[119] *mori* nach *parati sumus* W
[120] *autem* W
[121] nach *aspersa* ein zweites *sunt* in W (Dittographie)
[122] *nostre* fehlt W
[123] *et* fehlt W
[124] *noua* vor *gaudia* W

230

suum[125] ad me, qui[126] dixit michi: ‚Ecce dominus vocat te et omnem populum tuum ad coronas perpetuas recipiendas.' Et ergo estote viri fortes et finem vite[127] mente[128] reuoluatis, ad quem nos iam diu traxit defluus[129] ordo dierum. Stultum est nunc timere et propter preciose[130] in conspectu[131] dei mortis instans periculum[132] euitandum eterne claritatis gloriam amittere et tribunalis supremi dampnosam expectare sentenciam. Omnis ergo timor exulat in tempestate presencialiter incumbente omnisque corrupte opinionis procul pellatur inprobitas. Excitamini regni celestis heredes et[133] corda vestra preparate deo, ne quid deuium vel lubricum in nobis inueniatur, sed in paciencia fructum ferte domino[134]. Hodie pro modica sanguinis effusione inundantem celi thezaurum comparabitis et celestis eritis milicie consortes." Et ipsis sic consolatis dedit omnibus benedictionem dicens: „Benedicat vos[135] dominus Ihesus Christus benedictione perpetua, et angeli sui custodiant vos[136] et perducant animas vestras[137] ante conspectum suum in celis, vbi regnat cum deo patre et spiritu sancto in eternum." Et respondit omnis populus: „Amen." Et ipsis sic[138] respondentibus, ecce neophite[139], dolosi[140] date fidei temerarij violatores, ex presumptuosa et fedissima nequicia eorum ad vomitum pristine turpitudinis reuersi, cum paganis qui aduenerunt ad locum pacis in[141] ecclesiam armata manu currentes dominicum officium perturbauerunt et frementi spiritu terribilibusque in Christianos insultant[142] furoribus clamantes: „In-

---

[125] suum nach *ad me* W
[126] et W
[127] vite fehlt W
[128] mente fehlt P
[129] defluens W
[130] preciose fehlt W
[131] in conspectum W
[132] periculum nach propter W
[133] et fehlt P
[134] domino fehlt W
[135] nos W
[136] nos W
[137] nostras W
[138] sic vor ipsis W
[139] neophiti W
[140] dolose W
[141] in fehlt W
[142] in sultant P

231

surgat[143] *lex nostra a Christianis extraneorum tributorum abusione letaliter vulnerata et vltore gladio pereant omnes adulterinam et dampnandam Christianorum fidem profitentes. Ve vobis", dixerunt, „Christianis, vos hactenus*[144] *nemine vobis aduersante secure militastis*[145] *terras nostras potenter titulo vestro subscribentes, nunc autem quales milites esse velitis considerare pulchrum erit intuentibus." Et hijs dictis solite tyrannidis innata feritate Christianos lanceis transfixerunt et alijs tormentis mirabilibus necauerunt, ita quod ab hora terciarum vsque ad solis occasum fere omnes Christiani, qui trans Albiam venerunt, paucis exceptis, quos captiuos in signum victorie ad partes vnde venerunt ducere voluerunt pagani, prostrati sunt. Erant autem occisorum fere sex milia sexus vtriusque. Tempore autem passionis sanctorum martirum*[146] *audita est in aere vox angelica medicinali dulcedine confortans agonisantes dicens: „Impotencium tyrannorum crudelitatem cum paciencia constanter exarmate, celera*[147] *vagancia tormentorum non pertimescite, quia nomina vestra indelebiliter scripta sunt in libro vite et corona vos exspectat celestis paradisi*[148]*." Quod multi de paganis audientes ad dominum nostrum Ihesum Christum conuersi sunt et eodem tempore martirij coronam iocundanter suscipientes in proprio sanguine a criminum*[149] *sordibus*[150] *lauari meruerunt. Ecce quomodo virtuosorum potenciam malorum vicit astucia, cum in dolo sacri*[151] *baptismatis pecierunt sacramentum, et quomodo crudelium tyrannidem sanctorum exarmauit paciencia. Christianos eciam nimis pios fuisse, dum propter astutorum adulaciones perfidie caliginibus inuolutas iustissime racionis imperium, quod est malos morte*[152] *perdere, in misericordiam vertentes peruersis pepercerunt, tanti sanguinis testatur effusio, quod platee in Hamborch per torrentes sanguinem martirum inundantes roseis sunt decorate coloribus, ita ut per rubra fluminum diuerticula in communi platearum transitu pagani equis suis vsque ad eorum genua equitauerunt, et vestes occisorum*

---

[143] *in surgat* P
[144] *hattenus* P
[145] *militaris* P
[146] *martirum* vor *sanctorum* W
[147] *scelera* W
[148] *paradisi* fehlt W
[149] *criminibus* W
[150] *sordibus* fehlt W
[151] *sacri* fehlt W
[152] *male* W

232

martirum[153], clippei et fractarum lancearum hastule cum impetu ad commune flumen Albie defluxerunt.

Pagani vero peracta stragis huiusmodi dampnosa libidine quosdam nobiles ex Christianis, quos captiuos seruauerunt, cum multis capitibus de prostratorum corporibus abscisis secum de Hamborch ad antiquam Stargardiam, ut pretactum est, in signum victorie duxerunt. Et capita martirum adducta in memoriam tante victorie super murorum frontispicia posuerunt, et innocentes captiuos horrendis carcerum tenebrositatibus[154] commiserunt, quos ibidem geminata custodia et ferrearum manicarum acerbitate grauiter cruciauerunt vsumque cibariorum ipsis ministrari prohibuerunt, vt custodia diuturna et fame macerati spiritum exalarent. Quibus angelus domini prememorati[155] facinoris auctoribus nescijs vite necessaria in affluencia ministrauit. Hamborgenses itaque in sua perfidia permanserunt[156] et ecclesias deo per Christianos erectas funditus destruxerunt, et quoscumque Christianos habere potuerunt[157], destraxerunt[158], occiderunt.

Adueniente igitur tempore natiuitatis domini nostri[159] Ihesu Christi istud in castro antique Stargardie assercio vera tempore noctis Christi vult accidisse miraculum, quod capita sanctorum martirum cristallina claritas splendore flammeo et sintillante iubare celestis pulchritudinis circumfulsit, et angeli dei decora simphonia cum dulciflua diuersarum melodiarum resonancia consonis vocibus intonuerunt „Gloria in excelsis deo" clangore celum pulsantes. Que cum vigiles castrum custodientes perciperent, magno timore concussi sunt et dominos castri cum omni familia excitauerunt dicentes: „Surgite velociter et inaudita videbitis miracula." Qui cum surrexissent, in medio castri steterunt verum esse videntes, quod eis vigiles nunciauerunt, quorum mirantes oculos radijs[160] sue lucis ita terruit splendor angelicus, vt quasi amentes facti timidi et trementes steterunt, non vanam tanti signi gloriam estimantes. Tunc vnus illorum dixit: „Ex quo natura ista fieri non postulat, supernaturale signum huius-

---

153 *martirum* nach *clipei* W

154 *tenebris* W

155 *pro memorati* P

156 *manserunt* P

157 *poterant* P

158 *destraxerunt* fehlt P (durchgestrichen W ?)

159 *nostri* fehlt P

160 *radios* W

233

modi ex dijs causari non est[161] ambiguum[162]. Estimat ergo mea consideracio, quod, si carcer aperiretur[163] et educerentur, si qui viui de captiuis invenirentur, ex quo decollatos sanctos esse[164] dixerunt, circa quorum capita hec fieri oculata testatur experiencia, nobis forte referrent, que nam essent hec signa consuetis apparicionibus nostris peregrina, que sensus nostros tantorum sensibilium excellencia perturbant." Sunt igitur viri dei de carceribus emissi et interrogati de causa tanti miraculi. Responderunt dicentes: „O vos luce deuij et steriles virtutibus, felices diceremini, si commissi sceleris[165] essetis[166] conscij et a celorum principe, a quo tanta signorum[167] veniunt misteria, animi vestri regerentur. Consideraretis talia vestre salutis prenuncia, que fiunt ad sanctorum solacia, quos cruentatis gladijs iugulastis. Hec sunt celestia miracula, que in conspectu[168] racionis faciunt vilescere transitoria; in illa claritate, quam mortalis oculus vix valet intueri, que vt videtis sanctorum capita circumdat, sunt angelorum turbe celice, quibus gaudia sunt innouata comparium ex aduentu, qui per martirij palmas celestis palacij sedes adepti sunt, et iugiter in choris electorum dei velut aurea sydera splendorem[169] mecuerunt[170]. Anxia res igitur[171] status vestri condicio, cui inest, quod ignoratis inexperti et abhorretis experti[172]. Que vestre felicitatis constancia, quam, cum vos hora velox dissoluet, morientes amittetis? Conuertimini ergo ad dominum commissa deflendo et salui eritis, consuetumque angelis dei quod habere solent de penitenciam agentibus gaudium facietis." Quibus pagani dixerunt: „Satis de claritatis apparencia locutos vos cognoscimus, de cantico autem, quod[173] audiuimus[174], quid dicitis?" Quibus Christiani: „Illud[175] est hoc gaudiosum canticum, quod ange-

---

161 est fehlt W
162 ambigitur W
163 aperitur W
164 esse fehlt W
165 steriles P (Dittographie des vorhergehenden steriles)
166 estis P
167 signorum nach veniunt W
168 conspectum W
169 splendere W
170 meruerunt W
171 igitur vor res W
172 inexperti W
173 quid P
174 audimus P
175 istud W

234

li cecinerunt in ea nocte, qua Christus secundum carnem natus est de Maria virgine, de quo nos hodie sumus mirabiliter et supra[176] modum[177] consolati." Hijs dictis claritas illa[178] disparuit et angeli dei cum gaudio psallentes recesserunt.

Tunc pagani locuti sunt inter se dicentes: „Ecce audiuimus, quomodo[179] grauibus et acerbissimis vinculorum ligaturis et in[180] horrendis carcerum tenebrositatibus[181] positi mirabiles supra modum ab angelis suis[182] receperunt consolaciones nec tanti temporis cibariorum[183] ex defectu macerati sunt, sed viuido et pulcherimo colore facierum venustati nullaque tormenta formidantes nobiscum[184] tanta vt audiuistis audacia[185] loquuntur, que[186] si sciencijs magicorum maleficiorum, quibus proculdubio hodiernas apparencias introduxerunt, prediti non essent, in tantorum virorum conspectibus, in quorum manibus vita eorum consistit, tales correxiones non effunderent, sed pocius omnis eloquencie perderent animositatem. Eos eciam viros iustos non esse nec dei amatores efficax doceat argumentum ex eo, quod aliene inuident felicitati, quod verborum que protulerunt attestatur experiencia. Tutum est ergo eos nece perdere, ne pellibus agninis, quibus lupinos animos vestiunt, nos sicut Hamborgenses suis adinuencionibus decipiant." Et respondit dux dicens[187]: „Includantur ergo[188] iterum, vt videamus, si angeli eorum, qui carcerum conclauia nouerunt ingredi pro eorum consolacione[189], eos eciam de manibus nostris et ferreis ligaminibus eripiant, et postea, si angelorum defecerit potencia, specialioribus gaudebunt prerogatiuis, quia sanctificabuntur sicut socios suos dicunt per mortem sanctificatos, quibus in similibus tormentis erunt successores."

---

176 supra fehlt P
177 modum fehlt W
178 *illa* fehlt W
179 quoniam P
180 in fehlt W
181 tenebris W
182 suis fehlt P
183 *cibariorum* nach *defectu* W
184 nobis cum P
185 *audacia* nach *loquuntur* W
186 der Sinn verlangt qui, aber que P und W
187 *dicens* fehlt W
188 ergo fehlt W
189 *consolacionibus* W

235

Dixerunt autem[190] *Christiani: „Ad quid*[191] *diuersas occasiones et mortis causas in nos queritis, ex quo iuste seu iniuste*[192] *nos perdere proponitis? Magicas artes non nouimus, sed in dominum nostrum Ihesum Christum credimus, a quo vt de manibus vestris liberemur deuoto spiritu postulamus." Tunc iterum Christiani in carcerem reclusi sunt. Et exauditis precibus sanctorum suorum misit deus decem plagas pharaonicas*[193]*, quibus castigauit Egiptios, per vniuersam Slauorum regionem. Slaui quoque in obstinata mentis elacione et spiritu malicie Pharaonis ymitantes duriciam huiusmodi durissimas moniciones minime curauerunt, sed cum sine intermissione ceptarum plagarum inualuit acerbitas, dominus terre antique Stargardie conuocatis consiliariis*[194] *et senioribus terre dixit eis: „Creditisne*[195] *presentem tribulacionem super nos et super*[196] *populum nostrum propter detentos Christianos venisse, cum numquam a longi temporis hominum memoria talia vel similia in terris istis sunt*[197] *audita? Consilium meum est, vt occidantur hij et plage cessabunt." Cui responderunt consiliarij: „Domine, hij in potestate tua sunt et secundum voluntatis tue iudicium fac, quod tibi videbitur expedire." Eadem nocte venit angelus domini et aperuit ianuas carceris dicens eis: „Surgite et ite constanter et nolite timere, ego enim execabo*[198] *inimicos et persecutores vestros, ne vos videant vel molestijs perturbent, et capita sanctorum in menijs murorum posita vobiscum deferatis. Ego enim datus sum vobis*[199] *in custodem et defensorem, vt vobiscum ambulem et vos precedam cunctis diebus vestris." Hoc audientes*

supra muros castri[200]

Christiani verbis angeli sine hesitacione crediderunt et ipsis surgentibus ceciderunt ferramenta de manibus eorum et exierunt liberi, ascendentes quoque muros castri

---

[190] autem fehlt W
[191] statt *ad quid* hat W etwas Unleserliches, utque ?
[192] iuste nos perdere siue iniuste perdere P, zweites perdere Dittographie
[193] Pharaonis W
[194] consiliaribus P
[195] creditis ne P
[196] super *fehlt* W
[197] sint W
[198] cecabo W, auf dem Rande von W ex zum Einsetzen vor cecabo nachgetragen.
[199] vobis vor datus W
[200] hier ist der Text von P gegenüber dem ursprünglichen, der in W erhalten ist, gekürzt worden.

236

sanctorum capita nemine contra dicente collegerunt, que secum angelo ductore preuio vsque in Hamborch deportauerunt. Et insonuit fama per totam[201] *Slauorum regionem, quod angelus domini christianum populum de carceribus clausis et de ferrea membrorum custodia liberasset.*

Pagani vero in Hamborg hoc videntes christianum cultum cunctis ydolatrijs pretulerunt, et quos tanto tempore diabolicis laqueis innodatos[202] *duxit ignorancie et perfidie cecitas, Christum inceperunt*[203] *sincera deuocione et sedulis vocibus implorare sibi cordialiter assumentes, quod pro Christi nomine vellent sanctorum sequi*[204] *vestigia et antequam de cetero christianam fidem negarent, vellent millenis mortibus quecumque probra pacienter sustinere, et* [205] *sic*[206] *sanctos viros cum reliquijs gratantissime*[207] *susceperunt.*

Post aliqua temporum interualla sancti, qui de captiuitate fuerunt liberati, quasi terciam partem reliquiarum sanctorum in Hamborg sepultorum exhumauerunt, quibus multos currus onerauerunt volentes dictas reliquias Romam et ad alia loca, de quibus sancti martires fuerunt, reportare[208].

Igitur cum de Hamborg pluribus curribus martirum corporibus oneratis processissent et hucusque deo disponente peruenissent, erat prope locum, in quo nunc monasterium cum ceteris edificijs honorabiliter est constructum, quedam solitaria sed famosa curia, cuius tunc inhabitator Ebbeke vocabatur in temporalibus competenter habundans, ad quam scilicet curiam vectores curruum pro meridiana refectione properabant et quiete diuersis tamen in locis ipsos cur-

Accidit autem, quod ad quandam villam Ebkestorpe ab incolis ibidem nuncupatam venerunt, in qua tunc temporis religiosi viri morabantur in albo habitu domino deo famulantes. Quam quidem villam cum exire proponerent, factum est, ut quos spiritualis amicicie nexus in vita confederauerat illibato federe et in morte seruato per prouincias non despergerentur, ut eciam homines amoris prerogatiua quadam sanctos in terra passionis diligerent, ab eisdemque

---

201 totum P

202 innotatos W

203 ceperunt W

204 sequi vor sanctorum W

205 eciam W

206 sic fehlt W

207 gratissime W

208 nach reportare weichen P und W wieder voneinander ab, wobei P den ursprünglichen Text reiner bewahrt zu haben scheint.

237

rus equis ad pabulum ductis relinquentes vlterius facta commestione procedere proponebant. Et factum est, dum paululum a dicta curia processissent ad locum sanctis martiribus adeo salutique tocius huius territorij preparatum vel preordinatum, contigit, vt quos spiritualis amicicie nexus in vita confederauerat illibato federe et in morte mutuo aseruato per prouincias non dispergerentur nec ab inuicem separarentur et vt homines in hac terra sanctos martires amoris quadam prerogatiua magis diligerent et ab eisdem in futuro spiritualia se beneficia recepisse vel recepturos gauderent, vnde factum est secundum diuinorum secretorum iudicia miranda, quod continuo gutte sanguinis miraculose de terra prope currus contra rotas eorum salientes motus impetum detinentes impedierunt, ita si plures equi fuissent ad vnum currum trahendum iuncti, non potuissent ipsum de suo loco cum sanctorum reliquijs mouisse quouis modo, sed mirabiliter in terram quasi concauatam currus descenderunt. Sic mirabiliter sanctorum corpora hic sepulta debita veneracione sicut expedit reseruantur ad laudem, gloriam et honorem domini nostri Ihesu Christi, qui martirum rex est et corona. Sit igitur ipsi cum deo patre et sancto spiritu laus, honor et gloria, qui trinus et vnus est mirabilis in sanctis suis et in euum benedictus. Amen.

in futuris se spiritualia beneficia recepisse gauderent, quod secundum diuinorum secretorum admiranda iudicia continuo guttule sanguinis miraculose de terra contra rotas curruum salientes motus impetum detinuerunt, ita ut si multa milia equorum predictis curribus fuissent alligata, adtamen reliquie sanctorum de predicto loco moueri non potuissent. Sed ibidem corpora sanctorum sepulta usque in hodiernam diem debita veneracione reseruantur ad laudem et honorem dei omnipotentis, qui gloriosus et benedictus est in secula seculorum. Amen.

III

Imperatori[1] *Lodewico Karoli regis filio mittitur nuncius a populo christiano, quem ipse cum ingenti sequitur milicia in paganorum confinia, habens in comitatu papam Benedictum, pontifices septem, Theodiricum Myndensem episcopum, Dudonem Paderbornensem episcopum, Drogonem Osnaburgensem episcopum, Dodonem Mimigardeuordensem episcopum, Ausfridum Traiectensem episcopum, Reynbertum Hamburgensem episcopum, Erlorfum Verdensem episcopum, duces septem, comites quindecim, quorum vim Slaui non ferentes premittunt nuncios pacem petentes, sed data pace irruunt et dilectum deo populum varijs mortibus interimunt. Christiani cadauera congerunt et in Ebbekestorp sepelienda conuehunt. Pagani vero deum nescientes quosdam captiuos abduxerunt et incarcerauerunt et multa capita cesorum martirum hastis prefigentes in titulum victorie super pinnaculum defixerunt et super murum vrbis que appellatur Stargart, altera vero Danzeke*[2]*. Et licet auibus essent exposita, prouidente tamen deo, cuius respectus est in electos, illius a die passionis eorum videlicet a kalendis Augusti vsque ad natalem domini in ymbre et estu intacta perdurauerunt. Erant ibi tres pinne, in quibus affixa non erant capita*[3]*. Quod dolentes pagani miserunt quosdam, qui deferrent tria capita, vt magis gauderent, dum loca omnia occisorum capitibus plena essent. In vigilia natalis domini venientes allatis capitibus dum ea in derisum capitibus alijs adiungerent, ea que a die beati Petri illic erant quasi congaudentes eos secum probris exponi, quos in passione socios habuerant, laudem que vulgo Herwis dicitur decantabant.*

IV

Nocte[4] *igitur sacratissima dominice natiuitatis media splendor superne lucis ipsum locum irradiauit, et audita sunt capita ymnum angelicum „Gloria in excelsis deo" canencia et delicias electissime noctis dulci modulamine concrepancia. Miranda quidem nouitate sed non incredibili,*

[1] mit *Imperatori* setzt ein neuer Abschnitt in P ein, der in W nicht enthalten ist; abgedruckt als zweiter Teil des Fragmentum in den Script. Rer. Brunsvic.

[2] mit *Danzeke* endet das Fragmentum, das Folgende ist im *Catalogus Codicum Hagiographicorum* abgedruckt (S. 123).

[3] *capita* fehlt Cat.

[4] mit *Nocte* beginnt der vierte Abschnitt, der weitgehend von Heinrich Tribbe ausgeschrieben worden ist; der Druck im *Catalogus* bringt davon den Anfang, der in den *Acta Sanctorum* fehlt.

239

quippe dominus[5] *faciens signa et immutans mirabilia hoc miraculo prodigioso martirum suorum merita clarificare dignatus est, cui est virtus omnia posse. Igitur vigiles, qui custodias obseruabant, hoc signo miraculoso consternati diffugerunt hijs, qui in vrbibus erant, hoc renunciantes. Vnde rex ciuitatis processit cum suis, qui et ipsi videntes lucem coruscantem et audientes supernum concentum, licet probarentur inimici nominis christiani, diuine tamen virtutis testes sunt effecti. Rex autem quos incarcerauerat educens requirebat ab eis, quid nam esset quod videret et audiret. At illi dicebant noctem illam esse, qua filius dei nascitur ex virgine Maria pro redempcione generis humani secundum carnem et ob honorem illius memorabilis facti celum et terram gratulari. Siquidem inimicus veritatis eorum non recipiens testimonium denuo fecit eos retrudi in carcerem, et dum clamarent ad dominum, abissus misericordie*[6] *respexit abissum miserie, illos videlicet pro se in ergastulo constitutos, et in vlcionem amicorum suorum, qui erant in vinculis, percussit inimicos suos in posteriora secundum plagam Philistinorum. Porro rex calamitate sua suorumque compulsus penitudine flectitur et, quod optinere non poterant miracula celitus ostensa, optinuit manus a deo missa. Nam vinculatos educens redditis capitibus quorsum vellent abire iubebat. At illi cum gaudio reuertentes celestum thezaurum secum asportantes diuerterunt ad locum, vbi sciebant corpora sanctorum cumulata*[7]*, et ita pia fidelium deuocione*[8] *honoranda sanctorum martirum pignora deportata reliquis sanctorum corporibus in Ebbekestorp consepelierunt in loco quidem humili et meritis eorum minus digno, vbi requiescunt quadripartite diuisa.*

Verumtamen locus requiecionis martirum per multa temporum curricula omnibus mansit ignotus, donec operante deo reuelantibus sese sanctis miraculose ostensus est. In die namque celebracionis sanctorum quedam matrone pergentes, cum peruenissent ad locum reliquiarum, difficultatem vie inciderunt, ita ut curru retardato et fragore facto stare compellerentur tamquam offendentes in lapidem. Que mirantes quid nam obsisteret diligenti cura perquirebant huiusmodi difficultatem, et respexerunt domino reuelante cespite euerso cruorem recentem ab humo resilire, et agnoscentes corpora martirum illic recondita deuote adorauerunt.

---

[5] *deus Cat.*

[6] unleserlich, *Cat.* hat *misericordiae*

[7] *tumulata Cat.*, nach der Schreibung ist beides möglich

[8] *deuocio* P, *deuocione* notwendige Emendation des *Cat.*

240

Aliud quoque miraculum adiecit dominus in reuelacione martirum suorum. Quidam deo deuotus nomine Octericus[9] *manens in villa adiacente sanctorum memorie dicta Stadorp tempore matutino solitus erat ecclesie sancte frequentare limina. Et intra caliginem, cum essent ceca omnia, cernebat luminaribus accensis locum requiei sanctorum luce serena illustrari, et ita locus alius inuentus est.*

Erat domus vicina memorie martirum in australi parte, que exorto tonitruo fulmine consumpta est. Que sepius reedificata choruscacione consumitur. Et quia locus ille a fidelibus sepe visus est illustrari celesti lumine, liquido patuit dominum maiestatis ea in terris velle magnificari, que ipse in celis extulerat. Sicque sub anathemate est inhibitum, vt domus illa nullatenus reedificaretur, et ita tercius locus inuentus est.

Erat tunc temporis quidam bone memorie vir Methericus nomine, qui primo noctis conticinio expetebat sollicitus et deuotus ecclesiam. Cumque ad predictorum martirum memoriam accederet, audiuit angelorum choros concinnentes[10]. *Hac suauitate vocum captus stabat attonitus ammirans quid audiret, cum cunctos sopor detineret. Aspiciensque eminus vidit immensitate luminis totam irradiari capellam, accedensque propius reseratis ianuis introijt accensa plurima luminaria vidit, psallencium choros audiuit nullumque penitus aspexit. Nam deus, qui in se cuncta continet materiata*[11] *luminis mirandi prebuit spectaculum, et ita locus idem in reuerencia habitus est. Et si quis quocumque grauatus morbo oratum illic accesserit, reportat patrocinia. Hec audiuimus a quibusdam fide dignis, qui multa nouerunt ex antiquitate priorum temporum, que eciam digne iudicauimus memori euo commendanda ad laudem saluatoris et ad preconia martirum Christi.*

Passi sunt autem sancti martires in ciuitate Hamborgensi die kalendarum Augustarum presidente sancte apostolice sedi Benedicto summo pontifice regnante pijssimo Lotwico serenissimi Karoli regis filio[12].

Igitur anno[13] *dominice incarnacionis millesimo ducentesimo quadragesimo tercio manauit oleum ex ossibus sanctorum martirum in die passionis eorum, quod ab ortu solis manare*[14] *cepit et ad horam fere quartam stetit. Aderamus et nos psallentes in multa graciarum actione in*

[9] Ostericus Cat., Heinrich Tribbe hat richtig Ottericus

[10] concinentes emendiert Cat.

[11] kaum leserlich, Cat. schlägt vor: Metherico, matericita

[12] hier endet der Abdruck im Catalogus

[13] mit anno setzt der Abdruck in den Acta Sanctorum ein

[14] manere AASS (Druckfehler)

241

lacrimis effusa et stillicidio illo supercelesti quo omnes spiritaliter peruncti.

Abbas Vllessensis[15] *aderat cum suis testis et ipse fidelis, qui reportauit ecclesie sue memoriale ex oleo illo sacro, quod ministrauit nobis rex regum diues in omnes non mediocriter, sed ex habundanti presentibus*[16] *spiritalibus*[17] *et laycis, qui conuenerant ad diem festum, vbi misericordia dei nullius fraudauit oculum in illius olei sacri manantis aperta visione. Quidam tamen, vt moris est humane tarditatis, non credentes liquorem sanctum diuinitus datum affirmabant rorem magis esse tenendum. Sed dominus bonitatis sue donum non passus errore obscurari abrasit dubium in die scilicet passionis eorum, die mediante in ipso feruore solis oleum ex ossibus sanctis fecit exsurgere populo concurrente et inspectante, ea videlicet hora, qua rorem descendere non esset opinabile.*

Erat quodam tempore in die beati Petri pluuia vehemens, et dominus more solito mirificauit sanctos suos sacro oleo manante ex ossibus eorum omnibus astantibus et hoc miraculum cernentibus. Affuit inter eos quidam ex ordine minorum fratrum nomine Eckehardus[18] *deo valde deuotus. Et dum omnes hesitarent propter inundacionem pluuie que descendebat, lichnus quod tenebat intinxit in liquore et retractum imposuit candele et arsit, donec totum absumeretur quod fuerat intinctum. Prepositus Helricus eiusdem miraculi minus credulus quodam tempore accepto turibulo infudit sacrum oleum et arsit quasi liquor oliue. Et sic fidelis dominus circa opera sua omne soluit ambiguum. Benedicta gloria domini, qui mirificauit sanctos martires, quorum gloriam non audiuimus sed vidimus, et manus nostre contrectauerunt graciam, que data est nobis. Letemur et nos, apud quos sancti martires veneranda pignera sua in gremio fouere clementer delegerunt. Quorum conciues in presenti feliciter effecti sumus, in futuro gaudio cumulaciore consortes felicius assumendi, sicut speramus, ipso donante, qui vocat ea que non sunt tamquam ea que sunt.*

Tempore domini Manegoldi, qui erat prepositus canonicorum in Ebbekestorp[19]*, ecclesia Mindensis est incensa. Que reedificata sepcies postea igne consumpta est. Mindenses igitur missis legatis alloquuntur capita ecclesie nostre petentes, vt accepto magno premio redderent sibi corpus pontificis eorum, beati videlicet Theoderici, vt in tanto periculo*

[15] Villessensis AASS (Lesefehler aus Unkenntnis der Gegend)

[16] nach presentibus ergänzen die AASS et

[17] spiritualibus AASS

[18] Echehardus AASS (Lesefehler)

[19] Ebbekestorq AASS (Lesefehler)

242

eis sit presidio. Reclamant omnes nullatenus annuentes, quia inter tot milia vnus dinosci non poterat. Quin eciam si notus esset facie et nomine, nullo modo dimitterent thezaurum, qui concilio[20] *diuino apud eos esset reconditus, et hoc eis ad lucrum maximum. Igitur qui missi fuerant infecto negocio reuertentes*[21] *turbacione non modica populum conuenerunt. Ergo licet cassaretur desiderium eorum, patronum tamen suum quamuis absentem honore magnifico sublimare volentes argenteum faciunt monasterium ad modum lacerti pulchro stemate decoratum, sacerdotem ante altare ponentes ex latere turrim argenteam et sacristam stantem et nolas quasi compulsantem, hoc munus sibi fore munimen sperantes, vt eius patrocinium hinc eis referret solacium. Et sic per merita sancti martiris cessauit plaga incendij ab eis.*

Structura, que erat circa corpora sanctorum, ex vetustate collapsa fuerat, que ex negligencia ciuium non reedificabatur. Tunc idem predictus pontifex apparuit cuidam moniali in casula violacij coloris, infulatus ac mirifice decoratus, vultu serenissimo, precipiens, quatenus pronunciari faceret populo iram dei super eos in breui futuram pro eo, quod locus, in quo requiescerent, valde haberetur despectus et porci terram euellerent nullo penitus prohibente. Et subiunxit: „Quibuscumque hec narraueris, dices in testimonium, quod me corporalibus oculis videris, et quod cottidie[22] *sumus memores omnium nostri memoriam agencium apud summum deum." Quo dicto vir venerandus disparuit.*

Quodam tempore, dum quidam rusticus illic gramen meteret pecoribus suis in pabulum, contigit, ut ipse et vxor sua sensu priuarentur, equus eius et omnia pecora morerentur. Et in hoc apparuit, quod dominus sublimauit sanctos suos dignis in celo premijs et in mundo miraculis, cui est laus in seculorum secula.

Eodem tempore erat quedam puella toto corpore contracta, que vehiculo imposita illuc a parentibus est adducta, et celebratis pro ea missarum solempnijs pedes redijt ad propria stupentibus et letantibus omnibus qui aderant. Hec temporibus Geruasij prepositi acta sunt, qui gauisus in domino sermonem fecit ad populum, quia deus hoc de virtutum eorum testimonio signum dedit.

Quedam bone nacionis femina, dum laboraret in partu octo diebus, ad extrema deuenerat, ita ut de sepultura eius ageretur. Que inter doloris aculeos soporata[23] *vidit se assidere foribus ecclesie, ubi sunt sancti*

---

[20] *consilio* Emendation der AASS

[21] *reuerrentes* AASS (Druckfehler)

[22] *coctidie* P (c und t nicht zu unterscheiden)

[23] *separata* AASS (Lese- oder Druckfehler)

243

martires tumulati. Vidit ergo sibi assistere virum etate senem in habitu venerando, qui dixit ei: „Scio quod graui corporis molestia es depressa, si feceris quod persuasero, sanitatem recipies. Si ad quemlibet locum, vbi requiescimus, voueris te oblaturam quatuor denarios, continuo salua eris. Arbitrio tuo relinquo, quid ad capellam offerre volueris." Euigilans autem ex visione certa reddita, matrem et astantes rogabat, ut que ei demonstrata fuerant, domino deuouerent. Et statim peperit filium et curata est, sicut preuiderat.

Plebanus quidam dum laboraret in quartanis, voto se sanctis obligauit, et quod amicos dei fide honorasset, sanitate reddita ostendit.

Quedam monialis, dum penitus obsurduisset, gramen quod de tumulis sanctorum carpserat tulit auribusque imposuit et protinus audiuit.

Matrona quedam vehementi dolore oculorum grauabatur, oculos argenteos sanctis transmisit, et[24] *dolor continuo conquieuit.*

Oppidanus quidam sacra vnctione percepta, dum peruenisset ad extrema, vocat vxorem rogans eam, ut ad memoriam martirum curreret et pro eius sanitate supplicaret. Hora qua mulier illuc aduenisse videbatur, vir incolumis efficitur, qui die tercia ad agriculturam progreditur.

In hijs et alijs multis magnificasti, domine, populum tuum, et pro **ostendenda eorum vera gloria tua non desunt**[25] *miracula. Istos igitur dei bellatores veneremur, qui tanta dei dona miro testantur in actu, ut nos eorum gloriosis meritis et intercessionibus participes fieri mereamur in perpetue claritatis regno. Amen.*

---

[24] nach *et* haben die AASS fälschlich nochmals *et*

[25] *desinunt* AASS (Lesefehler)

244

Начинается страдание святых мучеников, покоящихся в Эбсторфе, которое имело место 1 августа[1]

I.

Пусть святая мать церковь веселее, чем обычно, пропоёт, торжествуя, великому царю народов Христу о победном триумфе святых мучеников, в которых среди прочих милостей человеческого благоденствия воссияла, словно утренняя звезда, чистота искренней веры. Их славные заслуги и красота примерной жизни по праву хранятся ради вечной памяти в тайных хранилищах пергаментов. Они – светила звёзд, светильники среди тьмы, мученики Христовы, чья память будет достохвальным образом увековечена в настоящей истории, исповедники Христовы, которых свирепость языческой злобы осудила на двойную погибель в Германии, возле реки Эльбы. Кто может описать смелость тех, кого не смогли отвратить от твёрдости веры ни страх смерти, ни иное, что полагают славой этого мира? Кто не сострадает мученичеству таких мужей, которые ради бедного Христа стали из богачей бедными и скитальцами и подвергли себя всем опасностям? Пусть слава о них живёт вечно, а знаки их разнообразных добродетелей и достойные памяти заслуги пусть, словно звёзды, светят путникам в круге земном. Увековечить их выдающуюся память в книгах – почётно для писателей, славно для сказителей[2], пригодно для ваятелей и прекрасно для художников, с тех пор как они, честно сражаясь, оставили потомкам в блеске веры воинские заветы, обагрённые собственной кровью.

II.

Начнём с того, что в хрониках упоминается Карл I, который зовётся Великим, христианнейший муж, истинный почитатель Бога, ревнитель и защитник христианской веры, сражавшийся за неё всеми силами; среди прочих похвальных дел, которые он совершил при поддержке Божьей милости, он учёными проповедями мужей просветителей и вооружённой рукой обратил к католической вере

Начнём с того, что во времена императора Людовика, сына Карла Великого, пока церковь в пределах Германии разрасталась из недавнего насаждения, усилилось тяжкое гонение на христиан, в особенности, по ту сторону Эльбы, где язычники, родом славяне, были жителями тех земель. В то время в Гамбурге, который ранее звался Букбури, было две большие и сильные крепости: одна – в южной

[1] В W.: «История мучеников, убитых в Гамбурге».

[2] В W.: «ревнителей».

Саксонию, Тюрингию, Вестфалию, Гессен, Фризию, Славонию и Гользатию вместе с их пределами, чтобы они, оставив заблуждения, не оставляли католической веры, но нерушимо хранили её во веки вечные. После смерти названного Карла Великого, светлейшего императора, некоторые христиане – не истинные, но ложные, в особенности, по ту сторону Эльбы, – так как они были в известной мере силой вынуждены к принятию христианской веры, оставили по внушению злейшего врага рода человеческого и всего нашего спасения веру Христову, которую приняли, и, воздвигнув своего поверженного идола Хаммона, а именно, Свентебюка, Вителюббе, Радегаста, наряду с прочими, поставили их на прежних местах и почитали, как принятую ранее веру, оставив истинного Бога. Это произошло после смерти Карла, как представляется, во времена Людовика I, который был сыном Карла. И хотя многие монахи, миряне и богобоязненные пресвитеры многие годы громко протестовали против этого отступничества и всеми силами обрушивались на него, они мало в чём преуспели, ибо это отступничество многие годы скрытно существовало в соседних землях и областях, и светлейший император Людовик I, почитатель истинного Бога, приверженец христианской веры, упорно заботился в Италии, Франции, Галлии и прочих верхних землях о том, что относится к пользе святой матери церкви. Когда он блаженно почил в Господе, ему на престоле наследовал его сын, которого звали Людовик II. Итак, в его времена это пагубное отступничество славян со всей очевидностью проявилось по ту сторону Эльбы и стороне, в том месте, где ныне построена церковь Пресвятой Марии, а другая – в северной стороне, возле пруда, который называется Афальстрия. По соседству находилось вокруг также много городов, деревень и крепостей, а именно, Лауэнбург, Ратцебург, древний Старгард, Стетин и многие другие города и замки, жители которых, дав честное слово, под присягой заключили между собой договор о дружбе, постановив оказывать друг другу взаимную помощь во всём, что бы на них ни обрушилось, дабы таким образом, наслаждаясь благами мира, они могли в покое владеть своими землями и совместными силами мощно покорять чужие народы, восставшие против них.

В те дни в Гамбурге произошло следующее поразительное чудо.

Жил некий язычник, родом славянин, по имени Барух, благородный по крови, гордый могуществом и владелец крепостей в Гамбурге; у него была жена по имени Херина, сторонница тиранической злобы. Она считала достойным глумления благоразумнейшее положение католической веры, которое вечно будет иметь силу, а именно, что Дева Мария зачала и родила без мужеского семени и после родов осталась девицей, упорно утверждая, что это невозможно для Бога и для природы. И вот, ты, славный Боже, пожелал покарать эту безрассудную дерзость и кощунственные мысли нечестивой и тиранической дамы суровостью подобающей кары в пример прочим, кто презирает католический закон, чтобы пример наказанного пренебрежения удерживал от нарушений закона таких же хулителей Бога.

Случилось же, что эта женщина зачала и, поскольку природа от неё

начало ещё шире распространяться в соседних землях и провинциях, ибо они тогда с презрением отвергли взыскания и увещевания священников Христовых и начали силой нападать на них с оружием в руках. В те времена в этих землях было много городов, а именно, Лауэнбург, Ратцебург, древний Старгард, Стетин наряду с прочими городками, замками и деревнями, жители которых, дав честное слово, под присягой заключили между собой договор о мире и дружбе, постановив храбро и честно оказывать друг другу взаимную помощь, если на них обрушатся те или иные чрезвычайные обстоятельства и случайности, чтобы таким образом, сохраняя желанную прелесть мира, они могли в мире и спокойствии владеть своими землями и совместными силами мощно покорять чужие народы, восставшие против них. Из наиболее известных среди этих городов, как вышеназванных, так и многих других, был Хохбург (так его называли тогда, а ныне зовут Гамбургом), имевший две большие и сильные крепости: одну – в южной стороне, возле Эльбы, в том месте, где ныне основана и освящена церковь Пресвятой Девы Марии, а другую – в северной стороне, возле реки, что зовётся Альстрия. Господином этих крепостей и всего города был герцог Барухт; жену его звали Херина, и они оба были благородными по крови, но жили по языческому обряду, гордясь земным могуществом.

В их времена по удивительному промыслу Божьему в Гамбурге случилось небывалое чудо, а именно: супруга герцога Херина, хулившая Пресвятую Деву Марию, презиравшая католическую веру и нападавшая на неё, зачала от

отвернулась, целых два года

своего мужа и из-за ошибки природы, которая от неё отвернулась, целых два года

носила плод во чреве, жестоко страдая. Затем, когда чрево разорвалось, она в муках окончила свою жизнь, родив чудовищного сына, который говорил и ходил и в расположении членов которого природа сильно погрешила. Ибо он был двуглавый, руки его выглядели, как ноги телёнка; у него были страшные глаза, и уши на одной из голов представляли образ ослиной упряжи; ноги у него были медвежьи, и он радовался, постоянно двигаясь и прыгая. Женщины и повивальные бабки, увидев этого монстра, оцепенели и позвали отца вместе со всей челядью. Отец же и все, кто там был, тревожась и скорбя о смерти жены, сетовали на такого рода врождённый порок природы; горе настолько притупило чувства каждого, что они стояли в беспамятстве с открытыми глазами, словно лишённые дара речи, и, утратив силы, глядели друг на друга. Тогда монстр, что появился на свет, страшным и необычным голосом закричал: «Мать моя умерла, и душа её отдана в пасти дьяволов, чтобы они вечно её терзали; она погребена в аду и отравлена горечью вечных мук». И прибавил: «Для спасения людей и во славу ангелов Иисус Христос, сын Божий, принял облик слабой человеческой участи, и не знавшая мужнего ложа Дева Мария, лилия девственности, родила его, словно луч света. И всякий, кто отринет эту веру, будет наказан лишением вечного света». Сказав это, он упал на землю на своё лицо и испустил дух. Тогда Барухт, герцог язычников, начал с великим рыданием оплакивать смерть жены и поверил, что вышеназванное чудо было совершено христианами при помощи магии; утратив людскую предусмотрительность, он, поддавшись жестокости, дал поручение своим служителям убивать всех, кто соблюдает в его округе христианский закон и почитает истинного Бога, подвергая их разным пыткам, каким захотят. И эти палачи, когда в них прорвалось наружу пламя старинной злобы, с преступной и отвратительной наглостью убивали, подвергая разным неслыханным мукам, всех христиан, каких могли захватить. О какая страшная гроза обрушилась на триумфальных воинов небесного чертога, когда не только взрослые подлежали смерти, но даже детский возраст, не знавший света, младенцы, визжавшие у живота матери, гибли от меча убийцы! Удивительны выдумки этого нечестивейшего тирана, ибо он с дьявольской изворотливостью свирепствовал ради исполнения прихоти, стремясь убрать из этого мира столь блестящие блага справедливости, а именно, эти невиннейшие создания, так чтобы даже следов христианства не осталось во всех соседних с Эльбой землях. Среди прочих кощунственных преступлений они разрушали церкви, предавали огню убранство и книги законов, а имения, выделенные на нужды небесных таинств, присваивали себе оскорбительным и незаконным образом.

Среди прочих видов мучений они с ужасающей бесчеловечностью вывели в Гамбурге из тюрем 60 пресвитеров вместе со многими христианами и, сбрив им волосы на головах поперёк, наподобие креста, на три дня выставили их на посмешище славянам; и те завершили своё славное мученичество, претерпев следующую казнь: палачи содрали скальп в местах названного бритья и в четырёх углах пробили головы святых кругообразными железными инструментами. Раны от

такого рода инструментов были велики, кругообразны и, начинаясь со лба, затылка и обоих висков, соединялись в середине головы, так что по удалении инструментов открылся и остался оголённым головной мозг. Таким образом, связав им за спиной руки, а ноги подвязав к шеям лошадей, мучеников и исповедников Христовых без всякой жалости водили по отдельным славянским городам и весям поверх камней, пока они не были обезглавлены и, отдав душу Господу, не упокоились в Господе, погребённые в Гамбурге.

Тогда многие христиане, подавленные страхом смерти, отпали от христианской веры и подчинились жесточайшему языческому игу. Некоторые же из христиан, предприняв бегство в ночное время, спаслись от рук гонителей и, рассеявшись по разным провинциям, вели жизнь в изгнании и рассказывали прочим о случившемся.

А некоторые, придя в Рим, жалобным голосом поведали верховному понтифику, господину Бенедикту, о такого рода мученичестве и гонениях на христиан, сказав: «О святейший отец, мы, подавленные грузом печали и лишённые всякой радости, поспешили уйти в изгнание из отдалённых пределов святого христианства и, представ перед милостивым взором твоей святости, сообщаем тебе, что злосчастные язычники, чьих рук мы едва избежали, в поношение достоинству католической веры с диким неистовством совершили в Германии, по ту сторону Эльбы, гнусное преступление, а именно, убийство твоих христиан. Поэтому мы, о святейший отец, смиренно и со вздохами молим твою святость, дабы месть твоей праведной скорби (ибо ты по праву должен встревожиться из-за этого) так обрушилась на этих сынов беззакония, чтобы подобная злоба не нашла более столь безрассудных и преступных последователей. И если ты в соответствующих размышлениях не преклонишь к этому твоего сердца, то ощутишь, что все наши, живущие по соседству вокруг названных земель христиане вскоре точно так же подчинятся игу языческой порочности, и ты по необходимости должен будешь решать, какое лекарство применить к таким ранам святой матери церкви».

Когда господин папа услышал об этом, он был поражён страшным горем и, лишённый всякого утешения, посредством разных вздохов и стонов горько оплакал такого рода притеснение, совершённое против сынов католической веры, и, проведя совещание, в жалобных письмах просил христианнейшего императора Людовика о помощи в деле восстановления христианской веры в названных землях и мести за поруганную невинность. Известно, что император тогда с великим почётом и уважением принял письма и послов святейшего отца и, узнав по их содержанию о жестокости языческого преступления, попытался при помощи имперских сил исполнить волю и желание господина папы. Он разослал в разные провинции своих посланцев со своими письмами, запечатанными королевским перстнем, и, с их помощью призвав сиятельных мужей, герцогов, баронов, графов, рыцарей и вассалов при условии платы щедрого жалованья, в короткое время собрал славное войско из изысканнейших рыцарей и оруженосцев; с ним он собственной персоной пришёл в Рим, не отказываясь подвергнуть себя любым опасностям ради защиты христианской веры. А верховный понтифик, видя, что в этих христианах укоренилась такая твёрдость веры, восславил всемогущего Бога, почтительно принял

императора с поцелуем мира, отеческим благословением и немалым утешением и по порядку изложил ему всю суть своего намерения.

А следующей ночью ангел Господень, придя с неба, явился им и, укрепив их в их благочестивом намерении, произнёс утешающие слова, говоря: «Я дан вам в стражи и защитники. Твёрдо идите и не бойтесь! По окончании ваших дел вы счастливо заслужите право быть украшенными славой цветущей отчизны». Затем папа Бенедикт, оставив императора Людовика в своих землях ради приращения христианской веры и набожности, лично выступил из Рима вместе с этими отборными воинами названного войска Христова и по истечении времени прибыл к реке Эльбе, где задержался на две недели, не переходя за Эльбу из-за того, что должен был собрать воедино войско, утомлённое тяготами такого пути. Папа имел в этом войске семерых епископов – Дитриха, епископ Миндена, Дудо, епископа Падерборна, Дрого, епископа Оснабрюкка, Додо, епископа Мюнстера, Аусфрида, епископа Утрехта, Римберта, епископа Гамбурга, Эрлольфа, епископа Фердена, семерых герцогов, 15 графов, а число прочих баронов, рыцарей и вассалов было неисчислимым.

Через две недели христиане, пройдя дальше за Эльбу, подошли к Гамбургу и, желая развязать войну против язычников, разбили палатки, мужественно приготовившись к бою; весьма набожно обратившись с молитвой к Господу, они сказали: «Помоги нам, Господи Боже, спаситель наш, и посвети нам из Рая, излив твой приятнейший свет, чтобы мы, поддержанные со всех сторон, напугали и внушили страх тем, которые нагло хулят твоё имя и с презрением отказываются почитать тебя, истинного Бога, дабы они, поражённые страхом перед тобой, признали тебя единственным Богом и не иным Богом, а тем, который живёт и царствует вместе с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь».

Язычники же, убедившись в приходе христиан и узнав, что те с отважным ликом грозят им войной, были поражены сильным страхом, зная, что если христиане атакуют их мощной дланью, то им угрожает смерть, разрушение храмов, ниспровержение их идолов и позор вечного запустения; и они собрали совет, чтобы посовещаться о том, что им угрожает. Итак, когда собрался совет язычников, они стали говорить между собой: «Бедствия теснят нас отовсюду, и мы не знаем, что следует выбрать. Сближаться и встречаться с таким множеством людей не слишком безопасно для нас, а предлагать им битву – весьма опасно. Если же (чего не дай Бог!) мы подставим шеи под чужое иго, то сможем избавиться от этого ига лишь с огромным трудом и будем впоследствии нарушителями данной клятвы. Итак, кто предложит решение в этих безвыходных обстоятельствах?». Тогда один из старцев, водворив тишину, громким голосом произнёс: «О храбрейшие мужи, почто души ваши поддались такому тревожному унынию? Есть краткое и очень разумное решение и, если вы с ним согласитесь, то оно даст вам наилучший выход, избавив от надвигающейся беды. Если битва не может принести спасение, то нынче полезно отступить. Итак, обратимся к смиренному миролюбию и постараемся прибегнуть к кротости просьб, дабы лаской победить тех, кого не можем победить силой оружия. Не будем предпринимать в отношении них тяжёлые действия, которые нам не по силам, но воспользуемся хитростью и уловками, при помощи которых часто

достигается то, что, казалось, нельзя совершить силой. Ибо вы знаете, что кротость ошибочных убеждений этого народа требует открыть лоно братской любви для тех, кто жаждет милости их Христа и веры, и предать вечному забвению прегрешение того, кто покаялся. Так вот, мы можем, притворно изобразив скорбь, как если бы мы хотели принять христианскую веру, написать их предводителю в наших письмах следующее: «О святой отец, мы погрешили, сбились с пути истины и, совращённые лживыми и вероломными советчиками, пролили невинную кровь христиан. Из-за этого ты, движимый праведной скорбью, по праву ищешь нашей погибели. Но прости нас, святой отец, и в благочестивом размышлении позаботься о славе и приращении христианской веры, ибо ты – тот, кому святость оставила славу прощать. Мы готовы принять спасительнейшее соблюдение святейшего католического закона, согласно твоему святому наставлению, и все стремимся принять таинство крещения и смешаться с толпами христиан. Мы также желаем, чтобы твои верные в наших лагерях и в наших владениях были одарены нами. Мы будет твоими слугами и впредь ничего против нерушимых установлений христианской веры не совершим». Когда это будет устроено таким образом, они без сомнения обрадуются и пощадят нас, и мудрость этого решения тем самым одержит верх над их простотой, которую они почитают хитростью, а затем по предложениям других советчиков дары судьбы улыбнутся нам в виде победы». Язычники, преисполнившись радости, сказали в ответ: «Благословен ты в наших богах! Благословен и здрав твой совет, который ты произнёс пророческими устами, и мы безотлагательно всё сделаем, согласно ему».

Итак, язычники послали из своего лагеря письма к папе, коварно прося о мире и милости, согласно вышеупомянутому предписанию. Письма были представлены господину папе Бенедикту, и он, увидев их и прочитав, обрадовался сверх меры, и, хотя собирался причинить им вред, всё же, побуждаемый милосердием, удержал жестокость бича и, поднявшись к ним с радостным лицом, как милостивый утешитель, по долгу обычной доброты, в голубиной простоте и не ведая об их скрытой злобе, от чистого сердца принял их в свою милость, сказав: «Да возобновится у всех верных Христовых радость оттого, что без испытания смертью и пролития крови, но одной лишь угрозой меча страха Божьего столько душ подчинилось нашей власти, чтобы стать приобретением Божьим».

Итак, заключив мир, христиане пришли в Гамбург, где девицы и женщины из языческого лагеря организовали им встречу и ядовитыми языками увлекали христиан демонстрацией духовного почтения. И огромное множество язычников, выйдя навстречу господину папе, с поддельной радостью и жёлчными сердцами кричали: «Ты пришёл, свет понтификов, со своим славным войском, и мы верим, что вместе с тобой к нам пришёл и Иисус Христос, сын Божий, искупитель наших душ. О святейший отец, дабы наступающая ночь не застала нас в состоянии прежнего безобразия, мы просим крестить нас как можно скорее!». Господин папа тут же одарил их таинством крещения и, явив своим воинам радостное лицо, сказал: «Какую хвалебную песнь мы споём Господу Богу, который обратил языческие народы от их неверности к признанию истинного света? Пусть возрадуется святая мать церковь столь удивительному промыслу нашего Спасителя, ибо благодаря дару

Его удивительной щедрости мы увидели себя возвеличенными в чужих землях за столь короткое время. Итак, после таких благодеяний, которые нам оказало божественное величие, мы просим у милости Божьей, чтобы те, кто подчинялся игу дьявольского служения и кого до сих пор совращали несведущие правители, примирились с Богом и, укрепившись благодаря благочестивым усилиям в краеугольном камне, который есть Христос[1], спаслись от грехов и преуспели в приращении добродетелей». Затем христиане уничтожили святотатственные обряды идолопоклонства этих земель и начали восстанавливать Гамбургскую церковь и другие церкви в прилегающих селениях. А тем временем, те лживые неофиты, которых терзала еретическая проказа, отрядили в древний Старгард и Стетин к своим товарищам посланцев с письмами такого рода: «Из-за твёрдой уверенности в вас и ради спасения всего нашего края, мы, по праву боясь, как бы не произошло полного уничтожения нашей общины, после того как силы наши иссякли, сделав вид, приняли крещение и подчинились власти христиан, которые замышляют далее разными способами подчинить рабству наши земли. Но, чтобы обмануть хитрость хитростью и чтобы те, кто облачился в чужую красу господства над нами, постыдно пали и вместо прибыли, которой они пришли насытить свою алчность, понесли ущерб, мы прибегли к следующему хитроумному плану. В ближайший их праздник, который они называют «у вериг Петра», их папа будет лично служить в Гамбурге мессу, и все христиане соберутся там на этот праздник, будучи безоружными и в чистоте своей набожности. Тогда вам самое время прийти в огромном количестве, вооружёнными и внушающими трепет, и насколько можете мощной дланью отомстить за такую дерзость, ибо ваше прибытие нужно нам в таком виде для сокрушения христианства. И тогда будет очевидно, что наши силы возьмут верх над этими безоружными, чтобы как вступление было для них приятным, так уход стал тернистым». Когда такого рода письма были рассмотрены, [в души] язычников проникло утончённое безумие[2] варварской страсти и гнуснейшей жажды проливать христианскую кровь; ввиду этого они поспешно собрались и, облачившись в свои доспехи, выступили в путь по направлению к Гамбургу, ибо в них пробудилась бешеная страсть к тому, чтобы свирепствовать против христиан.

Итак, когда настал день святого Петра в веригах, все христиане смиренно и набожно, с миролюбивым и благодарным Богу поведением собрались для святого таинства мессы в Гамбургской церкви, в которой верховный понтифик приготовился для торжественного служения мессы, в то время как кардиналы и епископы стояли рядом с ним. В третьем часу язычники пришли в Гамбург, и некоторые из христиан, стоявшие у ворот церкви, узнав об этом, спросили некоторых недавно крещённых, для чего собралось такое множество народа. И те, отвечая с льстивой угодливостью, сказали: «Они – наши земляки, которых неведение, как и нас, вело до сих пор кривой тропой; они пришли креститься, ибо также жаждут христианской веры». Между тем, ангел Господень явился верховному понтифику и сказал: «Вот, Господь

[1] Эфес., 2, 20.
[2] Ср.: Августин, О Граде Божьем, I, 32.

призывает тебя и весь твой народ для получения вечных венцов». С этими словами ангел тут же исчез. Услышав это, господин папа упал на лицо своё и стал молиться, говоря Господу Богу: «Господи Иисусе Христе, сын Давидов, ты, который являешься истинным Богом и творцом зримых и незримых, по желанию которого мы стали скитальцами, пришли в эти отдалённые земли и готовы ныне умереть за твою веру, услышь наши молитвы и сделай так, чтобы все, кто с искренней набожностью и сокрушённым сердцем призовёт в этом месте имя твоё и Преславной Матери Твоей, Девы Марии, и вспомнит о нашем мученичестве, заслужили право избавиться от всех бедствий и мучений и быть услышанными в своих справедливых просьбах».

Ангел тут же снова явился ему и сказал: «Поверь мне, твоя молитва услышана. Пусть будет в мире твоё сердце, ибо сегодня ты вместе со своими людьми взойдёшь в небесные чертоги». И вот, один из христиан, который сидел у ворот церкви, сообразил, что язычники, вступив в город Гамбург, жаждут христианской крови; войдя в церковь, он громко закричал: «О святейший отец, пришло множество язычников, и они стремятся вооружённой рукой убить тебя и твоих людей. Беги и спасай себя!». Христиане, услышав это, были поражены страхом, и их сердца наполнились из-за страха смерти великими скорбями и жестоко сокрушались. Добрый папа оглядел печальные души благочестивым взором и, стоя у алтаря, тут же обратился к народу и подал ему спасительное лекарство в таких словах утешения и поддержки: «Сегодня день нашего спасения, ибо в этот день Христос спасёт свой народ от его грехов; в доказательство этого я сообщу вам небывалую радость: сегодня Бог послал ко мне своего ангела, который сказал мне: «Вот, Господь призывает тебя и весь твой народ для получения вечных венцов». Так что будьте храбрыми мужами и задумайтесь о конце жизни, к которому нас уже давно влекла струящаяся череда дней. Глупо теперь бояться и из-за стремления избежать угрожающей нам опасности смерти, драгоценной в глазах Бога, потерять славу вечного почёта и ожидать гибельного приговора перед высшим трибуналом. Итак, пусть уйдёт всякий страх в годину, которая вот-вот нагрянет, и пусть удалится прочь всякое упорство превратного мнения. Ободритесь, наследники царствия небесного, и приготовьте сердца ваши для Бога, дабы не нашлось в нас ничего беспутного и полного соблазна, но в страдании принесите плод Господу. Сегодня за небольшое пролитие крови вы обретёте огромное небесное сокровище и станете соучастниками небесного воинства». Утешив их таким образом, он дал всем благословение, говоря: «Пусть благословит вас Господь Иисус Христос вечным благословением, и пусть ангелы Его хранят вас и приведут ваши души пред взором Его на небеса, где Он царствует вместе с Богом Отцом и Святым Духом в вечности». И весь народ ответил: «Аминь». И вот, когда они ответили таким образом, неофиты, коварные и безрассудные нарушители данной им веры, из-за самонадеянной и отвратительной злобы обратившиеся к блевотине прежнего безобразия, вооружённой толпой ворвались в церковь вместе с язычниками, которые пришли в это место мира, прервали богослужение и в неистовстве и страшной яростью набросились на христиан, крича: «Пусть воспрянет закон наш, смертельно раненый христианами ради того, чтобы беззаконно пользоваться чужими налогами, и пусть погибнут от карающего меча все, исповедующие фальшивую и пагубную христианскую веру». «Горе вам,

христианам! – говорили они. – До сих пор вы без опаски воевали, ибо никто вам не сопротивлялся, и вы грозно приписали [захват] наших земель своей славе; теперь же всем, кто посмотрит, будет прекрасно видно, какими вы хотите быть воинами». Сказав это, они с врождённой свирепостью привычной тирании стали протыкать христиан копьями и убивать иными мучительными способами, так что от третьего часа до заката солнца почти все христиане, которые пришли на ту сторону Эльбы, были повержены, за исключением немногих, которых язычники хотели увести в знак победы в те земли, откуда пришли. Убитых же было почти 6000 человек обоего пола. Во время страстей святых мучеников в небе был слышен ангельский голос, со спасительным очарованием ободрявший тех, кто терпел муки, и говоривший: «Стойко обезоруживайте терпением жестокость бессильных тиранов, не бойтесь быстрых и мимолётных мук, ибо имена ваши прочно записаны в книге жизни и вас ожидает венец Рая небесного». Многие из язычников, слыша это, обратились к Господу нашему, Иисусу Христу, и, в это же время радостно приняв венец мученичества, сподобились в собственной крови омыться от мерзости преступлений. Смотрите, как лукавство злодеев победило силу добродетельных мужей, когда они коварно просили о таинстве святого крещения, и как терпение святых обезоружило тиранию безжалостных людей. То, что христиане были чрезвычайно набожны, щадя злодеев и из-за угодливости хитрецов, окутанной мглой вероломства, обращая в милосердие веление справедливейшего рассудка – карать смертью негодяев, подтверждает пролитие такого количества крови, что из-за потоков крови мучеников улицы в Гамбурге окрасились в розовый цвет, так что при обычном переходе улиц язычники скакали на своих конях по кроваво-красным ответвлениям рек до самых их колен, а одежды убитых мучеников, щиты и обломки сломанных копий стремительно уплыли по ним в естественное русло Эльбы.

Язычники же, утолив пагубную страсть такого рода кровопролития, в знак победы, как было сказано, увели с собой из Гамбурга в древний Старгард некоторых благородных мужей из числа христиан, которых оставили в качестве пленных, вместе с многими головами, отрезанными от тел поверженных. Головы мучеников, привезённые в память о такой победе, они разместили на вершинах городских стен, а невинных пленников бросили в ужасающий мрак казематов и жестоко мучили их там двойной стражей и тяготой железных оков, запрещая давать им есть, чтобы те, измученные длительным заточением и голодом, испустили дух. Но ангел Господень, пока виновники вышеназванного злодеяния ничего не знали, в изобилии подавал им всё, что было нужно для жизни. Итак, гамбуржцы остались в своём неверии, до основания разрушили церкви, которые христиане возвели Богу, и, терзая, убивали всех христиан, каких могли захватить.

И вот, истинное предание гласит, что когда пришло время Рождества Господа нашего Иисуса Христа, в замке древнего Старгарда в самую ночь Христову произошло следующее чудо: кристальное сияние озарило огненным светом и сверкающим блеском небесной красоты головы святых мучеников, и ангелы Божьи созвучными голосами распевали прекрасные симфонии со сладкоречивыми отзвуками разных мелодий, сотрясая небо громовым: «Слава Богу в вышних». Когда стражники, охранявшие замок, услышали это, то были поражены сильным страхом

и, разбудив сеньоров замка со всей челядью, сказали: «Быстрее вставайте и вы увидите неслыханные чудеса». Когда те поднялись и оказались посреди замка, то увидели, что всё, о чём им рассказали стражники, правда, и ангельское сияние так устрашило лучами своего света их недоумённые взоры, что они, словно сойдя с ума, стояли, робкие и трепещущие, не считая славу такого знамения никчемной. Затем один из них сказал: «Из-за того, что это не могло произойти естественным образом, нет никаких сомнений в том, что сверхъестественное знамение такого рода вызвано богами. Итак, моё разумение полагает, что если открыть темницу и вывести пленных (если из них ещё кто-то жив), которые говорили, что те, вокруг голов которых всё это происходит, как мы видим воочию, святы с тех пор как их обезглавили, то они, возможно, расскажут нам, что это за знамения, чуждые нашим обычным явлениям, которые смутили наши умы великолепием таких чувственных образов». Итак, мужей Божьих вывели из казематов и спросили о причине такого чуда. И те ответили, говоря: «О вы, уклонившиеся от света и лишённые добродетелей, назовите себя счастливыми, если ваши души, несмотря на то, что вы являетесь соучастниками совершённого преступления, направляются небесным правителем, от которого пришли подобные таинства знамений. Подумайте над такими предвестниками вашего спасения, которые совершаются для утешения святых, коих вы зарезали окровавленными мечами. Это – небесные чудеса, которые с точки зрения разума заставляют считать ничтожными преходящие блага; в этом сиянии, которое с трудом может различить глаз смертного и которое, как вы видите, окружает головы святых, пребывают сонмы ангелов, коим прибавилось радости от прибытия товарищей, которые благодаря пальме мученичества получили места в небесном чертоге и тотчас же заслужили сияние в хоре избранников Божьих, словно золотые созвездия. Итак, условие вашего бытия, коему присуще то свойство, что вы не знаете того, чего не испытали, и отвращаетесь от того, что испытали, вещь непостоянная. Где незыблемость вашей удачи, которой вы лишаетесь, умирая, когда вас разрушает скоротечное время? Так обратитесь же к Господу, оплакав содеянное, и вы будете спасены, и доставите ангелам Божьим обычную радость, которую они обычно получают по поводу тех, кто совершает покаяние». Язычники сказали им: «Мы признаём, что вы сказали достаточно о явлении этого сияния, но что вы скажете о том пении, которое мы слышали?». Христиане им: «Это – та радостная песнь, которую ангелы поют в ночь, когда Христос родился во плоти от Девы Марии, и благодаря которой мы ныне удивительным образом и сверх меры утешены». После этих слов сияние исчезло, и ангелы Божьи, с радостью распевая псалмы, удалились.

Тогда язычники, переговорив между собой, сказали: «Вот, мы слышали, как они, оказавшись в тяжких и весьма мучительных оковах и в ужасающем мраке темницы, получали от своих ангелов удивительные сверх меры утешения и не обессилели за столько времени от недостатка пищи, но, украшенные свежим и прекраснейшим цветом лица, не боясь никаких мук, говорят с нами с такой, как вы слышали, дерзостью; если бы они не обладали колдовскими знаниями, при помощи которых без всякого сомнения вызвали сегодняшние явления на глазах у таких мужей, в руках которых находится их жизнь, то не изрекали бы подобных взысканий, но, напротив, утратили бы ретивость всякого красноречия. Веский довод,

вытекающий из того, что они завидуют чужой удаче (это подтверждают слова, которые они произнесли), показывает, что они – и не праведные мужи, и не почитатели Бога. Так вот, благоразумно будет казнить их смертью, чтобы они не обманули нас, как гамбуржцев, своими измышлениями и овечьими шкурами, под которыми скрывают волчьи души». И герцог сказал в ответ: «Пусть их снова отправят в заточение, чтобы мы увидели, смогут ли их ангелы, которые умеют входить в тюремные покои ради их утешения, освободить их также из наших рук и от железных оков, а затем, если могущества ангелов будет недостаточно, пусть насладятся особыми привилегиями, ибо они станут святыми, как и их товарищи, которые, судя по их словам, стали святыми посредством смерти и чьими преемниками они станут, претерпев те же муки».

Но христиане сказали: «Почто вы ищите в нас разные поводы и причины, по которым вы собираетесь законно или беззаконно нас погубить? Магией мы не владеем, но веруем в Господа нашего Иисуса Христа и с благоговением просим у Него избавить нас из ваших рук». Затем христиане вновь были заключены в темницу. Но Бог, услышав молитвы своих святых, наслал десять казней фараоновых, которыми Он карал египтян, на всю землю славянскую. Славяне же, подражая непреклонности фараона в упорном высокомерии ума и духе злобы, не слишком заботились о такого рода строжайших предостережениях; когда же тягость начавшихся кар беспрерывно усиливалась, правитель древней Старгардской страны, призвав советников и старейшин земли, сказал им: «Не считаете ли вы, что настоящая напасть пришла на нас и на наш народ из-за удерживаемых христиан? Ведь на памяти людской с давних времён никогда ничего подобного не было в этих землях. Мой совет – убить их, и тогда напасти прекратятся». Советники ответили ему: «Господин! Они – в твоей власти, так что твори суд по своей воле, и делай то, что тебе кажется правильным». Той же ночью явился ангел Господень и открыл ворота тюрьмы, сказав им: «Вставайте и уверенно идите! Ничего не бойтесь, ибо я ослеплю ваших врагов и гонителей, дабы они не увидели вас и не помешали вам; и унесите с собой головы святых, расположенные на вершинах стен. Ибо я дан вам в охранники и защитники, чтобы идти вместе с вами и быть впереди вас во все ваши дни». Услышав это, христиане без колебания поверили словам ангела; и, когда они поднялись, кандалы спали с их рук и они свободно ушли; поднявшись на стены замка, они взяли головы святых, в то время как никто им не возразил, и принесли их вместе с собой в Гамбург, а ангел, как проводник, шёл впереди. По всей славянской земле разнеслась слава о том, что ангел Господень освободил христианский народ из запертых тюрем и из железных оков.

А язычники в Гамбурге, видя это, стали предпочитать христианский обряд поклонению всем идолам, и те, кого столько времени опутывали дьявольские сети и водила слепота невежества и неверия, приняли Христа и начали с искренней набожностью и усердными заклинаниями от всего сердца призывать их к себе, ибо они, мол, хотят последовать по стопам святых ради имени Христова и, прежде чем отказаться впредь от христианской веры, желают терпеливо перенести всякое поношение посредством тысячи смертей; и таким образом они весьма охотно приняли святых мужей с мощами.

По прошествии некоторого времени святые, которые освободились из плена, выкопали примерно третью часть мощей святых, погребённых в Гамбурге, и нагрузили ими множество повозок, желая отвезти названные мощи в Рим и другие места, откуда происходили святые мученики.

Итак, когда они отправились из Гамбурга с множеством повозок, нагруженных телами мучеников, и прибыли сюда по Божьей воле, то возле места, где ныне почтительно выстроен наряду с прочими строениями монастырь, находился одинокий, но славный двор, чей тогдашний обитатель – Эббеке – был соответственно богат преходящими благами; и те, кто ехал на повозках, поспешили ради полуденного отдыха к его двору и, спокойно оставив повозки в разных местах, а коней выведя на пастбище, решили поесть и идти дальше. И вышло, что когда они немного отошли от названного двора к месту, приготовленному и предуготовленному для святых мучеников и потому для спасения всего этого края, случилось, что ради того, чтобы не были рассеяны по провинциям и разлучены друг с другом те, кого при жизни узы духовной дружбы связывали неразрывной связью, сохранившейся и после смерти, и чтобы люди в этой земле ещё сильнее любили святых мучеников исключительной любовью и радовались, что получили и получат от них в будущем духовные благодеяния, вышло, согласно удивительному суду божественных тайн, что капли крови, непрерывно и чудесным образом капая наземь возле повозок напротив их колёс, сдержали порыв и помешали движению, так что если бы даже много коней впрягли, чтобы тащить одну повозку, они никоим образом не могли бы сдвинуть её с места вместе с мощами святых, но повозки удивительным образом опустились в землю, словно в ней была рытвина. Так тела

Случилось же, что они прибыли в некую деревню, которую местные жители называют Эбсторф и в которой тогда жили благочестивые мужи, служившие Господу Богу в белых одеждах. Но, когда они хотели уйти из этой деревни, вышло, что ради того, чтобы не были рассеяны по провинциям те, кого при жизни узы духовной дружбы связывали неразрывной связью, сохранившейся и после смерти, и чтобы люди любили святых исключительной любовью в земле, где те пострадали, и радовались, что получили от них в будущем духовные благодеяния, капли крови, согласно удивительному суду божественных тайн, непрерывно и чудесным образом капая наземь напротив колёс повозок, сдержали порыв и движение, так что если бы даже много тысяч коней было впряжено в названые повозки, мощи святых всё равно не могли бы сдвинуться с названного места. Таким образом тела святых по сей день погребены там и с должным почтением сохраняются ради чести и славы всемогущего Бога, который славен и благословен во веки вечные. Аминь.

святых, удивительным образом погребённые здесь, с должным почтением, как и подобает, сохраняются ради похвалы, чести и славы Господа нашего Иисуса Христа, который есть царь и венец мучеников. Да будет Ему похвала, честь и слава вместе с Богом Отцом и Святым Духом, ибо Он триедин, страшен во святилище своём[1] и благословен в вечности. Аминь.

III.

К императору Людовику, сыну короля Карла, был отправлен посол от христианского народа, за которым он следовал с огромным войском на границе с язычниками, имея в свите папу Бенедикта, семерых епископов – Дитриха, епископ Миндена, Дудо, епископа Падерборна, Дрого, епископа Оснабрюкка, Додо, епископа Мюнстера, Аусфрида, епископа Утрехта, Римберта, епископа Гамбурга, Эрлольфа, епископа Фердена, семерых герцогов, пятнадцать графов; славяне, не выдержав их мощи, выслали вперёд послов, просивших о мире, но, когда был дарован мир, напали и разными смертями перебили возлюбленный Богом народ. Христиане собрали трупы и свезли их для погребения в Эбсторф. А язычники, не знавшие Бога, некоторых увели в плен и заточили в темницу; кроме того, они множество голов убитых мучеников насадили на колья и прикрепили в знак победы к зубцам поверх городской стены в городе, который зовётся Старгарт, по иному – Данцеке. И, хотя они были выставлены птицам, всё же благодаря попечению Бога, чьё промышление об избранных его[2], они со дня своего мученичества, то есть 1 августа, до Рождества Господнего, оставались нетронуты дождём и зноем. Были там три зубца, к которым головы не были прикреплены. Язычники, сокрушаясь об этом, послали людей, чтобы те принесли три головы, и они бы ещё сильнее радовались, когда все места будут заполнены головами убитых. В канун Рождества Господнего те явились, принеся головы, и, в то время как их присоединяли на посмешище к прочим головам, те, которые были там со дня святого Петра, словно радуясь, что те, кого они имели товарищами в мученичестве, выставлены на позорище вместе с ними, запели хвалебную песню, которую в народе называют Хервис.

IV.

И вот, посреди святейшей ночи Рождества Господнего яркое сияние небесного света озарило это место, и стало слышно, как головы поют ангельский гимн «Слава Богу в вышних» и приятным благозвучием возвещают радость самой избранной

[1] Псал., 67, 36.
[2] Премудрость Соломона, 4, 15.

ночи. Хотя новость эта и вызывает удивление, но не является невероятной, ибо Господь, который может всё, совершая знамения и меняя чудеса, соизволил этим необыкновенным чудом прославить заслуги своих мучеников. Итак, стражники, которые охраняли тюрьму, поражённые этим чудесным знамением, разбежались, рассказав обо всём тем, которые были в городах. По этой причине король города явился со своими людьми, и они, лично увидев яркий свет и услышав небесное пение, хотя и являлись врагами христианского имени, сделались всё же свидетелями божественной силы. Король, выведя тех, кого посадил в темницу, спросил у них о том, что именно он видит и слышит. И те сказали, что это – та ночь, когда сын Божий родился во плоти от Девы Марии ради искупления человеческого рода и ради славы Его достопамятные деяния благодарят небо и землю. Но враг истины, не приняв их свидетельства, вновь велел заточить их в темницу и, в то время как они взывали к Господу, бездна милосердия позаботилась о бездне несчастья, то есть о тех, кто ради Него был посажен в темницу, и Он в отмщение за своих друзей, которые были в оковах, поразил врагов своих в тыл[1], согласно урону, который понесли филистимляне. Тогда король, вынужденный несчастьем своим и своих людей, склонился к покаянию, и то, чего не могли добиться чудеса, явленные свыше, добилась рука, простёртая Богом. Ибо, выведя затворников, он отдал им головы и велел уходить, куда те захотят. Тогда те с радостью пошли домой и, унося с собой небесное сокровище, направились в то место, где, как они знали, собраны в кучу тела святых; таким образом благодаря благочестивой набожности верующих досточтимые останки святых мучеников были привезены к прочим телам святых и погребены в Эбсторфе, в месте незначительном и не вполне подобающим их заслугам, где они и покоятся, разделённые на четыре части.

Однако место упокоения мучеников в течение долгого времени оставалось для всех неизвестным, пока при содействии Бога оно не было чудесным образом открыто благодаря откровению святых. Так вот, в день почитания святых некие собравшиеся в путь дамы, придя в место этих мощей, наткнулись в дороге на препятствие, так что повозка замедлила ход, раздался треск и они вынуждены были остановиться, словно напоровшись на камень. Удивляясь, что могло им помешать, они стали с тщательной заботой выискивать такого рода препятствие и, когда дёрн благодаря откровению Господа приподнялся, увидели, что из земли сочится свежая кровь; поняв, что там погребены тела мучеников, они набожно их почтили.

Чтобы открыть своих мучеников, Господь прибавил ещё одно чудо. Некий преданный Богу муж по имени Октерик, живший в деревне, прилегающей к гробнице святых, под названием Штадорп, во время заутрени имел обыкновению посещать пороги святой церкви. И во мраке, когда ничего не было видно, он узнал благодаря зажжённым светильникам место упокоения святых, ибо оно было озарено ярким светом. Таким образом место это было найдено вторично.

По соседству с гробницей, в южной стороне, стоял дом, который уничтожался молнией, когда разражалась гроза. Его часто отстраивали, но молния опять его разрушала. Поскольку верующие видели, что небесный свет часто озаряет это место,

---

[1] Псал., 77, 66.

стало очевидно, что Господь славы[1] хочет прославить на земле то, что он возвысил на небесах. Таким образом дом этот впредь было запрещено восстанавливать под угрозой анафемы. Так место это было обнаружено в третий раз.

Жил в те времена доброй памяти муж по имени Метерик, который в первую часть ночи с волнением и набожностью устремился в церковь. Когда он подошёл к гробнице названных мучеников, то услышал поющий хор ангелов. Привлечённый этим очарованием голосов, он стоял ошеломлённый и дивился тому, что слышит, в то время как все были охвачены сном. Глядя издалека, он увидел, что вся часовня освещена ярким светом; подойдя поближе, он, открыв двери, вошёл, узрел множество зажжённых светильников, услышал хор поющих псалмы, но никого не увидел. Ибо Бог, который содержит в себе все источники удивительного света, явил это зрелище, и таким образом место это пользуется немалым уважением. И если кто-либо, отягощённый неким недугом, приходит туда помолиться, он получает покровительство. Мы слышали это от некоторых достойных доверия людей, которые знали многое из старины прежних времён, что мы также сочли необходимым увековечить, как достойное памяти, во славу Спасителя и к прославлению мучеников Христовых.

Пострадали же святые мученики в городе Гамбурге, 1 августа, при верховном понтифике Бенедикте, стоявшим тогда во главе святого апостольского престола, в правление благочестивейшего Людовика, сына светлейшего короля Карла.

Итак, в 1243 году от воплощения Господнего, мощи святых мучеников мироточили в день их страстей; мироточение началось на восходе солнца и продолжалось почти до четвёртого часа. Мы были там и, распевая псалмы, при искреннейшем изъявлении благодарности, излитом в слезах, все были духовно помазаны этой наднебесной жидкостью.

Аббат Ильценский был там со своими людьми как очевидец и является тем верным, который доставил своей церкви напоминание от того святого миро, которое подал нам царь царей, богатый для всех[2] не в малой степени, но в избытке, в присутствии духовных и мирян, которые собрались в праздничный день, когда милосердие Божье не обмануло ничьи взоры, дав явно узреть мироточение этого святого миро. Некоторые всё же, как то свойственно человеческой тупости, не веря, что эта святая влага дана свыше, утверждали, что её скорее следует считать росой. Но Господь не потерпел, чтобы дар Его доброты был омрачён сомнением, устранив его в самый день их страстей, ибо заставил святые мощи мироточить на глазах у сбежавшегося народа в полдень, когда солнце палило, а именно, в тот час, когда роса пропадает, как то всем известно.

Однажды, в день блаженного Петра шёл сильный дождь, и Господь по своему обыкновению прославил своих святых мироточением их мощей, в то время как все стояли рядом и видели это чудо. Был среди них некто по имени Эккехард, из ордена братьев миноритов, весьма преданный Богу. И, в то время как все были в замешательстве из-за дождя, который лил, как из ведра, он намочил во влаге фитиль,

---

[1] Псал., 28, 3.
[2] Рим., 10, 12.

который держал, и, убрав обратно, вставил в свечу и она горела, пока фитиль, что был намочен, не сгорел целиком. Настоятель Хелрик, не слишком веривший в это чудо, взяв кадильницу, налил святое миро и оно горело, словно оливковое масло. Так верный Господь устранил всякое сомнение по поводу своих дел. Благословенна слава Господа, который чудным образом прославил святых мучеников, чью славу мы не слышали, но видели, и руки наши прикоснулись к благодати, которая дана нам. Возрадуемся и мы, у которых святые мученики милостиво поручили хранить в недрах свои досточтимые мощи. В настоящее время мы счастливо сделались их сотоварищами и, как надеемся, должны быть ещё счастливее приняты в соучастники будущей совершеннейшей радости по милости того, кто называет несуществующее, как существующее[1].

Во времена господина Манегольда, который был настоятелем каноников в Эбсторфе, сгорела Минденская церковь. Её семь раз восстанавливали, но затем её вновь уничтожал огонь. Тогда минденцы, отправив послов, обратились к главам нашей церкви с просьбой взять большую плату и отдать им тело их епископа, а именно, блаженного Дитриха, чтобы он был им защитой в такой опасности. Но те все, никоим образом не соглашаясь, громко негодовали, ибо среди стольких тысяч невозможно было узнать одного. И даже если бы его узнали по лицу и по имени, они никоим образом не оставили бы сокровище, которое было погребено у них по Божьему решению, а именно, для их величайшей пользы. Итак, посланцы, ни с чем вернувшись домой, вышли к народу в немалом замешательстве. И, хотя желание их не сбылось, они, стремясь всё же возвысить своего покровителя великолепной почестью, пусть и заочно, изготовили серебряный монастырь, украшенный по образу руки красивым венком, поставив перед алтарём священника, а сбоку – серебряную башню и пономаря, как бы стоявшего и бившего в колокола, в надежде, что этот дар будет им защитой и что его покровительство подаст им с этого времени утешение. Таким образом, благодаря заслугам святого мученика пожары прекратились и эта напасть от них удалилась.

Строение, которое было вокруг тел святых, рухнуло от ветхости и не было восстановлено из-за небрежения горожан. Тогда названный епископ явился одной монахине в ризе фиолетового цвета, в митре и украшенный дивным образом, и с весьма радостным выражением лица велел ей объявить народу, что гнев Божий обрушится на них в скором времени из-за того, что место, в котором они покоятся, не пользуется никаким уважением, так что свиньи роют там землю, и никто им не мешает. И прибавил: «Всем, кому ты это расскажешь, скажи в подтверждение, что видела меня собственными глазами, и что мы ежедневно вспоминаем перед всевышним Богом обо всех, кто помнит о нас». Сказав это, достопочтенный муж исчез.

Однажды, когда некий крестьянин рвал там траву для корма своей скотине, случилось, что он и его жена лишились чувств, а его конь и вся скотина издохли. В этом открылось, что Господь, коему слава во веки веков, возвеличил своих святых достойными наградами на небе и чудесами на земле.

---

[1] Рим., 4, 17.

В это же время жила некая девица, расслабленная всем телом, которую родители посадили на телегу и привезли сюда; и вот, когда ради неё отслужили торжественную мессу, она своими ногами вернулась домой к удивлению и радости всех, кто там был. Это произошло во времена настоятеля Гервасия, который, радуясь в Господе, обратился с речью к народу, сказав, что Бог дал это знамение в подтверждение их достоинств.

Некая дама из славного рода, страдая во время родов восемь дней, дошла до крайности, так что шла речь о её погребении. Забывшись посреди приступов боли, она увидела, что сидит возле ворот церкви, где погребены святые мученики. И увидела, что рядом с ней стоит преклонного возраста муж в достопочтенном наряде, который сказал ей: «Я знаю, что ты удручена тяжкой телесной немочью, но, если ты сделаешь то, что я посоветую, ты выздоровеешь. Если ты дашь обет пожертвовать четыре денария в любое место, где мы покоимся, то сразу же станешь здоровой. Оставляю на твоё усмотрение пожертвовать в часовню то, что захочешь». Очнувшись, она, обретя благодаря видению уверенность, просила мать и тех, кто стоял рядом, пожертвовать Господу всё, что ей было велено. И она тут же родила сына и исцелилась, как и предвидела.

Некий плебан, страдавший лихорадкой, посвятил себя по обету святым и то, что уважил обещанием друзей Божьих, подтвердил тем, что выздоровел.

Одна монахиня, когда совсем оглохла, взяла и вставила в уши траву, которую нарвала на могиле святых, и тут же снова стала слышать.

Одна дама страдала от сильной боли в глазах. Тогда она посвятила святым серебряные перлы, и боль тут же утихла.

Один горожанин, приняв елеосвящение, когда лежал при смерти, позвал жену и просил её пойти к гробнице мучеников и помолиться за его выздоровление. И в тот самый час, когда женщина туда пришла, муж выздоровел и на третий день отправился работать в поле.

В этом и многом другом ты, Господи, чудесным образом прославил народ свой, и нет недостатка в твоих чудесах для демонстрации их истинной славы. Итак, будем почитать воинов Божьих, которых удостоверяют посредством чудесного деяния такие дары Божьи, чтобы благодаря их славным заслугам и заступничеству мы сподобились стать их товарищами в царстве вечного света. Аминь.

Пауль Андрей – Историк, общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Любек, Германия).
Paul Andreas – Historian, public and scientific project
«The Russian-German Historical Seminar» (Lübeck, Germany).
E-mail: andrej.paul@gmx.de

УДК 94(47).022

ОБ ИМЕНИ ХЕЛЬГИ (ПЕРВАЯ ЧАСТЬ)

Л.П. Грот
Общество «Русский салон» (Лулео, Швеция)
e-mail: mail@histformat.com
SPIN-код: 1768-1727

Авторское резюме

Данная статья посвящена анализу скандинавского имени Хельги и показу ошибочности его отождествления с именем Олег. Имя Хельги проанализировано на основе особенностей скандинавских именословов с однозначным выводом: Хельги в средневековых скандинавских именословах существовало как гипокористика и как прозвище (binamn), что исключало возможность быть заимствованным в древнерусский княжеский именослов и стать именем великого князя Олега. Женское имя Ελγα из византийских источников не могло быть скандинавским именем, поскольку в скандинавских именословах женские имена с окончанием *-а* являются либо гипокористиками, либо заимствованиями из иностранных именословов, очень часто славянских. Следовательно, мужская гипокористика Хельги/прозвище Хельги и женское имя Хельга не являются парными именами в скандинавских именословах, ибо пришли туда разными путями.

Ключевые слова: имя Хельги, князь Олег, имя Хельга, гипокористика, прозвище, индоевропейский субстрат.

REGARDING THE NAME HELGI (PART ONE)

Lidia Groth
Society «Russian Salon» (Luleå, Sweden)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

This article is devoted to the analysis of the Scandinavian name Helgi and proves the fallacy of its identification with the name Oleg. The study of Scandinavian onomasticons has led the author to conclude that the name Helgi existed in those collections as a hypocorism or a sobriquet, thus excluding the possibility of it being borrowed into the medieval princely onomasticon and becoming the name of legendary Prince Oleg. The female name Ελγα from Byzantine sources also could not be Scandinavian, due to the fact that the names ending with *-a* in the Scandinavian onomasticons were either hypocorisms or foreign by nature and mainly Slavic. Therefore, the masculine name of Helgi as a hypocorism or sobriquet and the feminine name of Helga were not paired in the Scandinavian onomasticons as they arrived there by different ways.

Keywords: name Helgi, Prince Oleg, name Helga, hypocorism, sobriquet, Indo-European substratum.

* * *

Было ли скандинавское имя Хельги прототипом, от которого образовалось древнерусское имя Олег и которое носил летописный князь Олег Вещий? Так, по крайней мере, утверждают норманисты, и данное утверждение конкретно сформулировано в статье Е.А. Мельниковой «Олгъ/Ольгъ/Олегъ <Helgi> *Вещий*: К

истории имени и прозвища первого русского князя», как видно, специально посвященной этому вопросу: «Имя древнерусского князя, жившего в конце IX – начале X в. ...соотносится, с одной стороны, с антропониконом древнескандинавского (причем именно древнескандинавского, а не общегерманского) героического эпоса, а с другой – с именами современных ему (квази-) исторических персонажей – представителей датских и норвежских локальных династий... Не исключено, что выходцем из этой среды был и тот Хельги, который оказался в Восточной Европе, во главе смешанного войска захватил Киев и стал великим русским князем» (Мельникова 2005: 143).

Утверждение это неверно, поскольку рождено ненаучным источником – шведским политическим мифом.

Предлагаемая статья будет посвящена анализу скандинавского имени Хельги и показу ошибочности его отождествления с древнерусским именем Олег. Но в качестве преамбулы к основной части статьи полагаю необходимым прояснить два момента.

Первый момент связан с упомянутым в начале статьи словом *норманисты*, и в сложившейся в данный момент ситуации обязывает дать определение понятию *норманизм*. До недавнего времени под норманизмом понималась система взглядов, сторонники которой отстаивали скандинавское происхождение летописных варягов, видели в князе Рюрике вождя скандинавских отрядов, не то завоевателя, не то наемника по договору, а также были уверены в древнескандинавском происхождении имени Руси.

Перечисленные положения по-прежнему присутствуют в работах российских историков, однако, слово *норманизм* в последнее время перестало нравиться представителям данной системы взглядов. Стали раздаваться голоса, что, дескать, никакого «норманизма» нет и разговор о «норманизме», «норманской теории», «норманистах» – это фантомы, существующие только в воображении антинорманистов: «Никакого норманизма нет в мире, нет его и в России. Нет какой-то ″норманнской теории″. То, что оспаривается антинорманистами под видом теории, это не теория, а некий набор фактов...» (Клейн 2014: 337).

Поскольку практика работы с научной литературой показывает, что за категорическими утверждениями норманистов «набора фактов» как раз и не обнаруживается, то по первому моменту можно сделать следующее заключение: до тех пор, пока в науке присутствуют вышеперечисленные взгляды, остается и объективная необходимость использовать понятия *норманисты* или *норманизм*, что и будет сделано в этой статье.

Второй момент касается вопроса о том, почему норманисты придают такое чрезвычайное значение отождествлению скандинавского имени Хельги с именем Олег. Обратимся снова к вышеупомянутой статье Е.А. Мельниковой и проанализируем угловато сформулированную в ней мысль о захвате Киева квази-историческим «персонажем», который, тем не менее, согласно Мельниковой, каким-то образом был связан не с квазиисторическими датскими и норвежскими локальными династиями. Следует напомнить, что за этой мыслью скрывается один из основных постулатов норманизма о ведущей роли скандинавов в образовании

Древнерусского государства и о создании древнерусского института верховной княжеской власти.

Данный постулат хорошо известен и раскрывается, в том числе, в другой работе Е.А. Мельниковой: «Возникновение Древнерусского государства подавляющее большинство современных историков связывают с объединением двух ранне- (или пред-) государственных образований: северного с центром в Ладоге и южного с центром в Киеве, скандинавским вождем Олегом (<Helgi)..., захватившим Киев в 882 г. ...наиболее важным для формирования Древнерусского государства стало вокняжение в 882 г. ...в Киеве... Олега. Пришедший, по преданию, из Ладожско-Ильменского региона вместе с сыном Рюрика Игорем, Олег объединил северный и среднеднепровский центры государственности и тем самым заложил основы Древнерусского государства» (Мельникова 2009: 89-97).

Ссылка на «подавляющее большинство современных историков», к сожалению, точно отражает ситуацию, существующую в российской исторической науке: норманистский постулат о ведущей роли скандинавов в образовании Древнерусского государства, по-прежнему, присутствует в работах многих российских историков (Горский 2008; Дворниченко 2010; Мельникова 2011; Пузанов 2007; Свердлов 2002 и др.).

Таким образом, мы видим, что рассуждения об имени русского князя Олега в работах норманистов – это не исследования, ограниченные исключительно рамками ономастики. Отождествлениие имени Олега со скандинавским именем Хельги выступает одной из опор утверждения норманистов о том, что основы Древнерусского государства были заложены в ходе завоеваний скандинавскими выходцами, в данном конкретном случае, выходцами из среды «датских и норвежских локальных династий». Это явствует, в частности, и из вышеприведенной статьи Е.А. Мельниковой. Ибо как представляется норманистам, если доказать, что имя Олег происходит от скандинавского Хельги, то это якобы автоматически доказывает захват скандинавами Киева и образование ими в Восточной Европе гигантского государственного объединения от Балтийского моря до Поднепровья.

Однако понятно, что завоевание само по себе не может породить государственность и институт верховной власти. Тот предводитель из статьи Мельниковой, который якобы «во главе смешанного войска захватил Киев и стал великим русским князем», должен был принести с собой соответствующие традиции политической организации общества и опыт управления сложными обществами. Но тогда в «наборе фактов», который согласно вышеприведенной цитате, составляет саму сущность норманизма, должен подразумеваться вопрос: могли ли представители «датских и норвежских локальных династий» выступать носителями подобных традиций в период, относившийся к правлению летописного князя Олега (879–912)? Если мы зададимся таким вопросом, то исчерпывающий ответ на него найдем в работах скандинавских ученых, посвященных проблемам политогенеза в скандинавских странах.

Согласно выводам скандинавских ученых, создание государственности в скандинавских странах носило затяжной характер. Вплоть до XI в., а в Швеции – до XIII в. территории будущих скандинавских государств представляли из себя

конгломерат мелких владений, ни одно из которых не в силах было выдвинуть лидера, подчинившего бы своей власти названные территории даже в течение X–XI вв. Структуры надлокальной власти создавались и быстро разваливались. Даже в конце XII в., например, жители Сконе выбирали собственного короля. Особой замедленностью отличался процесс социополитической эволюции в Швеции (Weibul 1921: 344-347, 360).

Известные современные шведские медиевисты М. Шёберг и Т. Линдквист отмечают, что социальные и политические отношения у свеев в первой половине IX в., запечатлевшиеся в «Житии Святого Ансгара», не изменились по прошествии 200 лет, поскольку аналогичную картину рисовал и Адам Бременский: территория свеев состояла из многих мелких владений, централизованной или верховной королевской власти не существовало. Только со второй половины XIII в. королевская власть в Швеции стала выступать «как форма относительно тонкой политической организации, как государственная власть» (Lindkvist, Sjöberg 2008: 23-33).

Аналогичные выводы приводятся в работах других скандинавских медиевистов (Harrison 2009: 26-36; Gahrn 1988: 36). При этом подчеркивается и вторичный характер политогенеза в скандинавских странах, испытывавшего сильное влияние со стороны более развитых политических традиций на европейском континенте (Lindkvist 1995: 4-12).

Вышеизложенное отражает тот очевидный факт, что каким-то существенным опытом в создании государственности и института верховной власти выходцы из скандинавских стран в IX в. не обладали, объединение земель под властью одной королевской династии растянулось в этих странах на века, вплоть до XI – XIII вв. А никому не дано принести другим то, чем сам не обладает.

Но есть и другие факты, выступающие против норманистского постулата о ведущей роли скандинавов в образовании Древнерусского государства. По имеющимся сейчас достоверным научным данным, полученным благодаря исследованиям подводной археологии, проводимым как российскими, так и скандинавскими специалистами в данной области, ни в Дании, ни в Норвегии не имелось даже судов такого типа, которые могли бы плавать по восточноевропейским рекам. Традиционные скандинавские килевые суда с клинкерной обшивкой, приспособленные для морских плаваний, не годились для плавания по русским рекам с порогами и волоками. Поэтому выходцам из датско-норвежских «локальных династий», как минимум, не на чем было бы добираться до Киева (Лукошков 2011: 204-217; Edberg 2007: 79-97).

Помимо этого, против норманистского постулата о ведущей роли выходцев из скандинавских стран в развитии русской государственности говорят и данные исследований в области ДНК-генеалогии. Согласно базе данных IRAKAZ[1] – крупнейшей базе данных в мире по 67- и 111-маркерным гаплотипам гаплогруппы R1a – все направления передвижений выходцев со Скандинавского полуострова вели на Британские острова, где действительно есть множество потомков скандинавов. Но

[1] http://dna-academy.ru/irakaz/

скандинавский субклад Z284 не обнаружен ни в Белоруссии (Полоцкое княжество), ни на Украине (Киев – мати городов русских).

В работах А.А. Клёсова дополнительно поясняется, что в списке из более чем 4000 гаплотипов R1a, из которых 1025 гаплотипов составляют скандинавский субклад Z284, есть всего три гаплотипа из России, и их обладатели – одно лицо из Перми и двое – из Казани, не имеют никаких данных об их «древних» предках из Скандинавии. Самые далекие предки по мужской линии, известные данным участникам тестирования, родились, соответственно, в 1828, 1874 и 1800 гг. и могли оказаться в России благодаря самым прозаическим обстоятельствам (Клёсов 2015).

Поэтому скандинавский вождь на Руси, который в IX–X вв. якобы стал великим русским князем – это ни что иное, как миф, и никакие лингвистические ухищрения, направленные на соединение имени Хельги с именем Олег, не могут превратить этот миф в историческую реальность. Однако длительное пребывание исторической мысли в лоне мифа о скандинавах на Руси сделали его настолько привычным достоянием научного обихода, что сейчас требуется доскональный разбор всех его составляющих для выявления того факта, что за данным норманистским мифом никаких реальных аргументов нет.

Теперь можно перейти к основной части статьи – к анализу имени Хельги и показу ошибочности его отождествления с именем Олег, что предлагается норманистами как обоснование скандинавского происхождения великого русского князя Олега.

Для начала стоит еще раз обратить внимание на то, что сам подход определять этническую принадлежность исторической личности по личному имени – абсурд. Откуда это в российской исторической науке? Работа с проблематикой западноевропейских исторических утопий, использовавшихся в Западной Европе уже с XV–XVI вв. при создании политических мифов как информационных технологий для управления обществом, показала, что все в норманизм пришло из шведского политического мифа XVI–XVIII, включая и попытку трактовать древнерусские летописные имена как «скандинавские» (Грот 2013-2014: 89-120; Фомин 2013: 118-149).

Сама практика псевдолингвистического препарирования прославленных древних антропонимов и теонимов с целью приписывания к собственной истории исторического прошлого других народов расцвела на базе западноевропейского готицизма – течения общественной мысли, нацеленного на возвеличивание исторического прошлого германских народов. Провозгласил в XVI в. представитель шведского готицизма Иоанн Магнус, что имена различных героев древности имели готское, т.е. древнешведское происхождение, например, имя Телефа из троянских мифов, по его версии, было испорченным шведским именем Елефф, и пожалуйста – все деяния этого героя автоматически включались И. Магнусом в древнешведскую историю!

Пустились шведские придворные писатели XVII в. провозглашать, что имя гиперборейского мудреца Абариса – это испорченное шведское имя Эверт, и пожалуйста, после этого можно было начать утверждать, что вся Гиперборея, а значит и основы древнегреческой культуры были созданы предками шведов!

Стал на рубеже XVII–XVIII вв. шведский придворный историограф Олаф Рудбек утверждать, что имя летописного князя Рюрика было шведского происхождения, и пожалуйста, все древнерусское государтво под его пером мгновенно превращалось в деяние, созданное предками шведов!

Абсурдные фантазии Рудбека и других шведских мифотворцев о выдуманном величии шведской истории в древности были в XVIII в. перевезены в Петербург немецкими академиками – горячими поклонниками Рудбека. И с тех пор значительная часть представителей российской исторической науки с сектанской истовостью занимается вытягиванием всех древнерусских имен из скандинавских. Дело это невозможное, поскольку научно доказать то, что пришло из ненаучного источника, нельзя.

Но, как говорилось выше, стереотипы норманистских мифов пока цепко сидят в сознании людей, и потому скрупулезный антропонимический анализ летописных имен необходим, хоть уже изначально должно быть ясно, что все древнерусские летописные имена такие же скандинавские имена, как Телеф из троянских мифов или гиперборейский Абарис.

Надо сказать, что если имя Рюрика в силу его кажущейся необычности для русского именослова было с легкостью провозглашено как шведское имя с соответствующим набором «вариантов», то для имени Олега долгое время не отыскивалось ничего подходящего из шведских «аналогов». Байер, правда, сразу же задекларировал, что Олег также принадлежал к скандинавским именам, и «на камнях скандинавских находится Алак (я мню, Олав в Олег превращено)» (Байер 2006: 350). Вслед за Байером и Шлецер заявил, что древнерусское Олег – это шведское Олоф (Шлёцер 1809: 105).

Как видно, подбор скандинавских, изначально шведских «аналогий» для древнерусского Олега шел в лучших традициях И. Магнуса и О. Рудбека: никаких доказательств не приводилось, поскольку доказательства для верующих в рудбекианизм не требовались. Их взгляды основывались на догме, что все в европейской истории, от гиперборейцев и готов до древнерусских варягов, вышло из Швеции, включаяя имена героев, богов и стран. Но даже для самых убежденных норманистов предлагаемые скандинавские тождества для имени Олег выглядели слишком гадательными. Пока, наконец, Куник не выступил с заявлением о том, что у Константина Багрянородного имя Ольга передается как Elga (Ελγα), которое соответствует скандинавскому Helga, и что это и есть тот оригинал, от которого произошли имена Ольги и Олега (Kunik 1845: 142).

Предложение Куника было встречено норманистами с энтузиазмом, при этом даже и вопроса не возникло: а может, наоборот, скандинавская Helga есть производное от русской Ольги, может, русское имя Ольга возникло раньше, чем скандинавская Хельга?

Впервые так поставил вопрос С.А. Гедеонов в своем прославленном труде «Варяги и Русь», опубликованном несколькими десятилетиями позднее работы Куника. Гедеонов обратил внимание на то, что переход русского имени Ольга в греческое Ελγα естественнее объясняется «из природной греческому и славянским языкам равнозначимости звуков *о* и *е* ...сербский город Ольгун... у Плиния

Olchinium... у Тита Ливия и Птолемея Olcinium... переходит именно у Константина Багрянородного в форму Ελκύνιον, относящуюся к Olcinium, Olchinium, как греческое Ελγα к русскому Ольга... на каком основании будем мы допускать переход скандинавского Hölga в русское Ольга, когда тоже начальное Hö в форме Höskuldr превращается, по мнению норманистов, в начальное *а* в форме Аскольд... Все эти созвучия простая случайность, которой можно найти десятки примеров и в других языках» (Гедеонов 2005: 182-183).

К интересным примерам о сербском городе Ольгуне и его греческом соотвествии Ελκύνιον, которые привел Гедеонов, стоит вернуться позднее. Прежде надо необходимо разобраться с якобы скандинавской Ельгой/Хельгой и с якобы производным от нее древнескандинавским мужским именем Хельги, от которого, по мудрому заключению норманистов, произошло русское имя Олег. Версия, предложенная Куником, зацементировалась в исторической науке. Ее подкрепил датский норманист В. Томсен, уже безапеляционно записав, что имена, которые встречаются на первых страницах летописи, хранят следы скандинавского языка, и в числе этих имен у него, само собой, присутствует имя Олега: «Oleg (Ol´g) = Helgi; Ol´ga (grek. Elga) = Helga» (Thomsen 1882: 64-65).

У современных норманистов данное утверждение предподносится, как истина в последней инстанции: «Этимология имени первого (? - Л.Г.) русского князя никогда не вызывала сомнений: др.-рус. *Ольгъ>Олегъ* восходит к древнескандинавскому антропониму *Helgi*. Это имя соотвествует прилагательному *helgi* (стяженная и слабая форма прилаг. *heilagr* <**hailagaz*, др.-англ. *hālig* и др.), которое получило широчайшее распространение в Скандинавии в христианскую эпоху в связи с тем, что за ним закрепилось значение "святой"» (Мельникова 2005:138).

Как известно, скандинавская «этимология» имени Олег вызывала самую серьезную критику и у Гедеонова, и у Кузьмина, и у ряда других ученых. Но такова методика норманистов: если факты против них, то тем хуже... для науки. И сейчас даже в работах серьезных российских исследователей эта версия не подвергается сомнению: «...в природной скандинавской, а не в славянской огласовке звучало в Константинополе в середине X в. имя княгини Ольги – Ελγα…» (Назаренко 2009: 387). С какой стати греческая форма Ελγα должна безоговорочно квалифицироваться как «природная скандинавская огласовка», никому не только не приходит в голову разъяснить, но даже задаться вопросом: а правильно ли это? Определяют просто так, по физиономии наружности, как говорил один из героев А.И. Куприна. И допускают этим толкованием грубую ошибку.

Скандинавское имя *Helgi* не могло стать предметом заимствования в древнерусский антропонимикон, поскольку *Helgi* – это форма не полного имени, а гипокористики, т.е. форма уменьшительного имени, как Коля от Николая, как Ваня от Ивана и т.д. Об этом сообщил в свое время выдающийся шведский языковед и исследователь скандинавской антропонимики Карл Ивар Модéер (1904–1960) в своей работе, изданной посмертно и представлявшей его последний труд (Modéer 1964: 39).

Помимо как в форме гипокористики, имя *Хельги* в ранние периоды скандинавской истории зафиксировано и как прозвище или дополнительное имя,

никогда не трансформировавшееся в личные имена реальных членов скандинавских королевских династий. О *Hælge* как прозвище (binamn), зафиксированном как в рунических надписях, так и в более поздних источниках, писал известный шведский языковед Ассар Янце́н (Janzén 1947: 246, 254).

В статье будут разобраны оба варианта использования *Хельги* в скандинавской ономастике: и как гипокористики, и как прозвища/дополнительного имени. Это тем более важно, что норманисты либо полностью пропустили оба эти обстоятельства, либо закрыли на них глаза также, как закрывали глаза на отсутствие Рослагена в IX в. и двести с лишним лет навязывали его в качестве прародины Руси.

Имя Хельги как гипокористика

Сначала рассмотрим имя Хельги как типичную скандинавскую форму гипокористики. И в связи с этим следует сказать несколько общих слов об уменьшительных именах в скандинавских именословах. Скандинавские мужские уменьшительные имена образуются от одноосновных или двуосновных имен с помощью окончаний *-е или -i*, а женские – с помощью окончания *-а.* Например, уменьшительное от Карл – Калле, от Ларс – Лассе, от Олаф – Олле, от Харальд – Халле, от Germund – Gemi, от Gerlak – Geri и т.д. Иногда одна и та же гипокористика может встречаться с обоими вариантами окончаний, например, гипокористика от Asbiorn могла быть и Ase, и Asi.

В качестве примеров образования гипокористик от женских имен можно привести следующие: от Gunhild – Gunna, от Asrun – Asa, от Hildegærd – Hilla, от Ragnborgh – Ragna и т.д. И вот здесь – внимание! На наших глазах утверждение о том, что имя княгини Ольги звучало в Константинополе «в природной скандинавской, а не в славянской огласовке» оборачивается вопиющей некомпетентностью. Как показывает элементарное обращение к скандинавской грамматике, женские скандинавские имена, оканчивающиеся на *-а,* являются уменьшительными формами, которые в официальных случаях, как это было в Константинополе, не могли употребляться. Но женские имена с окончанием на *-а* в скандинавских именословах могут быть также заимствованиями из иностранных именословов, например, из христианских или славянских: Anna, Vera, Tanja, Lisa.

Причем спецификой заимствований в женских скандинавских именословах является сложившаяся традиция заимствовать иностранные полные имена и гипокористики от них как разные, самостоятельные имена, например, Лена, Елена и Елин – это три самостоятельных имени в скандинавских именословах. Факт того, что средневековые полные скандинавские женские имена не оканчивались на *-а*, относится к разряду элементарных знаний. Отсюда законный вопрос: на каком основании норманисты, среди которых много скандинавистов, уже полторы сотни лет уверяют российскую науку в том, что Ελγα имеет «скандинавскую огласовку», т.е. снабжают науку явно неполноценными сведениями? Совершенно очевидно, что как минимум это определяется ограниченным уровнем знаний норманистов. Но пойдем дальше.

Понятно, что за каждой гипокористикой должно стоять полное имя. Какое полное имя стоит за гипокористикой Хельги? В работе Модéера приводятся по этому поводу следующие сведения: имя *Hælghe* в шведском именослове является гипокористикой или уменьшительным именем от древнешведского *Hælmger, Hiælmger*, где первая основа имени *hælm-/hiælm-* или древнешведское *hiælmber* < **helma*, соврем. 'hjälm' т.е. 'шлем', а вторая основа *-ger* от древнескандинавского *geir 'spjut'*, т.е. 'копье'. Таким образом, общее значение для данного полного имени получается что-то типа «Шлемоносец», т.е. это имя, насыщенное воинской символикой, что было очень характерно для раннесредневековых скандинавских имен. И только в новошведском, отмечал Модéер, эта основа начинает выступать как форма слабого склонения прилагательного *helig* в значении 'святой' (Modéer 1964: 39).

Поясню здесь, что согласно существующей в Швеции периодизации, появление так называемого новошведского (nysvenska) языка относят ко времени 1225–1526. Начало этого периода связано с более широким распространением христианства и вытеснением рунного письма латинскими буквами. Благодаря этому отпадала необходимость высекать надписи на каменных стелах, в качестве письменного материала стал использоваться пергамент. С помощью нового латинского алфавита можно было с большей точностью, чем это позволял рунный алфавит, передавать разговорную речь (Liliengren 1989:26). Естественно, приведенная хронология для новошведского языка не означает, что у него не было длительного предшествовавшего периода, когда христианство в течение XII в. постепенно осваивало отдельные области Швеции.

Вышеприведенное наблюдение Модéера уникально по своей тонкости, поскольку показывает, как в шведской антропонимике шел медленный процесс переосмысления архаичных именных форм и наполнения их новым содержанием под влиянием христианства. Ниже я поясню, что имеется в виду, но сначала еще раз задамся вопросом: приводятся у российских норманистов данные сведения? Нет. Ни одного слова об этом нет. Не берусь судить, почему: в результате сознательного замалчивания или в силу ущербности знаний. Поэтому продолжу разговор о гипокористиках в скандинавских именословах.

Во-первых, следует заметить, что скандинавские гипокористики от наиболее архаичных двусоставных имен при одном и том же окончании *-e* или *-i* образуются, по-разному используя первый и конечный именные компоненты. Так, мог использоваться только один из них – либо первый, либо второй, а могли использоваться части обоих компонентов, как и было в случае с вышеприведенным *Hælge*, когда в уменьшительном имени использовалась часть первого компонента *hæl-* и часть второго компонента *-g* от *-ger*, оформленные окончанием *-e/-i.* Эти варианты окончаний были часто взаимозаменяемы в одной и той же гипокористике. Примеры мужских гипокористик: *Ase*, (вариант *Asi)* от имени *Asbiorn, Geme* (вариант *Gemi*) от имени *Germund, Frille* от *Fridlev, Gulle* (вариант *Guli)* от *Gudhlev, Sibbe* от *Sighbiørn, Vibbe* от *Vibiørn* и др. (Janzén 1947: 241).

Во-вторых, в скандинавских именословах, как и в именословах других народов, одна и та же гипокористика могла образовываться от разных полных имен. В частности, древнейшая гипокористика *Ari* (встречается в рунных надписях) могла

быть образована от многих имен, начинавшихся на *Arn*- или *Ar*-. Например, уменьшительное *Ari* могло быть и от имени *Arnolf*, и от имени *Arvidh*. Кроме того, эта гипокористика могла образовываться и от имен, оканчивающихся на *-ar*, например, *Joar,* т.е. в этом случае уменьшительное имя образуется от конечного именного компонента.

Вот еще несколько примеров: *Aste* от *Asfast* и от *Asgot; Gere/Geri* как уменьшительное и от *Gerlak,* и от *Thorger*; *Asle* от *Aslak,* где используется только первый компонент, и от *Asulf,* где используются части обоих компонентов; *Tole,* варианты *Toli* или *Tuli* от *Thorlef, Thorlak* или *Thorlogh,* где в уменьшительном имени используются части обоих основ, и только по гипокористике невозможно определить, от какого конкретно имени произошло названное уменьшительное имя. Вариаций может быть много больше, например: *Guti* как уменьшительное от *Algut,* где второй компонент означает «гот», т.е. происходит от этнонима (Modéer 1964: 38-42).

Но эта же гипокористика выступает и как производная от имен *Gudhvast, Guttorn* и др., где первый элемент означает «*guđ*», «*gođ*» т.е. «*бог*». Янце́н отмечал, что этот компонент являлся очень распространенным в скандинавских именословах и встречался, например, в таких именах как *Guðbjǫrn, Guðfastr, Gudhlef, Guðmundr.* Последнее из названных имен зафиксировано и в форме *Gunnmundr*, а *gunnr* или *guðr* в древнескандинавском означало *«сражение, бой».* Когда-то даже считали, что все имена с *guð*- имели изначально форму *gunn*-, что оказалось неверным, пояснял Янце́н. К этому надо прибавить, что часть имен с первым компонентом *guð*- была заимствованиями из английского именослова, например, такое исландское имя *Guðini, Godene* (с XI в.) или его древнескандинавский вариант *Goden* – заимствования от англосаксонского *Godwine* (Janzén 1947: 73-74, 137-138).

Приведенные примеры – хорошее подтверждение того, как древне-скандинавские имена, рожденные в рамках языческой традиции, осваивались и преображались в условиях распространения христианства и под влиянием культурных импульсов извне. Так, древнее значение имен с основами *gunnr*/*guðr* как «сражение, бой» под влиянием имен, приходивших с Британских островов и с европейского континента, получало значение *guð* как «бог», родственное английскому *god* или немецкому *gott*.

Чем вышеприведенные рассуждения интересны в связи с анализом гипокористики *Hælghe*/*Hælghi*? Прежде всего тем, что они требуют принять во внимание тот факт, что любая гипокористика, в том числе и *Hælghe*/*Hælghi*, несколько столетий бытовавшая в устной традиции, обрастала вариативностью произносительных и этимологических норм. Как отмечал Моде́ер, в обиходной речи при образовании гипокористик могли не слишком строго придерживаться исходных правил (Modéer 1964: 38-42).

Из этого – неизбежный вывод: имя в форме гипокористики вне подробного контекста того, от какого полного имени оно образовалось, является оно продуктом автохтонной среды или заимствованным, какую сакральную традицию оно конкретно отражает и пр. – носителем полноценной информации, на основе которой можно делать далеко идущие выводы, не является.

На стыке языческой и христианской эпох одна и та же гипокористика могла быть связана как с языческим именем, так и с именем христианской семантики. Например, вышеприведенное имя *Guti* могло образоваться от архаичного *Algut*/*Algot* или *Algautr*, где первый компонент от *alfr*, т.е. от слова альвы или эльфы (волшебные существа из кельтской и германской мифологии), а второй – от *гот*. Но могло быть связано и со словом *guđ*, когда процесс переосмысления шел от *gautr*/*gut* до *guđ*, т.е. от архаического именного компонента языческих времен до оформления его уже на христианский лад.

Подобную трансформацию должно было пройти и имя *Hælghe*/*Hælghi*, совершив путь от языческой традиции к христианской, когда существенную роль в процессе трансформации играла созвучность именных компонентов. Вспомним, что наиболее ранние упоминания носителей этого имени фиксируются в героико-эпических сказаниях древнескандинавского эпоса, которые стали записываться не ранее XIII в., т.е. в тот период, когда христианские традиции, включая и именослов, более основательно утверждались в скандинавских обществах, когда латынь вытесняла рунную письменность и определяла, фактически, новый этап в развитии языка (например, «nysvenska» - «новошведский», основанный на латыни). Вот тогда-то, как следует из пояснения Моде́ера, воинский смысл гипокористики *Hælge* от *Hiælmger* стал переосмысливаться, наполняясь христианским содержанием и сливаясь по форме с прилагательным *helig*. Иначе говоря, *Hælge* и *helig* шли навстречу друг другу не одно столетие, и на этом пути *Hælge* должно было иметь более пеструю историю, чем это пытаются представить норманисты. Вследствие этого совершенно безосновательно уверять, что за именем *Hælge*/*Helghi* в разных источниках и в разные исторические периоды стоит только прилагательное *helig*.

Гипокористики представляли, наверняка, удобный ономастический материал для постепенного вытеснения старых именословов, благодаря вышеупомянутой особенности уменьшительных имен связываться с различными полными именами, что было общим свойством гипокористик, а не только особенностью скандинавских именословов. Например, в русском языке Глаша может быть уменьшительным и от Аглаи, и от Глафиры. Одна гипокористика может происходить от полных имен, принадлежащих к разным языкам: Тима – от Тимофея, и от Тимура. Но гипокористики могут восходить и к различным сакральным традициям: имя Мирон могло быть христианским, а могло быть сокращенным от древнерусского Миронег; старинное новгородское Данша (современное Даня) могло быть уменьшительным и от древерусского Данслава/Данислава, и от библейского Даниила (Суслова, Суперанская 1985: 53).

Имя Данислав восходит к древнейшему индоевропейскому именослову, где первый компонент Дан- от реликтового ведийского *дану*- «река, водный поток». С распространением христианства под языческую гипокористику Данша стал подводиться созвучный этому привычному имени христианский Даниил в значении «бог – мой судья». Так шел процесс замещения языческих имен христианскими, и гипокористики были для этого очень удобным материалом. Аналогичный процесс, безусловно, переживал и скандинавский именослов: брались привычные гипокористики и наполнялись христианским содержанием. Поэтому утверждения

норманистов о том, что имя Хельги как в языческую эпоху, так и в христианскую сохраняло близкородственную «божественную» семантику от недостаточной проработки вопроса.

В широких кругах скандинавских обществ гипокористика *Hælghe*/*Hælghi* постепенно стала достаточно популярным именем, была принята как календарное имя. В именословах для простого населения оно встречалось иногда даже с весьма уничижительными добавлениями. Так, например, зафиксировано имя *Helgi Ingialdsfífl*, т.е. Хельги-Ингиялдов идиот, что надо понимать так, что данный носитель имени Хельги был сыном Ингиялда и идиотом (Ekbo 1947: 279).

Но это имя не закрепилась в качестве династийного имени для скандинавских королей. Объяснение лежит на поверхности: Хельги – это не «настоящее» имя, это – полуимя, а правители государственных образований полуименем не назывались. Странно было бы встречать такие наречения правителей как Олле Шётконунг или Слава Мудрый.

В образовании имени *Hælghe* исходно участвовали другие компоненты. Модéер называет такой компонент как *hiælm-*/*hjalmr* в значении ʼшлемʼ. Этот компонент присутствовал в образовании целого ряда имен, таких, как др.-шв. *Hiælmdor (*< - *þōrir),* как женск.имя *Hiælmborgh*, как западноскан. *Hjalmarr*, *Hjalulfr* и др. (Janzén 1947: 301). Но известный шведский рунолог Свен Янссон отметил, что данный именной компонент является очень редким в личных именах, известных по шведским рунным надписям (Upplands runinskrifter 1949: 61).

Я обратила внимание на то, что именной компонент *hiælm-*/*hjalmr-* в рунном именослове мог чередоваться или переходить в именной компонент *holm-*, например, *Hialmfastr* и *Holmfastr* или *HialmgæiRR* и *Holmgæir* (Peterson 2007: 114, 115). Возможно, такая вариативность и обусловила отмеченный С.Янссоном факт нечастого использования именных компонентов *hiælm-*/*hjalmr-* в рунных надписях: этот компонент имел своих «двойников».

Кроме того, надо иметь в виду, что скандинавский *hiælm-*/*hjalmr-* ʼшлемʼ коррелирует с немецким *helm* – ʼшлемʼ, который, как приведено в словаре древнедатских имен, также был задействован и в скандинавской, и в общегерманской ономастике (Danmarks gamle personnavne 1936-40: 498).

Поэтому такой вариант древнешведского имени как *Hælmger*, отмеченный Модéером, мог передавать общегерманский компонент (немецкий, англосаксонский) *helm-*. Тем более, что в средневековых скандинавских документах отмечен такой вариант для древнескандинавского имени *Hialmfastr* как *Helmuastus* (Peterson 2007:110). Все перечисленные варианты начальных именных компонентов могли участвовать в образовании полного имени *Hælmger*/*Hiælmger* и соответственно, в гипокористике от него. К сожалению, Модéер скончался преждевременно и не довел используемую здесь монографию до завершения.

Но он был большим авторитетом в области исследования антропонимики, поэтому приведенные им данные подводят к следующему выводу: уменьшительная форма *Hælghe*, согласно Модéеру, образовавалась от полного имени *Hælmger*. Однако, зная большую вариативность в использовании именных компонентов, можно высказать предположение, что в других скандинавских именословах, конкретно, в

Исландии, Норвегии или Дании гипокористика *Hælghe* могла быть образована от других полных имен дохристианского именослова, «выветрившихся» под влиянием христианской лексики. Следовательно, старошв. Hælge, стародат. Helghi, старонорв. Helgi могут иметь совершенно различное происхождение, поэтому рассматривать их как одно и то же имя с одним и тем же значением на протяжении нескольких столетий – ничем неоправданная умозрительность. Замена языческих имен на христианские происходила в течение длительного времени и с использованием созвучий. Когда большая часть населения проживает в лоне устной традиции, то только созвучия помогали освоению новых духовных ценностей через имена. Так в древнерусском языке уменьшительная форма Даня от языческого имени Данслав стала частью библейского имени Даниил в значении ʼбог мой судьяʼ. Или древнескандинавские имена с корнем *guðr* как ʼсражение, бойʼ типа *Guðbjǫrn* под влиянием христианского именослова получало значение *guð* как ʼбогʼ, как английское *god* в англосаксонском *Godwine*.

Именно поэтому Янце́н подчеркивал, что многие личные скандинавские имена дохристианского периода очень трудны для понимания и толкования. Антропонимическая часть лексики, по его словам, со временем оказывалась подверженной сильному «износу», именные компоненты, составившие имя, могли претерпевать значительные изменения. Возможны случаи, когда начальный компонент мог иметь несколько источников происхождения, которые смешивались в использовании (Janzén 1947: 22-29, 71). Выше были приведены примеры, подтверждающие данный вывод. Это замечание вполне может быть отнесено и к гипокористике *Hælge*, и к прозвищу *Hælge/Helgi*.

Моде́ер отмечал, что далеко не все имена из довикингского периода дожили до исторически верифицируемых времен. Имена могли потерять популярность, исходная материнская основа имени могла подвергнуться значительным изменениям – все это вещи известные. В какой-то период в силу фонетического развития и закономерных изменений имя могло принять форму, сближающуюся со словами, неподходящими для личных имен. Поэтому в данной форме имя не могло сохранить популярность и видоизменялось (*Modéer I.* Op. cit. S. 12-14).

Поэтому повторю еще раз: невозможно в историческом анализе опираться на такой ненадежный материал, как дохристианские скандинавские имена, претерпевавшие изменения в ходе формирования христианских именословов.

Завершу этот раздел следующими предварительными выводами относительно *Hælghe/Hælghi* как гипокористики:

– Уменьшительное имя *Hælghe* (дат. Helghi, Helgi) должно было иметь за собой полное двуосновное имя. По мнению Моде́ера, оно являлось гипокористикой от *Hælmger/Hiælmger*, т.е. от двуосновного имени, которое изначально не соответствовало прилагательному «*helgi*», поскольку его первая основа – существительное *hjælm/hælm-*, т.е. ʼшлемʼ, а второе – существительное *-geir* т.е. ʼкопьеʼ. Таким образом, полное имя *Hælmger* и его гипокористика *Hælghe* были исходно связаны с воинской атрибутикой, с понятием ʼзащитаʼ, как и многие наиболее архаичные скандинавские имена и таким образом, далеко отстояли от «святости».

– И только с распространением христианства, т.е. самое раннее, на рубеже XI – XII вв. и, следовательно, через пару веков после появления на исторической арене князя Олега, можно говорить о слиянии гипокористики *Hælghe* с прилагательным *helig/святой*.

– Следует также присовокупить рассуждения Янце́на, который напоминал, что согласно мнению большинства исследователей, одноосновные или однокомпонентные личные имена ранних периодов (так называемого викингского периода и начальных веков скандинавского средневекового периода) были гипокористиками от полных двуосновных имен. Сам же Янце́н считал, что и короткие (т.е. одноосновные) имена могли иметь самостоятельное и очень древнее происхождение, однако уточнял, что простые одноосновные имена в викингский период носили простолюдины. Гипокористики легко отличить от полного одноосновного имени по окончанию: мужские гипокористики имеют окончание *-i* (Janzén 1947: 38-39).

Хельги как прозвище (binamn)

Теперь перейдем к рассмотрению Хельги как прозвища/ дополнительного имени (binamn). Согласно вышеприведенным результатам исследований Ассара Янце́на, антропоним *Hælge* в шведском именослове как в рунических надписях, так и в более поздних источниках мог выступать в качестве прозвища или дополнительного имени (binamn). В более общем плане высказался А. Янце́н о западноскандинавском (т.е. древнеисландском и старонорвежском) архаичном именослове, когда он отметил, что большинство личных имен данного именослова были двуосновными, но встречались и одноосновные имена, которые в основном, были именами-прозвищами, а не полными именами (Janzén 1947: 25-30; 246, 254).

Прозвища как аналоги личных имен в скандинавских именословах образовывались часто от титулов, по профессиональной принадлежности, от названия местности или от прилагательных, характеризующих особенности личности или интересных по другим причинам.

Напомню, что в европейских именословах трансформация эпитетов в личные имена имеет давнюю традицию. Например, многие эпитеты, относившиеся, к древнегреческим богам, становились личными именами. В частности, относившийся к Афродите эпитет *маргарито – жемчужная* превратился в личное имя Маргарита, а другой ее эпитет *морская* (по-гречески – pelagios) дал два имени: *Пелагея* и в переводе его латинского варианта – *Марина* (Суслова, Суперанская 1985: 18).

Грамматически прозвища в скандинавских именословах образовывались часто сходным с гипокористиками образом, с помощью окончания *-e* или *-i* для мужских имен. Например, *Pedher Danske – Петер Датчанин* или *Berier Werme – Бирье из Вэрмланд* и т.д. От прилагательных часто образовывались прозвища, характеризовавшие личностные качества, например, *Galne* ’безумный’, *Godhe* ’добрый’ и пр. (Modéer 1964: 96-113.

Среди ряда прозвищ в средневековом шведском именослове, таких как *Frodhe* ʹмудрыйʹ, *Glĭpe/Glĭpi* ʹалчныйʹ, Янцéн называет и *Hælge* как дополнительное имя при антропонимах, связанных с названием местности (Janzén 1947: 245-248, 254).

Логично предположить, что традиция широкого использования прозвищ или дополнительных имен в скандинавских именословах способствовала слиянию архаичной языческой гипокористики *Hælghe* с прилагательным *helig/святой* и трансформации ее в прозвище (binamn) *Hælge* с новым христианизированным содержанием, которое постепенно закрепилось как самостоятельное личное имя.

На эту мысль наводят, в том числе, рассуждения шведского языковеда Свена Экбу. Он также подчеркивал ту особую роль, которую играли прозвища в развитии скандинавской антропонимики. Среди приведенных им примеров прозвища или дополнительные имена встречаются как безартиклевые, например, *Haraldr ungi* (Харальд молодой), *Þórarinn spaki* (Торарин умный), а также как артиклевые, например, *Eilifr hinn ungi* или *Eilifr den unge* (Эйлиф молодой), *Runulf hin raþsþaki* или *Runulf den rådkloke* (Рунульф рассудительный), *Eriker hin hælghi* или *Erik den helige* (Эрик святой) и др. (Ekbo 1947: 271-272).

Последний пример касался шведского короля Эрика Святого (1156–1160), причисленного католической церковью к лику святых. Другими скандинавскими королями, причисленными к лику святых были норвежский Олаф Святой (995–1030) и датский Кнут Святой (1040–1086). Совершенно очевидно, что особо развитая традиция использования прозвищ в скандинавских именословах способствовала отождествлению массовым сознанием таких прозваний *hin hælghi*, совр. *den helige* ʹсвятойʹ, данных церковью вышеназванным скандинавским королям, с аналогами личных имен.

Помимо этого, в христианскую эпоху прозвание *den helige* ʹсвятойʹ сделалось неотделимым приложением к именам христианских мучеников, входивших вместе с распространением христианства в скандинавские именословы. Например, большое распространение получило имя католического святого Стефана – den helige Staffan (Sankt Stephanius). Этим именем – den helige Staffan – прозывался также шведский святой и проповедник христианства в Хельсингланд у саамов в начале XI в., о нем упоминает и Адам Бременский. Правда, у Адама Бременского имя проповедника зафиксировано как Stenfi, что соответствовало скандинавскому имени Stenfin. Но в шведской истории он стал почитаться под именем, созвучным имени католического святого, как den helige Staffan или Святой Стефан. И это тоже феномен известный – имена христианских святых старались «накладывать» на местные имена. Другим популярным в скандинавских странах католическим святым стал Святой Лаврентиус. Его памяти был посвящен домский собор в Лунде, возведенный в XI в. (перестроенный в XII в.) и получивший название собора Святого Ларса/Sankt Lars.

Таким образом, мы видим, что слово *helig* ʹсвятойʹ входит в скандинавскую лексику с распространеием и утверждением христианства. Причем, входит оно, как часть общегерманской лексики, как вариант общего для германских языков прилагательного: нем. *heilig*, древнесакс. *helag* и др., став основой для образования прозвища *hin hælghi/ den helige* ʹсвятойʹ. Совершенно очевидно, что созвучность этого общегерманского прилагательного старинной гипокористике *Hælghe*, наверняка,

поспособствовала тому, что старинное уменьшительное имя стало приобретать христианизированный образ. Но даже и в форме прозвища с содержанием ʼсвятойʼ *Hælghe*/*Hælghi* не было принято как королевское имя, оно осталось прозвищем/дополнительным именем для простолюдинов, войдя со временем в общенародный именослов.

В чем здесь дело? Для осмысления этого факта следует обратиться к другому примеру образования скандинавского антропонима из прозвища, пришлого в скандинавские королевские именословы со стороны. Речь идет об имени Магнус. В именослов скандинавских королей оно вошло, заимствованное с европейского континента, от прозвания короля франков *Carolus Magnus*, т.е. *Карл Великий* (Janzén 1947:140).

Вот это прилагательное *magnus* ʼвеликий, сильныйʼ скандинавы приняли как антропоним, и в первую очередь как королевское личное имя. Интересно, что в западноевропейских именословах существовало и личное имя Магнус. Его носили многие прославленные католические святые (например, был мученик Святой Магнус в III в.), а также итальянские и британские христианские мученики.

Но в скандинавских именословах, как подчеркивал Янце́н, имя Магнус носило профанный характер, и при этом хорошо прослеживается его связь именно с прозванием короля Карла Великого, которое от лат. *Magnus* как раз и трансформировалось в скандинавских странах в антропоним. Этому, наверняка, помогали и имевшие широкое хождение предания о Карле Великом. Они сделались ядром французского эпоса, оформившегося в период IX–XI вв. Песни о героических деяниях Карла расходились кругами по европейским странам, создавая вокруг его имени героический ореол, что явно и делало его привлекательным для заимствования в королевский именослов.

В этом случае мы видим яркий пример того, как прилагательное *magnus*, функционировавшее в качестве эпитета короля Карла, могло трансформироваться в личное имя и войти в скандинавские королевские именословы, будучи прославлено его носителем – крупным удачливым политиком. К популяризации эпитета *magnus* в качестве личного имени приложили руку деятели культуры скандинавских стран, начав тиражировать его как имя героев литературных произведений.

В «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона (время создания около 1220 г.) действует сын божества Тора и великанши Яарнсаксы по имени *Магне* (Davidson 1993: 22, 232). *Магне* – литературный антропоним (скорее, теоним), имеющий ту же форму слабого склонения прилагательного, как и *Hælghe*, иначе говоря, - форму прозвища, образованного от определения к существительному: *den magne* ʼсильныйʼ. Поскольку относительно происхождения личного имени Магнус от почетного прозвания короля Карла Великого мы располагаем самыми бесспорными данными, приведенными выше, то ясна и динамика его усвоения скандинавской ономастиконом. До того, как быть воспроизведенным Снорри Стурлусоном в качестве имени литературно-мифического персонажа в XIII в., оно вошло в скандинавский королевский именослов еще в XI в. под влиянием культурных импульсов с европейского континента.

Нетрудно предположить, что подобный же путь в скандинавские именословы проделало и прозвище *Helghi* 'святой' как дополнительное имя, трансформировавшееся в имена литературно-эпических героев – ведь (напомним еще раз) это в эпических произведениях ранее всего появляется имя *Helgi*/*Heglæ*. Его укоренению в скандинавских именословах, как вымышленных, так и реальных, способствовали пришедшие с континента традиции христианства. Известно, что творчество литературных деятелей Исландии с XIII в. олицетворяло излом эпох – языческой и христианской. Отчетливо прослеживается это, например, у Снорри Стурлусона. Его Тор преследует тех, кто принял христианскую веру, является во сне обращенному в христианство мореплавателю и пугает его штормовой погодой, если он не вернется к его почитанию (Davidson 1993: 84-85). Но сын и помощник Тора носит у Снорри уже «новомодное» латиноязычное имя *Магне*, бывшее явно моложе той дописьменной эпохи, к которой стремятся относить начало появления исландских преданий.

Подтверждением того, что имя *Hælghe*/*Hælge* в шведских именословах только в христианскую эпоху стало пониматься в значении 'святой' служит отмеченный Янцéном факт перевода на латынь имени *Hælghe* как *Sankte* в одном средневековом шведском источнике (Janzén 1947:254-255). Тот факт, что имена новых именословов, входивших в духовную жизнь общества вместе с новой сакральной системой, дублировались в форме переводов на родной язык, хорошо известен. Например, для русских именословов отмечено, что греч. *Агафон* (в переводе «добрый») соотвествует русскому имени *Добрыня*, лат. *Павел* (в переводе «малый») соответствует русским *Мал, Малой, Малыш*, греч. *Агапий* и др.-евр. *Давид* – русскому *Любим*, греч. *Петр* и сирийск. *Кифа* – русскому *Камень*. И такое имя было в составе древнерусского именослова, от него пошла фамилия Каменевы (Суслова, Суперанская 1985:49).

Поэтому зафиксированное Янцéном дублирование *Hælghe* как латинского *Sankte* показывает, каким длительным и непростым был процесс укоренения в скандинавских именословах имен с христианским содержанием, а также подкрепляет тот факт, что *Hælghe* как прозвище со значением 'святой' было в скандинавской ономастике пришлым с континента.

Таким образом, распространение христианизированных имен в скандинавских странах обогащало скандинавские языки христианской лексикой и христианскими ценностями. Одной из составляющих этого процесса как раз и было создание новых имен, что является известным феноменом: новые идеологические ценности создают моду и на новые имена. Видную роль в популяризации новых ценностей в общеевропейском масштабе призваны были играть деятели культуры, писатели. Так на европейском континенте от прилагательного 'святой', общего для германских языков (древнеангл. *hālig,* древнесакс. *helag*, нем. heilig и др., тождественные *saint*), было образовано литературное имя англосаксонских поэм *Hālga*/*Halga*. Понятно, что эти новые континентальные культурные искания не оставались безвестными для образованных слоев скандинавских стран. Выше было упомянуто, что именно из общегерманского лексикона вошло в скандинавские языки прилагательное *helig* в значении 'святой': дат. *hellig*, норв. *hellig*, шв. *helig*. А вместе с новой христианской лексикой с европейского континента пришла и «мода» при помощи этой лексики

христианизировать прежние имена, в частности, имя *Helghe* по типу *Hālga/Halga* от древнеангл. *hālig*.

То, что скандинавские писатели были внимательны к новинкам с европейского континента, говорит имя *Магне*, выбранное Снорри Стурлусоном для своего мифического героя. Возможно, именно под влиянием литературных веяний с европейского континента имя *Helghe/Helgi* было введено в литературные именословы героев исландско-норвежской литературы, а также привлекло внимание датского писателя Саксона Грамматика и было им использовано в рассказах о легендарных, т.е. вымышленных правителях данов.

Означает ли это, что людей, к личному имени которых добавлялось прозвание *Hælghe*, воспринимались как святые? Думаю, что обыденное сознаниие скандинавского общества глубоко не вникало в новый «святой» смысл старинного привычного имени *Hælghe*, для того, наверняка, и требовалась к нему иногда латинская пара *Sankte* для лучшего усвоения новых ценностей. В книге Моде́ера приводится имя одного шведского крестьянина как *Pedher biskop,* т.е. *Петер епископ*. Понятно, что *епископ* было не должностью крестьянина, а его дополнительным именем, возможно, данным ему еще отцом: слово хорошее, и важные люди им прозывались, пусть это дополнительное имя, подумалось отцу, проторит сыну дорогу благополучной судьбы. Так было, похоже, и с *Hælghe* как с прозвищем: слово хорошее, достойные люди им величались, вот и стали приписывать его широкие слои населения как дополнительное имя к основному личному имени.

Но между статусом личного имени Магнус и статусом личного имени Хельги в скандинавских именословах видна большая разница. Имя Магнус вошло в скандинавские именословы с главного входа: его приняли один за другим скандинавские короли, вследствие чего оно быстро сделалось наиболее популярным именем и среди обычных людей.

Другое дело с именем Хельги. В широких кругах скандинавских обществ, появившись в форме прозвища, оно получило популярность и было принято как календарное имя, но такжк как и созвучная гипокористика, рассмотренная выше, не закрепилось в качестве династийного имени для скандинавских королей, как это получилось с заимствованным эпитетом *магнус*. И понятно почему. Прозвище Хельги пришло в скандинавские страны вместе с христианством с континента, но за ним, как за именем *Carolus Magnus*, личного имени прославленного правителя не имелось, т.е. не существовало великого скандинавского завоевателя с именем Хельги! Будучи овеянным только символикой христианства, оно вызвало интерес скандинавских литераторов, но литературные именословы отнюдь не всегда проецируются на реальную жизнь.

Какое присхождение имели такие скандинавские Хельги, как Хельги у Саксона Грамматика или у Снорри Стурлусона? Происходили ли они от прилагательного *helig,* т.е. были изначально прозвищами или же они фигурировали как гипокористики? Выше уже напоминалось о том, что одно и то же уменьшительное имя может быть от разных полных имен: Глаша от Глафиры и от Аглаи.

Итак, обобщим, что мы имеем в качестве результата исследования имени Хельги как гипокористики и как прозвища: скандинавское имя *Hælge* не

образовалось исходно от прилагательного *helig*, имя *Hælge* и прилагательное *helig* имели каждый свое происхождение, но в христианскую эпоху они сблизились и стали восприниматься как сходные по смыслу.

Имя Хельги не вошло ни в один из династийных именословов скандинавских стран ни как любой из вариантов его полного имени, ни тем более как его уменьшительная форма, поскольку имена правителей всегда приводятся в полной величественной форме. Не заимствовались уменьшительные имена и в древнерусский княжеский именослов, а заимствовались только полные именные формы. Невозможно себе представить такое великокняжеское имя как Слава Мудрый или царское имя Ваня Грозный. Думаю, это касалось и заимствований в обычные русские именослововы, не только княжеские. Уменьшительные формы от полных имен образовывались уже в среде русского языка, с адаптацией к его нормам. Поэтому любые попытки лингвистического препарирования гипокористики или прозвища Хельги на предмет сближения его с русским именем Олег ничего дать не могут и делают совершенно бессмысленными какие-либо отождествления имени Олег со скандинавскими антропонимическими прототипами.

Норманисты об имени Хельги

А что же норманисты? Как они конкретно доказывают продекларированное тождество древнерусского имени Олег со скандинавским Хельги/Helgi? Как в системе их доказательств увязывается явно христианская сущность прилагательного *helig* – *святой* с именем князя-язычника Олега? Приводятся ли у них примеры того, что от прилагательного *helig* в скандинавских именословах образовывались и другие имена, ведь это должно было бы происходить на основе архаичного принципа варьирования, когда каждый именной компонент мог соединяться с целым рядом других компонентов и образовывать новые имена. И сразу можно сказать, что ничего подобного обосновать норманистам не удается.

То, как пытаются убрать первый неудобный момент и вытащить из христианского слова *helig* более древний языческий смысл, можно увидеть в упоминавшейся выше статье Мельниковой: «...имя *Helgi-Олегъ* также имело значение "святой, священный", а в языческую эпоху отражало представления о сакральности верховной власти» (Мельникова 2005: 138).

Вот так, норманисты уверяют, что имя Helgi несло в себе одно единственное значение, неизменное как для языческого периода, так и для христианского. Но научного содержания в приведенном утверждении нет. А какое имя предводителя в архаичную эпоху не отражало представлений о сакральности власти? В древнескандинавском *Hælmger*, от которого, согласно образовалось *Hælghe*, с его воинской семантикой 'шлем' и 'копье' также можно, при желании, обнаружить представления о сакральности, ибо правитель в архаичную эпоху – защитник, хранитель своего народа, доблестный воитель.

Но эта языческая часть истории имени Хельги у норманистов блистает своим отсутствием, поэтому вместо стройной цепи доказательств предлагается чистейшее

сочинительство, что статья Мельниковой и демонстрирует: «...прямолинейная экстраполяция христианского значения опасна, поскольку не учитывает возможные трансформации семантики слова. Поэтому для выяснения истоков и путей образования имени и прозвища князя *Олегъ Вещий* на древнерусской почве представляется необходимым обратиться, с одной стороны, к употреблению прилагательного *helgi* и установить комплекс связанных с ним дохристианских представлений, а с другой стороны, – к распространению образованного от него антропонима в Скандинавии также в дохристианское время... Слово *heilagr* многократно встречается в эддических мифологических и героических песнях... архаичное значение слова просматривается в юридических терминах *frið-helgi* "безопасность благодаря установлению мира", *mann-helgi* "сакральность личности" *þing-helgi* "священные границы тинга"... Как кажется, прояснить дохристианское понимание слова *heilagr/helgi* оказывается возможным этимологически, при обращении к производным от корня **hail-* в древнеисландском языке. В одно с ним лексическое гнездо входят такие слова, как *heill,* прил. "целый, целостный, цельный, неповрежденный" и *heila,* гл., "делать целым, лечить", откуда *heilsa* "здоровье; а также здоровый, исцеленный" (от ран, болезни); *heila,* гл. "околдовывать, заговаривать", а также *heil,* сущ. ср. или ж.р. "удача, везение"... Казалось бы, апеллятив с таким семантическим полем должен был бы быть широко употребителен в качестве личного имени уже в древнегерманское время (Sic! – Л.Г.)... Однако основа **hail-* в древнегерманских, а затем и древнескандинавских личных именах встречается редко... (Sic! – Л.Г.). В древнескандинавском именослове корень **hail-* дал только одно личное имя – *Helgi* (в женском роде *Helga*, др.-англ. Halga)…» (Мельникова 2005: 138-140).

Короче говоря, имен с корнем **hail-* норманисты в скандинавских именословах не обнаруживают! Исключение – созданная самими норманистами пара *Helgi*/*Helga*, но ее единичность противоречит принципу варьирования и потому вызывает большие сомнения. Такой вывод проглядывает сквозь нагромождения лингвистической умозрительности, если восстановить истинную сущность сказанного в статье. Факт того, что слово *heilagr* встречается в песнях не может заменить личные имена, вернее их отсутствие. Есть в лексиконе слова «здоровье» или «целостность»? Прекрасно! А где личные имена? И зачем обращаться именно к древнеисландскому? Совершенно такие же слова есть и в немецком: *heil* 'целый, невредимый', *Heil* 'благо, счастье, спасение', *heilen* 'излечивать, лечить' – вся эта лексика является общегерманской! Древнеисланские «производные» здесь ведущей роли не играют. А в статье их привлекли явно для того, чтобы создать иллюзию длительного использования имени Хельги/Helgi именно в скандинавской традиции. Рассмотрим чуть подробнее цепь этих умозаключений.

Мельникова разъясняет, что имя *Helgi* соответствует прилагательному *helgi* – слабой формы от *heilagr*<**hailagaz*. Данное прилагательное впервые встречается в рунической надписи на золотом кольце из Пьетроассы (совр. Pietroasele в Румынии), фотокопия которой выглядит как «gutaniowi hailag» и которую датируют чаще всего рубежом IV–V вв.

Нет никакой необходимости погружаться здесь в историографию вопроса о сложности толкования этой краткой надписи и останавливаться на предлагаемых вариантах. Нам важно только то, что значение слова *hailag* однозначно связывается с понятием сакральности и переводится как ʼсвященныйʼ. Таким образом, то, что прилагательное *hailag* со значением ʼсвященныйʼ существовало в Европе с IV в. – факт бесспорный! Но такой же бесспорный факт, что скандинавских имен, образованных от этого прилагательного как именной основы, не удается зафиксировать в источниках вплоть до эпохи распространения христианства в скандинавских странах. Следовательно, никакой ономастической изложницей для образования скандинавских имен прилагательное *hailag* не выступало. И это тоже факт! Изложницей для прозвища *Хельги* явилось совсем другое слово, оно же стало «родителем» литературного антропонима *Halga* из англосаксонского эпоса. Возможно, производным от него стало и прилагательное *hailag*, но об этом более подробно будет рассказано во второй части статьи.

В силу того, что из цепи норманистских рассуждений выпало существенное звено, то литературное имя *Halga* само по себе никаким самостоятельным доказательством не является. Кроме того, литературные антропонимы живут своей жизнью художественного образа, а не жизнью исторической, а между названным литературным антропонимом и надписью из Пьетроассы пролегает путь в несколько столетий, который у норманистов не заполнен ничем. Поэтому приведенное утверждение о том, что литературный антропоним *Halga* есть производное от прилагательного *hailag*, бездоказательно висит в воздухе. А связь между ними есть и очень интересная, но норманисты не сумели ее обнаружить.

Далее Мельникова показывает, что слово *heilagr* часто использовалось в эддических мифологических и героических песнях, а затем закрепилось в значении «святой» в христианскую эпоху. Ничего удивительного в этом нет, поскольку слово ʼсвященныйʼ имеет самое широкое применение во всех языках. Священна родная земля, священны ее границы, священна ее природа. И вполне естественно встречать слово ʼсвященныйʼ в поэтической лексике героико-эпических произведений.

Но лексика лексикой, а скандинавских антропонимов от *heilagr* как именного компонента вплоть до конца первого тысячелетия не образовалось! Кроме тех, разумеется, которые норманисты придумали сами в качестве «оригинала» для имени Олега и Ольги. И это свидетельство того, что корень **hail-* из слова *heilagr*, от которого образовалось прилагательное *helig* (от *heilagr* непосредственно или более кружным путем – большой вопрос), не являлся именным компонентом в скандинавских именословах, где в дохристианскую эпоху действовал принцип варьирования, обеспечивавший использование именных компонентов для множества имен, и особенно это касалось компонентов, наполненных возвышенным содержанием. Напомню, как этот принцип варьирования действовал для образования скандинавских имен в раннее средневековье.

Например, такой именной компонент в скандинавских именословах как *Ás-* от названия богов асов, фигурировал во множестве имен: *Ásbjǫrn, Ásbrandr, Ásgautr, Ásgeirr, Ásgrimr, Ásleifr* и т.д. Или основа *Ger-* от древнешв. **ger-*, древнесканд. *geirr-* , выступавшая как второй компонент в таких именах, как *Hælmger*, давшего, согласно

уменьшительное *Hælge*, могла выступать и как первая основа имени в таких мужских именах, как *Ger(h)vat, Gerlak, Gerlej, Germund, Gerthorn, Gervast, Gervidh,* или в женск. именах как *Gerhild*, а также в женских именах из рунных надписей *Geirun, Geirvi*. Тот же принцип действовал и в славянских именословах. Компонент *слав-*, например, образовывал имена Святослав, Святополк, Святовит, но использовался и в качестве конечного компонента в именах Мирослав, Ярослав и др.

Что же касается *heilagr/helgi*, то участие этого слова как именного компонента в образовании скандинавских имен на основе принципа варьирования не наблюдается, и этот факт, который лишает норманистскую аргументацию всякой основы.

Хельги в скандинавской литературной антропонимике

Написание скандинавских имен стало претерпевать значительные изменения в ходе все более полного распространения латинского алфавита с XIII в. или с того периода, когда стали записываться исландские саги. Прежде всего, это влияние сказалось на датских и норвежско-исландских именословах. Датский исследователь в области ономастики Рикард Хорнби распространение латиницы в датской письменной культуре назвал «властью латыни».

С постепенным утверждением латинского алфавита произошла сильная латинизация многих личных имен датского именослова. Перед гласными в именах стали писать знак придыхания «*h*», например, Herikus вместо Erikus, Homerus вместо Omer или Orm. Женское имя Elena, которое в народной традиции было известно как Ellind или Elin, получило форму Helena. Elias (Илья) стало Helias. Так писатель периода реформации Poul Helgesen стал величать себя Paulus Helie вместо Elie. Под влиянием латиницы уменьшительные имена от имени Elias/Helias стали принимать форму, идентичную с Helghi, и наоборот. Скандинавская форма Helghi в иностранных источниках передавалось на немецкий лад как *Heilige* (Hornby 1947: 187), что естественно, поскольку на немецком слово *heilg* означало 'святой', Heiland – 'спаситель' и т.д. В силу этого имя *Helghi* в скандинавских именословах получило на письме множество вариантов. Например, в словаре датских личных имен под именем *Helghi* встречаются такие варианты наряду с *Helghi* и его латинским вариантом *Helgo* как: Heiligen, Eiligen, Helgonj, Hæliess (Paulo Hæliess 1341), Hælgonis (Petri Hælgonis 1350), Helyo, Heli и т.д. (Danmarks gamle personnavne 1936–1940: 496-497.

И это обстоятельство крайне важно для анализа имени *Helghi*. Следует иметь в виду, что сюжеты, где носители этого имени фигурируют, могли относиться писателем к периоду IX–X вв., но стали известны нам по воспроизведениям в исландских рукописях XIII–XV вв. (Циммерлинг 2004: 431). Поэтому имена героев в данных произведениях с большой долей вероятности либо прошли христианскую «модернизацию» (от *Hælghe* 'Шлемоносеца' к *Helghe* 'святому'), либо были непосредственном порождением христианской эпохи – прозвищем *Helghe* – прямым переводом *Sankte*. Поэтому мы не можем знать точно, как произносились созвучные прилагательному *helig* более архаичные гипокористики или прозвища

скандинавских именословов, например, имя одного из легендарных первопоселенцев в Исландии *Helgi hinn magri* – *Хельги Худого* в X в. (к этому периоду относят время его жизни). О Хельги Худом известно, что он был обращен в христианство, но не хотел расставаться и с почитанием Тора (Davidson 1993: 84).

Может, в написании его имени в явно христианизированной форме был заключен символический штрих, характеризовавший ту переходную эпоху? Иначе говоря, у нас нет никакой гарантии в том, что воспроизведение его имени в письменную эпоху соответствовало его произносительной форме в X в., соотвественно, соединение имени *Хельги* из этого источника с прилагательным *helig* – академическое умозаключение.

Далее следует обратить внимание на то, на какие источники ссылаются норманисты для подтверждения своей концепции отождестве имени Олега и скандинавского имни Хельги. Так Е.А. Мельникова сообщает, что «…личное имя Хельги/Хельга …отмечается прежде всего в именослове Скьёлдунгов – легендарной династии правителей о. Зеландия, …а также в других циклах и сюжетах древнескандинавского эпоса, происхождение которых может быть связано с датскими и норвежским культурным ареалом» (Мельникова 2005: 142-143).

В статье называются и те произведения, в которых имя Хельги фигурирует как имя героев эпических произведений. Это английский героический эпос «Видсид» (Widsith), сохранившийся в Эксетерской книге – самом большом сборнике англосаксонской поэзии X в., хранящемся в библиотеке Эксетерского собора, а также эпическая поэма «Беовульф», созданная в начале VIII в. и сохранившаяся в списке XI в. Кроме того, это легендарная часть истории данов у Саксона Грамматика, «Круг земной» Снорри Стурлусона и др.

Иначе говоря, наиболее ранними носителями имени Хельги выступают литературные герои, а не исторические личности. Но дело в том, что именослов героико-эпических произведений весьма специфичен. Многие имена их героев несут символическую нагрузку, концентрируют в себе идейный замысел произведения. Поэтому, например, в русских былинах мог действовать герой по имени Алеша Попович, но совершенно невозможно представить уменьшительную форму имени для княжеского или царского именослова. Например, был царь Алексей Михайлович, но никому не приходило в голову именовать его царь Алеша Михайлович.

Далее следует, наконец, прояснить, что к череде литературных героев относятся и правители из так называемой «легендарной» династии Скъёлдунгов. Современные скандинавские историки уже давно не относят к историческим источникам ни легендарную историю королей данов у Саксона Грамматика, ни легендарные истории королей Дании, Швеции и Норвегии из норвежско-исландской литературы.

«Труд Саксона – не историческое произведение. Это – мир увлекательных рассказов… Всего каких-нибудь лет сто тому назад Саксон рассматривался как важнейший источник по истории Дании древнего периода. Но у современной науки более критичный подход. Вся древняя или легендарная часть его труда не признается более реальной датской историей. Доказано, что немалую часть

материала он заимствовал из гуннской истории или из истории Англии для того, чтобы дать датскому королевству более древнюю историю», – пишет в предисловии к датскому изданию «Деяний данов» датский историк Д. Тамм (Tamm 1999: 10-11).

Та же самая оценка относится и к англосаксонскому эпосу, и к норвежско-исландской литературе. По словам одного из ведущих шведских медиевистов Д. Харрисона, практически все исследователи сейчас сходятся во мнении о том, что «Беовульф» – художественное произведение, которое немыслимо использовать как исторический источник для изучения датской или шведской истории VI–VII вв. Таким же специфическим источником, подчеркивает Харрисон, являются скальдическая поэзия и саги, т.е. «Эдда», родовые саги, норвежско-исландские королевские саги. Граница между реальностью и фикцией в них трудноуловима. Исландские саги были записаны несколько веков спустя после описываемых в них событиях. Прежде всего, это касается «Саги об Инглингах», которая была записана Снорри Стурлусоном около 1230 года на основе древнескандинавского поэтического произведения «Перечень Инглингов» о древнешведском королевском роде в Уппсале. Но мы не знаем, когда эта поэма была написана, и разные исследователи датировали ее в промежутке от X в. до XII в. Многое говорит за то, что весь перечень королей – книжный конструктив, не имеющий ценности исторического источника» (Harrison 2009: 21-23).

Труд Саксона Грамматика сыграл важную роль в скандинавской историографии, поскольку он открывал первую страницу в скандинавском историописании. Как отметил шведский историк К. Юханнессон, Саксон Грамматик уже в средневековый период расценивался в образованных кругах Европы как первейший авторитет среди скандинавских историков, под влиянием которого развивалось датское историописание следующих веков. Зеландские хроники XIII в. и ютландские хроники XIV в. следовали, безусловно, Саксону. Когда шведский историк Эрик Олай в Упсале второй половины XV в. писал свою «Chronica regni Gothorum» или когда Альберт Кранц несколько десятилетий спустя в Гамбурге писал труды по истории саксов, вендов и скандинавских народов, то оба они черпали свои познания из Саксона Грамматика (Johanneson 1978: 7-8).

Таким образом, «мир увлекательных рассказов» Саксона Грамматика наполнял вымышленной историей данов исторические призведения европейских авторов в течение нескольких столетий. Правда, сейчас даже датские историки признали вымышленность «династии» Скъёлдунгов. Но российские норманисты, по-прежнему, воспринимают легендарную часть произведения Саксона как достоверный исторический источник.

Но даже фантазии Саксона не хватило на такую нелепую выдумку, как изобразить некоего Хельги «из датских и норвежских локальных династий», якобы совершившего великие завоевания в Восточной Европе и создавшего там в конце X в. гигантское государство. Хотя Саксон, как известно, стремился воспеть наиболее видных представителей датской королевской власти и датских правителей другого ранга, которым удавалось хоть на короткий срок собирать земли данов под одной рукой или же стяжать воинскую славу в удачливых иноземных походах. При этом никто из перечисленых выше столпов западноевропейской историографии не пенял

Саксону Грамматику за то, что у него нет описаний тех грандиозных походов скандинавов, выдуманных впоследствии шведскими представителями готицизма.

Как отметил с некоторым разочарованием современный финский историк Латвакангас (он как раз, в отличие от Саксона, стремился выявить грандиозные походы скандинавов на восток Европы), у Саксона виден явный интерес к восточноевропейским землям, поскольку писатель нередко «отправлял» туда своих героев. Кроме того, Саксон придавал значение междинастийным связям с восточноевропейскими правителями (этим, явно, и определялся интерес Саксона), но никаких данных о викингских походах на восток у Саксона нет (Latvakangas 1995: 73-74).

Приведенный анализ норманистских попыток доказать, что имя князя Олега есть производное от скандинавского Хельги, выявляет полную несостоятельность этих попыток. Данный вывод логично подкрепляется отсутствием скандинавских исторических прототипов для князя Олега. Как было отмечено в начале статьи, именно в тот период, когда согласно Мельниковой, из среды представителей датских и норвежских правителей должен был появиться такой героический предводитель, как Олег Вещий, объединивший гигантские территории Восточной Европы под своей властью, среди тех же датских правителей не нашлось ни одного, который бы собрал под своей рукой микроскопические в сравнении с Восточной Европой территории, расположенные на Ютландском полуострове, на острове Зеландия и на других островах вблизи них.

Более того. У нас есть прекрасный источник – хроника немецкого анналиста Адама Бременского, созданная около 1060 года и содержащая, в том числе, описания истории скандинавских стран, основательность которых усиливается тем, что многие из этих сведений Адам Бременский получил от короля данов Свена Эстридсена (1020–1074) во время личных встреч с королем. Времена Олега Вещего были сравнительно недавним историческим прошлым для Свена Эстридсена, но он решительно ничего не знал о своих великих предках или земляках, вершивших грандиозные дела в Восточной Европе.

И это притом, что как раз в воспоминаниях короля Свена об этом периоде, т.е. о конце IX в., мелькает имя одного из его предков, очень похожее на то, которое норманисты выдают за исходную форму для имени князя Олега, а именно имя Heiligo. Адам Бременский упомянул короля данов Heiligo, правившего у данов в период после поражения, нанесенного норманнам и данам королем Арнульфом, который, по словам хрониста, практически истребил норманнов. Здесь имелась в виду битва при Лёвене (современная Бельгия) 891 года, в которой император Арнульф Каринтийский нанес поражение войску норманнов, так что, как пишет Адам Бременский, «сто тысяч язычников пали сраженные… и нападения норманнов были остановлены, и так Господь отомстил за кровь своих верных слуг, за кровь, которая лилась в течение семидесяти лет» (Adam av Bremen 1984: 52).

И далее Адам Бременский пересказывает слова Свена Эстридсена (1047–76), который по просьбе хрониста, перечислял своих предков: «После поражения, которое потерпели норманны, правил, насколько мне известно, Heiligo, которого его народ любил за справедливость и святость. Его сменил Олоф, который прибыл из

страны свеонов и силой оружия подчинил себе королевство данов. У него было много сыновей, и двое из них – Гнупа (Ghnob) и Гюрд (Gurd) завладели троном после смерти отца... что после смерти правителя свеонов Олофа, который правил со своими сыновьями, трон занял Сигтрюгг, он правил недолго, и его изгнал сын Свена Хардекнют из страны норманнов (*шведские переводчики считают, что здесь речь идёт о выходце из герцогства Нормандия – Л.Г.*). Но об их правлении мало что можно сказать... все они были язычники, но несмотря на то, что короли часто менялись... христианская церковь не была совсем уничтожена...» (Adam av Bremen 1984: 52-53).

Последние описания в рассказе относятся к 915 г., а время жизни Heiligo приходится на рубеж IX–X вв., что совершенно очевидно со слов Адама Бременского. Тем не менее, Мельникова, перечисляя всех носителей имени Хельги, отодвигает время правления Heiligo на целых сто лет ранее: «...конунг Heiligo конца VIII в., которого Адам Бременский называет ”мужем, любимым народом за [его] справедливость и святость”, – видимо, согласуя с его именем характеристику, выдержанную в христианском духе» (Мельникова 2005: 142).

Тем самым в статью вносится грубая историческая ошибка. Но благодаря этому выполняется важная задача: правление короля данов по имени Heiligo отодвигается подальше от времени правления князя Олега и исключает, таким образом, неудобные вопросы: «Король данов по имени Heiligo – Хельге есть, а где его великие подвиги?» Нет этих подвигов у датского современника Олега Вещего по имени Heiligo.

– Как сейчас помню, вроде был и такой правитель, – напрягал память Свен Эстридсон, – и даже хороший был человек, а больше и сказать о нем нечего. Потом пришли правители свеонов и все захватили. А потом пришли другие завоеватели. Но тоже ничем особенным себя не отметили».

И вот из этой-то безликой череды мелких правителей, не способных у себя дома создать что-то существенное, норманисты пытаются выводить русского князя Олега Вещего!

Кроме того, надо учесть, что латинизированный вариант имени Heiligo мог скрывать имя Elie/Илья, которое имело литинизированную форму Helie, что было сокращенной формой от Helgesen (как в вышеприведенном примере с именем писателя реформации: Poul Helgesen стал величать себя Paulus Helie вместо Elie). Для короля-христианина имя Илья было очень подходящим.

Хельги в скандинавских рунных и латинизированных именословах

Личные имена, зафиксированные на рунных камнях, собраны в словаре Лены Петерсон. Представлено в словаре и Хельги, по поводу которого составительница словаря отмечает, что в стародатском это имя записывалось как Helghi, функционируя и как прозвище/binamn, в старошведском как Hælge (в том числе, и как прозвище/binamn), в старонорвежском Helgi (в том числе, и как прозвище/binamn) (Peterson 2007: 128).

Относительно Хельги в датских и норвежских именословах в предыдущей части статьи было отмечено, что наиболее раннее употребление этого имени

отмечено в литературных памятниках в качестве имен вымышленных героев. Записаны эти памятники были уже на латинице, что неизбежно вело к искажению исходной формы имени, к возникновению ее вариативности, что затрудняло выяснение этой исходной формы.

В датских именословах Хельги в форме литературного антропонима прослеживается вплоть до XII в., не считая упомянутого Адамом Бременским некоего правителя по имени Heiligonem, Heligon, о котором было рассказано в предыдущем разделе. Но как уже отмечалось, у нас не может быть никакой уверенности в том, какое конкретно имя скрывается за этой сугубо латинизированной именной формой. В подтверждение можно привести такие варианты датского Helghi из средневековых датских именословов (т.е. с XII в.) как Helias, Helie, Helli (Danmarks gamle personnavne 1936–1940: 300).

Эти варианты свидетельствуют о том, что они пришли в датский именослов с европейского континента, и как мне удалось обнаружить, имеют весьма специфичное происхождение. Этот момент полностью прошел мимо российских норманистов (как, впрочем, и многое другое), поэтому ему будет посвящен отдельный раздел во второй части данной статьи. Здесь же, чтобы завершить разговор о датских Хельги, приведу несколько примеров из датского словаря старинных личных имен. Реальные, исторически зафиксированные носители имени Хельги отмечаются в нем с XII в. (помимо отмеченного Адамом Бременским правителя по имени Heligon). Вот несколько примеров.

У короля данов Нильса (1104–1134) был советник по имени Helgi, дата смерти которого зафиксирована в 1128 г. Среди священников Лунда известны Helge Diakææn, XII в.; Helgo, приор в монастыре Эсрум, Лундское епископство, 1177 г.; маршалк (высокий военный чин) Heinligo, 1230; некий Hælgi на острове Лангеланд (между островами Фюн и Лолланд), XIII в.; Petro Helghss в Лунде 1325 г. Petro Hælgonis, каноник в Лунде, 1331 и др. (Danmarks gamle personnavne 1936 – 1940: 496).

Среди носителей этого имени отмечается много священнослужителей, что напоминает об отмеченном Янце́ном факте перевода на латынь имени *Hælghe* как *Sankte* в одном средневековом шведском источнике, что приводилось выше. По всей видимости, подобная практика существовала и в Дании в период распространения христианства, что способствовало популярности этого имени среди священнослужителей.

К рассказу о старонорвежском Helgi можно отнести многое, что было сказано о стародатском Helghi: первые его носители – вымышленные литературные герои, а реальные исторические носители этого имени появляются в Норвегии, примерно тогда же, когда и в Дании. Об исландских носителях имени Хельги было вкратце упомянуто в предыдущем разделе: имена эти стали известны по исландским рукописям XIII – XV вв., поэтому мы не можем знать, насколько «модернизировано» их написание христианским мировоззрением и насколько искажено при передаче на латинский алфавит. И я не вижу смысла останавливаться более подробно на исландских носителях этого имени в рамках данной статьи, поскольку ее задача – рассмотреть вероятных «кандидатов» на роль князя Олега, которые согласно норманистам, должны были иметься среди выходцев «из датских и норвежских

локальных династий». Поэтому норвежским носителям имени Helgi будет уделено в статье большее внимание, но сделаю я это во второй части данной статьи, в разделе «Древнерусские предания и их компиляция в Саге об Одде Стреле», вкупе с рассмотрением исландской саги, содержание которой интерпретируется норманистами в тесной связи с личностью летописного князя Олега.

С этим обратимся к имени Хельги, зафиксированному на рунных камнях, конкретно, на рунных камнях Швеции. Один из наиболее выдающихся шведских исследователей шведского рунного наследия Свен Б.Ф. отметил, что имя Хельги не принадлежало к распространенным именам в шведском рунном именослове викингского периода. Известны считанные случаи его использования, причем некоторые из них – весьма сомнительны, как например, на камне Ög192 (из области Эстергётланд), где выявлено имя **ailki,** в котором некоторые исследователи хотят видеть имя Helgi, но для Свена Янссона такое толкование выглядит большой натяжкой. Так же сомнительным выглядит и имя **heli** с рунного камня Sm91 из Смоланд – надпись будет приведена ниже (Gästriklands runinskrifter 1981: 159).

Это замечание Свена Янссона о незначительном распространении имени Хельги в рунных надписях – прекрасное свидетельство того, что имя Хельги не связывалось у представителей скандинавских обществ с каким-то выдающимся скандинавским деятелем, в частности, с деятелем викингского периода, отсюда и его малая популярность в дохристианский период.

Большую часть случаев употребления имени Хельги в шведских рунных надписях я представлю в статье, отобрав надписи из тех областей, где оно отмечено в большем количестве: Уппланд, Сёдерманланд, Смоланд, Гэстриксланд.

Рунные камни в области Уппланд составляют важную часть в рунном наследии Швеции. На рунных камнях в области Уппланд *Хельги* зафиксировано камнях U32, U39, U 505, U687 (под вопросом), U954.

Рунный камень U32. Местонахождение – примерно на границе между Стокби и Сокарби. Камень был описан еще Ю.Буре (1568 – 1652)

Текст: + **unfaikr** + **auk** + **krukr** + **auk** x **stain** + auk + **halki** x **litu** + **raisa** + **stain** x **þana** + aftir x suain + **foþur sin** x **auk** + **at** + **butna** + **broþir sin auk** x **ika** + **kuþ** x **hialbi** + **ont þaira**

На шведском: Ofeg och Krok och Sten och Helge och Inga läto resa denna sten efter Sven sin fader och efter Botna sin broder. Gud hjälpe deras ande

На русском: Уфег и Круг и Стен и Хельге и Инга заказали воздвигнуть этот камень в память их отца Свена и брата Бутна. Да упокоит господь их души.

Женское имя Инга, поясняют Вессен и Янссон, – гипокористика от Ingiborg, Ingifriđr, Ingigerđr, Ingirum и пр.

Как видно, гипокористики были достаточно обычной формой имени в рунных надписях. И в таком случае, ничто не мешает считать **halki** тоже гипокористикой, если судить по форме написания. Правда здесь у нас нет надежных сведений о том, какое полное имя в этом случае за ним стоит.

Надпись явно христианского содержания, следовательно, относится, самое раннее, к концу XI в. (Upplands runinskrifter 1940-43: 44-45).

Рунный камень U39. О нем сообщается следующее: надпись была обнаружена высеченной на скале Ю. Хадорфом (J. Hadorph) в 1676 во время его поездки по области с целью отыскания и копирования рунных надписей. Оригинал надписи не сохранился. Она стала известна в публикации Хадорфа «Färentuna häradz Runstenar" (1680). Таким образом, U39 – это не рунный камень, это публикация копии надписи от 1689 г.

Е. Вессен и Я. Янссон не приводят датировки надписи, что и понятно: имея только копию, это не так просто сделать. Но надпись, которая заканчивается словами: «Да поможет бог его душе», совершенно определенно относится к христианской эпохе. О распространении христианства в Швеции принято говорить не ранее XI-XII вв., а если говорить об Уппланд и об укорененности христианства в обществе, то можно брать и XIII в. Кроме того, Вессен и Янссон отмечают, что имя Сальмунд, в память которого была высечена надпись, встречалось в документах XII-XIII в. (Upplands runinskrifter 1940-43: 52-53).

На некоторых популярных сайтах эту надпись пытаются датировать 1050 г., но это скорее выдача желательного за действительное, поскольку 1050 г. – это завершение так называемого викингского периода, а именно туда и хочется подтянуть некоторые имена.

Рунный камень U505. Местонахождение – церковь в Корста (Kårsta kyrkan). Камень вмурован по западной стороне фронтона церкви, у основания крыши здания.

Текст: **alrikr . lit . rita . stain . –k . bro . kiara . iftir . hilga . sun sin . hulrikr . auk . auþin iftir broþur sin suain risti**

На современном шведском: Alrikr lät resa stenen och göra bron till minne av Helge, sin son, Hultrik och Ödin till minne av sin broder. Sven ristade.

На современном русском: Альрикр заказал воздвигнуть камень и сделать мосток в память своего сына Хельге, Хультрик и Эдин в память своего брата. Стен высекал руны.

Надпись на рунном камне увенчана крестом, что относит его создание к христианской эпохе, следовательно, не ранее конца XI в., но, скорее всего, к более позднее эпохе, что поясню ниже. Свен Янссон поддерживал мысль о том, что мастер Стен, подписавший данный камень, создал рунные камни U376 (церковь в Видби) и U378 (в Осби). Оба эти камня увенчаны величественным изображением креста, что говорило о христианской вере мастера и соответственно, о времени создания рунных камней. Но Свен Янссон отмечал, что имя **hultrikr** неизвестно из других рунных надписей, но известно из средневековых письменных документов более поздней эпохи, например за 1312 и 1350 гг. Поэтому и время жизни названного мастера, и создание им указанных рунны камней могло относиться к более позднему времени.

Рунный камень U954. Сам камень не сохранился до наших дней, осталось только его описание. Первое описание было сделано еще Ю. Буре в 1638 г. Камень находился неподалёку от населенного пункта Сёдерби (Söderby). Надпись, скопированная Ю.Буре, гласила: x **þRu : aRrukr : fretr : ri - - u : s... – r : helka : bruþr : sin : en : sasur : trab : han : ouk : kaþ . niþiks : uerk : seik : felka : sin: kuþ : helb : hut : has** x

На шведском языке: Örik (?) och de andra fränderna reste stenen efter Helge, sin bror. Och Sassur dräpte honom och gjorde nidingsverk, svek sin följesman.Gud hjälp hans ande.

На русском языке: Эрик/Ёрик и другие родственники воздвигли камень в память Хельге, своего брата. Сассур убил его и тем совершил злодеяние, предав соратника. Господь, упокой его душу.

Надпись, безусловно, была сделана в христианский период, и можно предположить, что это был не совсем ранний период. Свен Янссон обратил внимание на слово *niđingsverk (злодеяние как предательство того, кто доверился)*, которое больше не встречается в рунных надписях, но известно из кодекса законов короля Магнуса Эриксона в их редакции для Западной Гёталанд. Этот первый общешведский кодекс законов был принят в середине XIV в. и получил постепенное распространение по историческим областям шведского королевства в течение второй половины XIV в. Исходя из этого, можно предположить, что *niđingsverk* как термин отражает лексику средневекового периода в Швеции (Uppslands runinskrifter 1953-58: 73-76).

Рунный камень U687. Местонахождение – Шюста (Sjusta) в приходе Скуклостер (Skokloster). Собственно, это массивная каменная глыба, у которой обработана только одна сторона, где и нанесен рунный текст. Камень лежит в лесистой местности, но неподалеку от жилого массива. Найдена она была сравнительно недавно, в 1858 г.

Свен Янссон считал, что данную надпись нельзя относить к тем, где зафиксировано имя Хельги, поскольку написание и толкование имени вызывало слишком большие сомнения. В словаре Лены Петерсон к этому варианту Хельги приписаны и варианты Ægli, Ængli. Кроме того, рунный текст украшен крестом, что позволяет сразу отнести их к христианскому периоду. Поэтому эту надпись можно было бы пропустить, но она тем не менее заслуживает того, чтобы ее рассмотреть.

Текст: **runa . lit kiara . mirki at . sbialbuþa . uk . at . suaini . uk . at . antuit . uk. At . raknar . suni . sin uk ekla . uk . siriþ . at . sbialbuþa . bonta sin an uar . tauþr . i hulmkarþi . i olafs . kriki . ubiR . risti . ru**

На современном шведском: Runa lät göra minnesvården efter Spjallbude och efter Sven och efter Andvätt och efter Ragnar, hennes och Helges (?) söner, och Sigrid efter Spjallbude, sin man. Han blev död i Holmgård i Olovskyrkan. Öpir ristade runorna.

На русском: Руна заказала сделать надгробие в память Спъяльбуда и Свена и Андвэтта и Рагнара, сыновей её и Хельги (?), а Сигрид в память Спъяльбуда, своего мужа. Он умер в Хольмгорде в церкви Олова.

Янссон отметил, что данное надгробие не принадлежит к числу обычных. Женщина по имени Руна (уменьшительное от Guđrun, Ingirun, Sigrun) воздвигает надгробие в память четырех своих сыновей. Её мужа (в надписи его имя **ekla**), тоже, вероятно, нет в живых. Вместе с ней присутствует ее невестка Sigriđ, чтобы почтить память своего мужа Спъяльбуда. Именно он умер где-то в Хольмгарде или Новгороде.

Но имя **ekla** вызывает, по-прежнему, большие сомнения. Пытались видеть в нем женское имя Эгла или Энгла, но тогда у Спъяльбуда оказывалось две жены, что в

принципе, было не невозможно, но подобные женские имена были неизвестны. Кроме того, грамматически **ekla –** родительный падеж от мужского имени. Поэтому вариант Helge закрепился в литературе.

Однако в словаре Лены Петерсон разъясняется, что имя Ængli – от Engill (стародат. Engli, старошв. Engle, старонорв. Engli), в родительном падеже тоже писалось бы **ekla,** т.е. родительный падеж для Helge и Ængli/Engill идентичен, соотвественно, у нас не может уверенности, какое точно имя было начертано в рунной надписи.

Большие сомнения вызвало слово **kriki,** постепенно сошлись во мнении, что это форма от старошв. **kirkin, т.е. kyrka –** церковь. Данный факт еще раз напоминает о том, что рунные надписи не читаются, а истолковываются (Uppslands runinskrifter 1953-58: 192-196).

Для нас же эта надпись интересна вот чем. Она – совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что даже малоизвестный выходец из небольшого шведского поселения был достоин упоминания в родном краю за то, что он совершил путешествие в дальние страны и там скончался. А тут норманисты вещают о каком-то скандинавском выходце по имени Хельги, который якобы завоевал Киев и создал величайшее государство в Европе, и чтобы в память о нем не осталось ни памятного знака, ни самого малого рунного камешка?!

Рунные надписи из Сёдерманланд представлены в каталоге Л. Петерсон следующими примерами: Sö48, Sö111, где имя Хельги написано в именительном падеже, а также Sö129 и Sö180, где это имя стоит в винительном падеже. Данные рунные камни Сёдерманланд анализировались Эриком Брате, причем этот его труд относится к 20-м – 30-м годам прошлого века, что наложило свой отпечаток на его содержание: описания Брате кратки, не содержат такого интересного детального анализа, который мы видим в послевоенном труде Свена Янссона.

Рунный камень Sö48. Местонахождение – церковь Стигтомта. Камень вмурован в стену церкви, при входных дверях. Так он был описан еще Ю. Перингшёльдом (1654–1720).

Текст: x **uglaikr** x **auk** x **kiuli** x **auk** x **helki** x **auk** x **hulfastr** x **þeir** x **raistu** x **stain eftir** x **þorbiarn**

На современном шведском: Viglek och Gylle och Helge och Holfast, de reste stenen efter Torbjörn

На русском языке: Виглек и Гюлле и Хельги, они воздвигли камень в память Турбьёрна.

Единственное пояснение, которое Брате делает относительно этой надписи, касается имени **kiuli.** Брате охарактеризовал его как гипокористику Gylli/Gulle от Gudlef. Это интересно, поскольку следующее имя **helki** (его Брате переводит как Helge), которое имеет точно такую же форму как **kiuli,** поэтому вполне может также восприниматься как гипокористика. Но Брате так широко не мыслил, особенно в 20-годы прошлого века, когда фантазии рудбекианизма еще были очень сильны в шведском обществе.

Можно еще добавить, что имя Viglek (Vighlak, Vighlek, Vigleikr) А. Янцен охарактериовал как исходно западноскандинавское, первое упоминание отмечено в

норвежском именослове в 1028 г. (В исландском именослове это имя не встречается, а в шведском есть, и пришло оно явно из Норвегии (Janzen 1947: 124). Сведения об этом имени важны с точки зрения датировки рунной данной надписи, которая может быть отнесена к XI в. (Södermalms runinskrifter 1924-36: 37).

Рунный камень Sö111. Местонахождение – кладбище при церкви Стенквиста.

Текст: **. helki . auk . fraykaiR . auk . þorkautr . raistu . merki . sirum**

Снизу: **at þiuþmund**

В середине: **faþur . sin**

Перевод, скомпонованный Брате: Helge och Fröger och Torgöt reste med segerruner prydda minnesvårdar after Tjudmund, sin fader.

На русском языке: Хельге и Фрёгер и Тургёт воздвигли надгробие, украшенное торжествеными рунами, в память своего отца Тьюдмунда.

Для датировки данного рунного камня важно знать, что наиболее ранняя постройка церкви Стенквисты относится к рубежу XI–XII вв. Соответственно, к этому же времени относится и появление кладбища при церкви, где три сына установили надгробие в память своего отца (Södermalms runinskrifter 1924-36: 83).

Рунный камень Sö129. Место нахождения – церковь Лид, кладбище при церкви. Камень вмурован в стену сбоку от кладбищенских ворот (восточный вход). Рунная надпись идет по кругу, в середине круга – крест, т.е. камень принадлежит к христианской эпохе.

Текст: **biurn : rasþti : stain : þansi : iftiRi : hailka : bruþur +**

На современном шведском: Björn reste denna sten efter broder Helge.

На русском: Бьёрн воздвиг этот камень в память брата Хельги.

Для более точной датировки этого рунного камня следует принять во внимание, что церковь Лид возводилась в XII, а по некоторым сведениям, в XIII вв. (Södermalms runinskrifter 1924-36: 96).

Рунный камень Sö180. Местонахождение – населенный пункт Харби (Harby) в Сёдерманланд. На лесной тропе из земли выступает каменная глыба, на которой сохранились остатки рунной надписи, украшенной крестом и где реконструируют имя Хельги в винительном падеже.

Текст: **r . li---ai r. ilka . kuþ . hialbi**

На современном шведском: ...lät resa...Helges...Gud hjälpte.

На русском: ...заказал воздвигнуть... Хельги.. Господи, упокой.

Больше ничего об этой надписи нет, но ее датировка, безусловно, относится к христианской эпохе (Södermalms runinskrifter 1924-36: 156).

Рунные камни в области Смоланд.

Рунный камень Sm101. Местонахождение – Ноббельсхолм, приход Нэвельшъё. Камень представляет собой высокий узкий столбик из гранита, на котором высечена не совсем обычная надпись, согласно которой некоего Гуннара его брат Хельги похоронил по христианскому обряду в Англии, в Бате. А дома в Нэвельшъё его сын Гуннкель установил в честь отца памятный камень. Камень орнаментирован христианским крестом.

Текст: **: kun(t)(k)el : sati : sten : þansi : eftiR : kunar : faþur : sin : sun : hruþa : halgi : lagþi : han : i : sten:þr : bruþur : sin : a : haklati : i : baþum**

На современном шведском: Gunnkell setti stein þenna eptir Gunnar, fôður sinn, son Hróða. Helgi lagði hann í steinþró, bróður sinn, á Englandi í Bôðum.

На русском: Гуннкель установил этот камень в память своего отца Гуннара, сына Роде. Хельги, его брат сделал для него саркофаг и похоронил его по христианскому обряду в Англии, в Бате.

Камень стоит на границе трех селений при проселочной дороге. Камень, вероятно, служил межевым знаком, разделявшим Восточный и Западный херады или сотни, т.е. административно-территориальные единицы. Известны и другие рунные камни в Смоланд, использовавшиеся в качестве межевых знаков.

Рагнар Кинандер, исследовавший рунное наследие Смоланд, отметил, что в данной надписи упомянуты три поколения одного семейства. Братья Хельги и Гуннар находились в Англии, где Гуннар скончался, и его брат Хельги устроил ему достойные похороны, заказав для погребения в Бате каменный саркофаг. При этом, отмечает Кинандер, на память невольно приходит найденный в 1852 г. в соборе Святого Петра в Лондоне фронтон саркофага с рунами, датируемый серединой XI в. Smålands runinskrifter 1935-1961: 232-234).

Этой фразой Кинандер как бы пытается установить возможную точку отсчета для датировки памятного рунного камня в Смоланд – это середина XI в. То, что ранее XI в. данная надпись не могла возникнуть, подтверждается и данными использования имени Гуннар. В шведском именослове оно зафиксировано на рунных камнях с XI в. (Modéer 1964: 61), а в датских именословах – с XII в. (Danmarks gamle parsonnavne 1936–40: 410). Смоланд была областью, больше подверженной датскому влиянию в силу близости к Халланд и Блекинге, долгое время находившихся под властью королей данов.

Но есть и другие соображения, в силу которых данное событие – смерть в Англии выходца из Смоланд Гуннара и установка ему мемориального камня на родине, можно отнести к более позднему времени. Для более точной датировки надо сделать более подробный анализ источника, т.е. рунной надписи.

Первое, что следует отметить, это то, что надпись, безусловно, сделана верующим христианином, причем христианином не в первом поколении, а как минимум, в третьем. История распространения христианства в Смоланд известна. Утверждение там христианства связывают с крестовым походом норвежского короля Сигурда Крестоносца (1090–1130), совершенного в 1123 г. Осталось описание этого похода и характеристика населения, еще тогда настолько приверженного язычеству, что только немногие из них соглашались креститься. Преувеличено ли значение Сигурда Крестоносца в распространении христианства в Смоланд или нет (сейчас даже подвергают сомнению и сам факт крестового похода Сигурда в Смоланд), но с именем этого короля и его отца связаны также походы на Британские острова. Отец Сигурда король Магнус Босоногий совершал завевательные походы в Ирландию и на север Британии, в результате которых ему удалось подчинить часть островов в Ирландском море (о. Мэн) и в Атлантическом океане (Гебридские острова).

В 1098 г. Магнус и его отряды вмешались в борьбу между английским королем Вильгельмом II Руфусом и Уэльсом на стороне валлийцев. Магнусу удалось разбить англо-норманские отряды и приостановить завоевание Уэллса англичанами. Сигурд

сопровождал отца в походах на Британские острова и оставался править как король Мэна и других островов в отсутствии отца, возвращавшегося в Норвегию.

Возможно, эти походы норвежских королей увлекли на Британские острова и выходцев из Смоланд, тем более, что вопрос о том, власти какого короля была подчинена Смоланд, очень долго оставался открытым. Договор о границах между датским и шведским королем в южных землях современной Швеции, согласно П.Сойеру, был заключен только в XIII в., а не во второй половине XI в., как предполагалось ранее (Sawyer 1988:165-170). Бат же до начала XIII в. являлся резиденцией епископа Уэллса и был, таким образом, престижным местом для упокоения состоятельных людей, в том числе и иностранцев.

Если мы сложим воедино все имеющиеся в нашем распоряжении кусочки мозаики: активность короля Сигурда в Смоланд, его участие в походах отца на Британские острова, которые, наверняка, предоставляли неплохую возможность как для короля, так и для его людей по законам войны улучшить свое экономическое положение. По крайней мере, это единственное реалистическое объяснение тому, как братья Хельги и Гуннар попали в Бат, где Гуннар незадачливо скончался, однако был похоронен с подобающим достоинством. Ведь область Смоланд вплоть до XII в. была одним из самых глухих уголков будущей Швеции. На начало XI в. ее население насчитывало всего 7 800 чел. (Грот 2012:213). Так что, более исторически достоверной для рассматриваемой рунной надписи из Смоланд представляется первая половина XII в. (Smålands runinskrifter 1935-1961:232-234).

Рунный камень Sm132. Место нахождения – населенный пункт Рикельсторп (Ricktlstorp). Камень стоит на берегу небольшой речушки, неподалёку от моста и проезжей дороги. Известно, что камень всегда находился на этом месте. Случалось, воды речушки в половодье подмывали его, и камень падал, но местные жители устанавливали его в прежнее положение. На камне нет, практически, никакой орнаментики, только текст, но некоторые руны повреждены или выветрились от времени.

Текст: **hilhi : raisti [:] ste [i]n þeni : eftir : fin : faþur . sin**

На современном шведском языке: Helge reste denna sten efter Finn, sin fader.

На русском языке: Хельге воздвиг этот камень в память своего отца Финна.

Некоторыми исследователями высказывались мнения о том, что перед именем **hilhi** стерлись первые руны, и как они предполагали, в начале могли быть BK или BG, т.е. первое имя могло быть «Brinilki» или «Brynild». Кроме того, отмечалось что имя Финн (т.е. саам) – достаточно редкое имя среди рунных имен, но чаще встречается в средневековых документах.

Сомнения в том, действительно ли первое имя в надписи было Хельги, делают эту надпись менее интересной для моего исторического анализа. Но все же можно предположить, что надпись эта достаточно позднего времени. Забота жителей Рикельсторпа о камне позволяет предположить, что он как-то соотносится с историей семей, в нем проживавших. Само название Рикельсторп появилось достаточно поздно, в первой половине XVI в. Это, разумеется, не означает, что поселение здесь появилось вместе с названием – населенные пункты меняют названия – но, учитывая имя Финна, как не относящееся к особо архаичным личным

именам в этой области, вряд ли можно отодвигать создание этого рунного камня ранее, чем к средневековому периоду (Smålands runinskrifter 1935-1961: 277).

Рунный камень Sm91. Имя **heli,** зафиксированное в данной надписи, Свен Янссон расценивал как очень сомнительный вариант для Хельги. Камень был найден в Слэттокра Норрегорд, в приходе Альседа. В настоящее время камень установлен в городском парке Ёнчёпинга. Он был обнаружен в 1868 г. среди хозяйственных построек, неподалеку от скотного двора, возле небольшого ручейка. Камень порос мхом и полускрыт в земле. Руны были не видны, поскольку камень лежал, перевернутый надписью вниз. Но когда его почистили и установили на всеобщее обозрение, оказалось, что нанесены ясно читаемые руны, хотя некоторые из них были попорчены временем. В 1907 г. камень перенесли в парк города Ёнчепинга.

Текст: **heli** : **risti** : **sin** : **þesi : eftir : ausr : sun : sin**

Перевод на современный шведский: Helge reste denna sten efter Assur, sin son (Smålands runinskrifter 1935-1961: 217-218).

На русском языке: Хельге установил этот камень в память своего сына Ассура.

Сказать об этом камне практически нечего. Но, возможно, именно это и может послужить для его атрибутики. Судя по тому, что этот камень был с небрежностью отброшен на «свалку» жизни вплоть до того времени, как ученые люди Швеции увидели в рунных камнях свое культурное наследие, можно предположить, что отец, установивший памятный камень, чтобы почтить своего сына, и его сын Ассур не принадлежали к прославленной и сильной семье данного края. Об этом же свидетельствует и достаточно бедное оформление рунной надписи.

Кроме того, для меня также представляется неубедительным перевод **heli** как Хельги. Это могло быть частью и другого имени, поэтому данный перевод скорее выдача желаемого за действительное.

Рунные камни из Гэстриксланд.

Рунный камень G14, место нахождения – церковь Ованшё (Ovansjö kyrkan) в губернии Гэстриксланд. Сам камень в настоящее время находится в притворе церкви и замурован в восточную стену, справа от входа в храм. Самое раннее упоминание об этом камне относится к 1667 г. Пастор храма в перечне старинных предметов, принадлежавших церкви, упоминает о рунном камне, замурованном над входом в притвор церкви. Притвор церкви за обветшанием перестраивался, в силу чего камень какое-то время находился снаружи церкви, на кладбище. В 1964 г. вся церковь была капитально отремонтирована, после чего камень был снова перенесен в ее притвор и помещен там, где он находится сейчас.

Надпись на камне была сильно повреждена, многие фрагменты надписи оказались утрачены. Свен Янссон сообщает, что шведские исследователи разных времен читали первые слова этой надписи по-разному:

Хадорф и Кристоферссон (1690): **hl**... x **osuhlf**

Сельсиус (1726): **ehlh-** ... – x **osuhlfr**

Виберг (1864): **hlhi** x **osuhlfr**

Тем не менее, считал Свен Янссон, что данный вариант можно принять и полагал, что камень воздвигнут в память известного рунного мастера.

Та часть текста, которая осталась, гласит:

ehlhi... **-** x **osuhlfr** x **ok** x **osmuntr** x **þiritu** : **stin** x **eftir** ...**is–þ kyfti . sar-**... **--str** : **smiþa** x **ok**

На современном шведском: Helge och Åsulf och Åsmund de reste stenen efter... Han var (den bäste) smeder och...

На русском языке: Хельге и Осульф и Осмунд воздвигли камень в память... Он был лучшим мастером рун и...

Свен Янссон, анализируя мужские имена, упоминаемые в надписи, полагает, что первое имя трудно отождествить с каким-либо иным именем, чем Хельги и что таким образом его толковали еще в XVIII в.

Ещё раз хотелось бы обратить внимание на то, что толкование рунных надписей – не обычное чтение текстов, а разгадывание полустертых временем знаков и фрагментов фраз. Поэтому рунная надпись, содержащая какое-либо имя, не тождественна справке из архивов загса. Прочтение имен на рунных камнях часто результат толкования и догадок, что явно относится и к имени Хельги на рунном камне G14. Судя по тому, как это имя выглядит в надписи, под ним могло подразумеваться и какое-нибудь иное имя. Свен Янссон считает, сложно определить время, когда была сделана надпись на камне G14, но полагает, что с большой долей вероятности ее можно отнести к концу XI в. (Gästrikslands runinskrifter 1981:154-162).

Приведенные примеры вариантов имени Хельги, обнаруженные на рунных камнях в Швеции, ясно свидетельствуют о том, что за этим именем не имелось прославленного носителя, принадлежавшего к называемому викингскому периоду. Имя имеет форму гипокористики или прозвища, его носители – явно лица, не обладавщие высоким статусом. Рунные надписи с этим именем относятся, самое раннее, к середине – второй половине XI в. Но большая их часть, украшенная крестом и содержащая части христианских молитв, была создана не ранее XII вв., т.е. в тот период, когда христианство получало все большее распространение в шведском обществе, чтобы в XIII в. ввести и новый алфавит – латиницу, вытеснившую руны.

Во второй части статьи будет показана связь литературных антропонимов Хельги, столь популярных в произведениях Саксона Грамматика и в исландских сагах, с европейской континентальной традицией, в том числе, и с древнерусской, а также пути ее проникновения в Скандинавию. Там же будут приведены и разъяснения о том, что русский правитель или «царе Русии» по имени Хлгу (Hlgw) из еврейско-хазарской переписки также не имеет никакого отношения к Скандинавии. Но и без особых разъяснений уже сейчас ясно, что в данной переписке скандинавская форма Хельги не могла участвовать, поскольку для «царя Русии» не могло быть использовано как уменьшительное имя, так и прозвище, каковым является скандинавское имя Хельги.

ЛИТЕРАТУРА

Байер 2006 – *Байер Г.З.* О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006.

Гедеонов 2005 – *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. М., 2005.

Горский 2008 – *Горский А.А.* История России с древнейших времен до 1914 г. Учебное пособие для вузов. М., 2008.

Грот 2012 – *Грот Л.П.* Ранние формы политической организции в истории скандинавских стран в освещении шведской историографии // Ранние формы политических систем. СПб., 2012.

Грот 2013-2014 – *Грот Л.П.* Политический миф норманизма // Научно-публицистический альманах «Русское поле». 2013-2014. № 4-5.

Дворниченко 2010 – *Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учебное пособие. М., 2010.

Клейн 2014 – *Клейн Л.С.* Ещё один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора // Stratum plus. 2014. № 5.

Клёсов 2015 – *Клёсов А.А.* Авторская колонка / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/klyosov/ (дата обращения – 02.10.2015).

Лукошков 2011 – *Лукошков А.В.* Флот Древней Руси в плаваниях на Константинополь: находки и реконструкции // Труды первой международной конференции «Начала Русского мира». 28 – 30 октября 2010 года. СПб., 2011.

Мельникова 2005 – *Мельникова Е.А.* Олгъ / Ольгъ / Олегъ <Helgi> Вещий: К истории имени и прозвища первого русского князя // Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005.

Мельникова 2009 – *Мельникова Е.А.* Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории старого света. Труды государственного Эрмитажаж. Т. XLLX. СПб., 2009.

Мельникова 2011 – *Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.

Назаренко 2009 – *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009.

Пузанов 2007 – *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.

Свердлов 2002 – *Свердлов М.Б.* Историография, теория и практика изучения истории Руси VIII – XIII вв.: Учебное пособие для студентов исторического факультета. Саратов, 2002.

Суслова, Суперанская 1985 – *Суслова А.В., Суперанская А.В.* О русских именах. Л., 1985.

Фомин 2013 – *Фомин В.В.* Нужен ли нашему будущему шведский взгляд на наше прошлое? // Образовательный и культурно-просветительский журнал «Государственность. Gosudarstvennost». 2013. № 1-2 (3-4).

Циммерлинг 2004 – *Циммерлинг А.В.* Комментарии к скальдическим стихам // Исландские саги. Перевод с древнеисландского языка, общая редакция и комментарии А.В. Циммерлинга. Т. II. М., 2004.

Шлёцер 1809 – *Шлёцер А.Л.* Нестор. Ч. III. СПб., 1809.

Adam av Bremen 1984 – *Adam av Bremen.* Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svenberg. Kommenterad av Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Pilz. Proprius förlag. Stockholm, 1984.

Danmarks gamle personnavne 1936-1940 – Danmarks gamle personnavne. Utgivet af Gunnar Knudsen og Marius Kristensen under medvirkning af Rikard Hornby. København, 1936 – 1940.

Davidson 1993 – *Davidson E.* Nordens gudar och myter. Stockholm, 1993.

Ekbo 1947 – *Ekbo S.* Nordiska personbinamn under vikinga- och medeltid // Nordisk kultur VII. Personnamn. Stockholm; København; Oslo, 1947.

Edberg 2007 – *Edberg R.* Sigtunaleden och mysteriet med de saknade vikingaskeppen // Situne Dei. Årsskrift för Sigtunaforskning. Utgiven av Sigtuna Museum. Sigtuna, 2007.

Gahrn 1988 – *Gahrn L.* Svearikets i källor och historieskrivning. Göteborg, 1988.

Gästriklands runinskrifter. Granskade och tolkade av Sven B.F.Jansson. Stockholm, 1981.

Harrison 2009 – *Harrison D.* Sveriges historia. 600 – 1350. Stockholm, 2009.

Hornby 1947 – *Hornby R.* Fornavne i Danmark i Middelalderen // Nordisk kultur VII. Personnamn. Stockholm; København; Oslo, 1947.

Janzén 1947 – *Janzén A.* De fornsvenska personnamnen // Nordisk kultur VII. Personnamn. Stockholm; København; Oslo, 1947.

Johanneson 1978 – *Johanneson K.* Saxo Grammatikus. Komposition och världs bild i Gesta Danorum. Stockholm, 1978.

Kunik 1845 – *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. II. St.-Petersburg, 1845.

Latvakangas 1995 – *Latvakangas A.* Riksgrundarna. Turkku, 1995.

Liliengren 1989 – *Liliengren E.* Svenska språket. Solna, 1989.

Lindkvist 1995 – *Lindkvist Thomas.* Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergängen från vikingatid till tidig medeltid. Uppsala, 1995.

Lindkvist, Sjöberg 2008 – *Lindkvist Th., Sjöberg M.* Det svenska samhället. 800 – 1720. Klerkernas och adelns tid. Studentlitteratur, 2008.

Modéer 1964 – *Modéer I.* Svenska personnamn. Handbok för universitetsbruk och självstudier av Ivar Modéer utgiven av Birger Sundqvist och Carl-Eric Thors. Lund, 1964.

Peterson 2007 – *Peterson L.* Nordisk runnamnslexikon. Femte, reviderade utgåvan. Uppsala, 2007.

Smålands runinskrifter 1935-1961 – Smålands runinskrifter. Granskade och tolkade av Ragnar Kinander. Stockholm, 1935-1961.

Sawyer 1988 – *Sawyer P.* «Landamæri 1». The Supposed Eleventh – Century Boundary Treaty between Denmark and Sweden // Festskrift til Olaf Olsen på 60-års dagen. København, 1988.

Södermalms runinskrifter 1924-36 – Södermalms runinskrifter. Granskade och tolkade av Erik Brate och Elias Wessen. Stockholm, 1924-36.

Tamm 1999 – *Tamm D.* Inledning // Saxo. Danmarkskrøniken 1. Aschehoug, 1999.

Thomsen 1882 – *Thomsen V.* Ryska Rikets grundläggande genom skandinaverna. Stockholm, 1882.

Upplands runinskrifter 1940-43 – Upplands runinskrifter, granskade och tolkade av Elias Wessen och Sven B.F. Jansson. Stockholm, 1940-43.

Uppslands runinskrifter 1953-58 – Uppslands runinskrifter. Granskade och tolkade av Elias Wessen och Sven B.F. Jansson. Fjärde delen. Uppsala, 1953-58.

Weibull 1921 – *Weibull C.* Om det svenska och det danska rikets uppkomst // Historisk tidskrfit för Skåneland 7. 1921.

REFERENCES

Adam av Bremen 1984 – *Adam av Bremen.* Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svenberg. Kommenterad av Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Pilz. Proprius förlag [Adam of Brehmen, History of the Archbishops of Hamburg-Bremen, translated by Emanuel Svenberg, commended by Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Pilz], Stockholm, 1984 [in Swedish].

Bayer 2006 - *Bayer G.S.* O variagah [De Varagis], in: Fomin V.V. Lomonosov. Geniiy russkoiy istorii [Lomonosov. Genius of russian history], Moscow, 2006 [in Russian].

Danmarks gamle personnavne 1936-1940 – Danmarks gamle personnavne. Utgivet af Gunnar Knudsen og Marius Kristensen under medvirkning af Rikard Hornby [Denmarks Old personal names. Published by Gunnar Knudsen and by Marius Kristensen, contributed by Rikard Hornby], København, 1936 – 1940 [in Danish].

Davidson 1993 – *Davidson E.* Nordens gudar och myter [The nordic gods and myths], Stockholm, 1993 [in Swedish].

Dvornichenko 2010 - *Dvornichenko A.IU.* Rossiiyskaia istoriia s drevneiyshih vremen do padeniia samoderzhaviia. Uchebnoe posobie [Russian history from ancient times to the fall of autocracy. Academic textbook], Moscow, 2010 [in Russian].

Ekbo 1947 – *Ekbo S.* Nordiska personbinamn under vikinga- och medeltid [Nordic personal subsidiary names during the Viking age and the Middle ages], in: Nordisk kultur VII. Personnamn [Nordic culture VII. Personal names], Stockholm; København; Oslo, 1947 [in Danish].

Edberg 2007 – *Edberg R.* Sigtunaleden och mysteriet med de saknade vikingaskeppen [Sigtunaroute and the mystery with the lack of long Viking skips], in: Situne Dei. Årsskrift för Sigtunaforskning. Utgiven av Sigtuna Museum [Situne Dei. Annual publication for Sigtunaresearch. Published by Sigtunamuseum], Sigtuna, 2007 [in Swedish].

Fomin 2013 - *Fomin V.V.* Nuzhen li nashemu budushemu shvedskiiy vzgliad na nashe proshloe? [Does our future needs a swedish look on our past?], in: Obrazovatel'nyiy i kul'turno-prosvetitel'skiiy zhurnal «Gosudarstvennost'. Gosudarstvennost» [Educational and cultural journal «Gosudarstvennost»], 2013, № 1-2 (3-4) [in Russian].

Gahrn 1988 – *Gahrn L.* Sveariket i källor och historieskrivning [Early swedish kingdom in historical sources and in historiewriting], Göteborg, 1988 [in Swedish].

Gedeonov 2005 - *Gedeonov S.A.* Variagi i Rus' [Varangians and Rus'], Moscow, 2005 [in Russian].

Gorskiiy 2008 - *Gorskiiy A.A.* Istoriia Rossii s drevneiyshih vremen do 1914 g. Uchebnoe posobie dlia vuzov [Russian history from ancient times to 1914 Academic textbook for higher education], Moscow, 2008 [in Russian].

Groth 2012 - *Groth L.P.* Rannie formy politicheskoiy organizcii v istorii skandinavskih stran v osveshenii shvedskoiy istoriografii [Early forms of political organisation in ancient scandinavian countries through the prism of swedish historiography], in: Rannie formy politicheskih system [Early forms of political systems], St. Petersburg, 2012 [in Russian].

Groth 2013-2014 - *Groth L.P.* Politicheskiiy mif normanizma [Polytical myth of normanism], in: Nauchno-publicisticheskiiy al'manah «Russkoe pole» [Scientific-journalistic almanac «Russkoye pole»], 2013-2014, № 4-5 [in Russian].

Gästriklands runinskrifter. Granskade och tolkade av Sven B.F.Jansson [Runic inscriptions of Gestrikland. Examined and interpreted by Sven B.F.Jansson], Stockholm, 1981 [in Swedish].

Harrison 2009 – *Harrison D.* Sveriges historia. 600 – 1350 [Swedish history. 600 – 1350], Stockholm, 2009 [in Swedish].

Hornby 1947 – *Hornby R.* Fornavne i Danmark i Middelalderen [First name in Denmark in the Middle ages], in: Nordisk kultur VII. Personnamn [Nordic culture VII. Personal names], Stockholm; København; Oslo, 1947 [in Danish].

Janzén 1947 – *Janzén A.* De fornsvenska personnamnen [Old swedish personal names], in: Nordisk kultur VII. Personnamn [Nordic culture VII. Personal names], Stockholm; København; Oslo, 1947 [in Swedish].

Johanneson 1978 – *Johanneson K.* Saxo Grammatikus. Komposition och världs bild i Gesta Danorum [Saxo Grammaticus. Komposition and worldview in Gesta Danorum], Stockholm, 1978 [in Swedish].

Kleiyn 2014 - *Kleiyn L.S.* Eshie odin skaz o lehitskih variagah. Prodolzhenie spora [Another narration about lechitic varangians. Further discussion], in: Stratum plus [Stratum plus], 2014, № 5 [in Russian].

Klysov 2015 - *Klysov A.A.* Avtorskaja kolonka [Author's column], 2015, Electronic resource: http://pereformat.ru/klyosov/ (Date of access – 02.10.2015) [in Russian].

Kunik 1845 – *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen [Inviting the Sweish Rodsen by the Finnic and Slavic tribes], Bd. II, St.-Petersburg, 1845 [in German].

Latvakangas 1995 – *Latvakangas A.* Riksgrundarna [State founders], Turkku, 1995 [in Swedish].

Liliengren 1989 – *Liliengren E.* Svenska språket [The swedish language], Solna, 1989 [in Swedish].

Lindkvist 1995 – *Lindkvist Thomas.* Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergängen från vikingatid till tidig medeltid [Plundering, tresures and the feudal state development during transition från the Viking age to the early Middle ages], Uppsala, 1995 [in Swedish].

Lindkvist, Sjöberg 2008 – *Lindkvist Th., Sjöberg M.* Det svenska samhället. 800 – 1720. Klerkernas och adelns tid [The swedish socity. 800-1720. The clerics and nobilitys era], 2008 [in Swedish].

Lukoshkov 2011 - *Lukoshkov A.V.* Flot Drevneiy Rusi v plavaniiah na Konstantinopol': nahodki i rekonstrukcii [Ancient Rus' fleet voyage to Constantinople: findings and reconstructions], in: Trudy pervoiy

mezhdunarodnoiy konferencii «Nachala Russkogo mira» 28-30 oktiabria 2010 goda [Academic material of the first international confrence «Inception of the Russian world»], St. Petersburg, 2011 [in Russian].

Melnikova 2005 - *Melnikova E.A.* Olg'' / Ol'g'' / Oleg'' <Helgi> Veshiiy: K istorii imeni i prozvisha pervogo russkogo kniazia [Prophetic Olg' / Ol'g' /Oleg' <Helgi>: On the history of the name and sobriquet of the first russian prince], in: Ad fontem / U istochnika: Sbornik stateiy v chest' S.M. Kashtanova [Ad fontem / Collection of publications in honour of S.M. Kashtanov], Moscow, 2005 [in Russian].

Melnikova 2009 - *Melnikova E.A.* Vozniknovenie Drevnerusskogo gosudarstva i skandinavskie politicheskie obrazovaniia v Zapadnoiy Evrope [Establishment of the state of ancient Rus' and scandinavian political formations in Eastern Europe], in: Slozhenie russkoiy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoiy istorii starogo sveta.Trudy gosudarstvennogo Ermitazha T. XLLX [Emergence of russian statehood in context of early middleages of the Old World .Works of State Hermitage. XLLX], St. Petersburg, 2009 [in Russian].

Melnikova 2011 - *Melnikova E.A.* Drevniaia Rus i Skandinaviia. Izbrannye trudy [Ancient Rus' and Scandinavia. Favorite works], Moscow, 2011 [in Russian].

Modéer 1964 – *Modéer I.* Svenska personnamn. Handbok för universitetsbruk och självstudier av Ivar Modéer utgiven av Birger Sundqvist och Carl-Eric Thors [Swedish person name. Handbook for university and self studies of Ivar Modéer, published by Birger Sundqvist and Carl-Eric Thors], Lund, 1964 [in Swedish].

Nazarenko 2009 - *Nazarenko A.V.* Drevniaia Rus' i slaviane [Ancient Rus and slavs], Moscow, 2009 [in Russian].

Peterson 2007 – *Peterson L.* Nordisk runnamnslexikon. Femte, reviderade utgåvan [Dictionary of proper names in Scandinavian Viking Age runic inscriptions. Fifth, revised edition], Uppsala, 2007 [in Swedish].

Puzanov 2007 - *Puzanov V.V.* Drevnerusskaia gosudarstvennost: genezis, etnokul'turnaia sreda, ideologicheskie konstrukty [Ancient Rus' statehood: genesis, ethnocultural environment, ideological constructionism], Izhevsk, 2007 [in Russian].

Sawyer 1988 – *Sawyer P.* «Landamæri 1». The Supposed Eleventh – Century Boundary Treaty between Denmark and Sweden, in: Festskrift til Olaf Olsen på 60-års dagen [Studies in Honour of Olaf Olsen on his 60th birsday], København, 1988 [in English].

Schlözer 1809 - *Schlözer A.L.* Nestor [Nestor], III, St. Petersburg, 1809 [in Russian].

Smålands runinskrifter 1935-1961 – Smålands runinskrifter. Granskade och tolkade av Ragnar Kinander [Runic inscriptions of Smoland. Examined and interpreted by Ragnar Kinander], Stockholm, 1935-1961 [in Swedish].

Suslova, Superanskaia 1985 - *Suslova A.V., Superanskaia A.V.* O russkih imenah [Russian names], Leningrad, 1985 [in Russian].

Sverdlov 2002 - *Sverdlov M.B.* Istoriografiia, teoriia i praktika izucheniia istorii Rusi VIII-XIII vv.: Uchebnoe posobie dlia studentov istoricheskogo fakul'teta [Historiography , theory and research of Rus' history in VII-XIII CE. Academic textbook for faculty of history], Saratov, 2002 [in Russian].

Södermanlands runinskrifter 1924-36 – Södermanlands runinskrifter. Granskade och tolkade av Erik Brate och Elias Wessen [Runic inscriptions of Södermanland. Examined and interpreted by Erik Brate and Elias Wessen], Stockholm, 1924-36 [in Swedish].

Tamm 1999 – *Tamm D.* Inledning [Introduction], in: Saxo. Danmarkskrøniken 1 [Saxo. The Danish chronicle I], Aschehoug, 1999. [In Danish].

Thomsen 1882 – *Thomsen V.* Ryska Rikets grundläggande genom skandinaverna [The russian kingdoms foundation through scandinavians], Stockholm, 1882 [in Swedish].

Upplands runinskrifter 1940-43 – Upplands runinskrifter, granskade och tolkade av Elias Wessen och Sven B.F. Jansson [Runic inscriptions of Uppland. Examined and interpreted by Elias Wessen och Sven B.F. Jansson], Stockholm, 1940-43 [in Swedish].

Uppslands runinskrifter 1953-58 – Uppslands runinskrifter. Granskade och tolkade av Elias Wessen och Sven B.F. Jansson. Fjärde delen [Runic inscriptions of Uppland. Examined and interpreted by Elias Wessen och Sven B.F. Jansson. The fourths part], Uppsala, 1953-58 [in Swedish].

Weibull 1921 – *Weibull C.* Om det svenska och det danska rikets uppkomst [About the swedish and danish kingdom origin], in: Historisk tidskrfit för Skåneland 7 [The historian magazine for Skåneland], 1921 [in Swedish].

Zimmerling 2004 - *Zimmerling A.V.* Kommentarii k skal'dicheskim stiham [Commentary to the skaldic poetry], in: Islandskie sagi. Perevod s drevneislandskogo iazyka, obshaia redakciia i kommentarii A.V. Zimmerlinga [Icelandic sagas. Translation from ancient icelandic language, general editing and comments of A.V. Zimmerling], T. II, Moscow, 2004 [in Russian].

Грот Лидия Павловна – Кандидат исторических наук, заместитель председателя общества «Русский салон», историограф общества (Лулео, Швеция).
Groth Lidia – candidate of historical sciences, vice-chairman of society «Russian Salon», historiographer of society (Luleå, Sweden).
E-mail: mail@histformat.com

УДК 94(367)

ЗАМЕТКИ О РАННЕСЛАВЯНСКОЙ ЭТНОНИМИИ (СЛАВЯНЕ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В I ТЫС. Н.Э.)

М.И. Жих

Российско-немецкий исторический семинар (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

http://orcid.org/0000-0003-2212-6416

SPIN-код: 6149-3974

Авторское резюме

В работе сделана попытка выяснить, опираясь на письменные источники, как именовали себя носители именьковской археологической культуры, существовавшей в Среднем Поволжье в IV-VII вв. и ядро которой составляли славяне. Именьковский ареал занимал значительные пространства, соответственно, разные группы именьковского населения могли иметь разные имена. На основе арабских и хазарских источников можно сделать вывод, что какие-то группы «именьковцев» могли называться словенами и северянами.

Ключевые слова: этнонимия, славяне, Среднее Поволжье, именьковская культура, северяне, Русь.

NOTES ON THE EARLY SLAVIC ETHNONYMICS (SLAVS IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE 1st MILLENNIUM AD)

Maksim Zhikh

The Russian-German Historical Seminar (St. Petersburg, Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract

The paper attempts to clarify the self-designation of the Imenkov Archeological Culture carriers, whose habitat was in the Middle Volga in the 4th-7th cc. AD, and the core of whom were Slavs. The Imenkov population occupied an extensive territory, meaning that different subgroups might have used different national names for themselves. Based on the analysis of the Arab and Khazar written sources it can be concluded that some parts of the Imenkov population called themselves Slovens and Severians.

Keywords: ethnonymics, Slavs, Middle Volga, Imenkov Archeological Culture, Severians, Rus'.

* * *

Проблема определения *самоназваний* дописьменных социумов является одной из самых сложных в изучении древней и раннесредневековой истории. Решаться она может двумя путями. Во-первых, установлением, если это возможно, преемственной связи археологических культур, этническая принадлежность и наименование

носителей которых нам неизвестны с культурами, для которых соответствующие данные могут быть установлены по письменным источникам (внешним или внутренним). Во-вторых, анализом письменных источников соседних развитых цивилизаций, если, разумеется, данное бесписьменное общество попало в их поле зрения. Именно последний путь является наиболее надежным, так как этническая номинация – вещь изменчивая и даже установив связь некоей «анонимной» археологической культуры с культурой, имя носителей которой нам известно, мы не можем быть уверены, что носители первой именовали себя так же, как и их потомки.

В настоящей работе мы попытаемся выяснить с опорой, прежде всего, на письменные источники, вопрос о том, как именовали себя носители именьковской археологической культуры, существовавшей в Среднем Поволжье в IV-VII вв. (об именьковской культуре см.: Старостин 1967; 1986; Матвеева 1997; 2004; Седов 1994а: 49-65; 2002: 245-255; Кляшторный, Старостин 2002; Сташенков 2005; Вязов 2011; Богачев 2011: 72-137).

К счастью, данный регион во второй половине I тыс. н.э. оказался в поле зрения арабов и Хазарского каганата. Соответственно, в арабских и хазарских источниках оказались известия, повествующие о неких «ас-сакалиба» – славянах, проживающих в Среднем Поволжье, в которых можно видеть только «именьковцев» и их потомков. Эти известия стали в последнее время объектом пристального научного анализа (Кляшторный 1964; 2005; Седов 1995: 196-197; 2002: 254-255; Галкина 2006: 380-382; 2006а: 339-345; 2014; Жих 2011: 121-138; 2011а; 2013) и подтвердили позицию тех археологов, которые отстаивают славянскую этническую атрибуцию как минимум существенной части именьковского населения (Смирнов 1962: 161-165; Матвеева 1988; 2004: 74-78; Седов 1994: 315; 1994а: 58-65; 1995: 193-197; 1999: 59-62; 2002: 252-255; Кляшторный, Старостин 2002; Богачев 2011: 72-137). Есть ли среди этих известий сведения, которые помогли бы проникнуть за современный научный термин «именьковцы» и понять, как именовали себя славяне, жившие в середине – второй половине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье? Попробуем найти ответ на этот вопрос.

Попытки установить самоназвание «именьковцев» предпринимались в науке трижды. Рассмотрим подробно эти три опыта и предпримем их всестороннюю проверку, дабы попытаться ответить на вопрос: может ли современная наука определить самоназвание(я) именьковского населения и услышать живой голос первых славян Среднего Поволжья?

В 1995-м году В.В. Седов высказал предположение, что самоназванием «именьковцев» было имя *северяне* (Седов 1995: 197). Данная гипотеза была прямым следствием разрабатываемого археологом вывода о генетической связи именьковской археологической культуры с волынцевской, существовавшей на Левобережье Днепра в VIII – начале IX вв., славянская принадлежность которой не вызывает сомнений.

Первое сопоставление памятников именьковской и волынцевской культур было предпринято А.П. Смирновым (Смирнов 1962). По словам учёного «данный могильник (*Рождественский могильник именьковской культуры – М.Ж.*) стоит одиноко среди памятников Среднего Поволжья и Прикамья, на что обратил внимание его

исследователь В.Ф. Генинг… Рождественский могильник грунтовой, без признаков могильных насыпей. Для него характерны неглубокие ямы небольшого размера, приготовленные только для захоронения остатков кремированных трупов. Остатки сожженного трупа помещались в специально вырытые ямки. Инвентарь погребения составляли сосуды и украшения. Если обратиться к аналогиям, то, пожалуй, наиболее близкой окажется бескурганный могильник, исследованный Д.Т. Березовцом близ с. Волынцево Сумской области, где исследователь установил, что покойников сжигали на стороне, а урны с прахом закапывали на могильнике… Приведенные соображения заставляют датировать памятник VI-VIII вв. и отнести его к бурной эпохе прихода болгар в Поволжье. Он (*Рождественский могильник – М.Ж.*) принадлежит племенам лесостепи, известным нам по Волынцевскому могильнику, который большинством исследователей приписывается древним славянам» (Смирнов 1962: 162-165).

А.П. Смирнов произвел детальное сопоставление глиняной посуды и погребальной обрядности Рождественского могильника именьковской культуры[1] с соответствующими материалами славянских Волынцевского поселения и могильника, показавшее их соответствие. Это был революционный для науки того времени вывод, так как впервые на основе археологических данных был поставлен вопрос о проживании в Среднем Поволжье значительного славянского массива. Ранее он ставился учеными только на основании данных письменных источников (Гаркави 1870; Кляшторный 1964).

В дальнейшем выяснилось, что именьковская культура не имеет местных корней и толчком к ее формированию стала миграция (или миграции) населения с запада – из ареала культур полей погребений (зарубинецкой и развившейся из нее киевской, пшеворской и черняховской), в рамках которых, при различии взглядов по ряду конкретных вопросов, большинство археологов-славистов ищет предков исторических славян (Славяне 1993). По наиболее обоснованным выводам, на рубеже эр и в первые века н.э. предки исторических славян были основой зарубинецкого и киевского населения (Третьяков 1982)[2], в рамках пшеворской культуры праславяне занимали ее висленский и верхнеднестровский регионы[3], в черняховской культуре с праславянами связан преимущественно район Верхнего Поднестровья (Баран 1981;

---

[1] Сам А.П. Смирнов, правда, датировал именьковскую культуру IV-V вв. и считал ее финно-угорской, а Рождественский могильник он относил к более позднему времени (VI-VIII вв.) и считал его независимым по отношению к ней памятником, связанным с миграцией в Среднее Поволжье славян с Левобережья Днепра. Ныне принадлежность Рождественского могильника к именьковской культуре не вызывает сомнений. И наблюдения А.П. Смирнова являются важным аргументом в пользу славянской этнической атрибуции как минимум части её носителей и их связи со славянами Днепровского Левобережья.

[2] Намеченная П.Н.Третьяковым линия развития от зарубинецких памятников через позднезарубинецкие древности к киевской культуре, а от нее – к пеньковской и колочинской культурам нашла поддержку ряда археологов (Е.А. Горюнов, Р.В. Терпиловский, О.М. Приходнюк, А.М. Обломский и т.д.) и к настоящему времени основательно разработана.

[3] Проблема выделения славян в рамках полиэтничной пшеворской культуры исследована в ряде работ И.П. Русановой и В.В. Седова: Русанова 1976: 201-215; 1990; Седов В.В. 1994: 166-200; 2002: 97-125. Итоги исследований праславянских пшеворских памятников верховий Днестра подведены в монографии Д.Н. Козака: Козак 2008.

1983; 1988; Баран, Гопкало 2005; Седов 1994: 270; 2002: 186-187) и, возможно, частично также подольско-днепровский регион (Седов 1994: 270-277 и сл.; 2002: 186-191 и сл.).

Именно выходцы из этих регионов и сыграли решающую роль в становлении именьковской культуры (Матвеева 1981; 1986; 1988; 2004: 65-74; Седов 1994: 309-311; 2002: 245-249; Богачев 2011: 47-61, 72-78).

Учитывая то, что к сложению именьковской культуры привел целый ряд миграций из ареала культур полей погребений (преимущественно из районов, связываемых с предками исторических славян) и то, что в ее сложении приняло активное участие местное население (финно-угорское, иранское и т.д.), вполне обоснованной выглядит гипотеза Д.А. Сташенкова о гетерогенности населения именьковской культуры (Сташенков 2005; 2006). Это позволяет предполагать, что разные группы «именьковцев» могли иметь разные имена, восходящие к тем названиям, которые они имели на «прародине».

Наблюдения А.П. Смирнова о близости именьковских материалов и славянских памятников Днепровского Левобережья нашли свое законченное воплощение в работах В.В. Седова, как бы «развернувшего» выводы А.П. Смирнова и выступившего с обоснованием тезиса о том, что не славяне с Днепровского Левобережья мигрировали в Среднее Поволжье, а напротив, «именьковцы» в конце VII в. ушли в район Левобережья Днепра, где стали основой населения волынцевской культуры (Седов 1994: 315; 1994а: 59-63; 1995: 193-194). Исследование В.В. Седова показало, что волынцевские традиции являются продолжением именьковских в:

- Фактуре теста, технологии производства глиняной посуды и в ее формах (сопоставимы именьковские и волынцевские горшки с цилиндрическим венчиком и высокими плечиками, миски, сковородки), а также в орнаментации сосудов (для обеих культур единственным орнаментом оказываются пальцевые вдавления по венчику);
- Устройстве жилищ и ям-кладовок;
- Погребальном обряде: для обеих культур характерны грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения на стороне;
- Экономической жизни: «именьковцы» и «волынцевцы» использовали одни и те же сельскохозяйственные орудия, культивировали одни и те же растения, выращивали одних и тех же животных, одинаковой была у них доля животноводства и охоты в хозяйственной жизни (Седов 1995: 194).

Выводы В.В. Седова о генетической связи именьковской и волынцевской культур были поддержаны частью исследователей (см. например: Приходнюк 1998: 75-76; Матвеева 2004: 77), в то же время существует и ряд других гипотез об истоках волынцевского населения: автохтонная (О.В. Сухобоков), луки-райковецкая (А.М. Обломский), дунайская (А.В. Григорьев, О.А. Щеглова) и ныне вопрос о генезисе волынцевской культуры остаётся до конца нерешённым. Тем не менее, ряд фактов указывает на лучшую обоснованность «именьковской гипотезы» генезиса волынцева относительно других.

Гипотеза А.М. Обломского и его соавторов о формировании волынцевской культуры в результате миграции населения с Правобережья Днепра, из ареала

пражской и сменившей её луки-райковецкой культур (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144-147; Обломский, Родникова 2014), была подвергнута В.В. Седовым аргументированной критике: «Свое видение исторических событий, имевших место в конце VII в. при становлении волынцевской культуры, недавно изложили И.О. Гавритухин и А.М. Обломский (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144-147). Исследователи полностью согласны с тем, что сложение этой культуры было обусловлено экспансией в Днепровское левобережье новых масс славянского населения, но полагают, что миграция исходила из каких-то более западных областей. При этом верхушка прежнего (пеньковско-колочинского) населения в результате столкновений погибла (обилие невостребованных кладов в волынцевском ареале), а оставшиеся группы смешались с пришельцами. Мысль о западном происхождении пришлого населения покоится исключительно на распространении в южной части волынцевской культуры глиняных печей. Но таким образом можно было бы еще решить вопрос о происхождении отопительных устройств волынцевских жилых построек, но никак не проблему происхождения всей культуры, которая требует анализа всего комплекса составляющих ее элементов. Вопрос об истоках глиняных печей волынцевской культуры решается И.О. Гавритухиным и А.М. Обломским довольно поверхностно. Действительно, подобные печи выявлены на поселениях второй половины V-VI вв. в верховьях Западного Буга, Сана и Горыни. Но в следующих столетиях они здесь выходят из употребления; по-видимому, на их основе формируются круглые глинобитные печи, которые никак не могли быть прототипами волынцевских глиняных печей. На основной части Правобережной Украины и в Молдавии и в V-VII вв., и позднее господствовали печи-каменки (Раппопорт 1975). Глиняные печи, наряду с другими типами отопительных устройств, выявлены на поселениях VIII-IX вв. Киевщины и Каневщины. Но это ведь ареал волынцевской культуры» (Седов 1999: 84. Примеч. 72).

Именьковская культура не погибла в результате вражеского нашествия, большая часть «именьковцев» просто покинула родные места, по всей видимости, из-за приближающихся тюрок (Седов 2002: 253-254; Матвеева 2004: 77-78; Богачев 2011: 81-82). Соответственно, где-то эти мигранты должны обнаружиться.

Крайне важным является то обстоятельство, что для волынцевской культуры были характерны исключительно бескурганные могильники, в то время как на Правобережье Днепра уже с VI-VII вв. получил широкое распространение курганный обряд погребения, доля которого непрерывно возрастала. Таким образом, бескурганный погребальный обряд «волынцевцев» никак не мог быть принесён с правобережья, зато он находит очевидную параллель в именьковской бескурганной обрядности (о волынцевской культуре см.: Сухобоков 1975: 49-57; 1992: 16-36; Юренко 1985; Седов 1995: 186-208; 1999: 50-62; 2002: 255-266; Гавритухин, Обломский 1996: 130-135).

Налицо и серьезные различия между волынцевской культурой и синхронной ей славянской культурой Днепровского Правобережья типа Луки-Райковецкой. Уровень волынцевской культуры был выше в ряде отношений. Достаточно сказать, что «волынцевцы» знали гончарный круг, а их правобережные соседи – нет. Он появился у них только в конце IX в. (Авдусин 1980: 29; Седов 1999: 45-46). Первая

гончарная керамика, выявленная на правобережье в районе Киева и относящаяся к IX веку, связана с проникновением сюда волынцевской культуры (Моця 1987: 106-107).

Жители Днепровского Левобережья VIII-X вв., носители волынцевской и развившейся из нее роменской культуры, именовались, как мы хорошо знаем из летописей, *север*, *северо* (ПСРЛ. I: 6, 10, 13, 19, 29, 148; ПСРЛ. II: 5, 8, 14, 17, 21, 135, 136) или *северяне* (ПСРЛ. I: 24; 149; ПСРЛ. II: 136). По их имени район бассейнов Десны и Сейма получил имя *Севера*/*Север*/*Северская земля*/*Severia* сохранявшееся вплоть до XVI-XVII вв. (Рыбаков 1974: 82, 83. Карты 12, 13, 19б). С ними же связаны такие названия как Новгород-Северский и Северский Донец. В свете работ В.В. Седова вполне логично, что и их вероятные предки, «именьковцы», именовались аналогичным образом. Существует несколько объяснений происхождения этого этнонима.

По мнению ряда ученых, имя *северяне* связано со страной света и *север* осмысляется как «северяне», «северное племя». Историческое обоснование этой этимологии дал М. Фасмер, по мнению которого «до того, как восточные славяне распространились через Белоруссию до Новгорода, северяне были самым северным у них племенем» (Фасмер 1971: 589). В.В. Иванов и В.Н. Топоров указали на ее уязвимость (Иванов, Топоров 2000: 428), отметив, что нет надежных данных, которые бы свидетельствовали, что для летописца *северяне* мыслились как «северные жители» (кроме одного известия, о котором ниже будет сказано), а также указали на проблемы этимологизации данного слова на славянской языковой почве (Иванов, Топоров 2000: 428). Сами ученые связали этот этноним с индо-иранским *savya-*, имеющим различные пространственные значения, конкретизирующиеся в зависимости от местных условий, предположив, что оно было переведено на славянский язык с помощью слова **sěverъ* (*северяне* были северными соседями ираноязычных народов) (Иванов, Топоров 2000: 428-429).

Распространенной иранской этимологией этнонима *север*/*северяне* является объяснение его из иранского **seu,*sew*– 'черный'[1], подкрепляемое тем, что в зоне расселения северян есть несколько гидронимов, образованных от того же апеллятива (реки Сев, Сава и т.д.: Топоров, Трубачев 1962: 226). В рамках данной этимологии этноним *север* может быть истолкован в контексте характерной для кочевых народов «цветовой символики» географического ориентирования, в рамках которой черный цвет был традиционно связан с севером (Майоров 2006: 31-36). Именно она кажется наиболее убедительной и В.В. Седову (Седов 1995: 197; 1999: 80).

По мнению учёного имя *север*/*северяне* было усвоено славянами в период их активного взаимодействия с ираноязычным населением Северного Причерноморья в первые века н.э. (Седов 1994: 233-286; 2002: 150-198). Затем, в условиях гуннского нашествия *северяне* ушли в Среднее Поволжье, став частью именьковского населения,

---

[1] Яйленко 1986: 112-113. Автор считает, что этноним балканских *северян* имеет другое происхождение: местное романизированное население называло нахлынувших северных варваров-славян *Severi* – «дикие», «страшные» (так названы славяне в хронике Феофана под 679 годом).

а в конце VII – начале VIII вв. пришли в район Днепровского Левобережья в виде исторических летописных *северян* (Седов 1995: 197).

Новую славянскую этимологию этнонима *северяне* предложил З. Голомб, производя его от гипотетического **sěvo-* < и.-е. **koiuo*– ‘член семьи’ при собирательном **sěverъ* типа *četvero* (Gołąb 1984: 9), что было отвергнуто О.Н. Трубачевым, вернувшимся к «географической» этимологии. Ученый вывел форму **sěver*$^{(')}$*ane* от названия страны света **sěver, север* (Трубачев 2002: 386). На наш взгляд эта этимология хорошо обоснована ученым и на данный момент является наиболее убедительной. Что же касается видимого отсутствия четко выраженного в летописи понимания *северян* как «жителей севера», то соответствующий изначальный смысл их названия мог уже утратить свое прямое значение, а ситуация, в которой он возник, нам неизвестна.

Интересные соображения высказал А.П. Непокупный, по словам которого «название северяне относится к самым древним наименованиям славянских племен, повторяется оно и на Балканах – в Мизии VII в. (территория Болгарии), где был зафиксирован этноним Σεβέρεις. Интересно, что, несмотря на наличие еще трех сторон света и их названий – юг, восток, запад, ни одна из них не используется славянами для наименования остальных своих племен. Северная ориентация в древнеславянском процессе номинации кажется нам особенно выразительной и важной, если обратиться к балтийской этнонимии», в которой лингвист находит параллель к имени *северян* – область *Земгале* («северный край») в Латвии (Непокупный 1979: 40-41).

В.В. Седов привел в пользу гипотезы об «именьковцах»-*северянах* формально-логические основания, построенные на археологической ретроспекции. Есть ли какие-то данные в источниках, которые могли бы подтвердить его и явиться в таком случае независимым свидетельством достоверности этногенетической истории *северян*, намеченной им? К сожалению, сам ученый не задался этим вопросом.

В Повести временных лет есть одно загадочное место: «кривичи же седятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра. Ихже градъ есть Смоленскъ. Туда бо седятъ Кривичи. *Также Северъ от нихъ* (выделено мной – М.Ж.)» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8). Это единственное место, в котором летописец говорит о происхождении *северян*. И выводит он их с севера – из обширной области *кривичей*[1]. Между тем никаких археологических данных, которые свидетельствовали бы о происхождении северян от кривичей не существует. Но не являются ли эти слова смутным воспоминаем о некоей северной прародине *северян* и их приходе оттуда? Тем более, что летописные *кривичи* занимали и район верховьев Волги, на берегах которой, вероятно, находилась прародина «волынцевцев»-*северян*? К моменту начала древнерусского летописания у населения Днепровского Левобережья скорее всего сохранялись лишь смутные предания об исходе из некоей северной «прародины» на Волге, точная локализация коей, возможно, была уже забыта, которые и послужили основой загадочной летописной сентенции.

[1] Это уже было подмечено В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым: Иванов, Топоров 2000: 428. Примеч. 41.

Есть одно прямое известие, позволяющее говорить о том, что «именьковцы», или какая-то их часть, могли именоваться *северянами*. В пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, адресованного испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту[1], имеется перечисление народов, живущих вдоль волжских берегов: «У (этой) реки (Атил (Волга) – М.Ж.) расположены многочисленные народы... Вот их имена: *Бур.т.с*, *Бул.г.р*, *С.вар*, *Арису*, *Ц.р.мис*, *В.н.н.тит*, *С.в.р*, *С.л.виюн*. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань», после чего «граница поворачивает по пути к *Хуварезму* (Хорезму – М.Ж.)» (Коковцов 1932: 98). В краткой редакции перечисления поволжских народов нет, сказано просто про «девять народов, которые не поддаются точному распознанию и которым нет числа» (Коковцов 1932: 81).

Об упоминаемом последним народе *С.л.виюн* речь пойдет впереди. Идентификация большинства других упоминаемых Иосифом народов не вызывает особых проблем: *Бур.т.с* – это буртасы, *Бул.г.р* – волжские болгары, *Ц.р.мис* – черемисы, *Арису* – эрзя или удмурты. *В.н.н.тит*, как показала исследовавшая этнонимию письма Иосифа Е.С. Галкина, вопреки распространенному мнению, не вятичи, так как в этом случае никак невозможно было бы сочетание подряд двух букв *нун* в этом этнониме, так как означает оно не удвоение, а присутствие между ними краткой гласной. Логичнее сопоставить этот народ с упоминаемым в начале письма Иосифа этносом *В.н.н.т.р* и отождествлять его с унногундурами (оногурами), которых знает на Средней Волге и автор анонимного географического трактата «Худуд ал-алам». Унногундуры в числе ряда тюркских племен юго-востока Европы мигрировали в Поволжье в конце VIII века (Галкина 2006: 379-380; 2006а: 336-339).

Интересны два почти идентичных этнонима: *С.вар* и *С.в.р*. (*Суур*). Обычно под одним из них понимают сувар, также откочевавших в конце VIII века в Поволжье, а под другим – восточнославянских *северян*, но источник не дает для этого никаких оснований, четко локализуя все перечисленные этносы на волжских берегах. Дабы обойти это препятствие, Е.С. Галкина предположила, что речь здесь идет о двух группах сувар, разделение которых упомянуто у Ибн Фадлана (Галкина 2006: 380; 2006а: 339), что казалось убедительным и мне (Жих 2011: 122; 2011а: 16), однако сейчас, в свете вышесказанного, предпочтительной выглядит другая гипотеза: один из этих двух поволжских этнонимов действительно относится к *северянам*, но не к тем, которые жили на Левобережье Днепра, а к их, если так можно выразиться, средневолжским «родственникам», оставшимся на территории «прародины».

Проживание в Среднем Поволжье остатков именьковского населения после конца VII в. допускали многие археологи. П.Н. Старостин пришел к соответствующему выводу еще в 60-е гг., находя в болгарской керамике некоторых районов именьковские черты (Старостин 1967: 31-32). Не изменил своего мнения

[1] Данное письмо является единственным письменным памятником, в котором имеется систематическое описание территорий, подвластных хазарам, однако оно является достаточно сложным источником, так как отражает не столько реальные владения Хазарии, сколько с одной стороны представления о них хазарской элиты, а с другой является документом, написанным с вполне определенными политическими целями, связанными со стремлением Иосифа сформировать у своего адресата нужные представления о Хазарии и ее границах (Галкина 2006; 2006а: 328-353).

ученый и в последних работах, солидаризируясь с позицией С.Г. Кляшторного, пришедшего к таким же выводам на основе данных письменных источников (Кляшторный, Старостин 2002). О проживании славян в Среднем Поволжье постименьковского времени писал А.П. Смирнов (Смирнов 1962: 166-168).

О сохранении групп именьковского населения вплоть до болгарского времени и об участии потомков «именьковцев» в этногенезе болгар говорит Г.И. Матвеева, подчеркивая, что границы Волжской Болгарии совпадают примерно с границами именьковской культуры (Матвеева 2004: 77-79). Полностью поддержал соответствующие ее и других ученых выводы В.В. Седов, отметивший важную роль потомков именьковских племён в оседании болгар на землю, в развитии земледелия и ремесла в Болгарии (Седов 1995: 195-197; 1999: 60-61; 2001; 2002: 254-255). Допускает проживание потомков «именьковцев» в Поволжье в болгарское время и А.В. Богачев (Богачев 2011: 82).

Если какие-то группы потомков именьковского населения остались в регионе, то они должны были сохранить и свои названия. И таким названием мог быть этноним *север*/*северяне*.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что в свете упоминания соответствующего этнонима в письме Иосифа, версия В.В. Седова о наименовании какой-то группы именьковского населения *северянами*, вполне правомерна и получила подтверждение, независимое по отношению к ретроспективным археологическим выкладкам ее автора. Удалось выявить свидетельство источника, говорящее о проживании в Среднем Поволжье «лишнего» этноса с таким названием. Объяснение упомянутого Иосифом в Поволжье этнонима *С.в.р.* как *северян* и его связь с какой-то группой потомков именьковского населения является наиболее логичной.

Сам В.В. Седов, однако, через несколько лет отказался от своего предположения о приходе названия *север*/*северяне* на Днепровское Левобережье с волжских берегов, придя к выводу, что оно сохранялось в местной антской среде и было усвоено пришельцами. Аргументация ученого при этом шла от разделяемой им иранской этимологии этнонима, ошибочной, по нашему мнению, и была следующей:

- судя по топонимическим и гидронимическим данным на Левобережье Днепра в антской среде иранский компонент был весьма значительным, соответственно логично бытование здесь иранского этнонима;

- длительное сохранение в регионе названий *Север*/*Севера*, что косвенно свидетельствует в пользу его местных корней (Седов 1999: 80).

Что касается последнего, то учитывая тот факт, что именно пришельцы стали основой сложения новой общности и именно из них, как можно полагать, преимущественно формировалась ее элита, то вполне логично, что именно этноним пришельцев должен был возобладать над этнонимом местного пеньковского населения, которое, судя по совокупности имеющихся в нашем распоряжении данных именовалось *антами* (Приходнюк 1998: 76-77; Седов 2002: 203-222). Данный этноним уже не был известен древнерусским летописцам.

По поводу первого пункта можно заметить, что он имеет малое значение, даже если принимать иранскую этимологию этнонима *северяне*: «именьковцы» вполне могли мигрировать на север, уже испытав иранское влияние. И тем более он не имеет смысла в рамках более предпочтительной славянской этимологии.

Главной причиной отказа В.В. Седова от своей старой гипотезы стало то, что он нашел ей замену, выдвинув на место имени *северяне* этноним *русь*. Он, согласно поздним работам В.В. Седова, проделал все те путешествия, которые ранее исследователь приписывал *северянам*. Опираясь на работы лингвистов – сторонников иранской (Абаев 1973: 435-437) и индоарийской (Трубачев 1993) версий происхождения этого имени, ученый высказал предположение о том, что оно было наряду с другими иранскими этнонимами усвоено славянами в период славяно-иранского этнокультурного симбиоза в рамках черняховской археологической культуры. Затем в ходе гуннского нашествия *русы* мигрировали в Среднее Поволжье, откуда в конце VII – начале VIII в. переместились на юго-запад, став основой волынцевской культуры. Таким образом, эндоэтнонимом «именьковцев», согласно поздним работам В.В. Седова, было имя *русь*, а волынцевскую археологическую культуру он отождествил с Русским каганатом письменных источников (Седов В.В. 1998; 1999: 50-82; 2002: 255-295).

Ну а поскольку для «именьковцев» нашлось новое предположительное имя, то старое оказалось «лишним» и В.В. Седов как бы разграничил *русь* и *северян*, проживавших в одном регионе: первое было именем пришельцев, а второе – местного населения.

Наиболее весомым аргументом в пользу концепции В.В. Седова об отождествлении Русского каганата письменных источников с волынцевской археологической культурой является установленный им факт совпадения территории *Русской земли* «в узком смысле» (о ней см.: Тихомиров 1979; Насонов 1951: 28-68; Рыбаков 1953; 1982: 56-67; Кучкин 1995), очерченной по летописным данным, с территорией волынцевской археологической культуры (Седов 1999: 77-80; 2002: 269-272). Вполне соответствует источникам и регион, в который помещает Русский каганат В.В. Седов – древнейшие из них локализуют его на юго-востоке Европы (Рыбаков 1982: 172-234; Галкина 2002: 63-138; 2006: 202-270). Только там его можно помещать и в связи с титулованием правителя этой политии «каганом», титулом, считавшимся наивысшим у народов евразийских степей: только в этом регионе были понятны его смысл и значение. В этой связи локализации Русского каганата где-то на севере (на о. Рюген, в Скандинавии, в Ладоге, на Городище, в Верхнем Поволжье и т.д.), безосновательны – титул «кагана» просто не мог там закрепиться, так как не имел в этом регионе никакого смысла, будучи чем-то вроде «герцога» в Китае.

И, тем не менее, позиция ученого является достаточно проблематичной и вызывает вопросы (Галкина 2002: 36-37, 225):

- В.В. Седов не произвел сопоставление погребального обряда русов с каганом во главе, который описан в арабских источниках (захоронение по обряду ингумации в «могиле наподобие большого дома»), и волынцевской культуры (трупосожжение);

- Ученый не объяснил, почему на территории Русского каганата (если это волынцевская культура), вступившего в борьбу с Хазарией, отсутствуют укрепленные поселения, что говорит о мирной жизни «волынцевцев». Более того – носители салтовской (хазарской по В.В. Седову) и волынцевской культур, судя по археологическим данным, достаточно активно общались, причем волынцевская культура находилась под серьезным влиянием более развитой салтовской.

- Трактуя находимые на юго-востоке Европы «варварские подражания» арабским дирхемам как монеты Русского каганата (Седов 1999: 75-76; 2002: 289-293), В.В. Седов за счет нумизматических находок существенно расширяет границы гипотетического Русского каганата на восток в сравнении с ареалом волынцевской культуры и размещает центр монетного производства вдали от основной территории культуры. В результате «монетный двор» волынцевской культуры оказывается фактически отрезан от ее центра вражескими (хазарскими) крепостями. Разумеется, такое было бы совершенно нереально.

По этим причинам согласиться с концепцией Русского каганата В.В. Седова мы не можем. Более перспективной, на наш взгляд, является позиция украинского археолога Д.Т. Березовца, отождествившего Русский каганат с салтово-маяцкой археологической культурой, а русов древнейших источников с ее носителями – североиранским этносом, родственным аланам (Березовец 1970). Ныне эта концепция нашла свое детальное обоснование и развитие в работах Е.С. Галкиной (Галкина 2002; 2006а: 385-441), причем, по мнению исследовательницы, в состав Русского каганата входили и славяне-«волынцевцы», чем и объясняются их мирные и весьма тесные взаимоотношения с «салтовцами», фиксируемые по археологическим данным (Галкина 2002: 309-328; 2006а: 427-434).

На наш взгляд, на сегодняшний день именно концепция Русского каганата Березовца-Галкиной является наиболее обоснованной (Жих 2009), так как соответствует локализации русов в древнейших восточных источниках, объясняет последовательное противопоставление восточными авторами славян и русов как двух разных этносов и снимает остальные слабости построений В.В. Седова: описание арабскими авторами погребального обряда русов, которыми правит каган, в точности соответствует катакомбным погребениям салтовской культуры; находит свое объяснение симбиоз «салтовцев» и «волынцевцев», между которыми, по всей видимости, существовал взаимовыгодный союз; находит свое объяснение расположение «монетного двора» Юго-Восточной Европы.

Ни славяне, ни хазары не испытывали потребности в чеканке монеты: первые жили натуральным хозяйством, вторые – транзитной торговлей. Совсем другое дело – общество салтовских алан с производящей экономикой. Прекрасно объясняется в рамках концепции Е.С. Галкиной и совпадение ареала волынцевской культуры с территорией *Русской земли* «в узком смысле»: «волынцевцы» входили в Русский каганат и усвоили наименование *русов*. После падения этого раннегосударственного образования, волынцевская элита, вероятно, считала себя его наследником. Именно волынцевская культура стала ретранслятором влияния Русского каганата в восточнославянский мир и связующим звеном между ним и Киевской Русью.

Таким образом, вторая гипотеза В.В. Седова об этнониме «именьковцев», в отличие от первой, представляется необоснованной.

При этом в данном случае В.В. Седов попытался найти подкрепления своего тезиса о том, что «именьковцы» назывались *русами*, в источниках, говорящих о Среднем Поволжье. Ученый обратил внимание на загадочное известие Лавреньевской летописи, упоминающее под 6737 (1229) годом некую *Пургасову Русь*. В контексте рассказа о войнах русских князей с мордвой летописец говорит о *Руси Пургасовой* (по имени ее правителя Пургаса), бывшей союзницей мордвы (или представлявшей собой некую ее составную часть) (ПСРЛ. I: 451). Несмотря на значительную историографию (её обзор см.: Фомин 2007), никакого удовлетворительного объяснения этого летописного пассажа по сей день нет.

Можно согласиться с Е.С. Галкиной, что «из текста летописи совершенно ясно, что ‘’Пургасова Русь’’ к русским княжествам отношения не имела… Это какой-то этнос, носивший имя ‘’русь’’, но совершенно обособленный. Также очевидно, что читателям XIII века не нужно было пояснять, кто это такие» (Галкина 2002: 357-358). В.В. Седов сделал вывод, что *Русь Пургасова* – это потомки «именьковцев» (Седов 2001: 13). Е.С. Галкина осторожно предположила, что речь в летописи идет о какой-то группе «салтовцев», ушедшей в результате венгерского нашествия в Поволжье (Галкина 2002: 357-358). В принципе, это возможно. Но можно предложить и другое объяснение. Учитывая, что названия целого ряда поволжских финно-угорских народов (мордва, буртасы и т.д.) имеют иранское происхождение, вполне допустимо предположение, что один из них мог от ираноязычных этносов получить и имя, звучавшее для его древнерусских соседей как *русь* (подобные названия были распространены в иранском мире: *роксоланы* - «светлые аланы», *росомоны* - «светлые мужи»).

Само имя *Пургас* вполне может быть интерпретировано как иранское «верховный ас». Сравним с именем поволжского народа *буртасы*, которое происходит от иранского *furt as* – «асы, живущие у большой реки». В этой связи любопытна гипотеза О.Б. Бубенка об иранском происхождении не только именно, но и всего народа буртасов, сыгравшего, по его мнению, определенную роль в этногенезе татар-мирашей и мордвы (Бубенок 1992). Именно в связке с последней идет в Лаврентьевской летописи *Пургасова Русь*, которая, в таком случае, вполне может оказаться каким-то реликтом поволжского ираноязычного населения.

Третья гипотеза об этнониме «именьковцев» состоит в том, что их, или какой-то их части, самоназвание звучало как *словене* (Галкина 2006: 380-382; 2006а: 339-345; Жих 2011: 121-126; 2011а: 26-27; 2013: 183-185). Здесь пришло время вернуться к упомянутому выше этнониму *С.л.виюн*, которым в письме царя Иосифа завершается список поволжских народов и после которого граница Хазарии поворачивает к Хорезму. Связь этого названия с общим названием всех славофонных народов, бывшим также и непосредственным этнонимом ряда славянских «племен», несомненна. Но локализация его Иосифом настолько не укладывается в рамки традиционных представлений, что исследователи обычно просто игнорируют ее, понимая под *С.л.виюн* ту частью славян, «которая и согласно ПВЛ платила дань

хазарам» (Новосельцев 1990: 157). Делать это можно только при полном отрыве от контекста источника, локализующего данный народ в Среднем Поволжье.

Гораздо логичнее объяснение Е.С. Галкиной, предположившей на основе анализа своеобразия формы этого этнонима в письме Иосифа и сопоставления его с наименованием славян в арабской традиции, что перед нами «эндоэтноним, непосредственно перенятый хазарами от одного из народов Поволжья» (Галкина 2006: 380; 2006а: 340). И таким народом могла быть только какая-то группа потомков именьковского населения, а сам этот эндоэтноним должен был звучать близко к форме *словене* (Жих 2011: 121-126; 2011а: 26-27; 2013: 183-185). Объяснений присутствию этого названия в X в. может быть несколько: оно могло быть связано с проживавшими в регионе потомками «именьковцев», могло сохраниться в качестве названия территории, на которой они некогда жили, могло относиться к какому-нибудь местному «племени», перенявшему название «именьковцев» и т.д. (см. обсуждение этого вопроса: Жих 2013: 183-186; Галкина 2014).

Подобные имена, производные от общего самоназвания всех славяноязычных народов (точнее, ставшего таковым на определенном этапе, а изначально относившегося лишь к части славофонов), были достаточно распространены в славянском мире: *словаки*, *словенцы*, *словене ильменские*, *словинцы-кашубы* на побережье Балтики, *славонцы* в хорватской Славонии (Иванов, Топоров 2000: 415). Преимущественно они закреплялись на его окраинах – там, где славяне жили в инокультурном окружении. Ситуация, при которой древнее самоназвание сохраняется преимущественно на окраинах расселения некоей этнической группы, в то время как в центральных ее частях оно постепенно утрачивается, типична. Вспомним, к примеру, карпатских русинов, сохранивших древнерусское название *русин*, отразившееся еще в договорах Руси с Византией, и относящееся в домонгольскую эпоху ко всему населению Киевской Руси (Суляк 2004: 9-10).

Другой яркий пример здесь, непосредственно относящийся к рассматриваемому вопросу, – это *словене* «ильменские», жившие в финском окружении. Ситуация с «именьковцами» была еще более показательна в этом плане – они жили полностью в инокультурном окружении и в полной изоляции от остальных праславянских групп, что привело к тому, что их культура значительно отличалась от других синхронных ей культур «славянского круга» (пражской, пеньковской, колочинской).

Когда возник этноним *словене* и к какой части славофонного населения он первоначально относился, точно не известно. По совокупности источников можно говорить о том, что в VI-VII вв. он относился в первую очередь к населению пражской археологической культуры (Русанова 1976; Седов 1995: 7-39; 2002: 295-323; Гавритухин 2009: 18-21). Можно предположить, что возник он еще во времена, предшествовавшие миграции какой-то группы будущих «именьковцев» в Поволжье и охватывал ее наряду с предками «пражцев».

Г.И. Матвеева отметила ряд черт, сближающих «словенскую» пражскую и именьковскую культуры: «Нельзя не заметить общих черт погребального обряда именьковской и пражско-корчакской культур. Те же сравнительно небольшие размеры могильных ям, то же сожжение умерших на стороне, та же бедность

погребального инвентаря… Особенно показательно отсутствие в именьковских погребениях этноопределяющих женских украшений, которые присутствуют почти в каждом женском захоронении балтов и финно-угров… Типично именьковских украшений вообще не существовало, как не было их у всех славянских племён вплоть до VIII века… Поселения именьковской культуры, как и все славянские, располагались группами – ''гнёздами''. Как и у племён пражско-корчакской культуры, основным типом жилищ у именьковцев были полуземлянки квадратной формы… Можно отметить черты именьковской керамики, общие с керамикой других славянских культур» (Матвеева 2004: 75-76).

Пражская культура, как показано в работах В.В. Седова и И.П. Русановой, имеет истоки в полиэтничной пшеворской общности, в рамках которой проживали германцы, славяне и кельты (Русанова 1976: 201-215; 1990; Седов 1994: 166-200; 2002: 97-125). Г.И. Матвеева обратила внимание на близость ряда элементов именьковской культуры с теми, которые были характерны для славянского населения пшеворской культуры: «О славянской принадлежности именьковских племён свидетельствует их погребальный обряд. Выше уже была отмечена его близость к обряду безурновых захоронений пшеворской культуры, которые В.В. Седов считает славянскими, в отличие от урновых, принадлежавших германцам. Совпадает топография могильников, форма, глубина и размеры могильных ям, размещение кальцинированных костей в могиле, наличие сосудов и их фрагментов в погребениях, бедность погребального инвентаря и его основные категории. Общим является обычай бросать вещи в костёр и умышленно ломать их перед помещением в могилу» (Матвеева 2004: 75).

Подводя некоторые итоги размышлениям об этнонимии «именьковцев», можно сказать следующее: выводы о том, что какие-то группы именьковского населения именовались *словенами* и *северянами* являются вполне допустимыми. Дать какое-то иное убедительное объяснение упоминанию народа *С.л.виюн* в письме хазарского царя Иосифа, четко локализующего его в Среднем Поволжье, едва ли возможно. Точно также иначе затруднительно объяснить упомянутый там же поволжский этноним *С.в.р*, который оказывается как бы «лишним» – сувары названы в том же перечне поволжских народов. Если верна гипотеза В.В. Седова о генетической связи именьковской и волынцевской культур, то можно говорить и о том, что именно с миграцией «именьковцев» связано появление этого этнонима, вытеснившего древнее местное имя *анты*, в регионе Днепровского Левобережья.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1973 - *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973. 450 с.

Авдусин 1980 - *Авдусин Д.А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 24-42.

Баран 1981 - *Баран В.Д.* Черняхівска культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). Київ: Наукова думка, 1981. 263 с.

Баран 1983 - *Баран В.Д.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев: Наукова думка, 1983. С. 5-48.

Баран 1988 - *Баран В.Д.* Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев: Наукова думка, 1988. 160 с.

Баран, Гопкало 2005 - *Баран В.Д., Гопкало О.В.* Черняхівські поселення бассейну Гнилої Липи. Київ, 2005. 144 с.

Березовец 1970 - *Березовец Д.Т.* Про ім'я носіів салтивьскоі культури // Археологія. Т. XXIV. Київ, 1970. С. 59-74.

Богачев 2011 - *Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э.: Историко-археологическое исследование. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 340 с.

Бубенок 1992 - *Бубенок О.Б.* Иранские традиции у народов Средней Волги // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 58-61.

Вязов 2011 - *Вязов Л.А.* Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именьковской культуры). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 2011. 21 с.

Гавритухин 2009 - *Гавритухин И.О.* Понятие пражской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 7-25.

Гавритухин, Обломский 1996 - *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.

Галкина 2002 - *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.

Галкина 2006 - *Галкина Е.С.* Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // Сборник Русского исторического общества. Том 10 (158). Россия и Крым. М.: Русская панорама, 2006. С. 376-390.

Галкина 2006а - *Галкина Е.С.* Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М.: Прометей, 2006а. 548 с.

Галкина 2014 - *Галкина Е.С.* К интерпретации термина *сакалиба* в отчёте Ибн Фадлана // Восток (Oriens). 2014. № 6. С. 24-31.

Гаркави 1870 - *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 308 с.

Жих 2009 - *Жих М.И.* Древняя Русь и ее степные соседи: К проблеме Русского каганата // Международный исторический журнал «Русин». 2009. № 3 (17). С. 147-157.

Жих 2011 - *Жих М.И.* К вопросу об отражении проживания славян в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. в письменных источниках // Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира». СПб.: БЛИЦ, 2011. С. 121-138.

Жих 2011а - *Жих М.И.* Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань: Вестфалика, 2011а. 90 с.

Жих 2013 - *Жих М.И.* Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М.: Восточная литература, 2013. С. 165-186.

Иванов, Топоров 2000 - *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 413-440.

Кляшторный 1964 - *Кляшторный С.Г.* Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М.: Наука, 1964. С. 16-18.

Кляшторный 2005 - *Кляшторный С.Г.* Праславяне в Поволжье // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 68-72.

Кляшторный, Старостин 2002 - *Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АНТ, 2002. С. 210-217.

Козак 2008 - *Козак Д.Н.* Венеди. Київ: Ин-т археологии НАНУ, 2008. 470 с.

Коковцов 1932 - *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Издательство АН СССР, 1932. 140 с.

Кучкин 1995 - *Кучкин В.А.* «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993 годы. М.: Наука, 1995. С. 74-100.

Майоров 2006 - *Майоров А.В.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 209 с.

Матвеева 1981 - *Матвеева Г.И.* О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Матвеева 1986 - *Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986. С. 158-171.

Матвеева 1988 - *Матвеева Г.И.* К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сборник тезисов). М.: Наука, 1988. С. 11-13.

Матвеева 1997 - *Матвеева Г.И.* Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. III. М.: Фонд археологии, 1997. С. 206-217.

Матвеева 2004 - *Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара: Самарский университет, 2004. 168 с.

Моця 1987 - *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. Киев: Наукова думка, 1987. 168 с.

Насонов 1951 - *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Издательство АН СССР, 1951. 262 с.

Непокупный 1979 - *Непокупный А.П.* Балтійські родичи слов'ян. Київ: Наукова думка, 1979. 184 с.

Новосельцев 1990 - *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Обломский, Родникова 2014 - *Обломский А.М., Родникова В.Е.* Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н.э. Хронология событий // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 235. С. 381-404.

Приходнюк 1998 - *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

Раппопорт 1975 - *Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище. Л.: Наука, 1975. 180 с.

Русанова 1976 - *Русанова И.П.* Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976. 216 с.

Русанова 1990 - *Русанова И.П.* Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990. С. 119-150.

Рыбаков 1953 - *Рыбаков Б.А.* Древние русы (К вопросу об образовании ядра русской народности) // Советская археология. Т. XVII. М.: Издательство АН СССР, 1953. С. 23-104.

Рыбаков 1974 - *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV– начала XVI века. М.: Наука, 1974. 112 с.

Рыбаков 1982 - *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.

Седов 1994 - *Седов В.В.* Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 343 с.

Седов 1994а - *Седов В.В.* Очерки по археологии славян. М.: Фонд археологии, 1994а. 128 с.

Седов 1995 - *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.

Седов 1998 - *Седов В.В.* Русский каганат IX в. // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3-15.

Седов 1999 - *Седов В.В.* Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов 2001 - *Седов В.В.* К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2. С. 5-15.

Седов 2002 - *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Славяне 1993 - Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М.: Наука, 1993. 328 с.

Смирнов 1962 - *Смирнов А.П.* Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М.: Издательство МГУ, 1962. С. 160-168.

Старостин 1967 - *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры. М.: Наука, 1967. 99 с.

Старостин 1986 - *Старостин П.Н.* Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986. С. 131-136.

Сташенков 2005 - *Сташенков Д.А.* Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-IV веках н.э. М., 2005. 150 с.

Сташенков 2006 - *Сташенков Д.А.* Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 20-30.

Суляк 2004 - *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. 240 с.

Сухобоков 1975 - *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка, 1975. 167 с.

Сухобоков 1992 - *Сухобоков О.В.* Днепровское лесостепное Левобережье в VIII-XIII вв. Киев: Наукова думка, 1992. 216 с.

Тихомиров 1979 - *Тихомиров М.Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 22-48.

Топоров, Трубачев 1962 - *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство АН СССР, 1962. 270 с.

Третьяков 1982 - *Третьяков П.Н.* По следам древних славянских племен. Л.: Наука, 1982. 144 с.

Трубачев 1993 - *Трубачев О.Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М.: Международный фонд славянской письменности и культуры, 1993. 68 с.

Трубачев 2002 - *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002. 495 с.

Фасмер 1971 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1971. 827 с.

Фомин 2007 - *Фомин В.В.* Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 3-17.

Юренко 1985 - *Юренко С.П.* Волынцевская культура // Этнокультурная карта Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев: Наукова думка, 1985. С. 116-125.

Яйленко 1986 - *Яйленко В.П.* Этимологическое различие этнонимов балканских и приднепровских славян-северов // Балканы в контексте Средиземноморья. М., 1986. С. 112-114.

Gołąb 1984 - *Gołąb Z.* Old Bulgarian Sěver (?) and Old Russian Sěverjane // Wiener slavistisches Jahrbuch 30. 1984.

REFERENCES

Abaev 1973 - *Abaev V.I.* Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka. T. II [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Volume II], Leningrad, Nauka Publ., 1973, 450 p. [in Russian].

Avdusin 1980 - *Avdusin D.A.* Proishozhdenie drevnerusskih gorodov (po arheologicheskim dannym) [Origin of the Old Russian cities (according to archaeological data)], in: Voprosy istorii [History questions], 1980, № 12, pp. 24-42 [in Russian].

Baran 1981 - *Baran V.D.* Chernjahivska kul'tura (za materialami Verhn'ogo Dnistra ta Zahidnogo Bugu) [Chernyakhovsk culture (on materials of the Top Dniester and the Western Bug)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1981, 263 p. [in Ukrainian].

Baran 1983 - *Baran V.D.* Slozhenie slavjanskoj rannesrednevekovoj kul'tury i problema rasselenija slavjan [Addition of Slavic early medieval culture and problem of moving of Slavs], in: Slavjane na Dnestre i Dunae [Slavs on Dniester and Danube], Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 5-48 [in Russian].

Baran 1988 - *Baran V.D.* Prazhskaja kul'tura Podnestrov'ja (po materialam poselenija u s. Rashkov) [The Prague culture of Podnestrovya (on settlement materials at the village of Rashkov)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, 160 p. [in Russian].

Baran, Gopkalo 2005 - *Baran V.D., Gopkalo O.V.* Chernjahivs'ki poselennja bassejnu Gniloї Lipi [Chernyakhovsk settlements of the pool of the Rotten Linden], Kiev, 2005, 144 p. [in Ukrainian].

Berezovec 1970 - *Berezovec D.T.* Pro im'ja nosiiv saltiv'skoi kul'turi [About a name of carriers of saltovsky culture], in: Arheologija. T. XXIV [Archeology. Volume XXIV], Kiev, 1970, pp. 59-74 [in Ukrainian].

Bogachev 2011 - *Bogachev A.V.* Slavjane, germancy, gunny, bolgary na Srednej Volge v I tys. n.je.: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs, Germans, Huns, Bulgarians on Central Volga in I thousand AD: Historical and archaeological research], LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011, 340 p. [in Russian].

Bubenok 1992 - *Bubenok O.B.* Iranskie tradicii u narodov Srednej Volgi [The Iranian traditions at the people of Central Volga], in: Voprosy jetnicheskoj istorii Volgo-Don'ja [Questions of ethnic history Volga-bottoms], Penza, 1992, pp. 58-61 [in Russian].

Fasmer 1971 - *Fasmer M.* Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. T. III [Etymological dictionary of Russian. Volume III], Moscow, Progress Publ., 1971, 827 p. [in Russian].

Fomin 2007 - *Fomin V.V.* Purgasova Rus' [Purgasova Russia], in: Voprosy istorii [History questions], 2007, № 9, pp. 3-17 [in Russian].

Galkina 2002 - *Galkina E.S.* Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian khaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

Galkina 2006 - *Galkina E.S.* Danniki Hazarskogo kaganata v pis'me carja Iosifa [Tributaries of the Hazaria khaganate in the letter of the tsar Josef], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. Tom 10 (158). Rossija i Krym [Collection of the Russian historical society. Volume 10 (158). Russia and Crimea], Moscow, Russkaja panorama Publ., 2006, pp. 376-390 [in Russian].

Galkina 2006a - *Galkina E.S.* Nomady Vostochnoj Evropy: jetnosy, socium, vlast' (I tys. n.je.) [Nomada of Eastern Europe: ethnoses, society, power (I thousand AD)], Moscow, Prometej Publ., 2006a, 548 p. [in Russian].

Galkina 2014 - *Galkina E.S.* K interpretacii termina sakaliba v otchjote Ibn Fadlana [To interpretation of the term of a sakalib in Ibn Fadlan's report], in: Vostok (Oriens) [East], 2014, № 6, pp. 24-31 [in Russian].

Garkavi 1870 - *Garkavi A.Ja.* Skazanija musul'manskih pisatelej o slavjanah i russkih [Legends of Muslim writers on Slavs and Russians], St. Petersburg, 1870, 308 p. [in Russian].

Gavrituhin 2009 - *Gavrituhin I.O.* Ponjatie prazhskoj kul'tury [Concept of the Prague culture], in: Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 2009, pp. 7-25 [in Russian].

Gavrituhin, Oblomskij 1996 - *Gavrituhin I.O., Oblomskij A.M.* Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst [Gaponovsky treasure and its cultural and historical context], Moscow, 1996, 296 p. [in Russian].

Gołąb 1984 - *Gołąb Z.* Old Bulgarian Sěver (?) and Old Russian Sěverjane, in: Wiener slavistisches Jahrbuch 30, 1984 [in English].

Ivanov, Toporov 2000 - *Ivanov V.V., Toporov V.N.* O drevnih slavjanskih jetnonimah. Osnovnye problemy i perspektivy [About ancient Slavic ethnonyms. Main problems and prospects], in: Iz istorii russkoj kul'tury. T. 1 (Drevnjaja Rus') [From history of the Russian culture. Volume 1 (Ancient Russia)], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, pp. 413-440 [in Russian].

Jajlenko 1986 - *Jajlenko V.P.* Jetimologicheskoe razlichie jetnonimov balkanskih i pridneprovskih slavjan-severov [Etymological distinction of ethnonyms of the Balkan and Dnieper Slavic North], in: Balkany v kontekste Sredizemnomor'ja [The Balkans in the context of the Mediterranean], Moscow, 1986, pp. 112-114 [in Russian].

Jurenko 1985 - *Jurenko S.P.* Volyncevskaja kul'tura [Volyntsevsky culture], in: Jetnokul'turnaja karta Ukrainskoj SSR v I tys. n.je. [The ethnocultural card Ukrainian the Soviet Socialist Republic in the I millennium AD], Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, pp. 116-125 [in Russian].

Kljashtornyj 1964 - *Kljashtornyj S.G.* Drevnejshee upominanie slavjan v Nizhnem Povolzh'e [The most ancient mention of Slavs in Lower Volga area], in: Vostochnye istochniki po istorii narodov Jugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. T. I [East sources on stories of the people of Southeast and Central Europe. Volume I], Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 16-18 [in Russian].

Kljashtornyj 2005 - *Kljashtornyj S.G.* Praslavjane v Povolzh'e [To Praslavyana in the Volga region], in: Kljashtornyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii [Steppe empires of ancient Eurasia], St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2005, pp. 68-72 [in Russian].

Kljashtornyj, Starostin 2002 - *Kljashtornyj S.G., Starostin P.N.* Praslavjanskie plemena v Povolzh'e [Praslavyansky tribes in the Volga region], in: Istorija tatar s drevnejshih vremen. Tom I. Narody stepnoj Evrazii v drevnosti [History of Tatars since the most ancient times. Volume I. People of steppe Eurasia in the ancient time], Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani ANT Publ., 2002, pp. 210-217 [in Russian].

Kokovcov 1932 - *Kokovcov P.K.* Evrejsko-hazarskaja perepiska v X v. [Jewish-Hazaria correspondence in the X century], Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1932, 140 p. [in Russian].

Kozak 2008 - *Kozak D.N.* Venedi [Venedi], Kiev, In-t arheologii NANU Publ., 2008, 470 p. [in Ukrainian].

Kuchkin 1995 - *Kuchkin V.A.* «Russkaja zemlja» po letopisnym dannym XI – pervoj treti XIII v. [«Russian land» according to annalistic data of XI – the first third of the XIII century], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1992-1993 gody [The most ancient states of Eastern Europe. 1992-1993], Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 74-100 [in Russian].

Majorov 2006 - *Majorov A.V.* Velikaja Horvatija: Jetnogenez i rannjaja istorija slavjan Prikarpatskogo regiona [Great Croatia: Ethnogenesis and early history of Slavs of the Carpathian region], St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006, 209 p. [in Russian].

Matveeva 1981 - *Matveeva G.I.* O proishozhdenii imen'kovskoj kul'tury [About an origin of imenkovsky culture], in: Drevnie i srednevekovye kul'tury Povolzh'ja [Ancient and medieval cultures of the Volga region], Kujbyshev, 1981 [in Russian].

Matveeva 1986 - *Matveeva G.I.* Jetnokul'turnye processy v Srednem Povolzh'e v I tys. n.je. [Ethnocultural processes on average the Volga region in I thousand AD], in: Kul'tury Vostochnoj Evropy I tys. [Cultures of the I millennium of Eastern Europe], Kujbyshev, 1986, pp. 158-171 [in Russian].

Matveeva 1988 - *Matveeva G.I.* K voprosu ob jetnicheskoj prinadlezhnosti plemen imen'kovskoj kul'tury [To a question of an ethnic origin of tribes of imenkovsky culture], in: Slavjane i ih sosedi. Mesto vzaimnyh vlijanij v processe obshhestvennogo i kul'turnogo razvitija. Jepoha feodalizma (sbornik tezisov) [Slavs and their neighbors. A place of mutual influences in the course of social and cultural development. Feudalism era (collection of theses)], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 11-13 [in Russian].

Matveeva 1997 - *Matveeva G.I.* Nekotorye itogi izuchenija imen'kovskoj kul'tury [Some results of studying of imenkovsky culture], in: Jetnogenez i jetnokul'turnye kontakty slavjan. Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavjanskoj arheologii. T. III [Ethnogenesis and ethnocultural contacts of Slavs. Works VI of the International congress of Slavic archeology. Volume III], Moscow, Fond arheologii Publ., 1997, pp. 206-217 [in Russian].

Matveeva 2004 - *Matveeva G.I.* Srednee Povolzh'e v IV-VII vv.: imen'kovskaja kul'tura [Central Volga area in the IV-VII centuries: imenkovsky culture], Samara, Samarskij universitet Publ., 2004, 168 p. [in Russian].

Mocja 1987 - *Mocja A.P.* Naselenie Srednego Podneprov'ja IX-XIII vv. [Population Srednego Podneprovya of the IX-XIII centuries], Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, 168 p. [in Russian].

Nasonov 1951 - *Nasonov A.N.* «Russkaja zemlja» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [«Russian land» and formation of the territory of the Old Russian state], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1951, 262 p. [in Russian].

Nepokupnyj 1979 - *Nepokupnyj A.P.* Baltijski rodichi slov’jan [Baltic relatives of Slavs], Kiev, Naukova dumka Publ., 1979, 184 p. [in Ukrainian].

Novosel'cev 1990 - *Novosel’cev A.P.* Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza [The Hazaria state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus], Moscow, Nauka Publ., 1990, 264 p. [in Russian].

Oblomskij, Rodnikova 2014 - *Oblomskij A.M., Rodnikova V.E.* Jetnokul'turnyj perelom v Podneprov'e v VII v. n.je. Hronologija sobytij [Ethnocultural change in Podneprovye in the VII century AD. Chronology of events], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. 2014. Vyp. 235 [Short messages of Institute of archeology. 2014. Release 235], pp. 381-404 [in Russian].

Prihodnjuk 1998 - *Prihodnjuk O.M.* Pen'kovskaja kul'tura (Kul'turno-arheologicheskij aspekt issledovanija) [Penkovsky culture (Cultural and archaeological aspect of research)], Voronezh, Voronezhskij universitet Publ., 1998, 170 p. [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the

Rappoport 1975 - *Rappoport P.A.* Drevnerusskoe zhilishhe [Old Russian dwelling], Leningrad, Nauka Publ., 1975, 180 p. [in Russian].

Rusanova 1976 - *Rusanova I.P.* Slavjanskie drevnosti VI-VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa [Slavic antiquities of the VI-VII centuries. Culture of the Prague type], Moscow, Nauka Publ., 1976, 216 p. [in Russian].

Rusanova 1990 - *Rusanova I.P.* Jetnicheskij sostav nositelej pshevorskoj kul'tury [Ethnic structure of carriers of pshevorsky culture], in: Ranneslavjanskij mir: Materialy i issledovanija. Vyp. 1 [Early Slavic world: Materials and researches. Release 1], Moscow, 1990, pp. 119-150 [in Russian].

Russian chronicles. T. I. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

Russian chronicles. T. II. Ipatyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

Rybakov 1953 - *Rybakov B.A.* Drevnie rusy (K voprosu ob obrazovanii jadra russkoj narodnosti) [Ancient rus (To a question of formation of a kernel of the Russian nationality)], in: Sovetskaja arheologija. T. XVII [Soviet archeology. Volume XVII], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1953, pp. 23-104 [in Russian].

Rybakov 1974 - *Rybakov B.A.* Russkie karty Moskovii XV– nachala XVI veka [Russian XV-cards of Moskovia beginnings of the XVI century], Moscow, Nauka Publ., 1974, 112 p. [in Russian].

Rybakov 1982 - *Rybakov B.A.* Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus' and Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 590 p. [in Russian].

Sedov 1994 - *Sedov V.V.* Slavjane v drevnosti [Slavs in the ancient time], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994, 343 p. [in Russian].

Sedov 1994a - *Sedov V.V.* Ocherki po arheologii slavjan [Sketches on archeology of Slavs], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994a, 128 p. [in Russian].

Sedov 1995 - *Sedov V.V.* Slavjane v rannem srednevekov'e [Slavs in the early Middle Ages], Moscow, Fond arheologii Publ., 1995, 416 p. [in Russian].

Sedov 1998 - *Sedov V.V.* Russkij kaganat IX v. [Russian khaganate of the IX century], in: Otechestvennaja istorija [National history], 1998, № 4, pp. 3-15 [in Russian].

Sedov 1999 - *Sedov V.V.* Drevnerusskaja narodnost' [Old Russian nationality], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Sedov 2001 - *Sedov V.V.* K jetnogenezu volzhskih bolgar [To ethnogenesis of the Volga Bulgarians], in: Rossijskaja arheologija [Russian archeology], 2001, № 2, pp. 5-15 [in Russian].

Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Slavjane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Slavjane 1993 - Slavjane i ih sosedi v konce I tysjacheletija do n.je. – pervoj polovine I tysjacheletija n.je. [Slavs and their neighbors at the end of the I millennium BC – the first half of the I millennium AD], Moscow, Nauka Publ., 1993, 328 p. [in Russian].

Smirnov 1962 - *Smirnov A.P.* Nekotorye spornye voprosy istorii volzhskih bolgar [Some controversial issues of history of the Volga Bulgarians], in: Istoriko-arheologicheskij sbornik [Historical and archaeological collection], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1962, pp. 160-168 [in Russian].

Starostin 1967 - *Starostin P.N.* Pamjatniki imen'kovskoj kul'tury [Monuments of imenkovsky culture], Moscow, Nauka Publ., 1967, 99 p. [in Russian].

Starostin 1986 - *Starostin P.N.* Imen'kovskie mogil'niki [Imenkovsky burial grounds], in: Kul'tury Vostochnoj Evropy I tys. [Cultures of the I millennium of Eastern Europe], Kujbyshev, 1986, pp. 131-136 [in Russian].

Stashenkov 2005 - *Stashenkov D.A.* Osedloe naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzh'ja v I-IV vekah n.je. [Settled population of the Samara forest-steppe Volga region in the I-IV centuries AD], Moscow, 2005, 150 p. [in Russian].

Stashenkov 2006 - *Stashenkov D.A.* Ob jetnokul'turnyh svjazjah naselenija imen'kovskoj kul'tury [About ethnocultural ties of the population of imenkovsky culture], in: Slavjanovedenie [Slavic studies], 2006, № 2, pp. 20-30 [in Russian].

Suhobokov 1975 - *Suhobokov O.V.* Slavjane Dneprovskogo Levoberezh'ja (romenskaja kul'tura i ee predshestvenniki) [Slavs of the Dneprovsky Left bank (romensky culture and its predecessors)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1975, 167 p. [in Russian].

Suhobokov 1992 - *Suhobokov O.V.* Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v VIII-XIII vv. [Dneprovsky forest-steppe Left bank in the VIII-XIII centuries], Kiev, Naukova dumka Publ., 1992, 216 p. [in Russian].

Suljak 2004 - *Suljak S.G.* Oskolki Svjatoj Rusi. Ocherki jetnicheskoj istorii rusnakov Moldavii [Splinters of Sacred Russia. Sketches of ethnic history of rusnak of Moldova], Kishinev, Izdatel'skij dom «Tat'jana» Publ., 2004, 240 p. [in Russian].

Tihomirov 1979 - *Tihomirov M.N.* Proishozhdenie nazvanij «Rus'» i «Russkaja zemlja» [Origin of the names «Russia» and «Russian land»], in: Tihomirov M.N. Russkoe letopisanie [Russian annals], Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 22-48 [in Russian].

Toporov, Trubachev 1962 - *Toporov V.N., Trubachev O.N.* Lingvisticheskij analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ja [Linguistic analysis of gidronim of Top Podneprovya], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, 270 p. [in Russian].

Tret'jakov 1982 - *Tret'jakov P.N.* Po sledam drevnih slavjanskih plemen [In the wake of ancient Slavic tribes], Leningrad, Nauka Publ., 1982, 144 p. [in Russian].

Trubachev 1993 - *Trubachev O.N.* K istokam Rusi (nabljudenija lingvista) [To sources of Russia (supervision of the linguist)], Moscow, Mezhdunarodnyj fond slavjanskoj pis'mennosti i kul'tury Publ., 1993, 68 p. [in Russian].

Trubachev 2002 - *Trubachev O.N.* Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan. Lingvisticheskie issledovanija [Ethnogenesis and culture of the most ancient Slavs. Linguistic researches], Moscow, Nauka Publ., 2002, 495 p. [in Russian].

Vjazov 2011 - *Vjazov L.A.* Social'no-jekonomicheskoe razvitie naselenija Srednego Povolzh'ja v seredine I tysjacheletija n.je. (po materialam imen'kovskoj kul'tury). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Social and economic development of the population of Central Volga area in the middle of the I millennium AD (on materials of imenkovsky culture). The abstract of the thesis on competition of an academic degree of the candidate of historical sciences], Kazan, 2011, 21 p. [in Russian].

Zhih 2009 - *Zhih M.I.* Drevnjaja Rus' i ee stepnye sosedi: K probleme Russkogo kaganata [Ancient Russia and its steppe neighbors: To a problem of the Russian khaganate], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2009, № 3 (17), pp. 147-157 [in Russian].

Zhih 2011 - *Zhih M.I.* K voprosu ob otrazhenii prozhivanija slavjan v Srednem Povolzh'e v I tys. n.je. v pis'mennyh istochnikah [To a question of reflection of accommodation of Slavs on average the Volga region in I thousand AD in written sources], in: Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii «Nachala

Russkogo mira» [Works of the First International conference «Beginnings of the Russian World»], St. Petersburg, BLIC Publ., 2011, pp. 121-138 [in Russian].

Zhih 2011a - *Zhih M.I.* Rannie slavjane v Srednem Povolzh'e (po materialam pis'mennyh istochnikov) [Early Slavs on average the Volga region (on materials of written sources)], St. Petersburg; Kazan, Vestfalika Publ., 2011a, 90 p. [in Russian].

Zhih 2013 - *Zhih M.I.* Arabskaja tradicija ob as-sakaliba v Srednem Povolzh'e i imen'kovskaja kul'tura: problema sootnoshenija [The Arab tradition about the expert-sakaliba on average the Volga region and imenkovsky culture: ratio problem], in: Strany i narody Vostoka. Vyp. XXXIV [Countries and people of the East. Release XXXIV], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 2013, pp. 165-186 [in Russian].

Жих Максим Иванович – Историк, общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).
Zhikh Maksim – Historian, public and scientific project
«The Russian-German Historical Seminar» (St. Petersburg, Russia).
E-mail: max-mors@mail.ru

УДК 902.2

МОГИЛЬНИК В УРОЧИЩЕ КАУП, КУРГАН К143 (РАСКОПКИ 1932 г.)

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме

Трупоположение с юго-западной ориентировкой связано с проникшими на Кауп христианскими традициями. Конское захоронение, широко представленное в полиэтничной дружинной среде в эпоху викингов, осуществлено в кургане К143, очевидно, под влиянием местных прусских традиций. Очерёдность совершения захоронений в кургане К143 была такой: сначала была выбрана яма под «гроб» с останками воина. Затем в юго-восточном борту могилы была образована ступенька для захоронения коня. В могилу был помещён «гроб» с телом умершего воина. На крышку гроба участники погребальной церемонии поставили деревянное ведро с железными оковками, содержавшее жертвенный напиток (мёд или пиво). К этому времени, возможно, было завершено возведение конского захоронения к юго-востоку от могилы воина. Таким образом, в кургане К143 могильника Кауп соединились традиции распространившегося в скандинавской среде христианства и прусские обычаи.

Ключевые слова: Скандинавия, Самбия, пруссы, курганы, архивы.

A BURIAL IN K143 BARROW, KAUP HILLS (EXCAVATIONS OF 1932)

Vladimir Kulakov
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
19 The Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract

The placement of corpses in a southwest orientation was associated with the infiltration of Christian traditions in Kaup. A horse burial, which was a common feature of the polyethnic culture of Viking retinues, took place in K143 barrow, apparently, under the influence of local Prussian traditions. The inhumation in K143 consisted of several steps: first, a hole was chosen for the «coffin» containing a warrior's remains. Then, southeast from the grave a footboard was cleared as the burial site for a horse. The «coffin» with the body of the dead warrior was placed inside the hole. Participants in the funeral ceremony placed on top of the coffin's cover a wooden bucket with iron hoops that contained sacred drinks (honey or beer). By that time, the horse burial to the southeast of the warrior's grave was probably finished. Thus, in the burial of K143 barrow in Kaup Hills, Christian traditions that extended into Scandinavia have intermingled with Prussian customs.

Keywords: Scandinavia, Sambia, Prussians, barrows, archives.

* * *

Комплекс погребальных памятников в лесном урочище Кауп (южная окраина Cranz/Зеленоградск, Калининградская обл. России), расположенном на камовой возвышенности выс. 11 м от уровня моря, был обнаружен 3 августа 1865 г. (Кулаков 2012: 12). В 1932 г. на могильнике были проведены работы шведско-германской экспедиции под руководством известного археолога Биргера Нермана.

Незначительные раскопки в 1932 г. осуществил в восточной части лесного урочища на участке грунтового могильника Карл Энгель. К настоящему времени установлено, что курганно-грунтовой могильник, отмеченный в пунктах Grosse и Kleine Kaup («Большой и Малый Кауп», в целом составляют лесное урочище Кауп), оставлен населением торгово-ремесленного пункта с условным названием Kaup (дисл. «Торжище»). В IX-XI вв. он располагался поблизости от упомянутого лесного урочища и играл важную роль на Неманском пути, связывавшем в эпоху викингов Скандинавию, Балтию и Древнюю Русь.

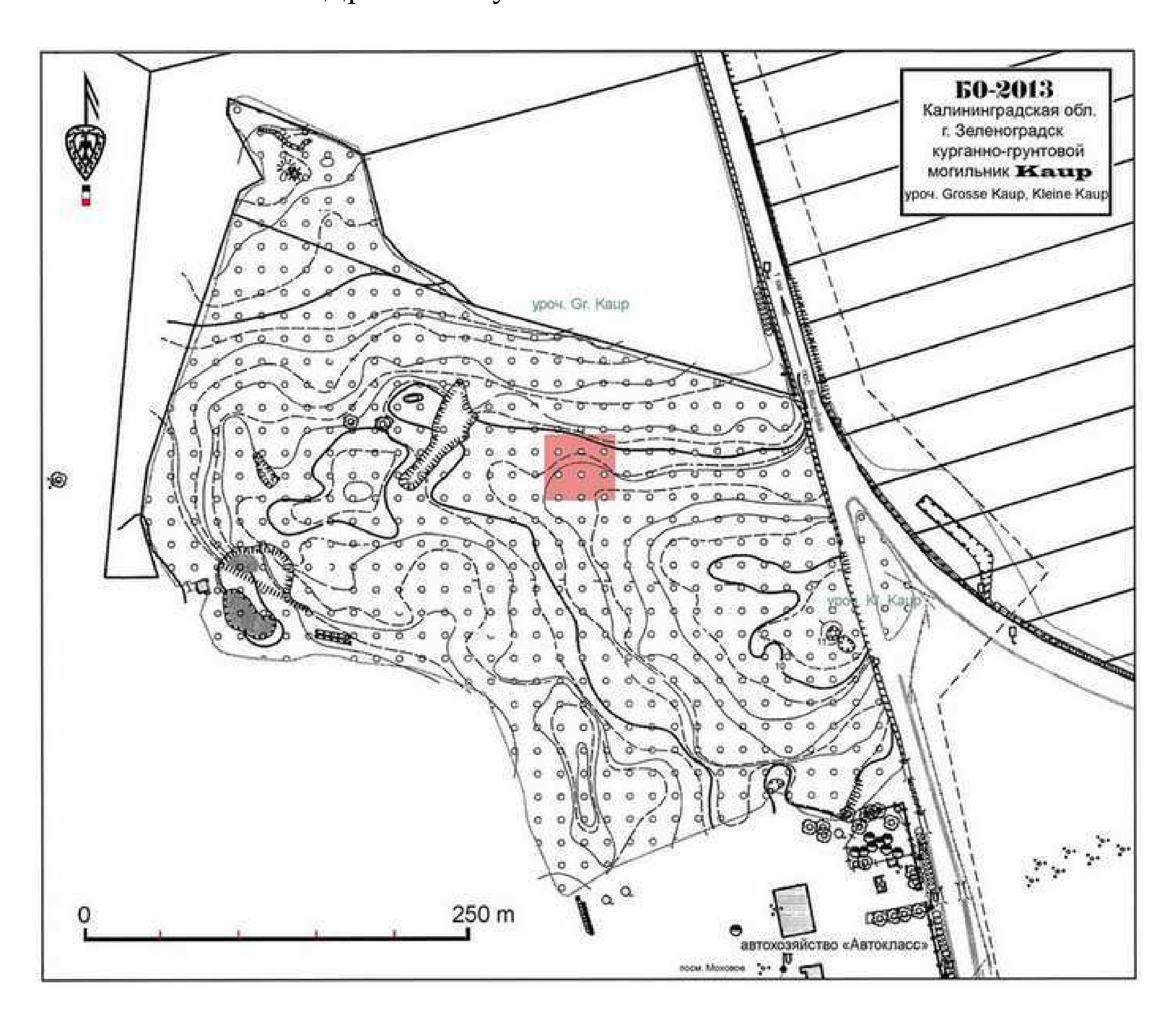

Рис. 1. План лесного урочища Кауп с местоположением кург. К143 (отмечен квадратом).

В полевом сезоне 1932 г. Биргер Нерман при помощи Музея «Пруссия» организовал самые крупные по своему объёму раскопки Каупа. Из 215 существовавших к тому времени курганных насыпей археологи международной

экспедиции (немецкую сторону представлял музейный сотрудник, реставратор и художник Фридрих Йенш) раскопали в 1932 г. 32 насыпи. Б. Нерман был поражён малой представленностью в курганах Каупа трупоположений, которых было обнаружено тогда лишь 4 (Nerman 1934: 372). Вторая Мировая война не способствовала сохранности комплекта архивных данных о раскопках Каупа. Они оказались рассредоточенными по различным архивам в разных странах. Многие детали документации утрачены. Работа в архивах позволяет создать целостное впечатление лишь об одном кургане, раскопанном на Каупе в предвоенное время. Это – курган К143 (индекс «К» обозначает сокращённое название памятника).

Кург. К143 (Inv.-Nr Prussia-Museum VII.431.12802) находится в северной части лесного урочища Кауп (рис. 1), чья площадь почти полностью занята курганно-грунтовым могильником. Насыпь кург. К143 входит в группу курганов, сконцентрированных в северо-западном углу лесного урочища (рис. 2). К югу от кург. К143 отмечено пространство, свободное от курганов. Диаметр округлой в плане насыпи кург. К143 - 10 м, выс. - 1,4 м. Центр кургана был отмечен вертикально стоящим in situ камнем (Merkstein), слабо возвышавшимся над современной поверхностью грунта.

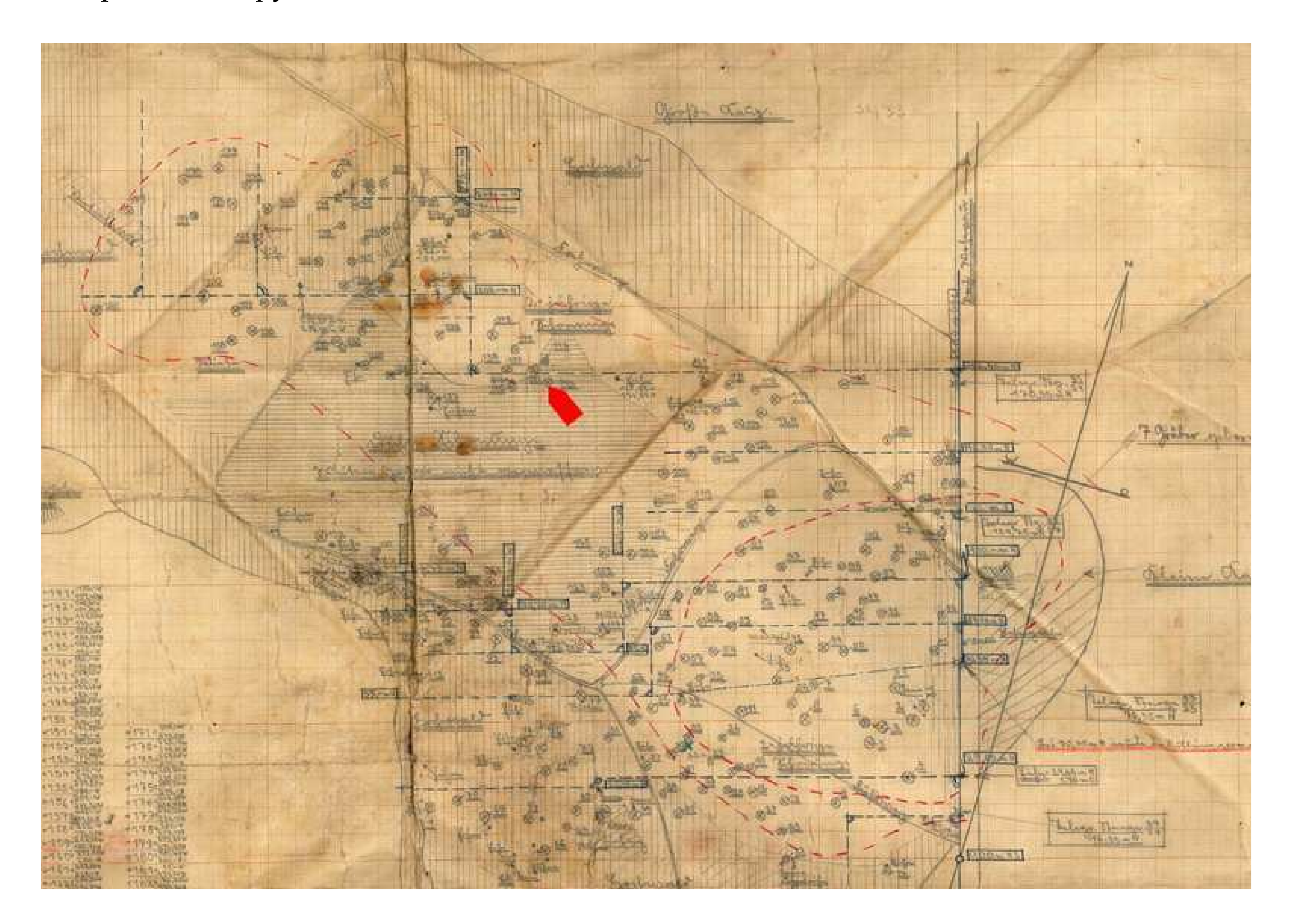

Рис. 2. План могильника в уроч. Кауп, снятый К. Энгелем в 1932 г. (Archiv Prussia-Museum, Reg.-Nr. IXg, 86, Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin). Кург. К143 отмечен стрелкой.

В центре кургана после снятия части насыпи на глуб. 0,5 м была обнаружена каменная кладка неправильной формы, выложенная в 2-3 ряда валунов и вытянутая по линии запад-восток (рис. 3) на 4 м. Насыпь кургана состояла из переотложенного грунта, скорее всего – из суглинка (грунт, самый распространённый в стратиграфии Каупа).

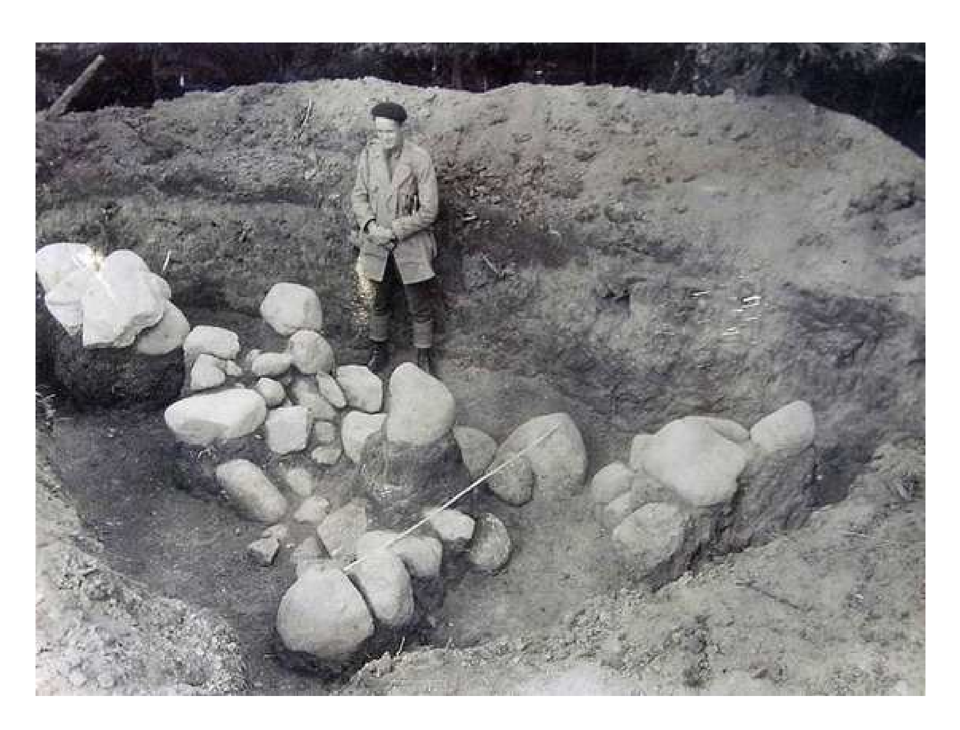

Рис. 3. Вид с востока на каменную кладку, обнаруженную под насыпью кург. К143 (Archiv Prussia-Museum, Reg.-Nr PM-A-552, Bd. 37, S. 4, Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin).

Под каменной кладкой, нижняя плоскость которой соответствовала уровню материка, на его поверхности после снятия курганной насыпи было зачищено пятно могильной ямы подтреугольной в плане формы. Общие размеры могилы – 2,80 х 2,70 м, максимальная глуб. от уровня материка – 1,05 м. В северо-западной части пятна после выборки его заполнения (судя по сечениям А-В и C-D на рис. 4 – переотложенный суглинок) была выявлена могила прямоугольной формы разм. 2,15 х 0,80 м с остатками древесного тлена по своим бортам и, частично, по дну ямы. На плане центральной части кург. К143 контур прямоугольного пятна показан в виде серой полосы шир. ок. 5 см. Очевидно, это (как и наличие остатков древесного тлена, также показанного на плане – рис. 5) свидетельствует о присутствии здесь некоего деревянного сооружения (гроб, домовина-?). Правда, никаких деталей крепления его частей на плане не отмечено.

В моей книге 2012 г. эта могила ошибочно названа «камерной гробницей» (Кулаков 2012: 135). В действительности же размеры могилы никак не соответствуют внушительным параметрам камерных гробниц, известных в дружинных древностях эпохи викингов. Могила центрального погребения в кург. К143 является традиционным комплексом трупоположения, вырыта по параметрам «гроба» без дополнительных пространственных элементов (подпорки, перекрытия и прочие детали, характерные для камерных погребений).

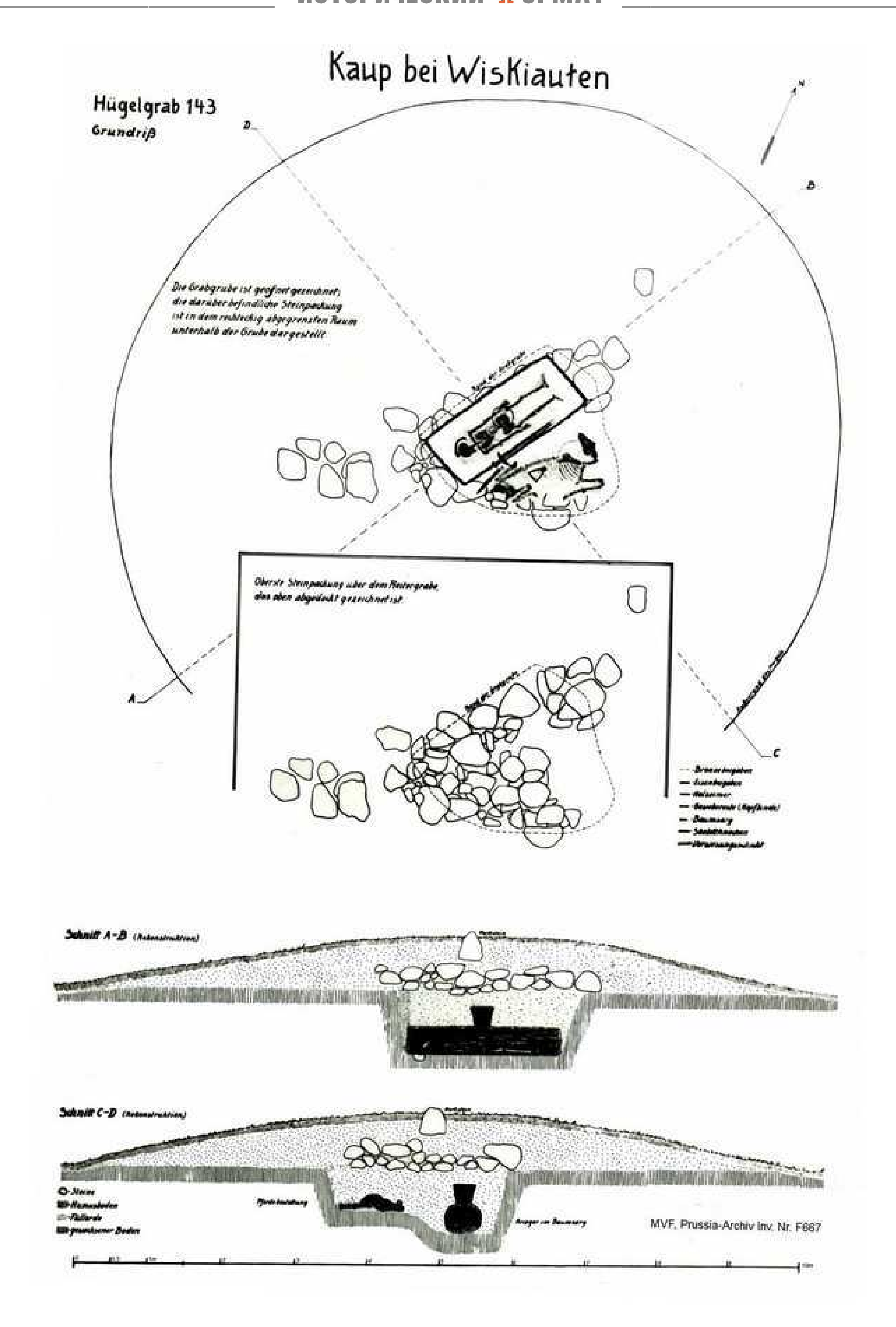

Рис. 4. План и сечения кург. K143
(Archiv Prussia-Museum, Reg.-Nr F667, Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin).

По длинной оси этой конструкции, по линии северо-восток – юго-запад на плане центральной части кург. K143 показаны очертания (контуры) черепа, лежащего теменем на юго-запад на левой щеке и костей предплечья (рис. 5). На полевом карандашном эскизе, сохранившемся в архиве Prussia-Museum в Музее до- и протоистории (Берлин) указанные контуры показаны довольно нечётко (рис. 5,*1*). Очевидно, несожжённые кости, как это часто бывает в могилах Каупа, в кург. K143 сохранились далеко не полностью.

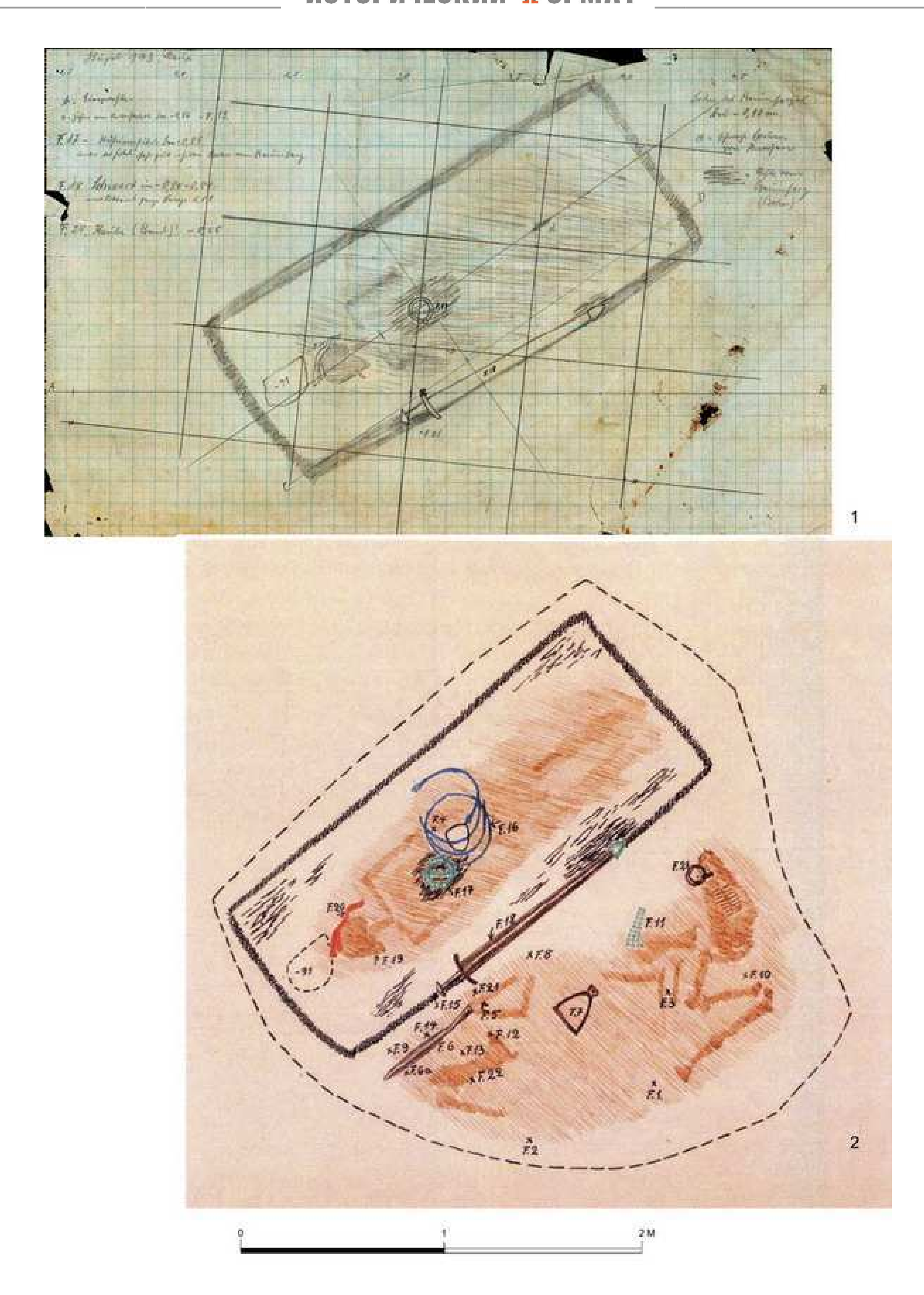

Рис. 5. План центрального погребения в кург. К143 (1 - Archiv Prussia-Museum, Reg.-Nr IXg, 79, Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin; 2 – Riksantekvariet Ämbetet Stockholm, Ibsen 2009: Abb. 10).

На рисунке Биргера Нермана, находящемся в Стокгольме, контуры черепа и костей верхней части скелета показаны более чётко, очевидно - с элементами реконструкции (рис. 5,2). На обоих чертежах верхние кости рук лежат параллельно корпусу, находящемуся в положении «лёжа на спине». Ноги, очевидно, также вытянуты по длинной оси «гроба» (рис. 5,2). На двух версиях чертежа в области груди погребённого расположена бронзовая подковообразная фибула (рис. 6), показанная в скоплении органики (дерево, кожа-?), на глуб. 0,85 м от уровня материка (см. пункт F17 в верхнем левом углу чертежа на рис. 5,*1*). Только на реконструкции Б. Нермана с северо-востока к фибуле F17 примыкают остатки ведра F16 (три обода и дугообразная ручка ведра – рис. 5,2).

На другой реконструкции Б. Нермана (рис. 4) ведро показано стоящим на верхней плоскости «гроба». Непосредственно к юго-западу от черепа к нему примыкает камень, лежащий на глуб. 0,91 м от уровня материка. Между этим камнем и остатками человеческого черепа на обеих версиях плана погребения показана извилистая линия F20 длиной ок. 15 см – остатки серебротканной ленты от шапки погребённого (Nerman 1942: 97). Под (?) остатками ведра находилось стремя F4, отмеченное лишь на рисунке Б. Нермана (рис. 5,*2*). Последней группой находок, связанной с костяком человека, является двулезвийный меч F18 в остатках деревянных (?) ножен с бронзовым наконечником ножен in situ, находившийся на глуб. 0,84-0,88 м от уровня материка на юго-восточном краю «гроба» (рис. 5,*1*). Меч лежал параллельно длинной оси «гроба», навершие его рукояти направлено на юго-запад. Судя по трехконечной форме этого навершия, меч относится к типу J.P. Y (Петерсен 2005: 194-198), наконечник его ножен с прорезным изображением хищной птицы входит в подтип Kazakievičius Ia (Kazakievičius 1998: 291). В юго-восточном направлении от костяка человека, после (?) выборки ямы под трупоположение была сделана ступенька на глуб. ок. 0,5 м от уровня материка. В плане эта ступенька имела треугольные очертания длиной строго по размеру длины «гроба». На этой ступеньке реконструкция Б. Нермана представляет лежащие остатки скелета коня с черепом, теменем, направленным на восток (рис. 5,*2*). Судя по положению черепа коня, он мог быть помещён в могилу ещё живым. Конь лежит на левом боку, спиной к костяку человека, передние ноги подогнуты. В зубах коня – кольчатые удила F23 с витым двухчастным грызлом, в 0,5 южнее удил – группа бронзовых бубенчиков F11 (рис. 5,*2*). В районе брюха коня отмечено стремя подтипа Goßler BI (Goßler 2013: Abb. 3) и железная пряжка от упряжи (рис. 6).

На крупе коня остриём на юго-запад лежит ланцетовидный наконечник копья типа J.P. E (Петерсен Я., 2005, с. 99). В публикации Б. Нермана отмечается наличие под насыпью кург. K143 второго костяка. Вместе с ним - серебряные (?) бусины, остатки ткани, фрагмент бронзовой пряжки, обломки керамического сосуда. (Nerman 1942: 97). Возможно наличие под насыпью кург. K143 ещё одного костяка, сопровождавшегося ножом. Правда, чертежи этих комплексов в архивных материалах отсутствуют. По комплексу находок, сделанных в центральном погребении кург. K143, ведущее место среди которых занимают меч типа J.P.Y и подковообразная фибула подтипа Carlsson TRA:KSV с косицеобразным декором на дужке (Carlsson 1988: 21), его можно отнести к сер. X в. (Кулаков 2012: 136).

Трупоположения этого времени широко представлены в материалах курганного могильника эпохи викингов в Бирке (Швеция). Правда, ступеньки, на которых там осуществлены захоронения коней, соседствуют с большими камерными гробницами прямоугольной формы, чьи параметры достигают разм. 2,5 х 2 м (Arbman 1943: Abb. 237). В нашем случае погребение выглядит как стандартное трупоположение в деревянной домовине (гроб без гвоздей), где могильная яма была выбрана точно по размеру гроба, а затем довольно экономно расширена для сооружения ступеньки для захоронения коня. Ориентация человека в могиле теменем на юго-запад, судя по материалам могильника Бирка, была весьма распространена в Скандинавии эпохи викингов (Gräslund 1980: fig. 27). В результате

многолетних исследований скандинавского погребального обряда IX-X вв. Г.С. Лебедев пришёл к выводу о том, что трупоположение с западной (или со сходной) ориентировкой в гробу, относящееся к типу Лебедев D_1, генетически связаны с камерными гробницами, содержащими останки знатных дружинников и своим источником имеют христианскую миссию Ангара (Лебедев 2005: 195). Набор инвентаря центрального захоронения в кург К143, согласно палеосоциальным исследованиям Г.С. Лебедева, можно предварительно отнести к gestir – дисл. «гости», младшие дружинники. Они сопровождались в Иной мир, судя по письменным источникам, мечом, копьём (представлены в погребении), щитом, кольчугой, стальной шапкой и прочим инвентарём (Лебедев 2005: 158).

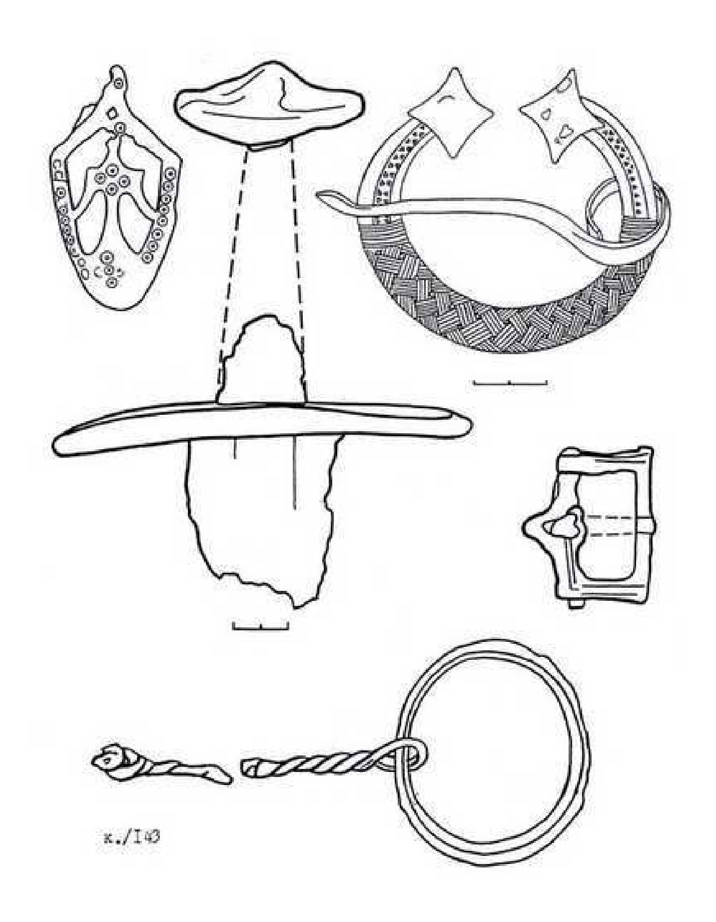

Рис. 6. Инвентарь кург. К143 (Кулаков 2013: рис. 133).

Специфическую черту комплекса кург. К143 характеризует сопутствующее ингумации воина конское захоронение. Среди сотен курганов, вскрытых в предвоенное время, ок. 30 насыпей содержали подобные конские захоронения (Кулаков, Тюрин 2010: 14). При этом в 8 курганах погребения человека содержали несожжённые кости, что может свидетельствовать о влиянии на эту версию обряда христианских традиций (Кулаков, Тюрин 2010: 15). Конское снаряжение в этих комплексах с сер. X в. указывает на прусское происхождение своих деталей. Не являются исключением при этом и находки, обнаруженные вместе с конём из кург. К143. Во всяком случае, связки бубенчиков вполне характерны для коней не скандинавов, а именно западных балтов (Кулаков и др. 2015: рис. 2).

Феномен возложения коня в могилу живым характерен для прусских традиций I тыслет. н.э. При этом конь помещался в могилу взнузданным, что отмечено наличием удил и стремян in situ в кург. К143. Положение «лежа на левом боку» хоть и не часто, но встречается в конских захоронениях прусского грунтового могильника на участке Малый Кауп (восточная часть лесного уроч. Кауп). При этом подобное же положение конского костяка отмечено в кург. 120 (раск. 1958 г.) могильника Шестовицы (Черниговская обл.), где, судя по положению черепа, конь также был помещён в могилу ещё живым (Бліфельд 1977: 180).

Таким образом, ясно, что обряд центрального погребения в кург. К143 имеет смешанное происхождение. Трупоположение с юго-западной ориентировкой связана с проникшими на Кауп христианскими традициями (возможно, именно Кауп был целью миссии Св. Войцеха-Адальберта в 997 г.: Кулаков 2014: 85). Конское захоронение, широко представленное в полиэтничной дружинной среде в эпоху викингов (в том числе, в подкурганных трупоположениях) (Колтырин 2015: 129), осуществлено в кург. К143, очевидно, под влиянием местных прусских традиций. Скорее всего, очерёдность совершения захоронений в кург. К143 была такой: сначала была выбрана яма под «гроб» с останками воина. Затем в юго-восточном борту могилы был сделан врез треугольной в плане формы и образована ступенька для захоронения коня.

В могилу был помещён «гроб» с телом умершего воина. Его тело было покрыто плащом, застёгнутом фибулой, украшенной косицеобразным орнаментом. Данная фибула представляет собой вариант застёжек, чей вид развивался, судя по находкам на Каупе, на Самбии на протяжении первой пол. X в. (Кулаков, Сыроватко 2003: 53). На крышку гроба участники погребальной церемонии поставили деревянное ведро с железными оковками, содержавшее жертвенный напиток (мёд или пиво). К этому времени, возможно, было завершено возведение конского захоронения к юго-востоку от могилы воина. Таким образом, в кург. К143 могильника Кауп соединились традиции распространившегося в скандинавской среде христианства и прусские обычаи.

ЛИТЕРАТУРА

Бліфельд 1977 - *Бліфельд Д.І.* Давньоруські пам’ятки Шестовиці. Київ, 1977. 231 с.

Колтырин 2015 - *Колтырин С.А.* Пруссы: происхождение и взаимосвязи // Исторический формат. 2015. № 3. С. 120-142.

Кулаков 2012 - *Кулаков В.И.* Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: Калининградский областной музей янтаря, 2012. 232 с.

Кулаков 2014 - *Кулаков В.И.* Место гибели Св. Войцеха-Адальберта: каноническая традиция и историческая реальность // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн. I (MMXIV). Зимовники, 2014. С. 84-87.

Кулаков, Сыроватко 2003 - *Кулаков В.И., Сыроватко А.С.* Подковообразная фибула из Коломны // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 215. М., 2003. С. 51-58.

Кулаков, Тюрин 2010 - *Кулаков В.И., Тюрин Е.А.* Всадники на Каупе // Кауп и Самбия в системе транснациональных контактов. Сборник докладов 3-й Балтийской археологической конференции, посвящённой 30-летию открытия поселения Кауп. Калининград: Информационно-издательский отдел КИТ – филиал РМАТ, 2010. С. 13-28.

Кулаков и др. 2015 - *Кулаков В.И., Либенштейцн А.И., Широухов Р.А., Арбашайскайте А.* Народы юго-восточной Балтики в эпоху викингов. Калининград, 2015. 97 с.

Лебедев 2005 - *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб: Евразия, 2005. 639 с.

Петерсен 2005 - *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов. Типологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб: Альфарет, 2005. 335 с.

Arbman 1943 - *Arbman H.* Birka. Die Tafeln. Uppsala: Almquist und Wiksells, 1943. 463 p.

Archiv Prussia-Museum - Archiv Prussia-Museum, Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin.

Carlsson 1988 - *Carlsson A.* Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog. Stockholm: Stockholm Iniversitet, 1988. 275 p.

Goßler 2013 - *Goßler N.* Die mittelalterliche Stigbügel aus dem Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) – Studien zu Typologie, Chronologie und Kulturgeschichte // Acta Praehistorica et Archaeologica. 2013. Bd. 45. S. 109-216.

Gräslund 1980 - *Gräslund A.-S.* Birka. Vol. IV. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1980. 93 p.

Ibsen 2009 - *Ibsen T.* «Etwa hier die Siedlung». Der frühmittelalterliche Fundplatz Wiskiauten/Mohovoe im Kaliningrader Gebiet im Lichte alter Dokumente und neuer Forschungen. Dissertation, 2009. 519 p.

Kazakievičius 1998 - *Kazakievičius V.* Iš vėlivojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makštų galū apkalai) // Lietuvos archeologija. T. 15. Vilnius: leidykla «Zara», 1998. p. 287-323.

Nerman 1934 - *Nerman B.* Swedish Viking colonies of the Baltic // Europe Septentrionalis Antiqua. 1934. Vol. IX. p. 365-378.

REFERENCES

Arbman 1943 - *Arbman H.* Birka. Die Tafeln [Tables], Uppsala, Almquist und Wiksells Publ., 1943, 463 p. [in Swedish].

Archiv Prussia-Museum - Archiv Prussia-Museum, Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin [Archive of the museum of Prussia, Museum of background and early history of Berlin] [in German].

Blifel'd 1977 - *Blifel'd D.I.* Davn'orus'ki pam'jatki Shestovici [Old Russian monuments of Shestovitsa], Kiev, 1977, 231 p. [in Ukrainian].

Carlsson 1988 - *Carlsson A.* Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog [Rings and buckles of Vikings of Gotland. Text and catalog], Stockholm, Stockholm Iniversitet Publ., 1988, 275 p. [in Swedish].

Goßler 2013 - *Goßler N.* Die mittelalterliche Stigbügel aus dem Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) – Studien zu Typologie, Chronologie und Kulturgeschichte [Medieval stirrups from the Berlin collection of Prussia (earlier Königsberg / East Prussia) – Researches on typology, chronology and cultural history], in: Acta Praehistorica et Archaeologica [Researches on a preistoriya and archeology], 2013, Bd. 45, pp. 109-216 [in German].

Gräslund 1980 - *Gräslund A.-S.* Birka. Vol. IV. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö, Stockholm, Almqvist & Wiksell Publ., 1980, 93 p. [in English].

Ibsen 2009 - *Ibsen T.* «Etwa hier die Siedlung». Der frühmittelalterliche Fundplatz Wiskiauten/Mohovoe im Kaliningrader Gebiet im Lichte alter Dokumente und neuer Forschungen [«Here settlement». The early medieval settlement of Wiskiauten / Moss in the Kaliningrad region in the light of ancient documents and new researches], Dissertation, 2009, 519 p. [in German].

Kazakievičius 1998 - *Kazakievičius V.* Iš vėlivojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makštų galū apkalai) [Swords of the end of the Iron Age], in: Lietuvos archeologija [Lithuanian archeology], T. 15, Vilnius, leidykla «Zara» Publ., 1998, pp. 287-323 [in Lithuanian].

Koltyrin 2015 - *Koltyrin S.A.* Prussy: proishozhdenie i vzaimosvjazi [Old Prussians: origin and interrelations], in: Istoricheskij format [Historical Format], 2015, № 3, pp. 120-142 [in Russian].

Kulakov 2012 - *Kulakov V.I.* Nemanskij jantarnyj put' v jepohu vikingov [Neman amber way to an era of Vikings], Kaliningrad, Kaliningradskij oblastnoj muzej jantarja Publ., 2012, 232 p. [in Russian].

Kulakov 2014 - *Kulakov V.I.* Mesto gibeli Sv. Vojceha-Adal'berta: kanonicheskaja tradicija i istoricheskaja real'nost' [Place of death of St. Wojciech-Adalbert: initial tradition and historical reality], in: Shtrihi k portretam minuvshih jepoh. Arheologija, istorija, jetnografija [Strokes to portraits of the past eras. Archeology, history, ethnography], Kn. I (MMXIV), Zimovniki, 2014, pp. 84-87 [in Russian].

Kulakov i dr. 2015 - *Kulakov V.I., Libenshtejcn A.I., Shirouhov R.A., Arbashajskajte A.* Narody jugo-vostochnoj Baltiki v jepohu vikingov [The people of southeast Baltic during an era of Vikings], Kaliningrad, 2015, 97 p. [in Russian].

Kulakov, Syrovatko 2003 - *Kulakov V.I., Syrovatko A.S.* Podkovoobraznaja fibula iz Kolomny [Horseshoe fibula from Kolomna], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii [Short messages of Institute of archeology], Vyp. 215, Moscow, 2003, pp. 51-58 [in Russian].

Kulakov, Tjurin 2010 - *Kulakov V.I., Tjurin E.A.* Vsadniki na Kaupe [Riders on Kaup], in: Kaup i Sambija v sisteme transnacional'nyh kontaktov. Sbornik dokladov 3-j Baltijskoj arheologicheskoj konferencii, posvjashhjonnoj 30-letiju otkrytija poselenija Kaup [Kaup and Sambiya in system of transnational contacts. The collection of reports of the 3rd Baltic archaeological conference devoted to the 30 anniversary of opening of the settlement of Kaup], Kaliningrad, Informacionno-izdatel'skij otdel KIT – filial RMAT Publ., 2010, pp. 13-28 [in Russian].

Lebedev 2005 - *Lebedev G.S.* Jepoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi [Era of Vikings in Northern Europe and in Russia], St. Petersburg, Evrazija Publ., 2005, 639 p. [in Russian].

Nerman 1934 - *Nerman B.* Swedish Viking colonies of the Baltic [Colonies of the Swedish Vikings on Baltic], in: Europe Septentrionalis Antiqua [Ancient Northern Europe], 1934, Vol. IX, pp. 365-378 [in English].

Petersen 2005 - *Petersen Ja.* Norvezhskie mechi jepohi vikingov. Tipologicheskoe izuchenie oruzhija jepohi vikingov [Norwegian swords of an era of Vikings. Typological studying of the weapon of an era of Vikings], St. Petersburg, Al'faret Publ., 2005, 335 p. [in Russian].

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья
Института археологии РАН (Москва, Россия).
Kulakov Vladimir – Doctor of historical sciences, leading researcher of Department of archeology
of an era of great resettlement of the people and early Middle Ages
of Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 94(47)"12/15";929.53

КОММЕНТАРИЙ К ЛЕГЕНДЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВОРОТЫНСКИХ КНЯЗЕЙ ОТ КНЯЗЯ ЮРИЯ

Р.А. Беспалов
Независимый исследователь (Белёв, Россия)
e-mail: gostunsky@gmail.com
SPIN-код: 7882-3122

Авторское резюме

В статье высказана гипотеза о возникновении легенды о происхождении воротынских князей от князя Юрия (вместо князя Льва). Самым ранним источником, в котором имеется эта легенда, является Объединенный родословец черниговских князей конца 1520-х – начала 1530-х гг. Затем она отразилась в более поздних родословцах князей новосильского дома. Анализ Объединенного родословца черниговских князей заставляет подозревать, что он был составлен или отредактирован лицами, которые не имели глубоких знаний по истории рода новосильских князей.

Ключевые слова: Новосильско-Одоевское княжество, воротынские князья, одоевские князья, митрополит Даниил, генеалогия, родословные книги.

COMMENTARY ON THE LEGEND OF PRINCES OF VOROTYNSK' DESCENT FROM PRINCE YURI

Roman Bespalov
Independent researcher (Belyov, Russia)
e-mail: gostunsky@gmail.com

Abstract

This article advances a hypothesis on the origin of the legend of the descent of the lords of Vorotynsk from Prince Yuri (rather than Prince Lev). The earliest source that mentioned this legend was the Consolidated Genealogy of the Princes of Chernigov (from around the late 1520s – early 1530s), followed by the genealogical records of the princely house of Novosilsk. Analysis of the Consolidated Genealogy of Princes of Chernigov suggests that it was compiled or edited by people who lacked deep knowledge of the family history of the princes of Novosilsk.

Keywords: Novosilsk-Odoyevsk principality, princes of Vorotynsk, princes of Odoyevsk, Metropolitan Daniel, genealogy, genealogical records.

* * *

Как известно, в родословцах князей новосильского дома (белёвских, воротынских и одоевских), составленных в XVI–XVII вв., содержится ряд существенных ошибок в части истории рода XIII–XV вв.

Во-первых, роспись новосильских князей начинается с некого князя Семена Глуховского и Новосильского, который назван сыном святого князя Михаила Черниговского († 1245 г.) и отцом князя Романа Новосильского (Бычкова 1986: 74, 75;

РИИР. Вып. 2: 41, 43, 112; Родословная книга 1787. Ч. 1: 179–180; Родословная книга 1851: 68, 70, 155, 156; Родословная книга 1913: 39–40, 41; Кузьмин 2012: 187, 189). Происхождение самого князя Михаила Черниговского в родословцах показано неверно[1]. Из более ранних источников у него неизвестно сына Семена. Князь Семен Новосильский жил в середине XIV в. и не мог быть его сыном (см. ДДГ: №2. С. 12; №3. С. 14). Князь Роман Семенович Новосильский жил во второй половине XIV в. – возможно, еще и в начале XV в. (ПСРЛ. XV. Вып. 1: 111; ПСРЛ. XVIII: 116; ДДГ: №19. С. 53, 55). Список его сыновей в родословцах неполный. Вообще имена многих князей новосильского дома XIV в. в родословцах XVI–XVII вв. не отражены[2].

Во-вторых, в родословцах содержится ошибка, которая вносит путаницу в историю рода воротынских и одоевских князей XV в. Князь Лев Романович в одних родословцах назван бездетным (РИИР. Вып. 2: 112; Родословная книга 1787. Ч. 1: 180), в других запись о его бездетности отсутствует, но потомства князя Льва все равно нет (Бычкова 1986: 75; РИИР. Вып. 2: 43; Родословная книга 1851: 70, 156–157; Родословная книга 1913: 41; Кузьмин 2012: 189). В обоих случаях дети князей Льва и Юрия записаны как сыновья князя Юрия Романовича Одоевского: «Иван, Василий, Федор, Семен».

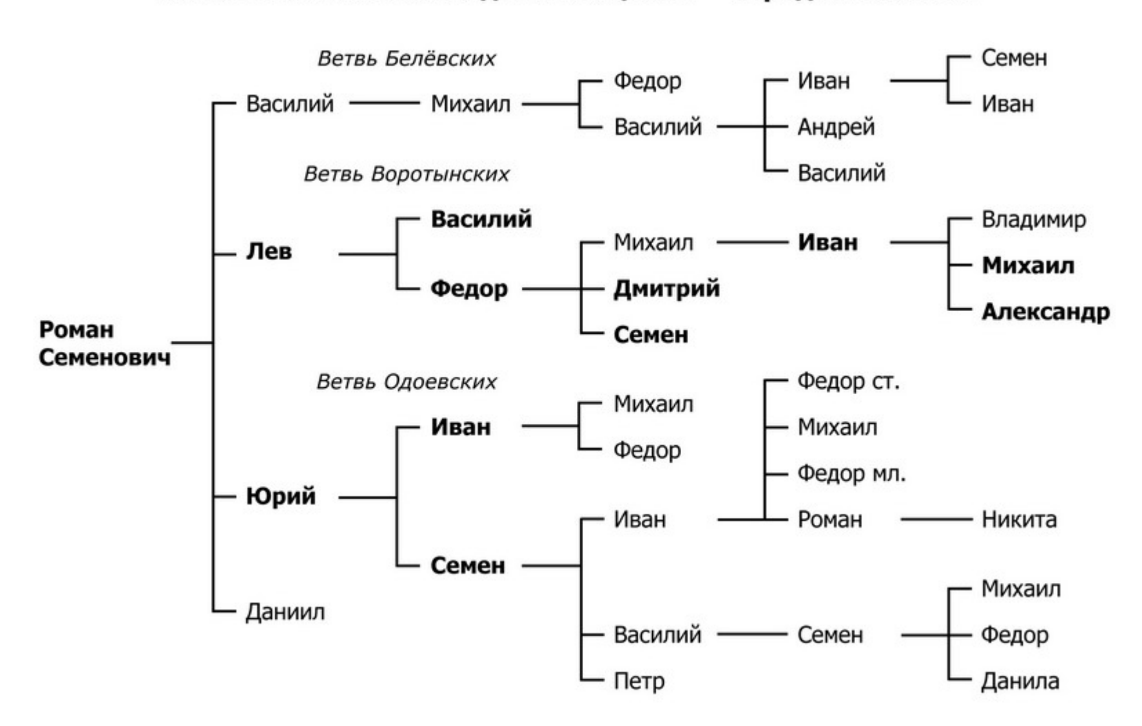
Многие исследователи XIX в. вполне доверяли сведениям родословцев (Долгоруков 1840: 20; Головин 1851: 27, 30, 35; Долгоруков 1854: 49; Лобанов-Ростовский 1873: 5; Петров 1885: 18). При этом не учитывали ряд важных документальных источников XV в., отразившихся в Литовской метрике и опубликованных впервые еще в 1836 и 1846 гг. Из них становится известным имя и отчество князя Федора Львовича Воротынского (иначе Новосильского и Одоевского) (Сборник Муханова 1836: №4–6. С. 4–6; АЗР. I: №41. С. 55–56; №48. С. 61; №49. С. 61–62; №80. С. 100–101; ДДГ: №39. С. 117–118; №49–50. С. 149–150; LM. Kn. 5. 1993: №130–132. P. 247–248). В публикации 1863 г., которая затем была перепечатана в 1871 и 1874 гг., Филарет (Гумилевский) заметил, что в имевшемся в его распоряжении Елецком синодике после князя Льва Романовича Новосильского следует «кн[язь] Василий Львовичъ» (без титула) (Филарет 1874: 44; Милорадович 1871: 37). В конце XIX в. на эти сведения источников обратил внимание Р.В. Зотов (Зотов 1892: 130, 305, 309). За ним последующие исследователи стали считать князя Федора и Василия из родословцев сыновьями князя Льва Романовича (Wolff 1895: 278, 585–586; Власьев 1906: 22, 50, 61–62; Kuczyński 1936: 132–136; Войтович 2006: 432, 440; Кром 1995: 36–37; Ковылов 1997: 76–77; Шеков 2012: 160–161). К сожалению, Елецкий синодик Филарета

[1] В родословцах XVI–XVII вв. происхождение князя Михаила Черниговского († 1245 г.) показано следующим образом: Святослав Ярославич († 1076 г.), Олег († 1115 г.), Святослав († 1164 г.), Всеволод Буй Тур († 1196 г.), Михаил. Однако следовало бы так: Святослав Ярославич († 1076 г.), Олег († 1115 г.), Всеволод († 1146 г.), Святослав († 1194 г.), Всеволод Чермный († 1210–1215 гг.), Михаил (Baumgarten 1927: 18–21).

[2] Князь Александр Новосильский, казненный ханом Узбеком в 1326 г., хорошо известен из летописей (ПСРЛ. XV. Вып. 1: 42; ПСРЛ. XVIII: 90). В утраченном синодике рязанского Свято-Духова монастыря были записаны «Андреян, Александр Семеновичи Новосильские» (Кузьмин 1965: 208, 217). В синодиках типа Любецкого вслед за князем Александром (Семеновичем) Новосильским поминали, видимо, его сыновей Семена и Сергия Александровичей, без указания их титулов (Зотов 1892: 27; Поменник Введенської церкви: 18). Из письма Ольгерда патриарху Филофею известен князь Иван Новосильский, отчество которого не названо (РИБ VI: Прил. №24. Стб. 135–136). Из синодиков также известно имя князя Даниила Романовича Новосильского (Филарет 1874: 37; Поменник Введенської церкви: 18).

(Гумилевского) до наших дней не дошел или пока не сопоставлен с известными ныне синодиками. Однако во Введенском Печерском синодике тоже поминают князей Василия и Федора Львовичей (Поменник Введенської церкви: 18, 19, 26). Поэтому князя Василия из родословцев действительно следует признать родным братом князя Федора Львовича Воротынского.

Отчество и титул князя Ивана Юрьевича Одоевского известны из его договорной грамоты с великим князем литовским Казимиром 1459 г. (LM. Kn. 5. 1993: №137. P. 254–255; ДДГ: №60. С. 192–193) и из записей в богослужебных книгах XV в. (Леонид 1875: 106–107, 139). Из контекста дипломатических сношений Москвы с Литвой конца XV в. следует, что князь Семен Одоевский приходился родным братом князю Ивану Юрьевичу (СИРИО. Т. 35: 5, 62; Кром 1995: 70–72). Кроме того, в одном из писем Витовта сыновья новосильского князя (Юрия), и князья воротынские (сыновья Льва) упоминаются во множественном числе (CEV: №1298. S. 779). Следовательно, и у Льва, и у Юрия было, по меньшей мере, по два сына. Таким образом, князь Лев Романович имел сыновей: Василия и Федора, а князь Юрий Романович имел сыновей: Ивана и Семена.

Задача устранения описанной неточности родословцев XVI–XVII вв. была бы очень простой, если бы не два различных мнения самих воротынских князей, которые датируются концом XV в. и серединой XVI в.

Князь Иван Михайлович Воротынский хорошо знал содержание литовско-воротынского договора 1483 г., участником которого являлся. После перехода на московскую службу (к августу 1487 г.) он посылал к своему прежнему сюзерену Казимиру своего человека с тем, чтобы сложить с себя крестное целование и присягу данную при заключении договора 1483 г. (СИРИО. Т. 35: 5). В этом документе

названы: «кн(я)зь Дмитрии, а брат его кн(я)зь Семен Ф(е)доровичи Лвовича, а брат . . . . . . кн(я)зь Иван Михаилович новосилскии и одоевскии, и воротынскии» (РГАДА: Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 2). Здесь частично утраченный фрагмент «брат . . . . . .» означает «братанич их», то есть сын их брата (Михаила), племянник[1]. Однако в 1557 г. сыновья князя Ивана Михайловича – князья Михаил и Александр Ивановичи Воротынские приказали духовенству Анастасова монастыря: «пети и обедни служити по князе Феодоре Юрьевиче Воротынском» (Троицкий 2002: 278). Именно последняя легенда согласуется с родословцами XVI–XVII вв., в частности, с официальным Государевым родословцем 1555 г., в которых, как уже было отмечено, род Воротынских через некого князя Федора Юрьевича возведен в потомство князя Юрия Романовича, что в контексте актового материала XV в. представляется неверным.

Можно было бы задаться вопросом: не принял ли князь Лев перед смертью монашеский постриг под именем Юрия? Однако в таком случае невероятно, чтобы метаморфоза с отчеством князя Федора Львовича произошла не сразу в XV в., а только к исходу первой трети XVI в., то есть полвека спустя после его смерти. В известных синодиках посмертно его отец поминается с именем Льва, о его монашеском постриге ничего не говорится. Так, Филарет (Гумилевский) обнаружил, что Елецком синодике поминался князь «Левъ Романовичъ Новосильский» (Филарет 1874: 44; Милорадович 1871: 37). Его находка подтверждается Ростовским и Успенским вселенскими синодиками, где записано: «кн(я)зю Л(ь)ву Рома́новичю Новоси́льскому <…> вечная памят(ь)» (Конев 1995: 102; ДРВ. VI. 1788: 447). Также «кн(з): Льва Романовича Новосельского» поминают во Введенском Печерском синодике (Поменник Введенської церкви. С. 19). Должно быть, при жизни он имел Воротынский удел в Новосильской и Одоевской земле. В 1427 г., видимо, именно его вдова носила титул «herczoginne von Wrotynsk» (CEV: №1298. S. 779). Иные князья новосильского дома (белёвские и одоевские), удельные или занимавшие старшинство в роду, титула «воротынских» не имели.

Как установила М.Е. Бычкова, в основе росписи князей новосильского дома лежит родословец «Начало русскых князеи» из рукописного сборника конца 1520-х – середины 1530-х гг. (Вол. №661), который принадлежал монаху Иосифо-Волоколамского монастыря Дионисию Звенигородскому (в миру – князю Даниле Васильевичу) (Бычкова 1986: 39–44). Данный родословец берет начало от Рюрика, следует до Святослава Ярославича, от которого «пошли черниговскые князи», а далее идет роспись, которую мы условно назовем «Объединенный родословец черниговских князей» (Бычкова 1986: 74–77). В ней последовательно помещены росписи князей карачево-звенигородских, новосильских и тарусских. Позже сведения этого родословца были отражены в родословных книгах 1540-х гг., затем в официальном Государевом родословце 1555 г. и во множестве частных родословных книг второй половины XVI – XVII вв. Примечательно, что в то время, когда

[1] Утрачено около 11 мм. В АЗР утрата не указана, написано: «братаничь ихъ» (АЗР. I: №80. С. 100). История трагической гибели старшего сына князя Федора Львовича – князя Михаила Федоровича (вероятно, около 1473–1477 гг.) отразилась в Волоколамском патерике (Древнерусские патерики: 99–100, 204–205).

составлялся Объединенный родословец черниговских князей, князь Иван Михайлович Воротынский, знавший о своем происхождении от князя Федора Львовича, был еще жив. Он умер только в 1535 г. (Николаева 1957: №1. С. 251–255; Гиршберг 1960: 6, 22–23). В этой связи остается думать, что описанная ошибка возникла в процессе составления или редактирования первого родословца без участия самих воротынских князей.

Ранее мы пришли к выводу, что Объединенный родословец черниговских князей был связан со скрипторием митрополита Даниила (бывшего игумена Иосифо-Волоколамского монастыря). Основными аргументами стало то, что митрополит Даниил находился в тесном общении с Дионисием Звенигородским. В частности, в 1528 г. они состояли в переписке (АИ. I: №293. С. 534–537). Также они обменивались книгами и сведениями исторического характера. Так, в описи монастырских книг 1591 г. числится сборник Дионисия, написанный рукой митрополита Даниила (Вол. №405/646) (Книжные центры древней Руси 1991: 82, 400–401). В упомянутом выше сборнике Дионисия Звенигородского (Вол. №661) находился список «Сказания о Мамаевом побоище»[1]. По классификации Л. А. Дмитриева он относится к Основной редакции, которая наиболее близка к первоначальному виду «Сказания», использованному митрополитом Даниилом при создании Киприановской редакции (Дмитриев 1989: 372–373, 374). Дионисий мог оказать влияние на сведения Никоновской летописи в части истории карачевских и звенигородских князей, а также на порядок старшинства карачево-звенигородского, новосильского и тарусского родов в Объединенном родословце черниговских князей. Однако замысел составителя Объединенного родословца был более широким, чем узкосемейный интерес Дионисия Звенигородского, ограниченный кругом князей карачево-звенигородской ветви. Как известно, митрополит Даниил интересовался родословными сведениями всех русских князей, в том числе черниговских, и использовал их для уточнения имен и отчеств князей при составлении Никоновской летописи (Клосс 1980: 177–178). Поэтому и роль составителя (или редактора?) Объединенного родословца нами была предположительно отведена самому митрополиту Даниилу[2].

Исходя из выявленных источников, которыми располагал составитель Никоновской летописи, можно сделать некоторые предположения по поводу возникновения родословной легенды о происхождении воротынских князей от князя Юрия (вместо князя Льва). В скриптории митрополита Даниила имелся Летописный свод 1518 г. (Клосс 1980: 155–156). В своем первозданном виде до наших дней он не дошел, но лег в основу Софийской II и Львовской летописей, по которым его сведения могут быть реконструированы. Летописи были авторитетнейшим

---

[1] В 1817 г. этот список «Сказания о Мамаевом побоище» был изъят из сборника Дионисия Звенигородского (Вол. №661) П. М. Строевым и помещен в сборник, известный ныне РНБ. Q.IV.22 (Клосс 2001: 334–335).

[2] Ранее нами также обращалось внимание на то, что в Объединенном родословце черниговских князей и в Никоновской летописи содержится схожая ошибка, которая должна надежно указывать на связь между памятниками. Происхождение князя Михаила Черниговского показано от младшей ветви черниговских князей, хотя он происходил от старшей ветви (Беспалов 2011: 84–95). Однако этот аргумент следует отложить, поскольку такая ошибка содержится во всех родословных книгах.

источником для составления родословных (Бычкова 1975: 145, 151–155). Поэтому думается, что при составлении (или редактировании?) Объединенного родословца черниговских князей митрополит Даниил не мог не обратить внимания на следующие сведения Летописного свода 1518 г. под 1489 г.: «посылал князь велики князя Василья Кривого княжо Иванова сына Юрьевича Воротынского воевати и иных (в некоторых списках слов «и» или «и иных» нет) порубежных городов литовскых» (ПСРЛ. VI. Вып. 2: 325; ПСРЛ. XX: 354). А.А. Зимин и Ю.Г. Алексеев указали, что в этом весьма темном известии речь идет о сыне князя Ивана Юрьевича – князе Василии Кривом Патрикееве, который был послан войной на воротынского князя (видимо, на Дмитрия Федоровича) (Зимин 1982: 96; Алексеев 2007: 318–319). Однако при отсутствии пунктуации в рукописи здесь можно усмотреть имя не существовавшего «князя Ивана Юрьевича Воротынского» (например, так читали летопись Ф. Папэ и К.В. Базилевич, см. Базилевич 1952: 289–290)[1], а при некоторой порче источника – имя не существовавшего «князя Василия Юрьевича Воротынского». Во всяком случае, при прочтении невнятного летописного известия получалось, что воротынские князья происходили от князя Юрия, что и могло привести к ошибке, если составитель (или редактор?) Объединенного родословца черниговских князей не располагал литовско-воротынскими грамотами XV в.

Таким образом, не исключено, что описанную путаницу в родословии воротынских и одоевских князей создал митрополит Даниил, который по нашему предположению был составителем (или редактором?) Объединенного родословца черниговских князей. Затем эта легенда отразилась в последующих родословцах и в таком виде была навязана воротынским князьям середины XVI в. и воспринята ими как должное. Похоже, неувязка в отчестве князя Федора Львовича вовсе не тяготила воротынских князей середины XV в., ведь в сложившейся системе местничества легенда, вошедшая в официальный Государев родословец 1555 г., вполне обеспечивала им достойное место в иерархии знати Московского государства. Точно так же князья новосильского дома, видимо, не протестовали против отсутствия в своей родословной многих новосильских князей XIV в. Гораздо важнее было возвести свой род к общеизвестной и знаковой исторической личности – к святому князю Михаилу Черниговскому, впрочем, о происхождении которого они тоже имели очень смутные представления.

Так или иначе, опыт критического анализа родословной росписи новосильских князей заставляет подозревать, что к ее составлению в первой трети XVI в. были причастны лица, не имевшие глубоких знаний по истории их рода. В итоге некоторые сведения родословца новосильских князей в части XIV–XV вв. оказались неполными или недостоверными, что, в свою очередь, вызывает недоверие и к остальным известиям родословца, если их нельзя проверить другими, более ранними и более надежными источниками.

---

[1] Князя Ивана Юрьевича Одоевского к 1489 г. уже не было в живых, но в данном случае это не имеет значения, поскольку составитель (или редактор?) Объединенного родословца черниговских князей мог вовсе не знать о хронологии его жизни.

ЛИТЕРАТУРА

АИ. I – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. 625 с.

АЗР. I – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1846. 355 с.

Алексеев 2007 – *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 450 с.

Базилевич 1952 – *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М.: Издательство Московского университета, 1952. 543 с.

Беспалов 2011 – *Беспалов Р.А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2011. Вып. 13. С. 63–97.

Бычкова 1975 – *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1975. 216 с.

Бычкова 1986 – *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М.: Наука, 1986. 224 с.

Власьев 1906 – *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. 684 с.

Войтович 2006 – *Войтович Л.В.* Княжа доба: портрети эліти. Біла Церква: Вид. Олександр Пшонківський, 2006. 782 с.

Гиршберг 1960 – *Гиршберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–77.

Головин 1851 – *Головин Н.Г.* Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М.: Типография В. Готье, 1851. 92 с.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. 586 с.

Дмитриев 1989 – *Дмитриев Л.А.* Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л.: Наука, 1989. С. 371–384.

Долгоруков 1940 – *Долгоруков П.В.* Российский родословный сборник. Кн. 1. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1840. 350 с.

Долгоруков 1954 – *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 1. СПб.: Типография Карла Вингебера, 1854. 111 с.

ДРВ. VI. 1788 – Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся / Изд. Новиков Н.И. Ч. 6. М.: Типография компании типографической, 1788. 511 с.

Древнерусские патерики – Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. / Изд. подготовили Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М.: Наука, 1999. 494 с.

Зимин 1982 – *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М.: Мысль, 1982. 336 с.

Зотов 1892 – *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1892. 378 с.

Клосс 1980 – *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.

Клосс 2001 – *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М.: Языки русской культуры, 2001. 488 с.

Книжные центры древней Руси. 1991 – Книжные центры древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1991. 488 с.

Ковылов 1997 – *Ковылов С.В.* Новосильское княжество и новосильские князья в XIV–XV вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Орел, 1997. 146 с.

Конев 1995 – *Конев С.В.* Синодикология. Часть 2. Ростовский соборный синодик. // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нью-Йорк: Ярмарка-Пресс, 1995. № 6. С. 95–106.

Кром 1995 – *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой половины XVI в. М.: Археографический центр, 1995. 304 с.

Кузьмин 2012 – *Кузьмин А.В.* Генеалогия потомков черниговских князей по данным Румянцевского II списка первого извода Патриаршей редакции родословных книг (РГБ. Ф. 256. №349) // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 173–192.

Кузьмин 1965 – *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М.: Наука, 1965. 288 с.

Леонид 1875 – *Леонид*, архимандрит. Описание Лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1875. Кн. 4. V. Смесь. С. 104–159.

Лобанов-Ростовский 1873 – *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1873. 475 с.

Милорадович 1871 – *Милорадович Г.А.* Любеч, Черниговской губернии, Городницкого уезда, родина преподобного Антония Печерского // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1871. Кн. 2. II. Материалы отечественные. С. 1–160.

Николаева 1957 – *Николаева Т.В.* Новые находки на территории Загорского музея-заповедника // Советская археология. М., 1957. №1. С. 251–255.

Петров 1885 – *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. Кн. 1. СПб., 1885. 400 с.

Поменник Введенської церкви 2007 – Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Києво-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука // Лаврський альманах. Вип. 18. Київ, 2007. 120 с.

ПСРЛ. VI. Вып. 2 – Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. 248 с.

ПСРЛ. XV. Вып. 1 – Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 234 с.

ПСРЛ. XVIII – Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. М.: Знак, 2007. 328 с.

ПСРЛ. XX – Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XX. М.: Языки славянских культур, 2005. 702 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РИБ. VI – Памятники древне-русского канонического права. Ч. 1. (Памятники XI –XV в.). Издание второе // Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археографическою комиссиею. Т. VI. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908.

РИИР. Вып. 2 – Редкие источники по истории России. Вып. 2: Новые родословные книги XVI в. / Подг. З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова. М.: Наука, 1977. 186 с.

Родословная книга 1787. Ч. I – Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. I. М.: Университетская типография, 1787. 382 с.

Родословная книга 1851 – Родословная книга по трем спискам с предисловием и азбучным указателем // Временник Императорскаго общества истории и древностей российских. Кн. 10. М.: Университетская типография, 1851. С. 1–286.

Родословная книга 1913 – Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича патриарха всея России // Юбилейный сборник Императорского С.-Петербургского археологического института. 1613–1913. СПб.: Синодальная типография, 1913. С. 1–118.

Сборник Муханова 1836 – Сборник Муханова. М.: Университетская типография, 1836. 320 с.

СИРИО. Т. 35 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I. (С 1487 по 1533 год). // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35. СПб.: Типография Ф. Елеонскаго и Ко., 1892. 892 с.

Троицкий 2002 – *Троицкий Н.И.* Одоевский Анастасов Богородице-Рождественский монастырь (упраздненный) // Тульские древности. Тула: Приокское книжное издательство, 2002. С. 261–287.

Филарет 1874 – *Филарет.* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. Чернигов: Типография Шапиры, 1874. 443 с.

Шеков 2012 – *Шеков А.В.* Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI вв. М.: Квадрига, Русская панорама, 2012. 364 с.

Baumgarten 1927 – *Baumgarten N.A.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana Vol. IX-I. Roma. Maio, 1927. №35. P. 5–95.

CEV – Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376–1430 / Collectus opera Antonii Prochaska. Crakoviae: Typis Wład. L. Anczyc et Comp., 1882. 1230 s.

Kuczyński 1936 – *Kuczyński S.M.* Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa: Zasiłek Funduszu Kultury Narodowej, 1936. 412 s.

LM. Kn. 5. 1993 – Lietuvos metrika. Kniga Nr. 5 (1427–1506): Užrašymų knyga 5 / Parengė Egidijus Banionis. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 404 p.

Wolff 1895 – *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa: Drukiem J. Filipowicza, 1895. 723 s.

REFERENCES

AI. I – Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. T. I [Acts historical, collected and published by the Archeological Commission. T. I], St. Petersburg, Tipografiya ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag Publ., 1841, 625 p. [in Russian].

Alekseev 2007 – *Alekseev Yu.G.* Pokhody russkikh voysk pri Ivane III [Movies Russian troops under Ivan III], St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta Publ., 2007, 450 p. [in Russian].

AZR. I – Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. T. I [Acts relating to the history of western Russia, collected and published by the Archeological Commission. T. I], St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii Publ., 1846, 355 p. [in Russian].

Baumgarten 1927 – *Baumgarten N.A.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle [Pedigrees and western marriages descendants of Rurik Russian X–XIII centuries], in: Orientalia Christiana Vol. IX-I [Eastern Christianity Vol. IX-I], Roma, Maio, 1927, №35, pp. 5–95 [in French].

Bazilevich 1952 – *Bazilevich K.V.* Vneshnyaya politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (vtoraya polovina XV veka) [The foreign policy of the Russian centralized state (the second half of the XV century)], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1952, 543 p. [in Russian].

Bespalov 2011 – *Bespalov R.A.* «Novoe potomstvo» knyazya Mikhaila Chernigovskogo po istochnikam XVI–XVII vekov (k postanovke problemy) [«The new offspring» Prince Michael of Chernigov on sources XVI–XVII centuries (to the problem)], in: Problemy slavyanovedeniya. Sb. nauchnykh statey i materialov [Problems of Slavic Studies. Coll. scientific articles and materials], Bryansk, RIO BGU Publ., 2011, Vyp. 13, pp. 63–97. [in Russian].

Bychkova 1975 – *Bychkova M.E.* Rodoslovnye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik [Genealogical books XVI–XVII centuries as a historical source], Moscow, Nauka Publ., 1975, 216 p. [in Russian].

Bychkova 1986 – *Bychkova M.E.* Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v. Istoriko-genealogicheskoe issledovanie [The composition of the feudal class of Russia in the XVI century. Historical and genealogical research], Moscow, Nauka Publ., 1986, 224 p. [in Russian].

CEV – Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376–1430 / Collectus opera Antonii Prochaska [The collection of letters Vytautas, Grand Duke of Lithuania 1376-1430 / Collected Anthony Prohaska], Crakoviae, Typis Wład. L. Anczyc et Comp. Publ., 1882, 1230 p. [in Latin, in Polish].

DDG – Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and contractual documents of great and specific princes XIV–XVI centuries], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1950, 586 p. [in Russian].

Dmitriev 1989 – *Dmitriev L.A.* Skazanie o Mamaevom poboishche [The Legend of Mamay], in: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 2 (vtoraya polovina XIV — XVI v.). Ch. 2. [Dictionary of the scribes and literature of ancient Russia. Vol. 2 (the second half of XIV–XVI centuries). Part 2], Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 371–384 [in Russian].

Dolgorukov 1940 – *Dolgorukov P.V.* Rossiyskiy rodoslovnyy sbornik. Kn. 1 [Russian genealogical collection. Bk. 1], St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa Publ., 1840, 350 p. [in Russian].

Dolgorukov 1954 – *Dolgorukov P.V.* Rossiyskaya rodoslovnaya kniga. Ch. 1 [Russian genealogy book. Part 1], St. Petersburg, Tipografiya Karla Vingebera Publ., 1854, 111 p. [in Russian].

Drevnerusskie pateriki – Drevnerusskie pateriki. Kievo-Pecherskiy paterik. Volokolamskiy paterik / Izd. podgotovili L.A. Ol'shevskaya i S.N. Travnikov [Old Russian Pateriks. Kievo-Pechersk Patericon. Volokolamsk Patericon. / Ed. L.A. Ol'shevskaya prepared and S.N. Travnikov], Moscow, Nauka Publ., 1999, 494 p. [in Russian].

DRV. VI. 1788 – Drevnyaya rossiyskaya vivliofika, soderzhashchaya v sebe sobranie drevnostey rossiyskikh, do istorii, geografii i genealogii rossiyskiya kasayushchikhsya / Izd. Novikov N. Ch. 6 [Ancient Russian vivliofika containing a collection of Russian antiquities, to history, geography and genealogy related to strengthen the Russian / Ed. N. Novikov. Part 6], Moscow, Tipografiya kompanii tipograficheskoy Publ., 1788, 511 p. [in Russian].

Filaret 1874 – *Filaret.* Istoriko-statisticheskoe opisanie Chernigovskoy eparkhii. Kn. 5 [Historical and statistical description of the Chernigov diocese. Bk. 5], Chernigov, Tipografiya Shapiry Publ., 1874, 443 p. [in Russian].

Girshberg 1960 – *Girshberg V.B.* Materialy dlya svoda nadpisey na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv. [Materials for the set of inscriptions on stone slabs Moscow and Moscow Region XIV–XVII centuries], in: Numizmatika i epigrafika. Vyp. 1 [Numismatics and epigraphy. Vol. 1], Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960, pp. 3–77 [in Russian].

Golovin 1851 – *Golovin N.G.* Rodoslovnaya rospis' potomkov velikogo knyazya Ryurika [Pedigree painted the descendants of Grand Prince Rurik], Moscow, Tipografiya V. Got'e Publ., 1851, 92 p. [in Russian].

Kloss 1980 – *Kloss B.M.* Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov [Nikon arch and Russian annals of XVI–XVII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1980, 312 p. [in Russian].

Kloss 2001 – *Kloss B.M.* Izbrannye trudy. T. II. Ocherki po istorii russkoy agiografii XIV–XVI vekov [Selected works. T. II. Essays on the History of Russian hagiography XIV–XVI centuries], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001, 488 p. [in Russian].

Knizhnye tsentry drevney Rusi. 1991 – Knizhnye tsentry drevney Rusi. Iosifo-Volokolamskiy monastyr' kak tsentr knizhnosti / Otv. red. D.S. Likhachev [Book centers of ancient Russia. Joseph Volokolamsk Monastery as a center of literacy / Ed. D.S. Likhachev], Leningrad, Nauka Publ., 1991, 488 p. [in Russian].

Konev 1995 – *Konev S.V.* Sinodikologiya. Ch. 2. Rostovskiy sobornyy sinodik [Sinodikologiya. Part 2: The Rostov cathedral synodic], in: Istoricheskaya genealogiya [Historical genealogy], Ekaterinburg; New York, Yarmarka-Press Publ., 1995, №6, pp. 95–106 [in Russian].

Kovylov 1997 – *Kovylov S.V.* Novosil'skoe knyazhestvo i novosil'skie knyaz'ya v XIV–XV vv. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Novosil principality and the rulers of the XIV–XV centuries. The thesis for the degree of candidate of historical sciences], Orel, 1997, 146 p. [in Russian].

Krom 1995 – *Krom M.M.* Mezh Rus'yu i Litvoy. Zapadnorusskie zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy poloviny XVI v. [Between Rus and Lithuania. West Russian lands in the Russian-Lithuanian relations end XV – the first half of the XVI centuries], Moscow, Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1995, 304 p. [in Russian].

Kuczyński 1936 – *Kuczyński S.M.* Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy [Chernihov-Seversky lands under the rule of Lithuania], Warszawa, Zasiłek Funduszu Kultury Narodowej Publ., 1936, 412 p. [in Polish].

Kuz'min – *Kuz'min A.G.* Ryazanskoe letopisanie. Svedeniya letopisey o Ryazani i Murome do serediny XVI veka [Ryazan chronicles. Information annals of Ryazan and Murom to the middle of the XVI century], Moscow, Nauka Publ., 1965, 288 p. [in Russian].

Kuz'min – *Kuz'min A.V.* Genealogiya potomkov chernigovskikh knyazey po dannym Rumyantsevskogo II spiska pervogo izvoda Patriarshey redaktsii rodoslovnykh knig (RGB. F. 256. №349) [Genealogy of the descendants of Chernigov princes according Rumyantsev II list the first recension

Patriarchal edition of genealogical books (RSL. F. 256. №349)], in: Ocherki feodal'noy Rossii. Vyp. 15 [Sketches of feudal Russia. Vol. 15], Moscow; St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2012, pp. 173–192 [in Russian].

Leonid 1875 – *Leonid*, arkhimandrit. Opisanie likhvinskogo Pokrovskogo Dobrogo muzhskogo monastyrya [Description Lihvinsky Pokrovsky Good Monastery], in: Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete [Reading the Imperial Society of History and Russian Antiquities at Moscow University], Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1875, Kn. 4, V, Smes', pp. 104–159. [in Russian].

LM. Kn. 5. 1993. – Lietuvos metrika. Kniga Nr. 5 (1427–1506): Užrašymų knyga 5 / Parengė Egidijus Banionis [Lithuanian metrics. Book. №5 (1427–1506): The Book of records 5 / Edited by Egidijus Banionis], Vilnius, Mokslo ir enciklopedijų leidykla Publ., 1993, 404 p. [in Lithuanian, in Russian].

Lobanov-Rostovskiy 1873 – *Lobanov-Rostovskiy A.B.* Russkaya rodoslovnaya kniga. T. 1 [Russian genealogy book. T. 1], St. Petersburg, Tipografiya A.S. Suvorina Publ., 1873, 475 p. [in Russian].

Miloradovich 1871 – *Miloradovich G.A.* Lyubech, Chernigovskoy gubernii, Gorodnitskago uezda, rodina prepodobnago Antoniya Pecherskago [Ljubech, Chernigov province, Gorodnitski County, the birthplace of St Anthony of Pechersk], in: Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete [Reading the Imperial Society of History and Russian Antiquities at Moscow University], Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1871, Kn. 2, II, Materiyaly otechestvennye, pp. 1–160 [in Russian].

Nikolaeva 1957 – *Nikolaeva T.V.* Novye nakhodki na territorii Zagorskogo muzeya-zapovednika [New findings on the territory of the Zagorsk Museum-Reserve], in: Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology], Moscow, 1957, №1, pp. 251–255 [in Russian].

Petrov 1885 – *Petrov P.N.* Istoriya rodov russkogo dvoryanstva. Kn. 1 [The history of the birth of the Russian nobility. Bk. 1], St. Petersburg, 1885, 400 p. [in Russian].

Pomennik Vvedens'koï tserkvi 2007 – Pomennik Vvedens'koï tserkvi v Blizhnikh Pecherakh Kievo-Pechers'koï Lavri / Uporyadkuvannya ta vstupna stattya Oleksiya Kuz'muka [Pomyannik Vvedensky Church Caves of Kiev-Pechersk Lavra / Preparation and introductory article Alexei Kuzmuk], in: Lavr'skiy al'manakh, Vip. 18 [Lavra Almanac. Vol. 18], Kiev, 2007, 120 p. [in Russian].

PSRL. VI. Vyp. 2 – Sofiyskaya vtoraya letopis' [Sofia second chronicle], in: Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. VI. Vyp. 2 [Complete Collection of Russian Chronicles. T. VI. Vol. 2], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001, 248 p. [in Russian].

PSRL. XV. Vyp. 1 – Rogozhskiy letopisets [Rogozhsky chronicler], in: Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XV. Vyp. 1 [Complete Collection of Russian Chronicles. T. XV. Vol. 1], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, 234 p. [in Russian].

PSRL. XVIII – Simeonovskaya letopis' [Simeon chronicle], in: Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XVIII [Complete Collection of Russian Chronicles. T. XVIII], Moscow, Znak Publ., 2007, 328 p. [in Russian].

PSRL. XX – L'vovskaya letopis' [Lviv chronicle], in: Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XX [Complete Collection of Russian Chronicles. T. XX], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005, 702 p. [in Russian].

RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] [in Russian].

RIB. VI – Pamyatniki drevne-russkogo kanonicheskogo prava. Ch. 1. (Pamyatniki XI–XV v.). Izdanie vtoroe [Monuments of Ancient Russian canon law. Part 1. (Monuments XI–XV centuries). Second Edition], in: Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya imperatorskoyu Arkheograficheskoyu komissieyu. T. VI [Russian Historical Library, published by the Imperial Archeological Commission. T. VI], St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1908 [in Russian].

RIIR. Vyp. 2 – Redkie istochniki po istorii Rossii. Vyp. 2: Novye rodoslovnye knigi XVI v. / Podg. Z.N. Bochkareva, M.E. Bychkova [Rare sources on the history of Russia. Vol. 2: New genealogical books of the XVI century / Prep. Z.N. Bochkareva, M.E. Bychkova], Moscow, Nauka Publ., 1977, 186 p. [in Russian].

Rodoslovnaya kniga 1787. Ch. I – Rodoslovnaya kniga knyazey i dvoryan rossiyskikh i vyezzhikh. Ch. I [Pedigree book of princes and noblemen Russian and leaving. Part I], Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1787, 382 p. [in Russian].

Rodoslovnaya kniga 1851 – Rodoslovnaya kniga po trem spiskam s predisloviem i azbuchnym ukazatelem [Pedigree book with a foreword by three lists and the alphabetic index], in: Vremennik Imperatorskago obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. Kn. 10 [Annals Imperial Society of Russian History and Antiquities. Bk. 10], Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1851, pp. 1–286 [in Russian].

Rodoslovnaya kniga 1913 – Rodoslovnaya keleynaya kniga svyateyshago gosudarya Filareta Nikiticha patriarkha vseya Rossii [Pedigree privately holy book sovereign Filaret Nikitich Patriarch of All Russia], in: Yubileynyy sbornik Imperatorskago S.-Peterburgskago arkheologicheskago instituta. 1613–1913 [Jubilee collection of Imperial St. Petersburg Archaeological Institute. 1613–1913], St. Petersburg, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1913, 145 p. [in Russian].

Sbornik Mukhanova 1836 – Sbornik Mukhanova [Collection of Mukhanov], Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1836, 320 p. [in Russian].

Shekov 2012 – *Shekov A.V.* Verkhovskie knyazhestva. Seredina XIII – seredina XVI vv. [Verkhovsky principalities. Mid XIII – middle of the XVI centuries], Moscow, Kvadriga, Russkaya panorama Publ., 2012, 364 p. [in Russian].

SIRIO. T. 35 – Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim. T. I. (S 1487 po 1533 god) [Monuments of the Moscow State diplomatic relations with the Polish-Lithuanian. T. I. (From 1487 to 1533 year)], in: Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 35 [Proceedings of the Imperial Russian Historical Society. T. 35], St. Petersburg, Tipografiya F. Eleonskago i Ko. Publ., 1892, 892 p. [in Russian].

Troitskiy 2002 – *Troitskiy N.I.* Odoevskiy Anastasov Bogoroditse-Rozhdestvenskiy monastyr' (uprazdnennyy) [Odoyevski Anastasov Nativity monastery (abolished)], in: Tul'skie drevnosti [Tula ancient times], Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2002, pp. 261–287 [in Russian].

Vlas'ev 1906 – *Vlas'ev G.A.* Potomstvo Ryurika. T. 1. Knyaz'ya Chernigovskie. Ch. 1 [Progeny Rurik. T. 1. Princes of Chernigov. Part 1], St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1906, 684 p. [in Russian].

Voytovich 2006 – *Voytovich L.V.* Knyazha doba: portreti eliti [Princely period: portraits of the elite], Bila Tserkva, Vid. Oleksandr Pshonkivs'kiy Publ., 2006, 782 p. [in Russian].

Wolff 1895 – *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku [Lithuanian and Russian princes from the end of the fourteenth century], Warszawa, Drukiem J. Filipowicza Publ., 1895, 723 p. [in Polish].

Zimin 1982 – *Zimin A.A.* Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletiy [Russia at the turn of the XV–XVI centuries], Moscow, Mysl' Publ., 1982, 336 p. [in Russian].

Zotov 1892 – *Zotov R.V.* O chernigovskikh knyaz'yakh po Lyubetskomu sinodiku i o Chernigovskom knyazhestve v tatarskoe vremya [About Chernigov Prince of Lyubetsky Synodikon and Chernigov principality in Tatar time], St. Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh Publ., 1892, 378 p. [in Russian].

Беспалов Роман Анатольевич – Историк, независимый исследователь (Белёв, Россия).
Bespalov Roman – Historian, independent researcher (Belyov, Russia).
E-mail: gostunsky@gmail.com

УДК 94(367)

ЧИТАЯ В.В. СЕДОВА. «ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДНК-ГЕНЕАЛОГИИ

А.А. Клёсов
Академия ДНК-генеалогии (Бостон, США)
e-mail: aklyosov@comcast.net
Scopus Author ID: 7003273360
http://orcid.org/0000-0002-0669-3448

Авторское резюме

За 35 лет, прошедшие со времени публикации книги В.В. Седова «Происхождение и ранняя история славян», возникло новое направление в науке, получившее название ДНК-генеалогии. Оно оперирует количественными закономерностями мутаций в ДНК, выраженными в виде характерных «подписей» отдельных нуклеотидов и их блоков, (почти) строго передаваемых по наследству – от отца к сыну – по практически бесконечной цепочке поколений. Это направление оказывается плодотворным и при изучении происхождения славян и их ранней истории, причем позволяет пройти с полным на то основанием к древним корням славян, например, фатьяновской археологической культуры середины III — середины II тысячелетия до н.э., то есть примерно 4500–3500 лет назад, на территории центральной России, а до этого – культуры шнуровой керамики, начиная с III тыс. до н.э., примерно 5000 лет назад (обе предположительно гаплогруппы R1a-Z280). На этом историческом пути предков славян четко идентифицируется, например, поморская археологическая культура (7-й – 3-й век до н.э.), которой особое внимание уделял академик В.В. Седов в указанной книге. С точки зрения ДНК-генеалогии эта культура относилось предположительно к гаплогруппе R1a-Z280-L365, с датировкой 400±250 лет до н.э. Задача данной статьи состоит не в критике воззрений В.В. Седова с позиций современного знания, а в заполнении пробелов, лакун в истории славян, которые современная историческая наука пока не смогла заполнить обоснованными данными и их интерпретациями. Главный вывод статьи – что в объединении усилий специалистов в историков, археологии, ДНК-генеалогии и сопряженных дисциплин находится ключ к созданию максимально непротиворечивой концепции о происхождении и ранней истории славян.

Ключевые слова: В.В. Седов, ДНК-генеалогия, славяне.

READING OF «THE ORIGIN AND EARLY HISTORY OF SLAVS» BY V.V. SEDOV FROM A VIEWPOINT OF DNA GENEALOGY

Anatole Klyosov
The Academy of DNA Genealogy (Boston, USA)
e-mail: aklyosov@comcast.net

Abstract

The book «The origin and early history of Slavs» by V.V. Sedov was published more than 35 years ago, and since then a new direction in science has emerged, which was named DNA Genealogy. It operates with distinct «signatures» of nucleotides and their combinations, which are (almost) precisely transmitted

from father to son along practically endless chain of generations. Said new science has appeared to be very fruitful in studies of history of peoples, including origin of the Slavs and their early history. It allowed to look, and quite justifiably, into very ancient roots of the Slavs, including those in the Fatyanovo archaeological culture, 2500 BC – 1500 BC, in the Central Russia region, and Corded Ware culture as an eastern extension into Russia, of 3000 BC and later. In DNA genealogy, the both culture apparently belonged to R1a-Z280 haplogroup/subclade. On this way to the present-day Slavs the Pomor (Pomeran) archaeological culture (the 7th century BC to the 3rd century BC) was identified a long time ago, and V.V. Sedov has paid a particular attention to that culture in said book. DNA genealogy has clearly identified the Pomor culture as R1a-Z280-L365 (400±250 BC). Overall, the presented paper is focusing not on a critique of views of V.V. Sedov from a position of new knowledge, but in filling up some gaps in origin and early history of the Slavs missed by historians due to lack of data, hence, interpretations. The presented paper calls for joint efforts of historians, archaeologists, DNA genealogists and related disciplines, which would result in a consistent theory on origin and early history of the Slavs.

Keywords: V.V. Sedov, Slavs, DNA Genealogy.

* * *

В.В. Седов начинает изложение истории изучения проблемы происхождения славян с того, что последовательно рассматривает возможности различных наук в освещении славянского этногенеза. Первым он подробно расматривает вклад языкознания в изучение данного вопроса, и показывает системные противоречия в выводах различных исследователей. Это касается упрощенного рассмотрения, особенно в работах ранних лингвистов, распада индоевропейского языка, и В.В. Седов подчеркивает, что распад ИЕ общности был не одноактным, а весьма сложным процессом, и прошел через ряд этапов и длился тысячелетия, проходя через промежуточные этноязыковые образования и в отдельных случаях через серии промежуточных групп.

Неоднозначны датировки появления праславянского языка – около 400 г. до н.э. (М. Фасмер), середина I тыс. до н.э. (Т. Лер-Сплавинский), «праславянский язык в I тыс. н.э. и в века, непосредственно предшествующие нашей эре, несомненно существовал» (Ф.П. Филин), появление балто-славян и последующий распад на балтов и славян происходил 800–500 лет до н.э. (Г. Трегер и Х. Смит), но в то же время «*многие многие современные лингвисты отрицают гипотезу о существовании в древности балто-славянского языка*», как и «*балтский и на окраине славянский... развились из древнеевропейской группы, которая существовала в II тыс до н.э.*» (Х. Крае), «*отдаленные предки славян... во II тысячелетии жили в Центральной Европ*е» - промежуточный вывод В.В. Седова, после чего он добавляет – «*Ничего более определенного по истории этого далекого периода на основе лингвистических данных сказать невозможно*», и, наконец, «*Славянский языковый материал для истории праславянских племен дает очень немного*».

Говоря о предполагаемых многими иследователями контактах праславян с балтами, В.В. Седов отмечает – «*Независимо от того, в какой форме проявлялись эти контакты, остается неомненным, что праславяне длительное время соседствовали с балтскими племенами*», но тут же замечает – «*на вопрос о том, где проходила граница между славянами и балтами, лингвисты отвечают неоднозначно. Одни исследователи считают, что праславяне жили южнее балтов, т.е. в Среднем Поднепровье и Припятском*

Полесье, другие локализуют праславян юго-западнее балтского ареала, т.е. в бассейне Вислы и Одера».

В отношении «славяно-иранских» языковых связей В.В. Седов отмечает важность соответствующих исследований, которые «*свидетельствуют о значительности славяно-иранских лексических схождений и об иранском воздействии на славянскую фонетику и грамматику*». Эти данные «*позволили размещать славянскую прародину в Среднем Поднепровье*». «*Как оказалось*» – пишет В.В. Седов – «*балты находились в тесном контакте с иранцами, что зафиксировано десятками балтских лексических заимствований из иранского и совместными новообразованиями*».

Рассмотрел В.В. Седов, хотя и кратко, результаты исследований древнекельтского влияния на праславянскую речь. Как он пишет – «*Можно думать, что славянам в древности приходилось общаться с кельтскими племенами. Одноко от кельтских языков Средней Европы не осталось почти никаких следов, а западнокельтские диалекты существенно отличны от них. Поэтому гипотезы о славяно-кельтских языковых связях часто не принимаются во внимание. Остаются несомненными лишь несколько праславянских слов, хорошо этимологизирующихся на почве кельтских языков*».

Завершает В.В. Седов данный раздел о роли языкознания в изучении этногенеза славян опять весьма пессимистически – «*Сказанным, пожалуй, исчерпывается всё, что могут дать в настоящее время данные языкознания для освещения проблемы происхождения и древнейшей истории славян... в изучении деталей этногенетического процесса славян лингвистика далеко не всесильна...*».

Достаточно пессимистичен, а скорее реалистичен, В.В. Седов и в оценке роли топонимики в исследованиях происхождения и ранней истории славян. Он пишет – «*До недавнего времени в научной литературе господствовало ошибочное положение, согласно которому областью первоначального жительства славян считались районы наибольшего сосредоточения славянской гидронимики или районы с чисто славянскими водными названиями. В действительности наблюдается обратная картина…*», а именно, что это оказываются районы миграций, в том числе и миграций недавних. От себя добавим, что, действительно, когда одни и те же наблюдения могут истолковываться либо как древние, либо как недавние, то ценность таких толкований невелика. Помимо того, как отмечает В.В. Седов, «*праславянская гидронимика пока не поддается стратиграфическому членению*». Тем не менее, исходя из наблюдений Т. Лер-Сплавинского и С. Роспонда относительно водных названий на пространстве между Одером и Днепром и выделения ими зоны первичной гидронимики (басейны Одера и Вислы) и зоны с производными словообразовательными формами (Среднее Поднепровье), В.В. Седов полагает, что «*междуречье Вислы и Одера нужно рассматривать в качестве более древнего славянского ареала*».

Далее В.В. Седов рассматривает самые рание сведения древних авторов о славянах, отмечая, что они относятся только к первым векам нашей эры, и сообщает – «*на основе данных Плиния, Тацита и Птолемея можно полагать, что в первых столетиях нашей эоы славяне обитали где-то между Балтийским морем и Карпатами, в бассейне Вислы, а может быть, и в более восточных районах*». После этого заключает – «*эти данные весьма отрывочны, а в географическом отношении не конкретны. Для исследования проблемы происхождения и этногенеза ранних славян они имеют*

вспомогательное значение». Он также воспроизводит описания венедов историком VI в. Иорданом, который свидетельствовал, что «*многолюдное племя венетов... ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов*», и заключает – «*По Иордану, венеды суть славяне*». Впервые этноним «венеды» встречается в Естественной истории Плиния, и затем их упоминает Тацит. Как резюмирует В.В. Седов, «*Информация о венедах в письменных источниках первой половины I тысячелетия н.э. этим и ограничивается. На основе данных Плиния, Тацита и Птолемея можно полагать, что в первых тысячелетиях нашей эры славяне обитали где-то между Балтийским морем и Карпатами, в басейне Вислы, а может быть, и в более восточных районах. В III-IV вв. н.э. их территория расширяется, охватывая области Поднестровья*».

Упоминает В.В. Седов и Нестора, составителя летописи «Повесть временных лет», «*повествующей о расселении славян из Нижнего Подунавья и Паннонии*». При этом В.В. Седов ссылается на Б.А. Рыбакова, который «пришел к заключению, что летописная фраза «*По мнозѣхъ же временѣхъ сѣлѣ суть словени по Дунаеви...*» должна быть переставлена в другое место – туда, где описываются миграции кочевнических орд на Балканы. И, следовательно... речь идет не о размещении Нестором прародины славян на Дунае, а о славянском освоении Балканского полуострова, в V-VI вв. н. э.». Мы только можем добавить к словам В.В. Седова то, что в тексте Нестора в «Повести временных лет», который приводит В.Н. Татищев, прародина славян вообще размещена не на Дунае, а «язык словенск от племени Афетова, нарицаемии норцы (5), яже суть словяне, жили[3] близ Сирии и в Пафлагонии» (Татищев 1994: 29). Воздержимся здесь от обсуждения того, как «норцы» по Нестору в изложении В.Н. Татищева превратились в выходцев из альпийского Норика, и каковых цитируют многие поколения российских историков. Осталось только добавить, что Пафлагония в западной части Малой Азии располагалась на Черноморском побережье относительно недалеко от Лидии и Трои.

Надо, впрочем, сказать, что приведенный вариант В.Н. Татищева не совпадает с переводом Д.С. Лихачева и с другими имеющимися в наличии летописями, в которых содержится ПВЛ. Почему такое несовпадение, и какое изложение – Татищева или другие, принятые сейчас варианты, более верно отражают исходный текст ПВЛ, для меня остается загадкой. И Татищев вряд ли присочинил, он очень скрупулезно работал с текстами, и странно, если другие летописи так существенно отредактировали Нестора, или это уже более поздние редакции – непонятно. Много загадок в русской истории и ее изложении.

При рассмотрении антропологических данных в отношении происхождения и ранней истории славян В.В. Седов весьма краток, отмечает, что «*славяне в разных регионах своего расселения имели различное антропологическое строение. Антропологического типа, характерного исключительно для славян, в средние века, а очевидно, и в более ранее время, не существовало*» и «*сопоставление антропологических материалов, разорванных трехтысячелетним периодом господства обряда трупо-сожжения, носит гипотетический характер и не может быть использовано для серьезных выводов*», и заключает – «*Полное отсутствие краниологических материалов по ранней истории славян делает антропологию в исследовании славянского этногенетического процесса вспомогательной наукой*».

Наконец, раздел «Этнография и фольклористика», занимающий в книге В.В. Седова всего два коротких абзаца, резюмирует, что соответствующие данные – «*научно не обработаны и не систематизированы*», и требуют «*составления общеславянских и региональных этнографических атласов*».

После этого В.В. Седов переходит к главному разделу книги – «Археология и этногенез славян». Этот раздел фактически занимает всю оставшуюся часть книги, и является по сути обоснованием основной концепции В.В. Седова о происхождении и ранней истории славян. Эта концепция в крайне сжатом виде состоит из двух основных положений:

(1) первой славянской культурой является культура подклёшевых погребений (IV-I вв. до н.э.), которая сформировалась на основе лужицкой культуры (XII-IV вв. до н.э.) и поморской культуры (VI-II вв. до н.э.), и

(2) славяне сформировались на западной, висленской прародине, а не восточной, днепровской.

Материал данного раздела книги В.В. Седова состоит из детализации и обоснования этих двух положений, и полемики с оппонентами, которые размещали «прародину» славян, напротив, в восточном, днепровском ареале.

Автор не будет полемизировать с выводами В.В. Седова об ограниченности лингвистических и антропологических данных и аргументов в отношении происхождения и ранней истории славян, и с выводами В.В. Седова в этом отношении полностью согласен. Автор не будет полемизировать и с основными двумя положениями концепции В.В. Седова, изложенными выше, он их полностью принимает в том виде, в котором они приведены. Если В.В. Седов и многочисленные археологи полагают, что археологические и прочие данные согласуются с тем, что поморская и лужицкая культуры сформировали культуру подклёшевых погребений в IV-I вв. до н.э., причем сформировали в басейне Вислы или Висло-Одерском междуречье, и именно эта культура и производные из нее отличаются наиболее характерными материальными признаками славян, то так тому и быть.

Не в полемике с В.В. Седовым задача настоящей статьи, а том, чтобы по возможности дополнить, заполнить белые (и серые) пятна и обширные лакуны, которые оставляют данные лингвистики, антропологии и археологии, как и других, сопряженных наук, в происхождении и ранней истории тех племен, кланов и народов, которые были предками как праславян II-I тыс. до н.э., так и славян I тыс. н.э., славян средневековья и вплоть до славян современности. Задача, цель этой статьи – показать и проиллюстрировать методологию новой науки под названием ДНК-генеалогия, показать ее на примере данного конкретного рассмотрения. При решении данной задачи автор будет следовать положению В.В. Седова, которое автор полностью разделяет – «*Совместные решения этногенетических проблем представителями разных наук возможны только при том условии, что выводы каждой отрасли науки покоятся на собственных материалах, а не навеяны данными смежной науки*». Действительно, в данной статье будут даны результаты иследований ДНК-генеалогии, без оглядки на результаты лингвистики и археологии, и в любом случае без подгонки под их соответствующие результаты и выводы. Преимущество такого подхода двойное – если результаты и выводы совпадут, это даст им дополнительную

поддержку. Если они не совпадут, причем не совпадут принципиально, не в «пределах погрешности», это даст возможность совместно проанализировать причины несовпадений, внимательно посмотреть на сделанные приближения и допущения, приведшие к разногласиям, и, возможно, выявить то, что не было рассмотрено или было упущено при расмотрении. Это относится ко всем сторонам, получившим конфликтующие данные и выводы.

Поскольку ДНК-генеалогия большинству историков незнакома, а некоторым – только понаслышке, то в ходе рассмотрения соответствующих данных методология исследования будет комментироваться и поясняться. Несколько иллюстраций возможностей ДНК-генеалогии при рассмотрении исторических положений.

Генезис поморской культуры в историческом контексте ДНК-генеалогии

Приведем вводный, но показательный пример. Он относится к поморской, или, как ее называют на Западе, померанской культуре. Она играла, по концепции В.В. Седова, важнейшую роль в начальном становлении славянства. Эта культура датируется в археологии периодом VI-II вв. до н.э., и предшествует культуре подклешевых погребений (IV-I вв. до н.э.). Люди, которые живут в настоящее время на территории этой культуры, имеют характерные метки в своих ДНК, которые передаются из поколения в поколение на протяжении тысячелетий, и практически бесконечно. Речь здесь идет о необратимых мутациях в Y-хромосоме, то есть мужской половой хромосоме ДНК, называемых снипами (от сокращения SNP, то есть Single Nucleotide Polymorphism, в примерном переводе «многообразие единичных нуклеотидов»). Снип – это обычно ошибка при копировании нуклеотида (или коротких фрагментов, составленных из нуклеотидов), когда биологическая машина, копирующая ДНК в клеточном ядре, ошибается, и вместо одного нуклеотида в копии получается другой, и если репарационная система это «повреждение» не исправляет, то этот «неправильный» нуклеотид остается в Y-хромосоме навсегда (поскольку Y-хромосома не рекомбинируется с фрагментами других хромосом ДНК, передающейся сыну от его матери). В наших ДНК есть тысячи снипов, которые возникли миллионы лет назад, например, в общих предках будущих людей и шимпанзе, и они продолжают передаваться по наследству из поколения в поколение. Оттого и «многообразие единичных нуклеотидов», то есть исходных и мутированных, превращенных при ошибке копирования в другие нуклеотиды (Клёсов 2011).

Так вот, примерно 2700 лет назад при переходе ДНК от некоего отца к его сыну, что в итоге привело к рождению мальчика, в нуклеотиде под номером 21 миллион 628 тысяч 667 (всего в Y-хромосоме примерно 58 миллионов нуклеотидов) под названием тимин произошла мутация – вместо тимина там оказался «скопированным» цитозин. Иначе говоря, миллионы лет из поколения в поколение там копировался тимин, и вдруг оказался цитозин. И это уже навсегда. Все потомки-мальчики (у женщин Y-хромосомы нет) уже будут иметь там цитозин, и это без труда выявляется при изучении последовательности Y-хромосомы или ее

фрагментов (так называемом секвенировании ДНК). А у всех других там продолжает оставаться тимин. Такая снип-мутация (в нуклеотиде под указанным выше номером) получила в классификации наименование R1a-L365, и при массовом ДНК-тестировании мужского населения носители L365, как и любой другой снип-мутации, легко выявляются. Они вносят в базу данных место жительства своих наиболее отдаленных, но известных им предков, и таким образом очерчивается ареал обитания потомков каждого снипа (Клёсов 2015).

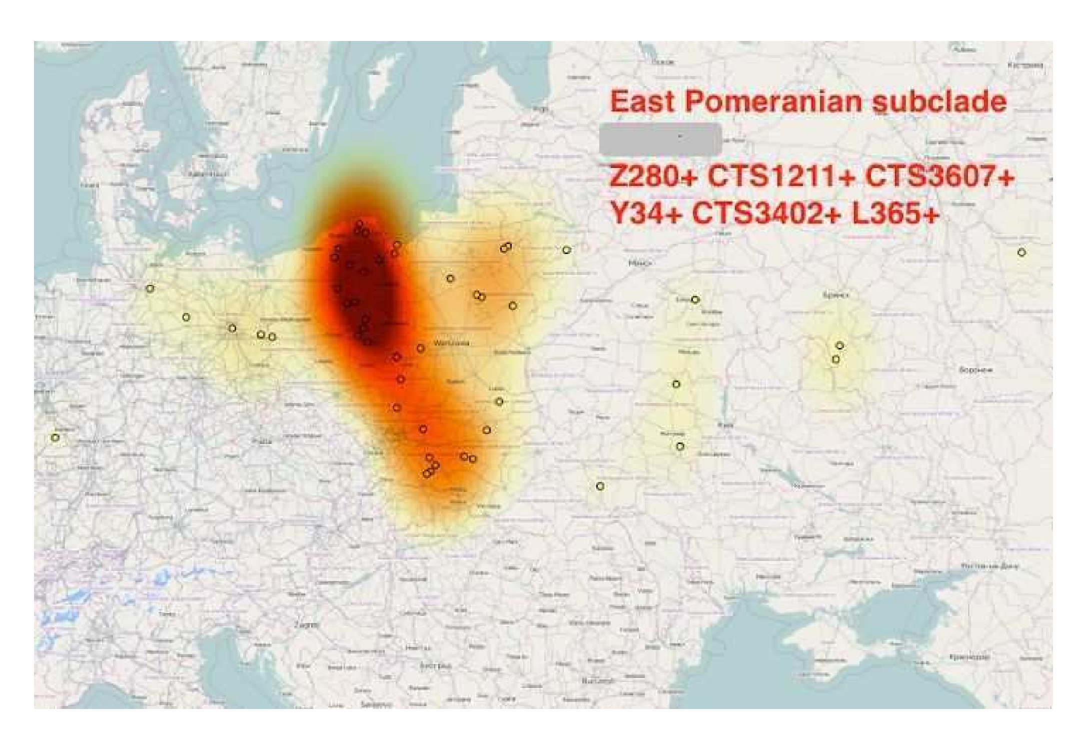

Рис. 1. Ареал современного расселения потомков поморской (померанской) культуры, имеющих в своих ДНК метку (снип) R1a-L365. Общий предок носителей данного снипа жил 400±250 лет до н.э. (датировка по гаплотипам, наши данные) и 700±700 лет до н.э. (датировка по снипам, данные компании YFull).

На карте показан ареал обитания потомков снипа R1a-L365. Он совпадает с ареалом поморской археологической культуры. Но совпадает не только ареал, совпадают датировки. Датировка появления снипа R1a-L365 по геномным данным (по снипам) определена примерно как 700 лет до н.э. (http://www.yfull.com/tree/R1a/), с определенной погрешностью, которая будет показана ниже. Другой способ определения датировок – вычисление времени до общего предка носителей снипа, в данном случае R1a-L365, по мутациям в гаплотипах. Гаплотипы – это совокупность определенных фрагментов (маркеров) Y-хромосомы, в которых происходят обратимые мутации со средней скоростью, которая определяется путем независимых калибровок по данным документальной генеалогии и известным историческим событиям. В данном случае набор из 73 гаплотипов, каждый из которых содержал 67 маркеров, то есть расчет по 4891 маркерам в ДНК потомков поморской культуры, и в которых суммарно накопилось 762 мутации, показывает, что общий предок этих потомков жил 2400±250 лет назад, то есть 400±250 лет до н.э. (Клёсов 2015: 75-102).

Показанный пример иллюстрирует положение ДНК-генеалогии, которое на первый взгляд представляется почти невероятным – многочисленные потомки древних археологических культур и прочих древних популяций, племен, кланов, живут на тех же местах, на которых жили их предки. Разумеется, многие передвинулись на новые места, но многие остались. Консерватизм людей по отношению к местам обитания предков при рассмотрении данных ДНК-генеалогии впечатляет, и таких примеров можно приводить множество. При «картировании» континентов по снипам, субкладам, гаплогруппам (последнее – это совокупность родственных субкладов, происходящих от еще более древних общих предков, а субклад – это совокупность носителей одних и тех же снипов) часто довольно четко выявляются шлейфы древних миграций, локализации древних археологических культур, а изучение ископаемых ДНК, извлекаемых из скелетных останков при археологических раскопках, позволяет проверять, уточнять и дополнять картины древних миграций и локализации археологических культур. Примеры будут даны ниже.

Итак, на карте выше показан ареал жизни потомков древней поморской (померанской) культуры, который совпадает с локализацией самой культуры, и в принципе с ее археологической датировкой, подтвержденной двумя независимыми способами при изучении картины мутаций в ДНК потомков (как будет показано ниже, метод расчета по снипам менее точный, но принципиально независимый). Общий предок современных потомков этой культуры жил примерно в середине I тыс до н.э. ДНК-метка культуры – снип R1a-L365.

Но на самом деле эти данные дают значительно больше информации для более углубленного изучения вопроса о генезисе культур и древних миграциях, которые зачастую являлись связками между древними культурами. На карте выше приведена последовательность символов Z280, CTS1211, CTS3607, Y34, CTS3402, L365. Отнесение последнего мы уже выяснили, это в хорошем приближении метка поморской культуры. Другие индексы относятся к вышестоящим снипам, есть и нижестоящие, на карте не показанные.

В целом по современному состоянию знаний (см. диаграмму ниже) снип R1a-L365 является лишь эпизодом в системе снипов, нисходящих от R1a-Z280, который образовался (тоже путем случайной мутации) примерно 2900 лет до н.э., и который, видимо, маркирует культуру шнуровой керамики. На диаграмме выше снип Z280 самый верхний. Это – так называемый субклад Русской равнины. От него нисходят три субклада – самый древний S24902 (центрально-евразийская ветвь, образована примерно 2800 лет до н.э.), Z92 (северо-евразийская ветвь, образована примерно 2600 лет до н.э.), и такая же по датировке и наиболее обширная CTS1211 (карпатская ветвь, образовалась примерно 2800 лет до н.э.). Одна из них представляет, видимо, фатьяновскую культуру, или пересекается с ней, потому что субклады не обязательно и безоговорочно характеризуют одну археологическую культуру, в исторической науке рассматриваются и полиэтнические культуры, или так они, во всяком случае, интерпретируются.

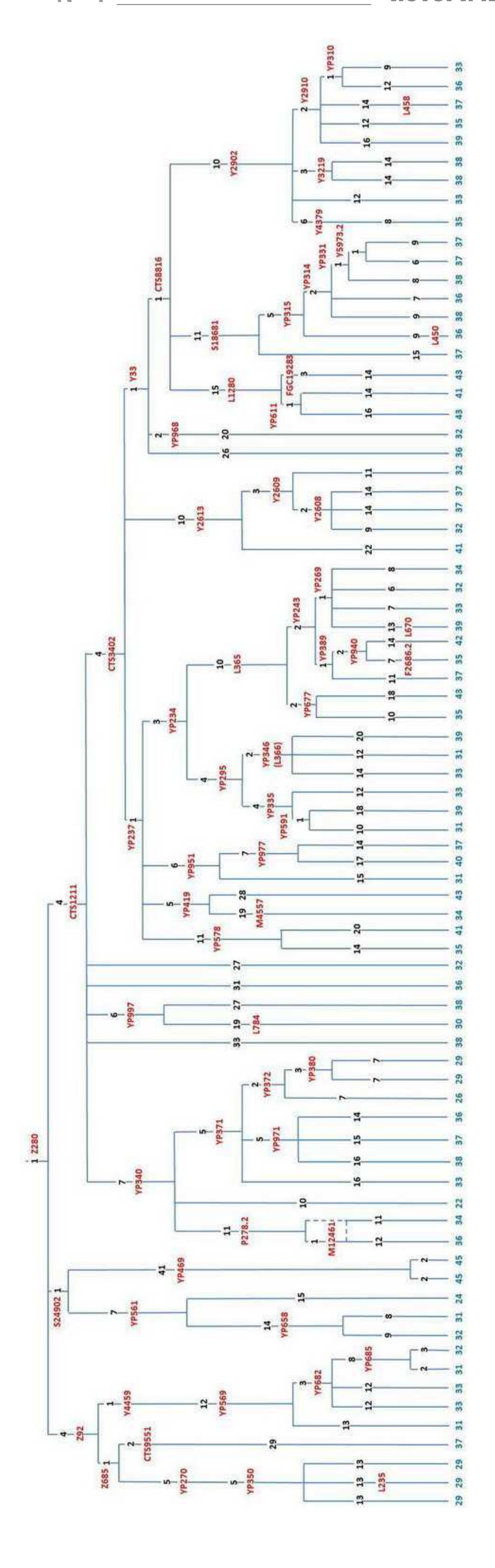

Рис. 2. Диаграмма нисходящих снипов (необратимых меток в Y-хромосоме) от субклада R1a-Z280, предположительно маркирующего культуру шнуровой керамики. Снип Z280 образовался примерно 2900 лет до н.э. Снип L365 (предположительно поморской культуры) находится в средней части справа. Диаграмма имеет общий иллюстративный характер, и более подробно показывает снип L365 при увеличении на рис. 3. Числа внизу диаграммы – суммарное количество снипов от образования Z280 до настоящего времени, то есть в Y-хромосомах тех, у кого идентифицировали показанные снипы. Диаграмма составлена компанией YFull. В принципе, числа внизу должны быть все одинаковыми, и их реальный разброс отражает реальную погрешность метода датировок по снипам.

Но поскольку каждый субклад по определению происходит от одного общего предка, патриарха, и культуры в древности с хорошей вероятностью объединяли родственные кланы, то гипотеза о том, что субклады и гаплогруппы (совокупности родственных субкладов) могут во многих случаях соответствовать археологическим культурам, не лишена смысла. Дискутировать по этому поводу бесполезно, это можно только проверять на практике, соотнося культуры и гаплогруппы-субклады.

Возвращаясь к поморской культуре как предтече славянской культуре подклешевых погребений (IV-I вв. до н.э.), мы видим, что ей предшествует целый ряд субкладов, более наглядно показанных на рис. 3. После уже упомянутых снипов R1a-Z280 и CTS1211 следуют CTS3402 и YP237 (оба образовались примерно 2300 лет до н.э.), YP234 (1300 лет до н.э.), который может маркировать лужицкую культру, далее снип L365, предположительно маркирующий поморскую культуру, с датировкой 400±250 лет до н.э., и далее идут снипы, которые могут маркировать последующие славянские пшеворскую, зарубинецкую и другие культуры - с примерными датировками 100 лет н.э. (YP243) и 200 лет н.э. (YP389, YP269, YP940, F2686.2).

Возвращаясь к поморской культуре как предтече славянской культуре подклешевых погребений (IV-I вв. до н.э.), мы видим, что ей предшествует целый ряд субкладов, более наглядно показанных на рис. 3. После уже упомянутых снипов R1a-Z280 и CTS1211 следуют CTS3402 и YP237 (оба образовались примерно 2300 лет до н.э.), YP234 (1300 лет до н.э.), который может маркировать лужицкую культру, далее снип L365, предположительно маркирующий поморскую культуру, с датировкой 400±250 лет до н.э., и далее идут снипы, которые могут маркировать последующие славянские пшеворскую, зарубинецкую и другие культуры - с примерными датировками 100 лет н.э. (YP243) и 200 лет н.э. (YP389, YP269, YP940, F2686.2).

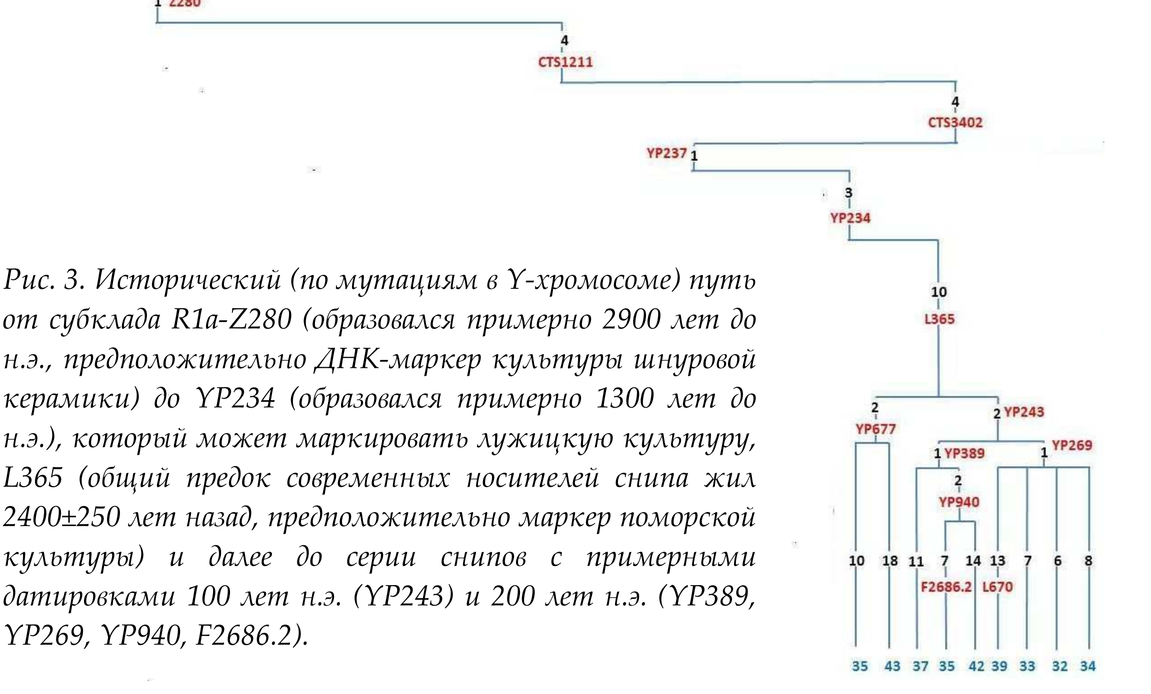

Рис. 3. Исторический (по мутациям в Y-хромосоме) путь от субклада R1a-Z280 (образовался примерно 2900 лет до н.э., предположительно ДНК-маркер культуры шнуровой керамики) до YP234 (образовался примерно 1300 лет до н.э.), который может маркировать лужицкую культуру, L365 (общий предок современных носителей снипа жил 2400±250 лет назад, предположительно маркер поморской культуры) и далее до серии снипов с примерными датировками 100 лет н.э. (YP243) и 200 лет н.э. (YP389, YP269, YP940, F2686.2).

Отнесение этих снипов к определенным культурам возможно только в сотрудничестве с археологами. Описанный выше материал приведен здесь скорее как иллюстрация возможностей ДНК-генеалогии в сотрудничестве с историками и археологами. Эти данные показывают, что снипы, предположительно маркирующие культуру шнуровой керамики, фатьяновскую культуру, культуры срубной культурно-исторической общности, лужицкую, поморскую, пшеворскую, зарубинскую и другие археологические культуры, являются звеньями в непрерывной цепи снипов, каждый из которых можно вполне определенно датировать и относить к определенным географическим регионам. Если к этому добавить ископаемые ДНК, которые тоже типируются (то есть характеризуются) на снипы и гаплотипы, то при сопоставлении этих данных с материальными признаками, изучаемыми археологией, можно не только верифицировать имеющуюся в наличии и продолжающую поступать научную информацию, но переходить на другой уровень исторического анализа.

О гаплогруппах

В предыдущем разделе были названы несколько субкладов с индексами R1a, такие, как R1a-L365, R1a-Z280, остальные по умолчанию тоже относились к гаплогруппе R1a, поскольку они были нижеследующими на лесенке субкладов. Поскольку ниже речь пойдет о других гаплогруппах, надо дать определение гаплогруппам. Как было упомянуто выше, гаплогруппа – это совокупность родственных субкладов, происходящих по цепочке от еще более древних общих предков, а субклад – это совокупность носителей одних и тех же снипов. Раз снипы одни и те же, то ясно, что все их носители, то есть в данном случае мужчины, произошли от одного общего предка, патриарха, в ДНК которого этот снип впервые образовался. Фактически это есть общепринятое определение рода, что есть совокупность всех поколений людей, происходящих от одного предка.

Ясно, что при определении рода речь может идти только о роде или по мужской линии, или по женской, поскольку смешанных родов быть не может. Вспомним генеалогические деревья предков, они обычно строились по мужской линии, потому что введение женской линии делает дерево уже при нескольких поколениях вниз практически нечитаемым.

Соответственно, ДНК-генеалогия рассматривает род или по мужской линии, то есть по Y-хромосоме, или по женской, по митохондриальной ДНК. В настоящей работе мы расматриваем только рода по мужской линии. В терминах ДНК-генеалогии эти основные рода, рода верхнего уровня, называются гаплогруппами, которые в свою очередь подразделяются на множество субкладов. Ряд субкладов охватывают сотни миллионов человек, и часто тоже называются гаплогруппами, как, например, R1a и R1b, хотя, строго говоря, их гаплогруппой (верхнего уровня) является гаплогруппа R. Поэтому четкого разделения между понятиями «гаплогруппа» и «субклад» нет, использование того или иного термина определяется контекстом.

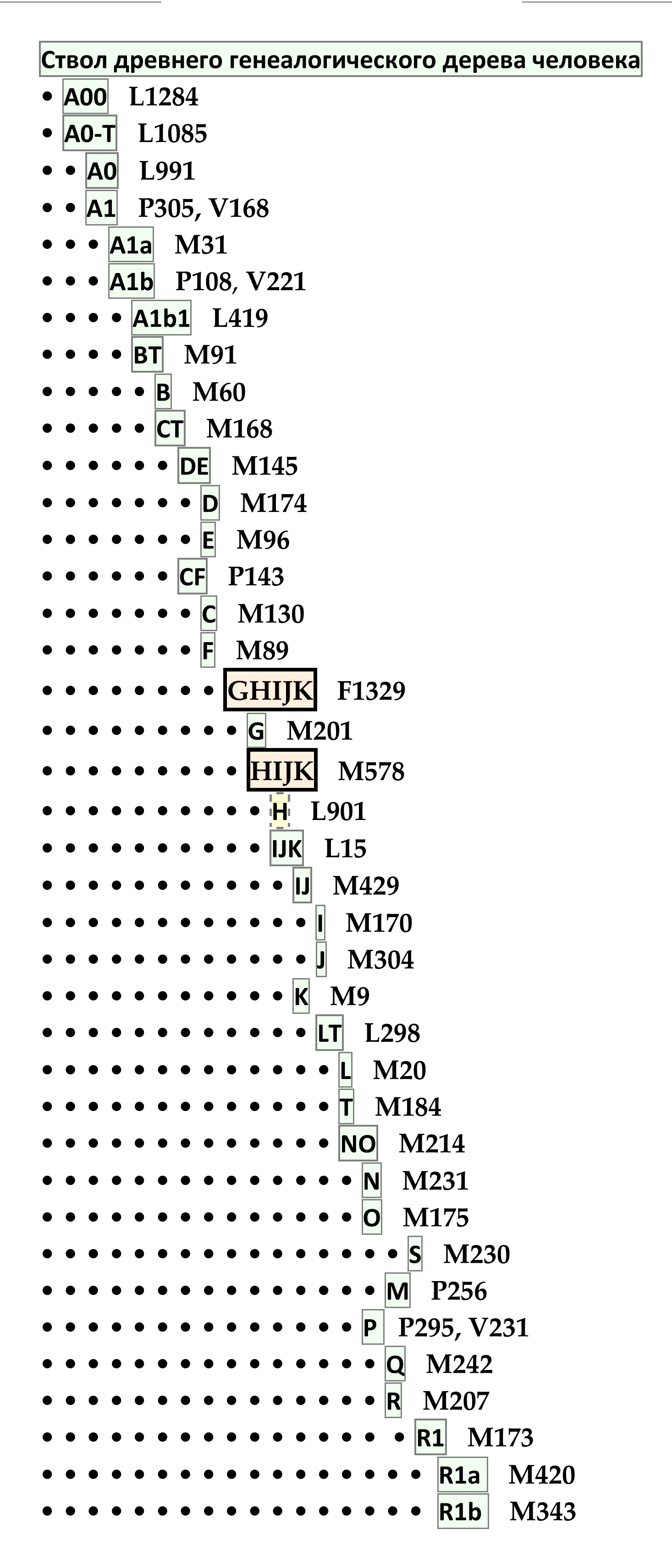
Как и у субкладов, в основе каждой гаплогруппы был общий предок, патриах гаплогруппы, в Y-хромосоме которого произошла определенная мутация, присущая только данной гаплогруппе. Естественно, эта мутация присутствует у носителя каждого субклада в данной гаплогруппе. Например, гаплогруппа R1a, доминирующая гаплогруппа (род) этнических русских, включает 66 субкладов (по классификации ISOGG, международного общества, которое занимается регистрацией гаплогрупп и субкладов, и регулярно вносит изменения и дополнения в классификацию), а гаплогруппа R1b, доминирующая в Западной и Центральной Европе, насчитывает 471 субкладов. Обе гаплогруппы произошли примерно в одно и то же время, но вторая гаплогруппа изучается значительно большими научными силами, потому и субкладов идентифицировали большее количество. Обе гаплогруппы входят в гаплогруппу R1, а та – в гаплогруппу R, гаплогруппу верхнего уровня.

В итоге гаплогруппы (верхнего уровня) не просто соответствуют определённым родам, но образуют определённую последовательность, лестницу гаплогрупп, показывающих их иерархию — последовательный, ступенчатый переход от разветвления эволюционного дерева гаплогрупп на африканские и неафриканские гаплогруппы (по их нынешнему месту жительства), которое произошло примерно 160 тыс. лет назад, до самой недавней гаплогруппы R, образовавшейся примерно 30 тысяч лет назад. Эта лестница называется филогенетическим деревом гаплогрупп и их снипов. Все гаплогруппы и субклады на дереве должны включать снипы «вышестоящих» гаплогрупп и субкладов. То есть принцип «лестницы» должен выполняться. Преемственность узловых родов человечества должна соблюдаться.

Всего в мире насчитывают 20 основных гаплогрупп, которые обозначают буквами латинского алфавита, от A до T, хотя систему порой нарушают. В последнее время в классификацию добавили гаплогруппы A0 и A00, хотя их носителей обнаружили считанные единицы, все они живут в Африке или среди афроамериканцев (Klyosov et al. 2012; Elhaik et al. 2014). Но они настолько отстоят по снип-мутациям от всех остальных людей на Земле (тестированных на мутации в ДНК), что их пришлось выделить в отдельный род-гаплогруппу.

Помимо этого, были идентифицированы промежуточные, сводные гаплогруппы, такие, как CT, DE, GHIJK и другие (см. диаграмму ниже), так что минимальный состав генеалогического дерева мужской половины человечества включает уже 39 основных гаплогрупп верхнего уровня Y-хромосомного генеалогической структуры. С подгруппами это составляет уже намного более тысячи субкладов.

По той же принципиальной схеме, описанной выше, у патриарха гаплогруппы R, по сравнению с ДНК его отца (относящегося к гаплогруппе P) произошло спонтанное превращение аденина в гуанин, и это произошло в участке Y-хромосомы под номером 15 миллионов 581 тысяч 983. Всего же в Y-хромосоме мужчин насчитывается, как сообщалось выше, примерно 58 миллионов нуклеотидов.

Всё это делает филогенетическое дерево гаплогрупп достаточно прочной и обоснованной структурой. У него есть, впрочем, слабое место — его филогения не показывает, на каком континенте зародилось человечество, откуда пошли гаплогруппы, начиная с первых, на общем стволе, идущих от нашего общего предка с современным шимпанзе. Говоря языком филогении, дерево гаплогрупп не

«укоренено». Укоренение дерева — результат интерпретаций, наблюдений и доступных экспериментальных данных. Наиболее надежно – определение гаплогрупп и субкладов древнейших (ископаемых) костных останков, но таких данные глубже, чем на 20 тысяч лет, для древних *Homo sapiens* пока нет.

Гаплогруппами человечества занимаются генетика и популяционная генетика, но ДНК-генеалогия, уже другая наука, со своей отличающейся методологией (а именно методологии различают науки), вносит в это рассмотрение выраженную хронологическую компоненту. В этом отношении ДНК-генеалогия тяготеет к историческим наукам, и со временем, видимо, станет их частью.

ДНК-генеалогия и ретроспективный метод в этногенетических построениях

Ниже – еще одна иллюстрация возможностей ДНК-генеалогии для проверки концепций археологов и историков. В.В. Седов пишет: «*Ведущая роль в этногенетических построениях археологов принадлежит ретроспективному методу исследования, заключающемуся в поэтапном прослеживании истоков основных элементов археологических культур... Ещё на заре этногенетической археологии этот метод был применен О. Монтелиусом, попытавшимся показать, что культурное развитие Скандинавских стран от неолита до эпохи викингов не обнаруживает разрыва и, следовательно, древние германские племена жили на севере Европы ещё в эпоху неолита*».

Так вот, вывод Монтелиуса неверен, там есть разрыв, и значительный – в тысячелетия. Основная гаплогруппа скандинавов – I1, ее относительные количества в Швеции – 37% (на втором месте гаплогруппа R1b, 22%, на третьем – R1a, 16%), в Норвегии – 32% (R1b 32%, R1a 26%), в Дании – 34% (R1b 33%, R1a 15%). Родственной гаплогруппы I2 почти нет – в Швеции 1.5%, в Норвегии 0%, в Дании 2%. Однако ископаемые ДНК в Швеции (Мотала) с датировкой 8000 лет назад показали преобладание гаплогруппы I2, и среди семи выявленных ископаемых ДНК пять относились к гаплогруппе I2; остальные – к гаплогруппе I, но не I1 (Lazaridis et al. 2014). Но главное даже не это, а то, что общий предок гаплогруппы I1, сейчас преобладающей в Скандинавии (в некоторых регионах ее доля равна доле гаплогруппы R1b), обнаруживается всего 3675±370 лет назад, до этого – провал в четыре тысячи лет. Более того, гаплогруппа I1 в Скандинавии сейчас по общему предку вовсе не скандинавская, ее гаплотипы одинаковы по всей Европе, и неизвестно, где жил общий предок всех европейских гаплотипов примерно 3700 лет назад. Наконец, гаплогруппа R1b, сейчас распространенная в Скандинавии почти наравне с гаплогруппой I1, появилась в Европе только 4800-4500 лет назад (Klyosov 2012).

Иными словами, ДНК-генеалогия дает следующую картину исторических событий. 8000 лет назад в Скандинавии (также в Центральной Европе, например, в Люксембурге) гаплогруппа I была распространена, если судить по ископаемым ДНК, причем в основном в виде субклада I2, его также обнаруживали в ископаемых гаплотипах в Испании и Франции с датировками 5000 лет назад. 4800-4500 лет назад, в начале-середине III тыс. до н.э., в Европе появляется гаплогруппа R1b, в основном

со стороны Пиренейского полуострова, в виде культуры колоколовидных кубков, и практически все мужское население Старой Европы исчезает – это гаплогруппы I1, I2, E1b, R1a, остается только сама гаплогруппа R1b, которая заселяет Европу между серединой III и серединой-концом II тыс. до н.э. Женское население в Европе при этом остается, и даже вскоре заметно увеличивается. Мужские гаплогруппы I1, I2, E1b, R1a в основном погибают, или обнаруживаются позже на периферии Центральной Европы – на Британских островах, на Дунае/Карпатах, в Малой Азии (Klyosov, Tomezzoli 2013; Клёсов, Пензев 2015). Гаплогруппа I1 проходит так называемое «бутылочное горышко популяции», почти исчезает, и возрождается (то есть увеличивает свое количество до уровня детектируемого и выше) примерно 3700 лет назад, от некоего выжившего в Европе общего предка будущих общеевропейских носителей гаплогруппы I1. Гаплогруппа I2 (в основном как I2a) выходит из «бутылочного горлышка» только 2300 лет назад, то есть в конце I тыс. до н.э., и расселяется в виде славян по всей Восточной Европе, от Греции до Балтики. Их относительное количество составляет от 16% в северной Греции до 33-37% в Сербии и Хорватии, 56% в Боснии-Герцеговине, и до 71% среди боснийских хорват, и далее падает к северу до 6% в Польше и Литве и 1% в Латвии. В России и Украине их 11-13%, в Белоруссии 18%. В Скандинавии их почти нет (Eupedia 2015).

Так что состав скандинавского населения, во всяком случае его мужской части, вопреки «ретроспективному методу» Монтелиуса, претерпевает кардинальный разрыв на тысячелетия, и после этого полностью меняется. Древние гаплогруппы пропадают, заменяются гаплогруппами R1b пришельцев, а также, в дополнение к ним, после многотысячелетнего разрыва Скандинавия заселяется носителями древних европейских гаплогрупп (I1), но уже в совершенно другой пропорции. Историкам было бы важно провести анализ, на каком основании Монтелиус сделал вывод о том, что в Скандинавии «*не было разрыва в культурном развитии Скандинавских стран от неолита до эпохи викингов*», когда разрыв в составе мужского населения был принципиальным. Конечно, сейчас можно возражать, что Монтелиус проводил свой анализ в конце 19-го века, более ста лет назад, но не исключено, что и сейчас исследователи делают подобные же ошибки. Поэтому причины этого важно рассмотреть. Как видно, ДНК-генеалогия предоставляет независимый подход, полезный для верификации данных и выводов историков и археологов.

О расчетах времен до общего предка популяции и о деревьях гаплотипов

Продолжим иллюстрацию подходов ДНК-генеалогии на примере той же гаплогруппы I1, рассмотренной в предыдущем разделе. Это нам необходимо при переходе к рассмотрению происхождения и ранней истории славян методами ДНК-генеалогии. То, насколько однороден сейчас состав носителей гаплогруппы I1 в Европе в отношении своего происхождения, свидетельствует так называемое дерево гаплотипов этой гаплогруппы. Поясним это понятие. Как уже упоминалось выше, каждая Y-хромосома отдельно взятого мужчины характеризуется гаплотипом – набором маркеров, которые представляют собой повторяющиеся блоки

нуклеотидов, так называемые тандемные повторы. Число таких повторов называется аллель, и из этих чисел состоят гаплотипы. Иначе говоря, гаплотип – это последовательность определенных чисел. Чем число маркеров в гаплотипе больше, тем эта последовательность длиннее, и тем точнее результаты исследования гаплотипов в ДНК-генеалогии. Обычно в академических иследованиях популяционные генетики используют 8-, 9-, или 10-маркерные гаплотипы, которые состоят сответственно из 8, 9 или 10 чисел. В последнее время стали использовать 17-маркерные гаплотипы, или даже 23-маркерные. Перечисленные гаплотипы для гаплогруппы I1 выглядят так (приведен базовый, то есть примерный предковый гаплотип для современных носителей гаплогруппы I1):

13 22 14 10 14 12 11 28
13 22 14 10 14 11 12 11 28
13 22 14 10 11 14 11 12 11 28
13 22 14 10 13 14 11 12 11 28 15 16 20 10 14 10 22
13 22 14 10 13 14 11 14 11 12 11 28 15 16 20 10 14 10 22

В ДНК-генеалогии столь короткие гаплотипы рассматриваются как малоинформативные, и применяются для расчетов только в крайних случаях, когда другие форматы гаплотипов недоступны. В ДНК-генеалогии в основном используются 67- и 111-маркерные гаплотипы, и пример 111-маркерного базового гаплотипы для гаплогруппы I1 приведен ниже:

13 22 14 10 13 14 11 14 11 12 11 28 -- 15 8 9 8 11 23 16 20 28 12 14 15 16 -- 10 10 19 21 14 14 16 20 35 37 12 10 -- 11 8 15 15 8 11 10 8 9 9 12 23 25 15 10 12 12 16 8 13 25 20 13 13 11 12 11 11 12 11 -- 32 12 8 17 12 24 27 19 11 12 12 13 11 9 11 11 10 12 12 31 11 13 21 16 11 10 24 15 19 11 24 17 13 15 25 12 22 18 12 14 18 9 12 11

Двойными дефисами разделены панели (12-, 25-, 37- и 67-маркерные гаплотипы) для облегчения рассмотрения гаплотипов. На рис. 4 приведено дерево из 968 гаплотипов гаплогруппы I1 в 111-маркерном формате.

Дерево гаплотипов, показанное ниже – одно из самых симметричных деревьев гаплотипов во всех гаплогруппах. Такая форма означает, что подавляющее число гаплотипов в нем действительно произошли от одного общего предка. Базовый 111-маркерный гаплотип, приведенный выше – и есть тот (предковый) гаплотип, к которому сходятся все 968 гаплотипов дерева по своим мутациям. Само дерево показывает картину разбега гаплотипов по мутациям от предкового гаплотипа, и мера этого разбега есть время, прошедшее от общего предка всех гаплотипов до настоящего времени. Все 968 гаплотипов показывают суммарно 24990 мутаций от базового гаплотипа, что соответствует 24990/968/0.198 = 130 условных поколений (по 25 лет), прошедших от времени жизни общего предка. Но за это время часть мутаций чисто статистически вернулись в прежнее положение, поскольку они обратимы, и коэффициент возвратных мутаций рассчитывается по формуле $(1 + e^{0.2326})/2$, где 0.2326 равно среднему числу мутаций на маркер (24990/111). Эта формула

дает число 1.13, и это показывает, что полученное число условных поколений нужно умножить на 1.13, что дает откорректированное число условных поколений, прошедших от общего предка гаплогруппы I1, равному 3675±370 лет. Погрешности расчетов вычисляются по обычным формулам статистики, 0.198 – константа скорости мутации для 111-маркерных гаплотипов, в числе мутаций на гаплотип за условное поколение. Условное поколение, равное 25 лет, это не «бытовое поколение», это сугубо математическая величина, привязанная к величине константа скорости мутации. Если изменить величину условного поколения от 25 лет к любой другой величине, пропорционально изменится и константа скорости мутации, и в итоге получится то же самое число лет до общего предка серии гаплотипов.

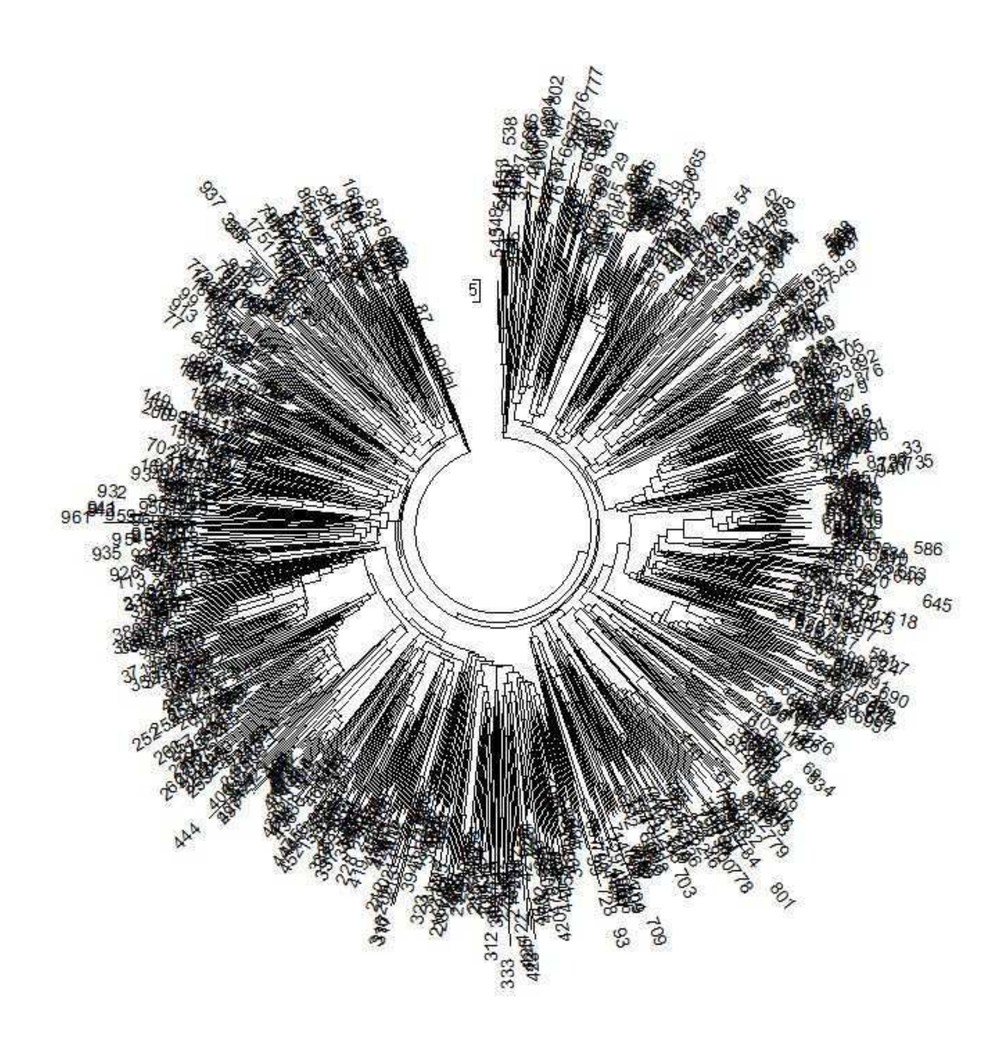

Рис. 4. Дерево из 968 гаплотипов в 111-маркерном формате для гаплогруппы I1. Список гаплотипов приведен в Проекте гаплогруппы I1 компании FTDNA

В ДНК-генеалогии используют упрощенный способ расчета времени до общего предка всех гаплотипов в серии, так называемый логарифмический метод. Он не требует подсчета мутаций. В нем нужно определить, сколько среди всех 968 гаплотипов (в данном случае) имеется идентичных друг другу, это и есть базовый гаплотип. Эта операция занимает всего несколько минут, используя команду «сортировка» в обычном компьютерном обеспечении. Например, среди рассмотренных 968 гаплотипов имеется 107 одинаковых в 12-маркерном формате, и

всего четыре одинаковых в 25-маркерном формате. Далее применяют логарифмическую формулу [ln(968/107)]/0.02 = 110 условных поколений для 12-маркерных гаплотипов (0.02 – это константа скорости мутации для 12-маркерных гаплотипов) или [ln(968/4)]/0.046 = 119 условных поколений для 25-маркерных гаплотипов (0.046 – это константа скорости мутации для 25-маркерных гаплотипов), вводят поправку на возвратные мутации (см. выше, или используя опубликованные табличные значения), и получают 3075±420 лет (12-маркерные гаплотипы) или 3375±1720 лет (25-маркерные гаплотипы). Мы видим, что полученные логарифмическим методом величины равны (в пределах погрешности расчетов) более точной величине для 111-маркерных гаплотипов, полученной «линейным методом». Ясно, что чем более протяженные серии гаплотипов, тем точнее расчеты.

Происхождение и ранняя история славян с точки зрения ДНК-генеалогии

Современные славяне сложились в основном из трех родов, или гаплогрупп, и нет оснований считать, что во второй половине I тыс. нашей эры их качественный состав был другим. Об этом же свидетельствуют и ископаемые ДНК. Эти гаплогруппы – R1a, I2a и N1c1. Ниже будет показана хронологическая и эволюционная взаимосвязь между ними, а здесь мы продемонстрируем приведенное выше положение о составе современных славян с точки зрения ДНК-генеалогии[1]. Относительно минорные гаплогруппы показывать не будем, чтобы не загромождать приводимые данные, и поясним это на следующем примере. Основной состав белорусов по гаплогруппам следующий:

R1a – 51%
I2a – 17.5%
N1c1 – 10%

У белорусов еще есть 5.5% I1, 5.5% R1b, 4% E1b, 2.5% J2, 1.5% G, 1% J1, 1% I2b, но ни одна из них не является характерно славянской. I1 – древнеевропейская гаплогруппа, или гаплогруппа Старой Европы (до III тыс. до н.э.), почти исчезнувшая в III тыс. до н.э., прошедшая «бутылочное горлышко популяции» и возродившаяся в II тыс. до н.э., и ставшая общеевропейской, как было описано выше; R1b – наследие ямной культуры и отчасти сарматов, потомков того же древнего рода R1b, прошедшего миграциями от Сибири до Днепра и далее через Кавказ в Месопотамию и затем в Европу разными миграционными путями, основной из них через Пиренеи и далее в континентальную Европу как культура колоколовидных кубков; E1b – потомки древних египтян и затем древних греков, расселившиеся по Средиземноморью и черноморским берегам; J2 – потомки древних бедуинов, составившие затем в заметной части население Средиземноморья и значительную часть евреев и арабов; J1 – преобладающая гаплогруппа у евреев и арабов, и потомков древних евреев по всему миру, включая, например, горских евреев на Кавказе и значительную часть евреев-ашкенази, передвинувшихся в

[1] http://www.eupedia.com/europe/european_y-dna_haplogroups.shtml

средние века (в особенности после эпидемии черной чумы середины XIV века) во все славянские страны и найдя там убежища от преследований; G – древнеевропейская гаплогруппа, еще одна из основных гаплогрупп Старой Европы, практически исчезнувшая, остатки которой бежали в Малую Азию, на Кавказ и в Переднюю Азию, и сейчас одна из основных кавказских гаплогрупп (например, до 75% у осетин); I1b – минорная гаплогруппа по всему миру, в Европе нигде не превышает 4-7% (в основном в Северной Европе – Бельгия, Нидерланды, Дания, Норвегия, Швеция, северная Франция, северная и западная Германия), возможно, тоже реликт Старой Европы.

Примерно такие же вкрапления указанных минорных гаплогрупп явно неславянского происхождения есть по всем странам, включая славянские. Перейдем к славянским странам, добавив балтов – литовцев и латышей, а также «северных русских», как, например, коми и марийцы, которые славянами, строго говоря, не являются, но которых популяционные генетики часто используют в качестве «этнических русских», и более того, заявляют их как эталон этнических русских, чтобы поднять в последних долю «финно-угорской компоненты». Именно в таком виде российские популяционные генетики заявили «геномный эталон этнических русских» в международную геномную базу данных (см.: Клёсов 2013). Так русские оказались в базе данных «финно-települграми».

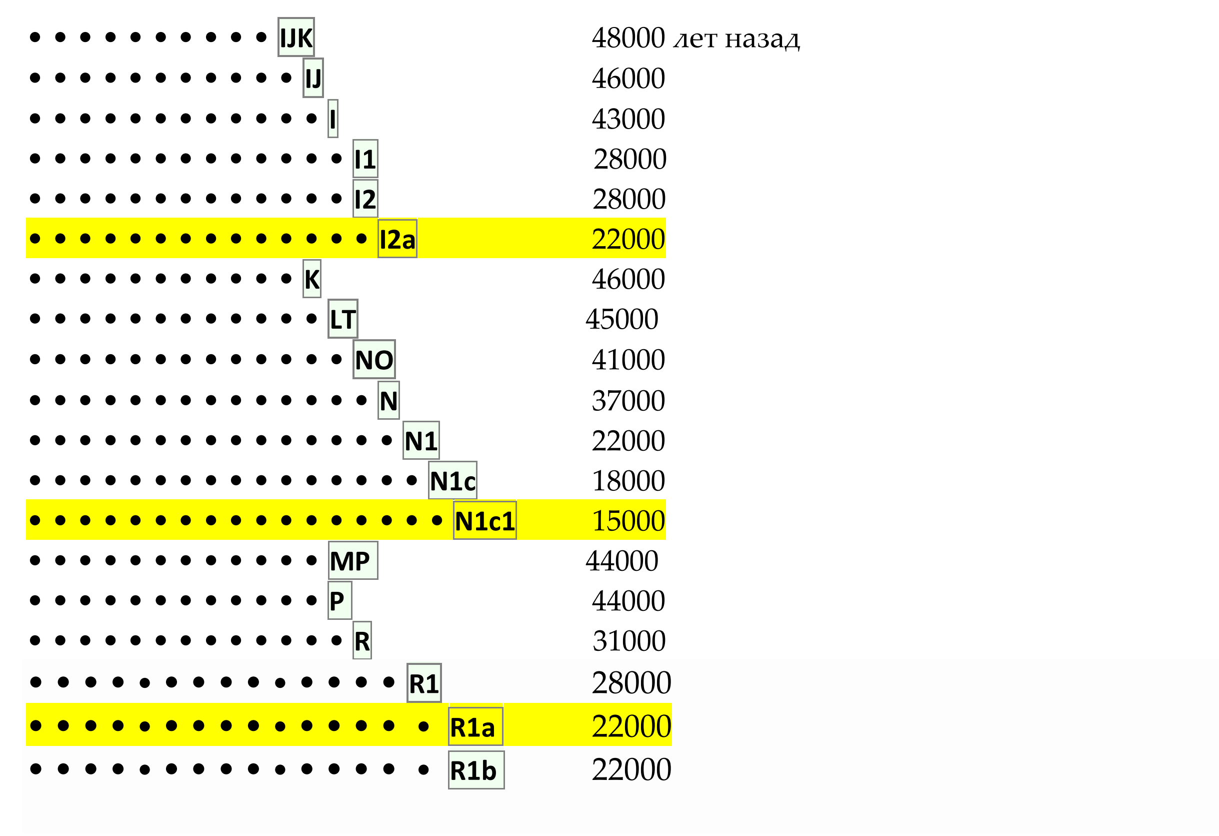
Помимо этого, добавим в список гаплогруппу R1b, для славян нехарактерную, и которая унаследована в России от ямной культуры (найдена в составе ископаемых ДНК с археологическими датировками 2700-3300 гг. до н.э., Haak et al, 2015), отчасти от намного более поздних сарматов, в Европе – от потомков культуры колоколовидных кубков (позже 2800 лет до н.э.). Она будет нужна нам при дальнейшем обсуждении.

Белорусы	R1a – 51%	I2a – 18%	N1c1 – 10%	R1b – 5.5%
Болгары	17%	20%	0.5%	11%
Боснийцы	16%	56%	0.5%	3%
Македонцы	14%	23%	0.5%	13%
Поляки	57.5%	5.5%	4%	13%
Сербы	16%	33%	2%	8%
Словаки	42%	16%	3%	15%
Словенцы	38%	21%	0	18%
Русские	48%	15%	14%	6%
Украинцы	45%	13%	7.5%	7.5%
Хорваты	24%	37%	0.5%	8.5%
Чехи	34%	9%	0.5%	22%
Литовцы	38%	6%	42%	5%
Латыши	40%	1%	38%	12%
«Северные русские»	29-32%	1-2%	51-61%	2-11%

Если не уходить в детали, картина в целом ясна – у славян преобладает гаплогруппа R1a (за исключением балканских славян – болгар, сербов, хорват, македонцев, боснийцев, у которых доминирует I2a), за ней следует характерная южнославянская гаплогруппа I2a, и замыкает южно-балтийская гаплогруппа N1c1, которая к северо-востоку становится финно-угорской (по языку). Отдельно стоят балты – литовцы и латыши, у которых содержание R1a и N1c1 практически

одинаково. Это, видимо, отражает исторически унаследованное «балто-славянское единство».

Как мы видим, корни славян в отношении их ДНК-родового происхождения уходят в разные стороны. Насколько в разные? Чтобы это понять, обратим внимание, что перечисленные гаплогруппы, в свою очередь, относятся к гаплогруппам первого уровня R, I и N. Приведем соответствующую часть дерева гаплогрупп с некоторыми сокращениями и уточнениями, показав «позиции» этих гаплогрупп на дереве, и времена их образования, рассчитанные по геномным данным (компания YFull), округленные до ближайшей тысячи лет (собственно, давать эти датировки с точностью до ста лет нереалистично и по сути ошибочно):

Желтым цветом отмечены основные гаплогруппы, наблюдаемые у славян. Мы видим, что корни их соответствующих родов поднимаются из глубокой древности в какие-то, лишь условно определяемые, времена, при которых они могут считаться славянскими (хотя критерии этого, по-видимому, тоже условные), и проходят через историю славянских народов в виде серии наследственных ДНК-линий, разделяемых на субклады, многие из которых можно связать с археологическими культурами. Эта работа, по сопоставлению субкладов и культур, только начинается, и на этом пути нас несомненно ждут неожиданные открытия. Впрочем, открытия всегда неожиданные и непредсказуемые, просто по определению. Пока немногие историки проявляют к этому интерес, в первую очередь по причине неосведомленности о ДНК-генеалогии, но интерес резко возрастет, когда историки, археологи и лингвисты осознают, что новые подходы позволяют разрешать старые, продолжительные дискуссии, и отводить явно надуманные альтернативные гипотезы и

предположения. Что не менее важно, подходы ДНК-генеалогии позволяют вполне четко формулировать направления новых исследований в упомянутых науках.

Но надо обращать внимание и на спекулятивные, неквалифицированные, примитивные попытки решения важных вопросов истории под громкими лозунгами «решения эпохальных проблем». Конечно, эпохальные проблемы могут быть решены в рамках исследования ДНК, но для этого подходы должны быть адекватными поставленным задачам, а не быть скороспелыми и надуманными, и фактически дублировать то, что уже известно, более того, подгонять к тому, что уже известно. Например, О. Балановский, работающий в области популяционной генетики, недавно провозгласил, что после статьи его (и коллектива из 39 человек, плюс столько же из Генографического консорциума) «Генетическое наследство популяций, говорящих на балто-славянских языках: синтез аутосомных, митохондриальных и Y-хромосомных данных» (Kushniarevich et al. 2015) «в ближайшее десятилетие вряд ли можно ожидать чего-то принципиально нового в области генетики и лингвистики славянских популяций». Рассмотрим коротко, так ли это.

Что показало «принципиально новое иследование в области генетики и лингвистики славянских популяций» (2015)

Начнем с того, что с самого начала статьи грубо нарушается принцип, наиболее последовательно формулированный академиком В.В. Седовым, и который цитировался выше – «*Совместные решения этногенетических проблем представителями разных наук возможны только при том условии, что выводы каждой отрасли науки покоятся на собственных материалах, а не навеяны данными смежной науки*». В статье же в самом начале приводится дерево балто-славянских языков (см. ниже), и вся статья ставит своей задачей подгонку генетических данных под это дерево. Да, собственно, подгонка и не понадобилась, потому что подгонять было нечего, и дело ограничилось отдельным обсуждением лингвистики, и отдельным – генетики, оба в крайне вязком исполнении.

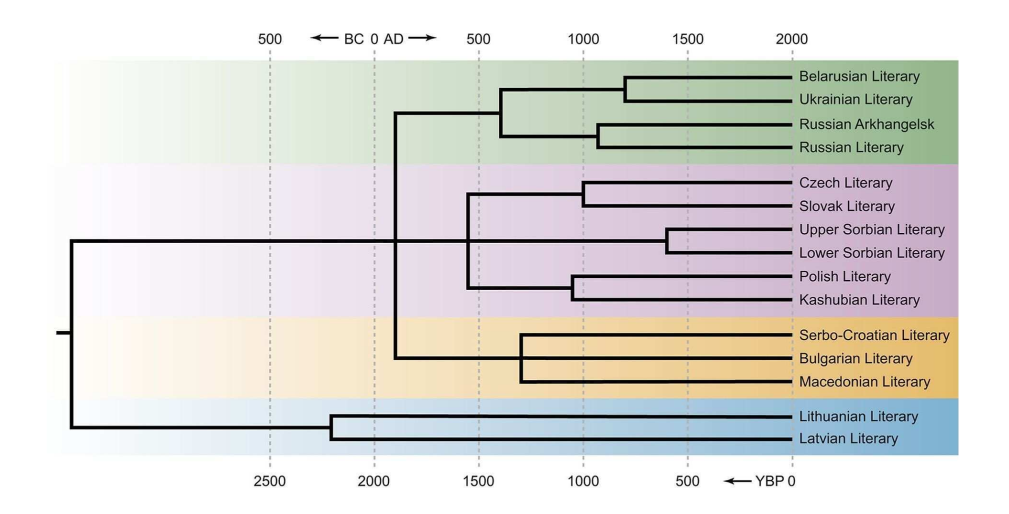

Рис. 5. Дерево балто-славянских языков (из статьи Kushniarevich et al., 2015)

Если бы авторы были знакомы с ДНК-генеалогией, то им бы не понадобилось громоздкое «генетическое исследование» в котором компьютер анализировал массивы данных по аутосомам (то есть «поперек всей ДНК»), митохондриальным ДНК и Y-хромосоме. В итоге компьютер прокручивал информацию и выдавал некие формализованные показатели, наносил на график, и этот график шел в статью. Так работают популяционные генетики, обычно не думая, что все это означает. Остается только написать, что «полученные данные подтверждают дерево балто-славянских языков».

Но данные по содержанию трех гаплогрупп в славянских и балтских популяциях, приведенные выше, уже позволяют полностью предсказать, что покажут громоздкие данные «генетики», полученные по миллионам точек, и обработанные крайне формализовано. Результат же заранее известен. Ясно, что поляки, белорусы, русские и украинцы, то есть «восточные и западные славяне», у которых доминирует гаплогруппа R1a, образуют один «кластер» точек, в котором русские с более заметным вкладом гаплогруппы N1c1 будут несколько смещаться в сторону балтов (литовцев и латышей), еще больше туда будут смещаться «северные русские», которые уже смыкаются с финно-träграми. Напротив, сербы, хорваты, македонцы и боснийцы, то есть «южные славяне», у которых доминирует гаплогруппа I2a, образуют отдельный «кластер», а чехи и словаки, у которых, в отличие от других, повышено содержание гаплогруппы R1b (22% и 15%, соответственно), характерной для Западной и Центральной Европы, тяготеют к немцам, с еще более высоким содержанием этой гаплогруппы, причем чехи (с более высоким содержанием R1b) тяготеют больше, чем словаки. Именно так и получилось в статье Кушнаревич и Балановских с соавторами. Цитируем:

- «*Восточные славяне – русские из центральных и южных регионов, белорусы и украинцы – образуют свой кластер*»,
- «*напротив, русские из северных областей европейской части России отходят от остальных восточных славян, и располагаются вблизи своих финно-говорящих соседей*»,
- «*чехи, и в меньшей степени словаки, сдвинуты по направлению к немцам и другим западноевропейцам*»,
- «*поляки или совпадают с восточными славянами, или находятся близко к ним*»,
- «*большинство южных славян …балканского полуострова …отделены от остальных балто-славянских популяций, и образуют размытую группу популяций, которые разделяются на западные регионы (словенцы, хорваты и боснийцы) и восточные регионы (македонцы и болгары)*». Действительно, смотрим на состав гаплогрупп македонцев и болгар – он практически идентичен по всем четырем основным гаплогруппам, приведенным выше.
- «*латыши и литовцы, говорящие на балтских языках, расположены вблизи эстонцев, говорящих на финно-угорских языках, если расматривать Y-хромосому, и слегка сдвинуты к восточным славянам по аутосомам*». Тоже ясно, почему, у них поровну R1a (доминирующей у восточных славян) и N1c1 (доминирующей у финно-угров). Аутосомы добавляют «женский вклад», как видно, совсем незначительный, тем более в контексте обсуждаемой работы.

• «*мордвины показывают близость к обеим балтским популяциям, видимо, отражая исторические свидетельства, что племена, говорившие на балтских языках, расширялись на восток Восточно-Европейской равнины*». Первое само собой разумеется, поскольку у мордвин в среднем заниженное значение R1a (36%), по сравнению с большинством восточных славян и почти равное таковому у литовцев и латышей (38% и 40%) при почти том же значении N1c1 (15%), что у этнических русских. А второе – вообще неверно, это не балты продвигались на восток, а, напротив, носители гаплогруппы N1c1 продвигались на запад, и на этом пути достигли Балтики, что проявляется в составе гаплогрупп литовцев и латышей, показанном выше.

Так что «генетика» в даном иследовании ничего нового не привнесла в то, что давно известно по спискам опубликованных распределений гаплогрупп в славянских и соседних популяциях. И какой же вывод делают авторы из того, что давно известно? Вывода три (цитаты):

• «*начальное разделение протославян отсталось невыясненным*»,

• «*по лексикостатистическим данным разделение на западных, восточных и южных славян произошло примерно 1900 лет назад, дальнейшая диверсификация – примерно 1300-1500 лет назад, и расхождение на отдельные языки – 1000-500 лет назад*».

• «*Y-хромосомная диверсификация на низшем уровне 1 популяционной структуры - среди локальных популяций, говорящих на одних и тех же языках – варьируется от почти 0 для чехов и македонцев до 0.05 в пределах северных русских, что в среднем дает 0.01. Генетическая дифференциация среди этнических популяций, относящихся к уровню 2 лингвистической ветви, приблизительно равна 0.03, и вариация в пределах ветви уровня 3 балто-славянских популяций увеличивается до 0.06*».

Всё. На этом раздел статьи заканчивается. В этом состоит, по словам О. Балановского, то, что «*в ближайшее десятилетие вряд ли можно ожидать чего-то принципиально нового в области генетики и лингвистики славянских популяций*».

Видимо, этот «приципиально новый вклад» состоит, как полагают авторы обсуждаемой статьи, в том, что имеет место «корреляция» между деревом языков, приведенном в начале раздела, с географией, то есть «южными славянами», северными», «западными» и «восточными». А состав гаплогрупп тоже определяется географией, поэтому было бы более чем странно, если бы такой корреляции не было. В итоге авторы статьи используют «циклический аргумент», когда территория определяет состав гаплогрупп, она же определяет разделение языков на локальные, а значит, состав гаплогрупп определяет разделение языков на локальные. Видимо, это и есть «принципиально новое».

Вот в описанном выше и состоит главное отличие популяционной генетики от ДНК-генеалогии. И дело не только в принципиально разной методологии, дело в принципах постановки и решения задач.

На обсуждении «данных лексикостатистики» можно и не останавливаться, ничего нового там нет, обработка данных крайне формализованная и невнятная. Да и в обсуждения филолингвистического дерева, приведенного выше, у авторов нет ничего нового. Они ссылаются на дерево: Gray and Atkinson 2003

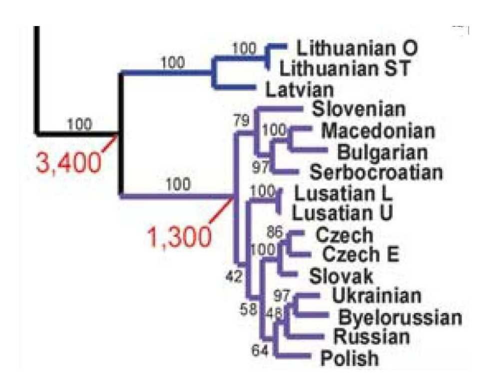

Рис. 6. Фрагмент дерева, относящийся к балто-славянским языкам (из статьи: Gray and Atkinson 2003)

но различия (или сходства) даже не обсуждают. В приложении к статье критикуют по мелочам, но датировки получают те же самые, стоило ли критиковать? Что говорить, когда нечего говорить? Лексикостатистика – вообще методология, мало кем в науке принятая, из-за обилия произвольных приближений и допущений, и авторы это еще раз показывают. В любом случае, никакой новой связи с генетикой не обнаружено, а то, что описано в статье – тривиально. Но давайте коротко остановимся на показанных деревьях, на данных лексикостатистики, и данных ДНК-генеалогии по балтам и славянам. О роли лексикостатистики в исследованиях, помимо замечания выше, можно сказать, что ей, как правило, отдается весьма низкий ранг достоверности, и ее данные могут служить только как вспомогательные, как дополнительное свидетельство в пользу того, что уже получено другими методами. Как мы видим, у Грея и Аткинсона (2003) расхождение славянских и балтских языков (литовского и латышского) датируется 3400 лет назад, то есть серединой II до н.э. То же воспроизводит и дерево в статье Кушнаревич и Балановских с соавторами (2015). Это – крайне маловероятно и не стыкуется с данными ДНК-генеалогии, согласно которым в те времена будущие балты были еще на Урале или только начинали миграции на запад от Урала. Разумеется, никаких индоевропейских языков у них тогда не было. Были уральские, угорские, или те, как это решили назвать лингвисты. К балтийскому побережью предки литовцев и латышей гаплогруппы N1c1 подойдут только к середине I тыс. до н.э. Датировки по 67-маркерным гаплотипам литовцев и латышей гаплогруппы N1c1 показывают время жизни их общих предков 2600±300 и 2100±300 лет назад, соответственно. Общий предок современных этнических русских гаплогруппы N1c1 жил 3300±340 лет назад, но это включает более древние зауральские и уральские гаплотипы, поэтому и общий предок несколько древнее. В Литве и Латвии такие пока не обнаружены. Результаты расчетов времен жизни общих предков (лет назад), от древних к молодым:

Россия 3300±340 (включая несколько зауральских и уральских гаплотипов)
Россия 3090±320 (без учета зауральских и уральских гаплотипов)
Венгрия 2800±430
Украина 2760±330
Белоруссия 2680±350
Литва 2600±300
Польша 2580±300

Латвия 2100±300
Чехия 1670±320
Чехия и Словакия 1520±250

Надо понимать, что это не времена прибытия, а времена жизни общих предков, которые обычно более ранние, возникли по ходу миграционного маршрута. Мы видим, что разумные времена прибытия на Балтику – действительно, около середины I тыс. до н.э., или, возможно, несколько позже. Ну, а до Чехии со Словакией дошли уже намного позже.

Поэтому никакого «балто-славянского единства» или «единства гаплогрупп N1c1 и R1a» в середине II тыс. до н.э., и тем более ранее, просто не могло быть, как и «славянских языков, выделившихся из балтских». Ситуация была обратной – прибывшие на берега Балтийского моря предки литовцев и латышей, видимо, относительно малочисленные носители гаплогрупп N1c1 переняли ИЕ языки автохтонных (видимо, можно так назвать) носителей гаплогруппы R1a, которые обитали там как минимум тысячу лет (а если учесть ископаемую гаплогруппу R1a на Онежском озере с датировкой 7500 лет назад, в середине VI тыс. до н.э., то обитавшие к тому времени и 5 тысяч лет). Они и образовали «единство R1a и N1c1», которое с тех пор не распадалось, поскольку и сейчас у литовцев и латышей этх гаплогрупп поровну, примерно по 40% от всех. Языки разошлись, и, как будет показано ниже из данных С.А. Старостина, русский и литовский разошлись только в первой половине нашей эры.

В связи с этим с некоторым изумлением воспринимается основное положение лингвистов, специалистов по балтским языкам, что «балто-славянское единство иногда считают продуктом позднейшего сближения двух независимых индоевропейских диалектов»[1]. Аналогично, давно затвержденное положение об особой индоевропейской архаичности литовского языка надо понимать, что архаичным был язык носителей гаплогруппы R1a, у которых предки литовцев этот язык переняли.

Вывод – славянские языки (и их предки) не «выделились» из балтских, а, напротив, были источником ИЕ языков для предков литовцев и латышей второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

Если мы обратим внимание на лексикостатистику в том варианте, с которым работал С.А. Старостин, то она, на первый взгляд, дает разумные результаты. Например, согласно его данным (Старостин, 1989), в современном русском и персидском языках в стословнике Сводеша имеется 28% совпадений. Это дает t = $\sqrt{(\ln 100/28)/2*0.05} = 3.57$ тысяч лет от времени расхождения языков (до настоящего времени), что примерно соответствует времени ухода ариев на Иранское плато (0.05 – это по Старостину константа скорости выпадания слов из стословника ИЕ языков). Для русского и древнеиндийского языка имеется 54% совпадений, что соответствует t = $\sqrt{(\ln 100/54)/2*0.05} = 2.48$ тысяч лет от времени расхождения языков. Это примерно равно времени, когда Панини создал классический санскрит. Какова бы ни была

[1] http://lingvarium.org/eurasia/IE/balt.shtml

надежность этих интерпретаций, данные намного отличаются от степени расхождения русского и литовского языков, чему С.А. Старостин относил величину 74-76% (по разным текстам). Это соответствует времени расхождения 1660-1740 лет назад, то есть III-IV вв. нашей эры. Это никак не стыкуется с лексикостатистическими оценками ни Грея с Аткинсоном, ни Кушнаревич с сотрудниками. Не может три четверти совпадения слов из стословника соответствовать расхождению языков, начиная со столь давнего времени, как середина II тыс. до н.э.

Таким образом, мы видим, что подгонка данных «генетики» под заранее заданную, и, скорее всего, неверную датировку не только грубо нарушает принцип, сформулированный В.В. Седовым, но и ведет к неверным результатам как лингвистики, так и генетики. Основная ирония в том, что провозглашенная Балановским максима «в ближайшее десятилетие вряд ли можно ожидать чего-то принципиально нового в области генетики и лингвистики славянских популяций» оказалась опровергнута уже через две недели после этого провозглашения.

История миграций носителей гаплогрупп R1a, I2a и N1c1, приведших к образованию славян

Повторим, что корни славян расходятся в разные стороны, причем на значительно большую глубину тысячелетий и на много большие, гигантские расстояния, чем можно было ожидать. В I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. все три рода образовали первичное славянское этнолингвистическое объединение в Восточной Европе. Рассмотрим, как это происходило, и какие к тому были исторические предпосылки.

Гаплогруппа (род) R1a

Род R1a возник примерно 22 тысяч лет назад, предположительно в Южной Сибири, в алтайском регионе (Klyosov 2009; Klyosov, Rozhanskii 2012). Предположительно – потому что прямых данных нет, но есть косвенные. Ископаемая родительская гаплогруппа R была обнаружена в Южной Сибири, в нескольких десятках километров от Байкала, с археологической датировкой 24 тысячи лет назад (сама гаплогруппа R образовалась примерно 31 тысячу лет назад, см. диаграмму выше). На севере Китая, недалеко от алтайского региона, обнаружены племена, на треть состоящие из носителей гаплогруппы R1a, общий предок которых жил 21 тысячу лет назад (Klyosov, 2009). Значительно мутированные гаплотипы, явно от древних общих предков, найдены в Гималаях, в Тибете, в Иране, на островах Индийского океана, в регионе Персидского залива – все это позволяет приблизительно реконструировать миграционный путь носителей гаплогруппы R1a из Южной Сибири в Европу по южной дуге – через Тибет, северный Индостан, Иранское плато, Анатолию на Балканы, с прибытием туда 9-8 тысяч лет назад. Не исключено, что признаки прото-индоевропейских языков, обнаруженные в Анатолии с датировками (хотя не очень определенными) 8-10 тысяч лет назад,

оставлены этими мигрантами. Датировки по ДНК древнейших предков европейских R1a составляют 9-8 тысяч лет назад.

К сожалению, в Европе исследованы на гаплогруппы Y-хромосомы всего несколько древних захоронений (в Швеции, Люксембурге, Испании, Франции и Германии), и в основном находили гаплогруппы I, I2a, G2a, E1b. Самые древние костные останки, показавшие гаплогруппу R1a, найдены в Германии, с датировкой 4600 лет назад, то есть середина III тыс. до н.э., в культуре шнуровой керамики (Haak et al. 2008). Это была семья, которую умертвили, по заключению статьи, пришельцы. Все мужчины были погребены в скорченном положении на правом боку, головой на запад, женщины – в скорченном положении на левом боку, головой на восток, все лицом на юг. Как показали доступные данные (обсуждаются ниже), это характерное трупоположение для носителей гаплогруппы R1a.

В первой половине - середине III тыс. до н.э., то есть во времена гибели гаплогрупп Старой Европы, носители R1a перешли на восток, на Русскую равнину. Исходя из датировок субкладов, определенных по цепочке снипов (см. диаграмму ниже), на равнину перешли носители субклада R1a-Z645, и датировка возникновения этого субклада, примерно 5500 лет назад, середина IV тыс. до н.э., соответствует временам распада индоевропейской языковой общности. Уже на Русской равнине или непосредственно на подходе всего через несколько столетий образовались субклады Z283 и практически в то же время Z282 и Z280, и параллельный им Z93, все 5000-4900 лет назад, в начале III тыс. до н.э. Z280 – основной субклад этнических русских, Z93 – основной субклад индийцев в высших кастах. Общий предок тех и других жил в начале III тыс. до н.э. Подробнее об этом – ниже.

• • **R1a**	**M420**	**22100 лет назад**
• • • **R1a**	**SRY10831.2**	**17700**
• • • • **R1a**	**M198**	**14400**
• • • • • **R1a**	**M417**	**8500**
• • • • • • **R1a**	**Z645**	**5500**
• • • • • • • **R1a**	**Z283**	**5000**
• • • • • • • • **R1a**	**Z282**	**4900**
• • • • • • • • • **R1a**	**M458**	**4600**
• • • • • • • • • **R1a**	**Z280**	**4900**
• • • • • • • • • **R1a**	**Z284**	**4500**
• • • • • • • **R1a**	**Z93**	**5000**
• • • • • • • • **R1a**	**Z94**	**4800**
• • • • • • • • • **R1a**	**L657**	**4800**
• • • • • • • • • **R1a**	**Z2124**	**4800**

Итак, потомки Z93, носители субклада L657 (возможно, наряду с субкладом Z280), сейчас занимают основную долю, до 72%, высших каст в Индии (Sharma et al. 2009).

«Параллельный» субклад Z2124 продвинулся на Иранское плато и в целом в Переднюю Азию (его имеют, например, до 75% пуштунов) (Клёсов, Саидов 2015). Потомками того же субклада L657 являются до 9% арабов, в основном в Сирии и Палестине. Возможно, хотя бы часть их – это потомки митаннийских ариев. Поэтому субклад Z645 с полным основанием можно назвать субкладом исторических ариев. Итак, начало движения ариев на юг с Русской равнины (через Кавказ в Месопотамию), восток (в Индостан) и юго-восток (в Среднюю Азию и далее, примерно через 500 лет, на Иранское плато) можно датировать временами 4600-4500 лет назад, то есть серединой III тыс. до н.э. Прибытие ариев в Индию обычно датируется через тысячелетие, серединой II тыс. до н.э.

Таким образом, одна ветвь исторических ариев, R1a-Z94-L657 (образовалась примерно 4800 лет назад, или на Русской равнине, или немедленно перед приходом на равнину), ушла по нескольким направлениям, как описано выше, другая, R1a-Z280, является сейчас основным субкладом этнических русских, достигая половины численности мужского населения центральной части России, и 67% южной части (Курская, Белгородская, Орловская области). При смещении к северу, начиная от линии Пскова, у этнических русских нарастает доля гаплогруппы N1c1.

Здесь надо упомянуть еще два субклада, образовавшиеся уже позже, чем Z93 и Z280, а именно M458 и Z284. Они образовались примерно 4600 и 4500 лет назад, соответственно, уже позже ухода ариев, и потому в арийские миграции не попали. Их не обнаружено на востоке Руской равнины, и они сейчас имеют довольно четкую географическую локализацию на западной ее части. M458 имеет надежное славянское отнесение, причем половину его ареала можно назвать западно-славянским (по 8% у украинцев и чехов, 10% у русских, 15% у немцев, 50% у поляков), другую половину можно назвать центрально-европейской (32% у поляков, 25% у немцев, 11% у русских, остальные разбросаны по 10-20 регионам Центиральной Европы). Общие предки западно-славянской и центрально-европейской ветви жили практически в одно и то же время, при переходе от II к I тыс. до н.э. Видимо, тогда же начались славянские (или праславянские) миграции в Европу. Субклад Z284 в контексте настоящей работы не столь интересен, это почти исключительно скандинавский субклад, и немало его потомков живут в Швеции, Норвегии, на Британских островах. В славянских странах потомки скандинавского субклада практически не обнаружены – ни на Украине, ни в Белоруссии, ни в Литве. В базе данных R1a из 4769 гаплотипов, из которых 1196 гаплотипов составляют скандинавский субклад Z284, есть всего три гаплотипа из России, и их обладатели – одно лицо из Перми и двое – из Казани, самые далекие предки которых по мужской линии, известные данным участникам тестирования, родились, соотвественно, в 1828, 1874 и 1800 гг. Полагать, что их предки относились к скандинавской знати, нет никаких оснований. Это показывает, что скандинавские миграции и военные экспедиции были направлены почти исключительно на запад, на Руси их практически не было, в противном случае потомки скандинавов легко были бы обнаружены, причем в значительных количествах. Но этого нет. Это еще раз показывает, что так называемая норманнская теория не имеет никаких оснований.

Изучение шлейфов миграций субкладов гаплогруппы R1a и датировки времен жизни общих предков этих субкладов позволило представить масштабы (пра)славянских миграций в Европу в конце II тыс. до н.э. и в ходе I тыс. до н.э. Эти ветви гаплогруппы R1a приведены ниже (Rozhanskii, Klyosov 2012; Клёсов 2015a). Указаны времена до общего предка сегодяшних носителей субклада (вторая колонка: Клёсов 2015a) и время возникновения субклада (третья колонка, данные компании YFull), все в годах до н.э.

Таблица:

Z280 Ветвь (субклад) Русской равнины	2900±500	2900±500
Z280-Z92 Северо-Евразийская ветвь	2600±400	2800±500
Z280-Z92-Z685 Северо-Евразийская ветвь-1	1800±350	2300±900
Z280-Z92-Y4459 Северо-Евразийская ветвь-2	1200±360	2300±900
Z280-S24902 Центрально-Евразийская ветвь	2400±690	2800±600
Z280-CTS1211-YP997 Центрально-Евразийская ветвь-1	1600±380	2100±1200
Z280-CTS3402-Y33-YP968 Западная Евразийская ветвь	1800±450	2300±700
Z280-CTS3402, Балто-Карпатская ветвь	1500±340	2300±800
Z280-CTS3402-YP237, Балто-Карпатская ветвь-1	950±490	2300±900
Z280-CTS3402-Y33, Балто-Карпатская ветвь-2	800±530	2300±900
Z280-CTS3402-Y2613, Балто-Карпатская ветвь-3	150±200	(ошибка)
Z280-CTS3402-YP237-L366, Балтийская ветвь	200±340	1000±800
Z280-L365, Поморская ветвь	400±250	700±700
Z280-Y2902, Восточно-Карпатская ветвь	400±200	(ошибка)
Z280-Y2902-Y2910, Восточно-Карпатская ветвь-1	150±190 лет н.э.	200±300 до н.э.
Z280-Y33-CTS8816, Северо-Карпатская ветвь	625±260	(ошибка)
Z280-Y33-CTS8816-S18681, Северо-Карпатская ветвь-1	0±280	(ошибка)
Z280-Y33-CTS8816-L1280, Северо-Карпатская ветвь-2	300±230 лет н.э.	(ошибка)
Z280-CTS1211-YP340, Западно-Карпатская ветвь	1200±460	1500±700
Z280-YP340-YP371, Западно-Карпатская ветвь-1	840±900	800±500
Z280-YP340-YP372, Западно-Карпатская ветвь-2	260±440	100±600
Z280-YP340-YP971, Западно-Карпатская ветвь-3	240±260	100±500
Z280-YP340-P278.2, Западно-Карпатская ветвь-4	800±180 лет н.э.	(ошибка)
Z280-YP340-YP380, Западно-Карпатская ветвь-5	870±190 лет н.э.	550±500
M458 Европейский субклад	2200±350	2600±900
M458-L260 Западно-славянская ветвь	1000±300	(ошибка)
M458-CTS11962 Центрально-Европейская ветвь	1100±300	(ошибка)
M458-CTS11962-L1029 Центрально-Европейская ветвь-1	750±280	1400±800
M458-CTS11962-YP509 Центрально-Европейская ветвь-2	750±320	(ошибка)

Примечания к таблице:

1. Погрешности во второй колонке (расчеты времен до общих предков субкладов по мутациям в гаплотипах) рассчитывали, как принято в математической статистике (исходя из числа мутаций в гаплотипах: Klyosov 2009), и, как показывает опыт, они чрезмерно завышены. Но было решено оставить их такими, как есть, чтобы избежать обвинений в нереальной точности расчетов, а в дальнейшем провести их корректировку в содружестве с археологами и историками.

2. Последняя колонка показывает датировки возникновения снипов, расчитанные компанией YFull по геномным данным, а именно цепочкам необратимых снип-мутаций, принимая среднюю частоту возникновения снипов как один снип в 144 года (YFull). Этот метод пока значительно менее точный, особенно для относительно недавних снипов. Например, если снип образовался 750 лет назад, то в цепочке нисходящих снипов их всего 750/144 = 5 снипов, и погрешность определения времени образования, согласно формулам математической статистики, не меньше ±46% (с 68%-ной достоверностью) или ±92% (с 95%ной достоверностью). В итоге погрешности у большинства датировок по снипам в таблице значительно более высокие, чем у датировок по мутациям в гаплотипах. Но в расчетах компании YFull есть и другая проблема – они часто игнорируют фактическое количество снипов, и ставят ту датировку, которая им представлется более правильной, «по понятиям». При этом они всегда постулируют, что при разветвлении снипов они образовались точно в одно и то же время, хотя это события совершенно независимые. По аналогии, если у отца двое сыновей, то их возраст далеко не всегда одинаковый, один мог родиться, когда отцу было 18 лет, другой – когда отцу было 70 лет. Такой постулат, «о равенстве возраста сыновей» часто приводит к ситуациям, когда к одному снипу от вышестоящего ведет 5 мутаций (в среднем 720 лет), к другому 20 мутаций (в среднем 2880 лет), а YFull записывает их «возраст» как одинаковый, либо 720, либо 2880 лет, выбор датировки фактически произвольный. В итоге получаются несуразные датировки. В таких случаях в таблице выше датировка YFull не ставится, а записывается «ошибка». Примеры – в переходе R1a-Y35 > YP7278 зафиксировано 9 промежуточных снипов (это приведено в таблице YFull), что соответствует 1300 лет разницы, однако датировка для обоих снипов, родительского и нисходящего, приведена как одинаковая, 4300 лет назад. В переходе CTS3402 > CTS2613 зафиксировано 17 промежуточных снипов (2450 лет разницы), однако датировка для обоих снипов в списке YFull – одинаковые 4300 лет назад, вместо 1850 лет назад (150 лет до н.э.) для нисходящего, как должно быть. Действительно, датировка времени до общего предка по мутациям в гаплотипах дает для CTS2613 именно 150±200 лет до н.э., что в точности совпадает с правильной датировкой по снипам. Соответственно, запись «ошибка» в колонке YFull в таблице выше. И так – почти для половины датировок в последней колонке в таблице.

Приходится на этом столь подробно останавливаться, потому что в последнее время усиленно распространяется легенда, что расчеты по снипам – значительно более точные, чем любыми другими методами. Историки могут принять эту легенду за чистую монету, и опять повторится ситуация последних 15 лет, когда практически все расчеты популяционными генетиками, опубликованные в академических журналах, были кардинально искажены, с завышениями до 300-400%. Для расчетов на времена удаленные,

как правило, более 5-10 тысяч лет назад, и тем более на 100-200 тысяч лет назад, когда число снип-мутаций исчисляется многими сотнями, расчеты по снипам действительно могут оказаться полезными, но вводимые постулаты, как равенство датировок для «параллельных» снипов, опять сводит эту пользу к нулю, если не к отрицательным величинам.

Несмотря на описанные в примечаниях к таблице недостатки расчетов по снипам, в ряде случаев совпадение датировок, полученных двумя принципиально разными методами, вполне удовлетворительно. Дальнейшая работа над приведенной таблицей потребует совместных усилий ДНК-генеалогов, археологов, историков, и, возможно, лингвистов. Задача – провести корректное наложение датировок по ДНК и по археологическим данным, уточнить датировки с обеих сторон, лучше понять направления и времена древних миграций, и понять, кто были эти древние племена в отношении родовой и культурной принадлежности. Определенно окажется, что не все археологические культуры в точности соответствуют субкладам гаплогрупп, выяснятся взаимные пересечения культур и субкладов или их отсутствие, ряд культур окажутся полиэтничными, но ДНК-генеалогия будет полезной и в идентификации полиэтничности. Ниже мы рассмотрим это на примере сармат и черняховской культуры.

Подводя итоги данного раздела, отметим, что данные по субкладам гаплогруппы R1a, приведенные в таблице выше, перекрывают временной диапазон продолжительностью почти 4 тысячи лет, от примерно 2900 лет до н.э. до 870±190 лет н.э. Оставим археологам идентификацию перечисленных субкладов в рамках археологических культур, хотя бы на уровне гипотез, что впоследствии можно будет верифицировать с использованием ископаемых ДНК из этих культур. Отметим только, что «субклад Русской равнины», R1a-Z280, может с хорошей вероятностью соответствовать культуре шнуровой керамики, а центрально-евразийская ветвь, R1a-Z280-S24902 – фатьяновской культуре центра России. Двигаясь по этому пути, мы выведем славянские культуры, начиная от лужицкой или более ранних, до славянских культур вплоть до IX в. н.э. со всеми переходными формами. Естественно, ДНК-генеалогией это не может быть ограничено, здесь требуется взаимное насыщение получаемой картины как данными ДНК-генеалогии, так и этнокультурными признаками. ДНК-генеалогия не может, разумеется, заменить исторические науки.

Гаплогруппа (род) I2a

Как уже описывалось выше, I2a – древняя гаплогруппа «Старой Европы», она образовалась примерно 22 тысячи лет назад (расчет по снипам Y-хромосомы), пережила ледниковый период, обнаружена в нескольких древних захоронениях мезолита (в Швеции и Люксембурге), и почти погибла в ходе III тыс. до н.э., случайно или нет – в процессе заселения Европы эрбинами, носителями гаплогруппы R1b. Последние в своем большинстве относились к культуре колоколовидных кубков, и найденная ископаемая гаплогруппа с датировкой

середины III тыс. до н.э. (4690-4560 лет назад) обнаружена именно в культуре колоколовидных кубков.

Гаплогруппа I2a в ходе ее уничтожения в центральной Европе (женские гаплогруппы мтДНК в это время численность свою почти не изменили, и почти сразу пошли в количественный рост) разорвалась на две части – одна нашла убежище на Британских островах с датировкой общего предка начала III тыс. до н.э., другая – на Дунае или в Карпатах, но выживала там, проходя «бутылочное горлышко популяции», до конца прошлой эры, а именно до III в. до н.э. И на Британских островах, и на Балканах субклад один и тот же, I2a-M423, с древней датировкой примерно 18 тысяч лет назад, но на Балканах у большинства наблюдается субклад S17250 и нижестоящие, с датировкой общего предка примерно 300 лет до н.э. С тех пор этот субклад распространился по всей Восточной Европе, от Греции до Прибалтики, и у всех один и тот же общий предок, с той же датировкой 300 лет до н.э. Этот субклад часто называют «динарским», по имени Динарского нагорья, горной системе на северо-западе Балканского полуострова.

• • • • I2a1b M423	**18400 лет назад**
• • • • • I2a1b1 L161.1	**11300**
• • • • • • L1498	**6500**
• • • • • • • S2703	**6400**
• • • • • I2a1b2 L621	**11300**
• • • • • • CTS10936	**6600**
• • • • • • • L147.2	**5500**
• • • • • • • • S17250	**2300**
• • • • • • • • • Z16971	**2000**
• • • • • • • • • Y4882	**2000**
• • • • • • • • • A356	**2000**
• • • • • • • • Y4460	**2300**
• • • • • • • • • S8201	**2300**
• • • • • • • • Y3118	**2300**

Это означает, что в славянском этногенезе гаплогруппа I2a принимала участие только начиная с конца прошлой эры (когда носителей I2a в Восточной Европе было совсем немного) и с первых веков нашей эры. Вполне возможно, что именно передвижение этой группы на Балканах и было принято историками за «становление славянства». Неудивительно, что язык их был индоевропейский, потому что выживали они в среде носителей гаплогруппы R1a, значительно больших по численности, и принятие их языка было вполне естественным. Возможно, это объясняет тесные контакты между носителями гаплогрупп R1a и I2a в Восточной Европы, и объединение их в группу славян. Похоже, между ними никогда не было противоречий – ни территориальных, ни языковых, ни политических. Конфликты, которые произошли в XX веке, например, между сербами и хорватами,

проходили не между родами, а между религиями – католической у хорват и православной у сербов. Язык у них один – сербохорватский.

Поэтому, когда историки утверждают, что славяне появились на Балканах только в середине первого тысячелетия нашей эры, это относительно верно, но только в отношении половины славян, гаплогруппы I2a, «динарского» рода, да и то не в середине I тыс. нашей эры, а на 800 лет раньше. Правда, за 800 лет за того их вряд ли можно было назвать славянами, по классификации лингвистов. Содержание гаплогруппы I2a в странах Восточной Европы было показано выше.

Но тот факт, что славяне, носители гаплогруппы I2a, стали проявлять активность к середине I тыс. нашей эры, расселяясь по Восточной Европе, привел, видимо, к тому, что именно их, без рассмотрения восточных славян гаплогруппы R1a (предков которых описывали как «ямников», «катакомбников», «срубников», «шнуровиков», «фатьяновцев», «андроновцев», «киммерийцев», «скифов», «сарматов», «алан», и вообще прочих «варваров») стали принимать за родоначальников всех славян.

Взглянем, например, на недавнюю книгу Бориса Акунина «История Российского государства» (2013), раздел «Русославяне», хотя историки, видимо, поморщатся, и не без оснований. Но рассмотрим как пример. Он начинает с того, что «*Всё, что касается славянских корней и доисторической миграции, очень туманно и недостоверно… оставляем без утвердительного решения вопрос: «Откуда и когда Славяне пришли в Россию?..*», и дальше Акунин переходит к тому, что «*с определеной уверенностью можно сказать, что предки славян примерно во II веке христианской веры вышли из Дакийского царства, к числу народов которого они до той поры принадлежали*». Но Дакия – это северная Румыния и Молдова, немного захватывая современные Венгрию, Болгарию, Сербию, Украину. Даки, или геты (как их называли греки), они же ветвь фракийцев, в итоге захваченные римлянами, после чего Дакия стала римской провинцией.

То, что пишет Б. Акунин, во многом разделяют российские историки. Иначе говоря, согласно им славяне вышли из Румынии и прилегающих территорий, причем только во 2-м веке нашей эры. До этого были вообще непонятно чем. На самом деле это было, конечно, не так, и мы в этой статье показываем, как глубоко в историю уходят корни современных славян и этнических русских. Но у историков «славяне» – лингвистическая категория, то есть народы, говорящие на языках славянской группы. Это «этноязыковая общность», с упором на «языковую». В «Повести временных лет» славяне записаны рядом с Иллирией (западная часть Балкан). И далее летописец рассказывает о разрушении Вавилонской башни, рассеянии людей и языков, и далее - то, что выпало на долю «сынов Иафета», образование словенского языка и самих нориков-словен: «*Афетови же сынове западъ прияша и полунощьныя страны. От сихъ же 70 и дву языку бысть языкъ словенескъ, от племени же Афетова, нарѣцаемѣи норци, иже суть словенѣ*».

Выше мы уже показывали, что у В.Н. Татищева эта фраза не обрублена, как в данном случае. Однако именно эту цитату историки повторяют тысячи раз, выводя славян то из Иллирииии, то из Паннонии, то из Дакии, то из Норика, маленького

государства на восточном склоне Альп, между Рецией и Верхней Паннонией, которое существовало во второй половине I тыс. до н.э.

Правда, к славянам многие историки относят венедов, о чем мы поговорим ниже. Но венеды, если исходить из того, что они близки к венетам (о которых мы тоже поговорим далее), не могут относиться к гаплогруппе I2a, потому что венеты жили на тысячу лет раньше, чем гаплогруппа I2a вышла из «бутылочного горлышка популяции».

Поскольку общий предок славян гаплогруппы R1a, а именно они составляют большую часть субклада Z280, жил на Русской равнине около 5000 лет назад (см. таблицу выше), то никакого разговора о том, что они появились из Дакии во 2-м столетии нашей эры, и быть не может. Опять получается, что историки под славянами, видимо, понимают носителей гаплогруппы I2a (в большинстве не зная, конечно, что такое I2a и что такое гаплогруппа). Действительно, гаплогруппа I2a возродилась в конце прошлой эры, видимо, на Дунае и Карпатах. Карпаты находились в центре Дакии. Но это – самая молодая группа из славян. Многие историки же, похоже, замыкаются именно на этой самой молодой, дунайской славянской группе, и принимают ее за всех, или большинство славян I тыс. нашей эры. И языки славянские ведут от этой группы, и историю славян, и оттуда же появляется датировка V-VI вв. н.э. как «появление славян на исторической арене». Но это в основном (или только) славяне гаплогруппы I2a. Славяне же гаплогруппы R1a при этом во внимание не принимаются. А они имеют предыдущую историю как минимум на два с половиной тысячелетия древнее.

Откуда же эти представления историков произошли? В основном – из той же «Повести временных лет», согласно которой (или, интерпретируя которую) историки выводят славян, как собщалось выше, то из Иллириии, то из Паннонии, то из Дакии, то из Норика. И в итоге этих выведений, с учетом археологии тех мест (которая тоже, скорее всего, относилась к славянам гаплогруппы I2a), историки и заложили образование славянства в V-VI вв. нашей эры. ДНК-генеалогия, как мы показываем в настоящей работе, дает намного более древние датировки и другие регионы древнего обитания славян, если под славянами понимать не лингвистические определения и не то, что говорит «Повесть временных лет» (или то, как ее редактируют, понимают и интерпретируют), а прямых предков современных славян – русских, украинцев, белорусов, поляков, сербов и других жителей Восточной Европы, в своем большинстве носителей гаплогруппы R1a. Надо отметить, что у балканцев, таких как сербы, хорваты, словенцы и др., носители гаплогруппы R1a с большой вероятностью были выбиты на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., и их место заняли носители гаплогруппы I2a, которая возродилась на Дунае и Карпатах только в конце прошлой эры. Вот их передвижения в первой половине I тыс. н.э. и наблюдают историки, принимая это за «происхождение славян».

Как только мы осмысливаем и принимаем взаимоотношение южных славян гаплогруппы I2a и восточных славян гаплогруппы R1a, многие противоречия разрешаются – и то, что славяне намного древнее, чем им приписывается современными историками, и близкое родство восточных славян (гаплогруппа R1a) с

историческими ариями той же гаплогруппы, и близкое родство восточных славян со скифами, близкими родственниками ариев, и правильное понимание терминов «авестийские арии» (они же «иранцы»), «индоарии», «митаннийские арии», не как лингвистические термины, а как наследственные, генеалогические, показывающие родовую связь с современными этническими русскими. Естественно, это не есть отрицание терминов, принятых в лингвистике, но это есть придание им дополнительного важного содержания.

Гаплогруппа (род) N1c1

Гаплогруппа N образовалась примерно 36 тысяч лет назад, место ее образования – юго-восточная Азия, Китай, Вьетнам. В ходе последовательного образования новых субкладов, по нескольку тысяч лет на каждый, носители гаплогруппы N постепенно мигрировали на север, в алтайский регион. Видимо там, примерно 14 тысяч лет назад, образовался субклад M178 (показан на диаграмме субкладов гаплогруппы N ниже), далее L708, около 12 тысяч лет назад. Примерно тогда же часть носителей гаплогруппы N, оставив позади основной по количеству состав своей гаплогруппы (сейчас в Китае проживает самое большое количество носителей гаплогруппы N в мире), стали продвигаться на север, сначала по Южной Сибири, затем выйдя на северный Урал. Примерно 5900 лет назад образовался субклад L1026, и 4300 лет назад – субклад VL29. В это время носители гаплогруппы N, покинувшие Южную Сибирь, жили на Урале, в угорских краях, но уже начинался новый этап миграции – на запад, к Балтийскому морю. По пути на Балтику возник субклад Z1025, в первой половине I тыс до н.э., когда южные балты уже подходили к побережью Балтийского моря, но будущие финны подошли на северо-восток Балтики на 500 лет позже, только в начале новой эры, и потому имеют характерные отличия в гаплотипах. По характерным числам (аллелям) гаплотипы балтов и финнов довольно легко разделяются.

N	**M231**	**36500 лет назад**
• N1	**L735**	**-**
• • N1c	**L729.1**	**17900**
• • • N1c1	**M46/Tat**	**15000**
• • • • N1c1a	**M178**	**14000**
• • • • • N1c1a1	**L708**	**11800**
• • • • • • N1c1a1a	**L1026**	**5900**
• • • • • • • N1c1a1a1	**VL29**	**4300**
• • • • • • • • N1c1a1a1a	**L550**	**3500**
• • • • • • • • • N1c1a1a1a1	**L1025**	**2800**
• • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	**L1027**	**2300**
• • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	**M2783**	**2500**
• • • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	**L591**	**2300**
• • • • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	**Y5582**	**2100**
• • • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	**L551**	**2500**
• • • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	**CTS8173**	**2500**

• • • • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	Y6075	2200
• • • • • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	Y6077	2100
• • • • • • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	Y6076	2100
• • • • • • • • • N1c1a1a1a1	Y4339	2700
• • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	Y12103	1850
• • • • • • • • • • N1c1a1a1a1	Y5611	1850
• • • • • • • • N1c1a1a1b	L1022	3500
• • • • • • • • • N1c1a1a1b	Y5004	2900
• • • • • • • • • • N1c1a1a1b	Y15812	1850
• • • • • • • • • • • N1c1a1a1b	Y15615	1550
• • • • • • • N1c1a1a2	Z1936	4300
• • • • • • • • N1c1a1a2a	Z1925	4300
• • • • • • • • • N1c1a1a2a1	Z1927	2500
• • • • • • • • • • N1c1a1a2a1a	Z1941	1600
• • • • • • • • • • • N1c1a1a2a1a1	Z1940	1200

На диаграмме выше характерные субклады южных балтов (выделены желтым цветом) – серия от L1025 до L1027, образованные в середине I тыс. до н.э., до Y6076, который возник в самом конце прошлой эры (молодые субклады на диаграмме ниже, с датировками 1850-1200 лет назад – в основном финские, и мы рассматривать их здесь не будем). Надо опять понимать, что образоваться субклады южных балтов могли еще до прихода на Балтику, это относится в первую очередь к субкладу L1025. К тому времени носители гаплогруппы R1a, которые определенно говорили на индоевропейских языках, жили на Балтике и в прилегающих регионах уже почти три тысячи лет. Возможно, и намного больше, о чем свидетельствует недавняя находка на Южном Оленьем острове ископаемой гаплогруппы R1a (субклад R1a-YP1272) с археологической датировкой 7500 лет назад.

Поэтому рассуждения об «общем предке балто-славянских языков 1500 лет до н.э.» (см. филолингвистическую диаграмму выше) являются, видимо, отражением формальных расчетов без исторического содержания. Если носители индоевропейских языков и гаплогруппы R1a жили на Балтике еще в III тыс. до н.э., а будущие балты прибыли и образовали с ними общие или соседние племена, близкие настолько, чтобы образовать общий язык (что многие лингвисты отвергают, см. цитату В.В. Седова выше), в середине I тыс. до н.э., то как мог «общий предок» жить в середине II тыс. до н.э.? Понятно, что можно вводить разнообразные постулаты, допущения, приближения и условия, применять лексикостатистику с достаточно произвольными константами выпадения слов, но надо представлять себе суть исторического процеса образования балто-славянского единства. Не славяне появились на территории балтов и «ассимилировали» их, а балты появились на территории славян (и их предшественников), и приняли их языки. И не «литовский язык является наиболее близким к санскриту», как нередко приходится читать, а тот язык носителей гаплогруппы R1a, который прибывшие балты приняли как свой. В итоге, как мы видели выше, в литовской и латышской популяциях содержание гаплогрупп R1a и N1c1 примерно поровну. Это есть «балто-славянское единство» в их ДНК-генеалогии.

В связи с этим положение, приводимое В.В. Седовым, что «*балты находились в тесном контакте с иранцами, что зафиксировано десятками балтских лексических заимствований из иранского и совместными новообразованиями*», просто вытекает из того, что древние носители гаплогруппы R1a и N1c1 жили вместе или по-соседству, поскольку праславянский язык гаплогруппы R1a был индо-арийским или иранским, смещаясь по своей динамике к еще большей древности к общеарийскому языку. А какой именно он был, зависит от того, как его классифицируют и называют лингвисты, и насколько они точны в своих классификациях. Вопрос о точности, конечно, риторический.

Когда будут доступны ископаемые гаплотипы древних славянских племен VIII-IX вв., вполне может оказаться, что, например, вятичи и кривичи могут в значительной степени, а то и полностью на ранних этапах, быть носителями гаплогруппы N1c1.

Венеты и венеды

Попытаемся подойти к вопросу происхождения венетов и венедов с точки зрения ДНК-генеалогии. В.В. Седов по понятным причинам ограничивается цитированием историков античности – Плиния («*…земли до реки Вистулы обитаемы сарматами, венедами, скифами, гиррами*»), Тацита, который помещает венедов восточнее германцев, и «*отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне*», Птолемея, который приводит более конкретные этногеографические сведения о венедах. Как пишет В.В. Седов, «*Учитывая сообщение Тацита о соседстве венедов с певкинами, венедов следует локализовать между побережьем Балтийского моря и... в бассейне Вислы*». Правда, потом В.В. Седов пишет о «венедах-сарматах» — «*На Певтингеровой карте (конец III — начало IV в. н. э.)... венеды-сарматы локализованы южнее Балтийского моря...*», несмотря на то, что Тацит отделял венедов от сарматов. Как резюмирует В.В. Седов, «*информация о венедах в письменных источниках первой половины I тысячелетия н.э. этим и ограничивается. На основе данных Плиния, Тацита и Птолемея можно полагать, что в первых столетиях нашей эры славяне обитали где-то между Балтийским морем и Карпатами, в бассейне Вислы, а может быть, и в более восточных районах. В III–IV вв. н.э. их территория расширяется, охватывая области Поднестровья*». Далее В.В. Седов цитирует Иордана, который жил в VI в. н.э., и пишет, что «*Иордан позволяет установить связь между славянами и венедами античных писателей. По Иордану, венеды суть славяне*».

Венеды упоминаются, как известно, и в Повести временных лет: «*Афетово же колѣно и то: варязи, свеи, урмане, готъ, русь, аглянъ, галичанъ, волохове, римлянъ, нѣмци, корлязи,* ***венедици****, фряговъ и прочии, присѣдять от запада къ полуденью и съсѣдятся съ племенем Хамовомъ*».

Мы уже обращали внимание выше, что ПВЛ скорее делает упор на южных славян, видимо, гаплогруппы I2a, и практически не упоминает восточных славян, гаплогруппы R1a, во всяком случае, тех, кто заселял восточную Европу в ее северной части, и не выходили из Норика в начале нашей эры. Еще раз повторим, что южные славяне (в основном гаплогруппы I2a) – самые «молодые» из всех славян, они вышли

на заметный рост популяции только с конца прошлой - начала нашей эры. Тем не менее, как упоминалось выше, похоже, что их приняли в летописях и в последующих исторических исследованиях за фактически единственный источник славянского древнего этноса.

Поскольку род I2a начал свое существование (после прохождения бутылочного горлышка популяции) только с конца прошлой эры, в то время как венеты были известны на тысячу лет ранее, то крайне маловероятно, что венеты относились к гаплогруппе I2a. Историко-генеалогический анализ, проводимый ниже, не оставляет никаких других вариантов для венетов, кроме как гаплогруппа R1a. Это же, видимо, относится и к венедам, тем более что многие историки считают, что венеты и венеды – один и тот же народ.

Венеты и венеды – племена, которые многие считают древнеславянскими, и которые занимали, или передвигались, на обширных территориях от Балтийского до Адриатического морей и до Атлантического побережья, а также в Малой Азии. Древнейшие их описания относятся к Лидии на западе Малой Азии, и к исторической Трое (у побережья Эгейского моря), которая пала примерно 1260 лет до н.э., а каков был их «этногенез» - или с Балтики в Малую Азию, а оттуда в северную Адриатику, или из Адриатики на север, в Прибалтику и одновременно в другую сторону – в Малую Азию, или другие варианты, неизвестно. Иначе говоря, где их условная «прародина» в последние три с половиной тысячи лет – на Балтике, на Адриатике, в Малой Азии, или вообще на Русской равнине, откуда они разошлись по этим – по меньшей мере – трем направлениям, неизвестно. Похоже, что так вопрос и не ставился. А как ставился?

Римский историк Марк Юниан Юстин (M. IUNIANO IUSTINO), живший в 3-м веке н.э., в своей редакции «Всемирной истории» Помпея Трога (1-й век до н.э.), в главе XX писал: «*Namque Tuscorum populi, qui oram Inferi maris possident, a Lydia venerunt, et Venetos*» (*Тосканцы, которые владели берегами Нижних морей, прибыли из Лидии, как и венеты*). И далее «Всемирная история» повествует, что они были захвачены в плен в Лидии и направлены под началом Антенора в Иллирию, на побережье Адриатического моря. Речь, стало быть, идет о третьей четверти II тыс. до н.э. Действительно, считается, что Лидия была основана в 12-м веке до н.э.

Этому описанию вторит Тит Ливий, римский историк 1-го века н.э., в своем труде TITI LIVI AB VRBE CONDITA, глава 1: «*Iam primum omnium satis constat Troia capta in ceteros saevitum esse Troianos, duobus, Aeneae Antenorique, et vetusti iure hospitii et quia pacis reddendaeque Helenae semper auctores fuerant, omne ius belli Achivos abstinuisse; casibus deinde variis Antenorem cum multitudine Enetum, qui seditione ex Paphlagonia pulsi et sedes et ducem rege Pylaemene ad Troiam amisso quaerebant, venisse in intimum maris Hadriatici sinum, Euganeisque qui inter mare Alpesque incolebant pulsis Enetos Troianosque eas tenuisse terras. Et in quem primo egressi sunt locum Troia vocatur pagoque inde Troiano nomen est: gens universa Veneti appellati*».

Здесь сообщается, что после гибели защитников Трои и возвращения Елены, Антенор с многочисленными энетами прибыл в наиболее отдаленную часть Адриатического моря, между морем и Альпами. И весь этот троянский народ назвали венетами.

Но, согласно некоторым источникам, раньше обоих римских историков о венетах писал Зенодот Эфесский (325-260 до н.э.), первый руководитель Александрийской библиотеки. Цитата (оригинал, впрочем, оказался недоступным), гласит: «…Эти венеты …потеряв своего вождя во время Троянской войны, они переправились в Европу (во Фракию), далее, после долгих скитаний, прибыли в Венетию Адриатическую». Это согласуется с описаниями Юстина и Тита Ливия.

Об энетах, которых историки приравнивают к венетам, писал Гомер в своей Илиаде:

Вождь Пилеменъ предводил Пафлагонцевъ с косматою грудью,
В крае Энетовъ живущихъ, где дикие мулы родятся.
Киторъ они населяли, окрестные земли Сезама,
Подле потока Парфения въ светлыхъ домахъ обитали,
И въ Эгиале, и в Кромне, равно в Эрифинахъ высокихъ.

(Песнь II, 851—855. Перевод Н.М. Минского).

Обратим внимание, что здесь Гомер упоминает пафлагонцев, которых Нестор (в воспроизведении ПВЛ В.Н. Татищевым) считает первославянами. Случайно?

Об энетах писал Геродот в 5-м веке до н.э.: «*Пределы земли сигиннов простираются почти до [области] энетов на Адриатическом море*» (I.196 и V.9).

«*Самый благоразумный обычай, который, как я знаю, бытует также и у иллирийских энетов, по моему мнению, у них вот какой. Раз в году в каждом селении обычно делали так: созывали всех девушек, достигших брачного возраста, и собирали в одном месте. Их обступали толпы юношей, а глашатай заставлял каждую девушку поодиночке вставать и начиналась продажа невест…*».

Как мы видим, венетов-энетов античные историки связывают с Иллирией.

Впоследствии венеты были союзниками римлян в борьбе с «варварами», воевали в составе римского войска против Ганнибала (218-201 до н.э.), вошли в состав римской провинции Цизальпийская Галлия, и в 1-м веке до н.э. стали римскими гражданами. Их область называлась Венетия, регион Венето, город Венеция. Правда, этому гладкому повествованию мешает упоминание венетов в книге Юлия Цезаря «Записки о галльской войне», которая повествует (книга II):

«*34. В то же самое время П.Крас, посланный с одним легионом против венетов, венеллов, осисмов, куриосолитов, эсубиев, аулерков и редонов (все это приморские общины, жившие по берегу Океана), известил Цезаря о том, что все они теперь подчинены владычеству римского народа*». А ведь это – середина 1-го века до н.э., когда адриатические венеты давно были союзниками римлян и уже более ста лет входили в состав римской провинции. Стало быть это были другие венеты, недружественные Риму (или наоборот, Рим им был недружественен).

Далее, в книге III Юлий Цезарь пишет о венетах:

«*8. Это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые вдобавок находятся в руках именно венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю*».

Этими венетами было, скорее всего, древнее кельтское племя в Бретани, ныне Франция. И далее Цезарь пишет:

«16. …сражение положило конец войне с венетами и со всем побережьем, ибо туда сошлись все способные носить оружие, даже пожилые люди, обладавшие хоть некоторым умом и влиянием; в этом же пункте были отовсюду собраны все корабли, которые только были в их распоряжении. Все это погибло, и уцелевшим некуда было укрыться и неизвестно, как защищать города. Поэтому они со всем своим достоянием сдались Цезарю. Он решил строго покарать их, чтобы на будущее время варвары относились с большим уважением к праву послов, и приказал весь их сенат казнить, а всех остальных продать с аукциона».

Но венеты выжили, хотя бы в своей части, потому что далее (в книге VII) Цезарь пишет:

«75. …под Алесией галлы назначили съезд князей и постановили на нем... потребовать от каждой общины определенного контингента бойцов …должны были поставить …все общины, живущие у берегов Океана под общим названием араморийских,— тридцать тысяч; в их числе были кориосолиты, редоны, амбибарии, калеты, осисмы, венеты, лексовии и венеллы…».

Венетов рассматривали и как иллирийский народ на территории нынешней Венгрии. Их язык (на Адриатике) классифицируют как венетский язык романской группы, хотя лингвисты рассматривали много вариантов языковых связей венетского языка – от балтских до италийских, иллирийских, германских, а также, например, фрако-фриго-иллиро-албанский. Некоторые лингвисты считают, что адриатические венеты – славянского происхождения, как и балто-славянское племя венедов в Восточной Европе, и что они образовывали единую общность, пересекающуюся с кельтами.

Мы помним, что описания венетов относились еще к последней четверти II тыс. до н.э., то есть более 3 тысяч лет назад. В этом отношении восточные (или северные) венеды, согласно их описаниям античными историками, более молодые, и впервые, видимо, их описал Геродот в 5-м веке до н.э. Вот как эти строки выглядят в английском переводе с греческого:

«*Of the extreme tracts of Europe towards the west I cannot speak with any certainty; for I do not allow that there is any river, to which the barbarians give the name of Eridanus, emptying itself into the northern sea, whence (as the tale goes) amber is procured… Nevertheless, tin and amber do certainly come to us from the ends of the earth*» (Herodotus, 3.115).

Здесь Геродот сообщает о том, что янтарь привозят с реки Эридан, названную так варварами, и местонахождение которой Геродоту неизвестно, и которая, как гласит легенда, вливается в северное море, и далее, по сообщению ряда историков, янтарь привозят от энетов (венетов) от края света. Непосредственно про энетов в этом отрывке ничего нет.

Готский историк Иордан в своем труде «О происхождении и деяниях гетов» (551 год н.э.) упоминал венетов в двух фрагментах, но согласно современным представлениям, говорил при этом о венедах, или же не отделял одних от других (см. цитирование Иордана у В.В. Седова).

Но поскольку задача настоящего раздела дать не исчерпывающую информацию по венетам и венедам, а показать, что о них может предложить для рассмотрения ДНК-генеалогия, то перейдем к шлейфам Y-хромосом ДНК, предположительно оставленных древними венетами-венедами и их потомками. Ископаемых ДНК венетов и/или венедов пока нет, так что будем рассматривать то, что есть у наших современников. Основной вопрос, который мы здесь рассмотрим – кто предположительно были венеты-венеды по их гаплогруппам, и кто сейчас их потомки. Как мы отмечали выше, основным, или даже практически единственным кандидатом на гаплогруппу венетов-венедов является гаплогруппа R1a.

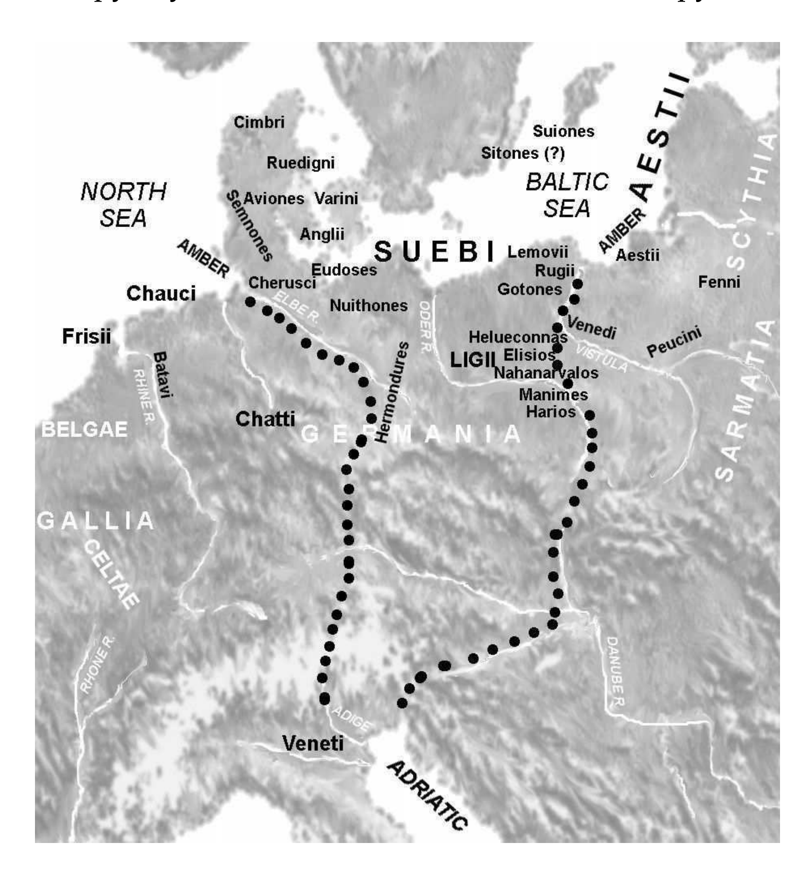

Рис. 7. Янтарный путь от Балтики к венетам и далее к «северному морю» (Andres Pääbo. The Venetic Language. 2014. P. 189).

Гаплогруппа I2a, выраженная у южных славян, появилась, пройдя бутылочное горлышко популяции, только в конце прошлой эры, и в Прибалтике представлена мало. Это, как уже отмечалось выше, крайне маловероятный кандидат на венетов-венедов.

Гаплогруппа I1, которой у славян в настоящее время мало, тоже маловероятна для венедов-венетов. Из 1052 гаплотипов группы I1, для которых известна страна происхождения (проект FTDNA), всего 28 в Польше (2.7%), 25 в России (2.4%), 5 на Украине (0.5%), трое в Белоруссии и столько же в Литве (0.3%), по одному в Сербии и Словении. Всего 8 гаплотипов I1 из данной выборки в Италии (0.8%), 19 – во Франции (1.8%). Данные по недавней выборке из 1094 гаплотипов по Бельгии показали, что гаплогруппа I1-M253 обнаружена там у 127 человек, что составляет

11.6%. Впрочем, это уже северо-западный сектор Европы, где гаплогруппа I1 наиболее представлена в соседних скандинавских странах. Если будут получены дополнительные данные, что венеды могут оказаться принадлежащими к гаплогруппе I1, то такую возможность следует внимательно рассмотреть. Пока это, повторяем, маловероятно. Надо еще добавить, что гаплогруппы I1 (по всей Европе) и I2a (в Восточной Европе) распределены равномерно «по всем», и каждая имеет одного общего предка. Иначе говоря, никаких предпочтений в отношении региона пребывания общих предков I1 или I2a нет. Как отмечалось выше, гаплотипы гаплогруппы I1 везде одинаковы, общий предок I1 один на всех во всей Европе, и I2a – один на всех в Восточной Европе.

В поисках следа венетов рассмотрим для начала Италию. Там вообще мало гаплогруппы R1a, всего 4% по стране, и 4.5% на севере Италии. Итальянских R1a, соответственно, мало и среди носителей этой гаплогруппы в Европе. Так, среди 4314 гаплотипов гаплогруппы R1a в 67- и 111-маркерном формате в базе данных регион жизни предков известен для 3930 человек, и из них всего 22 гаплотипа из Италии (0.6%), включая ашкеназийского еврея и носителя гаплогруппы R1a-Z93, для венедов крайне маловероятной. Конечно, если бы все эти 20 человек относились к одному субкладу, имевшему корни в Прибалтике, наша задача была бы намного проще, но такого не произошло. В Италии – весь спектр субкладов гаплогруппы R1a, большинство (16 гаплотипов) относятся к «субкладу Русской равнины» – R1a-Z280, другие три гаплотипа – к центрально-европейской ветви R1a-M458, из них один M458-YP263 и два M458-YP417. Те итальянские гаплотипы, которые входят в субклад R1a-Z280, имеют следующие отнесения:

Балто-карпатская ветвь	три гаплотипа
Восточно-карпатская ветвь	три гаплотипа
Северо-карпатская ветвь	два гаплотипа
Центрально-евразийская ветвь	два гаплотипа
Западно-карпатская ветвь	два гаплотипа
Западная евразийская ветвь	два гаплотипа
Балтийская ветвь (субклад L366)	один гаплотип
Северо-евразийская ветвь R1a-Z92	один гаплотип

Ясно, что искать венетов в Италии с такой статистикой, точнее, с ее отсутствием – дело довольно безнадежное. Но в качестве вспомогательного варианта можно взглянуть на гаплотипы R1a в Сербии, поскольку есть множество свидетельств, точнее, соображений среди сербских историков о боевых действиях древних сербов в Малой Азии в период до нашей эры, и участие их в защите Трои.

Результат оказался неожиданным – все шесть сербских гаплотипов в базе данных оказались из северо-карпатской ветви. Оттуда же оказались 12 гаплотипов Боснии из 14 (два других – балтийский L366 и балто-карпатский. Из десяти гаплотипов хорват – семь балто-карпатских, и по одному восточно-карпатский, западно-карпатский и центрально-европейский (M458). Такое относительное обилие гаплотипов северо-карпатских и прочих карпатских ветвей на Адриатике позволяет

по-новому взглянуть на относительный избыток карпатских гаплотипов и в Италии (включая балто-карпатские) – 10 гаплотипов из двадцати, то есть половина.

Таким образом, связка между прибалтийскими территориями и Адриатическим побережьем уже не кажется чем-то надуманным, к тому же при наличии описаний античными историками такой связки. Вряд ли кто с порога такую связь будет отрицать, да и на основании чего? Поэтому принимаем за рабочую гипотезу то, что гаплотипы перечисленных ветвей гаплогруппы R1a могут быть потомками древних венедов-венетов. Датировки происхождения этих ветвей (как и времена, когда жили их общие предки) приведены выше.

Основные результаты этого анализа приведены в статье (Клёсов, Исторический Формат, №2/2015). Там указано, что на Адриатике (Балканы и Италия) представлены или даже доминируют балтийские, северные (северо-карпатские и северо-евразийские), и карпатские ветви, в которых в основном представлены славяне (поляки и русские; есть и украинцы с белорусами, но у них пока уровень определения гаплотипов невысок). Но оказалось, что выделить из ветвей гаплогруппы R1a какую-то специфическую «венедскую ветвь» не представляется возможным. Во всех балтийских, северных, карпатских ветвях преобладают поляки и русские, в меньшей степени немцы, еще в меньшей степени украинцы и белорусы, остальные разбросаны по всей Европе в относительно минорных количествах, и не являются по сути репрезентативными в балтийских, карпатских и северных ветвях гаплогруппы R1a, наиболее вероятных потомков венедов и венетов. В итоге, большинство современных поляков, русских, немцев, украинцев, белорусов западных ветвей гаплогруппы R1a могут рассматриваться как потомки венедов и венетов, хотя родство между венетами и венедами остается проблематичным из-за малого количества носителей протяженных гаплотипов гаплогруппы R1a в Италии.

Таким образом, окончательное решение вопроса пока не получено, но то, что венеты скорее всего относились к северным (балтийским и карпатским) субкладам гаплогруппы R1a уже трудно оспаривать.

Кельты – откуда у них индоевропейский язык?

В настоящем разделе будет предложена довольно неожиданная концепция происхождения кельтов, хотя, по мнению автора, к ней столько раз вплотную подходили, что удивительно, почему не было четко сформулировано, что кельты первой половины I тыс. до н.э., то есть времен Гальштата и Ла-Тене, практически неотделимы от славян (или праславян, что есть просто вопрос определений). Смотрим на записи В.В. Седова:

• В сочинениях западноевропейских историков можно встретить утверждение, что славяне в древности назывались кельтами.

• Сравнительное историческое языкознание выявило степени родства и близости между различными индоевропейскими языками. Так, установлено, что славянский язык наиболее близок к балтским и германским... Поставлены вопросы о славяно-кельтских, славяно-иллирийских и славяно-фракийских контактных

взаимоотношениях. В результате был сделан вывод, что древние славяне...скорее всего, также соседили с кельтами, фракийцами и иллирийцами.

• Главным же в построении этого исследователя (А.А. Шахматов) являются якобы существовавшие в древности контакты славян с кельтами...

• Анализ водных названий Западной Европы выявил древние ареалы кельтов, германцев, иллирийцев и фракийцев, После чего славянам не осталось здесь места (мое примечание – верно, если древние ареалы кельтов и славян не совпадали).

• Границы праславянской территории на протяжении веков не оставались стабильными, в частности в последние века до нашей эры в юго-западные районы ее проникали кельты...

• ...трудности возникают при исследовании древнекельтского влияния на праславянскую речь. Можно думать, что славянам в древности приходилось общаться с кельтскими племенами. Однако от кельтских языков Средней Европы не осталось почти никаких следов, а западнокельтские диалекты существенно отличны от них. Поэтому гипотезы о славяно-кельтских языковых связях часто не принимаются во внимание. Остаются несомненными лишь несколько праславянских слов, хорошо этимологизирующихся на почве кельтских языков.

• ...интересными и важными представляются наблюдения О. Н. Трубачева, исследовавшего этнонимию древней Европы, еще не охваченной государственными образованиями. Оказывается, что тип раннего славянского этнонима ближе всего стоит к иллирийской, фракийской и кельтской этнонимии.

• Лужицкая культура получила распространение в Центральной Европе... Ее приписывали германцам, кельтам, славянам, иллирийцам, фракийцам.

• Около 400 г. до н. э. начинается движение кельтов в Центральную Европу. Постепенно кельтские племена занимают Верхнее и Среднее Подунавье, проникают в Адриатику и, двигаясь вдоль Карпат, достигают Чёрного моря. В III–II вв. до н. э. кельты расселяются в Силезии и Малой Польше и, очевидно, приходят в соприкосновение со славянами — носителями культуры подклошовых погребений. Таким образом, юго-западными соседями ранних славян некоторое время были кельты. Как отмечалось выше, следы славяно-кельтских языковых контактов выявляются, но полностью оценить их из-за исчезновения восточнокельтских языков не представляется возможным.

• Имеются некоторые косвенные свидетельства археологии, говорящие о непосредственных и тесных контактах славян с кельтами в древности. Так, языческий храм славян VII–VIII вв., остатки которого были выявлены и изучены раскопками в Грос Радене в Шверинском округе ГДР, по внешнему облику и деталям оказался очень похожим на культовые постройки кельтов.

Как мы видим, кельты часто упоминаются в одной связке со славянами. Похоже, это не случайно. Мы не будем здесь вдаваться в детальное обоснование предлагаемой здесь гипотезы, просто ее обозначим, поскольку в данной статье речь идет о славянах. В основу гипотезы положим следующие соображения:

1. Язык кельтов – индоевропейский. В Европе до кельтов язык основных обитателей, носителей гаплогруппы R1b, был неиндоевропейским. Вместе с носителями гаплогруппы R1a, вытесненных из Европы на Русскую равнину, туда же

перешел индоевропейский язык. Эрбины, носители гаплогруппы R1b, заселившие Европу начиная с начала III тыс. до н.э., говорили на не-ИЕ языках. Баски – один из немногих реликтов эрбинов начала III тыс. до н.э. (85-90% басков имеют гаплогруппу R1b, время жизни общего предка басков – примерно 4500 лет назад, то есть середина III тыс. до н.э.), и они говорят на неиндоевропейском реликтовом языке, языке-изоляте. За свою протяженную миграцию – тысячи километров пути из Южной Сибири за тысячелетия – носители гаплогруппы R1b нигде не оставили ИЕ языков – ни на Кавказе, ни в Месопотамии, ни на Ближнем Востоке, ни на Пиренеях (баски). В Индии эрбины не были, и ИЕ языки туда не приносили. Иначе говоря, крайне маловероятно, чтобы ранние кельты, начала - первой половины I тыс до н.э, со своим ИЕ языком, имели гаплогруппу R1b. Вероятнее всего, у них была гаплогруппа R1a, отсюда – индоевропейский язык кельтов.

2. С конца II – начала I тыс. до н.э. в Европу передвигались многочисленные племена, носители гаплогруппы R1a (см. таблицу выше с перечислениями субкладов и датировками). В Австрии, родине кельтов (Гальштат) – самое высокое содержание R1a из всех центрально-европейских стран (19%). Для сравнения – Бельгия (4%), Англия (4.5%), Франция (3%), Западная Германия (9%), Ирландия (2.5%), Италия (4%), Нидерланды (4%), Испания (2%, у басков – 0%), Швейцария (3.5%). Есть хорошая вероятность, что в Гальштат, на территории современной Австрии, продвинулась группа носителей R1a, говорящих на ИЕ языке.

3. Карта распространения кельтов по Европе в первой половине I тыс. до н.э. (между IX и IV вв.) ясно показывает, что это было не физическое их распространение, а культурное и языковое. Нереально, чтобы за несколько сотен лет кельты из Гальштата физически заняли практически всю Европу, плюс Британские острова. Такие темпы физической экспансии невозможны, и никаких свидетельств им нет. Чем определялась столь высокая скорость распространения кельтского языка и культуры – пока неясно, но это должны были быть в первую очередь экономические факторы. Видимо, говорить на кельтском языке стало престижно, как и следовать культским культурным традициям.

4. В итоге описанной культурной экспансии носителями кельских ИЕ языков через несколько веков в Европе стали в основном носители гаплогруппы R1b, преобладающей гаплогруппы в Европе. Иначе говоря, гаплогруппный состав ранних кельтов практически полностью сменился, от R1a на R1b. Действительно, трупоположение кельтов второй половины I тыс. до н.э. уже характерно для эрбинов (см. обсуждение этого вопроса ниже). Недавний пример (Current World Archaeology. September 2015. Issue 72. pp. 16-20), трупоположение кельского вождя V в. до н.э. на территории сегодняшней северо-восточной Франции (Lavau) – в вытянутом положении на спине, характерном для носителей гаплогруппы R1b.

При описаниях ранних кельтов к ним относят фракийцев и иллирийцев, но, очевидно, в расчет не приняты праславяне (или славяне, в зависимости от определений славян), продвигающиеся с востока, со своим ИЕ языком. Эта гипотеза выносится на обсуждение. Следующий шаг в разработке данной гипотезы заключается во внимательном рассмотрении археологии кельтов, с одной стороны, и

указанных ветвей гаплогруппы R1a, и в идентификации общих факторов с обеих сторон.

Погребальный обряд, трупоположение предков славян

Общепринятым является то, что трупоположение является одним из наиболее стабильных признаков при рассмотрении археологических культур. В то же время остается без четкого объяснения разнообразие видов трупоположения, а также то, почему в ряде случаев одни виды трупоположений постепенно сменяются другими. Наиболее простых объяснений два – либо по каким-то причинам меняется погребальный обряд, либо происходит замена (вытеснение) одного населения другим. Понятно, что можно анализировать тот и другой вариант, привлекая сопутствующие материальные признаки; понятно также, что трупоположение – это некий маркер, но маркер чего – ответа до сих пор не было.

Ответ стал вырисовываться только в самое последнее время, и, наверное, в связном виде впервые изложен в книге (Клёсов, Пензев 2015). Немногие (пока) данные показывают, что характер погребений, а именно трупоположение, различается для носителей разных гаплогрупп, то есть родов. Интуитивно это понятно – род происходят от общего предка, патриарха; члены рода – родственники, во всяком случае, по мужской линии, потомки патриарха; и обычаи, особенно наиболее стабильные, должны поддерживаться в пределах рода. Конечно, не исключено, что дробление родов на расходящиеся племена-субклады может приводить к изменению обычаев, и что неродственные племена могли заимствовать погребальные обряды соседей, особенно если видели в этом определенную целосообразность, достаточную для изменения своих древних обычаев, но это все рассуждения «по понятиям», не «по науке». Суть, однако, ясна – трупоположения не обязательно вечные и неизменные, но это нужно показывать «экспериментально», а не путем общих рассуждений. В любом случае, представляется, что если разные гаплогруппы в древности различались определенным трупоположением, то это будет исключительно важной находкой для археологии.

Оказалось, что носители гаплогруппы R1a укладывали своих покойников в скорченном положении, мужчин на правом боку (головой на запад), женщин на левом (головой на восток), всех лицом на юг (ноги могли быть согнуты в разной степени). Так уложены покойники в захоронении носителей R1a в Германии (Эулау), культура шнуровой керамики, с датировкой 4600 л.н. (Haak et al. 2008), в захоронениях катакомбной культуры (от Днестра до Волги, II тыс. до н.э.), части древнеямной культуры (степная полоса от Урала до Днестра, 4800-4300 л.н., то есть IV—III тыс. до н.э. (Яровой 2000), ранней майкопской культуры в предгорьях Северного Кавказа, кобанской культуры, в захоронениях каракольской археологической культуры бронзового века (II тыс. до н.э.) на территории Горного Алтая (Кубарев 2005).

Для эрбинов, носителей гаплогруппы R1b, характерно трупоположение на спине, головой на запад или на север, которое наблюдается в некоторых погребениях каракольской культуры. Это же положение характерно для домайкопского

населения и части майкопского (Державин, Тихонов 1980), для населения кротовской культуры (Гришин 2002) — первый, доандроновский этап развитой бронзы Обь-Иртышья, и для большей части древнеямной культуры.

Известны и многие другие виды трупоположений, например, в китайской династии Шан-Инь (1500 лет до н.э.) покойников укладывали в вытянутом положении, иногда лицом вниз. Данных по соответствущим гаплогруппам нет, хотя в Китае наиболее распространена гаплогруппа O.

В этой статье ранее было высказано предположение, что фатьяновская культура – это культура носителей R1a. Ископаемые гаплогруппы фатьяновской культуры пока неизвестны, поэтому приписывание этой культуры гаплогруппе R1a оставалось «по понятиям». Но если мы смотрим на данные по трупоположениям, то видим, что это – скорченное положение на правом боку (мужчины), головой на запад, северо-запад или юго-запад, и на левом боку (женщины) головой на восток, юго-восток или северо-восток. Это, действительно, канонические (уже) характеристики R1a.

Для других гаплогрупп пока не имеется определенных данных, и они, несомненно, появятся. Но различия в трупоположениях для гаплогрупп R1a и R1b уже полезны для решения некоторых исторических загадок. Так, неясно, кем все-таки были сарматы, к какой гаплогруппе (или гаплогруппам) они принадлежали, и в каких случаях эта информация может понадобиться. За примером далеко идти не нужно. В.В. Седов описывает черняховскую культуру, и размышляет, в какой степени она была славянской. Он пишет – «*черняховская культура, объединяющая в единое памятники с очень разнотипным домостроительством и многоликой лепной керамикой, могильники с разнохарактерными захоронениями. Очевидно, что в составе населения, оставившего черняховскую культуру, было несколько племенных групп*». И далее он переходит к тому, что «*черняховская культура формируется в основном на скифо-сарматской территории*», но что это не сарматская культура, хотя «*не было и какого-либо хронологического разрыва между сарматской и черняховской культурами*». В итоге В.В. Седов приходит к тому, что «*вопрос о вкладе скифо-сарматского населения в черняховскую культуру… имеет непосредственное отношение к проблеме славянского этногенеза*». В этой связи В.В. Седов приводит слова Г.Б. Федорова, который «*пришел к мысли о существенном вкладе сарматов в культуру черняховских племен*». И далее В.В. Седов приводит серию противоречивых данных о том, кеми все-таки могли быть черняховцы. Как водится, вопрос остается нерешенным, хотя есть сведения, с кем они граничили на севере и на юге, какая у них была керамика, но это не помогло в ответе на заданный вопрос. Описание не заменяет выводов.

Поскольку гаплогрупп-гаплотипов ископаемых сарматов (как и черняховцев) в наличии нет (хотя уже есть данные по «сарматам»-хазарам, см. ниже), то вопрос о том, кто они были и откуда мигрировали, остается нерешенным. Поэтому обратим внимание на сведения о трупоположении сарматов, как прокси их гаплогрупп – если, конечно, принять, что этот один из наиболее стабильных признаков в археологии действительно определяется тысячелетними традициями рода, а, значит, гаплогруппами-субкладами. Особых возражений эта концепция не должна вызывать, и здесь один критерий – практика. Какие же там трупоположения?

Как сообщает В.В. Седов, в черняховских могильниках встречаются «*трупоположения с согнутыми в коленях или скрещенными ногами*», которые «*обычны для сарматов на различных стадиях эволюции их культуры, начиная с савроматской и кончая шиповским этапом*». К сожалению, здесь не сообщается, на спине или в скорченном положении на боку. Согнутые в коленях ноги – это далеко неполное описание. Одно важно – это не трупосожжение, что уже несколько уводит от славянских традиций. Другое важное сообщение – что «*отдельные трупоположения с перекрещенными или согнутыми ногами*» встречены также культуре древних германцев в низовьях Вислы, на Готланде и в южной Швеции, что тоже, впрочем, относят к влиянию сарматского воздействия, хотя это уже мнение, а не факт. Если это положение на спине, то для гаплогруппы R1a это совсем нехарактерно, и похоже на традиции R1b.

Дальше В.В. Седов сообщает, что для сармат свойственно трупоположение с северной ориентировкой, и что всего в черняховских могильниках раскопано более 800 захоронений с северной ориентировкой и 300 — с западной. Опять в отсутствии сведений, это на боку или на спине, данные не поддаются надежной интерпретации. Не исключено, что первая соответствует R1b, вторая – R1a. То, что, по сообщению В.В. Седова, «*ориентировка погребенных у сарматских племен не была стабильной, а претерпевала изменения со временем*», и «*в раннесарматских захоронениях была головой к югу*», скорее может отражать изменения родового состава сарматских племен, а не культурные изменения. Сообщается также, что трупоположения кельтов также были ориентированы головой к северу (меридиональная ориентировка), но это определенно только у «поздних кельтов», гаплогруппы R1b (см. предыдущий раздел), а то, что в погребальном ритуале черняховской культуры полностью отсутствуют какие-либо кельтские особенности, говорит только о том, что гаплогруппа далееко не обязательно определяет археологическую культуру, она проходит через цепь последовательных культур, которые могут расходиться в разные стороны.

В любом случае, гаплогруппа R1b никогда не была характерной славянской, и возможное присутствие носителей гаплогрупп R1b и R1a в черняховской культуре может свидетельствовать не только о ее полиэтничности, но и о сосуществовании в ее составе (или об отнесении к одной культуре) различных племен, каждое со своими ритуалами. Но может свидетельствовать и о неверном отнесении культуры.

О трупоположении у сармат встречаются сведения, например, по Оренбургской области – вытянутое положение на спине, с головой на запад (Смирнов 1984). Это определенно не R1a. В отличие от этого сарматского захоронения, у скифов на днепропетровском лесостепном правобережье зафиксировано положение, характерное для племен R1a – скорченная поза на боку у женщины, головой на юго-восток (Ковпаненко 1984).

В сарматских захоронениях кочевников южных областей Средней Азии (Южная Туркмения) погребенные похоронены на спине в вытянутом положении, головой на юг. Для поволжских сарматских погребений I-II вв. н.э. характерно положение погребенного на спине, со слабо подогнутыми ногами, юго-западная ориентировка (Мошкова 1984). Напротив, в захоронении кобанской культуры

(западный вариант) в могильнике VI в. до н.э. все скелеты лежали в скорченной позе, головой на запад и северо-запад – мужские скелеты на правом боку, женский – на левом боку, лицом к мужчине (Членова 1984). Это – типичный признак племен гаплогруппы R1a.

В недавней статье (Афанасьев и др. 2015) в захоронениях на территории Хазарского каганата, обозначенных как «сарматские» (II-III вв., Беслан-к75 и Беслан-к36), найдены два мужских костяка, гаплогруппа которых идентифицирована как J1. Трупоположение не указано. Гаплогруппа характерна для еврейского населения, и наиболее часто встречается у евреев и арабов Ближнего Востока и выходцев оттуда. Но этот пример показывает, что понятие «сарматы» может трактоваться весьма вольно, и относиться к «сарматскому времени», чего, видимо, уже достаточно для отнесения к «сарматам». Понятно, что трупоположение в таких случаях становится совершенно неинформативным.

Замечательная подборка данных по трупоположениям в савромато-сарматской культуре с VII в. до н.э. по конец IV в. н.э. приведена в работе (Берлизов 2011). Младенцев хоронили всегда на спине в вытянутом положении, ориентировка – всегда меридиональная. Мальчики-подростки – всегда вытянуты на спине, лежат «головой в любую сторону». Юноши – доминирует вытянутая поза, иногда ничком, ориентировка разнообразна. Возмужалые мужчины – преимущественно вытянуты на спине, встречается скорченное положение на правом или левом боку, либо вытянутое на правом боку. Ориентировки разнообразны. Мужчины зрелого возраста – преимущественно вытянуты на спине, но отмечена и вытянутая на правом боку, ориентировки разнообразны. Старики – вытянуты на спине или на животе.

Наш комментарий – как видно, в савромато-сарматской культуре погребения совершенно нехарактерны для носителей гаплогруппы R1a. Видимо, преимущественно это могли быть носители R1b, но не исключена и заметная примесь других гаплогрупп, кроме R1b, или нужно признать, что для R1b ориентировка трупоположения не была фиксированной.

Большая подборка данных по савроматам и сарматам в регионах Подонья в IV-II вв. до н.э. приведена в работе (Максименко 1983). Положение погребенных – в подавляющем положении вытянуто на спине. В единичных случаях было отмечено скорченное положение, но либо на левом боку, либо с восточной, северной или юго-восточной ориентировками. Не будем приводить многочисленные данные по векам, ориентировкам и положениям, публикация доступна, дадим только несколько кратких выдержек – «в захоронениях IV-III вв. до н.э. [39 погребений] костяков в скорченном положении не было», «из 26 захоронений конца V-IV вв. до н.э.... во всех случаях положение костяков было вытянутое, на спине», и так далее. Положений, характерных для R1a, практически не было.

Выше приведены только отдельные примеры. Подобная информация должна быть собрана, систематизирована и переосмыслена в связи с возможной связью с гаплогруппами.

Подводя итоги, можно заключить, что вопрос о происхождении и ранней истории славян имеет глубокие корни, расходящиеся по основным славянским родам (в контексте ДНК-генеалогии), гаплогруппам R1a, I2a, N1c1. У всех этих родов

определенно была своя древняя история, которая в отношении родов I2a и N1c1 остается пока малоизученной, и поспешно закрывается популяционными генетиками рассуждениями об «ассимиляции». «Ассимиляция» – это вообще вязкий и неконкретный термин, который обычно берется на вооружение по политическим причинам, причем обычно общими же словами (в обилии использованных в недавней статье (Kushniarevich et al. 2015), где естественная рекомбинация геномов выдается за «ассимиляцию», где, естественно, «ассимиляторами» являются славяне). То, что у современных литовцев и латышей поровну гаплогрупп R1a и N1c1, при том, что объединение носителей этих гаплогрупп произошло еще в середине I тыс. до н.э., свидетельствует о том, что никакой генетической ассимиляции по исходным родам при образовании балто-славянской группы не было ни с какой из обеих сторон. То же самое и в отношении южных славян – то, что за относительно небольшое историческое время – с конца I тыс. до н.э. – доля гаплогруппы I2a выросла почти с нуля до 30-40%, и местами до более чем 50%, свидетельствует о том, что никакой генетической ассимиляции их не было.

В отношении гаплогруппы R1a можно сказать, что носители этой гаплогруппы, предки большинства современных славян, преобразовали не только восток во II тыс. до н.э., выступая как исторические арии (Индия, Иран, Средняя Азия, Ближний Восток, северный Китай), но и не менее (возможно, и более) кардинально преобразовали и запад, принеся туда во II-I тыс. до н.э. свой язык и свою культуру. В этом смысле запад и центр Европы, как большинство всей Евразии – культурный продукт праславянской Русской равнины.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев и др. 2015 - *Афанасьев Г.Е., Ван Л., Вень Ш., Вэй Л., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К., Ли Х., Тун С.* Хазарские конфедераты в бассейне Дона (археологические, антропологические и генетические аспекты) // Тезисы докладов на Всероссийской научной конференции «Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии». М.: ИА РАН, 2015.

Берлизов 2011 - *Берлизов Н.Е.* Отражение возрастной стратификации савромато-сарматских племен эпохи раннего железа в погребальной обрядности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 255-258.

Гришин 2002 - *Гришин А.Е.* Погребальный обряд кротовской культуры: типология погребальной практики: по материалам могильника Сопка-2. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 2002 / Электронный ресурс: http://www.dissercat.com/content/pogrebalnyi-obryad-krotovskoi-kultury-tipologiya-pogrebalnoi-praktiki-po-materialam-mogilnik#ixzz2tabOKpiK (дата обращения – 05.11.2015).

Державин, Тихонов 1980 - *Державин В.Л., Тихонов Б.Г.* Новые погребения майкопской культуры в Центральном Предкавказье // Краткие сообщения Института археологии. 1980. Вып. 161. С. 76-79 / Электронный ресурс: http://www.bronza-lib.narod.ru/d/derzhavin_tihonov1980.html (дата обращения – 05.11.2015).

Клёсов 2011 - *Клёсов А.А.* Биологическая химия как основа ДНК-генеалогии и зарождение «молекулярной истории» // Биохимия. 2011. Том 76. Выпуск 5. С. 636-653.

Клёсов 2013 - *Клёсов А.А.* Действительно ли «генетики нашли разных русских». 2013 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/03/raznye-russkie/ (дата обращения – 05.11.2015).

Клёсов 2015 - *Клёсов А.А.* Что такое молекулярная история // Исторический формат. 2015. № 1. С. 53-77.

Клёсов 2015а - *Клёсов А.А.* Венеты и венеды по данным ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2015а. № 2. С. 75-102.

Клёсов, Саидов 2015 - *Клёсов А.А., Саидов Х.С.* Евреи и пуштуны Афганистана. Пропавшие колена Израилевы: история, политика, ДНК-генеалогия. М.: Концептуал, 2015. 460 с.

Ковпаненко 1994 - *Ковпаненко Г.Т.* «Червона могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1994.

Кубарев 2005 - *Кубарев В.Д.* Каракольские сюжеты в наскальных изображениях Алтая и Монголии // VII Международные Рериховские чтения. 2005 / Электронный ресурс: http://sibro.ru/reading/doc/390/2097 http://www.cultural-school.ru/index.files/Page1470.htm (дата обращения – 05.11.2015).

Максименко 1983 - *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1983. 224 с.

Мандельштам 1984 - *Мандельштам А.М.* Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984.

Мошкова 1984 - *Мошкова М.Г.* Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984.

Смирнов 1994 - *Смирнов К.Ф.* Раннесарматский курган под Новоорском Оренбургской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1994.

Старостин 1989 - *Старостин С.А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М.: Наука, 1989. С. 3-39.

Членова 1984 - *Членова Н.Л.* Могильник VI в. до н.э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984.

Яровой 2000 - *Яровой Е.В.* Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2000 / Электиронный ресурс: http://www.dissercat.com/content/skotovodcheskoe-naselenie-severo-zapadnogo-prichernomorya-epokhi-rannego-metalla#ixzz2tbTPrQFj http://chechen.org/archives/397 (дата обращения – 05.11.2015).

Gray, Atkinson 2003 - *Gray R.D., Atkinson Q.D.* Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. 2003. pp. 435-439.

Elhaik et al. 2014 - *Elhaik E., Tatarinova T.V., Klyosov A.A., Graur D.* The «extremely ancient» chromosome that isn't: a forensic bioinformatic investigation of Albert Perry's X-degenerate portion of the Y chromosome // European Journal of Human Genetics. September 2014. 22. pp. 1111-1116. DOI:10.1038/ejhg.2013.303

Haak 2008 - *Haak W., Brandt G., de Jong H.N., Meyer C., Gansmeier R., Heyd V., Hawkesworth C., Pike A.W.G., Meller H., Alt K.W.* Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. 2008. Proc. Natl. Acad. Sci. US. 105. pp. 18226-18231.

Haak 2015 - *Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G. et al.* Massive migration from the steppe was a source for Indi-European languages in Europe // Nature. 2015. pp. 207-211.

Klyosov 2009 - *Klyosov A.* DNA Genealogy, Mutation Rates, and Some Historical Evidence Written in the Y-Chromosome: I. Basic Principles and the Method // Journal of Genetic Genealogy. 2009. 5(2). pp. 186-216.

Klyosov 2009 - *Klyosov A.* DNA Genealogy, Mutation Rates, and Some Historical Evidence Written in the Y-Chromosome: Part II. Walking the Map // Journal of Genetic Genealogy. 2009. 5(2). pp. 217-256.

Klyosov 2012 - *Klyosov A.A.* Ancient History of the Arbins, Bearers of Haplogroup R1b, from Central Asia to Europe, 16,000 to 1500 Years before Present // Advances in Anthropology. 2012. Vol. 2. № 2. pp. 87-105. DOI:10.4236/aa.2012.22010.

Klyosov 2014 - *Klyosov A.A.* Reconsideration of the «Out of Africa» Concept as Not Having Enough Proof // Advances in Anthropology. 2014. Vol. 4. № 1. pp. 18-37. DOI:10.4236/aa.2014.41004.

Klyosov, Rozhanskii 2012 - *Klyosov A.A., Rozhanskii I.L.* Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the Legendary Aryans as Witnessed by the DNA of Their Current Descendants // Advances in Anthropology. 2012. Vol. 2. № 1. pp. 1-13. DOI:10.4236/aa.2012.21001.

Klyosov, Rozhanskii 2012a - *Klyosov A.A., Rozhanskii I.L.* Re-Examining the «Out of Africa» Theory and the Origin of Europeoids (Caucasoids) in Light of DNA Genealogy // Advances in Anthropology. 2012a. Vol. 2. № 2. pp. 80-86. DOI:10.4236/aa.2012.22009.

Klyosov, Rozhanskii 2012b - *Klyosov A.A., Rozhanskii I.L.* Haplogroup R1a, Its Subclades and Branches in Europe during the Last 9000 Years // Advances in Anthropology. 2012b. Vol. 2. № 3. pp. 139-156. DOI:10.4236/aa.2012.23017.

Klyosov et al. 2012 - *Klyosov A.A., Rozhanskii I.L., Ryabchenko L.E.* Re-Examining the Out-of-Africa Theory and the Origin of Europeoids (Caucasoids). Part 2. SNPs, Haplogroups and Haplotypes in the Y-Chromosome of Chimpanzee and Humans // Advances in Anthropology. 2012. Vol. 2. № 4. pp. 198-213. DOI:10.4236/aa.2012.24022.

Klyosov, Tomezzoli 2013 - *Klyosov A.A., Tomezzoli G.T.* DNA Genealogy and Linguistics. Ancient Europe // Advances in Anthropology. 2013. Vol. 3. № 2. pp. 101-111. DOI:10.4236/aa.2013.32014.

Kushniarevich et al. 2015 - *Kushniarevich A., Utevska O., Chuhryaeva M., Agdzhoyan A., Dibirova K., Uktveryte I., Möls M., Mulahasanovic L., Pshenichnov A., Frolova S., Shanko A., Metspalu1 E., Reidla M., Tambets K., Tamm E., Koshel S., Zaporozhchenko V., Atramentova L., Kučinskas V., Davydenko O., Goncharova O., Evseeva I., Churnosov M., Pocheshchova E., Yunusbayev B., Khusnutdinova E., Marjanović, D., Rudan P., Rootsi S., Yankovsky N., Endicott P., Kassian A., Dybo A.* The Genographic Consortium, Tyler-Smith C., Balanovska E., Metspalu1 M., Kivisild T., Villems R., Balanovsky O. // PLOS One. 2015. September 2. DOI: 10.1371/journal.pone.0135820.

Lazaridis et al. 2014 - *Lazaridis I., Patterson N., Mittnik A., Renaud G., Mallick S., Kirsanow K., Sudmant P., Schraiber J.G., Castellano S., Lipson M., Berger B., Economou C., Bollongino R., Fu Q., Bos K.I., Nordenfelt S., Li H., de Filippo C., Prüfer K., Sawyer S., Posth C., Haak W., Hallgren F., Fornander E., Rohland N., et al.* Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans // Nature. 2014. 513. pp. 409-413.

Rozhanskii, Klyosov 2012 - *Rozhanskii I.L., Klyosov A.A.* Haplogroup R1a, its subclades and branches in Europe during the last 9000 Years // Advances in Anthropology. 2012. Vol. 2. № 3. pp. 139-156.

Sharma 2009 - *Sharma S. et al.* The Indian origin of paternal haplogroup R1a1* substantiates the autochtonous origin of Brahmins and the caste system. J. Human // Genetics. 2009. 54. pp. 47-55.

REFERENCES

Afanas'ev i dr. 2015 - *Afanas'ev G.E., Van L., Ven' Sh., Vjej L., Dobrovol'skaja M.V., Korobov D.S., Reshetova I.K., Li H., Tun S.* Hazarskie konfederaty v bassejne Dona (arheologicheskie, antropologicheskie i geneticheskie aspekty) [Hazaria confederates in the basin of Don (archaeological, anthropological and genetic aspects)], in: Tezisy dokladov na Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Estestvennonauchnye metody issledovanija i paradigma sovremennoj arheologii» [Theses of reports at the All-Russian scientific conference «Natural-science Methods of Research and Paradigm of Modern Archeology»], Moscow, IA RAN Publ., 2015 [in Russian].

Berlizov 2011 - *Berlizov N.E.* Otrazhenie vozrastnoj stratifikacii savromato-sarmatskih plemen jepohi rannego zheleza v pogrebal'noj obrjadnosti [Reflection of age stratification of savromato-Sarmatian tribes of an era of early iron in funeral ceremonialism], in: Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and practice of social development], 2011, № 2, pp. 255-258 [in Russian].

Chlenova 1984 - *Chlenova N.L.* Mogil'nik VI v. do n.je. Sultan-gora III pod Kislovodskom [Burial ground of the VI century BC Sultan mountain III near Kislovodsk], in: Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja / Pod red. A.I. Meljukovoj, M.G. Moshkovoj, V.G. Petrenko [Antiquities of Eurasia in skifo-Sarmatian time / Under A.I. Melyukova, M.G. Moshkova, V.G. Petrenko's edition], Moscow, Nauka Publ., 1984 [in Russian].

Derzhavin, Tihonov 1980 - *Derzhavin V.L., Tihonov B.G.* Novye pogrebenija majkopskoj kul'tury v Central'nom Predkavkaz'e [New burials of Maikop culture in Central Ciscaucasia], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii [Short messages of Institute of archeology], 1980, Vyp. 161, pp. 76-79, Electronic resource: http://www.bronza-lib.narod.ru/d/derzhavin_tihonov1980.html (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

Elhaik et al. 2014 - *Elhaik E., Tatarinova T.V., Klyosov A.A., Graur D.* The «extremely ancient» chromosome that isn't: a forensic bioinformatic investigation of Albert Perry's X-degenerate portion of the Y chromosome, in: European Journal of Human Genetics, September 2014, 22, pp. 1111-1116, DOI:10.1038/ejhg.2013.303 [in English].

Gray, Atkinson 2003 - *Gray R.D., Atkinson Q.D.* Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin, in: Nature, 2003, pp. 435-439 [in English].

Grishin 2002 - *Grishin A.E.* Pogrebal'nyj obrjad krotovskoj kul'tury: tipologija pogrebal'noj praktiki: po materialam mogil'nika Sopka-2. Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Funeral ceremony of krotovsky culture: typology of funeral practice: on burial ground materials the Hill-2. The thesis on competition of an academic degree of the candidate of historical sciences], Novosibirsk, 2002, Electronic resource: http://www.dissercat.com/content/pogrebalnyi-obryad-krotovskoi-kultury-tipologiya-pogrebalnoi-praktiki-po-materialam-mogilnik#ixzz2tabOKpiK (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

Haak 2008 - *Haak W., Brandt G., de Jong H.N., Meyer C., Gansmeier R., Heyd V., Hawkesworth C., Pike A.W.G., Meller H., Alt K.W.* Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age, 2008, Proc. Natl. Acad. Sci. US, 105. pp. 18226-18231 [in English].

Haak 2015 - *Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G. et al.* Massive migration from the steppe was a source for Indi-European languages in Europe, in: Nature, 2015, pp. 207-211 [in English].

Jarovoj 2000 - *Jarovoj E.V.* Skotovodcheskoe naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja jepohi rannego metalla. Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni doktora istoricheskih nauk [Cattle breeding population of Northwest Black Sea Coast eras of early metal. The thesis on competition of an academic degree of the doctor of historical sciences], Moscow, 2000, Electronic resource: http://www.dissercat.com/content/skotovodcheskoe-naselenie-severo-zapadnogo-prichernomorya-epokhi-rannego-metalla#ixzz2tbTPrQFj http://chechen.org/archives/397 (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

Kljosov 2011 - *Kljosov A.A.* Biologicheskaja himija kak osnova DNK-genealogii i zarozhdenie «molekuljarnoj istorii» [Biological chemistry as fundamentals of DNA genealogy and origin of «molecular history»], in: Biohimija [Biochemistry], 2011, Tom 76, Vypusk 5, pp. 636-653 [in Russian].

Kljosov 2013 - *Kljosov A.A.* Dejstvitel'no li «genetiki nashli raznyh russkih» [Whether really «geneticists found different Russians»], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/03/raznye-russkie/ (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

Kljosov 2015 - *Kljosov A.A.* Chto takoe molekuljarnaja istorija [What is the molecular history], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 1, pp. 53-77 [in Russian].

Kljosov 2015a - *Kljosov A.A.* Venety i venedy po dannym DNK-genealogii [Veneti and a Venedi according to DNA genealogy], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015a, № 2, pp. 75-102 [in Russian].

Kljosov, Saidov 2015 - *Kljosov A.A., Saidov H.S.* Evrei i pushtuny Afganistana. Propavshie kolena Izrailevy: istorija, politika, DNK-genealogija [Jews and Pushtuns of Afghanistan. Izrailev who were gone a knee: history, policy, DNA genealogy], Moscow, Konceptual Publ., 2015, 460 p. [in Russian].

Klyosov 2009 - *Klyosov A.* DNA Genealogy, Mutation Rates, and Some Historical Evidence Written in the Y-Chromosome: I. Basic Principles and the Method, in: Journal of Genetic Genealogy, 2009, 5(2), pp. 186-216 [in English].

Klyosov 2009 - *Klyosov A.* DNA Genealogy, Mutation Rates, and Some Historical Evidence Written in the Y-Chromosome: Part II. Walking the Map, in: Journal of Genetic Genealogy, 2009, 5(2), pp. 217-256 [in English].

Klyosov 2012 - *Klyosov A.A.* Ancient History of the Arbins, Bearers of Haplogroup R1b, from Central Asia to Europe, 16,000 to 1500 Years before Present, in: Advances in Anthropology, 2012, Vol. 2, № 2, pp. 87-105, DOI:10.4236/aa.2012.22010 [in English].

Klyosov 2014 - *Klyosov A.A.* Reconsideration of the «Out of Africa» Concept as Not Having Enough Proof, in: Advances in Anthropology, 2014, Vol. 4, № 1, pp. 18-37, DOI:10.4236/aa.2014.41004 [in English].

Klyosov et al. 2012 - *Klyosov A.A., Rozhanskii I.L., Ryabchenko L.E.* Re-Examining the Out-of-Africa Theory and the Origin of Europeoids (Caucasoids). Part 2. SNPs, Haplogroups and Haplotypes in the Y-Chromosome of Chimpanzee and Humans, in: Advances in Anthropology, 2012, Vol. 2, № 4, pp. 198-213, DOI:10.4236/aa.2012.24022 [in English].

Klyosov, Rozhanskii 2012 - *Klyosov A.A., Rozhanskii I.L.* Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the Legendary Aryans as Witnessed by the DNA of Their Current Descendants, in: Advances in Anthropology, 2012, Vol. 2, № 1, pp. 1-13, DOI:10.4236/aa.2012.21001 [in English].

Klyosov, Rozhanskii 2012b - *Klyosov A.A., Rozhanskii I.L.* Haplogroup R1a, Its Subclades and Branches in Europe during the Last 9000 Years, in: Advances in Anthropology, 2012b, Vol. 2, № 3, pp. 139-156, DOI:10.4236/aa.2012.23017 [in English].

Klyosov, Rozhanskii 2012a - *Klyosov A.A., Rozhanskii I.L.* Re-Examining the «Out of Africa» Theory and the Origin of Europeoids (Caucasoids) in Light of DNA Genealogy, in: Advances in Anthropology, 2012a, Vol. 2, № 2, pp. 80-86, DOI:10.4236/aa.2012.22009 [in English].

Klyosov, Tomezzoli 2013 - *Klyosov A.A., Tomezzoli G.T.* DNA Genealogy and Linguistics. Ancient Europe, in: Advances in Anthropology, 2013, Vol. 3, № 2, pp. 101-111, DOI:10.4236/aa.2013.32014 [in English].

Kovpanenko 1994 - *Kovpanenko G.T.* «Chervona mogila» u s. Fljarkovka [«The grave» at the village of Flyarkovka is red], in: Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja / Pod red. A.I. Meljukovoj, M.G. Moshkovoj, V.G. Petrenko [Antiquities of Eurasia in skifo-Sarmatian time / Under A.I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko's edition], Moscow, Nauka Publ., 1994 [in Russian].

Kubarev 2005 - *Kubarev V.D.* Karakol'skie sjuzhety v naskal'nyh izobrazhenijah Altaja i Mongolii [Karakolsky plots in rock drawings of Altai and Mongolia], in: VII Mezhdunarodnye Rerihovskie chtenija [Savromata and Sarmatians on Nizhny Novgorod to Don], 2005, Electronic resource: http://sibro.ru/reading/doc/390/2097 http://www.cultural-school.ru/index.files/Page1470.htm (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

Kushniarevich et al. 2015 - *Kushniarevich A., Utevska O., Chuhryaeva M., Agdzhoyan A., Dibirova K., Uktveryte I., Möls M., Mulahasanovic L., Pshenichnov A., Frolova S., Shanko A., Metspalu1 E., Reidla M., Tambets K., Tamm E., Koshel S., Zaporozhchenko V., Atramentova L., Kučinskas V., Davydenko O., Goncharova O., Evseeva I., Churnosov M., Pocheshchova E., Yunusbayev B., Khusnutdinova E., Marjanović, D., Rudan P., Rootsi S., Yankovsky N., Endicott P., Kassian A., Dybo A.* The Genographic Consortium, Tyler-Smith C., Balanovska E., Metspalu1 M., Kivisild T., Villems R., Balanovsky O. in: PLOS One, 2015, September 2, DOI: 10.1371/journal.pone.0135820 [in English].

Lazaridis et al. 2014 - *Lazaridis I., Patterson N., Mittnik A., Renaud G., Mallick S., Kirsanow K., Sudmant P., Schraiber J.G., Castellano S., Lipson M., Berger B., Economou C., Bollongino R., Fu Q., Bos K.I., Nordenfelt S., Li H., de Filippo C., Prüfer K., Sawyer S., Posth C., Haak W., Hallgren F., Fornander E., Rohland N.*, Maksimenko 1983 - *Maksimenko V.E.* Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu [Savromata and Sarmatians on Nizhny Novgorod to Don], Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta Publ., 1983, 224 p. [in Russian].

Mandel'shtam 1984 - *Mandel'shtam A.M.* Zametki o sarmatskih chertah v pamjatnikah kochevnikov juzhnyh oblastej Srednej Azii [Notes about Sarmatian lines in monuments of nomads of the southern areas of Central Asia], in: Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja / Pod red. A.I. Meljukovoj, M.G. Moshkovoj, V.G. Petrenko [Antiquities of Eurasia in skifo-Sarmatian time / Under A.I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko's edition], Moscow, Nauka Publ., 1984 [in Russian].

Moshkova 1984 - *Moshkova M.G.* Kul'tovye sooruzhenija Lebedevskogo mogil'nika [Cult constructions of the Lebedevsky burial ground], in: Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja / Pod red. A.I. Meljukovoj, M.G. Moshkovoj, V.G. Petrenko [Antiquities of Eurasia in skifo-Sarmatian time / Under A.I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko's edition], Moscow, Nauka Publ., 1984 [in Russian].

Rozhanskii, Klyosov 2012 - *Rozhanskii I.L., Klyosov A.A.* Haplogroup R1a, its subclades and branches in Europe during the last 9000 Years, in: Advances in Anthropology, 2012, Vol. 2, № 3, pp. 139-156 [in English].

Sharma 2009 - *Sharma S. et al.* The Indian origin of paternal haplogroup R1a1* substantiates the autochtonous origin of Brahmins and the caste system. J. Human, in: Genetics, 2009, 54, pp. 47-55 [in English].

Smirnov 1994 - *Smirnov K.F.* Rannesarmatskij kurgan pod Novoorskom Orenburgskoj obl. [Early Sarmatian barrow under New Orsk the Orenburg region], in: Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja / Pod red. A.I. Meljukovoj, M.G. Moshkovoj, V.G. Petrenko [Antiquities of Eurasia in skifo-Sarmatian time / Under A.I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko's edition], Moscow, Nauka Publ., 1994 [in Russian].

Starostin 1989 - *Starostin S.A.* Sravnitel'no-istoricheskoe jazykoznanie i leksikostatistika [Comparative-historical linguistics and leksikostatistics], in: Lingvisticheskaja rekonstrukcija i drevnejshaja istorija Vostoka [Linguistic reconstruction and the most ancient history of the East], Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 3-39 [in Russian].

Клёсов Анатолий Алексеевич – Доктор химических наук, профессор, Академия ДНК-генеалогии (Бостон, США), иностранный член Национальной академии наук Грузии.
Klyosov Anatole – Doctor of chemical sciences, Professor, The Academy of DNA Genealogy (Boston, USA), Foreign Member of the National Academy of Sciences of Georgia.
E-mail: aklyosov@comcast.net

УДК 908(470+571)

ГЕНЕЗИС РУССКОГО КАЗАЧЕСТВА

И.Ю. Васильев
Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается проблема становления русского казачества, которому способствовали два фактора: крушение общинно-полисного устройства Киевской Руси и крушение Золотой Орды. Вследствии первого, последовавшего за становлением централизованного Русского государства, репрессий и экономических изменений из «большого социума» было «вытолкнуто» определённое количество профессиональных воинов (разных поколений, и ещё помнящих новгородскую вольность, и продолживших их дело московских служилых людей) и профессиональных охотников-промысловиков, которые вместе с некоторым числом представителей других страт тогдашнего русского общества воссоздали за пределами собственно русских земель общинно-полисное устройство в виде казачьих войск. Подходящие для этого ничейные территории появились после гибели ордынского государства, на которых появились ранние тюркские казаки. Это стало изначальной основой для создания уже славянскими казаками полноценных казачьих войск.

Ключевые слова: казаки, Россия, Русь, Дон, Кубань.

ORIGIN OF THE RUSSIAN COSSACKS

Igor Vasilyev
The research center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

Abstract

Two factors contributed to the emergence of the Russian Cossacks: the disintegration of Kievan Rus' and the collapse of the Golden Horde. A consequence of the first factor was the formation of the centralized Russian state followed by repressions and economic changes; as a result, a certain number of professional warriors was pushed to look away from their lands of origin for their futures (they were people of different ages; Novgorodians, still remembering the liberties of their republic; Muscovites, «enlisted men of the tsar») and professional hunters, as well as people from other strata of the contemporary Russian society together recreated the communal order of Kievan Rus' in the form of Cossack hosts on the territories adjacent to the Russian state. Suitable for this «no-man's lands» appeared after the fragmentation of the Horde, where settlements of Turkic-speaking khanates started to emerge. This became a foundation for the formation of the full-fledged Slav Cossack hosts.

Keywords: Cossacks, Russia, Rus', Don, Kuban.

* * *

Генезис русского казачества – одна из самых загадочных вопросов русской истории. Процесс самого генезиса в документах отражён недостаточно. Оно явилось

в истории XVI столетия «в готовом виде» (Мамонов 2002: 144). Поэтому он нередко становился поводом для лженаучных спекуляций. Мифологическая версия о том, что казаки – потомки скифов, сарматов и чуть ли не самого Ахилла высказывалась ещё дореволюционным автором Е.П. Савельевым (Савельев 1915). Примером откровенной фальсификацией является тезис идеологов эмигрантского идейного течения «вольноказакийцев» о якобы существующем с глубокой древности казачьем народе. Для этого мифического народа была сочинена соответствующая идеология и некоторые элементы системы ценностей. Такие, как непомерная гордость и презрение ко всему русскому (Маркедонов 2015). Есть немало и других «повествователей» о «древнем казачьем народе», но упоминать их не имеет смысла.

Однако и учёные затрудняются дать однозначный ответ на вопрос о генезисе казачества. Идея о происхождении казаков от разных групп населения Великой степи, существовавших до XV столетия, была осторожно высказана ещё Н.М. Карамзиным. Он полагал, что казаки потомки обрусевших кочевых народов на юге Домонгольской Руси. Обитатели военные поселения по границам (Мамонов 2002: 148). Л.Н. Гумилёв предлагал вести донских казаков от хазар, которые, смешавшись со славянами, составили бродников, являвшихся не только предшественниками казаков, но и прямыми их предками. Хазары, предки казаков, не были кочевниками. А специфическими обитателями ландшафта низовий больших рек (Гумилёв 1989: 14, 105). Именно наличие определённого приречного ландшафта навело Л.Н. Гумилёва на мысль, что в нём тысячелетьями должен жить один и тот же народ.

По мнению В.В. Кожинова, можно рассматривать вопрос о возникновении казачества, говоря о поселении князьями древней Руси в приграничии небольших групп своих дружинников из числа народов Великой Степи и Прикавказья — торков, касогов, черкесов, аланов. А сними русичей, оторвавшиеся от «основной» родины. И уже с начала 2 тысячелетия н.э. живших в Великой Степи. В связи с тем, что эти области некоторое время развивались отдельно от остальной Руси — в составе Хазарского каганата, а потом и Золотой Орды, в этих местах возникла особая группа в составе русского народа. С особым укладом жизни, мировоззрением и историей, принявшая (возможно заимствовавшая у соседних народов) самоназвания «казаки» и «черкасы» (Кожинов 1999: 80-81). Мнение выдающегося филолога так же основано на допущениях.

Высказывались и догадки, что казаки - выходцы из Золотой орды. Либо сами монголы, либо отчасти взятые на службу славяне (Мамонов 2002: 149-150). По версии Г.В. Вернадского, казаки — это сообщество «свободных людей», известное под таким именем в степях Европы как минимум со времен Золотой Орды (XIII—XIV вв.). Ученый строит концепцию преимущественно на лингвистических данных. Казак (казах) — в нескольких тюркских диалектах означает «свободный человек», «свободный искатель приключений» и, отсюда, «житель приграничной полосы». В его основном значении этим словом называли как группы татарских, украинских и русских поселенцев (казаки), так и целый среднеазиатский народ киргизов (казахов)» (Вернадский 2015).

Гораздо более популярной, безаппеляционной и идеологизированной версией этих теорий является книга эмигрантского историка А.А. Гордеева

«История казаков» (Гордеев 1992). Для работы характерна поверхностность, отсутствие надлежащей источниковой и доказательной базы. Автор попытался затушевать недостаток конкретных знаний широчайшим географическим охватом рассматриваемой тематики. А.А. Гордеев описывает историю всех казачьих войск с момента зарождения до XX в. Он апеллировал к расхожим представлениям, мифам и эмоциям. Таким образом, он обосновывал свои труднодоказуемые утверждения. (Например, о том, что лишь казакам Российское государство обязано своими успехами).

В.О. Ключевский высказал серьёзно фундированную источниками версию, что казаки выходцы из русских земель (Ключевский 1989: 98). Эта мысль активно развивалась советской историографией. Здесь не единожды высказывалась мысль о том, что первыми казаками были мигранты из коренных русских земель. В основном – представители податных сословий. Эта версия основывалась на солидной источниковой базе. Однако источники были в основном достаточно позднего происхождения (Мининков 1984: 25-28). Советские историки нередко тоже приходили к чрезмерно односторонним выводам о сути раннего казачества. В роде утверждения, что «казачество – более организованный отряд крестьянства» (Швецова 1954: 6). Такое представление о казаках так же является элементом мифологии (Мамонов 2002: 154).

Существуют и довольно интересные и убедительные «комплексные» версии. По мнению Р.Г. Скрынникова, например, первоначальные казачьи общины, состояли из татар, к которым присоединялись затем русские элементы. К ним присоединялись беглые русские, которые искали спасения от даней, оброков, тягла. Большое значение, по мнению ученого, имело падение Золотой Орды (Скрынников 2008: 3).

Итоги изысканий советских и большинства работавших над темой российских историков подводит Н.И. Никитин. Казачество появляется не ранее XV века на основе объединений татар, потерявших связь с нормальным обществом в результате социальных катаклизмов. К ним присоединяются беглецы с Руси, которые постепенно начинают преобладать. Это не только и не столько крестьяне. Но и служилые, посадские, гулящие люди (Никитин 2011: 44-45, 50).

Серьёзно фундированной источниками является только «миграционная версия». В её рамках удобно рассматривать развитие и эволюцию раннего казачества. Однако она не показывает самого его возникновения. Так же, как и версия о древних «протоказаках». И всё же «миграционная» версия выглядит более убедительно. За неё говорят источники. Хотя и относительно поздние. При этом российский корпус источников в значительной степени уже введён в оборот. В этой связи представляется очень актуальным привлечение зарубежных источников: польских, турецких, архивов Ватикана и пр.

Но рассмотрим сначала наиболее вероятные варианты автохтонной теории. Она подразумевает, что казаки являются потомками коренного славянского населения восточноевропейсих степей. Предполагаемыми предками казаков называют бродников – воинственных степных славян XII – XIII вв. Они принимали участие в войнах русских князей с половцами и друг другом, других военно-

политических событиях в Восточной Европе. Например, в войне за освобождение Болгарии. Однако о бродниках известно слишком мало (Овчинникова 1993: 7-10). После первой половины XIII в. о них нет сведений.

Другие предполагаемые предки казаков – червлёноярцы. Так исследователи назвали полиэтническую и поликонфессиональную общину, в XIV – XV вв. жившую на верхнем Дону. В её составе был велик удельный вес православных славян. Весьма вероятно, что образ жизни червлёноярцев был близок к казачьему. Часть исследователей (таких, как В.Б. Виноградов) считают их предками гребенских казаков (Шенников 1987: 50-63; Виноградов 1999: 7). Вполне возможно, они сыграли определённую роль в создании классического казачества. Однако, для этого не хватает прямых доказательств. Действительно, в период существования Золотой Орды в южнорусских степях было не мало славянских и частично славянских поселений (Полубояринова 1997: 55-56). Однако самые поздние находки на них отделяет от периода классического казачества как минимум сотня лет. Большинство полиэтничных оседлых поселений бассейна Дона, существовавшие в XIII – XV вв., были уничтожены нашествием Тамерлана и междуусобицами времён крушения Золотой Орды (Матишов и др. 2012: 33-34).

Славянское население степей могло участвовать в формировании казачества. Однако несомненно, что в нём с самого начала преобладали мигранты, выходцы из сопредельных с казачьими землями стран. На это ясно указывают источники. «А люди они породою Москвичи и иных городов…» – писал о казаках беглый дьяк Посольского приказа Г.К. Котошихин (цит. по: Маркедонов 2015).

Тем более что казакоподобная военизированная общинная организация характерна не только для казаков. Так жило немало русских – беглецов из обжитых земель в дикие места, на границу. Например, можно назвать старообрядцев – бухтарминцев, ушедших в XVIII в. в пограничные с Китаем сибирские земли (Мамсик 2000: 104-105).

Появление казачества – во многом есть протест против ущемления традиционных прав русских самоуправляющихся общин. Это связано с созданием двух государств: Московской Руси и Речи Посполитой. И крушением исконно русского социального порядка.

Этот порядок великолепно описывается известным историком И.Я Фрояновым. Древнерусские города и земли были весьма и весьма демократичными «общинами без первобытности». Наличие князей и высокий уровень культуры и экономики не делало эти общины феодальными монархиями. Подлинная власть в большинстве из них принадлежала собранию полноправных мужчин – вечу. Очень сильна была и местная городская аристократия. Князь же фактически был одним из общинных магистратов. Пусть и очень важным (Фроянов 1980: 68).

В домонгольский период превалирующей формой социальной организации была община. Даже княжеская дружина во многом представляла собой особый вид общинной организации (Фроянов 1980: 68).

Основой древнерусской общины было вечевое устройство. Т.е. общиной руководило вече – собрание всех полноправных её членов. Оно разрешало важнейшие проблемы, стоявшие перед общиной. Вече контролировало суд,

землепользование, внутреннюю и внешнюю политику. Вечевые традиции могли быть более или менее сильными, но со временем подверглись размыванию. Казаки в своих общинах восстановили их в полном объёме. Общий сбор казаков был полновластным хозяином в ранней общине (Щербина 1992: 426-428; Фроянов 1980: 151-153).

Древнерусская община стремилась к политической и экономической независимости. Она всячески старалась укрепить своё самоуправление и средства обороны (Даркевич 1999: 99). При этом община была единым субъектом права и общественных отношений, её отдельные представители могли действовать за пределами общины только как представители всего коллектива. Общий интерес был неизмеримо значимее частного. Одновременно полноправный член общины очень гордился своим статусом. На страже его достоинства и интересов стоял весь коллектив. Общинник имел священное право владеть оружием для защиты родины и соплеменников (Даркевич 1999: 104-105; Фроянов 1980: 124). Этот принципы бытовали в рамках казачества вплоть до начала XX в.

В военном деле ранних казаков прослеживаются традиции древнерусского общинного ополчения. Речь идёт об искусстве пешего боя и использовании малых судов (Берлизов 1984: 171-172; Заседателева 1974: 47-48). Последнее было особенно характерно для воинов древнего Новгорода (Мамонов 2002: 155-156).

И именно в Новгороде и Пскове дольше всего продержались общинные вольности. Но именно первый сыграл, по нашему мнению, особую роль в становлении казачества. По словам В.О. Ключевского, Новгородская республика и казачьи общины хронологически сменяют друг друга (Ключевский 1988: 51). К тому же именно в Новгороде основы вечевого общественного устройства нашли своё полное выражение. Важнейшей составляющей политической организации города-государства были вече и избранные вечем посадники. Символом государственной независимости был вечевой колокол. Официально независимая община называлась «Великий Новгород, мужи вольные». Свои отношения с соседними монархами она строила на свободной договорной основе (Скрынников 1994: 11-15).

Для новгородской традиции характерна выборность главы общинного духовенства – новгородского архиепископа (Ключевский 1988: 57). Вече и избранные им органы управления обладали правом суда над новгородцами (Ключевский 1988: 58-59). Причём формально и боярин, и последний простолюдин были равны перед судом (Ключевский 1988: 73).

Оборона Новгорода осуществлялась «тысячей» – ополчением свободных новгородцев. Командовавшие ей выборные посадники и тысяцкие первоначально были именно военной старшиной. Характерной чертой новгородского военного дела были частные военно-разбойничьи экспедиции, уходившие из города с целью сбора дани и грабежа. Передвигались участники этих походов преимущественно на судах. Особую роль в них играли бедные члены общины, желающие поправить своё социальное положение (Ключевский 1988: 54, 63, 74, 83).

Несомненно, что выше описанные особенности социальной жизни нашли своё выражение и в позднейшем казачестве. Для него были характерны и слабости новгородского общественного строя. Вечевое общество не давало гарантированной

защиты личности внутри коллектива, но и не сковывало её активности. Выделившиеся из общей массы аристократы и состоятельные люди захватывали себе всё больше власти и привилегий. Их чрезмерное возвышение плохо согласовывалось с традициями. Поэтому основная масса общинников вела против них жесткую борьбу. Постоянные свары возникали и внутри общинной элиты. Постоянная внутренняя борьба ослабляла социум и побуждала его опереться на внешние силы. Последние получали всё больше возможностей нарушать общинную автономию. Именно поэтому и Новгород, и казачество были в своё время подчинены централизованному Русскому государству (Ключевский 1988: 58, 65, 80-81, 83, 86, 93).

Известно, что новгородские феодалы после крушения независимости города были выведены со своих земель и поселены в пределах московского княжества (Ключевский 1988: 75). В первой половине 80-х гг. XV в. из Новгорода были выведено до 35 – 40 тысяч человек, т. е. почти всё население. Бывших граждан сходной с Новгородом вятской общины часто селили на южных и юго-западных окраинах Московской Руси с целью обороны и закрепления рубежей государства и изоляции непокорных. В качестве поместий им давали безлюдные и необработанные участки земли. Нищета и исконное свободолюбие в сочетании с обидой на власть могли подтолкнуть северян к уходу в казачьи ватаги. К тому же в этой среде существовали мало дошедшие до нас представления о централизованном Московском государстве как «Царстве антихриста». А жизнь самоуправлявшимися общинами считалась единственно верной и достойной православного христианина (Борисов 2004: 109, 163).

Показательно, что военно-грабительские походы новгородских воинов-ушкуйников были наиболее активными в XIV в. В конце XIV – начале XV вв. они прекращаются. Вскоре летописи фиксируют появление первых казаков (весьма вероятно, что вследствие трудностей с возвращением на родину через подконтрольные Московскому княжеству территории ушкуйники осели по берегам южнорусских рек и стали пополнять свои ватаги местными жителями). Для организации ушкуйнических отрядов были характерны всесословность. Их мировоззрение определялось идеологией воинского мужского союза. Участие в походах было для многих новгородцев особым видом инициации, посвящения в полноценные мужчины. Ушкуйники были подчёркнуто агрессивны к «несвоим» (Мамонов 2002: 167-168; Дацишен 1996: 67). Идеология же мужского союза – характерная черта казачества.

Существуют конкретные свидетельства влияния новгородцев на культуру казачества. Элементы северорусского говора обнаружены в диалектах гребенских и уральских казаков (Великая 2004: 21). На Дону казаки иногда называли замкнутые водоёмы «ильменями» (Синеоков 2004: 40). На Дону так же были записаны эпические песни, где фигурировал новгородский эпический герой Садко. По широко известному мнению С.И. Дмитриевой, эпос пришёл в казачьи земли с территории Новгорода (цит. по: Новиков 1988: 34, 35).

Однако нельзя забывать, что казачество генетически связано не только с северными республиками, но и со всей древнерусской общинно-земской традицией в целом. Уже в конце XVII в. казацкое повстанческое движение под

предводительством С.Т. Разина было во многом борьбой за права городских и сельских общин (Крестьянская война 1954: 160, 181-182). Одними из первых украинских казаков были беглые мещане приднепровских городов, спасавшиеся от притеснений местной знати (Костомаров 1994: 10).

При этом необходимо иметь в виду, что на рубеже XV – XVI вв. бегство крестьян от нужды и крепостной неволи ещё не приобрело существенного размаха. Но среди них росло число маргиналов, лишенных привычного места в социуме (так называемые бобылей и др.). Некоторые группы крестьянского населения уже стали ощущать чрезмерность феодального гнета (Зимин 1982: 41, 42, 45, 46). Некоторые из них бежали из родных мест.

Среди этих групп нужно, прежде всего, отметить крестьян – профессиональных промысловиков (рыболовов, охотников за пушным зверем, ловцов хищных птиц и др.). Издавна они жили особыми привилегированными общинами. Во главе общин стоял староста и совет из почтенных людей. Первому помогали десятские и сотские. У рыбников староста назывался «ватаман». Промысловики состояли на службе у князя и имели право на особую судебную и административную автономию. Иногда они были полностью неподсудны местным властям. Эти крестьяне во время своих промысловых поездок кормиться за счёт местных жителей и привлекать их для выполнения некоторых работ.

Однако в конце XV столетия их положение стало ухудшаться. Местные феодалы начали нарушать права промысловиков, захватывать угодья, которыми они пользовались, и закабалять самих крестьян. Свою роль сыграло и истощение некоторых ранее богатых промысловых угодий. И характерный для указанного периода бурный рост производящего хозяйство. Превращение охоты и рыболовство в «подсобный» крестьянский промысел (Кочин 1965: 244-247, 288, 293).

Некоторые из них, особенно рыбники, имели возможность во время промысловых поездок посещать донские земли. Ведь в XV–XVII вв. они были важным промысловым районом. Поэтому в случае конфликтов с власть предержащими промысловики вполне могли уйти на хорошо знакомые берега Дона. Этому не могла не способствовать привычка к свободе, уважению, привилегиям. Структура замкнутой, хорошо организованной общины была хорошо приспособлена к новым условиям жизни (Михайлова 1997: 31-32; Саатчан 1996: 49).

Есть и косвенное этнографическое доказательство родства казаков с промысловиками – рыбниками. Это культ олицетворения казачьей реки – покровителя казаков и войска. В Донском и Уральском войсках долгое время сохранялись практики, связанные с почитанием речного божества. Это божество (Дон Иванович, Иван Горынович) персонифицировало казачью реку (т.е. Дон, Яик) и считалось покровителем войска. Ему было необходимо приносить обильные, в том числе и человеческие, жертвы. Например, принесение божеству реки Яик персиянки Степаном Разиным, описанное голландским артиллеристом Людвигом Фабрициусом. Уже в начале XX в. донские казаки, возвращавшиеся со службы, бросали в воду форму и другие вещи, приветствуя Дон (Азаренков 2005: 7).

Известно, что важность хозяина реки или озера (водяного) в жизни профессиональных рыбаков невозможно переоценить. Имеют место бывальщины о

человеческих жертвоприношениях. Которые совершались крестьянами Русского Севера, продолжавшими жить рыболовным промыслом (Криничная 2004: 348).

В этот период появились и новые поводы для недовольства и у крестьян южных приграничных уездов. В период становления централизованного государства эти земли для предотвращения татарских набегов стали заселяться дворянами. При относительном малолюдстве нормы эксплуатации сразу выросли. А близость вольных донских земель не могла не вызвать стремления к побегу. Тем более что крестьяне, жившие рядом с границей, обладали навыками владения оружием. Так, в избе простолюдина XIV в. неподалеку от Куликова поля археологами был обнаружен меч, что было большой редкостью для тогдашней Руси (Шавырин 1997: 95). Сохранилось немало так называемых осадных списков приграничных русских городов. С указанием, где и с каким оружием каждый дворовладелец должен находится в «сполошное время». В этих росписях фигурируют как посадские люди (купцы, ремесленники), так и крестьяне (Никитин 2011: 55).

Можно сказать, что общинные традиции восточных славян заложили основу и дали идеологические принципы для самоорганизации казачества. Их основным носителем в период, предшествующий появлению казачества, был Новгород и другие свободные северные общины.

В период монголо-татарского нашествия русская «полисная» социальная система перенесла жестокий удар. И стала трансформироваться в сторону феодализации и авторитаризма. Не без влияния завоевателей с востока. В XV–XVI вв. она была окончательно уничтожена. Символическим актом этого стал увоз Иваном III вечевого колокола из Новгорода.

Уйдя в степь, казаки восстановили там традиции вольных общин – одну из самых главных ценностей в своей жизни. Казачество стало воплощённой в жизнь консервативной утопией. Осуществлением мечты восточных славян о свободной жизни в свободной общине (Резниченко 2015).

Таким образом, возникновение казачества есть наглядное доказательство верности теории «общинно-полисной специфики» городов-государств Древней Руси, которую выдвинул И.Я. Фроянов. Известно, что свобода и статус древнерусской общины определялся наличием собственных достаточно сильных вооруженных сил.

И, как уже было сказано, в начальный период существования казачества в его рядах было немало представителей благородного сословия. Именно в период становления казачества в XV-XVI веках, многие русские дворяне и шляхтичи Речи Посполитой оказались в степи. Дело в том, что после образования единого Московского государства многие бояре и дворяне, служившие удельным и местным великим князьям, лишились службы и земель. Преследованиям подвергалась и православная шляхта польско-литовского государства. Воины, не нашедшие себе места на родине, часто уходили в степь (Очерки традиционной культуры 2002: 170). Очевидец так писал о составе Запорожского войска: «Все они происходят из России, хотя есть много между ними обесславленных дворян из Малой и Великой Польши...» (цит. по: Яворницкий 1990: 143; Шавырин 1997: 95). Нужно сказать, что обнищавшие помещики и вотчинники нередко уходили на время «казаковать», желая пополнить оскудевшее имущество. Характерен наказ Ивана III рязанской княгине Аграфене,

запрещавший отпускать рязанских служилых людей в дружины вольных казаков (Очерки традиционной культуры 2002: 170, 184). В служилые казаки переводили беспоместных дворян и дворян, совершивших провинности (Очерки традиционной культуры 2002: 181). Производилось целенаправленное заселение московскими служилыми людьми окраин, где существовала татарская угроза. Многие из этих районов были центрами формирования казачества. Тем более, что между служилыми и вольными казаками граница была очень легко проницаема (Тройно 1993: 21).

Выплеск профессиональных воинов на окраины, в том числе в казачью среду, происходил в случае любых политических пертурбаций в России конца XV–XVII вв. «…многие дворян и служилых людей, и приказных, и воинских людей разослал в Поморские городы и в Сибирь, и на Волгу, и на Терек, в Пермь Великую в темницы и пустые места». После опалы великого князя Семиона Бекбулатовича был разогнан и его двор. От него осталось лишь немного людей, которые жили в «великой скудости» (цит. по: Скрынников 1990: 55, 59, 62). Речь идёт о довольно осторожных силовых акциях, проводимых в конце XVI столетия Борисом Годуновым. Последствия заключительного этапа Опричнины и Ливонской войны были более масштабными. Они затронули в том числе и южные окраины Московского государства. В 1591–1592 гг. про воронежских «сынов боярских» М.Д. Пахомова и П.Д. Голохвостова писалось: «сшол в вольные казаки». Среди детей боярских, служивших в Ряжске тоже отмечаются «сошедшие на Дон» (Скрынников 1990: 69). Под 1592 годом среди донских казаков упомянут носитель старинной дворянской фамилии Воейковых (Сватиков 1924: 25).

То, что обедневший сын боярский или потерявший хозяина боевой холоп (едва ли не самый распространённый вид профессионального воина Московской Руси) были характерными типами ранних казаков, отмечал и известный исследователь А.Л. Станиславский (Станиславский 1990: 8, 17). Во время голода 1601 – 1603 годов знатные господа выгнали многих холопов. Среди них было немало и боевых – профессиональных опытных воинов. Многие из них, пытаясь прокормиться и найти себе применение, «сошли на Дон». Что во многом предопределило активность и боеспособность казачества периода Смуты (Станиславский 1990: 13). В последние три десятилетия многие историки пришли к выводу, что среди вольных казаков преобладали мелкие служилые люди. В том числе – боевые холопы (Никитин 2011: 54). «Породою москвичи и иных городов …и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне…» – пишет И.Г. Котошихин. Как видим, даже в тексте второй половины XVII века «на первом месте стоят «бояре», а крестьяне – на последнем (цит. по: Никитин 2011: 53). Среди вольных русских казаков попадались даже представители княжеских фамилий. Хоть далеко не всегда в роли лидеров. На происхождение членов войска казаки не особенно обращали внимание (Никитин 1986: 170).

Исследования российских учёных опровергают тезис известного украинского казаковеда В.А. Брехуненко о недостаточно «аристократичном» происхождении русского казачества по сравнению с украинским. В основании и укреплении которого огромную роль сыграла мелкая шляхта (Брехуненко 2011: 147-165, 446-448).

Влияние выходцев из среды профессиональных воинов сказалось и на особенностях военного дела у казаков. Однако люди знатного происхождения (чаще всего – разорённые), попав в состав казачества, сражались не на аристократический манер (богато вооруженный всадник). Казаки быстро осваивали более «демократичные» и эффективные методы ведения боя.

Необходимо отметить великолепное владение ими огнестрельным оружием, необычайное для того времени. Как писал голландец И. Масса, побывавший в России в период Смутного Времени, «казаки, умеющие так искусно стрелять из своих мушкетов и длинных ружей, как никто на свете, никогда не давали промаха...» (цит. по: Очерки традиционной культуры 2002: 403). В казачьих отрядах существовала обязательная боевая охрана, своя система сигналов. Тактика отличалась умелым сочетанием обороны и наступления. При этом действовал принцип «лучшая оборона - это нападение».

Грамотно была поставлена оборона укреплений. Собственно оборона сочеталась с неожиданными вылазками (Очерки традиционной культуры 2002: 404-407). Успешно штурмовались сильнейшие крепости. Известный казаковед В.П. Трут считал, что совершенная и разносторонняя боевая подготовка казаков не могла быть в короткий срок усвоена беглыми русскими крестьянами. Это совершенно справедливо. Однако, в качестве объяснения исследователь предлагает гипотезу об автохтонности казачества в областях его первичного возникновения (Трут 1999: 13-14). Мы не беремся однозначно оспаривать саму эту идею. Но соприкосновение со степняками, жившими в низовьях Днепра и Дона, вряд ли могло сделать казачье военное искусство всесторонне развитым. Неизвестно, где они могли бы практиковаться в штурме и обороне крупных укреплений раньше конца XVI–XVII вв. На наш взгляд, более верно было бы предположить появление в казачьей среде высококлассных специалистов, обладавших глубоким знанием военного дела. Вероятнее всего, это были дворяне. По свидетельству источников, запорожские казаки в ранний период своей истории воевали под руководством знатных аристократов Речи Посполитой (Матвеев 2000: 225).

По мнению О.В. Матвеева, казаки сохранили некоторые обычаи и традиции, характерные для древнерусских дружинников. Среди них можно назвать обряд побратимства, скрепляющий глубокий духовный союз между воинами. Во время него побратимы менялись крестами, подписывали особую грамоту. Побратимом часто становился оруженосец воина – «парубок». «Парубоцтво» выполняло военную роль и у украинских казаков XVI-XVII веков (Матвеев 1999: 26).

Стремление к славе играло огромную роль среди казаков. Перед походом на Азов атаман Иванов обратился к донскому войску с такими словами: «Пойдем мы, атаманы и козаки, под тот град Азов среди дни, а не нощию украдом, своею славою великаю не устыдим лица своего от бесстыдных бусурман» (цит. по: Матвеев 2004: 43). Слава, по традиционным аристократическим представлениям, ценилась выше богатства. Когда турки предложили донцам вернуть им Азов за выкуп, те ответили: «Не дорого нам ваше серебро и злато, дорога нам слава вечная» (Матвеев 2004: 43).

Если даже рассматривать недостатки казаков как воинов, то они носят типично «рыцарский» характер. Прежде всего, это стремление обязательно

проявить личное удальство, выделиться. Иногда в ущерб делу (Очерки традиционной культуры 2002: 407).

Таким образом, первыми казаками были профессиональные воины и охотники / рыбаки – промысловики. Об этом говорит и существовавший до 1690 года в среде донских казаков запрет на занятие земледелием (Сватиков 1924: 26).

Огромное значение для возникновения казачества сыграло и крушение государства Золотая Орда. В результате его образовалась ничейная территория, «поле». Которое на Дону тянулось от устья реки до Воронежа в верхнем течении (Матишов и др. 2012: 37).

Так же в результате крушения золотоордынского государства и сопровождавших его социальных потрясений появилось много тюркских (татарских) казаков. Казак – слово тюркского происхождения (вошедшее в самые разные языки), в целом обозначающее дееспособного мужчину, который при этом находится вне пределов «нормальной» государственной и социальной организации. При этом казак может (чаще всего – вместе с себе подобными) обеспечивать своё существование без непосредственной помощи «нормального» общества. С одной стороны, казак противопоставляется «обычному» человеку, с другой – женщине, ребёнку, стрику, нищему и пр.

В случае с татарами времён распада Золотой Орды – это дружинники, лишившиеся своих феодалов, кочевники, потерявшие связь со своими родами. Которые вынуждены были объединятся в независимые мужские воинские союзы. К которым могли присоединяться и славянские казаки.

Первый массовый приток в казачьи общины конца XV столетия обеспечили татары. «Обрусение» казачества происходит в течении XVI века. Но и в XVII столетии в вольных казачьих войсках было ещё немало татар (Никитин 1986: 168).

Есть и прямые доказательства родства казачества с мужскими союзами Евразии. Предшественники казаков-славян – тюркские казаки часто были людьми, ушедшими в дикие места, чтоб испытать свою силу и мужество и пройти воинское посвящение. А посвящение молодых мужчин в полноценных воинов издавна было важнейшей прерогативой мужских воинских союзов (Султанов 2000: 28). Не случайно, что при вступлении в казачье товарищество человек получал новое имя, т. е. как бы заново рождался. «Второе рождение» было непременным атрибутом вступления в мужской союз. Поэтому любой человек, поживший жизнью казака, позже считал себя свободным от обязанностей податного земледельца (Морковин 2004: 127).

С посвящением было тесно связано обретение побратима. Этот вид искусственного родства был основой ещё тюркского казачества. Неудивительно, что для обозначения своего общества и запорожцы, и члены мужских союзов других народов использовали слово «кош» (в тюркских языках – семья, род). Для мужских союзов Евразии издавна были характерны такие элементы запорожской культуры, как ношение клока волос на бритой голове (Султанов 2000: 29).

Тюркские казаки основывали общины, к которым в XV–XVI вв. присоединились славяне, ещё не имевшие опыта казачьей жизни (Скрынников 1992:

7). Сама организация кочевой орды предполагало возможность членства в ней представителей разных народов, имеющих общие интересы (Агаджанов 1991: 44).

С другой стороны, тюрки способствовали появлению важных элементов казачьей системы ценностей. Одна из них – отношение к войне. Для славян позднего средневековья она была явлением, разрывающим нормальное течение повседневности. Казаки вслед за тюрками стали воспринимать её как нечто само собой разумеющееся и даже необходимое. Такое отношение к себе порождает набеговая война, которая практически не затухает и мешает мирному труду. При этом она «кормит» участников добычей (Худяков 1986: 165; Хмелевская 2004: 94).

Влияние кочевников – тюрок способствовало архаизации казачьего социума и системы ценностей. Под его воздействием «ожили» некоторые уже становившиеся пережитками элементы социальной жизни и сопутствовавшие им ценностные установки (речь идёт, к примеру, о мужском союзе или искусственном родстве). Культурное влияние тюрок способствовало появлению и закреплению ценностных противопоставлений казаков и прочих восточных славян. Наглядный пример этого – донские этногенетические легенды о происхождении от неславянских народов (Гордеев 1992: 5).

Таким образом, возникновению казачества способствовали два фактора: крушение общинно-полисного устройства Киевской Руси и крушение Золотой Орды. В следствии первого, последовавшего за становлением Централизованного Русского Государства репрессий и экономических изменений из «большого социума» было «вытолкнуто» определённое количество профессиональных воинов (разных поколений: и ещё помнящих новгородскую вольность, и продолживших их дело московских служилых людей) и профессиональных охотников – промысловиков. Которые, вместе с некоторым числом представителей других страт тогдашнего русского общества, воссоздали за пределами собственно русских земель общинно-полисное устройство в виде казачьих войск. Подходящие для этого ничейные территории появились после гибели ордынского государства. И не только территории. Появилась масса ранних тюркских казаков. Которые стали изначальной основой для создания уже славянскими казаками полноценных казачьих войск.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанов 1991 - *Агаджанов С.Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. М., 1991.

Азаренков 2005 - *Азаренков В.* Как боевого хорунжего сделали беглым казаком // Станица. 2005. № 2.

Берлизов 1984 - *Берлизов А.Е.* О некоторых коневодческих, кавалерийских и конноспортивных традициях кубанского казачества // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

Борисов 2004 - *Борисов Н.С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004.

Брехуненко 2011 - *Брехуненко В.* Козаки на степовому кордонi європы: Типологiя козацких спiльнот XV – першої половини XVII ст. Київ, 2011.

Великая 2004 - *Великая Н.Н.* Об этнической природе казачьих групп // Дикаревские чтения. Вып. 10. Краснодар, 2004.

Вернадский 2015 - *Вернадский Г.В.* Распад Золотой Орды и возрождение Руси / Электронный ресурс: www.spsl.nsc.ru (дата обращения – 22.10.2015).

Виноградов 1999 - *Виноградов В.Б.* Исторические взгляды И.Д. Попки в системе представлений об истоках гребенского казачества // Памяти Ивана Диомидовича Попки. Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 1999.

Гордеев 1992 - *Гордеев А.А.* История казаков. Т. I. М., 1992.

Гумилёв 1989 - *Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

Даркевич 1999 - *Даркевич В.П.* «Градские люди» Древней Руси // Культура славян и Русь. М., 1999.

Дацишен 1996 - *Дацишен В.Г.* Ушкуй как источник казачества // Кубанское казачество: три века истории. Краснодар, 1996.

Заседателева 1974 - *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.) Историко-этнографический очерк. М., 1974.

Зимин 1982 - *Зимин А.А.* Русское государство в XV-XVI вв. М., 1982.

Ключевский 1988 - *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II. М., 1988.

Ключевский 1989 - *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т.III. М., 1989.

Кожинов 1999 - *Кожинов В.В.* История Руси и русского Слова. М.: Алгоритм, 1999.

Костомаров 1994 - *Костомаров Н.И.* Материалы и исследования. Богдан Хмельницкий. М., 1994.

Кочин 1965 - *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI веков. М.; Л., 1965.

Крестьянская война 1954 - Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. I. М., 1954.

Криничная 2004 - *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.

Мамонов 2002 - *Мамонов В.Ф.* Теории и факты // Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. I. М.; Краснодар, 2002.

Мамсик 2000 - *Мамсик Т.* «Вольные каменьщики» Беловодья // Родина. 2000. № 8.

Маркедонов 2015 - *Маркедонов С.М.* От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения») / Электронный ресурс: www.cossackdom.com (дата обращения - 22.10.2015).

Матвеев 1999 - *Матвеев О.В.* Возникновение и ранние страницы истории казачества в устной исторической традиции древней Руси // Возникновение казачества и становление казачьей культуры. Ростов-на-Дону, 1999.

Матвеев 2000 - *Матвеев О.В.* «Дэ диды, прадиды служилы…» Служилое начало в этногенетических представлениях кубанских казаков // Из истории дворянских родов Кубани. Краснодар, 2000.

Матвеев 2004 - *Матвеев О.В.* Идеалы средневекового рыцарства в исторических представлениях кубанских казаков // Особенности историко-психологического исследования. Краснодар, 2004.

Матишов и др. 2012 - *Матишов Г.Г., Власкина Т.Ю., Венков А.В., Власкина Н.А.* Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской. Ростов-на-Дону, 2012.

Мининков, Рябов - *Мининков Н.А., Рябов С.И.* О заселении Донской земли в XVI – XVII вв. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1984. № 3.

Михайлова 1997 - *Михайлова И.* «Бобровники, сокольники, подлазники…». Как жили промысловые слуги князя в XIV-XV вв. // Родина. 1997. № 5.

Морковин 2004 - *Морковин Н.* Очерк истории Запорожского казачества // Запорожская Сечь. М., 2004.

Никитин 1986 - *Никитин Н.И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI-XVII вв. // История СССР. 1986. № 4.

Никитин 2011 - *Никитин Н.И.* Происхождение казачества: мифы и реальность // Осторожно, история. М., 2011.

Новиков 1988 - *Новиков Ю.А.* Точку ставить рано… О концепции новгородского происхождения русской былинной традиции // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988.

Овчинникова 1993 - *Овчинникова Б.Б.* Бродники - доказачья вольница // Казачество в истории России. Краснодар, 1993.

Очерки традиционной культуры 2002 - Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. I. М.; Краснодар, 2002.

Полубояринова 1997 - *Полубояринова М.* Русские в Золотой Орде // Родина. 1997. № 3-4.

Резниченко 2015 - *Резниченко С.* Суть казачества / Электронный ресурс: www.apn.ru (дата обращения - 22.10.2015).

Саатчан 1996 - *Саатчан Р.* Русское поле // Родина. 1996. № 2.

Савельев 1915 - *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. Ч.1. Новочеркасск, 1915.

Сватиков 1924 - *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549-1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924.

Синеоков 2004 - *Синеоков В.* Казачество и его государственное значение. М., 2004.

Скрынников 1992 - *Скрынников Р.Г.* Ермак. М., 1992.

Скрынников 2008 - *Скрынников Р.Г.* Ермак. М., 2008.

Скрынников 1990 - *Скрынников Р.Г.* Россия на кануне «Смутного времени». М., 1990.

Скрынников 1994 - *Скрынников Р.Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994.

Станиславский 1990 - *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII века. Казачество на переломе истории. М., 1990.

Султанов 2000 - *Султанов Т.* Кто такие казахи // Родина. 2000. № 2.

Тройно 1993 - *Тройно Ф.П.* У истоков казачества // Казачество в истории России. Краснодар, 1993.

Трут 1999 - *Трут В.П.* Противоречия ряда основных положений миграционной теории происхождения казачества и конкретно-исторических условий // Возникновение казачества и становление казачьей культуры. Ростов-на-Дону, 1999.

Фроянов 1980 - *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Хмелевская 2004 - *Хмелевская Р.Б.* Восток – Запад – Россия. Культурные доминанты народов. Ростов-на-Дону, 2004.

Худяков 1986 - *Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских киргизов. Новосибирск, 1986.

Шавырин 1997 - *Шавырин В.* Неделимое поле // Родина. 1997. № 3-4.

Швецова 1954 - *Швецова Е.А.* Предисловие // Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. I. М., 1954.

Шенников 1987 - *Шенников А.А.* Червлёный яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. Л., 1987.

Щербина 1992 - *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. I. Краснодар, 1992.

Яворницкий 1990 - *Яворницкий Д.И.* История Запорожского казачества. Т. I. Киев, 1990.

REFERENCES

Agadzhanov 1991 - *Agadzhanov S.G.* Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Srednjaja Azija v XI-XII vv. [The Seljuk Empire and Central Asia in XI-XII centuries], Moscow, 1991 [in Russian].

Azarenkov 2005 - *Azarenkov V.* Kak boevogo horunzhego sdelali beglym kazakom [As the fighting horunzhy was made the fluent Cossack], in: Stanica [Village], 2005, № 2 [in Russian].

Berlizov 1984 - *Berlizov A.E.* O nekotoryh konevodcheskih, kavalerijskih i konnosportivnyh tradicijah kubanskogo kazachestva [About some horse-breeding, cavalry and horse-racing traditions of the Kuban Cossacks], in: Arheologo-jetnograficheskie issledovanija Severnogo Kavkaza [Arkheologo-etnografichesky researches of the North Caucasus], Krasnodar, 1984 [in Russian].

Borisov 2004 - *Borisov N.S.* Povsednevnaja zhizn' srednevekovoj Rusi nakanune konca sveta [Everyday life of medieval Russia on the eve of a doomsday], Moscow, 2004 [in Russian].

Brehunenko 2011 - *Brehunenko V.* Kozaki na stepovomu kordoni єvropy: Tipologija kozackih spil'not XV – pershoï polovini XVII st. [Cossacks on steppe border of Europe: Tipologiya of the Cossack societies XV – the feather half XVII century], Kiev, 2011 [in Ukrainian].

Dacishen 1996 - *Dacishen V.G.* Ushkuj kak istochnik kazachestva [Ushkuy as Cossacks source], in: Kubanskoe kazachestvo: tri veka istorii [Kuban Cossacks: three eyelids of history], Krasnodar, 1996 [in Russian].

Darkevich 1999 - *Darkevich V.P.* «Gradskie ljudi» Drevnej Rusi [«Town people» of Ancient Russia], in: Kul'tura slavjan i Rus' [Culture of Slavs and Russia], Moscow, 1999 [in Russian].

Frojanov 1980 - *Frojanov I.Ja.* Kievskaja Rus'. Ocherki social'no-politicheskoj istorii [Kievan Rus'. Sketches of socio-political history], Leningrad, 1980 [in Russian].

Gordeev 1992 - *Gordeev A.A.* Istorija kazakov. T. I [History of Cossacks. Volume I], Moscow, 1992 [in Russian].

Gumiljov 1989 - *Gumiljov L.N.* Drevnjaja Rus' i Velikaja Step' [Ancient Russia and Great Steppe], Moscow, 1989 [in Russian].

Hmelevskaja 2004 - *Hmelevskaja R.B.* Vostok – Zapad – Rossija. Kul'turnye dominanty narodov [The East – the West – Russia. Cultural dominants of the people], Rostov-on-Don, 2004 [in Russian].

Hudjakov 1986 - *Hudjakov Ju.S.* Vooruzhenie enisejskih kirgizov [Arms of the Yenisei Kyrgyz], Novosibirsk, 1986 [in Russian].

Javornickij 1990 - *Javornickij D.I.* Istorija Zaporozhskogo kazachestva. T. I [History of the Zaporozhye Cossacks. Volume I], Kiev, 1990 [in Russian].

Kljuchevskij 1988 - *Kljuchevskij V.O.* Kurs russkoj istorii [Course of the Russian history], in: Kljuchevskij V.O. Sochinenija v devjati tomah. T. II [Compositions in nine volumes. Volume II], Moscow, 1988 [in Russian].

Kljuchevskij 1989 - *Kljuchevskij V.O.* Sochinenija v devjati tomah. T.III [Compositions in to nine volumes. Volume III], Moscow, 1989 [in Russian].

Kochin 1965 - *Kochin G.E.* Sel'skoe hozjajstvo na Rusi konca XIII – nachala XVI vekov [Agriculture in Russia of the end XIII – beginnings XVI centuries], Moscow; Leningrad, 1965 [in Russian].

Kostomarov 1994 - *Kostomarov N.I.* Materialy i issledovanija. Bogdan Hmel'nickij [Materials and researches. Bogdan Khmelnytsky], Moscow, 1994 [in Russian].

Kozhinov 1999 - *Kozhinov V.V.* Istorija Rusi i russkogo Slova [History of Russia and Russian Word], Moscow: Algoritm Publ., 1999 [in Russian].

Krest'janskaja vojna 1954 - Krest'janskaja vojna pod predvoditel'stvom Stepana Razina. Sbornik dokumentov. T. I [Peasant war under Stepan Razin's leadership. Collection of documents. Volume I], Moscow, 1954 [in Russian].

Krinichnaja 2004 - *Krinichnaja N.A.* Russkaja mifologija: Mir obrazov fol'klora [Russian mythology: World of images of folklore], Moscow, 2004 [in Russian].

Mamonov 2002 - *Mamonov V.F.* Teorii i fakty [Theories and facts], in: Ocherki tradicionnoj kul'tury kazachestv Rossii. T. I [Sketches of traditional culture of kazachestvo of Russia. Volume I], Moscow; Krasnodar, 2002 [in Russian].

Mamsik 2000 - *Mamsik T.* «Vol'nye kamen'shhiki» Belovod'ja [«Free bricklayers» of Belovodya], in: Rodina [Homeland], 2000, № 8 [in Russian].

Markedonov 2015 - *Markedonov S.M.* Ot istorii k konstruirovaniju nacional'noj identichnosti (istoricheskie vozzrenija uchastnikov «Vol'nokazach'ego dvizhenija») [From history to designing of national identity (historical views of participants of «the Volnokazachy movement»)], 2015, Electronic resource: www.cossackdom.com (Date of access - 22.10.2015) [in Russian].

Matishov i dr. 2012 - *Matishov G.G., Vlaskina T.Ju., Venkov A.V., Vlaskina N.A.* Social'no-istoricheskij portret del'ty Dona: kazachij hutor Donskoj [Sociohistorical portrait of the delta of Don: Cossack farm Donskoy], Rostov-on-Don, 2012 [in Russian].

Matveev 1999 - *Matveev O.V.* Vozniknovenie i rannie stranicy istorii kazachestva v ustnoj istoricheskoj tradicii drevnej Rusi [Emergence and early pages of history of the Cossacks in oral historical tradition of ancient Russia], in: Vozniknovenie kazachestva i stanovlenie kazach'ej kul'tury [Emergence of the Cossacks and formation of the Cossack culture], Rostov-on-Don, 1999 [in Russian].

Matveev 2000 - *Matveev O.V.* «Dje didy, pradidy sluzhily…» Sluzhiloe nachalo v jetnogeneticheskih predstavlenijah kubanskih kazakov [Where grandfathers, great-grandfathers served…» The Sluzhily

beginning in ethnogenetic representations of the Kuban Cossacks], in: Iz istorii dvorjanskih rodov Kubani [From history of noble childbirth of Kuban], Krasnodar, 2000 [in Russian].

Matveev 2004 - *Matveev O.V.* Idealy srednevekovogo rycarstva v istoricheskih predstavlenijah kubanskih kazakov [Ideals of medieval knights in historical representations of the Kuban Cossacks], in: Osobennosti istoriko-psihologicheskogo issledovanija [Features of historical and psychological research], Krasnodar, 2004 [in Russian].

Mihajlova 1997 - *Mihajlova I.* «Bobrovniki, sokol'niki, podlazniki…». Kak zhili promyslovye slugi knjazja v XIV-XV vv. [«Bobrovniki, hawkers, podlaznik …». As there lived trade servants of the prince in XIV-XV centuries], in: Rodina [Homeland], 1997, № 5 [in Russian].

Mininkov, Rjabov - *Mininkov N.A., Rjabov S.I.* O zaselenii Donskoj zemli v XVI – XVII vv. [About settling of the Don earth in XVI – XVII centuries], in: Izvestija Severo-Kavkazskogo nauchnogo centra vysshej shkoly. Obshhestvennye nauki [News of the North Caucasian scientific center of the higher school. Social sciences], 1984, № 3 [in Russian].

Morkovin 2004 - *Morkovin N.* Ocherk istorii Zaporozhskogo kazachestva [Sketch of history of the Zaporozhye Cossacks], in: Zaporozhskaja Sech' [Zaporizhian Sich], Moscow, 2004 [in Russian].

Nikitin 1986 - *Nikitin N.I.* O proishozhdenii, strukture i social'noj prirode soobshhestv russkih kazakov XVI-XVII vv. [About an origin, to structure and social nature of communities of the Russian Cossacks XVI-XVII century], in: Istorija SSSR [History USSR], 1986, № 4 [in Russian].

Nikitin 2011 - *Nikitin N.I.* Proishozhdenie kazachestva: mify i real'nost' [Cossacks origin: myths and reality], in: Ostorozhno, istorija [Carefully, history], Moscow, 2011 [in Russian].

Novikov 1988 - *Novikov Ju.A.* Tochku stavit' rano… O koncepcii novgorodskogo proishozhdenija russkoj bylinnoj tradicii [To put an end early… About the concept of the Novgorod origin of the Russian epic tradition], in: Fol'klor. Problemy istorizma [Folklore. Historicism problems], Moscow, 1988 [in Russian].

Ocherki tradicionnoj kul'tury 2002 - Ocherki tradicionnoj kul'tury kazachestv Rossii. T. I [Sketches of traditional culture of kazachestvo of Russia. Volume I], Moscow; Krasnodar, 2002 [in Russian].

Ovchinnikova 1993 - *Ovchinnikova B.B.* Brodniki - dokazach'ja vol'nica [Brodniki - dokazachya outlaws], in: Kazachestvo v istorii Rossii [The Cossacks in the history of Russia], Krasnodar, 1993 [in Russian].

Polubojarinova 1997 - *Polubojarinova M.* Russkie v Zolotoj Orde [Russians in the Golden Horde], in: Rodina [Homeland], 1997, № 3-4 [in Russian].

Reznichenko 2015 - *Reznichenko S.* Sut' kazachestva [Cossacks essence], 2015, Electronic resource: www.apn.ru (Date of access - 22.10.2015) [in Russian].

Saatchan 1996 - *Saatchan R.* Russkoe pole [Russian field], in: Rodina [Homeland], 1996, № 2 [in Russian].

Savel'ev 1915 - *Savel'ev E.P.* Drevnjaja istorija kazachestva. Ch.1 [Ancient history of the Cossacks. Part 1], Novocherkassk, 1915 [in Russian].

Shavyrin 1997 - *Shavyrin V.* Nedelimoe pole [Indivisible field], in: Rodina [Homeland], 1997, № 3-4 [in Russian].

Shennikov 1987 - *Shennikov A.A.* Chervljonyj jar. Issledovanie po istorii i geografii Srednego Podon'ja v XIV-XVI vv. [Dark red yar. Research on history and Srednego Podonya geography in XIV-XVI centuries], Leningrad, 1987 [in Russian].

Shherbina 1992 - *Shherbina F.A.* Istorija Kubanskogo kazach'ego vojska. T. I [History of the Kuban Cossack army. Volume I], Krasnodar, 1992 [in Russian].

Shvecova 1954 - *Shvecova E.A.* Predislovie [Preface], in: Krest'janskaja vojna pod predvoditel'stvom Stepana Razina. T. I [Peasant war under Stepan Razin's leadership. Volume I], Moscow, 1954 [in Russian].

Sineokov 2004 - *Sineokov V.* Kazachestvo i ego gosudarstvennoe znachenie [Cossacks and its state value], Moscow, 2004 [in Russian].

Skrynnikov 1990 - *Skrynnikov R.G.* Rossija na kanune «Smutnogo vremeni» [Russia on the eve of «Time of Troubles»], Moscow, 1990 [in Russian].

Skrynnikov 1992 - *Skrynnikov R.G.* Ermak [Yermak], Moscow, 1992 [in Russian].

Skrynnikov 1994 - *Skrynnikov R.G.* Tragedija Novgoroda [Tragedy of Novgorod], Moscow, 1994 [in Russian].

Skrynnikov 2008 - *Skrynnikov R.G.* Ermak [Yermak], Moscow, 2008 [in Russian].

Stanislavskij 1990 - *Stanislavskij A.L.* Grazhdanskaja vojna v Rossii XVII veka. Kazachestvo na perelome istorii [Civil war in Russia XVII centuries. The Cossacks on a history change], Moscow, 1990 [in Russian].

Sultanov 2000 - *Sultanov T.* Kto takie kazahi [Who such Kazakhs], in: Rodina [Homeland], 2000, № 2 [in Russian].

Svatikov 1924 - *Svatikov S.G.* Rossija i Don (1549-1917). Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskih dvizhenij na Donu [Russia and Don (1549-1917). Research on history of the state and administrative law and political movements on Don], Belgrad, 1924 [in Russian].

Trojno 1993 - *Trojno F.P.* U istokov kazachestva [At Cossacks sources], in: Kazachestvo v istorii Rossii [The Cossacks in the history of Russia], Krasnodar, 1993 [in Russian].

Trut 1999 - *Trut V.P.* Protivorechija rjada osnovnyh polozhenij migracionnoj teorii proishozhdenija kazachestva i konkretno-istoricheskih uslovij [Contradictions of a number of basic provisions of the migratory theory of an origin of the Cossacks and concrete historical conditions], in: Vozniknovenie kazachestva i stanovlenie kazach'ej kul'tury [Emergence of the Cossacks and formation of the Cossack culture], Rostov-on-Don, 1999 [in Russian].

Velikaja 2004 - Velikaja N.N. Ob jetnicheskoj prirode kazach'ih grupp [About the ethnic nature of the Cossack groups], in: Dikarevskie chtenija. Vyp. 10 [Dikarevsky readings. Release 10], Krasnodar, 2004 [in Russian].

Vernadskij 2015 - *Vernadskij G.V.* Raspad Zolotoj Ordy i vozrozhdenie Rusi [Disintegration of the Golden Horde and revival of Russia], 2015, Electronic resource: www.spsl.nsc.ru (Date of access – 22.10.2015) [in Russian].

Vinogradov 1999 - *Vinogradov V.B.* Istoricheskie vzgljady I.D. Popki v sisteme predstavlenij ob istokah grebenskogo kazachestva [Historical views of I.D. Buttocks in system of ideas of sources of the grebensky Cossacks], in: Pamjati Ivana Diomidovicha Popki. Iz istoricheskogo proshlogo i duhovnogo nasledija severokavkazskogo kazachestva [Ivan Diomidovich Popki's memories. From the historical past and spiritual heritage of the North Caucasian Cossacks], Krasnodar, 1999 [in Russian].

Zasedateleva 1974 - *Zasedateleva L.B.* Terskie kazaki (seredina XVI – nachalo XX v.) Istoriko-jetnograficheskij ocherk [Tersky Cossacks (middle XVI – beginning XX c). Historical and ethnographic sketch], Moscow, 1974 [in Russian].

Zimin 1982 - *Zimin A.A.* Russkoe gosudarstvo v XV-XVI vv. [The Russian state in XV-XVI centuries], Moscow, 1982 [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич – Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).
Vasilyev Igor – candidate of historical sciences, senior research associate of the Research center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).
E-mail: ivasee@mail.ru

УДК 94(367)

В ПОИСКАХ «ПЛЕМЕНИ»: ПОСАВСКОЕ И НИТРАНСКОЕ КНЯЖЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ В IX ВЕКЕ

Д.Е. Алимов
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199304, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9
e-mail: d.alimov@spbu.ru
Scopus Author ID: 55539034200
Researcher ID: I-7188-2013
http://orcid.org/0000-0002-4733-4150
SPIN-код: 2730-1777

Авторское резюме

В статье рассматривается проблема «племенной» принадлежности двух славянских политических образований, возникших около 800 года на окраинах Карпатской котловины вследствие распада Аварского каганата — Посавского (на территории современной северной Хорватии) и Нитранского (на территории современной западной Словакии) княжеств. На основании определений, прилагавшихся к обоим княжествам в современных их существованию письменных источниках, в статье делается вывод, что они не были «племенными княжествами», а имели исключительно политический характер. Вместе с тем, автор обращает внимание на то, что в качестве этнонима в обоих княжествах использовалось название «славяне», что отличает Карпатскую котловину от других славяноязычных областей, где использовались различные «племенные» названия. По мнению автора, это связано с тем, что славянская идентичность на территории Карпатской котловины в IX в. имела не только культурный, но и политический характер. В заключение, автор высказывает гипотезу, что не только отсутствие «племен» в обоих княжествах, но и политизация славянской идентичности на территории Карпатской котловины есть результат пребывания этой территории в составе Аварского каганата, то есть единого социального опыта славянского населения Карпатской котловины.

Ключевые слова: Карпатская котловина, Аварский каганат, славянская этничность, славянская идентичность.

IN SEARCH OF A «TRIBE»: THE SAVA AND NITRA PRINCIPALITIES WITHIN THE CONTEXT OF THE ETHNO-POLITICAL SITUATION IN THE 9th-CENTURY SLAVIC WORLD

Denis Alimov
Saint Petersburg State University
7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: d.alimov@spbu.ru

Abstract

The article deals with the problem of the «tribal» affiliation of two Slavic polities, which emerged about 800 AD following the collapse of the Avar Khaganate: namely, the so-called Sava principality in what is now northern Croatia, and the so-called Nitra principality in present-day western Slovakia. On the basis of definitions used by contemporary sources in referring to the two principalities, the article concludes that they were not «tribal principalities», thus having a purely political character. However, the author draws attention to the fact that in both principalities the name «Slavs» was used as an ethnonym, which distinguished the Carpathian Basin from other 9th-century Slavic-speaking regions, where a variety of tribal names were attested to by contemporary sources. According to the author, the 9th-century Slavic identity in the territory of the Carpathian Basin had not only a linguistic and cultural, but also a political character. In conclusion, the author hypothesizes that not only the absence of «tribes» in both principalities, but also the politicization of the Slavic identity in the territory of the Carpathian Basin was a consequence of prolonged Avar rule over this territory. In other words, it was a result of the common social experience shared by Slavs of the Carpathian Basin.

Keywords: Carpathian Basin, Avar Khaganate, Slavic ethnicity, Slavic identity.

* * *

Последние несколько десятилетий стали временем многих новаций в области исследования этногенеза и ранней истории славян. Одной из наиболее заметных из них стало возрождение среди части зарубежных и отечественных славистов старинного, полузабытого, взгляда на славянский этнос как на общность людей, первоначально связанную с пространством Карпатской котловины, то есть с тем регионом, где и гораздо позднее в качестве самоназвания жителей использовалось слово «славяне», ставшее затем основой для формирования словенской, словацкой и славонской (в Хорватии) идентичности.

При этом, в отличие от прежних приверженцев теории дунайской прародины славян, относивших формирование славянского этноса ко временам значительно более древним, чем дошедшие до нас первые упоминания о славянах в письменных источниках, современные сторонники взгляда на Подунавье как на область зарождения славянства как особой этнической общности относят начало этого процесса к гораздо более позднему периоду. Исторические факторы, способствовавшие формированию новой этносоциальной общности, известной византийским авторам под именем «склавинов», эти исследователи склонны искать в хорошо известных по письменным источникам обстоятельствах, определявших социально-политическую ситуацию на Среднем и Нижнем Дунае в V–VI вв., то есть фактически на заре Средневековья (Pritsak 1983; Curta 2001; Homza 2002; Margetić 2005; Петрухин 2014: 36-46).

Не вдаваясь сейчас в детальный разбор соответствующих исследовательских концепций, существенно расходящихся между собой в конкретных деталях, отметим, что если не методологическую основу, то, по крайней мере, благоприятный общетеоретический фон для того, что можно было бы условно назвать «новым изданием дунайской теории», создает недавний приход в славистику

конструктивистского подхода к феномену этничности[1], что, в первую очередь, связано с публикацией в 2001 г. неординарной книги американского слависта Флорина Курты, в которой формирование славянского этноса рассматривается с последовательно конструктивистских позиций (Curta 2001)[2]. Если прежде, в эпоху почти безраздельного господства примордиалистских представлений о происхождении славян, именно генезис славянского языка и/или распространение той или иной археологической культуры рассматривались как процессы, фактически тождественные формированию славянского этноса как такового, то ныне, под влиянием конструктивистской методологической парадигмы, повышенное внимание стало уделяться выявлению социальных контекстов, в которых функционировала славянская идентичность. В результате все большее значение в процессе становления славянской этничности стало приписываться таким факторам, как формирование и распространение представления о «народе славян» со стороны Византии и Франкского государства, где в раннее Средневековье существовал развитый этнический дискурс, основанный как на библейской, так и античной традициях, а также создание «славянского народа» как единой христианской общности в ходе Моравской миссии Кирилла и Мефодия (Homza 2002; Полывянный 2008; Höfler 2011; Mesiarkin 2013: 41).

Автору данных строк подобная методологическая позиция представляется оправданной, прежде всего, потому, что славянская идентичность, как и любая другая групповая идентичность, проявлялась в конкретных ситуациях социальной интеракции. Отвечая на вопрос, в каких именно ситуациях она проявлялась и какие функции при этом выполняла, мы, по сути дела, и ведем речь о славянской этничности. Однако, отдавая предпочтение конструктивистскому видению как позволяющему, на наш взгляд, наиболее адекватно воспринимать и более точно описывать социальную реальность, мы все же исходим из того, что расхождения

[1] В рамках конструктивистских подходов к этничности, концентрирующих внимание на ситуативной обусловлености и изменчивости критериев этнической идентичности, этничность выступает как форма социальной организации, зависящая исключительно от субъективных факторов — самоидентификации и приписывания идентичности извне. Как подчеркивал один из родоначальников конструктивизма, норвежский этнолог Ф. Барт, «этнические категории обеспечивают организационную оболочку, содержимое которой в разных социокультурных системах может наполнять различные объемы и формы» (Барт 2006: 16). Понятно, что в данном случае разговор о каком бы то ни было «этногенезе» должен быть признан методологически некорректным, так как этничность, согласно данному подходу, обнаруживает себя не в объективных культурных признаках той или иной группы, называемой «этносом», а в ситуациях взаимодействия групп, когда потребность в его социальном оформлении рождает этническую границу.

[2] Земли, непосредственно примыкавшие к дунайскому лимесу Византии, представляются Ф. Курте зоной, где в ответ на предпринятое при императоре Юстиниане масштабное укрепление границы происходила консолидация противостоявших империи гетерогенных варварских групп. Образ единого «народа склавинов», закрепившийся за этим конгломератом на страницах византийских источников, по мнению Курты, едва ли соответствовал реальной ситуации, но, отвечая византийскому этническому дискурсу, удовлетворял потребности византийцев дискурсивно классифицировать противостоявшую им новую, еще находившуюся в процессе формирования, социальную общность. Усвоение самими варварами созданного византийцам образа происходило уже в более поздний период вместе с принятием римско-византийского культурного багажа, что и позволяет условно говорить о «создании» славян византийцами. Концепция американского исследователя вызвала оживленную полемику как в зарубежной, так и в отечественной историографии, не утихающую по сей день (Иванов 2008; Шувалов 2008; Barford 2008; Curta 2008a; 2008b; 2009; Biermann 2009; Pleterski 2009; Profantová 2009; Жих 2010).

между примордиализмом (эссенциализмом) и конструктивизмом не являются совершенно непреодолимыми, будучи порожденными, в первую очередь, разными, но имеющими одинаковое право на использование в научном дискурсе способами упорядочивания реальности (Заринов 2003: 30-31). Пока мы, хотя бы только для удобства, оперируем такими понятиями, как «славяне», «славянская общность» и т. п., полностью освободиться от эссенциалистской перспективы вряд ли возможно.

Проблема «Славянской земли»

В связи со всем вышесказанным большой интерес представляет ранняя славянская традиция использования понятия «Славянская земля», зафиксированная в «Повести временных лет», в помещенной под 898 г. летописной статье, в которой рассказывается о Моравской миссии Кирилла и Мефодия (ПВЛ: 16). Согласно утвердившейся в историографии гипотезе А. А. Шахматова, рассказ о кирилло-мефодиевской миссии в «Повести временных лет», в котором фигурирует «Славянская земля», вошел в древнерусскую летопись в составе более раннего памятника — так называемого «Сказания о преложении книг на славянский язык» (Шахматов 1908; о месте и роли «Сказания» в структуре летописного текста см. из последних работ: Петрухин 2014: 212-226), имевшего западнославянское происхождение (о вероятном создании памятника в Сазавском монастыре в Чехии в конце XI в. см. подробно: Флоря 1985). В недавнее время на эту раннюю традицию использования понятия «Славянская земля» обратила внимание словацкая исследовательница Н. Верешова, справедливо заметив, что данное понятие в «Сказании» в политическом смысле прилагалось к двум расположенным в Среднем Подунавье политическим организмам — Великой Моравии и Паннонскому (Блатенскому) княжеству, географически приблизительно соответствуя пространству Карпатской котловины (Verešová 2011; 2013)[1].

Известно, что славянское этническое самосознание, действительно, было свойственно политической элите Моравского княжества. Наиболее ярким его свидетельством можно считать фразу «мы, словене, проста чадь» из приводимого в Паннонском житии св. Мефодия послания моравского князя Ростислава к византийскому императору Михаилу III (MMFH. II: 144). На фоне двойного именования жителей Моравского княжества в источниках IX–X вв. — мораванами и славянами — славянская идентичность мораван интерпретировалось в историографии как осознание ими принадлежности к «надплеменной» славянской общности, основанной на единстве языка и культуры, в то время как моравская идентичность толковалась как более узкая, отражавшая принадлежность ее

[1] Интересно, что похожее определение применяется в отношении Великой Моравии и в еще одном раннесредневеком славянском памятнике — латиноязычной «Легенде Кристиана», написанной в Чехии в конце X века. В нем, наряду с использованием названия Моравия, в качестве синонимичного понятия используется термин «земля славян» (*regio Sclavorum*). Данный факт был одним из оснований, на которых в свое время высказывалось мнение о непосредственном или опосредованном использовании «Легенды Кристиана» автором «Сказания о преложении книг» (историографию вопроса см.: Кралик 1963). Однако, последующие исследования обоих памятников не способствовали подкреплению данной гипотезы (см. подробно: Флоря 1985; Kalhous 2015).

носителей к конкретной этнополитической общности — «племени» или «народности» (Гавлик 1976: 174-175; Флоря 1982; из последних работ см.: Lysý 2014: 42-49, 71-82). В связи с этим и засвидетельствованное в «Повести временных лет» понятие «Славянской земли» обычно рассматривалось в научной литературе как отражение общеславянского самосознания, а привязка его именно к Моравии и Паннонии объяснялась общеславянским значением кирилло-мефодиевской миссии.

На наш взгляд, подобная интерпретация заключает в себе противоречие, ведь, судя по контексту летописного рассказа, «Славянская земля» существовала еще до прибытия туда славянских первоучителей, не говоря уже о том, что общеславянское значение кирилло-мефодиевской миссии требовало бы, напротив, максимального расширения, а не сужения понятия Славянской земли до пространства Карпатской котловины. Такое идеологическое расширение, действительно, будет иметь место, но гораздо позже, в эпоху высокого Средневековья, когда отдельные славянские государства, воспринявшие культурное наследие Великой Моравии в виде славянской письменности и славянского этнического самосознания, будут встраивать великоморавское прошлое в свою историческую традицию[1]. Между тем, в вышеупомянутой летописной статье территориальный охват «Славянской земли» гораздо уже того пространства, которое занимало в раннее Средневековье славяноязычное население. Является ли данное обстоятельство лишь отражением идеологических воззрений автора памятника или же за ним скрываются реалии, имеющие непосредственное отношение к проблеме формирования славянского этнического самосознания?

Не претендуя на окончательный ответ на данный вопрос, отметим, что для более глубокого понимания термина «Славянская земля» было бы целесообразно рассмотреть этнополитическую ситуацию, существовавшую в период деятельности Кирилла и Мефодия, то есть в IX столетии, не только в Моравии, где гентильная, моравская, идентичность четко фиксируется современными источниками, но и на всем пространстве Карпатской котловины, задавшись вопросом о соотношении на этом пространстве «надплеменного» и «племенного» (гентильного) уровней идентичности[2]. Сделать это позволяют современные интересующей нас эпохе

---

[1] Ярким примером может служить историческая традиция средневекового Дуклянского королевства, отраженная в так называемой Летописи попа Дуклянина. Моравский правитель Святополк превращается здесь в правителя мифической «страны славян» (*regnum Sclavorum*), географически отчасти соответствующей контурам Дуклянской державы периода ее могущества, а св. Кирилл изображается крестителем ее жителей (MMFH. I: 248-254). Таким образом, в отличие от древнерусского летописца, связавшего Моравию с Русью посредством сложного комплекса логических связей (Петрухин 2014: 212-217), дуклянский автор фактически встраивает Моравию и кирилло-мефодиевскую миссию в дуклянский исторический контекст. Данное явление может быть осмыслено с помощью разработанной Э. Хобсбаумом и Т. Рейнджером концепции «изобретения традиций» (Hobsbawm, Ranger 1983), которая применима не только формированию современных наций, где она традиционно используется, но и к средневековому материалу (см., например: Kasperski 2013). «Изобретение традиции», связывающей Дуклю со Святополком и св. Кириллом, очевидно, следует связывать с идеологией правящей дуклянской династии, объединившей под своей властью целый ряд славянских княжеств и создавшей в XI–XII вв. могущественное «Королевство славян», ставшее заметной силой в Средиземноморье (Grzesik 2013; Homza 2013: 125-135).

[2] Здесь и далее под «племенем» понимается этнополитическая общность. Такая общность, как правило, обозначавшаяся в раннесредневековых источниках термином «gens» или «natio», воспринималась современниками одновременно и как «этнос», то есть общность людей, связанная единым происхождением, и

франкские источники, которые довольно подробно освещают ситуацию на восточной границе империи Каролингов. И хотя из них по понятным причинам невозможно узнать о самоидентификации жителей, уже сам факт фиксации в них тех или иных славянских «племенных» названий способен сообщить о многом, ведь четкая идентификация славянских «племен» была необходимым условием адекватного описания политической ситуации на границах империи.

При этом следует сразу отметить, что в так называемом Паннонском (Блатенском) княжестве никакой «племенной» идентичности не было и не могло быть по определению, так как данная политико-административная единица с центром в Блатнограде (*urbs Paludarum/ Mosaburg*) на озере Блатно (Балатон), именовавшаяся во франкских источниках «Нижней Паннонией» (*Pannonia Inferioris*), была создана «сверху», франками, при реорганизации паннонского пространства около 840 г. и по своей сути являлась франкским пограничным графством (*comitatus*) (Štih 1994; Klika 2013), в котором проводилась политика колонизации[1].

Таким образом, оставляя в стороне Моравское княжество, где «племя» существовало, и Блатенское княжество, где «племени» не существовало, необходимо сосредоточить внимание на так называемых Посавском и Нитранском княжествах, которые, наряду с Моравией и Блатенским княжеством, могут быть отнесены к числу относительно стабильных политических единиц, существовавших в IX в. на пространстве Карпатской котловины. Посавским княжеством именуется в историографии политический организм, существовавший в IX в. в бассейне реки Сава на пространстве южной части Паннонии, ограниченном с севера рекой Драва, а с юга — горным массивом Динарских Альп, то есть на территории современной северо-восточной Хорватии (об истории княжества см. подробно: Gračanin 2011: 147-199). Нитранским княжеством принято именовать политическую единицу, существовавшую на территории западной части современной Словакии к югу от Карпатских гор с центром в Нитре (об истории княжества см. подробно: Steinhübel 1998; 2004). И Посавское, и Нитранское княжества определенно должны были входить в состав «Славянской земли» в том виде, в каком она предстает в летописной статье 898 года: в период кирилло-мефодиевской миссии Нитранская земля была составной частью Моравии, в то время как какая-то часть Посавского княжества, очевидно, находилась в ведении правителей Блатнограда.

Посавское княжество

В сообщении «Анналов королевства франков» под 818 г. о прибытии ко двору Людовика Благочестивого послов от разных «народов» (*nationes*) Людевит, глава политического организма, расположенного в южной части Паннонии,

как политическая единица (о славянских «племенах» раннего Средневековья как этнополитических общностях см.: Třeštík 1988; Горский 2004: 13-14). В связи с многозначностью понятия племени в историографии, мы заключаем данный термин в кавычки, имея в виду его конвенциональный характер.

[1] По сообщению трактата «Обращение баваров и карантанцев» (870/871 г.), подробно освещающего ситуацию в этом политическом организме, Прибина, став править в Блатнограде, начал «собирать со всех сторон народы» (*circumquaque populos congregare*) (MMFH. III: 312).

фигурирует как «дукс Нижней Паннонии» (*dux Pannoniae inferioris*) (Documenta: 320). Похожим образом — как правитель Нижней Паннонии (*rector inferioris Pannoniae*) — Людевит именуется в сообщении об этом же событии в «Жизнеописании Людовика» анонимного автора, известного в историографии как Астроном (Documenta: 320). Таким образом, в обоих источниках Людевит определяется как правитель территории, а не глава какой бы то ни было этнополитической общности. Обозначение Людевита в сообщении о посольствах ко двору Людовика Благочестивого по своему характеру вполне согласуется с теми определениями, которые даются при описании последовавшего затем конфликта Людевита с франками. Так, сообщая под 819 и 820 г. о борьбе с Людевитом далматинского дукса Борны и франков, «Анналы королевства франков» называют возглавляемое Людевитом образование «его областью» («*regio sua*», «*sua provincia*», «*regio eius*»), а при описании тех же событий в анонимном «Жизнеописании Людовика» фигурирует «земля Людевита» (*Liudeviti terra*) (Documenta: 322-324). Таким образом, сообщая о политии Людевита, все без исключения современные источники идентифицируют ее либо с помощью географических ориентиров, либо привязывая его к имени местного правителя.

Следующим по времени упоминанием об особом политическом организме в южной части Паннонии является известие трактата «Обращение баваров и карантанцев» (870/871 г.), где фигурирует «область дукса Ратимира» (*regio Ratimari ducis*). Упоминание о ней содержится при описании конфликта, возникшего в 830-е гг. между франкским наместником на востоке — баварским префектом Ратбодом и находившимся в его владениях Прибиной, изгнанным из Нитры: «Тем временем возник между ними некий раздор, так что Прибина, убоявшись, бежал со своими людьми в страну Болгарию, и сын его Коцел бежал вместе с ним. А, спустя немного времени, он из Болгарии пришел в область дукса Ратимира. И в это же время Людовик, король баваров, послал Ратбода с большим войском, чтобы устранить дукса Ратимира. Тот, разуверившись в своей возможности защищаться, обратился в бегство со своими людьми, с теми, кто избежал гибели. А вышеназванный Прибина остался и пересек со своими людьми реку Сава, где, принятый комитом Салахоном, примирился с Ратбодом»[1].

Мнение о том, что «область Ратимира» территориально соответствовала политическому организму, прежде возглавлявшемуся Людевитом, стало господствовать в хорватской историографии со времен Ф. Шишича, заключившего, что Ратимир был болгарским вассалом, правившим с 829 г. в западной и центральной части Посавской Паннонии, в то время как Восточная Славония и Срем находились в это время под непосредственным управлением болгар (Šišić 1990: 324).

[1] «Interim exorta est inter illos aliqua dissensio, quam Priwina timens fugam iniit in regionem Vulgariam cum suis, et Chozil filius eius cum illo. Et non multo post de Vulgariis Ratimari ducis adiit regionem. Illoque tempore Hludowicus rex Bagoariorum misit Ratbodum cum exercitu multo ad exterminandum Ratimarum ducem. Qui diffissus se defendi posse, in fugam versus est cum suis qui caedem evaserunt. Et praedictus Priwina substitit et cum suis pertransivit fluwium Sawa, ibique susceptus a Salachone comite pacificatus est cum Ratbodo» (MMFH. III: 312). Сообщение о походе Ратбода против Ратимира содержится в «Больших Зальцбургских анналах», а также в «Анналах Св. Руперта Зальцбургского», под 838 годом (MMFH. III: 312).

Однако процитированное выше сообщение не дает оснований для того, чтобы утверждать это со всей определенностью. Распространившееся в историографии убеждение в том, что восточные области «земли Людевита», то есть восточная Славония и Срем, находились в это время под властью болгар, основывается, главным образом, на известиях франкских источников о вторжениях болгар в паннонские земли: по сообщению «Анналов королевства франков», в 827 г. болгары проплыли по реке Драве, опустошив земли славян, «сидевших в Паннонии», и заменив их вождей (*duces*) своими управителями (*rectores*), в то время как Фульдские анналы сообщают об ответном франкском походе в 828 г., а также о новом вторжении болгар по реке Драве в 829 г. (Documenta: 333–334). Между тем, о политических последствиях для Посавской Паннонии этих военных действий, так же как и о том, какое значение для судеб данного региона имели болгарские посольства, прибывавшие в Восточно-Франкское королевство в 832 и 845 гг., источники не сообщают, вследствие чего вопрос о том, где после 827 г. проходила франко-болгарская граница, менялась ли она и, если менялась, то как, остается неясным. В связи с этим мы считаем справедливым замечание Х. Грачанина, что гораздо вероятнее, что Ратимир был не болгарским, а франкским вассалом, так как крайне сомнительно, чтобы франки допустили существование глубокого болгарского клина, врезавшегося между подконтрольными им землями Далмации и Паннонии (Gračanin 2011: 178).

Боснийский историк М. Хаджияхич обратил внимание на то, что в ходе описания вторжения Ратбода во владения Ратимира в источнике сообщается о переходе Прибиной, остававшимся на территории Ратимира, реки Савы. Следовательно, рассуждает Хаджияхич, княжество Ратимира располагалось южнее Савы, а потому речь в зальцбургском трактате шла не о посавском, а о боснийском правителе (Hadžijahić 2004: 173–175). Мнение о расположении «страны Ратимира» южнее Савы высказывалось также хорватским исследователем В. Соколом, предположившим, что Ратимир правил в современной сербской части Посавины южнее Савы, то есть прямо к югу от Сирмия (Sokol 1990). Вместе с тем, прочного вывода о локализации страны Ратимира в Боснии или Сербии на основании одного лишь известия о переходе им реки Савы делать, конечно, нельзя: Прибина в период военных действий мог просто отступить в район реки Купы в юго-западной части Посавского княжества. Именно так — движением навстречу Ратбоду из Покупья — объясняет известие о переходе Прибиной Савы Х. Грачанин (Gračanin 2011: 176). Еще одна попытка пересмотреть традиционную локализацию страны Ратимира в Посавской Паннонии была недавно предпринята Н. Будаком, предположившим, что страна Ратимира находилась к северу от графства, возглавляемого Салахоном, то есть где-то между Крайной и Каринтией (Budak 2000: 398). Данная локализация не выдерживает критики: как справедливо замечает Грачанин, невозможно допустить ни того, чтобы страна славянского князя оказалась расположенной между франкскими графствами, ни того, чтобы зона болгарского контроля тянулась до территории современной Словении (Gračanin 2011: 196). Итак, судя по всему, «страна Ратимира», действительно, могла территориально в большей или меньшей степени совпадать со «страной Людевита», а могла располагаться и южнее савско-дравского

междуречья, к примеру, на территории Боснийской Посавины. Для нас, однако, важно то, что речь в любом случае шла о южной части Карпатской котловины.

Ситуация в южной части Паннонии после изгнания франками Ратимира в 838 г. остается в значительной степени неясной. В свое время Ф. Шишичем было высказано мнение о том, что территория междуречья Дравы и Савы была со временем присоединена к образованной к северу от Дравы политико-административной единице Нижняя Паннония, управлять которой франки поставили Прибину, в свое время бежавшего из Нитры. При этом исследователь основывался, главным образом, на сомнительном отождествлении с наследником Прибины Коцелом «франкского архонта Коцилина», упоминаемого в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Šišić 1914: 41–42) (подробную критику данного отождествления см. в работе Б. Графенауэра: Grafenauer 1952-1953). Между тем, имеющаяся информация о территориях, находившихся под контролем Прибины (прежде всего, актовый материал, где называются места строительства храмов), не содержит намеков на то, что его власть распространялась на земли, расположенные южнее Дравы (Havlík 1970). Лишь в одной из грамот содержится информация о выделении Людовиком Немецким Прибине в 846 г. 100 мансов земли на реке *Valchau* (Gradivo. II: 109), которую Ф. Шишич отождествлял со Слобоштиной, именуемой *Wolko* в грамоте 1235 года, в центральной части Славонии (Šišić 1990: 342–344), а Л. Хауптманн (вслед за Л. Нидерле) — с Вукой в восточной Славонии (Hauptmann 1923: 350). Интересно, что передача Прибине земель на реке *Valchau*, произошла на следующий год после прибытия к Людовику Немецкому болгарского посольства, о чем под 845 г. сообщают Фульдские анналы (MMFH. I: 35). Это обстоятельство дало основание Хауптманну предположить, что болгары, желая обеспечить себе свободу рук в борьбе с Византией, уступили в 845 г. Восточно-Франкскому королевству будто бы занятые ими еще в 827 г. восточную Славонию и Срем, где, таким образом, через посредство Прибины франки начали проводить колонизацию, необходимую для обустройства пограничной территории (Hauptmann 1923: 350). Другие исследователи указывали на то, что упомянутая в грамоте река могла соответствовать реке, впадающей в озеро Нойзидлер-Зе, или Валицке, притоку Залы, причем, исходя из большей близости этих рек к владениям Прибины, считали данную идентификацию гораздо более предпочтительной (обзор мнений см.: Gračanin 2011: 181-182).

На наш взгляд, веским аргументом в пользу того, что, если не вся территория Посавского княжества, то, по крайней мере, область Срема контролировалась Прибиной, а затем его наследником Коцелом, является информация Паннонского жития св. Мефодия о том, что папа поставил Мефодия сирмийским архиепископом («на стол святого Андроника») именно по просьбе Коцела (MMFH. II: 147). Инициатором поставления Мефодия на кафедру в Сирмий Коцел выступает и в «Сказании о преложении книг на славянский язык» в составе «Повести временных лет» (ПВЛ: 16). Наконец, в известном письме папы Иоанна VIII, адресованном славянскому князю Мутимиру (*Montemero duci Sclavinicae*), очевидно, тождественному сербскому князю Мутимиру, фигурирующему в трактате византийского императора

Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), содержится призыв к князю признать над своим княжеством церковную власть паннонского архиепископа (Documenta: 367-368), что, скорее всего, подразумевает непосредственное соседство Сербского княжества и Паннонской архиепископии Мефодия (Hauptmann 1923: 348-349). На фоне этих недвусмысленных известий распространенное в историографии представление о том, что Сирмий в то время контролировали болгары и его политическая принадлежность не имела значения для Мефодия как для титулярного епископа, не выглядит убедительным.

Под 884 г. в Баварском продолжении Фульдских анналов впервые упоминается еще один славянский правитель из южной части Паннонии — дукс Браслав. Этот правитель, который, по словам анналиста, управлял «княжеством между реками Дравой и Савой» (*regnum inter Dravo et Savo flumine*), прибыл в Тулльн, где в это время остановился франкский император Карл III Толстый, и присоединился к его вооруженной свите[1]. В том же источнике, в сообщении о путешествии в 892 г. франкских послов в Болгарию с целью убедить болгар не продавать соль моравaнам, можно встретить еще одно обозначение интересующего нас политического организма — «княжество Браслава» (*regnum Brazlavonis*)[2]. Наконец, на страницах Евангелиария из Чивидале вписаны имена паломников, прибывших, согласно автору данной записи, из «земли Браслава» (*de terra Brasclauo*) (MMFH. III: 331). Относительно подробная информация Фульдских анналов о Браславе позволяет с уверенностью считать его правителем Посавской Паннонии, то есть той области, которой в первой четверти IX в. управлял Людевит, а позднее, возможно, и Ратимир[3]. В историографии сам факт правления Браслава в междуречье Дравы и Савы нередко рассматривался как свидетельство непрерывного существования Посавского княжества на протяжении IX столетия как особой политической единицы (см. особенно: Grafenauer 1952-1953: 187). Между тем, если принять мнение, что Посавская Паннония в середине IX в. находилась под контролем правителей Блатнограда, то нельзя исключить и того, что первоначальный географический контур княжества Браслава объяснялся тем, что земли к северу от Дравы были к

[1] «Postea veniente Brazlavoni duce, qui in id tempus regnum inter Dravo et Savo flumine tenuit suique miliciae subditus adiungitur, rex per Carentam in Italia perrexit…» (Documenta: 379).

[2] «Послы же, не имея возможности следовать по суше из-за засад дукса Святополка, были проведены из страны Браслава по реке Одра до Купы и оттуда, плаванием по течению реки Савы, в Болгарию» («Missi autem propter insidias Zwentibaldi ducis terrestre iter non valentes habere de regno Brazlavonis per fluvium Odagra usque ad Gulpam, dein per fluenta Save fluminis navigio in Bulgaria perducti») (Documenta: 380).

[3] Альтернативная локализация княжества Браслава в исторической области Крайна в Словении, предложенная М. Анчичем, основывается на чтении процитированной выше фразы (см. примеч. 8) о путешествии франкских послов в Болгарию, согласно которому послы вышли *из* княжества Браслава (*de* regno Brazlavonis), двигаясь по реке Одра. В соответствии с таким чтением делается вывод о том, что дальнейшее путешествие послов по Купе и Саве происходило уже за пределами княжества Браслава (Ančić 1998: 32-33). Данная интерпретация была справедливо раскритикована Грачанином, указавшим на то, что фразу следует понимать как описание путешествия из страны Браслава в Болгарию. Ср. перевод: «Послы же, не имея возможности следовать по суше из-за засад дукса Святополка, были проведены из княжества Браслава в Болгарию по реке Одра до Купы, а оттуда плаванием по течению реки Савы». Такой перевод вкупе с известием Фульдских анналов о передаче Арнульфом Браславу в 896 г. Паннонского дуката, расположенного к северу от Дравы, что было бы бессмысленным в случае расположения его княжества на территории Крайны, делает локализацию княжества Браслава в Посавской Паннонии наиболее логичной (Gračanin 2011: 196-197).

тому времени заняты моравским правителем Святополком[1]. Получив в 896 г. от императора Арнульфа территорию Нижней Паннонии к северу от Дравы с центром в Блатнограде[2], где некогда правил Коцел, Браслав соединил в своих руках управление обширными территориями Паннонии к югу и северу от Дравы, по сути, став ключевой фигурой в обороне франкского востока от венгров.

Итак, не только Прибина и Коцел, но и все известные нам по именам южнопаннонские властители — Людевит, Ратимир, Браслав — выступают во франкских источниках как территориальные правители, не имевшие никакой «племенной» легитимации.

Проблема «Посавской Хорватии»

В 30-й главе трактата императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» вслед за рассказом о переселении хорватов со своей прародины – Белой Хорватии – в Далмацию, содержится следующее известие: «От хорватов, пришедших в Далмацию, отделилась некая часть и овладела Иллириком и Паннонией. Имели и они самовластного архонта, ради дружбы обменившегося лишь посольствами с архонтом Хорватии» (Константин Багрянородный 1991: 131). Именно под влиянем данного известия, в котором под «Иллириком и Паннонией», как удалось доказать исследователям, подразумевалась область, более или менее соответствующая бывшей римской провинции Посавская Паннония, то есть той территории, на которой в IX в. существовало Посавское княжество (Margetić 1977: 26-29), в историографии в свое время распространилось представление о хорватской «племенной» принадлежности Посавского княжества, нередко именовавшегося вследствие этого «Посавской Хорватией». Между тем, на то, что данное сообщение едва ли может являться адекватным отражением событий эпохи переселения хорватов на Балканы, указывает полное отсутствие известий о присутствии хорватов в Паннонии в IX в. в современных данной эпохе источниках[3].

---

[1] Согласно распространенному в историографии мнению, Святополк с начала 880-х гг. контролировал земли Паннонии к северу от Дравы. В обоснование данного тезиса, приводится, в частности, упомянутое выше известие Фульдских анналов о путешествии в Болгарию франкских послов, которые из-за засад Святополка были вынуждены плыть по реке Саве (см. подробно: Havlík 1960: 67-72). Согласно другой точке зрения, данное известие не дает оснований говорить о прямой власти Святополка в Паннонии, а лишь свидетельствует о досягаемости этого района для моравских отрядов (см., например: Gračanin 2011: 191).

[2] «Stipantibus denique isdem in partibus inter se conflictibus imperator Pannoniam cum urbe Paludarum tuendam Brazlavoni duci suo in id tempus commendavit» (Documenta: 380).

[3] Из числа современных сторонников тезиса о хорватской этнической принадлежности Посавского княжества следует выделить В. Сокола, предпринявшего попытку выдвинуть в его обоснование некоторые новые аргументы. Так, исследователь обратил внимание на известие написанного Константином Багрянородным «Жизнеописания Василия I», свидетельствующее, по его мнению, о проживании хорватов в Паннонии. Большое значение придал автор и топонимам с корнем хорват в Славонии, чье распределение по карте свидетельствует, по его мнению, об ее изначально хорватском населении. Наконец, об этнокультурном единстве населения Далмации и Посавской Паннонии свидетельствует, по мнению автора, также материальная культура и антропологические черты местного населения в раннее Средневековье (Sokol 1990: 193-195). На наш взгляд, ни один из этих аргументов не имеет решающей силы. Известие «Жизнеописания Василия I», где хорваты упоминаются в числе «скифов», обитающих «в Паннонии, Далмации и лежащих за ними землях» (Продолжатель Феофана 1992: 122) лишь отражает бытовавшее в Константинополе в середине X в. представление о расселении хорватов, запечатленное и в трактате «Об управлении империей». Встречающиеся на территории

Признание в историографии данного обстоятельства создало почву для появления более нюансированных интерпретаций процитированного фрагмента. Так, согласно одному из наиболее авторитетных толкований, предложенному более полувека назад Б. Графенауэром, в приведенном известии отразилась политическая ситуация, сложившаяся в правление в Хорватии Томислава (около 910–928 гг.), когда политическое образование, существовавшее в Посавье, было присоединено к Хорватии, но, возможно, сохранило при этом автономный статус, позволявший иметь собственного правителя (Grafenauer 1952: 30). Впоследствии были высказаны и другие варианты интерпретации: согласно одному из них, в IX столетии Посавское княжество оказалось под влиянием соседней Хорватии[1], а согласно другому, в это время к власти в Посавье пришел хорватский правящий род[2]. При этом автор последней гипотезы, Х. Грачанин, специально подчеркнул, что в известии о переселении части хорватов в «Иллирик и Паннонию» следует, прежде всего, усматривать идеологически обусловленную нарративную конструкцию, призванную объяснить присутствие хорватской власти в Среднем Посавье (Gračanin 2011: 180-181).

На наш взгляд, само по себе признание того, что в случае с известием о переселении в «Иллирик и Паннонию» мы имеем дело с нарративной конструкцией, призванной объяснить ситуацию, современную написанию 30-й главы, делает излишними спекуляции о присутствии хорватов или хорватской власти в Посавской Паннонии до X века. При этом, несмотря на наличие в тексте византийской терминологии («Иллирик и Паннония», «самовластный архонт»), нельзя исключать того, что в своей основе данное известие восходило к одному из элементов идеологии самих хорватов, которой во многих случаях следовал автор 30-й главы (Margetić 1977: 13, 81), таким образом, отражая притязания хорватской элиты на власть над данным регионом. В пользу такой интерпретации свидетельствует, на наш взгляд, и присутствие похожего сюжета в другом месте трактата «Об управлении империей», а именно в 38-й главе, посвященной истории «турок» (венгров). Описывая столкновение, произошедшее в результате прихода в древнюю страну венгров — *Леведию* — разбитых хазарами печенегов, император

Славонии топонимы, образованные от названия «хорват», ввиду своей поздней фиксации в источниках (в XIII–XIV вв. и позднее) не могут служить надежным индикатором раннего присутствия здесь хорватов, а их распространение может быть интерпретировано в рамках представления о постепенной колонизации данного региона хорватами (семейными и родовыми группами), благоприятные условия для которой наступили после прихода к власти в Хорватском королевстве династии Арпадов (Petković 2006). Что касается элементов материальной культуры и антропологических характеристик населения, то эти данные не могут рассматриваться в качестве релевантных при обсуждении вопроса об этнической идентичности.

[1] Гипотеза, согласно которой в 830-е гг. Посавское княжество сумело добиться независимости и от болгар, и от франков в результате поддержки со стороны Хорватии, что будто бы и нашло отражение в известии 30-й главы, была выдвинута Л. Маргетичем (Margetić 1995: 139-140). Данное построение весьма шатко, так как является следствием интерпретации статуса упомянутого выше дукса Ратимира, предположительно правившего в Посавье, в качестве самостоятельного правителя. Логичнее считать, что Ратимир, во владения которого, после того как там появился неугодный франкам политический изгнанник Прибина, вторгся с войском баварский префект, был франкским вассалом (Gračanin 2013a 12–14).

[2] По мнению Х. Грачанина, вскоре после франкского вторжения в Посавье и бегства Ратимира, франки, стремившиеся к стабилизации политического положения в Нижней Паннонии, поставили во главе княжества представителя преданной франкам хорватской элиты (Gračanin 2008: 72-74; 2011: 178-180). Так же, как и в предыдущем случае, мы имеем дело с не подтверждаемой источниками догадкой.

Константин сообщает: «Когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, — они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателкузу, в которых ныне проживает народ пачинакитов» (Константин Багрянородный 1991: 158-161). Подробно рассказав затем о контактах венгров с хазарами и избрании Арпада, сына воеводы Алмоша, архонтом турок, император Константин сообщает об очередном переселении венгров, на сей раз из Этелькёза в Карпатскую котловину, завершая свой рассказ известием о контактах современных ему венгров со своими сородичами, поселившимися в свое время в Персии: «Через некоторое время пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь турки по сей день. С тех пор турки не испытывали войны от пачинакитов. К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания» (Константин Багрянородный 1991: 161-163).

В соответствии с господствующим в историографии мнением, согласно которому в основе рассказа 38-й главы о ранней истории венгров лежит венгерская этногенетическая традиция, данное известие обычно рассматривалось как свидетельство осознания древними венграми своей общности с ушедшими на восток савартами (сабирами?) (см. подробно: Шушарин 1997: 146-167). В то же время было обращено внимание на то, что присутствующие в данном известии название «Персия» и ориентация «восток — запад» имеют явно византийское происхождение (Шушарин 1997: 146, 166). Таким образом, подобно рассказу об отделении части хорватов, где фигурирует понятие «Иллирик и Паннония», сюжет о савартах, очевидно, отражавший идеологические притязания мадьярской элиты на родство с могущественными савартами (сабирами?), подвергся определенной обработке в Константинополе. Очевидное сходство хорватского и венгерского сюжетов в таком элементе как поддержание контактов и обмен посольствами между отколовшимися частями некогда будто бы единых «народов» позволяет усматривать в нем, прежде всего, нарративную конструкцию.

Нитранское княжество

Трактат «Обращение баваров и карантанцев», описывая изгнание около 833 г. Моймиром Прибины из Нитры, где, как выясняется из дальнейшего повествования, он имел «владение» (*proprietas*), не прилагает к первоначальной политии Прибины никакого этнического обозначения и даже не именует Прибину князем (MMFH. III: 310-312). Ни один из источников не сообщает нам названия «племени», которое можно было бы соотнести с Нитранской землей. На этом фоне предпринятая словацким историком Я. Штайнхюбелем попытка рассматривать Нитранскую

землю как «племенное княжество» неких нитраван, название которых было будто бы произведено от имени реки (по аналогии с мораванами) (Steinhübel 1998: 394) представляется совершенно безосновательным.

Вместе с тем, едва ли можно оспорить другой утвердившийся в историографии тезис — о том, что Нитранская земля, завоеванная Моймиром, превратилась в своего рода удельное владение в составе Моравии, передававшееся представителям правящего моравского рода. Судя по по всему, именно в Нитре правил племянник моравского князя Ростислава Святополк (см. подробно: Steinhübel 1998: 410-411; 2004: 127-128). В этой связи представляется весьма показательным то, как владение Святополка фигурировало во франкских источниках. Так, при описании большой франкской кампании против моравского князя Ростислава в 869 г., сообщается о вторжении Карломана в «страну Святополка» (*regnum Zuentibaldi*)[1]. «Страна Святополка» упоминается и далее, в сообщении о признании Святополком сюзеренитета Карломана в 870 г.[2] Как отдельный правитель, Святополк фигурирует также в адресате буллы папы Адриана II «Gloria in excelsis Deo», текст которой цитируется в 8-й главе Паннонского Жития св. Мефодия (MMFH. II: 147-148).

Итак, при обозначении Нитранского княжества франкские авторы так же, как и в случае с политическими организмами южной Паннонии апеллировали не к «племени», а к правителю. Вероятное отсутствие в Нитранской земле особой «племенной» идентичности объясняет отсутствие в письменных источниках этнического противопоставления Моравии и Нитранской земли при ясном политическом размежевании. Более того, в Хронике Регинона Прюмского (X в.) при сообщении о войнах Людовика Немецкого со славянами, упоминается кампания против моравских «стран» (*Marahensium regna*) (MMFH. I: 136), под которыми в историографии склонны понимать владения Ростислава и Святополка. Это свидетельство ясно показывает, что с точки зрения франков, обе страны составляли одну этнополитическую единицу (*gens*).

В обоснование существования особого «племени» в Нитранской земле в историографии нередко приводились сведения так называемого «Баварского географа» — созданного в IX столетии в Восточно-Франкском королевстве перечня народов, соседствовавших с франками с востока. В нем, помимо мораван Моравского княжества (*Marharii*), фигурируют еще одни загадочные «мораване» (*Merehani*) (MMFH. III: 287), в которых некоторые исследователи предпочитали усматривать жителей Нитранской земли (из последних работ см., например: Steinhübel 2014: 77-78), иногда объясняя появление при этом двух синонимичных, но не совсем схожих по форме, названий разновременностью собранной в источнике информации (обзор мнений см.: Třeštík 2001: 288-292). Между тем, даже при такой интерпретации данное свидетельство доказывает не существование в Нитранской земле особого «племени», а как раз обратное: распространение имени мораван на Нитранскую политию.

[1] «Nec minus Carlmannus regnum Zuentibaldi nepotis Rastizi igne et gladio depopulabatur» (MMFH. I: 101).

[2] «Zuentibald nepos Rastizi propriis utilitatibus consulens se Carlmanno una cum regno, quod tenebat, tradidit» (MMFH. I: 102).

Впрочем, еще более вероятным объяснением появления в тексте «Баварского географа» двух моравских «племен» является отождествление второго из них с другими «мораванами» — известным византийцам славянским «племенем», локализуемым на территории современной Сербии (Пириватрић 1997: 198-199; Vedriš 2011: 57-58).

Отдельного комментария заслуживает также информация петиции баварских епископов, адресованной папе Иоанну IX (900 г.), где фигурирует некий не названный по имени «народ» (*gens*), который мог населять Нитранскую землю. В этом документе баварские епископы протестовали против учреждения новой церковной организации в Моравии в 899 г., так как, с их точки зрения, эта территория должна принадлежать церковной юрисдикции диоцеза Пассау. Епископы обращали внимание папы на тот факт, что его предшественник Иоанн VIII, посвящая в 880 г. в епископы (Нитры) Вихинга, направил его не на территорию Пассауского диоцеза, а к некоему новообращенному народу (*in quandam neophitam gentem*), который был покорен Святополком и обращен им в христианство[1]. Исследователи по-разному отвечали на вопрос, где следует локализовать новообращенный народ, упомянутый в петиции. В то время как одни авторы были склонны идентифицировать его с вислянами, чей правитель, как явствует из Паннонского жития св. Мефодия, был подчинен Святополком и обращен в христианство, другие помещали загадочное племя в район Потисья, завоеванный Святополком между 880 и 882 гг. Наконец, существует интерпретация, отталкивающаяся от факта поставления Вихинга епископом именно в Нитру и рассматривающая новообращенный народ как жителей самой Нитранской земли или прилегающих территорий восточной Словакии (обзор мнений см.: Třeštík 2001: 278-279).

Интерпретация, согласно которой новообращенный народ следует идентифицировать с жителями Нитранской земли, предполагает несоответствие между свидетельством петиции и реальной ситуацией, ведь Нитранская земля стала частью Моравского княжества еще в 830-е годы, при Моймире I, а не при Святополке. В связи с этим было высказано мнение, что на составителей документа, связавших поставление Вихинга с покорением какого-то языческого народа Святополком, повлияло то обстоятельство, что Нитра в свое время была центром вышеупомянутой «страны Святополка» (Třeštík 2001: 115-116). Однако, подозревать баварских епископов в такого рода ошибке можно ли в том случае, если другие варианты решения проблемы выглядят неприемлемыми. Между тем, посвящение Вихинга в епископы Нитры, самого важного моравского центра к востоку от долины р. Моравы, где находилось ядро княжества, совершенно необязательно должно указывать на то, что объект пастырской заботы епископа должен был находиться где-то неподалеку от его резиденции, так как ни один другой центр на востоке Моравии не мог взять на себя функции центра диоцеза. Вместе с тем, идентификация

[1] «Antecessor vester Zuentibaldo duce impetrante Vuichingum consecravit episcopum et nequaquam in illum antiquum Patauiensem episcopatum eum transmisit, sed in quandam neophitam gentem, quam ipse dux bello domuit et ex paganis christianos esse patravit» (MMFH. III: 235).

«новообращенного народа» с вислянами, проживавшими на слишком значительном удалении от Нитры, за хребтом Западных Карпат представляется все-таки менее предпочтительной, чем его отождествление с жителями Среднего Потисья или Восточной Словакии.

Но почему авторы Петиции не упоминают имени этой этнополитической общности? Из числа исследователей, обращавшихся к проблеме «новообращенного народа», лишь чешский ученый Д. Тржештик счел необходимым специально прокомментировать это обстоятельство. Отождествляя «новообращенный народ» с жителями упоминаемой в Фульдских анналах «страны Святополка», соответствовавшей, по его мнению, самой Нитранской области, исследователь писал: «...или *regnum* Святополка не являлось землей никакой *gens* и баварские епископы в 900 г. ошибались, или это имя было забыто, так как после 30-х годов IX в. оно было уже (как имя) неактуальным» (Třeštík 2001: 131-132). Даже безотносительно к сомнительному для нас отождествлению «новообращенного народа» с жителями Нитранской земли, предложенная Д. Тржештиком альтернатива (либо епископы ошибались и «gens» не существовала, либо епископы не ошибались, но имя этнополитической общности было забыто к концу IX в.) представляется несколько схоластичной. Она, очевидно, базируется на убеждении, что термином «gens» обязательно должна была обозначаться уже сложившаяся этнополитическая общность, обладавшая собственным именем, то есть этническая общность *par excellence*. Между тем, на поверхности лежит другое, на наш взгляд, более логичное объяснение: господствующий этнический дискурс заставлял епископов называть «племенем» даже то, что никаким «племенем» не являлось.

В связи с этим заслуживает внимания то обстоятельство, что единственная, называемая по имени, общность, которая с достаточной долей уверенности может быть локализована на территории бывшего ядра Аварского каганата в Карпатской котловине — это так называемые преденеценты (*Praedenecenti*). Впервые под этим именем они упоминаются в «Анналах королевства франков» под 822 годом в числе «восточных» славянских народов, приславших посольства ко двору Людовика Благочестивого[1]. Второе упоминание относится к 824 году, когда послы «ободритов, которые обыкновенно именуются преденецентами» и населяют прилежащую к Дунаю Дакию у границ Болгарии, явились ко двору франкского императора просить помощи против болгар[2]. Относительно соотношения имен ободритов и преденецентов наиболее убедительной представляется позиция тех исследователей, которые предполагают вторичный, книжный, характер названия «ободриты» по отношению к имени «преденеценты» (см.: Bulín 1960: 22-23): объяснять наличие идентичных названий у полабских и «восточных» ободритов какими-либо «миграциями племен» не представляется возможным ввиду существования между ними огромного пространства, в течение веков контролировавшегося аварами.

[1] «In quo conventu omnium orientalium Sclavorum, id est Abodritorum, Soraborum, Wilzorum, Beheimorum, Marvanorum, Praedenecentorum, et in Pannonia residentium Abarum legationes cum muneribus ad se directas audivit» (ARF: 159).

[2] «...legatos Abodritorum, qui vulgo Praedenecenti vocantur et contermini Bulgaris Daciam Danubio adiacentem incolunt...» (ARF: 165-166).

Хотя значение имени «преденецепты» остается неясным, есть веские основания полагать, что оно не произведено от какого-либо географического названия и вообще нехарактерно для славянской этнонимии. В историографии предлагалось трактовать это название, как происходящее от славянских выражений «передние четы» или «передняя чадь» или как латинское слово, имеющее значение «грабители, разбойники» (обзор мнений см.: Bulín 1960: 23-25; Boba 1984). В случае, если данная общность, действительно, именовала себя (или именовалась другими) подобным образом, это могло бы указывать на особые, не характерные для других славянских этнополитических организмов, обстоятельства ее формирования, скорее всего, объясняемые стремительным подъемом новых элит в обстановке политического вакуума, сложившегося в восточной части Аварского каганата («Дакии»[1]) вследствие падения аварской власти.

Вместо заключения: «Славянская земля» и Аварский каганат

Итак, можно констатировать, что этнополитическая ситуация на пространстве Карпатской котловины заметным образом отличалась от того, что наблюдалось в славянских землях за ее пределами, где «Баварским географом» и другими источниками зафиксированы десятки славянских «племенных» названий. В отличие от Балкан, Полабья, Чешской котловины, а также обширных пространств будущих Польского и Древнерусского государств, где славянские «племена» сплошь и рядом выступают в качестве политических акторов, политическая динамика на пространстве Карпатской котловины связывается в имеющимихся у нас источниках исключительно с правителями (Людевит, Прибина, Ратимир, Святополк, Браслав).

Необычная мобильность этих пост-аварских властителей (ярким образом проявившаяся в политической судьбе Прибины и стремительном превращении Браслава из посавского князя в правителя большой части Паннонии), подчеркнутое отсутствие связи между ними и какими-либо «племенными» структурами (за исключением периферийной по отношению к ядру бывшего Аварского каганата Моравии, где все же успело сформироваться «племя мораван») уже обращали на себя внимание исследователей (Łowmiański 1970: 268-269; Тржештик 1991: 80). Но как следует объяснить эти особенности местного политического ландшафта? В свое время Тржештик, указав на отсутствие «племенной» легитимации у Людевита, назвал данную ситуацию «незавершенным этногенезом», полагая, что в Посавской

[1] «Дакия», упомянутая в «Анналах королевства франков» в качестве области проживания преденецентов, очевидно, должна быть отождествлена с территорией одноименной римской провинции, созданной в правление императора Траяна. Данная идентификация базируется, прежде всего, на информации из «Жизнеописания Карла Великого» Эйнхарда, где при перечислении земель, завоеванных Карлом, упомянута Дакия, прилежащая к другому берегу Дуная: «...post quam utramque Pannoniam, et adpositam in altera Danubii ripa Daciam, Istriam quoque et Liburniam atque Dalmaciam...» (VK: 15). См. подробно с обзором литературы вопроса: Madgearu 1998: 195-196. Недавно сербский исследователь П. Коматина попытался возродить старинную идею о тождестве Дакии франкских источников и позднеримской провинцией «Прибрежная Дакия» (*Dacia Ripensis*), располагавшейся южнее Дуная (Komatina 2010: 70-73). Данная интерпретация, не признающая наличия логической последовательности в перечне земель Эйнхарда, предполагает ревизию традиционных для историографии представлений о территориальном охвате Болгарии в первой четверти IX века.

Паннонии в IX в. этнополитическая общность (*gens*) просто не успела сложиться (Třeštík 2001: 94-96). Данное замечание представляется логичным в том смысле, что, в отличие от славян других регионов Европы, славяне Карпатской котловины должны были находиться под более прочным контролем аваров, продолжавшимся вплоть до падения каганата около 800 г., притом, что к началу X в. они уже оказались под властью венгров. По всей видимости, жесткая военно-политическая структура Аварского каганата исключала возможность для местных славянских элит деятельности, благоприятной для локальных этногенетических процессов, вплоть до периода дезинтеграции аварской политии на рубеже VIII–IX вв. (Алимов 2008: 110; Alimov 2012; Gračanin 2013: 48).

Однако, значит ли это, что потребность в локальном «племенном» строительстве все равно должна была иметь место, автоматически вытекая из самого факта возникновения на руинах Аварской державы самостоятельных политических организмов? Думается, что в этом процессе не было никакой предопределенности. Более того, в свете известий «Повести временных лет» о «Славянской земле» представляется возможным и иное объяснение отсутствию «племен» на пространстве Карпатской котловины: в славянских политических образованиях, возникших в IX в. на территории, прежде подконтрольной аварам, в ситуации идеологического вакуума, порожденного крахом аварской политической организации, мог иметь место процесс политизации славянской групповой идентичности, вследствие чего славянская общность, какой бы характер ни был присущ ей прежде, стала приобретать черты этнополитического организма. Иными словами, роль политического «племени» (*gens*) в Карпатской котловине могла начать играть славянская общность как единое целое.

Такое развитие событий выглядит тем более вероятным, что у славянских воинских элит Карпатской котловины уже наличествовало важное условие для формирования единого гентильного самосознания — общий социальный опыт, связанный с их длительным пребыванием под властью аваров. На это же указывают и неоднократные попытки нового объединения пост-аварского пространства в IX столетии, осуществлявшиеся славянскими правителями как при поддержке франков, стремившихся с помощью славян обустроить свой «дикий восток» (Macháček 2012: 6)[1], так и в острой конфронтации с ними. Так, давно было замечено, что держава Людевита, к которой в ходе его восстания против франков присоединились славянские «племена», проживавшие на юго-западных и южных рубежах Карпатской котловины — часть карантанцев, карниольцы и тимочане — потенциально могла стать славянским наследником Аварского каганата в Среднем Подунавье (Dümmler 1856: 391; Šišić 1990: 316; Preveden 1955: 53; Budak 1994: 103). В еще большей степени такая оценка применима к Великой Моравии под властью Святополка и к державе Браслава после присоединения к ней областей к северу от Дравы, так как две эти славянские «империи» в разный период времени

[1] Обустройство славянского востока стало важной задачей империи Каролингов, после того как потерпел крах первоначальный франкский проект по созданию на границах цивилизованного мира «христианской Аварии» (Třeštík 2001: 86-89).

осуществляли контроль над значительной территорией Карпатской котловины. Нетрудно заметить, что в данном случае славяне (как позднее венгры) выступали в качестве политических преемников аваров. Именно это последнее обстоятельство, как нам представляется, могло сформировать этнический контур «Славянской земли» таким, каким он представлен в «Сказании о преложении книг»: «Славянская земля» словно заместила собою Аварский каганат.

ЛИТЕРАТУРА

Алимов 2008 - *Алимов Д.Е.* «Переселение» и «крещение»: к проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 94–116.

Барт 2006 - *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; пер. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. С. 9-48.

Гавлик 1976 - *Гавлик Л.* Моравская народность в эпоху раннего феодализма // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография / Отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука, 1976. С. 156-185.

Горский 2004 - *Горский А.А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Жих 2010 - *Жих М.И.* К проблеме этнического самосознания ранних славян: по поводу работы Флорина Курты // Русин. Международный исторический журнал. 2010. № 1 (19). С. 59–77.

Заринов 2003 - *Заринов Ю.И.* Исследование феноменов «этноса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М.: Наука, 2003. С. 18-36.

Иванов 2008 - *Иванов С.А.* «В тени юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской етничности // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 5-12.

Константин Багрянородный 1991 - *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева; пер. Г.Г. Литаврина. М., 1991.

Кралик 1963 - *Кралик О.* Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. XIX: Русская литература XI-XVII веков среди славянских литератур. С. 177-207.

Петрухин 2014 - *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках: От призвания варягов до выбора веры. Издание 2-е, испр. и доп. М.: Форум: Неолит, 2014. 464 с.

Пириватрић 1997 - *Пириватрић С.* Византијска тема Морава и «Моравије» Константина VII Порфирогенита // Зборник радова Византолошког института. 1997. Књ. 36. С. 173-201.

ПВЛ - Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. 668 с.

Полывянный 2008 - *Полывянный Д.И.* Славяне и болгары в восточноримском имперском пространстве: проблемы различения // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 59-63.

Тржештик 1991 - *Тржештик Д.* Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М.: Наука, 1991. С. 69-86.

Флоря 1982 - *Флоря Б.Н.* О самосознании великоморавской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М.: Наука, 1982. С. 82-95.

Флоря 1985 - *Флоря Б.Н.* Сказание о преложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. T. 46 (1). 1985. C. 121-130.

Шахматов 1908 - *Шахматов А.А.* Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. S. 171-188.

Шушарин 1997 - *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: РОССПЭН, 1997. 511 с.

Шувалов 2008 - *Шувалов П.В.* Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 13-20.

Alimov 2012 – *Alimov D.* On the problem of the post-Avar «ethnogenesis»: the 9th century polities of Banat, Crişana, and Transylvania in comparative-historical context // Transylvanian Review. 2012. Vol. XXI. No. 3. P. 83–91; No. 4. P. 77–96.

Ančić 1998 - *Ančić M.* Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. Hrvati i karolinško carstvo u prvoj polovici IX. stoljeća // Radovi Zavoda za povijesne znanosti Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru. 1998. Sv. 40. S. 27-41.

Barford 2008 - *Barford P.M.* Slavs beyond Justinian's Frontiers // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 21-32.

Biermann 2009 - *Biermann F.* Kommentar zum Aufsatz von Florin Curta: Utváření Slovanů (se zvláštním zřetelem k Čechám a Moravě) // Archeologické rozhledy. 2009. Vol. 61. S. 337-349.

Boba 1984 - *Boba I.* «Abodriti qui vulgo Praedenecenti vocantur» or «Marvani Praedenecenti» // Palaeobulgarica. 1984. Vol. VIII. Nr. 2. P. 29-37.

Budak 1994 - *Budak N.* Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 1994. 248 s.

Budak 2000 - *Budak N.* Slavic ethnogenesies in modern Northern Croatia // Slovenija in sosednje dežele med antiko i karolinško dobo. Začetke slovenske etnogeneze / Ur. R. Bratož. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije: SAZU, 2000. S. 395-402.

Bulín 1960 - *Bulín H.* Podunajští «Abodriti»: Příspěvek k dějinám podunajských Slovanů v 9. století // Slovanské historické studie. Praha, 1960. T. III. S. 5-44.

Curta 2001 - *Curta F.* The making of the Slavs: history and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p.

Curta 2008a - *Curta F.* The making of the Slavs: between ethnogenesis, invention, and migration // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 155-172.

Curta 2008b – *Curta F.* Utváření Slovanů (se zvláštním zřetelem k Čechám a Moravě) // Archeologické rozhledy. 2008. Vol. 60. S. 1-54.

Curta 2009 – *Curta F.* The early Slavs in Bohemia and Moravia: a response to my Critics // Archeologické rozhledy. 2009. Vol. 61. S. 725-754.

Documenta - Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački. Zagrabiae: JAZU, 1877. 544 p.

Dümmler 1856 - *Dümmler E.* Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien. (549–928.) // Sitzungsberichte der philosophisch–historischen Clasee der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien: W. Baumüller, 1856. Bd XX. S. 353-430.

Gračanin 2008 - *Gračanin H.* «Od Hrvata pak koji su stigli u Dalmaciju odvojio de jedan dio i zavladao Ilirikom i Panonijom»: Razmatranja uz DAI c. 30, 75–78 // Povijest u nastavi. Zagreb, 2008. Vol. VI. No. 11(1). S. 72-74.

Gračanin 2011 - *Gračanin H.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća). Zagreb: Plejada, 2011. 455 s.

Gračanin 2013a - *Gračanin H.* Bugari, Franci i južna Panonija u 9. stoljeću. Reinterpretacija povijesnih izvora // Hrvati i Bugari kroz stoljeća: Povijest, kultura, umjetnost i jezik. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog u Zagrebu i Đakovu, 23.-24. rujna 2010. / Uredili D. Karbić i T. Luetić. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, 2013. S. 3-22.

Gračanin 2013b - *Gračanin H.* Ethnicity and Migrations in the Late Antique and Early Medieval Middle Danube Region: Examples Linking the Areas of Modern Croatia and Slovakia // Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak History, Faculty of Philosophy of Comenius University, 2013. P. 43-48.

Gradivo. II - Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbral F. Kos. Kn. II (801–1000). Ljubljana, 1906. 516 p.

Grafenauer 1952 - *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // Historijski zbornik. 1952. God. V. Br. 1-2. S. 1-56.

Grafenauer 1952-1953 - *Grafenauer B.* Vprašanje konca Kocljeve vlade v Spodnji Panoniji // Zgodovinski časopis. 1952-1953. Letnik VI–VII. S. 171-190.

Grzesik 2013 - *Grzesik R.* Great Moravia as the Basis of the Central European Medieval Historical Tradition // Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak History, Faculty of Philosophy of Comenius University, 2013. P. 66-72.

Hadžijahić 2004 - *Hadžijahić M.* Povijest Bosne u IX i X stoljeću. Sarajevo: BZK Preporod, 2004. 336 s.

Hauptmann 1923 - *Hauptmann L.* Mejna grofija spodnjepanonska // Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani. 1923. Kn. 1. S. 311-357.

Havlík 1960 - *Havlík L.E.* Územní rozsah Velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka (Svętopъlka) (K problematice vzájemných vztahů středoevropských Slovanů v 9. století) // Slovanské Štúdie. 1960. Roč. III. Št. 16. S. 9-77.

Havlík 1970 - *Havlík L.E.* Panonie ve světle franskych pramenů 9. stoleti. Ke konfrontaci pramenů s novějšim řešenim některych otazek // Slavia Antiqua. 1970. Vol. 17. S. 1-36.

Hobsbawm, Ranger 1983 - Hobsbawm E., Ranger T. (eds). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.

Homza 2002 - *Homza M.* Niekoľko téz k počiatkom slovenského etnika // Studia Academica Slovaca. 2002. Vol. 31. S. 285-295.

Homza 2013 - *Homza M. et al.* Svatopluk v europskom pisomnictve. Štúdie z dejin svatoplukovskej legendy. Bratislava: Post Scriptum, 2013. 749 s.

Höfler 2011 - *Höfler J.* Slovan, Sloven, Slovenec. Nekaj načelnih pripomb k poimenovanju Slovencev // Slovenci v zgodnjem srednjem veku. Ljubljana, 2011. / Электронный ресурс: http://www.jmv.si/mim/pdf/SlovanSlovenSlovenec.pdf (дата обращения - 01.02.2014).

Kalhous 2015 - *Kalhous D.* Legenda Christiani and Modern Historiography. Leiden; New York: Brill, 2015. 166 p.

Klika 2013 - *Klika M.* Pannonia as a Space and the Importance of Pribina in the Integration Process of the Pannonian Area into the Frankish Empire // Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak History, Faculty of Philosophy of Comenius University, 2013. P. 49-59.

Komatina 2010 - *Komatina P.* The Slavs of the mid-Danube basin and the Bulgarian expansion in the first half of the 9th century // Зборник радова Византолошког института. 2010. Књ. 47. С. 55-82.

Lysý 2014 - *Lysý M.* Moravania, Mojmírovci a Franská ríša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúcim a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo včasnom stredoveku. Bratislava: Atticum, 2014. 374 s.

Łowmiański 1970 - *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. T. IV. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 538 s.

Macháček 2012 - *Macháček J.* «Great Moravian state» — a controversy in Central European medieval studies // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 1(11). С. 5-26.

Madgearu 1998 - *Madgearu A.* Geneza şi evoluția voievodatului bănățean din secolul al X-lea // Studii şi Materiale de Istorie Medie. 1998. Vol. 16. P. 191-207.

Margetić 1977 - *Margetić L.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Zagreb, 1977. Vol. 8. S. 5-88.

Margetić 1995 - *Margetić L.* Srednjovjekovna Slavonija — jedno od vrela hrvatske državnosti // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. Zagreb, 1995. Vol. 45. Br. 2. S.137-158.

Margetić 2005 - *Margetić L.* Etnogeneza Slavena // Rad HAZU. 2005. Knj. 492. S. 89-143.

Mesiarkin 2013 - *Mesiarkin A.* The basis of research into Croatian and Slovak ethnogenesis // Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak History, Faculty of Philosophy of Comenius University, 2013. P. 38-42.

MMFH. I – Magnae Moraviae Fontes Historici. Vol. I: Annales et chronicae. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1966. 387 s.

MMFH. II - Magnae Moraviae Fontes Historici. Vol. II: Textus biographici, hagiographici, liturgici / Ed. L. E. Havlík, D. Bartoňková, Z. Masařík, J. Ludvíkovský, R. Večerka. Brno: Universita J. E. Purkyně, 1967. 359 s.

MMFH. III - Magnae Moraviae Fontes Historici. Vol. III: Diplomata, epistolae, textus historici varii / Ed. L. E. Havlík, D. Bartoňková, I. Hrbek, J. Ludvíkovský, R. Večerka. Brno: Universita J. E. Purkyně, 1969. 470 s.

Pleterski 2009 - *Pleterski A.* The inventing of Slavs or inventive Slavs? O ideovém světě a způsobu bydlení starých Slovanů // Archeologické rozhledy. 2009. Vol. 61. S. 331-336.

Preveden 1955 - *Preveden F.R.* A History of the Croatian People. In 2 volumes. Vol. I: Prehistory and early period until 1397 A.D. New York: Philosophical Library, 1955. 134 p.

Pritsak 1983 - *Pritsak O.* The Slavs and the Avars // Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo. Vol. XXX: Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo. Spoleto, 1983. P. 353-435.

Profantová 2009 - *Profantová N.* Kultura s keramikou pražského typu a problém šíření slavinity do střední Evropy. K článku Florina Curty // Archeologické rozhledy. 2009. Vol. 61. S. 303-330.

Sokol 1990 - *Sokol V.* Panonija i Hrvati u 9. stoljeću // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Zagreb, 1990. Sv. 14. S. 193-195.

Steinhübel 1998 - *Steinhübel J.* Pôvod a najstaršie dejiny Nitrianskeho kniežatstva // Historický časopis.1998. Roč. 46. Č. 3. S. 369-416.

Steinhübel 2004 - *Steinhübel J.* Nitrianske kniežatstvo. Počiatky stredovekého Slovenska. Rozprávanie o dejinách nášeho územia a okolitých krajín od sťahovania národov do začiatku 12. storočia. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV: Vydavateľstvo Rak, 2004. 575 s.

Steinhübel 2014 - *Steinhübel J.* Veľká Morava na polceste od kmeňa ku štátu // Forum Historiae. 2014. Vol. 8. No. 2. P. 71-97.

Šišić 1914 - *Šišić F.* Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. 1914. Sv. 13. Br. 1. S. 1-93.

Šišić 1990 - *Šišić F.* Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Pretisak izdanja iz 1925. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1990. 749 s.

Štih 1994 - *Štih P.* Priwina: slawischer Fürst oder frankischer Graf? // Ethnogenese und Uberlieferung. Angewandte Methoden der Fruhmittelalterforschung / Hrsg. von K. Brunner und B. Merta. Wien; München, 1994. S. 209–222.

Třeštík 1988 - *Třeštík D.* České kmeny. Historie a skutečnost jedné koncepce // Studia Mediaevalia Pragensia. 1988. Vol. I. S. 129–143.

Třeštík 2001 - *Třeštík D.* Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2001. 384 s.

Verešová 2011 - *Verešová N.* Povesť vremennych let a jej koncepcia Slovienskoj zemli // Historia Nova. Vol. II: Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika. Bratislava, 2011. S. 12-20.

Verešová 2013 - *Verešová N.* Geographical concepts of Sclavinia in historical sources from the sixth to the fourteenth century, with an emphasis on the Moravian-Pannonian and South Slavic traditions // Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak History, Faculty of Philosophy of Comenius University, 2013. P. 60-65.

VK - *Einhardi* Vita Karoli Magni / / Rec. G. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae: Hahn, 1845. T. II. P. 443-463.

REFERENCES

Alimov 2008 – *Alimov D.E.* «Pereselenie» i «kreschenie»: k probleme formirovanija horvatskoj etnichnosti v Dalmacii [«Migration» and «conversion»: On the problem of the formation of the Croat ethnicity in Dalmatia], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2008, vol. 2 (4), pp. 94-116 [in Russian].

Alimov 2012 – *Alimov D.* On the problem of the post-Avar «ethnogenesis»: the 9th century polities of Banat, Crişana, and Transylvania in comparative-historical context, in: Transylvanian Review, 2012, vol. XXI, no. 3, pp. 83-91; no. 4, pp. 77-96 [in English].

Ančić 1998 - *Ančić M.* Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. Hrvati i karolinško carstvo u prvoj polovici IX. stoljeća [From the Carolingian official to the Croatian ruler. The Croats and the Carolingian empire in the first half of the 9th century], in: Radovi Zavoda za povijesne znanosti Hrvatske

akademije znanosti i umjetnosti u Zadru [Proceedings of the Institute for historical sciences of the Croatian academy of sciences and arts in Zadar], 1998, vol. 40, pp. 27-41 [in Croatian].

Barford 2008 - *Barford P.M.* Slavs beyond Justinian's Frontiers, in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2008, vol. 2 (4), pp. 21-32 [in English].

Barth 2006 - *Barth F.* Vvedenie [Introduction], in: Barth F. (ed.). Etnicheskie gruppy i social'nyje granicy. Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij [Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference] / Transl. by I. Pil'schikov, Moscow, Novoje izdatel'stvo Publ., 2006, pp. 9-48 [in Russian].

Biermann 2009 – *Biermann F.* Kommentar zum Aufsatz von Florin Curta: Utváření Slovanů (se zvláštním zřetelem k Čechám a Moravě) [A commentary to Florin Curta's article «The Making of the Slavs (with a special emphasis on Bohemia and Moravia)»], in: Archeologické rozhledy [Archaeological Review], 2009, vol. 61, pp. 337-349 [in German].

Boba 1984 - *Boba I.* «Abodriti qui vulgo Praedenecenti vocantur» or «Marvani Praedenecenti», in: Palaeobulgarica, 1984, vol. VIII, no. 2, pp. 29-37 [in English].

Budak 1994 - *Budak N.* Prva stoljeća Hrvatske [The first centuries of Croatia], Zagreb, Hrvatska sveučilišna naklada Publ., 1994, 248 p. [in Croatian].

Budak 2000 - *Budak N.* Slavic ethnogenesies in modern Northern Croatia, in: Slovenija in sosednje dežele med antiko i karolinško dobo. Začetke slovenske etnogeneze [Slovenia and neiboroughing countries between antique and Carolingian periods] / Ed. by R. Bratož, Ljubljana, Narodni muzej Slovenije: Slovenska akademija zanosti in umetnosti, 2000, pp. 395-402 [in English].

Bulín 1960 - *Bulín H.* Podunajští «Abodriti»: Příspěvek k dějinám podunajských Slovanů v 9. století [The Danube «Abodriti»: A contribution to the history of the Danube Slavs in the 9th century], in: Slovanské historické studie [Slavic History Studies], Praha, 1960, vol. III, pp. 5-44 [in Czech].

Curta 2001 - *Curta F.* The making of the Slavs: history and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2001, 463 p. [in English].

Curta 2008a - *Curta F.* The making of the Slavs: between ethnogenesis, invention, and migration, in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2008, vol. 2 (4), pp. 155-172 [in English].

Curta 2008b – *Curta F.* Utváření Slovanů (se zvláštním zřetelem k Čechám a Moravě) [The making of the Slavs (a special emphasis on Bohemia and Moravia)], in: Archeologické rozhledy [Archaeological Review], 2008, vol. 60, pp. 1-54 [in Czech].

Curta 2009 – *Curta F.* The early Slavs in Bohemia and Moravia: a response to my Critics, in: Archeologické rozhledy [Archaelogical Review], 2009, vol. 61, pp. 725-754 [in English].

Documenta - Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia [Documents elucidating the ancient period of Croatian history] / Ed. by F. Rački, Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti Publ., 1877, 544 p. [in Latin].

Dümmler 1856 - *Dümmler E.* Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien. (549–928.) [On the early history of the Slavs in Dalmatia (549-928)], in: Sitzungsberichte der philosophisch–historischen Clasee der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften [Proceedings of the philosophical-historical class of the Imperial Academy of Sciences], Vienna, W. Baumüller Publ., 1856, vol. XX, pp. 353-430 [in German].

Florja 1982 - *Florja B.N.* O samosoznanii velikomoravskoj narodnosti [On the self-consciousness of the Great Moravian nation], in: Razvitie etnicheskogo samosoznanija slavjanskih narodov v epohu rannego Srednevekovja [The development of the ethnic self-consciousness of Slavic nations in the early Middle Ages], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 82-95 [in Russian].

Florja 1985 - *Florja B.N.* Skazanie o prelozhenii knig na slavjanskij jazyk. Istochniki, vremja i mesto napisanija [The Tale of the translation of books into the Slavic language. Sources, date and place of origin], in: Byzantinoslavica, 1985, vol. 46 (1), pp. 121-130 [in Russian].

Gorskij 2004 - *Gorskij A.A.* Rus': Ot slavjanskogo rasselenija do Moskovskogo carstva [Rus': From the settling of the Slavs to the Moscow Czardom], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004, 392 p. [in Russian].

Gračanin 2008 - *Gračanin H.* «Od Hrvata pak koji su stigli u Dalmaciju odvojio de jedan dio i zavladao Ilirikom i Panonijom»: Razmatranja uz DAI c. 30, 75-78 [«And of the Croats who arrived in

Dalmatia one part separated and ruled Illyricum and Pannonia». Remarks about DAI c. 30, 75-78], in: Povijest u nastavi [History in education], Zagreb, 2008, vol. VI, no. 11(1), pp. 72-74 [in Croatian].

Gračanin 2011 - *Gračanin H.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća) [Southern Pannonia in the Late Antiquity and early Middle Ages (from the 4th to late 11th century)], Zagreb, Plejada Publ., 2011, 455 p. [in Croatian].

Gračanin 2013a - *Gračanin H.* Bugari, Franci i južna Panonija u 9. stoljeću. Reinterpretacija povijesnih izvora [The Bulgars, Franks and South Pannonia in the Ninth Century. The Reinterpretation of Historical Sources], in: Hrvati i Bugari kroz stoljeća: Povijest, kultura, umjetnost i jezik. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog u Zagrebu i Đakovu, 23.-24. rujna 2010. [Croats and Bulgarians for centuries. History, culture, art and language: Proceedings of a symposium, Zagreb- Djakovo, September 23-24, 2010] / Ed. by D. Karbić and T. Luetić, Zagreb: Hrvatska akdemija znanosti i umjetnosti Publ., 2013, pp. 3-22 [in Croatian].

Gračanin 2013b - *Gračanin H.* Ethnicity and migrations in the late antique and early medieval Middle Danube Region: examples linking the areas of modern Croatia and Slovakia, in: Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak History, Faculty of Philosophy of Comenius University, 2013, pp. 43-48 [in English].

Gradivo. II - Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku [Sources for the history of the Slovenians in the early Middle Ages] / Ed. by F. Kos, vol. II (801–1000), Ljubljana, «Leonova družba» Publ., 1906, 516 p. [in Slovenian].

Grafenauer 1952 - *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata [Critical Contribution on Constantine Porphyrogenitus' accounts on the Croats' migration], in: Historijski zbornik [Historical miscellany], 1952, vol. V, no. 1-2, pp. 1-56 [in Croatian].

Grafenauer 1952-1953 - *Grafenauer B.* Vprašanje konca Kocljeve vlade v Spodnji Panoniji [The problem of the end of Kocel's rule in Lower Pannonia], in: Zgodovinski časopis [History journal], 1952-1953, vol. VI–VII, pp. 171-190 [in Slovenian].

Grzesik 2013 - *Grzesik R.* Great Moravia as the Basis of the Central European Medieval Historical Tradition, in: Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak History, Faculty of Philosophy of Comenius University, 2013, pp. 66-72 [in English].

Hadžijahić 2004 - *Hadžijahić M.* Povijest Bosne u IX i X stoljeću [History of Bosnia in the 9th and 10th centuies], Sarajevo, BZK Preporod Publ., 2004, 336 p. [in Bosnian].

Hauptmann 1923 - *Hauptmann L.* Mejna grofija spodnjepanonska [Lower Pannonian border county], in: Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani [Proceedings of the Society for Humanities in Ljubljana], 1923, vol. 1, pp. 311-357 [in Slovenian].

Havlík 1960 - *Havlík L.E.* Územní rozsah Velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka (Svętopъlka) (K problematice vzájemných vztahů středoevropských Slovanů v 9. století) [The territorial extension of the Great Moravian Empire at the period of the last years of king Svatopluk's reign (On the problem of relations between Central European Slavs in the 9th century)], in: Slovanské Štúdie [Slavic Studies], 1960, vol. III, no. 16, pp. 9–77 [in Czech].

Havlík 1970 - *Havlík L.E.* Panonie ve světle franskych pramenů 9. stoleti. Ke konfrontaci pramenů s novějšim řešenim některych otazek [Pannonia in the light of 9th century Frankish sources. On the contradiction between the sources and novel solution of some questions], in: Slavia Antiqua, 1970, vol. 17, pp. 1-36 [in Czech].

Havlík 1976 - *Havlík L.E.* Moravskaja narodnost' v epohu rannego feodalizma [The Moravian nation in the epoch of early feudalism], in: V.D. Koroliuk (ed.), Voprosy etnogeneza i etnicheskoj istorii slavjan i vostochnyh romancev: Metodologija i istoriografija [Problems of the ethnogenesis and ethnic history of the Slavs and East Romanic nations: Methodology and Historiography], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 156-185 [in Russian].

Hobsbawm, Ranger 1983 - Hobsbawm E., Ranger T. (eds). The Invention of Tradition. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, 320 p.

Homza 2002 - *Homza M.* Niekoľko téz k počiatkom slovenského etnika [Several theses on the origins of the Slovak ethnos], in: Studia Academica Slovaca, 2002, vol. 31, p. 285-295 [in Slovak].

Homza 2013 - *Homza M. et al.* Svatopluk v europskom pisomnictve. Študie z dejin svatoplukovskej legendy [Svatopluk in European literature. Studies on the history of the Svatopluk legend], Bratislava, Post Scriptum Publ., 2013, 749 p. [in Slovak].

Höfler 2011 - *Höfler J.* Slovan, Sloven, Slovenec. Nekaj načelnih pripomb k poimenovanju Slovencev [Slovan, Sloven, Slovenec. Some preliminary notes on the name of the Slovenians], in: Slovenci v zgodnjem srednjem veku [The Slovenians in the early Middle Ages], Ljubljana, 2011, Electronic resource: http://www.jmv.si/mim/pdf/SlovanSlovenSlovenec.pdf (Date of access – 01.02.2014) [in Slovenian].

Ivanov 2008 - *Ivanov S.A.* «V teni justinianovyh krepostej»? F. Kurta i paradoksy ranneslavjanskoj etnichnosti [«In the shadow of Justinian's forts?» F. Curta and paradoxes of the early Slavs' ethnicity, in Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2008, vol. 2 (4), pp. 5-12 [in Russian].

Kalhous 2015 - *Kalhous D.* Legenda Christiani and Modern Historiography, Leiden; New York, Brill Academoc Publ., 2015. 166 p. [in English].

Kasperski 2013 - *Kasperski R.* Teodoryk Wielki i Kasjodor. Studia nad tworzeniem «tradycji dynastycznej Amalów» [Theoderic the Great and Cassiodorus. Studies on the formation of the «Amals Dynastic Tradition»], Cracow, Universitas Publ., 2013, 298 p. [in Polish].

Klika 2013 - *Klika M.* Pannonia as a space and the importance of Pribina in the integration process of the Pannonian area into the Frankish Empire, in: Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak History, Faculty of Philosophy of Comenius University, 2013, pp. 49-59 [in English].

Komatina 2010 - *Komatina P.* The Slavs of the mid-Danube basin and the Bulgarian expansion in the first halpf of the 9th century, in: Zbornik radova Vizantološkog instituta [Proceedings of the Institute for Byzantine studies], 2010, vol. 47, pp. 55-82 [in English].

Konstantin Bagrjanorodnyj 1991 – *Konstantin Bagrjanorodnyj.* Ob upravlenii imperijej [Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio] / Ed. by G.G. Litavrin, A.P. Novosel'cev; transl. by G.G. Litavrin, Moscow, Nauka Publ., 1991 [in Russian].

Kralík 1963 – *Kralík O.* Povest' vremennyh let i legenda Kristiana o svjatyh Vjacheslave i Ludmile [The Tale of Bygone Years and Christian's Legend on saints Vaclav and Ludmila], in Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [Proceedings of the Department for Old Russian literature], Moscow; Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1963, vol. XIX: Russkaja literatura XI-XVII vekov sredi slavjanskih literatur [Russian literature of the 11th – 17th centuries among Slavic literatures], pp. 177-207 [in Russian].

Lysý 2014 - *Lysý M.* Moravania, Mojmírovci a Franská ríša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúcim a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo včasnom stredoveku [Moravians, Moimir dynasty, and the Frankish empire. Studies on ethnogenesis, political institutions, and power system in the territory of Slovakia in the early Middle Ages], Bratislava, Atticum Publ., 2014, 374 p. [in Slovak].

Łowmiański 1970 - *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. [The origins of Poland. From the history of the Slavs in the 1st millenium A.D.], vol. IV, Warsaw, Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1970, 538 p. [in Polish].

Macháček 2012 - *Macháček J.* «Great Moravian state» — a controversy in Central European medieval studies, in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2012, vol. 1(11), pp. 5-26 [in English].

Madgearu 1998 - *Madgearu A.* Geneza şi evoluția voievodatului bănățean din secolul al X-lea [The genesis and evolution of the Banat duchy in the 10th century], in Studii şi Materiale de Istorie Medie [Studies and Materials on Medieval History], 1998, vol. 16, pp. 191-207 [in Romanian].

Margetić 1977 - *Margetić L.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata [Constantine Porphyrogenitus and the date of the Croats' arrival], in Zbornik Historijskog zavoda JAZU [Proceedings of the Institute of History of the Yugoslav academy of sciences and arts], Zagreb, 1977, vol. 8, pp. 5-88.

Margetić 1995 - *Margetić L.* Srednjovjekovna Slavonija — jedno od vrela hrvatske državnosti [Medieval Slavonia — one of the sources of the Croatian statehood], in: Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu [Proceedings of the Faculty of Law in Zagreb], Zagreb, 1995, vol. 45, no. 2, pp. 137-158 [in Croatian].

Margetić 2005 - *Margetić L.* Etnogeneza Slavena [Ethnogenesis of the Slavs], in: Rad HAZU, 2005, vol. 492, pp. 89-143 [in Croatian].

Mesiarkin 2013 - *Mesiarkin A.* The basis of research into Croatian and Slovak ethnogenesis, in: Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin.

Bratislava; Zagreb: Department of Slovak History, Faculty of Philosophy of Comenius University, 2013, pp. 38-42 [in English].

MMFH. I – Magnae Moraviae Fontes Historici, vol. I: Annales et chronicae [Historical sources on Great Moravia, vol. I: Annals and chronicles], Prague, Státní pedagogické nakladatelství Publ., 1966, 387 p. [in Latin].

MMFH. II - Magnae Moraviae Fontes Historici. Vol. II: Textus biographici, hagiographici, liturgici [Historical sources on Great Moravia, vol. II: Biographical, hagiographical, and liturgical texts] / Ed. L. E. Havlík, D. Bartoňková, Z. Masařík, J. Ludvíkovský, R. Večerka, Brno, Universita J. E. Purkyně Publ., 1967, 359 p. [in Latin].

MMFH. III - Magnae Moraviae Fontes Historici. Vol. III: Diplomata, epistolae, textus historici varii [Historical sources on Great Moravia, vol. III: Documents, epistles, and various historical texts] / Ed. L. E. Havlík, D. Bartoňková, I. Hrbek, J. Ludvíkovský, R. Večerka, Brno, Universita J. E. Purkyně Publ., 1969, 470 p. [in Latin].

Petković 2006 - *Petković D.* Hrvatsko ime u srednjovjekovnoj Slavoniji — prema nekoliko primjera u diplomatičkim izvorima od 13. do 15. stoljeća [The Croat name in medieval Slavonia — according to some examples from the 13th to 15th century diplomatic sources], in: Starohrvatska prosvjeta, ser. III, 2006, vol. 33, p. 243-281 [in Croatian].

Petruhin 2014 – *Petruhin V.Ja.* Rus’ v IX–X vekah: Ot prizvanija varjagov do vybora very [Rus’ in the 9th and 10th centuries: From Varangians Invitation to the Choice of Faith / 2nd edition, corrected and supplemented, Moscow, Forum Publ.; Neolit Publ., 2014. 464 p. [in Russian].

Pirivatrić 1997 - *Pirivatrić S.* Vizantijska tema Morava i «Moravije» Konstantina VII Porfirogeneta [The Byzantine theme of Morava and «Moravias» of Constantine VII Porphyrogenitus], in: Zbornik radova Vizantološkog instituta [Proceedings of the Institute for Byzantine studies], 1997, vol. 36, pp. 173-201 [in Serbian].

Pleterski 2009 - *Pleterski A.* The inventing of Slavs or inventive Slavs? O ideovém světě a způsobu bydlení starých Slovanů [The inventing of Slavs or inventive Slavs? About the ideological and dwelling system of the old Slavs], in: Archeologické rozhledy [Archaelogical Review], 2009, vol. 61, pp. 331-336 [in Czech].

Polyvjannyj 2008 – *Polyvjannyj D.I.* Slavjane i bolgary v vostochnorimskom imperskom prostranstve: problemy razlichenija [The Slavs and the Bulgars in the imperial space of Eastern Rome: problems of distinction], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2008, vol. 2 (4), pp. 59-63 [in Russian].

Preveden 1955 - *Preveden F.R.* A History of the Croatian People. In 2 volumes. Vol. I: Prehistory and early period until 1397 A.D., New York, Philosophical Library Publ., 1955, 134 p. [in English].

Pritsak 1983 - *Pritsak O.* The Slavs and the Avars, in: Settimane di studio del centro italiano di studi sull’alto medioevo, vol. XXX: Gli Slavi occidentali e meridionali nell’alto medioevo [Week studies of the Italian center for early medieval studies, vol. XXX: Western and Southern Slavs in the early Middle Ages], Spoleto, 1983, pp. 353-435 [in English].

Profantová 2009 - *Profantová N.* Kultura s keramikou pražského typu a problém šíření slavinity do střední Evropy. K článku Florina Curty [The Prague-type pottery culture and the problem of diffusion of Slavinity into central Europe. On the article by Florin Curta], in Archeologické rozhledy [Archaelogical Review], 2009, vol. 61, pp. 303-330 [in Czech].

PVL – Povest’ vremennyh let [The Tale of Bygone Years] / Preparation of text, translation, articles, commentary by D. S. Lihachev; ed. by V. P. Adrianova-Peretz, 3rd edition, St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 668 p. [in Russian].

Sokol 1990 - *Sokol V.* Panonija i Hrvati u 9. stoljeću [Pannonia and Croats in the 9th century], in Izdanja Hrvatskog arheološkog društva [Proceedings of the Croatian Archaeological Society], Zagreb, 1990, sv. 14, pp. 193–195 [in Croatian].

Shahmatov 1908 - *Shahmatov A.A.* Skazanie o prelozhenii knig na slavjanskij jazyk [The Tale of the translation of books into the Slavic language], in: Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića [Miscellany in honour of Vatroslav Jagić], Berlin, 1908, pp. 171-188 [in Russian].

Shusharin 1997 – *Shusharin V.P.* Rannij etap etnicheskoj istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznanija [The early stage of the ethnic history of the Hungarians. Problems of ethnic self-consciousness], Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 511 p. [in Russian].

Shuvalov 2008 – *Shuvalov P.V.* Izobretenie problemy (po povodu knigi Florina Kurty) [The invention of the problem (On Florin Curta's book)], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2008, vol. 2 (4), pp. 13-20 [in Russian].

Steinhübel 1998 - *Steinhübel J.* Pôvod a najstaršie dejiny Nitrianskeho kniežatstva [The origin and early history of the Nitra principality], in: Historický časopis [History journal],1998, vol. 46, part 3, pp. 369-416 [in Slovak].

Steinhübel 2004 - *Steinhübel J.* Nitrianske kniežatstvo. Počiatky stredovekého Slovenska. Rozprávanie o dejinách nášeho územia a okolitých krajín od sťahovania národov do začiatku 12. storočia [The Nitra principality. The origins of medieval Slovakia. The study of the history of our land and neighboring countries from the Migration Age till the early 12th century], Bratislava, Veda, vydavateľstvo SAV Publ.; Vydavateľstvo Rak Publ., 2004, 575 p. [in Slovak].

Steinhübel 2014 - *Steinhübel J.* Veľká Morava na polceste od kmeňa ku štátu [Great Moravia on a half-way from a tribe to a state], in: Forum Historiae, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 71-97 [in Slovak].

Šišić 1914 - *Šišić F.* Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji [Genealogical essays on the Croat national dynasty], in: Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu [Newsletter of the Archaeological Museum in Zagreb], 1914, vol. 13, no. 1, pp. 1-93 [in Croatian].

Šišić 1990 - *Šišić F.* Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara [History of the Croats in the period of the national rulers] / Reprinted edition of 1925, Zagreb, Nakladni zavod Matice hrvatske Publ., 1990, 749 p. [in Croatian].

Štih 1994 - *Štih P.* Priwina: slawischer Fürst oder frankischer Graf? [Priwina: a Slavic prince or a Frankish count?], in: Ethnogenese und Uberlieferung. Angewandte Methoden der Fruhmittelalterforschung [Ethnogenesis and Tradition. Applied methods of early medieval studies] / Ed. by K. Brunner and B. Merta, Wien; München, Böhlau Publ., 1994, pp. 209-222 [in German].

Třeštík 1988 - *Třeštík D.* České kmeny. Historie a skutečnost jedné koncepce [The Czech tribes. The history and the present position of one concept], in: Studia Mediaevalia Pragensia, 1988, vol. I, pp. 129-143 [in Czech].

Třeštík 1991 - *Třeštík D.* Vozniknovenie slavjanskih gosudarstv v Srednem Podunavje [The emergence of Slavic states in the Middle Danube region], in: Rannefeodal'nyje gosudarstva i narodnosti (juzhnye i zapadnye slavjane VI–XII vv.) [Early feudal states and nations (Southern and Western Slavs. VI–XII centuries)], Moscow, Nauka, 1991, pp. 69-86 [in Russian].

Třeštík 2001 - *Třeštík D.* Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. [The emergence of Great Moravia. Moravians, Bohemians, and Central Europe in 791–871]. Praha, Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2001, 384 p. [in Czech].

VK - *Einhardi* Vita Caroli Magni [Einhard's Life of Charlemagne] / Ed. by G. Pertz, in: Monumenta Germaniae Historica. Scriptores [Historical Monuments on Germany. Narrators], Hannover, Hahn Publ., 1845, vol. II, pp. 443-463 [in Latin].

Verešová 2011 - *Verešová N.* Povesť vremennych let a jej koncepcia Slovienskoj zemli [The Tale of Bygone Years and its concept of the Slavic land], in: Historia Nova, vol. II: Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika [Studies on the occasion of the anniversary of Pavol Jozef Šafárik], Bratislava, 2011, pp. 12-20 [in Slovak].

Verešová 2013 - *Verešová N.* Geographical concepts of Sclavinia in historical sources from the sixth to the fourteenth century, with an emphasis on the Moravian-Pannonian and South Slavic traditions, in: Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak History, Faculty of Philosophy of Comenius University, 2013, pp. 60-65 [in English].

Zarinov 2003 – *Zarinov Ju.I.* Issledovanie fenomenov «etnosa» i «etnichosti»: nekotoryje itogi i soobrazhenija [Studies on the phenomena of «ethnos» and «ethnicity»: Some conclusions and thoughts], in: Akademik Ju. V. Bromlej i otechestvennaja etnologija. 1960-1990-e gody [Academician Ju. V. Bromlej and home ethnology. 1960–1990s], Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 18-36 [in Russian].

Zhih 2010 – *Zhih M.I.* K probleme etnicheskogo samosoznanija rannih slavjan: Po povodu knigi Florina Kurty [On the problem of the ethnic self-consciousness of the early Slavs: Discussing Florin Curta's book], in: Rusin. International journal for history studies, 2010, vol. 1 (19), pp. 59-77 [in Russian].

Алимов Денис Евгеньевич – Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.
Alimov Denis – candidate of historical sciences, associate professor of history of the Slavic and Balkan countries Institute of history of St. Petersburg State University.
E-mail: d.alimov@spbu.ru

УДК 94(36)

«ПАЛЕОЕВРОПЕЙЦЫ», ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ И ФИННО-УГРЫ В РЯЗАНСКОМ ПООЧЬЕ В ДОСРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХУ (ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА)

Д.С. Логинов

Рязанский государственный медицинский университет

Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9

e-mail: dimok_star@mail.ru

Авторское резюме

Научное изучение древнейшей истории Центральной России имеет давние традиции, и в этой области накоплен обширный материал. Но серьёзной проблемой является разрыв между представителями различных отраслей знания. Между тем, только системный подход, согласование достижений смежных наук даёт возможность представить адекватную картину дописьменного прошлого. В статье делается попытка рассмотреть досредневековую этническую историю одного конкретного региона, Рязанской области, на основе синтеза накопленных данных ряда дисциплин: археологии, антропологии, исторической филологии, ДНК-генеалогии. Показаны как достижения, так и гносеологические ограничители каждой из них. Представлена гипотетическая картина взаимодействия в Рязанском Поочье основных этноязыковых элементов, начиная с эпохи мезолита и заканчивая последними веками I тыс. н.э. Поставлен вопрос о пересмотре некоторых устоявшихся представлений об этнических процессах региона в древности. Также обозначены наиболее перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: этническая история, Рязанское Поочье, палеоиндоевропейцы, индоевропейцы, финно-угры.

«PALEO-EUROPEAN», INDO-EUROPEAN AND FINNO-UGRIC PEOPLES IN THE RYAZAN PART OF THE OKA RIVER BASIN IN THE PRE-MEDIEVAL PERIOD (AN ATTEMPT AT INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS)

Dmitriy Loginov

Ryazan State Medical University

9 The Vysokovoltnaya Street, Ryazan, 390026, Russia

e-mail: dimok_star@mail.ru

Abstract

Scientific research on the earliest history of Central Russia is an old tradition, and voluminous literature has been written on this topic. But lack of scholarly consensus on some important questions between representatives of different branches of knowledge is a serious problem. Only a systematic approach and reconciling of findings of neighboring sciences allow an adequate reconstruction of the preliterate past. The author attempts to reconstruct the pre-medieval ethnic history of the Ryazan region of Central Russia on the basis of synthesis of gathered data from archaeology, anthropology, historical philology, DNA-genealogy, examining the achievements and the gnoseological limits of each of them and

discussing hypothetical interactions between the main ethno-linguistic groups of the Ryazan part of the Oka River basin from the Mesolite era to the last centuries of the 1st millennium AD. The paper raises the question of revision of some concepts related to the earliest ethnic processes in the region and outlines the most promising directions for further study.

Keywords: ethnic history, Ryazan's part of the Oka basin, Paleo-Indo-Europeans, Indo-Europeans, Finno-Ugric peoples.

* * *

Изучение истории населения Центральной России имеет давние традиции. Оно велось и ведётся методами разных дисциплин (археология, лингвистика, антропология, этнография и т.д.). Ещё большую, чем прежде, актуальность оно приобретает в связи с новейшими достижениями науки, появлением или принципиальными прорывами в рамках молодых областей знания, позволяющими перепроверить, а иногда и пересмотреть прежние выводы. Так, огромные перспективы для историка открывают достижения в изучении ДНК, делающих возможным выявление генеалогических, родственных связей между людьми, разделёнными тысячами лет и километров.

Между тем, историки зачастую оказываются в плену закосневших схем и стереотипов. В первую очередь, речь идёт об авторах научно-популярных книг. Со стороны некоторых профессионалов отношение к ним – пренебрежительно-снисходительное, что неверно, так как именно популярные издания преимущественно удовлетворяют интерес широких читающих кругов к своему прошлому (для правильного и полного понимания специализированной научной литературы сегодня желательно самому быть учёным-специалистом). И вот, например, у известного писателя, а с недавних пор и популяризатора истории, Б. Акунина (Чхартишвили) читаем: «Разумеется, всякий этнос может считаться “коренным” для данной местности весьма условно. Когда-то он все-таки пришел в эти края, просто история не помнит, когда именно, и уже тем более понятия не имеет, кто там прежде жил и жил ли кто-нибудь вообще.

В этом смысле коренным, изначальным народом древнерусского Леса безусловно являются финно-угорские племена, ветвь уральской (смешанной европеоидно-монголоидной) расы, населявшая огромные пространства на севере Европы и Азии. Как пишет Карамзин, “мы не знаем никого старобытнее их в северных и восточных ея [то есть России] климатах”» (Акунин 2013).

С начальной мыслью Б. Акунина можно только согласиться. Действительно, «всякий этнос может считаться “коренным” для данной местности весьма условно». Но что почерпнёт неподготовленный читатель из остальной части сентенции? Во-первых, мысль о полном бессилии исторической науки: «не помнит» и «понятия не имеет». Во-вторых, убеждение в том, что за двести лет после Н.М. Карамзина она ни на шаг не продвинулась по пути решения вопроса о древнейшем населении Центральной России. И первое, и второе неверно, но оба высказанные Б. Акуниным положения имеют широкое хождение среди любителей истории. Их распространению в немалой степени способствует и ассортимент большинства книжных магазинов, где соседствуют, с одной стороны, научные труды

преимущественно дореволюционной эпохи (до В.О. Ключевского включительно) и разного рода измышления в жанре folk history, не имеющие отношения к современной исторической науке – с другой.

Следует вместе с тем признать, что и сама академическая история переживает кризисные времена. В данной статье мы не рассматриваем такие глобальные их причины, как, например, смена общественной парадигмы на рубеже 80–90-х гг., поскольку они являются предметом скорее для публицистических статей. Отметим лишь некоторые объективные моменты, непосредственно связанные с темой нашего исследования.

Представляется, что многие трудности являются следствием процесса углубляющейся специализации отдельных областей знания. Процесс этот, сам по себе прогрессивный и неизбежный (накапливаются знания, усложняется методология), своей оборотной стороной имеет то, что исследователи часто ограничены рамками своей специализации, имея весьма смутное представление (а то и вовсе не имея представления) о достижениях даже в смежных отраслях науки. Впрочем, и в рамках одной только исторической науки специализация способна привести к тому, что учёный, изучающий, например, историю раннего средневековья на определённой территории может мало что знать о периоде древности или позднего средневековья на той же территории.

По нашему мнению, назрел вопрос о переходе от анализа к синтезу. Подобный переход, естественно, не может быть осуществлён в рамках отдельно взятой статьи, даже если речь идёт об одной конкретной проблеме – этнической истории Центральной России в древности и раннем средневековье. В связи с этим мы сочли целесообразным сузить географию данного исследования до одного региона – Рязанского Поочья. С одной стороны, такое сужение, разумеется, во многом условно и накладывает в чём-то искусственные ограничения на историка, поскольку рассматриваемая территория не была некоей изолированной зоной. Нам, безусловно, придётся затрагивать, и очень часто, смежные, а иногда и достаточно удалённые территории. Но с другой стороны, в некоторых случаях более детальное исследование конкретной территории позволяет избежать ошибок, возникающих при попытках широких обобщений, в особенности, из-за следования общепринятым, но устаревшим схемам.

Свою задачу мы видим в том, чтобы обозначить основные вопросы, связанные с нашей темой и насколько возможно наметить пути решения некоторых из них. В статье не вводятся в научный оборот некие новые, принципиально важные данные. Но, по нашему мнению, принципиальное значение имеет системность в интерпретации уже имеющихся фактов.

Большой сложностью для историка, берущегося изучать древнейшее прошлое Центральной России, является фактическое отсутствие (вплоть до Великого переселения народов), а позднее – крайняя скудость (вплоть до образования Древнерусского государства) письменных источников. Как следствие, историки вынужденно полностью зависимы от смежных дисциплин.

Начнём с краткого анализа, наиболее значимых данных по интересующему нас вопросу, предоставляемых этими дисциплинами.

Археология

Первые археологические памятники Рязанского Поочья относятся к эпохе верхнего палеолита. Они достаточно немногочисленны и имеют серьёзные разрывы в датировках. Так, артефакты, обнаруженные у с. Польное-Ялтуново, видимо, создавались 30–35 тыс. лет назад, стоянка 1 у с. Шатрище имеют радиокарбонную дату 14360±150 лет. Высказывалось мнение, что заселение Окского бассейна в данную эпоху происходило с юга, из районов Подонья (Археологическая карта России 1993: 14). Впрочем, в свете малочисленности находок и разбросанности датировок однозначно говорить о непрерывности заселённости Рязанского Поочья в верхнем палеолите достаточно проблематично.

Находки периода мезолита (IX – первая половина VI тыс. до н.э.) встречаются чаще. Несмотря на общие черты в материальной культуре, мезолит Рязанской области не представляет в культурном отношении полного единства. Здесь выделяют стоянки бутовской, иеневской и культинской культур, а также памятники типа нижнего слоя стоянки Исток1 и типа стоянки Пургасово 3 (Археологическая карта России 1993: 16). По предположению А.Н. Сорокина, часть мезолитического населения Волго-Окского бассейна были потомками верхнепалеолитического населения типа Хотылево 2 – Гагарине (с центром на территории современной Брянской области). Эта группа известна по памятникам рессетинской культуры. Другая часть населения была пришлой из Западной Европы – она известна по памятникам культур Федермессер (Заозерье) и Аренсбург (Подол III, Гремячее). Культура Федермессер – верхнепалеолитическая культура, восходящая, возможно, к азильской культуре Северной Испании и Южной Франции. Культура Аренсбург – верхнепалеолитическая культура севера Центральной Европы (в частности, Северной Германии). Каменная индустрия первой группы получила свое развитие в кундской и бутовской культурах, второй – в иеневской культуре, а также, видимо, культуре типа нижнего слоя стоянки Исток 1 (Сорокин 1997; Археологическая карта России 1993: 121).

На генезис бутовской культуры известное влияние оказало пришлое позднесвидерское (свидерская культура была распространена в эпоху финального палеолита преимущественно на территории Польши, Литвы и Белоруссии) население. Бутовская культура возникает в результате слияния коренного населения рессетинской культуры с пришлым свидерским. Судя по имеющимся разрозненным и пока немногочисленным фактам, группы разнокультурного населения не были изолированы друг от друга и эпизодически контактировали. Свидетельства таких контактов фиксируются по присутствию синкретических черт в каменном инвентаре (Сорокин 1997).

Памятники позднемезолитической культинской культуры (распространённые в восточной части Рязанской области) исследователи склонны связывать с проникновением населения из Прикамья (Археологическая карта России 1993: 16).

В целом, говоря о периоде мезолита, можно подытожить, что на территории Рязанской области она археологически напрямую не связана с предыдущей эпохой (и местным палеолитическим населением). Однако большинство пришельцев имели

древнейшее европейское происхождение, уходящее корнями в европейский палеолит. Определённые сомнения вызывает только культинская культура, истоки которой не вполне ясны (а также, возможно, Пургасовская, хотя не исключается её генезис на основе бутовской) (Сорокин 1997).

Неолит Рязанского Поочья представлен памятниками верхневолжской (вторая половина VI–IV тыс. до н.э.; известны в рязанском и шиловско-ижевском течении Оки, а также в озёрной Мещере), а на позднем этапе – рязанской (обычно датируется концом IV – первой половиной II тыс. до н.э.) и волосовской (вторая половина III – сер. II тыс. до н.э.) культур.

Происхождение верхневолжской культуры обычно увязывают с эволюцией бутовской при некотором участии лесостепных элементов (Археологическая карта России 1993: 17).

Достаточно спорно происхождение рязанской культуры. Она входит в культурно-историческую общность ямочно-гребенчатой керамики (вместе с льяловской, балахнинской и др.; в современной научной номенклатуре иногда все они значатся не как культуры, а как варианты культуры ямочно-гребенчатой керамики (Кондратьев 2011)). Данная общность генеалогически либо выводится археологами из верхневолжской, либо связывается с проникновением в Волго-Окское междуречье переселенцев с территории Русского Севера и Карелии – создателей посуды типа Сперрингс и Сяряйсниеми I (Костылева, Уткин 2000).

Проблема возникновения волосовской культуры также дискуссионна. Первоначально господствовала гипотеза о её восточном, прикамском происхождении. В настоящее время возобладало мнение о формировании культуры на местной основе ямочно-гребенчатой керамики (Археологическая карта России 1993: 19; Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 25–27). Впрочем, не исключается и влияние волго-камской культуры (Кондратьев 2011). Последняя возникла на мезолитическом субстрате Волго-Камского междуречья под влиянием средневолжской культуры, а с периода развитого неолита, видимо, имела место инфильтрация зауральского населения.

Эпоха бронзы (конец III – начало I тыс. до н.э.) в целом проходит в Рязанском Поочье под знаком преобладания культур, традиционно атрибутируемых в качестве индоевропейских.

В первой половине II тыс. до н.э. с территории лесостепного и лесного Среднего Поднепровья сюда проникают фатьяновцы, а также переселенцы со Среднего Дона (Археологическая карта России 1993: 20–21) (возможно, связанные с катакомбной культурой). Фатьяновская культура входила в культурно-историческую общность боевых топоров или шнуровой керамики, происхождение которой большинство археологов связывают с катакомбной (XXV–XX вв. до н.э.) или ямной культурами Южной России (3600–2300 гг. до н.э.) (Археологическая карта России 1993: 21).

В середине II тыс. до н.э. на Средней Оке в результате продвижения из лесостепного Подонья племён срубной культуры, смешения их с местными племенами (остатками рязанского и волосовского населения) и взаимодействия с соседями сформировалась поздняковская культура (существовала до нач. I тыс. до

н.э.). Также на рассматриваемой территории известны памятники балановской (родственной фатьяновской) и абашевской (сближаемой разными исследователями как с культурами боевых топоров, так и со срубниками) культур, причём последняя оказала серьёзное влияние на поздняковцев (Археологическая карта России 1993: 22).

Наконец, на позднем этапе бытования в Рязанском Поочье поздняковской культуры начинается распространение в регионе сетчатой или текстильной керамики (Археологическая карта России 1993: 22). Как считается, последняя сложилась на основе взаимодействия племён ямочно-гребенчатой керамики, фатьяновцев и поздняковцев. Зачастую именно её носителей связывают с предками финно-угров.

Наиболее распространённой (фактически единственной, выявленной к настоящему времени; исключение составляют городища и селища Мещёрской низменности и крайнего северо-запада области, относящиеся к дьяковской культуре) культурой раннего железного века в регионе является городецкая. Начало её сложения относят к VII–VI вв. до н.э. (Археологическая карта России 1993: 23–24). Верхняя дата до сих пор дискуссионна (от II до X в. н.э.). Археологи достаточно единодушно атрибутируют её в качестве финно-угорской. Принято считать, что городецкая культура сформировалась на основе сетчатой керамики с бондарихинским суперстратом. Бондарихинская культура, в свою очередь, соотносится иногда с финно-угорскими племенами, иногда с прабалтскими. Считается, что её генезис связан с марьяновской культурой (одним из вариантов ямочно-гребенчатой керамики), при непосредственном участии поздняковцев и срубников. Городецкая культура наиболее близка синхронной, располагавшейся северо-западнее дьяковской (в сложении которой бондарихинцы не принимали участия).

Со II–III вв. н.э. в регионе начинается распространение культуры рязано-окских могильников, верхняя дата которых иногда ограничивается исследователями VII–VIII, иногда – IX–X вв. н.э. Носителей данной культуры, как правило, также увязывают с финно-уграми (Археологическая карта России 1993: 26) (возможно, потомки городецких племён были покорены рязано-окцами).

Наконец, к IX в. относят начало проникновения на рассматриваемую территорию восточных славян, изначально, судя по всему, с Верхнего Дона (Археологическая карта России 1993: 27).

В рамках статьи невозможно дать подробную характеристику каждой из перечисленных археологических общностей. Здесь показаны лишь современные представления об их генезисе и связях. Однако нелишним будет напоминания об основных гносеологических ограничителях археологии.

Предоставляя историкам бесценную информацию о направлении культурных влияний, географических истоках той или иной общности, археологическая наука сама по себе нема. Она не отвечает исключительно своими силами на вопросы об этнической или лингвистической принадлежности носителей той или иной культуры. Один и тот же этнос может быть представлен несколькими археологическими культурами. И наоборот, одна культура может быть общей для разных этносов.

Краткий обзор археологических культур Рязанского Поочья оставляет открытым по крайней мере один кардинальный вопрос: время проникновения финно-угров на соответствующую территорию. Представляется логичным, что расселение финно-угров должно быть связано с неким восточным – Волго-Камским или Зауральским – влиянием. Между тем, подавляющее большинство (de facto – все) местных культур, начиная с мезолита и до рязано-окцев, в том числе, традиционно приписываемые финно-уграм сетчатой керамики и городецкая (в отличие от отчасти синхронной последней ананьинской культуры Среднего Поволжья) не имеют выраженного и общепризнанного восточного суперстрата. В связи с этим необходимо рассматривать следующие варианты:

1. Финно-угры обитали в Европе, по меньшей мере, с эпохи верхнего палеолита.
2. Напротив, проникновение финно-угров на территорию Рязанского Поочья началось не ранее первых веков н.э.
3. Распространение финно-угорских языков первоначально происходило без сколько-нибудь значительных культурных влияний и этнических передвижек.

Последний вариант представляется практически невероятным и может быть отброшен. Остальные два пока примем к сведению, и обратимся к данным других наук.

Антропология

Антропологические данные по древнейшему населению Рязанского Поочья отрывочны и неполны. Обряд ингумации начал хождение на данной территории лишь начиная с периода развитого неолита (рязанская и волосовская культуры). Позднее он был характерен для фатьяновской, поздняковской, балановской и абашевской культур бронзы, а в I тыс. н.э. – для рязано-окцев (но костные останки последних практически не сохранились).

Носители рязанской культуры, судя по всему, как и всё население ямочно-гребенчатой культурно-исторической общности, являлись представителями уральской расы, в фенотипе которой обнаруживают монголоидные элементы. Волосовцы – северные европеоиды с лапоноидными чертами. Фатьяновцы и балановцы обладали южноевропеоидными чертами и имели долихокранный узколицый и высоколицый тип, с резкой горизонтальной профилированностью и сильным выступанием носа (Восточные славяне). Абашевцы относились к европеоидному широколицему типу. Европеоидны, судя по всему, были и поздняковцы.

Кандидатами на роль предков европейских финно-угров, исходя исключительно из антропологических данных, остаются носители ямочно-гребенчатой керамики, и, возможно, связанные с ними волосовцы.

Филология

В условиях фактического отсутствия письменных памятников по интересующему нас периоду практически единственным источником сведений о

языке древнего населения Рязанского Поочья является топонимика, в первую очередь гидронимия (как наиболее архаичный и устойчивый пласт топонимики). Традиционно исследователи выделяют лишь два дославянских пласта рязанской гидронимии: финно-угорский и балтский (Никольский, Кононенко, Хрусталёв 2009: 39 – 40). То же самое, впрочем, можно сказать и о всей территории европейской России. Однако в отдельных научных статьях время от времени поднимается вопрос о некоем особом пласте волжской гидронимии, следы которого прослеживаются и на территории Рязанской области.

В 1955 г. со статьёй «Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР» выступил Б.А. Серебренников (Серебренников 1955). Он отнёс к древнейшему пласту топонимики Волго-Окского междуречья и севера европейской части России гидронимы с суффиксами *-ма, -га, -ша*, и реже встречающимися *-ла, -жа, -кса, -да, -та*. При этом их распространение, по его мнению, шло именно с Волго-Окской территории. Отсюда в III тыс. до н.э. соответствующее население расселилось в Карелию, оттуда – на западное и южное побережье Белого моря, а также южную часть Кольского полуострова, бассейн рек Сухоны, Северной Двины и Мезени, оно продвигается в нижнее течение Вычегды, до современной западной границы республики Коми, а незначительная его часть проникает на Печору (Серебренников 1955: 31). Необходимо иметь в виду, что Б.А. Серебренников в своих построениях исходил из археологических представлений начала 50-х гг. XX в., очень серьёзно устаревших к настоящему времени.

Спустя пять лет В.А. Никонов опубликовал в журнале «Вопросы языкознания» работу «Неизвестные языки Поочья» (Никонов 1960). В ней он попытался дать лингвистическую и этническую интерпретацию топонимов с конечной формантой -ус (Киструс, Свинчус, Ибердус, Гусь, Кердус, Ермус, Чардус, Чарус и т.д.). Их наибольшая и компактная группа известна по обе стороны Оки – в мещёрском крае (от устья р. Прони ниже Рязани до низовий р. Мокши – восточная часть Рязанской области со смежными районами Владимирской и Нижегородской областей). За пределами данного ареала схожие топонимы известны в бассейне Суры, в Прибалтике, на Валдае, на Мологе, в Карелии, в бассейне Сухоны, на Урале, в хантыйской части Тюменской области и далее к востоку (Никонов 1960: 89 – 90). Однако компактную группу они образуют только на Средней Оке. В.А. Никонов отмечает весьма важные для лингвистической идентификации носителей соответствующих топонимов особенности их языка: ударение исключительно на первый слог, среди гласных ударного слога 2/3 составляют гласные верхнего подъёма («и» и «у»), значительный процент зубных согласных, редкость употребления губных (кроме «м»), очень частое употребление сонорных согласных, особенно «р» (наиболее часто употребимый согласный), при этом мягкий «р» вообще не употребляется, широкое использование «р» в препозиции к согласным (но из них после «р» значатся только «т», «д», «м» и «с»); «к» предпочитает позицию перед гласными переднего ряда, для «н» характерна позиция между гласным и согласным (Никонов 1960: 90–92). Далее рассматривается компактная группа топонимов на -х, (преимущественно юго-запад Владимирской области и запад Нижегородской): *Лух*, Сех, Варех, *Ламех* и т.п. (вне данного ареала схожие названия встречаются северо-

восточнее – в Заволжье, на Вятке, на Уралье и в Зауралье и дальше на восток). Все эти названия имеют ударение на первом слоге, чаще всего двухслоговые, основная модель слога – согласный-гласный-согласный, необычайно высоко количественное отношение согласных к гласным (1,8), начало слова – исключительно с согласного, очень употребителен «у» (более трети ударных слогов), если в начальном ударном слоге встречаются «а» или «у», то в неударном, за редкими исключениями, «е» или «и», среди гласных огромна доля плавных (четверть всех сонантов – «р» или «л»), в начале слова чаще всего встречаются «п», «в», «т», «д», «л» (остальные исключительно редки), «т» и «д» часты и в других позициях, губные в них не встречаются, «р» ни разу не зафиксирован в начале слова, во всех сочетаниях гласных (за одним исключением - Тасх) участвует сонорный (преобладающий тип сочетаний – сонорный + «д») (Никонов 1960: 92–94). Пытаясь найти место языкам создателей соответствующих топонимов в существующей классификации, В.А. Никонов с серьёзными оговорками и без попыток хронологических и археологических соотнесений определяет их как «”наложение” архаичнотюркского слоя на финно-угорский (точней, вероятно, на “угро-финский”)» (Никонов 1960: 94).

Спустя почти четыре десятилетия к рассмотрению топонимов с конечным -х обратился И.В. Купцов (Купцов 2009). Он говорит о непреодолимых противоречиях, возникающих при попытках соотнесения соответствующих гидронимов с финно-угорскими и балтскими, а также об отсутствии в районе их компактного распространения следов тюркских языков (Купцов 2009: 16–17). Очень перспективной для определения датировки появления топонимов на -х представляется попытка сопоставления лингвистических данных с особенностями ландшафта соответствующей местности (совпадающими с особенностями ареала компактного ареала названий с конечным -ус). Это обширная сильно заболоченная песчано-боровая пустыня, сложенная эоловыми постледниковыми образованиями. Практическое отсутствие почвенного покрова делает практически невозможным ведение на данной территории какого-либо производящего хозяйства. Отсюда И.В. Купцов заключает, что пик плотности населения здесь приходится на исторические эпохи, когда господствовали различные формы присваивающего хозяйства (Купцов 2009: 19).

В целом, представляется, что большинство филологов излишне схематично представляют себе историю Рязанского Поочья (и Волго-Окского междуречья в целом): финно-угры и, возможно, балты → славяне. Само по себе наличие здесь финно-угорской топонимики несомненно. Вероятно и присутствие здесь балтской топонимики (с балтами часто связывается бондарихинский суперстрат городецкой культуры, некоторые исследователи к ним же относят ряд особенностей культуры рязано-окских курганов; последнее, впрочем, спорно). Однако, судя по всему, реальная языковая картина досредневекового периода была гораздо сложнее. Во-первых, вопрос о финно-угорском языковом присутствии в местной топонимике нуждается в свете данных Б.А. Серебренникова, В.А. Никонова и И.В. Купцова о древнейшем языковом слое если не в пересмотре, то в серьёзном уточнении. Многие слова могли приписываться финно-уграм просто потому, что их просто некому больше было приписать. Во-вторых, «балтская» топонимика также должна быть

уточнена. Следует хотя бы рассмотреть вариант её (или её части) более архаического, эпохи бронзы, индоевропейского происхождения.

ДНК-генеалогия

Данная дисциплина является самой молодой из всех рассматриваемых в нашей статье. Она, несомненно, займёт особое место в числе вспомогательных исторических дисциплин. Изучение гаплогрупп и гаплотипов открывает перед историком огромные перспективы. Становится возможным с естественнонаучной точностью прослеживать миграции человеческих популяций, начиная с эпохи палеолита, о чём вплоть до последних десятилетий можно было только мечтать.

Вместе с тем ДНК-генеалогия закономерно переживает сейчас определённые «болезни роста» (преодолев которые, должна стать ещё сильнее). Так, существует явная проблема соотнесения её терминологии с традиционной научной терминологией общественных наук, что часто вызывает взаимное недопонимание между исследователями. Нередко имеет место вера некоторых восторженных неофитов во всемогущество новой науки, её способность решить все вопросы прошлого человечества исключительно своими силами, пренебрежительное отношение к историкам, археологам, филологам академической школы (причём, ко всем сразу) при полном незнании основ данных наук, их новейших достижений и простом непонимании их аргументации. У многих из них, например, отсутствует чёткое представление о принципиальном несовпадении понятий «гаплогруппа», «язык» и «этнос». Всё это вызывает обратную реакцию (тем более что специалисты «старой школы» тоже далеко не всегда понимают суть ДНК-генеалогии). Остаётся верить, что в будущем все эти трудности будут преодолены.

В вопросе изучения прошлого ДНК-генеалогия пока использует преимущественно метод ретроспекции (в связи с тем, что изучение древних останков на предмет выявления гаплотипов, по сути дела, только недавно началось). К сожалению, нам не удалось найти сводных данных по современным гаплогруппам Рязанской области. Среди того, что есть, обращает на себя внимание большой процент северной европейской гаплогруппы I1 (14%). Это третье место среди российских регионов – после Вологодской (18%) и Архангельской (14,2%) областей. Иногда высказывается предположение, что данная гаплогруппа маркировала варягов-норманнов (Трусов; сам автор не согласен с данным предположением). Но оно не выдерживает испытания простейшей логикой: наибольший процент I1 на территории современной России наблюдается в Вологодской, Архангельской, Рязанской, Костромской, Пензенской, Ивановской, Тамбовской областях, в отношении которых тезис о сколько-нибудь значительном скандинавском присутствии не выдвигался даже норманистами. В то же время присутствие той же гаплогруппы в Новгородской, Псковской и Смоленской областях (в последней норманисты Гнёздово рассматривают чуть ли не в качестве вотчины скандинавов) – в разы меньше. Также следует отметить относительно невысокий процент «финно-угорской» гаплогруппы N1c (8%) (Клёсов 2013: 189), сближающий Рязанщину с южнорусскими областями.

Теперь посмотрим, путь к разрешению каких вопросов открывает синтез данных различных наук и какие новые вопросы он ставит перед исследователями.

1. Можно предположить, что древнейший слой Рязано-Окской, и шире, Волго-Окской топонимики оставлен палеоевропейскими племенами, имеющими исток, по крайней мере в эпохе мезолита. В таком случае следует обратить внимание на цепочку: бутовская культура → верхневолжская культура → некоторые варианты ямочно-гребенчатой керамики (прежде всего, льяловская культура) → волосовская культура. У истоков данной последовательности логично предположить значительную долю населения с гаплогруппой I1, хотя вполне вероятно, что уже в мезолите она не была единственной.

2. Финно-угры на рассматриваемой территории либо имели исток в той же ямочно-гребенчатой керамике (с истоками в Карелии и культуре сперрингс), либо появляются не ранее II в. н.э. вместе с племенами рязано-окских могильников. В первом случае имеем цепочку: рязанская культура или, скорее, шире – ямочно-гребенчатая керамика → культура сетчатой или текстильной керамики → городецкая+рязано-окских могильников. Во втором цепочка ограничивается связью рязано-окцев с муромой, мещерой и мордвой. Второй вариант мог бы объяснить появление финно-угорских языков в Рязанском Поочье, но не на обширных территориях Волго-Окского междуречья, на русском севере и в Прибалтике. Поэтому следует принять именно первый (к подобному варианту склонялся, например, В.В. Седов: Археология СССР. Финно-угры 1987: 13 и др.). Особое внимание привлекает в данной связи население, оставившее мезолитический Оленеостровский могильник, антропологически сочетавшее кроманьоидные и монголоидные черты. В таком случае первоначальное расселение финно-угров в европейской части России, судя по всему, шло с периода неолита с севера, а не с востока, как было принято считать (остаётся открытым вопрос о времени проникновения прафинно-угров в Карелию). Рязано-окцы и финно-угры Средней Волги тогда имели другой исток. Можно предполагать также полиэтничность и разноязыкость культуры (или, всё-таки, культур) ямочно-гребенчатой керамики (присутствие на их территории как палеоевропейских, так и финно-угорских языков), а также то, что первоначальное распространение финно-угорских языков в Волго-Окском междуречье не связано исключительно (а, возможно, и преимущественно) с гаплогруппой N1c.

3. Индоевропейцы на рассматриваемой территории появляются не позднее ранней бронзы. При этом можно говорить о присутствии здесь разных их языковых ветвей: праиндо-иранской (поздняковцы) и, видимо, – абашевцы и диалекты культурно-исторической общности боевых топоров (их иногда умозрительно объединяют в древнюю северную группу индоевропейских, якобы предковую для германцев, балтов и славян; нам представляется, что истоки предков славян не сводятся к культурам боевых топоров, однако, рассмотрение данного вопроса – за пределами темы данной статьи). Не исключена, по нашему мнению, и возможность ещё более раннего присутствия индоевропейцев в регионе (с эпохи мезолита или в рамках всё тех же ямочно-гребенчатых культур). До появления бесспорно славянских памятников IX в. н.э. генеалогически индоевропейцы в Рязанском Поочье должны

увязываться преимущественно с гаплогруппой R1a. Представляется, что атрибутация всей дославянской индоевропейской топонимики балтам нуждается в очень серьёзной перепроверке: весьма вероятны и более архаичные её слои. Не исключено также, что отказ от тезиса об исключительно балтском и славянском языковом индоевропейском присутствии в топонимии региона откроет новые перспективы в объяснении названий, ранее приписывавшихся финно-уграм, что называется, за неимением лучшего.

Все высказанные здесь предположения спорны. Но в случае с нашей темой ситуация такова, что историку приходится делать выбор не между достоверным и недостоверным, а между спорным и невероятным. Выбор, видимо, всё-таки должен быть сделан в пользу первого.

Открытыми остаются следующие вопросы:

• имели ли общее или родственное происхождение племена, создавшие древнейшую Волго-Окскую топонимику? Он может быть, пожалуй, положительно решён для племён, оставивших гидронимы с конечными формантами -ус и -х. Но их связи с носителями названий с формантами -ма, -га, -ша, -жа, -кса, -да, -та, по нашему мнению, вызывают сомнения;

• можно ли говорить о связи племён древнейшей Волго-Окской топонимики с т.н. древнеевропейской гидронимией?

• возможно ли хотя бы отдалённое сопоставление архаичных Волго-Окских топонимов с известными языками? Хочется специально подчеркнуть, что речь не идёт об отдельных лексических или фонетических соответствиях. Их отыскание типично для т.н. «народной» или «ложной» этимологии (хотя и профессиональные филологи иногда не избегают соблазна). Но лексические соответствия при сильном желании всегда отыскиваются при сравнении чуть ли не любых двух языков, вне зависимости от их реальной близости друг другу. То же самое можно сказать и об отдельных фонетических соответствиях (скажем, вокализм Окской гидронимии с формантой -ус сильно напоминает на первый взгляд вокализм этрускского языка). Нужно рассматривать системные соответствия (общность сочетания целого ряда значимых и взаимосвязанных языковых признаков);

• не следует ли пересмотреть тезис об этно-языковой однородности создателей культур, традиционно приписываемых финно-уграм (городецкая и рязано-окских могильников; в последней иногда признаётся балтское влияние);

• чем заполнить хронологические разрывы (при сохранении преемственности топонимов) между отдельными историческими этапами (в первую очередь речь идёт о разрыве между рязано-окцами, верхняя датировка которых позднее VIII в. на данный момент спорна, и первыми бесспорно славянскими слоями (нижняя датировка – не ранее IX в., а широкое расселение – с X–XI вв.))?

Вопросов (а обозначены лишь некоторые из самых важных), как видим, больше, чем ответов, даже гипотетических. Но, как известно, правильная их постановка открывает путь для решения. Многие из обозначенных в данной статье проблем не новы, и уже отмечались и даже имели попытки разрешения в предшествующей историографии. Принципиальное значение, по нашему мнению, имеют диалектический и системный подходы, заставляющие рассматривать факты

и явления далёкого прошлого, а также данные различных связанных с историей дисциплин не изолированно, а в тесной взаимосвязи друг с другом. Процесс постижения истины бесконечен, но не бесперспективен. Различными науками накоплен огромный материал по древнейшей этнической истории Рязанского Поочья, а шире, всего Волго-Окского междуречья. Междисциплинарные обобщения открывают новые перспективы для изучения прошлого данного региона.

ЛИТЕРАТУРА

Акунин 2013 - *Акунин Б.* Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М., 2013 / Электронный ресурс: http://bookz.ru/authors/akunin-boris/4ast_-ev_903/1-4ast_-ev_903.html (дата обращения – 05.11.2015).

Археологическая карта России 1993 - Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 1. М., 1993.

Археология СССР. Эпоха бронзы 1987 - Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Археология СССР. Финно-угры 1987 - Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Восточные славяне - Восточные славяне. Антропология и этническая история / Под ред. Т.И. Алексеевой / Электронный ресурс: http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Alekseevoy_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/35 (дата обращения – 05.11.2015).

Клёсов 2013 - *Клёсов А.А.* Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманнской теории». М., 2013.

Кондратьев 2011 - *Кондратьев С.А.* Культура ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Самара, 2011 / Электронный ресурс: http://cheloveknauka.com/kultura-yamochno-grebenchatoy-keramiki-srednego-povolzhya (дата обращения – 05.11.2015).

Костылева, Уткин 2000 - *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* К вопросу о происхождении льяловской культуры // Юбилейный сборник, посвященный 85-летию со дня рождения профессора Ю.А. Якобсона. Иваново, 2000. С. 19-23 / Электронный ресурс: http://amu.ivanovo.ac.ru/pubs.php?do=11&id=29 (дата обращения – 05.11.2015).

Купцов 2009 - *Купцов И.В.* К вопросу об особенностях дославянской гидронимии Балахнинской низины // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 5. Иваново-Южа, 2009. С. 15-20.

Никольский, Кононенко, Хрусталёв 2009 - *Никольский А.А., Кононенко Л.А., Хрусталёв И.Н.* Топонимы Рязанской области. Учебное пособие. Рязань, 2009.

Никонов 1960 - *Никонов В.А.* Неизвестные языки Поочья // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 89-95.

Серебренников 1955 - *Серебренников Б.А.* Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 19-31.

Сорокин 1997 - *Сорокин А.Н.* О связях населения бассейна реки Оки в раннем мезолите // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 6. Сборник научных трудов. Рязань, 1997 / Электронный ресурс: http://www.history-ryazan.ru/node/3905?page=0,1 (дата обращения – 05.11.2015).

Трусов - *Трусов С.В.* Русь incognito: Гаплогруппа викингов, венедов и кулбяков / Электронный ресурс: http://losunve03.h16.ru/Path-SKOLO/17-vikingRUS-2.htm (дата обращения – 05.11.2015).

REFERENCES

Akunin 2013 - *Akunin B.* Chast' Evropy. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo nashestvija [Part of Europe. History of the Russian state. From sources before the Mongolian

invasion], Moscow, 2013, Electronic resource: http://bookz.ru/authors/akunin-boris/4ast_-ev_903/1-4ast_-ev_903.html (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

Arheologicheskaja karta Rossii 1993 - Arheologicheskaja karta Rossii: Rjazanskaja oblast'. Ch. 1 [Archaeological Russia map: Ryazan region. Part 1], Moscow, 1993 [in Russian].

Arheologija SSSR. Finno-ugry 1987 - Arheologija SSSR. Finno-ugry i balty v jepohu srednevekov'ja [Archeology of the USSR. Finno-Ugra and Balts during a Middle Ages era], Moscow, 1987 [in Russian].

Arheologija SSSR. Jepoha bronzy 1987 - Arheologija SSSR. Jepoha bronzy lesnoj polosy SSSR [Archeology of the USSR. Era of bronze of a forest strip of the USSR], Moscow, 1987 [in Russian].

Kljosov 2013 - *Kljosov A.A.* Proishozhdenie slavjan. DNK-genealogija protiv «normannskoj teorii» [Origin of Slavs. DNA genealogy against «the Norman theory»], Moscow, 2013 [in Russian].

Kondrat'ev 2011 - *Kondrat'ev S.A.* Kul'tura jamochno-grebenchatoj keramiki Srednego Povolzh'ja. Avtoreferat dissertacii na soiskanie stepeni kandidata istoricheskih nauk [Culture of yamochno-edge ceramics of Central Volga area. The abstract of the thesis on competition of degree of the candidate of historical sciences], Samara, 2011, Electronic resource: http://cheloveknauka.com/kultura-yamochno-grebenchatoy-keramiki-srednego-povolzhya (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

Kostyleva, Utkin 2000 - *Kostyleva E.L., Utkin A.V.* K voprosu o proishozhdenii l'jalovskoj kul'tury [To a question of an origin of lyalovsky culture], in: Jubilejnyj sbornik, posvjashhennyj 85-letiju so dnja rozhdenija professora Ju.A. Jakobsona [The anniversary collection devoted to the 85 anniversary since the birth of professor Ue.A. Jacobson], Ivanovo, 2000. pp. 19-23, Electronic resource: http://amu.ivanovo.ac.ru/pubs.php?do=11&id=29 (Date of accessa – 05.11.2015) [in Russian].

Kupcov 2009 - *Kupcov I.V.* K voprosu ob osobennostjah doslavjanskoj gidronimii Balahninskoj niziny [To a question of features of a doslavyansky gidronimiya of the Balakhna lowland], in: Pozharskij jubilejnyj al'manah, Vyp. 5 [Pozharsky anniversary almanac. Release 5], Ivanovo-Juzha, 2009, pp. 15-20 [in Russian].

Nikol'skij, Kononenko, Hrustaljov 2009 - *Nikol'skij A.A., Kononenko L.A., Hrustaljov I.N.* Toponimy Rjazanskoj oblasti. Uchebnoe posobie [Toponyms of the Ryazan region. Manual], Ryazan, 2009 [in Russian].

Nikonov 1960 - *Nikonov V.A.* Neizvestnye jazyki Pooch'ja [Unknown languages of Poochya], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 1960, № 5, pp. 89-95 [in Russian].

Serebrennikov 1955 - *Serebrennikov B.A.* Volgo-Okskaja toponimika na territorii evropejskoj chasti SSSR [Volga-Oka toponymics in the territory of the European part of the USSR], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 1955, № 6, pp. 19-31 [in Russian].

Sorokin 1997 - *Sorokin A.N.* O svjazjah naselenija bassejna reki Oki v rannem mezolite [About communications of the population of a river basin of Oka in early mesolitas], in: Arheologicheskie pamjatniki srednego Pooch'ja. Vyp. 6. Sbornik nauchnyh trudov [Archaeological monuments of an average of Poochya. Release 6], Ryazan, 1997, Electronic resource: http://www.history-ryazan.ru/node/3905?page=0,1 (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

Trusov - *Trusov S.V.* Rus' incognito: Gaplogruppa vikingov, venedov i kulbjakov [Russia incognito: Gaplogruppa of Vikings, vened and kulbyak], Electronic resource: http://losunve03.h16.ru/Path-SKOLO/17-vikingRUS-2.htm (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

Vostochnye slavjane - Vostochnye slavjane. Antropologija i jetnicheskaja istorija / Pod red. T.I. Alekseevoj [East Slavs. Anthropology and ethnic history / Under the editorship of T.I. Alekseeva], Electronic resource: http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Alekseevoy_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/35 (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

Логинов Дмитрий Сергеевич – Кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии и истории Рязанского государственного медицинского университета (Рязань, Россия).
Loginov Dmitry – candidate of historical sciences, associate professor of departments
of philosophy and history Ryazan state medical university (Ryazan, Russia).
E-mail: dimok_star@mail.ru

УДК 930.23

СЫНОВЬЯ ТОХТАМЫШ-ХАНА НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ ХРОНИК

А.В. Парунин
Государственный научно-производственный центр
по охране культурного наследия Челябинской области
Россия, 454000, г. Челябинск, ул. Пушкина, д. 1
e-mail: therion12399@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена проблеме интерпретации сведений, имеющихся в трудах польско-литовских хронистов касательно междоусобной борьбы между потомками Тохтамыш-хана в середине 1410-х гг. На основе историографического анализа и краткого источниковедческого экскурса автором реконструируется ход противостояния, его основные этапы, а также действующие лица.

Ключевые слова: Орда, Витовт, XV век, историография, хроники, тохтамышевичи.

SONS OF KHAN TOKHTAMYSH IN THE POLISH-LITHUANIAN CHRONICLES

Alexey Parunin
The state research and production center
on protection of cultural heritage of Chelyabinsk region
1 The Pushkin Street, Chelyabinsk, 454000, Russia
e-mail: therion12399@gmail.com

Abstract

The article discusses the problem of interpretation of the works of Polish-Lithuanian chroniclers devoted to the internal conflict between descendants of Khan Tokhtamysh in the mid-1410s. Based on historiographical analysis and on a brief digression into the sources, the author reconstructs the course of the confrontation, its main stages, as well as its actors.

Keywords: Horde, Vytautas, 15th century, historiography, chronicles, Tokhtamysh' dynasty.

* * *

Одной из многих проблем истории Золотой Орды 1410-х гг. является крайне путаное и фрагментарное изложение жизни и деятельности сыновей Тохтамыш-хана в польско-литовских источниках, в частности, в «Хронике» Яна Длугоша. Это было вызвано тем, что польско-литовские хронисты при изучении эпохи касались прежде всего биографии Витовта, и связанных с ним внешне- и внутриполитических деяний. При этом его восточные дела, в частности, контакты с джучидскими царевичами, рассматривались фрагментарно, что приводило к противоречиям, вызванными

сопоставлениями с другими источниками. Такая ситуация ознаменовала собой появление большого количества гипотез в современной историографии.

Все это обусловило необходимость обратиться к анализу ключевого эпизода из междоусобной войны тохтамышевичей, который был озвучен в «Хронике» Яна Длугоша. Для начала приводим полный текст исследуемого отрывка:

«Бетсубула, избранного Витовтом, Великим князем Литовским, ханом татарским, (вождь?) орды Керемберден побеждает в бою; однако победителя убивает его брат Йеремферден и берет власть в свои руки.

Татарский царь Керемберден после смерти своего отца султана Зеледина, который короля Польского Владислава и Александра Витольда в прусских походах поддерживал своим подкреплением, возвышенный на отцовский престол, отбросил давнюю приязнь и начал поднимать оружие против Александра Витовта и его государства. Витовт отвечая ему также неприязнью, решил лишить его трона, и с этой целью другого царевича татарского Бетсубула, наряженного в богатые меха и золотом тканую пурпурную накидку, в Вильно царем избрал, возвел и объявил; а войско, которое с собой привел, увеличив прочими татарскими людьми, выслал воевать против Керембердена, своего врага. Сразились они в ожесточенной схватке, в которой Бетсубул потерпел сокрушительное поражение и был убит. Немного позже сам Керемберден был убит своим родным братом Йеремферденом, который завладел его троном, и действуя предусмотрительно, также как отец уважал авторитет Александра. Правление его, поддерживаемое дружбой и помощью князя Александра, вскоре укрепилось; сам же Йеремферден ходил во все походы вместе с Александром Витовтом, и против любого из врагов давал вооруженную поддержку» (Jana Długosza 1869: 203-204). Текст сообщения отнесен Длугошем к 1418-му году. Схожее сообщение приводит Матвей Стрыйковский (Stryjkowski 1846: 156-157) и более поздняя «Хроника Литовская и Жмойтская» (ПСРЛ Т.32: 80).

«Татарский царь Керемберден». В.Д. Смирнов и М.Г. Сафаргалиев справедливо видели в «Керембердене» одного из сыновей Тохтамыш-хана Карим-берди (Смирнов 1887: 204; Сафаргалиев 1960: 189-190). К такому же выводу склоняется Р.А. Беспалов (Беспалов 2013: 35). Никоновская летопись под 1413 годом отмечает: «Тое же осени сяде в Орде на царстве царь Керим-Бердей» (ПСРЛ Т.11: 219). Согласно Шильтбергеру, Карим-берди правил 5 месяцев (Langmantel 1883: 42)[1]. Согласно «Муизз ал-ансаб» хан правил около года (История Казахстана в персидских источниках Т.III: 45).

«...После смерти своего отца султана Зеледина». Под Зелединoм здесь, без сомнения, фигурирует старший сын Тохтамыш-хана Джалал ад-дин. Никоновская летопись называет его «Зелени-Салтан царевич Тахтамышев сын» (ПСРЛ Т.11: 215). В 1412-м году Джалал ад-Дин занял трон в Золотой Орде, а спустя год «тот злый наш недруг царь Зелени-Салтан Тахтамышевич умре, застрелен на войне от своего брата

[1] «Упоминание о царствовании Карим-берди, сына Тохтамыш-хана. Как пишется в достоверных тюркских исторических книгах, после того как закончилась жизнь Джалал ад-дина, сына Тохтамыш-хана, его брат Карим-берди-хан, сын Тохтамыш-хана, устроился на ханское ложе и место правителя, приступил к выполнению царских церемоний и законов. Когда закончилось его время, он, так же, как и предшествующие ему, покинул трон» (Из «Та’рих-и арба’ улус» Мирза Улугбека 2007: 109).

Кирим-Бердея» (ПСРЛ Т.11: 219). В «Супрасльской летописи» хан упомянут как «Зивид солтан» (ПСРЛ Т.35: 35). В других западных летописях (например, летопись Красинского, летопись Рачинского, Ольшевская летопись и др.) о нем сообщается как о «Солтане», который «седее на царство повелением великаго господаря Витовта, и служаще ему с великою боязнию» (ПСРЛ Т.35: 76, 141, 163, 189 и др.). Упоминание об «отце», вероятно, связано со слабым знакомством Яна Длугоша с генеалогическим древом тохтамышевичей. Об этом факте пишет и Стрыйковский (Stryjkowski 1846: 156), а также «Хроника Литовская и Жмойтская» (ПСРЛ Т.32: 80). Исследовавший «Хронику» Н.Н. Улащук привел многочисленные примеры прямого заимствования из Стрыйковского, однако ряд сообщений составителем был переработан (Улащук 1968: 357-365). Некоторые изменения коснулись и исследуемого отрывка, о чем мы поговорим ниже.

«Витовт отвечая ему также неприязнью (Керембердену – *прим*.), решил лишить его трона, и с этой целью другого царевича татарского Бетсубула, наряженного в богатые меха и золотом тканую пурпурную накидку, в Вильно царем избрал, возвел и объявил; а войско, которое с собой привел, увеличив прочими татарскими людьми, выслал воевать против Керембердена, своего врага. Сразились они в ожесточенной схватке, в которой Бетсубул потерпел сокрушительное поражение и был убит». Вопрос идентификации Бетсубула не раз поднимался в исследовательской литературе. Первым на таинственного царевича обратил внимание В.Д. Смирнов (Смирнов 1887: 162-163), использовавший хронику Стрыйковского. М.Г. Сафаргалиев, исследуя эпизод междоусобной борьбы 1410-х гг., не уделил достаточного внимания этому царевичу, лишь предположив, что им может быть Бахтибек (Сафаргалиев 1960: 189). К этому же мнению склонился и А. Сивицкий (Сивицкий 2010: 116)[1]. К.К. Хромов предложил видеть в царевиче Бек-Суфи, сравнив его коронацию Витовтом с другим сообщением Матвея Стрыйковского об отправке «на царство Керкилски Магомета, а затем Давлет-Бердия» (Хромов 2006: 367-368). Р.А. Беспалов, вслед за К.К. Хромовым, также склонен видеть в царевиче Бек-Суфи (Беспалов: 2013: 35). А.Л. Пономарев, придерживаясь аналогичной точки зрения, отметил, что «Betsubul» и производные этого имени есть латинизированная форма имени Бек-Суфи, а судьба последнего у Длугоша «смешана с судьбой Дервиша, действительно повергнутого Керим Берди» (Пономарев 2013: 162, прим. 9). Р.Ю. Почекаев и Ж.М. Сабитов отождествляют искомого царевича с Кепеком (Почекаев 2012: 245; Сабитов 2013: 70). Такого же

[1] Действительно, в дополнениях к повествованию о потомках Чингис-хана у Рашид-ад-Дина, являющихся выдержками из «Муизз ал-ансаб», значится десятым сыном «Бахтибек-ходжа, с припискою: «Мать его, Шакарбек-ага, дочь эмира Арсака» (История Казахстана в персидских источниках Т.III: 45). Как же возникла такая путаница? Занимаясь данной проблемой, Т.И. Султанов отметил, что при издании 2-го тома СМИЗО, в публикуемых отрывках «Муизз ал-ансаб» были допущены серьезные ошибки. Согласно анонимному автору генеалогического сочинения при построении генеалогического древа использовался графический принцип, т.е. имена лиц мужского пола были выделены кружком, а женского – прямоугольником-квадратом. «Имена тех принцев, которые достигли верховной власти и царствовали, вписаны в прямоугольник с двойной линией, под которым – соединенным с ним линией – большой, очерченный двойной линией круг для изображения их портретов» (Султанов 2006: 120). Этот принцип не был соблюден при публикации 2-го тома СМИЗО, и, согласно Т.И. Султанову, «многие десятки принцесс дома Чингиз-хана, словно по мановению волшебной палочки, превратились в принцев» (Султанов 2006: 121). Очевидно, такая же метаморфоза произошла и с Бахти-беком.

мнения придерживались Б.Д. Греков и А.Ю.Якубовский, ссылаясь при этом на труд Б. Шпулера (Греков, Якубовский 1950: 403).

«Немного позже сам Керемберден был убит своим родным братом Йеремферденом, который завладел его троном, и действуя предусмотрительно, также как отец уважал авторитет Александра. Правление его, поддерживаемое дружбой и помощью князя Александра, вскоре укрепилось; сам же Йеремферден ходил во все походы вместе с Александром Витовтом, и против любого из врагов давал вооруженную поддержку». Под «Йеремферденом» М.Г. Сафаргалиев склонен видеть еще одного сына Тохтамыш-хана Джаббар-берди (Сафаргалиев 1960: 190). Действительно, Самарканди сообщает под 819 г.х. (1 марта 1416 – 17 февраля 1417 г.): «Из Хорезма пришло известие, что Джаббар-берди, обратив в бегство Чингиз-оглана (Чекре-хан – прим.), овладел улусом Узбекским» (История Казахстана в персидских источниках Том IV: 372).

Первоначально картина выглядит следующим образом. Младший брат Джалал ад-Дина Карим-берди при поддержке Витовта убил своего старшего брата, и занял престол, однако впоследствии перестал устраивать литовского князя, который, инициировав очередную смуту, короновал в Вильно таинственного Бетсбула, убитого впоследствии Карим-берди. Очевидно, Витовта не устраивал сильный хан: в результате чего он поддерживает еще одного сына Тохтамыш-хана Джаббар-берди, который в конечном счете убивает брата, позже смещает Чекре-хана, становясь новым ханом, пользуясь поддержкой могущественного литовского союзника. Логично предположить, что все действующие лица здесь сыновья Тохтамыша, включая и Бетсабула[1].

На данный момент наиболее аргументированными выглядит отождествление Бетсабула с Бек-Суфи и Кепек-ханом. Сторонники первого подхода указывают, что события, отмеченные в Хронике Длугоша, происходили в 1418-м году, а появление Бек-Суфи на широкой политической арене произошло годом позже (Пономарев 2013: 162-163). Соответственно, убийство Бетсабула Карим-берди – ошибка (Беспалов 2013: 35). Присутствует также и явное сходство имен Бек-Суфи и Бетсубула (Betsubul, Betsubulan). Однако у этой точки зрения есть свои сложности.

Отголосок вышеупомянутого противостояния нашел отображение в иных источниках. В «Codex epistolaris vitoldi» в письме от 15 июля 1416 года сообщается следующее: «Также известно, что король Татарии, который убил своего брата, в бегах и (с) Тартарами в Литовии спасен, и через четыре или пять дней прибудет к Витовту» (Codex epistolaris Vitoldi 1882: 352). Также сообщалось, что в стране Витовта татары взяли замок с пленными, что свидетельствовало об отголосках междоусобной войны между тохтамышевичами. На этот фрагмент обратил внимание М.Г. Сафаргалиев, который счел возможным утверждать, что здесь был убит сын Тохтамыша Кепек (Сафаргалиев 1960: 190)[2]. Нет сомнения, что бежавший «король» -

[1] К такому же мнению в свое время пришел Б.Н. Флоря (Флоря 2001: 194. Прим. 63).

[2] В действительности это не так. Вот что пишет Махмуд бен Вали в сочинении «Бахр ал-асрар» о Кепеке: «Когда Кебек-хан скончался, военачальники и сановники государства, учитывая его блестящие способности, вручили ему узды важных дел ханства и дела управления государством. Чекре-хан после вступления [на престол] приложил много усилий для защиты чести шахства» (История Казахстана в персидских источниках Том IV: 289,

поддержанный Витовтом Джаббар-берди, а убитый им брат – Карим-берди. Соответственно, убийство Бетсабулы произошло ранее 1416 года. Помимо этого, Матвей Стрыйковский упоминает Тохтамыша Бетсабула, сообщая, что «Керим-берди победил брата Тохтамыша. Срубив его, хотел и имя его сжить со света» (Stryjkowski 1846: 156). Таким образом, есть основания продолжить поиск царевича среди детей Тохтамыша, коим Бек-Суфи не являлся.

Доводов в пользу связки Бетсабул=Кепек также немного. В исследовательской литературе судьба Кепека почему-то выглядит неясной[1]. Ж.М. Сабитов счел возможным утверждать, что Кебек-огул в искаженном написании записан как «Бетс(Бек)-абул(огул)» (Сабитов, 2013, с.70). Не совсем понятно использование приставки «огул». Ю.В. Селезнев предположил, что данная приставка использовалась для указания принадлежности к роду Чингиз-хана (Селезнев, 2009, с.191). В источниках встречаются персонажи с такой приставкой. В государстве Хулагуидов при Олджайту упомянуты Эсен-Бука-огул и Баба-огул (История Казахстана в персидских источниках Том IV: 276), причем последний своевольно совершил набег на Хорезм, чем прогневал султана и был казнен. В контексте повествования неясно, относились ли эмиры с этой приставкой к роду Чингизхана, однако можно утверждать, что они принадлежали к числу высших сановников государства. Соответственно, сам Кепек не мог носить такую приставку как не соответствующую его статусу. Касаемо искаженного имени, то отметим, что в «Тарих-и арба-улус» имя Кепек передано как Кийик (Из «Та'рих-и арба' улус» Мирза Улугбека 2007: 109). Имеющееся в латинизированном издании имя Бетсабулы Betsubulan (Пономарев 2013: 162, прим. 9) можно расшифровать как Бетсуб-оглан, т.е. царевич, но никак не огул.

Достаточно слабая аргументация, приведенная исследователями, актуализирует поиск дополнительных доказательств в поддержку гипотезы Бетсабул=Кепек. Об участии искомого царевича в междоусобице отмечает Шильтбергер: «И затем пришел Джалал ад-Дин вновь и изгнал Пулада и убил Темира и стал королем и правил 14 месяцев. И затем пришел его брат, называемый Кепек, который сражался с ним за королевство и Кепек столкнул своего брата, короля, в смерть, но сам не стал королем. У него был другой брат, называемый Карим-берди, он стал королем и правил около 5 месяцев. Тогда снова пришел его брат Кепек и изгнал своего брата Карим-берди и стал королем[2]. И затем пришел

прим. 12). В «Тарих-и арба улус» имя Кепека поставлено между Карим-берди и Чекре (Из «Та'рих-и арба' улус» Мирза Улугбека 2007: 109). Поскольку Чекре правил между 1414-1416 гг., то смерть Кепека была не ранее 1414 года.

[1] Так, Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский «подарили» хану свой улус, сообщая об его участии в междоусобной войне 1420-х гг. сославшись при этом на работу Б. Шпулер (Греков, Якубовский 1950: 411-412, прим. 4). Р.Ю. Почекаев также счел возможным говорить о Кепек как о действующем лице последующей междоусобицы, сославшись при этом на работу Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского. Исследователь в качестве довода привел некие сведения русских летописцев (Почекаев 2012: 245). Отметим, что в летописях касательно событий 1420-х годов Кепек нигде не упомянут.

[2] «Муизз ал-ансаб»: «Описание Кебек-хана, сына Тухтамиша (правил после Карим-берди около года)…» (История Казахстана в персидских источниках Том III: с.45).

Едигей и Чегра, при котором я был, и изгнали короля» (Langmantel 1883: 42-43)[1]. Сообщение об убийстве Кепеком Джалал ад-Дина напрямую противоречит русским летописям, так же, как и изгнание Кепеком Карим-берди. О смерти Кепека в 1414 году сообщает Махмуд бен Вали[2]. Таким образом, более ранний источник в лице Иоганна Шильтбергера не подтверждает приведенный рассказ в Хронике Длугоша.

Несмотря на несовпадения в хронологии событий, обоим авторам, на наш взгляд, удалось уловить в своих произведениях отголосок реально происходившей междоусобицы между царевичами. Следующий отрывок из «Хроники Литовской и Жмотийской» позволяет по-иному взглянуть на рассматриваемые выше события: «Керембердек, сын его, осел, а столец отцевский, хотячи шаблею от Витолта отбити, чого Витолт не стерпел, почал готоватися з войском, хотячи Керембердека з панства зсадити, Токтамиша Бедзбула в Вилни короновал, яко заволских татар звычай потребовал, убравши его в злотоглав, шлык на него зложил перловый, мовячи, иж Тактомыш царь заволский новый. И орды Заволской часть едина при нем стояла, а часть другая Керембердека за цара мела, а скоро тые два царики войыу з собою о царство сточили и долго шабли свои в крови татар своих зобополне гартовали. Наостаток Керембердек Токтомиша звитяжил» (ПСРЛ Т.32: 80). Обращает на себя внимание четкое разделение в тексте «орды Заволской» на две части, что присутствует у польских авторов весьма смутно. Свидетельство же о «Бедзбуле» как о тохтамышевиче, несмотря на относительно поздний характер летописи (XVII век) позволяет интерпретировать искомого царевича как Кепек-хана.

Исследователями уже критиковался вышеописанный отрывок из Длугоша, где Джалал ад-Дином был назван отцом Карим-берди (Пономарев 2013: 162), но эпизод с убийством Джаббар-берди своего брата получает продолжение в «Codex epistolaris Vitoldi», что не позволяет сбрасывать со счетов историчность повествования Длугоша.

Примечательно, что в генеалогических сочинениях среди детей Тохтамыш-хана фигурирует некий Абу Са’ид («Муизз ал-ансаб»), или Бу-Са’ид («Таварих-и гузида-йи нусрат-наме») (История Казахстана в персидских источниках Том III: 45-46; Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков 1969: 39). Несмотря на внешнее сходство имен, других сведений, к сожалению, о царевиче найдено не было.

ЛИТЕРАТУРА

Беспалов 2013 - *Беспалов Р.А.* Литовско-ордынские отношения 1419-1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 30-52.

Греков, Якубовский 1950 - *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 500 с.

[1] Проблемы историчности приводимых Иоганном Шильтбергером сведений были подняты автором в соответствующей статье (Парунин 2015: 88-95).

[2] Датировать смерть тохтамышевича позволяют нумизматические материалы его преемника Чекре, согласно которым последний правил в 1414-1416 гг. (Сафаргалиев 1960: 191).

Из «Та’рих-и арба’ улус» Мирза Улугбека 2007 - Из «Та’рих-и арба’ улус» Мирза Улугбека // История Казахстана в персидских источниках. Т. V. Извлечения из сочинений XIII-XIX вв. / Отв. ред. и сост. М.Х. Абусеитова. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 88-112.

История Казахстана в персидских источниках. Том III 2006 - История Казахстана в персидских источниках. Том III. Му’изз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии) / Отв. ред. А.К. Муминов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.

История Казахстана в персидских источниках. Том IV 2006 - История Казахстана в персидских источниках. Том IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусеитова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с.

Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков 1969 - Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Наука. 1969. 655 с.

Парунин 2015 - *Парунин А.В.* «Путешествие» Иоганна Шильтбергера как источник по истории Золотой Орды первой четверти XV века // Сибирский сборник. Вып. 3 / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, З.А. Тычинских. Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2015. С. 88-95.

Пономарев 2013 - *Пономарев А.Л.* Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Кафы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158-190.

Почекаев 2012 - *Почекаев Р.Ю.* Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 464 с.

ПСРЛ Т. 11 - Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897. 254 с.

ПСРЛ Т. 32 - Полное собрание русских летописей. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975. 235 с.

ПСРЛ Т. 35 - Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 306 с.

Сабитов 2014 - *Сабитов Ж.М.* К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. НАН України. Інститут історії України. Київ: Інститут історії України, 2014. С. 63-74.

Сафаргалиев 1960 - *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.

Селезнев 2009 - *Селезнев Ю.В.* Элита Золотой Орды. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.

Сивицкий 2010 - *Сивицкий А.* Литва, Русь и Орда. Роль Великого княжества Литовского в распаде Золотой Орды и образовании Крымского ханства (XIV-XV века) // Беларуская думка. 2010. № 10. С. 112-120.

Смирнов 1887 - *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 772 + XXXV с.

Султанов 2006 - *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.

Уланщук 1968 - *Уланщук Н.Н.* «Литовская и Жмоитская хроника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйковского // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 357-365.

Флоря 2001 - *Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430-1460) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М.: Наука, 2001. С.172-196.

Хромов 2006 - *Хромов К.К.* Правления ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419-1422 гг. по нумизматическим данным // Історико–географічні дослідження в Україні. Зб. наук. праць. Число 9. Киев: Інститут історії України НАН України, 2006. С. 366-372.

Codex epistolaris Vitoldi 1882 - Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430. Cracoviae: Acad. Literarum, 1882. 1113 p. + CXVI s.

Jana Długosza 1869 - Jana Długosza kanonika krakowskiego dzieła wszystkie. T. IV. Кн. XI-XII. Kraków, 1869. 558 p. + XXIII s.

Langmantel 1883 - *Langmantel V.* Hans Schiltbergers Reisebuch. Stuttgart, 1883. 200 p.

Stryjkowski 1846 - *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litowska, Zmodska I Wszystki Rus. T. II. Warzava, 1846. 552 p.

REFERENCES

Bespalov 2013 - *Bespalov R.A.* Litovsko-ordynskie otnoshenija 1419-1429 godov i pervaja popytka obrazovanija Krymskogo hanstva [Lithuanian and Horde relations of 1419-1429 and first attempt of formation of the Crimean khanate], in: Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Vyp. V [Materials on archeology and history of the antique and medieval Crimea. Release of V], Sevastopol; Tyumen, 2013, pp. 30-52 [in Russian].

Codex epistolaris Vitoldi 1882 - Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430 [Letters of the Grand Duke Lithuanian 1376-1430], Cracoviae, Acad. Literarum, 1882, 1113 p. + CXVI p. [on Latin].

Florja 2001 - *Florja B.N.* Orda i gosudarstva Vostochnoj Evropy v seredine XV veka (1430-1460) [Horde and the states of Eastern Europe in the middle of the XV century (1430-1460)], in: Slavjane i ih sosedi. Slavjane i kochevoj mir. Vyp. 10 [Slavs and their neighbors. Slavs and nomadic world. Release 10], Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 172-196 [in Russian].

Grekov, Jakubovskij 1950 - *Grekov B.D., Jakubovskij A.Ju.* Zolotaja Orda i ejo padenie [Golden Horde and its falling], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1950, 500 p. [in Russian].

Hromov 2006 - *Hromov K.K.* Pravlenija hanov v Krymskom uluse Zolotoj Ordy v 1419-1422 gg. po numizmaticheskim dannym [Boards of khans in the Crimean ulus of the Golden Horde in 1419-1422 according to numismatical data], in: Istoriko–geografichni doslidzhennja v Ukraïni. Zb. nauk. prac'. Chislo 9 [Historical and geographical researches in Ukraine: Collection of scientific works. Volume 9], Kiev, Institut istoriï Ukraïni NAN Ukraïni Publ., 2006, pp. 366-372 [in Russian].

Istorija Kazahstana v persidskih istochnikah. Tom III 2006 - Istorija Kazahstana v persidskih istochnikah. Tom III. Mu'izz al-ansab (Proslavljajushhie genealogii) / Otv. red. A.K. Muminov [History of Kazakhstan in the Persian sources. Volume III. Mu'izz is scarlet-ansab (Glorifying genealogy) / the Editor-in-chief A.K. Muminov], Almaty, Dajk-Press Publ., 2006, 672 p. [in Russian].

Istorija Kazahstana v persidskih istochnikah. Tom IV 2006 - Istorija Kazahstana v persidskih istochnikah. Tom IV. Sbornik materialov, otnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. Izvlechenija iz persidskih sochinenij, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym / Otv. red. M.H. Abuseitova [History of Kazakhstan in the Persian sources. Volume IV 2006 - History of Kazakhstan in the Persian sources. Volume IV. The collection of the materials relating to history of the Golden Horde. The extraction from the Persian compositions collected by V.G. Tizengauzen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin / editor-in-chief. M.H. Abuseitova], Almaty, Dajk-Press Publ., 2006, 620 p. [in Russian].

Iz «Ta'rih-i arba' ulus» Mirza Ulugbeka 2007 - Iz «Ta'rih-i arba' ulus» Mirza Ulugbeka [From «Ta'Rikh-i bullock cart 'ulus» Mirza Ulugbeka], in: Istorija Kazahstana v persidskih istochnikah. T. V. Izvlechenija iz sochinenij XIII-XIX vv. / Otv. red. i sost. M.H. Abuseitova [History of Kazakhstan in the Persian sources. Volume V. Extraction from compositions of the XIII-XIX centuries / the Editor-in-chief and the originator M.H. Abuseitova], Almaty, Dajk-Press Publ., 2007, pp. 88-112 [in Russian].

Jana Długosza 1869 - Jana Długosza kanonika krakowskiego dzieła wszystkie. T. IV. Kn. XI-XII [Works of the Krakow canon Jan Dlugosh. Volume IV. Books of XI-XII], Kraków, 1869, 558 p. + XXIII p. [in Polish].

Langmantel 1883 - *Langmantel V.* Hans Schiltbergers Reisebuch [Hans Shiltberger's book], Stuttgart, 1883, 200 p. [in German].

Materialy po istorii kazahskih hanstv XV-XVIII vekov 1969 - Materialy po istorii kazahskih hanstv XV-XVIII vekov (Izvlechenija iz persidskih i tjurkskih sochinenij) / Sost. S.K. Ibragimov i dr. [Materials on stories of the Kazakh khanates of the XV-XVIII centuries (Extraction from the Persian and Turkic compositions) / the Originator S.K. Ibragimov and others], Alma-Ata, Nauka Publ., 1969, 655 p. [in Russian].

Parunin 2015 - *Parunin A.V.* «Puteshestvie» Ioganna Shil'tbergera kak istochnik po istorii Zolotoj Ordy pervoj chetverti XV veka [Johann Shiltberger's «travel» as a source on stories of the Golden Horde of the first quarter of the XV century], in: Sibirskij sbornik. Vyp. 3 / Otv. red. D.N. Masljuzhenko, Z.A.

Tychinskih [Siberian collection. Release 3 / Editor-in-chief D.N. Maslyuzhenko, Z.A. Tychinsky], Kurgan, Izd-vo Kurganskogo un-ta Publ., 2015, pp. 88-95 [in Russian].

Pochekaev 2012 - *Pochekaev R.Ju.* Cari Ordynskie. Biografii hanov i pravitelej Zolotoj Ordy [Tsars Horde. Biographies of khans and governors of the Golden Horde], St. Petersburg, EVRAZIJa Publ., 2012, 464 p. [in Russian].

Ponomarev 2013 - *Ponomarev A.L.* Pervye hany Kryma: hronologija smuty 1420-h godov v schetah genujezskogo kaznachejstva Kafy [First khans of the Crimea: chronology of a distemper of the 1420th years in accounts of the Genoa treasury of Kafy], in: Zolotoordynskoe obozrenie [Zolotoordynsky review], 2013, № 2, pp. 158-190 [in Russian].

PSRL T. 11 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 11. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju [Complete collection of the Russian chronicles. Volume 11. The annalistic collection called by the Patriarchal or Nikonovsky chronicle], St. Petersburg, 1897, 254 p. [in Russian].

PSRL T. 32 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 32. Hroniki: Litovskaja i Zhmojtskaja, i Byhovca. Letopisi: Barkulabovskaja, Averki i Pancyrnogo [Complete collection of the Russian chronicles. Volume 32. Chronicles: Lithuanian and Zhmoytsky, and Bykhovtsa. Chronicles: Barkulabovskaya, Averki and Pantsyrny], Moscow, Nauka Publ., 1975, 235 p. [in Russian].

PSRL T. 35 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 35. Letopisi belorussko-litovskie [Complete collection of the Russian chronicles. T. 35. Chronicles Belarusian-Lithuanian], Moscow, Nauka Publ., 1980, 306 p. [in Russian].

Sabitov 2014 - *Sabitov Zh.M.* K voprosu o genealogii zolotoordynskogo hana Bek-Sufi [To a question of genealogy of the zolotoordynsky khan Beck-Sufi], in: Krim vid antichnosti do s'ogodennja: Istorichni studiï. NAN Ukraïni. Institut istoriï Ukraïni [The Crimea from antiquity to the present: Historical researches. NAN of Ukraine. Institute of history of Ukraine], Kiev, Institut istoriï Ukraïni Publ., 2014, pp. 63-74 [in Russian].

Safargaliev 1960 - *Safargaliev M.G.* Raspad Zolotoj Ordy [Disintegration of the Golden Horde], Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, 279 p. [in Russian].

Seleznev 2009 - *Seleznev Ju.V.* Jelita Zolotoj Ordy [Elite of the Golden Horde], Kazan, Izdatel'stvo «Fjen» AN RT Publ., 2009, 232 p. [in Russian].

Sivickij 2010 - *Sivickij A.* Litva, Rus' i Orda. Rol' Velikogo knjazhestva Litovskogo v raspade Zolotoj Ordy i obrazovanii Krymskogo hanstva (XIV-XV veka) [Lithuania, Russia and Horde. A role of Grand Duchy of Lithuania in disintegration of the Golden Horde and formation of the Crimean khanate (the XIV-XV century)], in: Belaruskaja dumka [Belarusky thought], 2010, № 10, pp. 112-120 [in Russian].

Smirnov 1887 - *Smirnov V.D.* Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoj Porty do nachala XVIII veka [The Crimean khanate under supremacy Ottoman Ports before the beginning of the XVIII century], St. Petersburg, 1887, 772 + XXXV p. [in Russian].

Stryjkowski 1846 - *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litowska, Zmodska I Wszystki Rus. T. II [Chronicle Polish, Lithuanian, Zhemoytsky and all Russia. Volume II], Warzava, 1846, 552 p. [in Polish].

Sultanov 2006 - *Sultanov T.I.* Chingiz-han i Chingizidy. Sud'ba i vlast' [Chinghiz khan and Chingizida. Destiny and power], Moscow, AST Publ., 2006, 445 p. [in Russian].

Ulanshhuk 1968 - *Ulanshhuk N.N.* «Litovskaja i Zhmoitskaja hronika» i ee otnoshenie k hronikam Byhovca i M. Stryjkovskogo [«The Lithuanian and Zhmoitsky chronicle» and its relation to Bykhovts and M. Stryykovsky's chronicles], in: Slavjane i Rus' [Slavs and Russia], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 357-365 [in Russian].

Парунин Алексей Владимирович - Научный сотрудник Государственного научно-производственного центра по охране культурного наследия Челябинской области.
Parunin Alexey Vladimirovich - Researcher State Research and Production Centre for the Protection of Cultural Heritage of the Chelyabinsk region.
E-mail: therion12399@gmail.com

УДК 94(367)

ЯН ДЛУГОШ, РУСЬ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛЬШИ И ДУЛЕБ, ПРАРОДИТЕЛЬ ДУЛЕБОВ*

А.С. Кибинь
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199304, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9
e-mail: a.kibin@spbu.ru
Researcher ID: N-2567-2015
http://orcid.org/0000-0002-6216-3484
SPIN-код: 1446-7773

Авторское резюме

Отталкиваясь от этнографического каталога ПВЛ, автор «Анналов польского королевства» Ян Длугош по какой-то причине предоставил дулебам (дулебянам) одно из важных мест в своем рассказе о русинских народах наряду с полянами, радимичами и вятичами. К «Анналам» возникает много вопросов – почему дулебяне вообще в них упоминаются – ведь большинство других этнонимов ПВЛ из рассказа исчезли, почему вопреки сочувственному рассказу о примученных дулебах в ПВЛ у Длугоша нравственный образ дулебян, как и радимичей и вятичей, становится отрицательным, и наконец, откуда в повествовании появился эпоним-прародитель дулебян Дулеба? В статье сделана попытка ответить на эти вопросы, а также проследить дальнейшую судьбу фрагмента о Дулебе и дулебянах в литературе XVI-XVIII вв. Используя его переработку Мацеем Стрыйковским, иезуит Юзеф Пажовский создал своеобразную теорию об основании дулебами Новогрудка, проецируя в прошлое свои представления о культурной идентичности населения балто-славянского пограничья вокруг Новогрудка в середине XVIII в.

Ключевые слова: Новогрудок, историография, Польша, Русь, дулебы, Ян Длугош, конструкция идентичности.

JAN DŁUGOSZ, RUS' AS A CONTINUATION OF POLAND AND DULEB A DULEBIAN PROGENITOR

Aleksiej Kibiń
Saint Petersburg State University
7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: a.kibin@spbu.ru

Abstract

Relying on the tribal list in the Primary Chronicles, Jan Długosz, the author of the Annals of the Famous Kingdom of Poland, evaluated the role of the Dulebi in the history of the Ruthenes as important as the one of the Polanians, or Radimichi, or Vyatichi. The Annals is quite controversial: why did it talk about the Dulebi at all, whereas most of the other Primary Chronicle ethnonyms were not mentioned in the text? Why, contrary to the compassionate tone of the Chronicles about the downtrodden Dulebi, did Długosz'

* Статья выполнена по проекту РГНФ 15-21-01003 а(м) «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в средние века и раннее новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов, руководитель А.И. Филюшкин.

image of the Dulebi become negative, as well as his opinion of the Radimichi and the Vyatichi? And finally, where did Duleba, the eponymous progenitor of the Dulebi, come from? The paper attempts to answer these questions, as well as to trace the further fate of Duleba and the Dulebi in the literature of the 16th-18th centuries. Jesuit Józef Pazowski, using Maciej Stryjkowski as his editor, created an original theory about the founding of Nowogródek by the Dulebi, projecting into the past his view of the cultural identity of the population on the Balto-Slavic frontier near Nowogródek in the middle of the 18th century.

Keywords: Nowogródek, historiography, Poland, Rus', Dulebi, Jan Długosz, construction of identity.

* * *

Анналы или хроники славного королевства Польши (Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae) составлены краковским каноником, дипломатом и воспитателем королевских детей Яном Длугошем[1] в 1455-1480 гг. В отрывке под заголовком «Как росла Русь и кем были построены главнейшие города и крепости», который входит в ту часть, которая была подготовлена в черновом варианте уже к 1461 г. (см. Щавелева 2004: 26 и след.), он пишет о трех братьях Кие (Kyg), Щеке (Szczyek), Кореве (Korew) и сестре их Либеди (Libed) (Annales: 121).

Как и многие другие отрывки «Анналов» о Руси, рассказ о полянских князьях взят из летописного источника и восходит к ПВЛ, но изменен почти до неузнаваемости. Главным нововведением Длугоша, которое позволило придать этому сюжету совершенно отличное от ПВЛ звучание, была идея тождественности киевских полян (полѧне) полякам (poloni, polani). Начало князей Руси краковский каноник отнес ко времени упадка польской монархии после прекращения рода Леха – пока остальные поляки были заняты гражданской войной и погрязли в беззакониях, три благородных брата смогли сохранить надлежащий правильный порядок и перенести его на восток. Благодаря силе и уму Кий, Щек и Корев легко получили главенство в своем роде, затем подчинили своей власти остальных и дали начало новым народам и родам. Они же построили на Руси три главных крепости, дав им свои имена (Annales: 121; Щавелева 2004: 225-226).

Для Длугоша вопрос о первых русских правителях был вопросом внутрипольской истории, поскольку он последовательно старался представить Русь продолжением польских земель, пусть и населенных народом схизматиков. Его повествование проникнуто идеей о династическом главенстве польских князей и королей над русинами, которая обосновывается родовым старшинством легендарного прародителя лехитов Леха над его потомком или родственником (nepos) Русом (Щавелева 2004: 72, 218). В Анналах сознательно искажена предшествующая литературная традиция, в которой Лех, Чех и Рус считались братьями (см. Щавелева 2004: 369-370, прим. 32). Множество русинских сюжетов, заимствованных Длугошем из летописей или польских хроник и рочников, перерабатывались в духе подтверждения исторической легитимности вхождения русских земель в состав владений польского короля (Щавелева 2004: 54-65). Причем речь идет не только об уже входившем в состав Малопольши Русском палатинате, но

[1] В связи с 600-летием рождения Яна Длугоша польский сейм провозгласил нынешний 2015 г. годом Яна Длугоша. На портале http://jandlugosz.edu.pl/ можно ознакомиться с программой его мероприятий.

и русинских территориях Великого княжества Литовского – не даром Неман и Днепр зачислены Длугошем в число польских рек (Щавелева 2004: 68-71, 214-218). Таким образом, прошлое выступает на страницах Анналов обоснованием династической интеграции монархии Ягеллонов. Морализаторский настрой латинского каноника (который, кстати, перед самой смертью был назначен Львовским епископом), выразился в указаниях на нравственное превосходство поляков-католиков над русинами, которым слишком часто приписываются жестокость, любострастие, содомия, хитрость и несоблюдение присяги (Щавелева 2004: 56-60).

В тексте рассказа о первых правителях Руси, который представляет собой сокращенную переработку ПВЛ[1], упомянуты еще три польских князя (polonorum duces): Радим, Вятко и Дулеб.

Лаврентьевская летопись
(ПСРЛ. Т.1.: 12-13)

… Радимичи бо и Вѧтичи ѿ Лѧховъ . бѧста бо . в҃ . брата в Лѧсѣх . Радимъ . а другому Вѧтко и пришедъша . сѣдоста Радимъ на Съжю . [и] прозв[а]шасѧ Радимичи . а Вѧтъко сѣде съ родомъ своимъ по Ѡцѣ . ѿ негоже прозвашасѧ Вѧтичи . ~~иже бѧху в мирѣ Полѧне . и Деревлѧне . [и] Сѣверъ и Радимичь . и Вѧтичи . и Хрвате~~ .

Дулѣби живѧху по Бу҃ гдѣ нъıне Велъıнѧне ~~. а Оулучи Тиверьци . сѣдѧху бо по Днѣстру . присѣдѧху къ Дунасви бѣ множьство ихъ . сѣдѧху бо по Днѣстру . или до морѧ . [и] суть гради их . и до сего дн҃е . да то сѧ зваху ѿ Грекъ . Великаꙗ Скуфь~~ .

«Анналы» Длугоша
(Annales: 121)

… Erant et alii Polonorum duces, videlicet Radzym et Wyathko, quorum unus videlicet Radzim in flumine Szaszv, alter Wyathko in flumine Okka considentes, de nominibus suis regionibus et populis vocabula indiderunt: a Radzim enim Radziniczanye, a Wyathko Wyathiczanye vocati sunt. Qui ad fluvium Bug consederunt, Dulyebyenye a duce eorum Dylyeba vocitabantur, qui postea Wolhanye sunt et nunc Luczanye appellati

Описание расселения потомков Радима и Вятка почти дословно соответствует ПВЛ, однако затем текст ПВЛ о расселении славян сокращается: в нем нет длинного списка из древлян, северян, хорватов, улучей и тиверцев, которых зовут «Великая Скуфь», а появляется Дулеб и лучане, в ПВЛ отсутствующие. То, что краковский каноник сосредоточил свое внимание на радимичах и вятичах – вполне объяснимо: в летописи они названы потомками двух братьев, которые пришли «от ляхов» – трудно сомневаться, что для оформления теории Длугоша о первоначальной

[1] Эволюция рассказа о Кие, Щеке и Хориве в работах Длугоша и Стрыйковского рассматривалась Ю.В. Лущаем (Лущай 2011). Отметим лишь, что написание Kyg вместо «Kij» вполне приемлемо для чешской и польской графики XV в., а не ошибка Длугоша.

польскости Руси это утверждение было столь же ценным, сколь и замеченное им сходство имен киевских полян и поляков.

Длугош стандартизировал перечисленные этнонимы, присоединив к ним одинаковый суффикс (радимич*ане*, вятич*ане*, дулеб*яне*), такая форма имени дулебов станет наиболее распространенной в историографии до конца XVIII в. Заимствуя из ПВЛ указание территории расселения дулебян по Бугу, Длугош трактует летопись так, что Дулебы не ушли с Буга, а стали называться волынянами (в форме *Wolhanye* – впоследствии такое написание станет причиной неожиданных ассоциаций этнонима волынян с Волгой). Сейчас «воляне», поясняет Длугош, зовутся лучанами (*Luczanye*). Упоминание лучан стало для поводом для изобретения еще одного «племени», входившего в состав волынян. В XVIII-XIX веке их иногда отождествляли также с лютичами. Н.Ф. Котляр, указывая, что название лучан выведено от города Луцка, считал «загадочным» утверждение, что дулебы со временем стали так называться. Он предположил «возможно, в старину так называли какую-то часть громадного племенного союза волынян, живших по соседству с дулебами» (Котляр 1986: 29).

Длугош называет лучан *современным* обозначением потомков дулебян. Луцк с XIV века был главным волынским политическим и экономическим центром, фактически – южной литовской столицей (достаточно вспомнить луцкий съезд 1429 г.). Вероятно, одним из мотивов пояснения Длугоша было намерение выделить политическое значение этого волынского центра и луцкой знати.

Наконец, главное нововведение: Длугош утверждает, что дулебяне названы так по имения прародителя Дулеба (Dylyeba). В Повести временных лет такого эпонима нет, есть только Радим и Вятко. Н.Ф. Котляр объяснял включение третьего персонажа в рассказ тем, что цифра три принадлежит к магическим числам фольклора, не только русского (Котляр 1986: 28-29).

Дело, как можно предположить, не столько в магии, сколько в равновесии литературной композиции: выдающейся умом и силой троице Кий, Щек и Корев, строителям трех первых русских крепостей, нравственно противостоит троица Радим, Вятко, Дулеб, потомки которых жили в лесах. Этот вывод можно сделать на основании дальнейшего текста, который повествует о нравственном превосходстве потомков Кия, Щека и Корева над радимичанами, вятичанами и дулебянами.

Противопоставление кротких нравов полян диким нравам жителей леса также заимствовано из ПВЛ, и ее текст также значительно сокращен. Он получился не во всем последовательным: с одной стороны, нравственное превосходство потомков полян-поляков Кия, Щека и Корева над потомками Радима, Вятко и Дулеба объясняется тем, что они были поляками, с другой стороны, последние также считаются польскими князьями.

Имѧху бо обычаи свои и законъ ѡць своих и преданьæ кождо свои нравъ . Полѧне бо своих ѡц҃ь ѡбычаи имуть . кротокъ и тихъ . и стыдѣньє къ снохамъ своимъ . и къ сестрамъ . къ мт҃рмъ и к родителемъ своимъ . къ свекровемъ и къ	*Habebant autem naciones Ruthenorum ex Polonis descendentes in ducendis uxoribus et contrahendis matrimoniis inter sorores germanas et propinquas cognatas discrecionem, abstinendo a concubitu earum, propter quam honestatem sorciebantur in vitam longos dies.* <u>*Dvlyebyanye*</u>

деверемъ . велико стыдѣньє имѣху . брачнъıи ѡбычаи имѧху . не хожеше зѧть по невѣсту. но приводѧху вечеръ . а завътра приношаху по неи . что вдадуче . а ~~Древлѧне~~ живѧху звѣриньскимъ ѡбразомъ . жиоуще скотьски . оубиваху другъ друга . ѩдѧху вса нечисто . и брака оу нихъ не бываше . но оумъıкиваху оу водъı дв҃цѧ . и Радимичи и Вѧтичи . и ~~Сѣверъ~~ . ѡдинъ ѡбычаи имѧху …

(*далее следует пространный отрывок о безнравственности упомянутых народов, кривичей и прочих поганых – ПСРЛ. Т.1.: 13-14*)

vero et hii, qui processerunt ex Radzim et Wyathko, habitabant more ferarum in silvis, comedentes omnem immundiciam pudoreque soluto et cognatis et alienis uxoribus, rapiendo illas, miscebantur (Annales: 121).

Обратим внимание на наиболее важное обстоятельство: Длугош приписывает звериный обычай дулебянам, заменяя ими в летописи древлян («Дулебы же и те, которые произошли от Радима и Вятко, жили звериным обычаем в лесах, ели все нечисто и, отбросив стыд, сочетались и с родственницами, и с чужими жёнами, которых похищали»). В летописи жизнь в лесах, поедание нечистого и безнравственное поведение приписываются только древлянам, кривичам, северянам, радимичам и вятичам. Дулебы упоминаются только как бывшие обитатели территории по Бугу и жертва насилия обров.

Заметим, что Длугош не мог не ознакомиться с рассказом о притеснении дулебов, который читается в ПВЛ выше и отделен от вдохновившей его историческую концепцию сентенции о полянах лишь несколькими строками о приходе печенегов и черных угров[1].

Итак, процесс редактирования летописи вызывает вопрос: почему из числа множества этнонимов Длугош выбрал дулебов, которым изобрел прародителя Дулеба (причем не просто выбрал, а заменил ими древлян)? Почему древляне не остались на их месте или не были заменены кривичами?

Вряд ли здесь дело в простой случайности. На создание подобной конструкции мог вдохновить летописный текст, в котором уже есть два эпонимических персонажа – Радим и Вятко, которые были «от ляхов». Имя Радим знакомо западным славянам: Радимом-Гауденцием звали брата св. мученика Войцеха-Адальберта. Кий, Щек, Корев были полянами по определению. Наиболее вероятно, что введение эпонимического родоначальника Дулеба укладывалось в антропонимическую теорию, поскольку в Польше того времени подобный антропоним также имел хождение. Источники XV в. фиксируют людей с таким

[1] В ней, кстати, утверждается, что только поляне и древляне произошли от *словен*, а радимичи и вятичи – *от ляхов* «Полѧномъ же жиоущемъ ѡсобѣ . ѩкоже рекохомъ . суще ѡ рода Словѣньска . и нарекошасѧ Полѧне . а Древѧнѧ же ѿ Словѣнъ же . и нарекошасѧ Древлѧне . Радимичи бо и Вѧтичи ѿ Лѧховъ» (ПРСЛ. Т.1: 12).

именем или прозвищем в Мазовии (Duleba Marguath de Sdunowo, из Здунова под Закрочимом 1425 г., Staszek Dulebicz de Coricisca 1426) и Куявии (Duleba под Брестом Куявским, 1419 г.) (см., напр. Rymut 1975: 16). Наиболее существенно, что поселение под названием Dulambyanka (Liber: 492) упоминается в XV в. в составе краковской диоцезии (совр. Duląbka, гмина Дембовец, Ясельский повет Подкарпатского воеводства), описание которой собственноручно оставил Ян Длугош в труде Liber beneficiorum Dioecesis Cracoviensis (Книга бенефиций краковского диоцеза). Этот труд создан позже первой части Анналов, но более раннее знакомство Длугоша с этим поселением, как и другими населенными пунктами в Перемышльской земле, достаточно вероятно. Название населенного пункта под Яслом, по-видимому, имеет отантропонимическое происхождение, о чем говорят его ранние формы с притяжательным суффиксом *-in*: 1397 Dulebin, 1398 Vola Dulembyna, 1400 Dulambinowola, (Rymut 1975: 16). Таким образом, у Длугоша были все основания увидеть сходство летописного этнонима с польским топонимом или именем, от которого он был образован.

В орловских, рязанских, курских говорах XVIII-XIX в. существовало одноименное пейоративное обозначение, указывающее на умственные или физические недостатки: *дулеб, дулеп* – «дурак, неловкий, косоглазый» (см. Бахвалова 1993: 77-79). Был ли польский антропоним XV в. также и именем нарицательным? Существовал ли в это время в польских или русинскиих диалектах аппелатив с пейоративным значением, которое соответствовало бы и представлению Длугоша о моральном несовершенстве дулебян? К сожалению, на данный момент этот вопрос неразрешим. Имя собственное Dulęba, Duleba, Dulemba достаточно часто встречается в числе шляхетских фамилий, но аппелятивное значение dulęba «człowiek niezgrabny» фиксируется в польских говорах только с XIX в. (Wyrazy 1893: 306), невозможно полностью исключить его заимствование у восточных славян.

Творчески переработав рассказ Повести временных лет, Ян Длугош создал текст, который определил дальнейшие особенности упоминания дулебян. Их родоначальник Дулеба стал плодом как предрассудков, так и исторического анализа. Анналы славного королевства Польского, первый опыт написания обширной и всеохватывающей польской истории нового типа, послужили и материалом, и импульсом для последующих повествований, нередко имевших компилятивный характер.

Создатель географического трактата о двух Сарматиях и Польской хроники Матвей Меховский сократил текст о дулебянах, в основном не меняя его смысла[1], используя формы наименований doliebienie, Volhanie и luczanie (Maciej 1521: Lib. I. P. VI). Литературная эпидемия, разразившаяся в Польше во второй половине XVI в., породила несколько новых историографических трудов. В первой польскоязычной Хронике всего мира Мартин Бельский произвел существенную редакцию рассказа Длугоша. Как и Меховский, он не приписывал упомянутым русским князьям

[1] « ... erat et alii duces eorum Radzim a quo radzimczanie supra fluuium Szaszu, Viatko a quo uiathczanie supra fluuium Olka, Dulieba a quo doliebienie ad fluenta Bug, hi postea Volhanie, et nu(n)c luczanie appellatur, familie ex dulieba, radzim, et uiathko, more ferarum in filuis habitaba(n)t ...» (Maciej 1521: Lib. I. P. VI).

польского происхождения. Кроме того, опустил слова о безнравственности их потомков и приписал черты иерархии их отношениям: Бельский считал, что Кий, Щек и Хорив раздавали трем остальным князьям пустующие земли для постройки замков[1]. Таким образом, Радим, Вятко и Дулеб (Duleba od ktorego Dulebianie nad rzeką Bugiem, dzis ie zową Lucanie) становятся подчиненными киевских князей.

Мартин Кромер в латиноязычном труде «О происхождении и великих делах польских» опустил упоминания о Радиме, Вятко и Дулебе, в то же время он составил список завоеваний князя Владимира Святославича, который, по его мнению, сделал своими данниками «соседних болгаров, хорватов, вятичей, дулебов (Dulepios) и языгов, которых по-нашему называют ятвягами»[2].

Мацеем Стрыйковским был составлен влиятельный труд «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» (Кёнигсберг, 1582 г.). Передавая рассказ о первых русских князьях, Стрыйковский сослался на «русские хроники», Длугоша и Меховия (Stryjkowski 1582: 115). А.И. Рогов считал, что этот фрагмент заимствован из ПВЛ и у Длугоша через посредство Меховского (Рогов 1966: 47-48; также: Лущай 2011), в то же время очевидно, что автор опирался и на Бельского, поскольку Дулеба оказывается в числе подчиненных основателям Киева князей. Компилируя информацию Кромера, Стрыйковский далее написал, что Владимир Святославич подчинил земли Jatwieską и Dulebską (Stryjkowski 1582: 133). В третьей главе одиннадцатой книги появляется и дата основания Киева Кием – 430 г. (Stryjkowski 1582: 396). Дулебы все так же живут на Буге, но, в отличие от Длугоша и Меховия, указание на их тождество с волынцами опущено: «Duleba, od ktorego Dulebianie nad Bugiem, ktorych dziś Luczany zowiemy» (Stryjkowski 1582: 115). Причина этого, вероятно, в особенных представлениях Стрыйковского о жителях Волыни. Устанавливая на основе предшествующих авторов и близости культур этимологическую связь названий Волги с именем болгар или волгар[3], Стрыйковский реконструирует миграцию русских народов: один из них, волгары или болгары, переселились на Дунай, а другой, назвавшись Wolhynczami от той же реки, переселился на Волынь (Stryjkowski 1582: 105). Потомки этих переселенцев – лучане, владимирцы, кременчане, гродляне, овручане, житомерчане, корчане, збаражане и другие, по мнению хрониста, до сих пор отличаются особыми воинскими доблестями, и именно они заселили из Волыни соседние русские земли – Киевскую, Подляшскую, Подольскую. «Переселяются» у Стрыйковского и вятичане – в результате описок и домысливания река их проживания у Длугоша *Oka* становится *Olka* Меховского, *Wolką* Бельского, наконец, *Wolgą i Wijatką* Стрыйковского.

Сын Мартина Бельского Иоахим отредактировал сочинение отца в католическом духе и издал под именем отца Польскую хронику в 1597 г.

[1] «Mieli zasie swoie książęta, ktorim rozdawali kraginy pusthe ku budowaniu zamkow…» (Bielski 1551: 165).

[2] «Volodimirus uero paterno principatu omni potitus finitimos Bulgaros, Croatas, Viaticos, Dulepios, et Iazygas, quos lazuuingos nostri uocant, subegit, ac tributarios sibi fecit» (Cromeri 1555: 49).

[3] Наиболее ранние утверждения о происхождении названия королевства булгар (Regnum Bulgarorum) от Волги (a Bulgo fluvio) встречаются в польской «Великой хронике» XIV в. (Великая хроника: 53), а также в Летописи попа Дуклянина и у Никифора Григоры («В правление Бладина вышло бессчетное множество народа с великой реки Волги, от коей они и получили имя; от реки Волги – вулгары, как и до настоящего дня зовутся» (Алексеев 2015: 50; ср. Nicephori Gregorae 1829: 26).

Единственное отличие от соответствующего фрагмента о Кие 1551 г. –проживание Радимичан на реке San (Saszu, Sassu)[1].

В XVII столетии Дулеба так и оставался в положении подчиненного князя Кия, или же его гетмана. В изданном в 1611 г. переводе хроники Гваньини Мартина Пашковского, дословно воспроизведен текст Бельских по изданию 1597 г. (Z kroniki 1860: 187). Благодаря Пашковскому Дулеба и дулебяне разместились на хронологической шкале времени, но не под 430-м г. (дата основания Киева, которая встречается у Стрыйковского), а около 796 г. Далее Симон Старовольский в сборнике биографий сарматских воителей Sarmatiae bellatores на основе Кромера или Стрыйковского упоминал о том, что Владимир покорил Dulepios, Iazuingos, viaticos, piecinigos, Bulgaros, croatas (Starowolski 1631: 5). В Хронику Феодосия Софоновича, составленную в 1672 г., сентенция Кромера попала через посредство Стрыйковского. Название дулебской земли в ней было искажено: Владимир «Опановал землю Болгарскую, Сербьскую, Карватскую, Семигройскую, Виятицкую, Ятвѣзскую, Дубелскую») (Софонович 1992: 64). В Синопсисе Иннокентия Гизеля, который стал по сути учебником по истории России, помещена легенда об основании Киева: «Имеша же те Князие у себя и Гетманы, от них же бе первый именем Радим, а от того нарекошася Радимчане, вторый Вяшко, а от того Вятичи или Витичи, ниже Триполя; третий Дулепа, а от того Дулепяне над Богом, иже ныне нарицаются Лучаны» (Синопсис 1674: 65).

Среди общих трудов по российской истории XVIII в. представляет интерес «Ядро российской истории» Алексея Манкиева (он же Манкеев, Mankewitz). Автор «Ядра», состоя на службе Петра, вероятно, имел польские корни и хорошо был знаком с исторической литературой Речи Посполитой. Мвое произведение он написал около 1715 г. во время заключения в шведском Вестеросе. В главе «О князех и вождах русских, ведшихся от Мосоха и Южной России» он выводит князей Кия, Щека, Хорива и сестру их Лыбедь от семени Мосоха. Манкиев датировал постройку ими Киева 430 г. и упомянул также, что эти князья имели подданных себе князей, которых в воеводы и полководцы употребляли, в их числе был «Дулеб, который владел над рекою Бугом» (Ядро 1784: 19). Как и Стрыйковский, Манкиев указывает, что дулебяне «житие свое вели по обычаю зверину».

Преподаватель Виленской Академии иезуит Юзеф Пажовский в связи с назначением на пост новогрудского воеводы Юзефа Яблоновского составил историю Новогрудка и новогрудских воевод, где обосновал это назначение тесными связями Яблоновского с Радзивиллами (последние занимали этот пост с 1709 по 1754 г.). Пажовский проследил историю Новогрудка с самого момента его основания. Будучи прежде всего интерпретатором Стрыйковского, он не принял его взгляда, согласно которому Новогрудком первоначально владели ятвяги, пока их не завоевал Владимир Святославич (Stryjkowski 1582: 204). Пажовский считал, что ятвяги когда-то захватили замок силой оружия, но ни они, ни готы или кимвры, время которых тогда уже прошло, ни литовцы, которые жили в лесах, не могли этот замок

[1] Формы написания имени дулебов совпадают с изданием «Хроники всего мира» 1551 г.: «Duleba, od którego Dulebanie nad rzeką Bugiem, dziś się zowią Lukanie» (Bielski 1597: 54).

построить. Он считал очень правдоподобным, что «основан Новогрудок в Литве русскими дулебянами, род свой возводящими к Дулебу князю руссов» (Pażowski 1759: 9). В этом месте автор ссылается на Длугоша, Меховиту и Стрыйковского, который размещает дулебян около берегов Буга «в восьмом столетии». Указание на восьмой век, на самом деле, впервые появляется у Мартина Пашковского. Строительство Новогрудка дулебянами Пажовский объяснял необходимостью защиты от ятвягов: «По крайней мере, основан он был уже в 9 столетии от Р.Х. Причиной возведения замка, кажется, стали ятвинги, племя в те времена новогрудским руссам соседнее и иногда враждебное» (Pażowski 1759: 8-9). Историк одновременно считал дулебян родственниками вышедших с Волги болгаров или волгаров, которые сначала заселили Волынь, затем – Киевскую, Подольскую, Подляшскую, Луцкую и соседние земли. «Этими Руссами, как мне кажется весьма правдоподобно, основаны замок и город Новогрудский, расположенный в нашей Руси, Черной по-простому называемой» (Pażowski 1759: 8).

Наиболее обширный и основательный труд российской историографии XVIII века был написан В.Н.Татищевым. Первая редакция была готова уже в 1730-х гг., вторая – в 1740-х, широкой публике «История Российская» стала известна благодаря неполному изданию 1760-х гг. Опережая свое время, Татищев проявил в своей работе элементы критического источниковедения, сочетавшиеся с проявлениями протонационализма. С его недоверием к польским хроникам, которые «брали больше от русских», связано отсутствие Дулеба, прародителя дулебян. Легенда о Кие, Щеке и Хориве передана Татищевым в полном соответствии с летописью. Из летописных источников в «Историю Российскую» перекочевали все три упоминания о дулебах – об изнурении дулебов аварами, о проживании их на Буге, и об участии в походе Олега на Царьград (Татищев Т. 2-3. Ч. 2: 31, 36; Т. 4: 110, 111, 115).

Поскольку в реконструкции более ранней эпохи Татищев отводил славянам место на Дунае, он не исключал тождества дулебов с будинами или дудинами Плиния (Татищев Т. 1: 411, 425; Т. 4: 94, 392). Имя свое дулебы, возможно, «у славян от Дуная получили». Встречаются различные указания Татищевым мест расселения дулебов – на Днестре, на Южном Буге, на Днепре: «Дудини и Дулебы, при Днестре и Боге», «Дудини и Дулебы по Днепру и Богу», «Дулебы или Дулепы, иногда на восточной, иногда на западной стране Днепра», «Дулебы Славяне, видится тогда по Днестру, а потом на Боге жили» (Татищев Т. 1. 425; Т. 2-3: 201; Т. 4: 201, 229, 410). Эта непоследовательность, очевидно, отражает колебания и размышления историка. Но в одном, как ни странно, он был уверен – при том, что в его компиляциях летописных сведений дулебы традиционно «живяху по Бугу» (Татищев Т. 4: 111), Татищев полагал, что «Стрыйковский знатно ошибся, вместо реки Бога, Буг именовал», и никогда не отводил дулебам места жительства на Западном Буге. На полях одного из черновиков рассказа о мучении обрами дулебов, указано: «Дулебы по Дунаю и Днестру» (Татищев. Т. 2-3: 31). Не исключено, поэтому, что Татищев даже сомневался в том, относится ли место действия этого сюжета к территории Днестра или Дуная.

Михаил Ломоносов упомянул дулебов однажды как славянское население по Бугу, отличая их от Бужан и Волынцев: «Дулебы и Бужане по Бугу» (Ломоносов 1766:

8). Михаил Щербатов, хорошо знакомый и с Хроникой Стрыйковского, и с Синопсисом, и с Ядром, предложил нетривиальную интерпретацию легенды о Кие. Щербатов был уверен, что братья Кий, Щек и Хорив были чужестранцами. При помощи побывавшего в Персии Василия Федоровича Братищева он подыскал этимологии всем участникам истории о постройке Киева и на основе персидских и арабских корней предполагал, что Кий – «державец, владетель, господарь», Хорев – «участник во владениях, или соперник», Щек – «шейх или старейшина», Лыбедь – «верхнее персидское одеяние, или епанча», С тремя князьями пришли их главные вожди: Радим – арабск. «милосердый», Вятко – персидск. «перепел», и наконец, Дулаб – «на персицком языке коло, или казенное место», то есть Дулеб – владетель казенной царской земли, или поместья (Щербатов 1770: 120-121). Упоминание о князе Дулебе, «который владел над рекою Бугом, и по нем звалися Дулебяне», поместила и императрица Екатерина II в «Записках касательно российской истории» (Екатерина 1901: 17).

Из историков Австрийской империи Якоб Август Хоппе в «Древней и новой истории Галиции и Лодомерии» писал, что уже среди данников Святослава были «*Dulewer im heutigen Podolien am Bug*», дулебы в современной Подолии на Буге (Hoppe 1792: 60). Описывая правление Владимира, который первым назвал себя самодержцем Руси, Хоппе земетил, что тот подчинил и ятвягов на Буге, и дулебов у истоков Буга (Hoppe 1792: 62). В том же 1792 г. появилась другая работа по истории Галича и Владимира, в которой Христиан Энгель упомянул дулебов (*Duleber*, *Dulebier*) в числе обитателей Волыни, Украины и участников похода Олега 907 г. (Engel 1792: 19, 21).

Итак, часть перечисленных авторов некритически, часть критически компилировали предшественников, достраивали историческую реальность исходя из своих взглядов на особенности древнейшего устройства славянского общества. На страницах произведений XVI-XVIII в. фигурировал князь Дулеба, рождением которого в XV в. мы обязаны Яну Длугошу. Между тем, Длугош был не банальным сочинителем, а, вероятнее всего, подобно современному историку оформил в «Анналах» свои догадки о происхождении этнонима дулебов от антропонима. На эту гипотезу его вполне могло натолкнуть существование такого же антропонима в Польше в XV в. И пусть историки XIX и XX в. сдали в архив рассказ о Радиме, Вятко и Дулебе, теория отантропонимической этимологии этнонима продолжила свое существование – например, в «Началах Польши» Хенрика Ловмяньского (Łowmiański 1964: 111). Образы, восходящие к повествованию Яна Длугоша, продолжили свою жизнь в русской литературе XIX в.:

«Покрытый кожею сраженного им медведя, окруженный тысячами диких своих послушников, лютый Дулеб неоднократно нападал на селитьбы народа Киева, предавал все мечу и пламени, и свирепая душа его веселилась и кровожадные уста его осклаблялись при виде трупов, омытых кровию. Быстро потом укрывался он в вертепах гор своих и в шумной радости торжествовал бесчеловечную лютость свою.

Он упивался кровью пленных, и дикий, неистовый вопль радости его народа мешался с ревом зверей пустынных, отдаваясь с шумом в дубравах отдаленных»[1].

Близкая к популярному сегодня жанру «фэнтези» русская историческая литература, которая не претендовала на достоверность, появилась уже к концу XVIII в. Развитие знакомого нам дулебского сюжета можно встретить в лубочной сказочно-авантюрной сказке Василия Лёвшина «Приключения Баламира, государя Уннов». В ней на берегах Буга создан образ полноценной дулебской державы, пострадавшей от аварского разорения. Во главе государства дулебов стоит не прародитель Дулеб, а иноземная государыня Милосвета, с которой желает сочетаться браком киевский монарх Баламир, наследник гуннского предводителя и основателя Киева Роаса. Правящая с помощью волшебства Милосвета восстановила страну после аварского разорения, подарила своему народу изобилие и порядок – вступив на территорию дулебов, «Баламир возимел великое понятие о превосходстве правления дулебского...»; «Все входящие по случаю дулебы не переставали превозносить похвалами добродетели своей государыни, и радость сияла на их лицах» (Левшин 1783: 12-13). У дулебов есть окруженная стенами столица, в которой стоят бесплатные гостиницы, подобные на дворцы, есть и «славное дулебское боговещалище», в котором собираются старейшины по вопросу назначения нового монарха. Баламиру приходится преодолеть множество испытаний, чтобы исправить свою ошибку и вернуть на престол Милосвету, которая на самом деле оказывается законной наследницей, чудесно спасенной после аварского разорения. С. Баэром указывалось, что образ дулебской правительницы наделен многими характеристиками, которыми наделяло дворянское общество правление Екатерины II (Baehr 1991: 120). Баламир, который поначалу отказывается верить, что женщина способна править государством, быстро убеждается в обратном. В образе талантливого, но тщеславного киевского монарха, как предположил С. Баэр, может скрываться другая сторона личности Екатерины. Дулебская держава представляет собой «эвтопию», место идеального социального порядка, в котором, в отличие от нравов Петербурга XVIII в., нет разорительных тщеславия и роскоши. Можно увидеть определенную долю иронии в том, что первый текст, в котором подробно реконструировалась внутренняя жизнь дулебского государства на Буге, вышел в 1783 г. под заглавием «Русские сказки».

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2015 – *Алексеев С.В.* Летопись попа Дуклянина: перевод и комментарий. СПб.: Петебургское востоковедение, 2015.

Бахвалова 1993 – *Бахвалова Т.В.* Дулеб: Заметки диалектолога // Русская речь. 1993. № 3. С. 77-79.

Великая хроника – «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв.: (перевод и комментарии) / под ред. В.Л. Янина; Сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Екатерина 1901 – Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. Т. 8. СПб., 1901.

[1] «Кий и Дулеб» В. Т. Нарежного, напечатано впервые в серии «Славенские вечера» в 1809 г. (Нарежный 1836: 2).

Котляр 1986 – *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев: Наукова думка, 1986.

Левшин 1783 – *Левшин В.А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения. Ч. IX. Москва, 1783.

Ломоносов 1766 – *Ломоносов М.В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054. СПб., 1766.

Лущай 2011 – *Лущай Ю.В.* Русь у IX столітті за даними Длугоша і Стрийковського // Християнізаційні впливи в Київській Русі за часів князя Оскольда: 1150 років: Матеріали міжнародні наукової конференції. 19-20 листопада 2010 року, м. Чернігів; Луцьк: Терен, 2011. С. 188-199.

Нарежный 1836 – Романы, повести и сочинения Василия Нарежного. Часть десятая. Изд. 2-е. СПб., 1836.

ПСРЛ. Т. 1 – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1926.

Рогов 1966 – *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М.: Наука, 1966.

Синопсис 1674 – Мечта о русском единстве: Киевский синопсис (1674). М.: Издательство Европа, 2006.

Софонович 1992 – *Софонович Феодосий*. Хроніка з літописців стародавніх / АН України, Археограф, коміс., Ін-т укр. археографії, Ін-т історії України. Підготовка тексту до друку, передмова, комент. Ю. А. Мицика, В. М. Кравченка. К.: Наук. думка, 1992.

Татищев – *Татищев В.Н.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Ладомир, 1994-1996.

Щавелева 2004 – *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Книги I-VI): текст, перевод, комментарий. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

Щербатов 1770 – *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т.1. От начала до кончины великаго князя Ярослава Владимировича. СПб., 1770.

Ядро 1784 – *Манкиев А.И.* Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швейции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российскаго юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих, в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых. Вторым тиснением. Москва: Сенатская типография, 1784.

Annales – Ioannis Dlugossii Annales. Vol. 1. / Ed. I. Dąbrowski. Varsaviae: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1964.

Baehr 1991 – *Baehr S.* The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Bielski 1551 – *Bielski M.* Kronika wszystkiego świata. Kraków, 1551.

Bielski 1597 – Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo Przez Ioach. Bielskiego syna jego wydana. W Krakowie, 1597.

Cromeri 1555 – Martini Cromeri De origine et rebvs gestis Polonorvm libri XXX. Adiecta est in fine, eiusdem autoris funebris Oratio Sigismvndi regis uitam compendiose complexa. Basileae, 1555.

Engel 1792 – *Engel C.J.* Geschichte von Halitsch und Wladimir bis 1772. T. I. Wien, 1792.

Hoppe 1792 – *Hoppe J.A.* Altere und neuere Geschichte der Königreiche Galizien und Lodomerien. Wien, 1792.

Liber – Joannis Dlugossii Senioris Canonici Cracoviensis Opera omnia. Vol. VII. Liber beneficiorum dioecesis Cracoviensis. T. I. Cracoviae: Ex typographia Kirchmajeriana, 1863.

Łowmiański 1964 – *Łowmiański H.* Początki Polski: z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964.

Maciej 1521 – *Maciej <z Miechowa>*. Chronica Polonorv[m] Craccovi[a]e 1521. Lib. I. P. VI.

Nicephori Gregorae – *Nicephori Gregorae.* Byzantina historia. Vol. I. Bonnae, 1829.

Pażowski 1759 – *Pażowski J.* Novogrodecum ducum Novogrodensium olim regia urbs, hodie princeps palatinatus Novogrodensis, ducatus aliquando in Lithuania amplissimi ex historiarum monumentis erutum atque in decem sectiones descriptum, insignioribus non modo ducum et palatinorum

Novogrodensium rebus gestis, praecipuis, praecipuorum ducum Russiae, Lithuaniae, Novogrodiae genealogiis, sed observationibus et adnotationibus etiam quibusdam criticis et philologicis auctum atque illustratum. Bonarum litterarum statoris et vindicis logicis S. R. I. principis Iosephi Alexandri e ducibus Prussiis Jabłonowski, palatini Novogrodensis. Lwów, 1759.

Starowolski 1631 – Simonis Starovolsci Sarmatiae bellatores. Coloniae Agrippinae, 1631.

Stryjkowski 1582 – Stryjkowski M. Kronika Polska, Litweska, Żmódska i wszystkiéj Rusi. Królewiec, 1582.

Wyrazy 1893 – Wyrazy gwarowe z okolic Tarnowa. Zebrał P.B. // Prace Filologiczne. T. IV. Warszawa, 1893.

Z kroniki 1860 – Z kroniki sarmacyi europejskiej Alexandra Gwagnina z Werony, … opisanie Polski, W. Ks. Litewskiego, ziemie ruskiej, ziemie pruskiej, ziemie inflantskiej, ziemie żmudzkiej / Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. Kraków, 1860.

REFERENCES

Alekseev 2015 – *Alekseev S.V.* Letopis' popa Dukljanina: perevod i kommentarij [Chronicle of the Priest of Dioclea: translation and commentary], St. Petersburg, Peteburgskoe vostokovedenie Publ., 2015 [in Russian].

Annales – Ioannis Dlugossii Annales. Vol. 1. / Ed. I. Dąbrowski [Annals of Jan Długosz: Vol. 1], Varsaviae, Państwowe Wydawn, Naukowe Publ., 1964 [in Latin].

Baehr 1991 – *Baehr S.* The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia, Stanford, Stanford University Press Publ., 1991 [in English].

Bahvalova 1993 – *Bahvalova T.V.* Duleb: Zametki dialektologa [Duleb: Notes of dialectologist], in: Russkaja rech' [Russian speech], 1993, № 3, pp. 77-79 [in Russian].

Bielski 1551 – *Bielski M.* Kronika wszystkiego świata [Chronicle of the whole world], Krakow, 1555 [in Polish].

Bielski 1597 – Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo Przez Ioach. Bielskiego syna jego wydana [Chronicle of Poland, by Marcin Bielski. Newly edited by his Ioachim Bielski], W Krakowie, 1597 [in Polish].

Cromeri 1555 – Martini Cromeri De origine et rebvs gestis Polonorvm libri XXX. Adiecta est in fine, eiusdem autoris funebris Oratio Sigismvndi regis uitam compendiose complexa [About origins and history of Poles in thirty books by Martin Cromer], Basileae, 1555 [in Latin].

Ekaterina 1901 – Sochinenija imperatricy Ekateriny II na osnovanii podlinnyh rukopisej i s obajasnitel'nymi primechanijami akademika A.N. Pypina [Works of Catherine II on the basis of the original manuscripts with explanatory notes by academician A. Pypin], T. 8, St. Petersburg, 1901 [in Russian].

Engel 1792 – *Engel C.J.* Geschichte von Halitsch und Wladimir bis 1772 [History of Halych and Volodymyr until 1772], T. I, Wien, 1792 [in German].

Hoppe 1792 – *Hoppe J.A.* Altere und neuere Geschichte der Königreiche Galizien und Lodomerien [Older and recent history of the kingdoms of Galicia and Lodomeria], Wien, 1792 [in German].

Jadro 1784 – *Mankiev A.I.* Jadro rossijskoj istorii, sochinennoe blizhnim stol'nikom i byvshim v Shvejcii rezidentom knjaz' Andreem Jakovlevichem Hilkovym, v pol'zu rossijskago junoshestva, i dlja vseh o rossijskoj istorii kratkoe ponjatie imet' zhelajushhih, v pechat' izdannoe, s predisloviem o sochinitele sej knigi i o familii knjazej Hilkovyh. Vtorym tisneniem [The Core of Russian History, composed by fellow stolnik and former resident in Sweden, Prince Andrei Yakovlevich Khilkov in favor of russian young people and for all who wants to know briefly Russian, published, with a preface about the author of this book, about family of the princes Khilkov], Moscow, Senatskaja tipografija Publ., 1784 [in Russian].

Kotljar 1986 – *Kotljar N.F.* Drevnjaja Rus' i Kiev v letopisnyh predanijah i legendah [Ancient Rus and Kiev in chronicle tales and legends], Kiev, Naukova dumka Publ., 1986 [in Russian].

Levshin 1783 – *Levshin V.A.* Russkie skazki, soderzhashhie drevnejshie povestvovanija o slavnyh bogatyrjah, skazki narodnye i prochie ostavshiesja chrez pereskazyvanie v pamjati prikljuchenija [Russian fairy tales, containing the ancient stories about the glorious heroes, folk tales and other adventures remained in the memory through the retelling], Ch. IX, Moscow, 1783 [in Russian].

Liber – Joannis Dlugossii Senioris Canonici Cracoviensis Opera omnia. Vol. VII. Liber beneficiorum dioecesis Cracoviensis [The works of Jan Długosz, canon of Kraków], T. I, Cracoviae, Ex typographia Kirchmajeriana Publ., 1863 [in Latin].

Lomonosov 1766 – *Lomonosov M.V.* Drevnjaja rossijskaja istorija ot nachala rossijskogo naroda do konchiny Velikogo Knjazja Jaroslava Pervogo ili do 1054 [Ancient Russian history from the beginning of the Russian people to the death of Grand Prince Yaroslav the First or until 1054], St. Petersburg, 1766 [in Russian].

Łowmiański 1964 – *Łowmiański H.* Początki Polski: z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. [Polish beginnings: on the history of Slavs in the first millennium AD], Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1964 [in Polish].

Lushchaj 2011 – *Lushchaj Ju.V.* Rus' u IX stolitti za danimi Dlugosha i Strijkovs'kogo [Ruthenia in the IX century according to Dlugosz and Stryjkowski], in: Hristijanizacijni vplivi v Kiïvs'kij Rusi za chasivknjazja Oskol'da: 1150 rokiv: Materiali mizhnarodnï naukovoï konferencïї. 19-20 listopada 2010 roku [Effects of Christianisation in Kievan Rus in the time of Prince Askold: 1150 years: International scientific conference. 19-20 November 2010], m. Chernigiv; Lutsk, Teren Publ., 2011, pp. 188-199.

Maciej 1521 – *Maciej <z Miechowa>*. Chronica Polonorv[m] Craccovi[a]e 1521 [Polish Chronicle], Lib. I, P. VI [in Latin].

Narezhnyj 1836 – Romany, povesti i sochinenija Vasilija Narezhnogo. Chast' desjataja [Novels, stories and essays by Vasili Narezhny. Tenth part], Izd. 2-e, St. Petersburg, 1836 [in Russian].

Nicephori Gregorae – Nicephori Gregorae. Byzantina historia [Byzantine History], Vol. I, Bonnae, 1829.

Pażowski 1759 – *Pażowski J.* Novogrodecum ducum Novogrodensium olim regia urbs, hodie princeps palatinatus Novogrodensis, ducatus aliquando in Lithuania amplissimi ex historiarum monumentis erutum atque in decem sectiones descriptum, insignioribus non modo ducum et palatinorum Novogrodensium rebus gestis, praecipuis, praecipuorum ducum Russiae, Lithuaniae, Novogrodiae genealogiis, sed observationibus et adnotationibus etiam quibusdam criticis et philologicis auctum atque illustratum. Bonarum litterarum statoris et vindicis logicis S. R. I. principis Iosephi Alexandri e ducibus Prussiis Jabłonowski, palatini Novogrodensis [Nowogrodek, once principal town of duces…described from saved historical monuments…], Lviv, 1759 [in Latin].

PSRL. T. 1 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1. Lavrent'evskaja letopis'. Vyp. 1: Povest' vremennyh let [Complete Collection of Russian Chronicles. T. 1. Laurentian Chronicle. Vol. 1: The Tale of Bygone Years], Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1926 [in Russian].

Rogov 1966 – *Rogov A.I.* Russko-pol'skie kul'turnye svjazi v jepohu Vozrozhdenija (Stryjkovskij i ego Hronika) [Russian-Polish cultural relations during the Renaissance (Stryjkovsky and Chronicle)], Moscow, Nauka Publ., 1966 [in Russian].

Shhaveleva 2004 – *Shhaveleva N.I.* Drevnjaja Rus' v «Pol'skoj istorii» Jana Dlugosha. (Knigi I-VI): tekst, perevod, kommentarij [Ancient Rus in the "Polish history" Jan Dlugosz. (Books I-VI): text, translation, commentary], Moscow, Pamjatniki istoricheskoj mysli Publ., 2004 [in Russian].

Shherbatov 1770 – *Shcherbatov M.M.* Istorija Rossijskaja ot drevnejshih vremen. T.1. Ot nachala do konchiny velikago knjazja Jaroslava Vladimirovicha [Russian history from ancient times. V.1. From the beginning to the death of Grand Duke Yaroslav], St. Petersburg, 1770 [in Russian].

Sinopsis 1674 – Mechta o russkom edinstve: Kievskij sinopsis (1674) [The dream of the Russian unity: Kyiv Synopsis (1674)], Moscow, Izdatel'stvo Evropa Publ., 2006 [in Russian].

Sofonovich 1992 – *Sofonovich Feodosij*. Hronika z litopisciv starodavnih / AN Ukraïni, Arheograf, komis., In-t ukr. arheografiï, In-t istoriï Ukraïni. Pidgotovka tekstu do druku, peredmova, koment. Ju.A. Micika, V.M. Kravchenka [Chronicle from ancient annals / Edited and commented by Ju.A. Micika, V.M. Kravchenka], Kiev, Nauk. dumka Publ., 1992 [in Ukrainian].

Starowolski 1631 – Simonis Starovolsci Sarmatiae bellatores [Sarmatian warriors by Szymon Starowolski], Coloniae Agrippinae, 1631 [in Latin].

Stryjkowski 1582 – *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litweska, Żmódska i wszystkiéj Rusi [Polish, Lithuanian, Żemaitian and old Ruś chronicle], Królewiec, 1582 [in Polish].

Tatishhev – *Tatishhev V.N.* Sobranie sochinenij: V 8 t [Collected Works: in VIII volumes], Moscow, Ladomir Publ., 1994-1996 [in Russian].

Velikaja hronika – «Velikaja hronika» o Pol'she, Rusi i ih sosedjah XI—XIII vv.: (perevod i kommentarii) / pod red. V.L. Janina; Sost. L.M. Popova, N.I. Shhaveleva [«Great Chronicle» about Poland, Russia and their neighbors XI—XIII centuries.: (translation and commentary) / ed. V.L. Yanina; Comp. L.M. Popova, N.I. Shhaveleva], Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1987 [in Russian].

Wyrazy 1893 – Wyrazy gwarowe z okolic Tarnowa. Zebrał P.B. [Words slang from the area of Tarnow. Collected by P.B.], in: Prace Filologiczne [The philological researches], T. IV, Warszawa, 1893 [in Polish].

Z kroniki 1860 – Z kroniki sarmacyi europejskiej Alexandra Gwagnina z Werony, … opisanie Polski, W. Ks. Litewskiego, ziemie ruskiej, ziemie pruskiej, ziemie inflantskiej, ziemie żmudzkiej / Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego [From the Chronicle of european sarmatia of Alexander Gwagnini of Verona, ... description of Polish, Lithuanian, Ruthenian Prussian, Livonian, Samogitian / Edited by Kazimierz Józef Turowski], Kraków, 1860 [in Polish].

Кибинь Алексей Сергеевич – Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).
Aleksiej Kibiń – candidate of historical sciences, Senior Lecturer of history of the Slavic and Balkan countries. Institute of history of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).
E-mail: a.kibin@spbu.ru

УДК 94(4)"375/1492"

ЧУМА В ИСТОРИИ РУСИ И ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

И.А. Гагин
Рязанский государственный медицинский университет
Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9
e-mail: igagin@mail.ru

Авторское резюме

Эпидемии чумы играли важную роль в жизни средневекового мира. Они приводили не тольклo к серьёзным демографическим изменениям, но и к сдвигам политического баланса между разными государствами. После разгула «Черной смерти» меняется политическая расстановка сил в Восточной Европе, что привело в последующем к появлению России Московской, превратившейся из ордынского улуса в великое государство. Что касается булгарского населения Поволжья, можно довольно смело предположить, что большинство, после «бегства от чумы», оседали на сопредельных территориях. Их потомки живут в Башкирии, Мордовии, Мари Эл, Удмуртии, Ульяновской, Рязанской и Нижегородской областях под наименованием татары. Многие помнят о своем происхождении и с гордостью величают себя «потомками великих булгар».

Ключевые слова: Русь, Волжская Булгария, чума.

PLAGUE IN THE HISTORY OF RUS' AND VOLGA BULGARIA

Igor Gagin
Ryazan State Medical University
9 The Vysokovoltnaya Street, Ryazan, 390026, Russia
e-mail: igagin@mail.ru

Abstract

Plague pandemics played an important role in the life of the medieval world. They caused not only serious depopulation, but also upset political balance between different states. The outbreak of the Black Death had a profound effect on the political balance of power in Eastern Europe, eventually resulting in the emergence of Muscovy Rus', which transformed from a provincial khanate – a tributary to the Golden Horde – into a powerful state. With regard to the Bulgarian population of the Volga region, after the escape from the plague they, apparently, settled in the neighboring territories. Their descendants, under the name of Tatars, live in Bashkortostan, Mordovia, Mari El, Udmurtia, regions of Ulyanovsk, Ryazan and Nizhny Novgorod. Many of them remember their origins and proudly call themselves «descendants of the great Bulgarians».

Keywords: Russia, Volga Bulgaria, the Black Death.

* * *

Занимаясь историей Волжской Булгарии золотоордынского периода, автор этих строк столкнулся с довольно спорным, но любопытным мнением американского историка Ю. Шамильоглу, который в своих научных исследованиях пришел к выводу, что чумная пандемия второй половины XIV столетия полностью трансформировала этническую и лингвистическую природу населения Поволжья.

Поэтому «difficult to even attempt to describe who the Volga Bulġarians might have been after this point in time» (Schamiloglu 2001: 141), т.е. «после этого исторического момента, затруднительно даже представить себе существование волжских булгар» (*перевод мой* – И.Г.).

Вывод Шамильоглу о полном исчезновении булгар в результате чумной пандемии, кажется не совсем верным (Гагин 2011: 38-44). Но то, что «черная смерть» внесла свои коррективы в политическую историю и Золотой Орды, и Волжской Булгарии, и Московской Руси – это, по всей видимости, несомненно.

Завоевания Чингисхана и его ближайших потомков превратило все пространство от Китая до Карпат в район цельной исторической жизни, потому что монгольская империя сумела соединить в единое экономическое пространство Азию и Европу. Как писал выдающийся историк и географ Л.Н. Гумилев, хан Узбек в годы своего правления Золотой Ордой (1313-1342) «превратил степной Улус в купеческий султанат» (Гумилев 1992: 513). Многие считают, что Золотая Орда – кочевая империя, в которой, просто по объективной причине, города, если и были, то количество их ограничено. Современная археология дает даже самым отпетым скептикам великолепную отповедь. На землях от Дуная до Иртыша археологически зафиксировано 110 городских центров с материальной культурой восточного облика (Егоров 1985: 139). Более десятка еще не обнаружены, но открытие их лишь вопрос времени и средств.

Из глубин Азии от города к городу купеческие караваны регулярно приходили в контролируемые ордынцами порты Причерноморья, а оттуда привезенные из далекого Китая и Средней Азии товары доставлялись итальянскими торговыми судами в города Западной Европы. Страшная пандемия чумы начала шествие по южным территориям Золотой Орды вместе с торговыми караванами в середине 40-х гг. XIV в., двигаясь из Китая к западным границам Улуса Джучи. В Европу она была занесена из Крыма генуэзскими купцами, которые вместе с восточными товарами в средиземноморские порты протащили и чуму.

Эпидемии чумы, опустошавшие Европу во второй половине XIV столетия и получившие у современников название «Черной Смерти», отличаются от всех следующих, равно как от предыдущих чумных эпидемий необычайными размерами и особенной злокачественностью. Ни одна из других эпидемий не охватывала одновременно такой обширной области как эта, ни одна не унесла такое огромное число жертв. Недаром она запечатлелась в памяти народов и повсюду занесена в летописи, тогда как о многочисленных других повальных болезнях не осталось почти никаких воспоминаний (История чумных эпидемий).

«Черная смерть» собрала обильную жатву. Джованни Боккаччо, в предисловии к своему бессмертному произведению «Декамерон», отображает картину всеобщей беды: «…На переполненных кладбищах при церквях рыли преогромные ямы и туда опускали целыми сотнями трупы, которые только успевали подносить к храмам. Клали их в ряд, словно тюки с товаром в корабельном трюме, потом посыпали землёй, потом клали еще один ряд – и так до тех пор, пока яма не заполнялась доверху (Боккаччо 1990: 12). Распространившись вглубь материка, чума поразила всю Францию, перебралась в Британию и Ирландию,

перекинулась в Скандинавию. Таким образом, мор поразил большую часть Европы, передвигаясь вместе с людьми не только по морю, но и по суше (Самаркин 1976: 75).

В русских землях «Черная Смерть» впервые появилась на северо-западе приблизительно в 1349 г. Летописец под 6857 г. (от сотворения мира) говорит о возникновении страшного заболевания в Полоцке. Возможно, его вспышка носила локальный характер, поскольку в следующем году о болезни ничего не сообщается, а в 1351 г. летописный текст зафиксировал лишь слухи о надвигавшемся бедствии, т.е. ожидание беды в обществе все-таки присутствует. «Нача слыти мор в людех, так обо изволися Господу Богу», - пишет летописец с долей обречённости (ПСРЛ. X: 221). Скорее всего, известия эти, а за ними и зараза, распространялись с запада.

Со всей необузданной мощью над Русью трагедия разразилась в 1352 году. Поразив Псковскую и Новгородскую земли, перекинувшись на Смоленск, Киев, Чернигов, Суздаль и, похозяйничав по всем княжествам, чума собрала великую жатву. Как свидетельствует летопись, в Глухове и Белоозере вообще ни одного жителя не осталось – «вси изомроша». «…Во всей земле Русстей смерть люта, и напрасна и скора; и бысть страх и трепет велий на всех человецех» (ПСРЛ. VII: 217).

В Москве чума уносит жизни тысяч людей, убивает митрополита Феогноста, великого князя Московского и Владимирского Симеона Ивановича, прозванного Гордым, обоих его сыновей и брата Андрея Ивановича, что в последующем существенным образом повлияло на внутриполитическую расстановку сил на Руси (ПСРЛ. VII: 217). Сделав огромную дугу по всей Европе, чума вернулась на территорию Улуса Джучи (Гагин 2011: 40). Как писал немецкий исследователь XIX в. Генрих Гезер, чума «исчезла в тех самых местах, из которых пять лет тому назад она начала свое роковое шествие по Европе» (Гезер 1867: 108).

Если первая волна пандемии пришла на Русь с запада, то вторая нахлынула с юга, с территории Золотой Орды. «Въ лето 6872 (1364 г.). …Тое же осени и тое зимы бысть на люди моръ велик: в Переславле на день умираше человекъ 20 или 30, иногда же 60 или 70, а иногда и до 100 и боле. …Бысь сё не только в единомъ граде Переславле, но и во всехъ пределахъ его. Приде же сиа казнь, послана отъ Бога на люди, съ низу отъ Бездежа къ Новугороду къ Нижнему и оттоле къ Коломне, таже къ Переславлю, потомъ же на другое лето къ Москве; таже и по всемъ градомъ и странамъ бысть моръ великъ и страшенъ, не успеваху бо живыи мертвыхъ опрятывати, везде бо бе мертви…» (ПСРЛ. VIII: 12).

Отметим, что ни в одном письменном источнике Волжская Булгария в связи с чумной пандемией конкретно не упоминается. Мы можем только косвенно судить о том, что «Чёрная Смерть» бушевала и в городах Булгарии. Так, например, сообщая об эпидемии, разразившейся в Орде в 1346 г., летописцы отмечают: «…Бысть мор силен под восточною страною: на Орначи, и на Азсторакани, и на Сараи, и на Бездежи и на *прочих градех стран тех* [курсив мой – И.Г], на крестианех, и на Арменех, и на Фрязех, и на Черкасех, и на Татарех, и на Обязех, и яко не бысть кому погребати их» (ПСРЛ. VII: 210; ПСРЛ. X: 217).

Возможно, под «прочими градами», среди других, подразумеваются и экономические центры Волжской Булгарии. Однако, данный фрагмент дает основание полагать, что в указанное время накал эпидемии в Среднем Поволжье

или был минимальным, или практически отсутствовал. В противном случае летописи непременно упомянули бы в перечислении булгарские города, памятуя о том, что они находятся в непосредственной близости от границ Руси. «Чёрная Смерть» бушевала в южных регионах Золотой Орды. И если говорить об ордынских городах, то необходимо помнить, что на землях от Дуная до Иртыша археологически зафиксированы 110 центров с материальной культурой восточного облика, расцвет которых пришелся на первую половину XIV столетия. Поэтому, вполне вероятно, летописи вообще не имеют в виду под «прочими градами» булгарских населенных пунктов. В то же время Ю. Шамильоглу делает предположение о возможности распространения чумы с юга в 1349 г. Именно тогда, по его мнению, она могла серьезно зацепить северные районы Золотой Орды, то есть проникнуть на территорию Булгарского улуса (Schamiloglu 1993: 450).

Вторая волна чумной заразы, нахлынувшая на русские земли с юга, пришла от Бездежа к Нижнему Новгороду, а оттуда к Коломне и далее. Она не могла миновать булгарскую столицу, так как двигалась, скорее всего, вместе с купеческими караванами. Город Болгар в середине XIV в. являлся крупным центром на транзитной торговой магистрали, связывающей Восток с Русью и странами Северной Европы. Поэтому Волжская Булгария не осталась в стороне от эпидемии. По нашему мнению, единственным объяснением, почему Болгар не упоминается в летописи, может являться его разрушение ордынским ханом Булак-Тимуром за три года до описываемых событий (Жиромский 1958: 90). Летописец это знал, и даже если город был частично восстановлен, все равно не воспринимался в прежнем своем значении. Можно не сомневаться, что чума свирепствовала и здесь, но накал её был не больше, чем в других ордынских центрах. Поэтому говорить о полном исчезновении волжских булгар, несомненно, нельзя.

На каком же основании делается вывод, что после «этого исторического момента затруднительно даже представить себе существование волжских булгар» (Шамильоглу 2007: 64)? Дело в том, что на середину XIV в. приходится внезапный конец практики написания погребальных эпитафий, выполненных с использованием старобулгарского языка. Последняя из сохранившихся надписей датируется 1357 г., что может указывать на исчезновение мастеров-камнерезов. «Одновременно волжско-булгарский язык прекращает существовать в качестве письменного языка. Эту информацию следует считать аргументом в пользу того, что Черная смерть оказала сильное воздействие на северные территории Золотой Орды», - пишет Ю. Шамильоглу (Schamiloglu 1991: 158). Но как заметил Г. В. Юсупов, «в языке казанских татар еще и поныне сохранилось много признаков древнебулгарского языка (не говоря уже о новобулгарском, к которому татарский язык очень близок)…» (Юсупов 1960: 14).

Правильнее предположить, что старобулгарский язык, на котором на протяжении двух веков писались эпитафии, к указанному времени являлся сакральным языком, используемым исключительно с целью увековечивания памяти ушедших в иной мир. Прекращают существование те, кто владел этим языком, т.е. каста мастеров-эпиграфистов. Литературным же языком этого трагического времени являлся язык, который может рассматриваться в качестве прародителя современного

языка казанских татар. Он, как это отмечено исследователями-эпиграфистами, также используется в написании эпитафий как до, так и, самое главное, после чумной пандемии.

Безусловно, пандемия чумы своим последствием имела резкое сокращение населения, как на востоке, так и на западе Европы. По данным хроник известно, что Западная Европа всего за четыре года потеряла около 20 млн. человек (Руссев 1997: 223). Общее число умерших от чумы на Востоке составило 23,84 млн. (Усманов 1972: 225). Выжило менее трети населения, воспользовавшееся одним радикальным, но единственным по тому времени методом борьбы с чумой – бегством. Весьма расхожая фраза «бежать как от чумы» отражает готовность средневекового населения под угрозой мора спешно оставлять родные очаги.

Не приходится сомневаться, что Волжская Булгария не являлась исключением. Булгарские переселенцы двигались на север в Закамье или на северо-восток уже по проторенному пути тех, кто ранее бежал от татаро-монгольского разорения и погромов. Вернувшиеся обустраивались в новых условиях, приспосабливаясь к меняющейся лингвистической и этнической ситуации их родины. Следует учитывать «значительное число пришлых золотоордынско-кыпчакских феодалов, с их многочисленными воинами-дружинниками, которые внесли определенные изменения в социально-политический строй булгарского общества и этнический состав его населения» (Усманов 1972: 25). Они, в свою очередь, скорее всего, также были беглецами от чумы, поразившей южные районы Золотой Орды.

Как уже было отмечено выше, практика установки надмогильных камней с эпитафиями не исчезает. Меняется язык эпитафий. Если посмотреть карту булгаро-татарских эпиграфических памятников, выявленных на территории Татарстана, то можно отметить следующее: если памятники XIII-XIV вв. группируются в основном в Закамье, то памятники XV-XVII вв. – в Заказанье. Это говорит о перемещении булгарского населения из центрального региона, располагавшегося в Закамье и южном Предволжье в Заказанье и северное Предволжье (Юсупов 1960: 24).

Политические изменения, внесенные чумной пандемией, были колоссальными. В Золотой Орде начинается эпоха, названная летописцами «великой замятней». После довольно страшной смерти хана Джанибека, убитого собственным сыном Тенибеком, чехарда ханов на троне государства проходит с калейдоскопической скоростью. За десять лет меняется более 20 правителей. Некоторым не удавалось просидеть и неделю, как их свергали представители многочисленного рода чингизидов. Нет никаких сомнений, что и здесь чума внесла свои коррективы, потому что все это происходило практически во время ее безграничного господства над Европой. Орда обезлюдела, государство распадалось.

На Руси, после смерти от чумы великого князя Симеона Ивановича Гордого и его детей, а так же его младшего брата Ивана Ивановича Красного, политика московских бояр направлена на то, что бы ярлык на великое княжение сохранился за московскими князьями. С неимоверными усилиями им удалось это сделать. Князем на Руси с полномочиями наиглавнейшего становится малолетний Дмитрий Иванович, будущий победитель на Куликовом поле. После разгула «Черной смерти» меняется политическая расстановка сил в Восточной Европе. Корабль истории дал

крен, что привело в последующем к появлению России Московской, превратившейся из ордынского улуса в великое государство.

Что касается булгарского населения Поволжья, можно довольно смело предположить, что большинство, после «бегства от чумы», оседали в сопредельных территориях. Их потомки живут в Башкирии, Мордовии, Мари Эл, Удмуртии, Ульяновской, Рязанской и Нижегородской областях под наименованием татары. Многие помнят о своем происхождении и с гордостью величают себя «потомками великих булгар».

ЛИТЕРАТУРА

Боккаччо 1990 - *Боккаччо Дж.* Декамерон: перевод с итальянского. М., 1990.

Гагин 2011 - *Гагин И.А.* Рукописи не горят? (о причинах исчезновения булгаро-татарских письменных источников) // Вестник СамГУ. 2011. № 7 (88). С. 38-44.

Гезер 1867 - *Гезер Г.* История повальных болезней: перевод с немецкого. Т. I. СПб., 1867.

Гумилев 1992 - *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Товарищество Клышников, Комаров и К, 1992.

Егоров 1985 - *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.

Жиромский 1958 - *Жиромский Б.Б.* К вопросу о походе Булак-Тимура // Советская археология. 1958. № 1. С. 88-96.

История чумных эпидемий - История чумных эпидемий в России / Электронный ресурс: http://www.it-med.ru/library/ch/chuma.htm (дата обращения – 27.10.2015).

ПСРЛ. VII - Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001.

ПСРЛ. VIII - Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001.

ПСРЛ. X - Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской литературы, 2000.

Руссев 1997 - *Руссев Н.Д.* Безносая привратница эпох: «Чёрная смерть» на западе и востоке Европы // Стратум: структуры и катастрофы: сборник символической индоевропейской истории. СПб.: Нестор, 1997. С. 220-239.

Самаркин 1976 - *Самаркин В.В.* «Чёрная смерть» по данным современной зарубежной литературы // Вестник МГУ. Серия «История». 1976. № 3. С. 75.

Усманов 1972 - *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань: Таткнигоиздат, 1972.

Шамильоглу 2007 - *Шамильоглу Ю.* «Джагфар Тарихы». Как изобреталось булгарское самосознание // Родина. 2007. № 8.

Юсупов 1960 - *Юсупов Г.В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Наука, 1960.

Schamiloglu 1991 - *Schamiloglu U.* The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasiatica. Festschrift fur Professor Andras Rona-Tas. Szeged, 1991. P. 157-163.

Schamiloglu 1993 - *Schamiloglu U.* Preliminary remarks on the role of disease in the history of the Golden Horde // Central Asian Survey. University of Wisconsin-Madison. 1993. Vol. 12 (4). P. 450.

Schamiloglu 2001 - *Schamiloglu Uli.* (Madison, WI) We Are Not Tatars! The Invention of a Bulġar Identity // Néptörténet – Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése. Szerkesztette: Károly László és Kineses Nagy Éva. Szeged, 2001. P. 137-154.

REFERENCES

Bokkachcho 1990 - *Bokkachcho Dzh.* Dekameron: perevod s ital'janskogo [The Decameron: translation from Italian], Moscow, 1990 [in Russian].

Egorov 1985 - *Egorov V.L.* Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII-XIV vv. [Historical geography of the Golden Horde in the XIII-XIV centuries], Moscow, 1985 [in Russian].

Gagin 2011 - *Gagin I.A.* Rukopisi ne gorjat? (o prichinah ischeznovenija bulgaro-tatarskih pis'mennyh istochnikov) [Manuscripts do not burn? (about the reasons of disappearance of the Bulgaro-Tatar written sources)], in: Vestnik SamGU [Bulletin of the Samara state university], 2011, № 7 (88), pp. 38-44 [in Russian].

Gezer 1867 - *Gezer G.* Istorija poval'nyh boleznej: perevod s nemeckogo. T. I [History of general diseases: translation from German. Volume I], St. Petersburg, 1867 [in Russian].

Gumilev 1992 - *Gumilev L.N.* Drevnjaja Rus' i Velikaja step' [Ancient Russia and Great steppe], Moscow, Tovarishhestvo Klyshnikov, Komarov i K Publ., 1992 [in Russian].

Istorija chumnyh jepidemij - Istorija chumnyh jepidemij v Rossii [History of plague epidemics in Russia], Electronic resource: http://www.it-med.ru/library/ch/chuma.htm (Date of access – 27.10.2015) [in Russian].

Jusupov 1960 - *Jusupov G.V.* Vvedenie v bulgaro-tatarskuju jepigrafiku [Introduction to the Bulgaro-Tatar epigrafika], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1960 [in Russian].

PSRL. VII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VII. Letopis' po Voskresenskomu spisku [Complete collection of the Russian chronicles. Volume VII. The chronicle according to the Voskresensky list], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2001 [in Russian].

PSRL. VIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VIII. Letopis' po Voskresenskomu spisku [Complete collection of the Russian chronicles. Volume VIII. The chronicle according to the Voskresensky list], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2001 [in Russian].

PSRL. X - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. X. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju [Complete collection of the Russian chronicles. Volume X. The annalistic collection called by the Patriarchal or Nikonovsky chronicle], Moscow, Jazyki russkoj literatury Publ., 2000 [in Russian].

Russev 1997 - *Russev N.D.* Beznosaja privratnica jepoh: «Chjornaja smert'» na zapade i vostoke Evropy [Beznosy door-keeper of eras: «Black death» in the West and East of Europe], in: Stratum: struktury i katastrofy: sbornik simvolicheskoj indoevropejskoj istorii [Stratum: structures and accidents: collection of symbolical Indo-European history], St. Petersburg, Nestor Publ., 1997, pp. 220-239 [in Russian].

Samarkin 1976 - *Samarkin V.V.* «Chjornaja smert'» po dannym sovremennoj zarubezhnoj literatury [«Black death» according to modern foreign literature], in: Vestnik MGU. Serija «Istorija» [Bulletin of Moscow State University. History series], 1976, № 3, p. 75 [in Russian].

Schamiloglu 1991 - *Schamiloglu U.* The End of Volga Bulgarian, in: Varia Eurasiatica. Festschrift fur Professor Andras Rona-Tas, Szeged, 1991, pp. 157-163 [in English].

Schamiloglu 1993 - *Schamiloglu U.* Preliminary remarks on the role of disease in the history of the Golden Horde, in: Central Asian Survey. University of Wisconsin-Madison, 1993, Vol. 12 (4), p. 450 [in English].

Schamiloglu 2001 - *Schamiloglu Uli.* (Madison, WI) We Are Not Tatars! The Invention of a Bulġar Identity, in: Néptörténet – Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése. Szerkesztette: Károly László és Kineses Nagy Éva, Szeged, 2001, pp. 137-154 [in English].

Shamil'oglu 2007 - *Shamil'oglu Ju.* «Dzhagfar Tarihy». Kak izobretalos' bulgarskoe samosoznanie [«Dzhagfar Tarikhy». As the Bulgar consciousness was invented], in: Rodina [Homeland], 2007, № 8 [in Russian].

Usmanov 1972 - *Usmanov M.A.* Tatarskie istoricheskie istochniki XVII-XVIII vv. [Tatar historical sources of the XVII-XVIII centuries], Kazan, Tatknigoizdat Publ., 1972 [in Russian].

Zhiromskij 1958 - *Zhiromskij B.B.* K voprosu o pohode Bulak-Timura [To a question of Bulak-Timur's campaign], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1958, № 1, pp. 88-96 [in Russian].

Гагин Игорь Анатольевич – Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета (Рязань, Россия).
Gagin Igor – candidate of historical sciences, associate professor of Departments of philosophy and history Ryazan state medical university (Ryazan, Russia).
E-mail: igagin@mail.ru

УДК 911.375

ОБРАЗОВАНИЕ БАЛАХНЫ, А ТАКЖЕ НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕЕ ВОЗВЫШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛ. – СЕР. XVI В.

М.А. Несин
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
e-mail: petergof-history@yandex.ru
Scopus Author ID: 55092391600
SPIN-код: 4126-3620

Авторское резюме

Время и обстоятельства возникновения Балахны точно неизвестно. Первые надежные известия письменных источников о ней следует отнести к началу XVI в. Тем не менее, по археологическим материалам можно установить, что поселение на этом месте находилось еще в XIII–XV вв. Но на рубеже XV–XVI вв. поселение резко увеличивается в размерах, а в начале – первой половине XVI вв. оно начало фигурировать в разнообразных письменных источниках, в частности, в качестве центра солеварения. По мнению автора, эти совпадения не случайны. Такое активное развитие поселения в этот период связано именно с зарождением, или значительной активизацией прибыльного на Руси соляного промысла. В статье рассматриваются различные источники о развитии поселения в XIII – второй половине XVI вв. до тех пор, пока Балахна не приобретает статус уездного центра, а также подробно рассматриваются известия о нападении казанских татар на Балахну в январе 1536 г., которое, по мнению автора, вероятно сказалось на дальнейшем административном статусе Балахны.

Ключевые слова: Балахна, Нижний Новгород, XVI век, поселение, 1536 год, казанские татары, Балахонский уезд.

THE EMERGENCE OF BALAKHNA AND SOME ASPECTS OF ITS UPRISING IN THE EARLY - MID-15th CENTURY

Mikhail Nesin
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41 The Bolshaya Sankt-Peterburgskaya Street, Veliky Novgorod, 173003, Russia
e-mail: petergof-history@yandex.ru

Abstract

The exact age of the township of Balakhna, as well as the circumstances of its appearance are unknown. Reliable written sources mention it for the first time in the beginning of the 16th century. However, archaeological data indicate that a settlement must have existed there as early as the 13th-15th centuries. At the end of the 15th – beginning of the 16th centuries the settlement dramatically increased in size, and in the early – mid-16th century it began to appear in a variety of written sources, particularly as a center of salt production. According to the author, this coincidence was not random. The uprising of the settlement was associated with the development of a profitable salt making trade in Rus'. This article reviews various sources of records related to the early history of Balakhna (until the time it acquired the status of a district center), as well as accounts of the Kazan Tatars' invasion on Balakhna in January 1536, which, in the author's opinion, likely affected the future administrative status of Balakhna.

Keywords: Balakhna, Nizhny Novgorod, 16th century, settlement, 1536, the Kazan Tatars, Balakhna County.

* * *

Время и обстоятельства возникновения Балахны точно неизвестны, что породило ряд легенд и гипотез. Первые надежные свидетельства о ней в письменных источниках, по справедливому мнению современных исследователей, следует отнести к началу XVI в. (Чеченков 2013; Карташова 2013: 55). Вместе с тем, в 1990-х гг. на территории Балахны проводились археологические исследования, привлечение результатов которых вместе с анализом письменного материала, как нам кажется может несколько пролить свет на эту загадку.

Известно, что согласно археологическим данным, жизнь на месте Балахны была до XV в. Археологами были обнаружены фрагменты керамики и пряслице. Эти находки датируются около XIII–XV вв. (Гусева 1994; Иванова 2003). (При этом некоторые черепки – XIV–XV вв. были найдены на дне ямы для добычи соли (Иванова 2003: 47)). Это показывает несостоятельность расхожего мнения об образовании Балхны за счет переселения беженцев с Городца, разоренного в начале XV в. Едигеевой ратью. Ведь поселения там появилось еще с XIII в, а в начале XV в. никаких значительных перемен оно не перетерпело. Очевидно, это поселение фигурирует в числе неких «станов» «на сей» – правой стороне Волги «пониже Городца» в завещании князя Владимира Андреевича в начале XV в (ДДГ 1950: 47). Тем не менее, из значимых населенных пунктах на правом берегу реки выделены лишь Белогородье и Юрьевец. Балахна, или деревня, которое было на ее месте, видимо, была не очень крупным сельским поселением, о чем свидетельствует и скудный археологический материал. Не следует исключать вероятность некоторой достоверности старинных преданий о переселении в конце XV в. Иваном III в Балахну жителей новгородской земли, которые и организовали вскоре здесь соляной промысел (Мельников 1850: 2; Брогкауз, Ефрон 1891: 793). В тоже время, на данный момент мы не располагаем надежными письменными свидетельствами о проживании в XV–XVI вв. в Балахне «выведенных» новгородских землевладельцев, или их потомков. Этот вопрос возможно будет решен при дальнейшем археологическом исследовании Балахны и ее округи с выявлением наличия или отсутствия большого количества памятников материальной культуры севернорусского типа.

Между тем, примерно на рубеже XV–XVI вв. в жизни Балахны происходят существенные изменения. Само поселение значительно увеличивается в размерах и представлено не отдельными группами фрагментов керамики, а более обильными и разнообразными памятниками материальной культуры (Гусева 1994). Именно к началу – первой половине XVI в. относятся первые писменные свидетельства о Балахне и развитии в ней солеварения.

Едва ли эти совпадения случайны. Надо полагать, именно зарождения здесь солеварения на рубеже XV–XVI вв. (или, по крайней мере, его значительное развитие) – весьма прибыльного по тем временам на Руси промысла – и послужило

толчком к резкому росту поселения. Как установил П.В. Чеченков, первое упоминание Балахны относится к 1502/1503 г. Тогда Великий Московский князь Иван III устанавливает церковный сбор с Балахны в пользу нижегородских «Спасского» и «Архангельского» «протопопов» (Чеченков 2013). Таким образом, и согласно письменным свидетельствам уже к этому времени Балахна становится одним из значительных поселений в Нижегородской округе достойной отдельного упоминания (в то время как в составленной за сто лет до этого духовной Владимира Андреевича упоминаются разве что некие безымянные «станы» на сей стороне Волги «пониже Городца»: ДДГ: 1950: 47).

Развитие соляных промыслов в Балахне в начале XVI в. не крылось и от посетившего Московское Государство в 1517 г. С. Герберштейна. В своей знаменитой книге «о московских делах» он описал, что «В двух милях от Нижнего Новгорода было очень много домов, наподобие города или поселка, где вываривалась соль» (Герберштейн 1986: 120).

В сотой грамоте на Узольскую волость Балахна упоминается как своим именем, так и под названием соли Балахонской (Сироткин 2002: 164). Под 1536 г. После 1536 г. последнее название не встречается ни в каких источниках в том числе и подробно описывающих местность писцовых книгах. В этой связи вполне логично предположить, что это наименование возникло в конце XV – начале XVI в связи с соляными промыслами, но далее постепенно утратило популярность, уступив место обычному названию местности – Балахна. В этой связи последнее вероятно было более ранним и могло быть связано с прежним поселением XIII в. А Соль Балахонская, появилось как производное от него уже на рубеже XV–XVI, в связи с бурным развитием солеварения. При этом, солеварение было в этом поселении в то время явно наиболее развитым промыслом раз Балахну даже стали официально называть Балахонской солью или Солью на Балахне. Это также наводит на мысль, что прослеженное по археологическим материалам увеличение поселение в этот период связано именно с доходным на Руси солеварением.

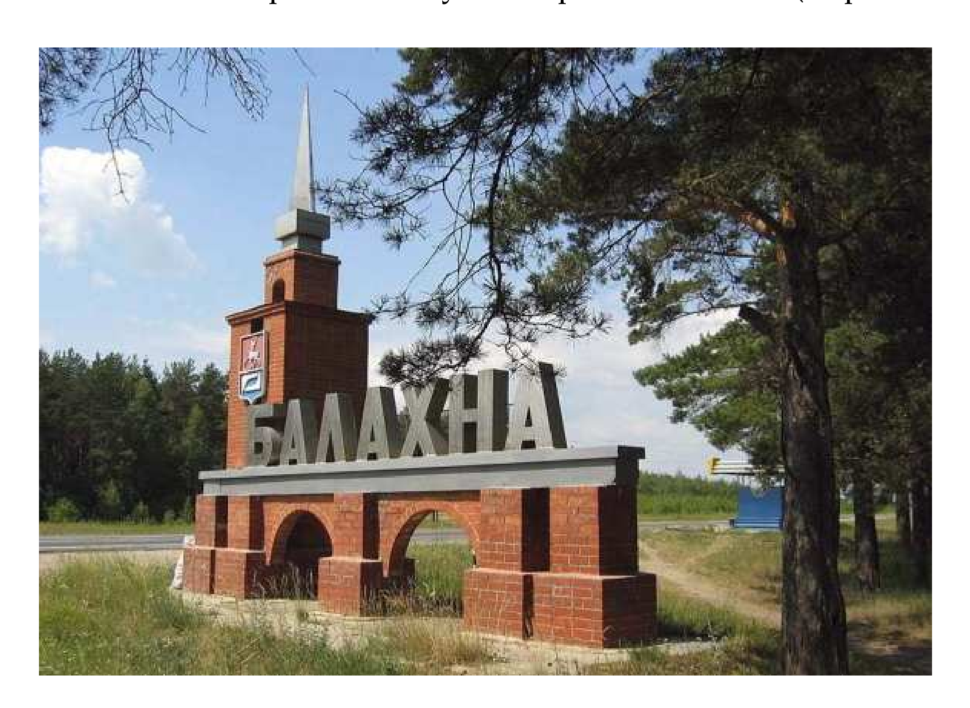
Кроме того, упоминание Балахны в этом документе склоняет нас к мысли, что она в то время входила в подчинения Узольской волости, иначе бы не было смысла ее упоминать.

Связь с Узольской волостью, Балахна, надо отметить, сохранит и позднее – 1540/1541 гг. там помимо местного, городового приказчика, упомянут приказчик Узольский (Чеченков 2013). Не ясно, какими полномочиями этот приказчик располагал, но, тем не менее, само его наличие говорит о какой-то административной зависимость Балахны от Узольской волости даже на рубеже 1530-х – 1540-х гг. когда Балахна уже считалась не просто крупным и богатым сельским поселением, но укрепленным городом, с собственной крепостью.

С 20 июля по октябрь 7045 г (1536 от Р.Х.) в Балахне «у Соли Балахонской», согласно почти дословным известиям Львовской Никоновской летописи, по приказу Елены Глинской, отданном от ее имени и имени малолетнего Ивана IV, была выстроена крепость «ради того, что посад велик и людей много» (ПСРЛ 1904: 113-114; ПСРЛ 1914: 440). Как мы видим, Балахна здесь признана городом – ведь «посад» в те

времена считался городским торгово-ремесленным районом, и этот термин не применялся к селам, даже очень крупным, с развитой торговлей.

По мнению М.В. Карташовой, постройка крепости была связана с проходившим в те годы по указу московских властей укреплением восточных рубежей Московской Руси от казанских татар, а не только с последствиями конкретного нападения татар на Балахну в январе того же года (Карташова 2013: 66).

При этом, великим и многолюдным поселением Балахна с точки зрения московских властей во второй половине 1536 г., оставалась даже после того, как в январе того года она была разорена казанскими татарами, а часть ее жителей перебита и ведена в полон. Наиболее знаменитая повесть о разорении Балахны представлена в Никоновской летописи (продублирована также во Львовской летописи в несколько укороченном варианте). Она в этих летописях выделена отдельным заголовком и идет вслед за повестью о нападении казанских татар на Русь (ПСРЛ 1904: 106-107; ПСРЛ 1914: 436). Вообще в обеих летописях в этой погодной записи под особыми заготовками приведены сразу несколько повестей об одном и том же татарском нашествии. Эти повести идут подряд без какой-либо связи между собой. Тем не менее, вышеупомянутый рассказ о разорении Балахны и предшествующая ей повесть о вторжении татар в Нижегородскую землю явно представляют связное повествование и написаны схожим языком, поэтому, скорее всего, восходят к одному и тому же источнику. Не исключено и его нижегородское происхождение – кроме того, что здесь относительно подробно сообщается о разорении Балахны, есть уникальные сведения о неожиданном ночном грабительском набеге татар на Нижегородские «места» 24 декабря 1535 г. и неудавшейся военной хитрости нижегородских воевод (ПСРЛ 1904: 106; ПСРЛ 1914: 436). Набег татар, скорее всего, был связан с тем, что московское правительство само в этом месяце направило войска на их ханство, дабы восстановить там влияние промосковских сил. Согласно летописному повествованию, татары пока местные

жители были «сонные», «нощи» пограбили и двинулись назад, а нижегородские воеводы пошли за ними в сторону Мещеры, думая ударить на них с тылу, ожидая, что татары придут «к мещерским воеводам (Семену Гундареву да Василию Замытскому, посланным в том месяце воевать против Казанского ханства), а они сзади». Но Гундарев с Замытским в Казанское ханство не пошли (за что были потом посажены в темницу в Москве на страх и в назидание иным). Поэтому нижегородские воеводы просчитались и татары смогли уйти на восток.

Елена Глинская велела нижегородским воеводам возвратиться назад, а Гундареву и Замытскому велела прибыть в Москву, где их отправили в заточение. А татары, благополучно миновав Мещеру, видимо, не дойдя до Казани, решили предпринять новый набег. Уже через считанные дни – 6 января они вновь вторглись в Русские пределы и напали на Балахну подпалив городские дворы. Населявшие Балахну «черные люди» согласно летописной повести, были не приучены к военному делу. Поэтому, когда они собрались и вышли навстречу татарам те многих из них перебили и взяли большой полон. Когда находившиеся в Нижнем Новгороде воеводы услыхали о вторжении татар Балахну и выступили к ним навстречу, те отступили с большим полоном состоящим, надо думать, прежде всего из балахонцев (ПСРЛ 1904: 106-107; ПСРЛ: 1914: 436).

В более лапидарном известии Воскресенской летописи тоже говорится об устроенном татарами 6 января 1536 г. поджогами «посада» Балахны и «поимании» многих «беглых» людей «на Волге» (вероятно, тех же не обученных военному делу балахонцев), а также отступлении татар после того, как на них двинулись русские воеводы (ПСРЛ 1859: 291). Несколько иначе описывает поражение балахонцев Казанский летописец. Он наоборот пишет, что, когда татары подошли на утренней заре балахонцы ополшали потому что (как видно с вечера) были пьяны веселясь «о Боге» (ПСРЛ 1903: 315). Надо сказать, летописец спутал дату и отнес нападение татар не к началу января, а к февралю – «мясной недели», когда как они напали на Балахну 6 января, в день Крещения, или Богоявления. В этой связи версия о массовом пьянстве по случаю праздника тоже выглядит несостоятельной, так как накануне 6 января – Крещения, когда была разорена Балахна, на Руси не было традиции массового празднования, Богоявление отмечали всегда в сам его день. Кроме того, Казанский летописец уверяет, что татары брали не живой «плен», с которым не хотели себя обременять, а добро балахинцев, богатые ткани и др.

И с этим ушли в Казанское ханство. Но это выглядит странным, поскольку, по словам того же источника, татарский отряд насчитывал целых 6000 (ПСРЛ 1903: 315) – достаточное количество воинов, чтобы управится с живым полоном даже из богатого, крупного поселения. Кроме того, летописец приводит фантастические сведения о нападении в это время иных казанских отрядов на Вологду и Чухлому (ПСРЛ 1903: 315), что тоже заставляет скептически отнестись к его известию об этой кампании (Набег на Чухлому был, вероятно, связан с нападениями татар на Костромские и Галицкие «места» следующей зимой, но это уже относилось к совсем иному походу татар на Русь).

При этом балахонский полон так и ушел в Казань. Согласно иным летописным повестям о вторжении казанских татар, русские воеводы побили

некоторых из них, но нигде не сказано, чтобы они отбили у них полон (ПСРЛ 1904: 107; ПСРЛ 1914: 436). Согласно другому варианту, они побили у них 50 человек под Лысковом (*у правого берега Волги немного ниже по течению Нижнего Новгорода – М.Н.*) но больше не стали из-за наступления темноты, а на утро те сами быстро ретировались из русских пределов. Согласно другой летописной повести, русские в Коряково (Корякова слобода находилась на левой стороне Волги берегу против Юрьевца) побили многих татар и союзных им черемисов, а иных взяли в плен живыми и отвезли в Москву. Но и в этом более победном для русских рассказе не сказано об освобождении русского полона. Пленных балахонцев увели в Казань.

Кроме того, нижегородский летописец добавляет о нападении татар на Балахну следующей зимой 1536/37 гг. (Нижегородский летописец 1886: 34), но в тот год казанские татары ходили на Костромские и Галицкие места, где были разбиты русскими воеводами, поэтому им логичнее было брать оттуда на восток, а не идти вдоль по Волге, вблизи Нижнего Новгорода, где их могли побить еще большее. Скорее всего, летописец просто не под тем годом описал вышеупомянутый набег на Балахну 6 января 1536 г.

Вероятно, разорение Балахны в самом начале 1536 г. несколько замедлило превращение ее в уездный центр. И она до конца 1540-х гг. включительно, несмотря на наличие городского посада с крепостью, пребывала в присущем чаще всего сельским статусе волостного центра – в документах 1538–1548 гг. там упоминаются местные волостели (Чеченков 2013) (в этом связи, предположение П. В. Чеченкова, что Балахинский уезд появился в 1540-х гг., не кажется достаточно убедительным, вероятно, это произошло уже в 1550-х гг., когда по наблюдениям этого же исследователя в 1559/1560 гг. впервые упомянут Балахонский уезд (Чеченков 2013)). Кроме того, по крайней мере, под 1540/41 гг., Балахна, как было сказано выше, подчинялась Узольскому приказчику, хотя еще за два года до этого там был впервые упомянут свой волостель. Вероятно, в связи с разорением города татарами уездный центр, или фактическое управление округой, было временно перенесено на левый берег Волги, в Узолье. Там, правда, не было ни города, ни крепости, но оно, видимо, от татар не пострадало, поэтому по традиции, по-прежнему играло роль местного административного центра.

При этом, до 1541 г. местные церковные иерархи не имели право венчать прихожан и освещать церки «а преж того былахонские венцы и церковное освященье было за нижегородским протопопом з братьею по тому, что на Балахне тогды города не было» (Каштанов 1996: 11) Понятно, что город появился здесь не к 1541 г., раз в 1536 г., поселение считалось уже «посадом» и приобрело крепость. Но скорее всего оно лишь к этому времени понемногу стало оправляться от разорения, а соответственно и местная церковь начала приобретать дееспособность. Но процветавший в Балахне соляной промысел быстро восстановил благосостояние города. В сотой на Узольскую волость 1559/60 гг. упомянут уже Балахонский уезд, к которому теперь, наоборот, относилась сама Узольская *волость* (Писцовые материалы 1997: 28).

ЛИТЕРАТУРА

Брокгауз, Ефрон 1891 - Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. II. СПб., 1891.

Герберштейн 1986 - Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

Гусева 2013 - *Гусева Т.В.* Отчет об археологическом исследовании территории соледобывающего комплекса в Балахне в 1993 г. Рукопись. 1994 г. Архив Института археологии РАН.

ДДГ 1950 - Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л., 1950.

Иванова 2003 - *Иванова Н.В.* Гончарная керамика Балахны // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2003.

Карташова 2013 - *Карташова М.В.* Балахна в XV-XVIII в. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2013.

Каштанов 1996 - *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника (Акты X – XVI вв.). М., 1996.

Мельников 1850 - *Мельников П.* Балахна. Уездный город Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1850.

Нижегородский летописец 1886 - Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.

Писцовые материалы 1997 - Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века / Сост.: Е.И. Колычева, Н.П. Воскобойникова. М., 1997.

ПСРЛ 1859 - Полное собрание русских летописей. Т. VIII. СПб., 1859.

ПСРЛ 1903 - Полное собрание русских летописей. Т. XIX. СПб., 1903.

ПСРЛ 1904 - Полное собрание русских летописей. Т. XIII. СПб., 1904.

ПСРЛ 1914 - Полное собрание русских летописей. Т. XX. Ч. 1. СПб., 1914.

Сироткин 2002 - *Сироткин С.В.* Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6.

Чеченков 2013 - *Чеченков П.В.* Формирование Балахнинского уезда в XVI в. / Электронный ресурс: http://www.opentextnn.ru/history/histgeography/?id=4933#_ftn15 (дата обращения – 05.11.2015).

REFERENCES

Brokgauz, Efron 1891 - Jenciklopedicheskij slovar' / Izd. F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. T. II [A encyclopedic dictionary / Edition. F.A. Brockhaus and I.A. Efron. Volume II], St. Petersburg, 1891 [in Russian].

Chechenkov 2013 - *Chechenkov P.V.* Formirovanie Balahninskogo uezda v XVI v. [Formation of the Balakhna district in the XVI century], 2013, Electronic resource: http://www.opentextnn.ru/history/histgeography/?id=4933#_ftn15 (Date of access – 05.11.2015) [in Russian].

DDG 1950 - Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knjazej [Spiritual and contractual testaments of grand and specific dukes], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Gerbershtejn 1986 - Rossija XV-XVII vv. glazami inostrancev [Russia the XV-XVII centuries eyes of foreigners], Leningrad, 1986 [in Russian].

Guseva 2013 - *Guseva T.V.* Otchet ob arheologicheskom issledovanii territorii soledobyvajushhego kompleksa v Balahne v 1993 g. Rukopis'. 1994 g. Arhiv Instituta arheologii RAN [The report on archaeological research of the territory of a salt-mining complex in Balakhna in 1993. Manuscript. 1994. Archive of Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences] [in Russian].

Ivanova 2003 - *Ivanova N.V.* Goncharnaja keramika Balahny [Potter's ceramics of Balakhna], in: Nizhegorodskie issledovanija po kraevedeniju i arheologii [Nizhny Novgorod researches on study of local lore and archeology], Nizhnij Novgorod, 2003 [in Russian].

Kartashova 2013 - *Kartashova M.V.* Balahna v XV-XVIII v. [Balakhna in the XV-XVIII century], in: Nizhegorodskie issledovanija po kraevedeniju i arheologii [Nizhny Novgorod researches on study of local lore and archeology], Nizhnij Novgorod, 2013 [in Russian].

Kashtanov 1996 - *Kashtanov S.M.* Iz istorii russkogo srednevekovogo istochnika (Akty X – XVI vv.) [From history of the Russian medieval source (Acts of the X-XVI centuries)], Moscow, 1996 [in Russian].

Mel'nikov 1850 - *Mel'nikov P.* Balahna. Uezdnyj gorod Nizhegorodskoj gubernii [Balakhna. District city of the Nizhny Novgorod province], Nizhnij Novgorod, 1850 [in Russian].

Nizhegorodskij letopisec 1886 - Nizhegorodskij letopisec [Nizhny Novgorod chronicler], Nizhnij Novgorod, 1886 [in Russian].

Piscovye materialy 1997 - Piscovye materialy dvorcovyh vladenij vtoroj poloviny XVI veka / Sost.: E.I. Kolycheva, N.P. Voskobojnikova [Pistsovy materials of palace possession of the second half of the XVI century / Originators: E.I. Kolycheva, N.P. Voskoboynikov], Moscow, 1997 [in Russian].

PSRL 1859 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VIII [Polnoe sobranie russkih letopisej. Volume VIII], St. Petersburg, 1859. [in Russian]

PSRL 1903 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XIX [Polnoe sobranie russkih letopisej. Volume XIX], St. Petersburg, 1903 [in Russian].

PSRL 1904 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XIII [Polnoe sobranie russkih letopisej. Volume XIII], St. Petersburg, 1904 [in Russian].

PSRL 1914 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XX. Ch. 1 [Polnoe sobranie russkih letopisej. Volume XX. Part 1], St. Petersburg, 1914 [in Russian].

Sirotkin 2002 - *Sirotkin S.V.* Sotnaja 1533 g. na Uzol'skuju volost' Balahninskogo uezda [Sotny 1533 on the Uzolsky volost of the Balakhna district], in: Ocherki feodal'noj Rossii [Sketches of feudal Russia], Moscow, 2002, Vyp. 6 [in Russian].

Несин Михаил Александрович – Аспирант исторического факультета Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.
Nesin Mikhail – Postgraduate at the Department of history of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.
E-mail: petergof-history@yandex.ru

УДК 94(47).03

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО НА РУБЕЖЕ 1240-х – 1250-х ГОДОВ

М.В. Киселёв

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199304, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9

e-mail: fasthedgehog@bk.ru

Scopus Author ID: 56604767400

SPIN-код: 1477-8322

Авторское резюме

Внешняя политика Даниила Романовича Галицкого, его коронация и отношения с Европой и монголами – все эти проблемы до сих пор вызывают интерес исследователей. Статья должна пролить свет на некоторые аспекты европейской политики Даниила Галицкого в конце 1240-х – начале 1250-х годов (между битвой на реке Лейте и, собственно, коронацией). Так как внешняя политика князя в указанный период плохо прослеживается по русским летописям, необходимо сопоставить сведения западноевропейских и греческих источников, а также проанализировать мнения историков, чтобы попытаться восстановить наиболее полную картину взаимоотношений Галицко-Волынской Руси с европейскими странами, папским престолом и Никейской империи.

Ключевые слова: Даниил Галицкий, Галицко-Волынская Русь, папство и Русь.

DANIEL OF GALICIA'S FOREIGN AFFAIRS IN THE LATE 1240s AND EARLY 1250s

Maxim Kiselev

Saint Petersburg State University

7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia

e-mail: fasthedgehog@bk.ru

Abstract

The foreign affairs of Daniel Romanovych, Prince of Galicia, as well as his coronation and relations with Europe and the Horde are still of great interest to researchers. The article sheds light on some aspects of the European politics that Daniel of Galicia engaged in from the late 1240s to early 1250s (the time period between the battle of the Leitha River and his coronation). Since the foreign affairs of the prince during this period were poorly traced by Russian chronicles, it was necessary to compare information from Western European and Greek sources, as well as to analyze the opinions of historians to attempt to restore the most complete picture of the international relationships of the Galician-Volhynian Rus' with European countries, the Holy See and the Empire of Nicaea.

Keywords: Daniel of Galicia, Galician-Volhynian Rus', Rus' and the papacy.

* * *

На рубеже 1240х-1250х годов Галицко-Волынская Русь находилась между двумя мирами – Востоком, представленным монголо-татарами, и Западом в лице

католических держав. Это, безусловно, определяло специфику внешней политики галицко-волынского князя Даниила Романовича. Начиная с XIX века историки (Карамзин 2002: 496; Соловьев 1988: 170; Пресняков 1988: 63; Насонов 2006: 234, 240; Греков, Якубовский 1950: 228; Котляр 2005: 22, 26) смотрели на внешнюю политику Даниила этого периода как антиордынскую – князь идёт на союз с Западом и принятие королевского титула с единственной целью – противостояние монгольской угрозе.

Основанием для подобного мнения было свидетельство летописи, где сказано, что Даниил отказывался принимать корону, пока папа не окажет ему помощь в борьбе с татарами (ПСРЛ 2: 276 об-277), а также письма папы Иннокентия IV Даниилу, в которых понтифик просит Даниила Галицкого уведомлять рыцарей Тевтонского ордена о надвигающейся монгольской угрозе (Акты: 68) и призывает христиан Богемии, Моравии, Сербии и Померании проповедовать крестовый поход против монголов (Акты: 78).

На рубеже 1240х-1250х годов Даниил Галицкий правил одним из самых сильных и процветающих русских княжеств, с которым считаются в Европе. М.К. Любавский говорит о том, что в 1246-1247 годах князья Даниил и Василько Романовичи «с блеском» отразили походы на Русь литовских князей (Любавский 2004: 45-46). В.Т. Пашуто отмечает, что благодаря политике Даниила Галицкого «возвысился международный авторитет Галицко-Волынского княжества» (Пашуто 1950: 287). Д.И. Иловайский говорит, что Даниил уделял отдельное внимание социальной политике и экономике, для чего пригласил в Галич немцев, евреев, армян, которым давал торговые привилегии, а также собирал «разбежавшихся жителей» и стал «возобновлять разрушенные города» (Иловайский 1998: 40), а Н.П. Дашкевич пишет, что Даниила называли «господарем Всея Руси», а его власть распространялась «от Днепра до Литвы» (Дашкевич 1873: 60).

В настоящее время историческая наука взяла курс на всестороннее раскрытие аспектов внутренней и внешней политики Даниила Романовича и составление полной картины его личностной и политической биографии.

Ранее (Киселев 2015: 25-50) мы уже рассматривали вопрос, связанный с участием в битве на реке Лейте в 1246 году «короля Руси», упоминание о котором без указания имени присутствует в немецких источниках (MGH SS 22: 541). В той статье мы соглашаемся с доводами А.В. Майорова о том, что с этим неназванным королём можно идентифицировать именно Даниила Галицкого (Майоров 2012a: 55). Не будем вдаваться в подробности дискуссий в современной исторической науки по поводу участия Даниила в австрийских событиях, ограничимся констатацией наличия документальных свидетельств того, что Даниил Галицкий признавался в Европе «королём Руси» (Regesta Imperii: 442; Акты: 62, 65-68).

В Галицко-Волынской летописи эпизод, в котором речь идет о коронации Даниила в 1253 году легатом Опизо Мессанским: «Присла папа послы чс̑тны носѧще вѣнѣць и скыпетрь. и короуноу еже наречтьс̑ королевьскыи санъ . рекыи сн҃оу приими ѿ насъ . вѣнѣчь королевьства древле бо того прислалъ к немоу . пискоупа Береньского и Каменцького река емоу и приими вѣнѣць королевьства ѡн же в то

времѧ не приӕлъ бѣ рѣка рать Татарьскаӕ не престаеть злѣ живоущи с нам̑ то како могоу приӕти вѣнѣць бес помощи твоеи. Ѡпиза же приде вѣнѣць носѧ ѡбѣщеваӕсѧ ӕко помощь имѣти ти ѿ папы» (ПСРЛ 2: 276 об-277). Папа дважды посылал послов к Даниилу с предложением короноваться. Задачей настоящей статьи яврляется попытка определить время и обстоятельства первого посольства.

Трудность установления точной даты прибытия епископа «береньского и каменецкого» вызвана отсутствием упоминаний об этом в документах – в своей переписке 1246-1248 годов с Даниилом Галицким папа Иннокентий не касается этого факта (Папские послания: 123-129). Галицко-Волынский летописец упоминает посещение Даниила «береньским и каменецким» епископом только в статье, посвященной коронации Даниила. При этом в силу особенностей Галицко-Волынской летописи не удается построить полную картину происходившего в Галицко-Волынской земле в конце 1240х годов.

Для того чтобы сделать комплексный обзор внешней политики Галицко-Волынской Руси конца 1240х – начала 1250х годов и пролить свет на некоторые неявные моменты, необходимо обратиться последовательно к каждому аспекту внешней политики Даниила Галицкого: отношениям с Западной Европой (в первую очередь, папством и Священной Римской империей), Никейской империей и Ордой.

Начало контактов с папой

26 октября (в день святого Дмитрия Солунского) 1245 г. Даниил Галицкий выехал из дома и направился в Орду к хану Батыю (ПСРЛ 2: 269 об). В марте 1246 года Даниил встретился с Плано Карпини, о чем пишет сам папский посол: «Король Даниил Русский со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи ставок Картана, женатого на сестре Бату» (Карпини: 61-62). О времени встречи можно судить по косвенным данным, но, безусловно, она произошла между «понедельником после первого воскресенья Четыредесятницы» (т.е. 26 февраля), когда Карпини начал путь к Батыю и до «среды Страстной недели» (4 апреля), когда делегация прибыла в ставку хана (Карпини: 60). Эта встреча положила начало длившемуся семь лет процессу переговоров между Римом и Галичем.

3 мая 1246 года датированы первые папские письма к князю галицкому. Причём, в одном из писем папа пишет, что «охотно вняли твоим мольбам и благожелательно выслушали просьбы твои, уповая на милость бога». Подробностей о переговорах Карпини с Даниилом в источниках не сохранилось. Б.Я. Рамм говорит о том, что по прибытии в Галич Даниил отправил к папе посольство (Рамм 1959: 155). Кто входил в состав этого посольства неизвестно.

Еще одно письмо адресовано «королю Руси Иоанну». С.А. Большакова, комментировавшая папские послания Даниилу Галицкому, включает письмо «светлейшему королю Иоанну» в число писем из Рима в Галич, комментируя со

ссылкой на документ из папской канцелярии, что Иоанн – это христианское имя Даниила (Папские послания: 123).

Б.Я. Рамм отождествляет «короля Иоанна» с Иваном Всеволодовичем, братом Ярослава Всеволодовича, получившим в 1238 году удельное княжение в Стародубе (ПСРЛ 1: 163 об). Вариант с отправкой посольства сразу же после возвращения Рамм называет «невероятным», а вариант, при котором Даниил отправляет письмо папе раньше и по собственной инициативе – «совсем невероятным» (Рамм 1959: 162).

Тем не менее, ряд исследователей отмечали, что первые контакты между Даниилом и папой, действительно, можно отнести еще к 1244-1245 гг. (Abraham 1904: 122-124; Войтович, Александрович 2013: 152). В. Абрахам полагал, что Даниил обратился к Папе после битвы под Ярославом, опасаясь нового наступления со стороны западных соседей, особенно, венгров (Abraham 1904: 124), а во время своей встречи с Карпини Даниил подтвердил высказанные ранее намерения. Польский исследователь говорит о том, что во время встречи с князем Василько Романовичем на пути в Монголию Плано Карпини передал князю папское письмо (Abraham 1904: 122-123). Л. Войтович пишет о том, что первое посольство Даниила к папе, скорее всего, было отправлено осенью 1244 года. Во главе упомянутого посольства стоял игумен Пётр (Войтович, Александрович 2013: 152). В данной статье мы не будем разбирать вопрос, связанный с личностью игумена Петра. Скажем лишь, что проблема идентификации Петра является дискуссионной. Источники и научные труды, посвященные вопросу о личности игумена Петра, разобраны у И. Паславского (см.: Паславський 2009).

В указанном письме папа уведомлял «светлейшего короля» о том, что направляет к нему легата Альберта, епископа Прусского и Эстонского (Папские послания: 124), просит прислушиваться к советам легата и оказывать ему помощь и покровительство. Уже из этого документа видно, что папа признавал за Даниилом королевский титул. Также и Плано Карпини: до встречи с Даниилом называет его князем (Карпини: 41), а затем уже «Королем Даниилом Русским» (Карпини: 61).

В следующем письме, датированным также 3 мая 1246 г., папа говорит о том, что посылает к Даниилу «братьев Алексия и… товарища его, который был с ним в Богемии, состоящих в ордене проповедников, предоставляя им настоящей грамотой те же полномочия, которые имеют лица, назначенные к татарам» (Папские послания: 125). То, что брат Алексий и его товарищ прибывали в Галич именно как переговорщики, подтверждается третьим папским письмом, в котором Иннокентий IV, «желая внять просьбам… светлейшего короля Руси», повелевает брату Алексию и его товарищу «немедленно предстать перед этим королём и находиться при нем [столько], сколько будет ему угодно» (Папские послания: 125).

Стоит согласиться с тезисом о том, что Даниил не дал папскому посольству однозначного ответа. Вероятно, послы от папы (брат Алексий и его товарищ) прибыли на Русь за окончательным подтверждением Даниилом перехода Галицко-Волынского княжества (королевства Рус) под власть папы, но подтверждения этого получено не было. Также возможно, что причиной такой спешки со стороны папы (единовременно он направляет к Даниилу два посольства) был дружественный характер отношений между Даниилом Галицким и императором Фридрихом II.

Вопрос об этом был исследован А.В. Майоровым (Майоров 2011: 180-181, 183-185), Д. Домбровским (Dąbrowski 2012: 189-191). Обоснованным выглядит предположение А.В. Майорова, согласно которому упоминающийся в имперском документе 1235 года «герцог Руси» (MGH LS: 272) и в документе 1240 года (где речь идет о событиях 1237 г.) «король Руси» (Mandatum 1237: 677-678) – это один и тот же человек, а именно – Даниил Романович Галицкий.

В то же время, еще с конца 1230х годах шло напряженное противостояние между римским престолом и императором Фридрихом II. 17 июля 1245 года в апостольском послании «Ad Apostolicae Dignitatis Apicem» (Bullar. Roman: 510-516) папа Иннокентий IV объявил об отлучении императора Фридриха от церкви, а позднее, в августе того же года, освободил Белу IV Венгерского от клятвы подданства, данной императору на время монгольского вторжения. В этих условиях, Галич мог оказать поддержку императору, что не могло не волновать папу. Кроме того, в июне 1246 года был заключен союз между Даниилом и Белой. При этом, летописец отмечает, что Бела «боялся Даниила, потому что тот был у татар, победил Ростислава и угров» (ПСРЛ 2: 271об). В отличие от Даниила, короля Белу Батый не признавал, что привело к возникновению угрозы нового нападения на Венгрию татар, теперь уже в союзе с Даниилом. Когда Даниил отправлял своего ставленника Кирилла к патриарху на поставление Киевским митрополитом, Бела всячески задабривал Кирилла, обещая ему дары и сопровождение «с великой честью», если тот уговорит Даниила на заключение мира (ПСРЛ 2: 271 об). Это также свидетельствует в пользу предположения о том, что Бела был более заинтересован в установлении подобного союза.

Кроме того, можно предполагать, что папе было известно о связях между Даниилом Романовичем и императором Никеи Иоанном III Ватацем. Матерью Даниила была византийская принцесса, Ефросинья-Анна (Мария), которая была дочерью императора Исаака II Ангела. Вопрос о влиянии матери на политику Даниила рассматривались А.В. Майоровым (см. Майоров 2013). Летопись подчеркивает, что мать Даниила сыграла значительную роль во время его коронации: она была одной из тех, кто убедил князя принятькоролевский венец (ПСРЛ 2: 277), причем летописец перечисляет Ефросинью-Анну первой среди тех, кто убеждал Даниила.

Принимая всё это во внимание, можно предположить, что папа Иннокентий IV мог опасаться сближения императора Фридриха II с королём Венгрии, императором Никеи и правителем Галицко-Волынской Руси. В такой ситуации, целью папы было воспрепятствовать появлению такого союза. Каждому папа пошел на некие уступки: венгерского короля освободил от присяги императору, никейскому императору обещал вернуть Константинополь (Майоров 2012б: 35). На уступки папа был готов пойти и Даниилу Галицкому, о чем свидетельствуют слова о стремлении «во всём удовлетворить твое желание» в одном из писем (Папские послания: 125).

Стоит также отметить, что в 1246 (или 1247 г.) Даниил Галицкий отправил в Никею к патриарху Константинопольскому Мануилу II своего ставленника Кирилла для утверждения его митрополитом Киевским. Б.Я. Рамм связывает поездку

Кирилла с размолвкой в отношениях папы и Даниила, правда, как нам кажется, меняет местами причину со следствием: исследователь говорит, что Даниил послал Кирилла в Никею в 1248-49 гг., поняв всю бесплодность дальнейших отношений с папой (Рамм 1959: 158). Вопрос о датировке поездки Кирилла в Никею также спорен.

Наиболее аргументированной представляется позиция исследователя летописания А.Н. Ужанкова, который связал с фигурой Кирилла создание Галицкого летописца. Кирилл отправляется в Никею вскоре после возвращения из Орды (Ужанков 2009: 335) и в Галицкую Русь уже не возвращается (Ужанков 2009: 337). Таким образом, Кирилл – автор летописца – отправляется в Никею, еще не зная об исходе битвы на Лейте, а затем летописание в Галиче ведет уже совершенно другое лицо, при этом, возобновляется летописание только через 16 лет после отъезда Кирилла (Ужанков 2009: 356-357).

А.Н. Ужанков говорит о том, что в первой части летописца нет ни одной ссылки на события, происходившие после 1247 года (Ужанков 2009: 316), то есть летописец, очевидно, работал не позднее этого года. Всё это позволяет утверждать, что автор летописи – Кирилл – покидает Галицко-Волынскую Русь не позднее 1247 года.

Папские послания показали, что в Риме к тому моменту уже чётко отделяли «восточных государей» от западных, а также истинную церковь от «неистинной» - в послании 1247 года к архиепископу Прусскому применяется термин «схизма» в отношении тех русских князей, которые не приняли покровительство папы (Акты: 64).

«Двойная игра» Иннокентия IV

Как отмечает Б.Н. Флоря, еще с 1220х-1230х годов в папских посланиях проявляется явная антиправославная риторика (Флоря 2004: 136, 138, 139). В документах, отправляемых папой в соседние с Русью страны, русские называются «неверными» и «врагами Бога и католической веры» (Флоря 2004: 138). С другой стороны, в то же время начинает вестись работа по мирному включению русских земель в зону влияния папы. Это можно вывести из писем папы к Даниилу, в которых тот признает за князем право на земли, принадлежащие «неверным» князьям и запрещает крестоносцам, а также других духовным лицам приобретать земли в Галицко-Волынской земле без разрешения правителя (об этих письмах ниже). В папских посланиях, таким образом, сочетаются антирусская риторика со множеством обещаний русским князьям, если те перейдут под власть Римской церкви.

Суждения Б.Я. Рама о том, что «папская курия вела двойную игру» (Рамм 1959: 147) не лишены основания. Папа был заинтересован в установлении контактов с Монгольской империей. Это стало бы средством сдерживания восточных союзников императора – Никеи и Галицко-Волынской Руси. В ходе этой «двойной игры» папа не мог долгое время решиться на какие-то определенные действия – так как ни от монголов, ни от Даниила Галицкого он никак не мог получить определенного ответа.

Также неоднозначно развивались и папско-никейские отношения. На Лионском соборе в 1245 году папа предъявлял императору Фридриху II, среди прочего, обвинение в «нечестивом союзе… с греческими раскольниками» (MGH LS: 508-512), имея в виду, скорее всего, состоявшийся в 1944 году (Жаворонков 1974: 112) брак никейского императора и дочери Фридриха II. Из этого следует, что к тому моменту папа воспринимал Никею как противника - «нечестивого раскольника».

В то же время, до возвращения посольства Карпини из Монголии, папа не мог быть уверен, что хан согласиться на союз и окажет папе поддержку в борьбе с императором Фридрихом или его восточными союзниками. Эта неразрешенность была на руку никейскому императору, который в августе 1246 года переправился на европейскую часть континента и осадил город Серры (в Северной Македонии, современная Греция), а затем занял большую часть Северной Македонии с городами Пиманином, Лентианой, Хариаром и Вервенияком (Георгий Акрополит: 42). Впоследствии Ватац подчинил Адрианополь, Фессалоники и подчинил часть Эпирского царства (Майоров 2012б: 34). Следующей весной (1247 г.) Ватац выступил в поход на Константинополь (Георгий Акрополит: 98) – это, очевидно, не могло не обеспокоить папу. Пока Константинополь находился под контролем латинян, а, значит, Римской церкви, папа мог обещать его императору Никеи в случае, если придется заключать с ним мир и отговаривать его от союза с императором Фридрихом. Поэтому взятие Константинополя было явно не в интересах Рима.

10 июня 1247 Плано Карпини встретился с Даниилом и Василько Романовичами в Киеве (Карпини: 61). Князья совещались с епископами и другими «достойными людьми» и ответили, что желают «иметь Господина Папу своим преимущественным господином и отцом» (Карпини: 61). По результатам этих переговоров, Даниил отправил к папе своих послов с грамотой. Одним из них, очевидно, был брат Алексий, направленный папой с посольством на Русь в 1246 году, а другим – его неназванный товарищ, обозначенный как «Г». Вероятно, имеется в виду товарищ Алексия доминиканец Генрик (Abraham 1904: 124).

Ответом на послание Даниила стали письма от 27 августа, 12 сентября и 5 декабря 1247 года – в первом из них папа писал, что соглашается с требованиями Даниила, а также запрещал крестоносцам и другим духовным лицам без согласия короля приобретать земельные владения в княжестве Даниила (Папские послания: 126). Вероятно, этот вопрос беспокоил галицкого князя, раз он стал предметом отдельного письма. Важно обратить внимание, что папа запрещал не только приобретать владения крестоносцам и духовным лицам, но и «быть введенным кем-либо во владение» (vel possessionem aliquam acquirere absque beneplacito vestro valiat») (Акты: 62). Возможно, в данном случае, имеется в виду папский запрет на раздачу земли высокопоставленными священнослужителями. Д. Домбровский предполагал, что это письмо также касалось разрешения в пользу Даниила приграничного спора с польскими князьями о Дрогичинской земле (Dąbrowski 2012: 280), а также далеко идущих планов галицко-волынских князей по покорению земель балтийских племен (Dąbrowski 2012: 280-281). Об этом же говорит В. Абрахам, утверждая, что одной из главных политических задач галицко-волынских князей

было решение вопроса, связанного с языческими ятвяжскими и литовскими племенами (Abraham 1904: 129-130).

Важно и второе папское письмо от 27 августа 1247 года – по нему папа разрешал священнослужителям Галицкой земли придерживаться ряда обычаев, которые не противоречат Римской церкви (Папские послания: 127). Это была очень важная уступка со стороны папы, как и уступка, описанная папой в следующем письме – папа признавал за Даниилом право на земли, которые принадлежат ему «по наследственному либо по иному праву», но которые другие «короли», непочтительно относящиеся к церкви, несправедливо удерживают (Папские послания: 127).

Осенью 1247 года в Никею прибыл папский посол – монах-францисканец Лаврентий из ближайшего окружения папы (Майоров 2012б: 35), который встретился с патриархом Мануилом II и передал ему предложение об объединении церквей на выгодных для греков условиях (RPR: 1065). Для Иоанна Ватаца такое предложение было выгодным – он мог обезопасить себя от возможного контрнаступления в Фессалии и Северной Македонии латинского императора Балдуина (Бодуэна) II де Куртене, который искал во Франции и Англии войска для удара по никейцам (Матвей Парижский: 24-25).

На фоне переговоров, начавшихся с Никеей, папа продолжал общение и с Галичем, причем, здесь договоренность, казалось бы, уже была достигнута. 12 сентября 1247 года папа объявил Даниилу, его сыну и Васильку, «королю Лодомерии», о том, что принимает их «под покровительство святого Петра и наше» (Папские послания: 128). Более того, стремление Рима удержать Галич под своим покровительством было настолько сильным, что 5 декабря 1247 года папа благословил брак Василько Романовича с Дубравкой, «светлейшей королевной», в которой князь состоял в третьей степени родства (Папские послания: 128-129), несмотря на то, что это было запрещено христианскими законами (Шестой Вселенский собор, правило 54). Этим папа демонстрирует, что он идет на уступки волынскому князю, при этом духовно окормляя его.

Д. Домбровский символически сравнивает уступки в пользу русских князей, на которые шел папа, с ханским ярлыком, которым признавалось право русских князей на «старшинство» и владение Киевом (Dąbrowski 2012: 281).

Папа, идя на уступки Даниилу и его родственникам, очевидно, желал получить что-то взамен: он претендовал на духовное и политическое лидерство в Юго-Западной Руси. Еще 27 августа 1247 года папа писал архиепископу Пруссии Альберту Суербееру о том, что ему предоставляется право носить паллиум (Акты: 65), а до этого также поручил Суербееру легатство на Руси (Акты: 60). Это свидетельствует о притязаниях папы на роль духовного наставника русских земель. Но, чуть позже, 7 сентября 1247 года папа адресовал письмо тому же архиепископу Альберту с требованием привести «короля Руси, духовенство и вельмож» в лоно Римской церкви (Акты: 64). Причем в тексте есть явное свидетельство того, что папа неудовлетворен тем, что происходит на Руси, осуждает «схизматиков» и говорит, что после отречения от схизмы они будут приняты в лоно Римской церкви («quam Archiepiscopi, et Episcopi, et alii Magnates Regnem sui, scismate quolibet penitus

abjurato, promiserint et juraverint se de cetero in unitate fidei quam Ecclesia Romana predicat, et observant, ejusque Romane Ecclesie devotione perpetuo permansuros, eos auctoritate nostra et reconcilies, et tanquam specials et devotos filios incorpores predicte Romane Ecclesie, que mater est omnium, unitati»).

Русские князья, по мнению Д. Домбровского, видели в сближении с Римом перспективу «смены» сюзерена (имеется в виду, выход из-под власти татар). По мнению польского исследователя, галицко-волынские князья, уже бывшие в аналогичной политической зависимости от Венгрии, смогли извлечь от нее определенную выгоду. Папская опека безусловно давала Галичу определенные привилегии и преимущества в отношениях с западными католическими странами (Dąbrowski 2012: 282).

Можно по-разному смотреть на факт прекращения переписки между Галичем и Римом в 1248-1252 гг. Мы склонны согласиться с тезисом Д. Домбровского, показывающего, что этот перерыв не случайно совпал с началом переписки между папой и князем Александром Невским (Dąbrowski 2012: 282-283). 22 января 1248 года папа Иннокентий отправил письмо Александру Невскому, «герцогу Суздальскому», в котором писал, что его отец, Ярослав Всеволодович перед смертью «вверил себя послушанию Римской церкви» (Послания Иннокентия IV: 102-103), поэтому папа призвал Александра последовать примеру отца и обратиться к единой Церкви и послушанию Апостолическому престолу. А уже 15 сентября 1248 г, папа пишет князю еще одно письмо, где уже называет его «королём Новгородским» (Послания Иннокентия IV: 108-109). Кроме того, в том же письме сказано, что папа узнал от архиепископа Прусского о том, что Александр «искал… путь, который позволит… достичь врат райских», Иннокентий IV даже упоминает конкретное предложение Александра о постройке в Пскове католического собора (Послания Иннокентия IV: 108).

Контакты Холма и Лиона в 1248-1252 гг.

Вернемся к сообщению Галицко-Волынского летописца о прибытии к Даниилу епископа (епископов?) каменецкого и береньского, о котором сообщается в летописной статье о коронации Даниила Галицкого Опизо Мессанским (ПСРЛ 2: 276 об-277). По словам летописца, Даниил отказался от коронации, сославшись на татарскую угрозу. Вопрос взаимоотношений Даниила с татарами на рубеже 1240х – 1250х гг. исследовала Е.Е. Иванова, которая показала, что до коронации в 1253 году «князя [*Даниила – М.К.*] «беспокоили», в основном, рати европейские» (Иванова 2013: 39), таким образом, татарская угроза вряд ли была основной причиной отказа Даниила Романовича от первой коронации.

В. Абрахам пишет о том, что папское посольство к Даниилу, состоявшее из епископов «вероненского и каминского» (weroneńskiegoi kamińskiego), было отправлено на Русь до 1252 года (Abraham 1904: 133), но Даниил, опасаясь, по мнению исследователя, гнева хана и нового татарского нашествия, отказался принять корону (Abraham 1904: 133-134). Он соглашается с предположением Дашкевича, о том, что один из послов были епископом из Камня-Краеньского (в Помороском

воеводстве), но спорит с Шараневичем относительно личности второго посла, которого Шараневич отождествляет с епископом оломоуцким и брненским (Шараневич 1872: 82), так как таким титулом, по Абрахаму, епископ оломоуцкий никогда не пользовался (Abraham 1904: 133). Сам В. Абрахам считает, что под «береньским» епископом необходимо понимать Якопо ди Бреганце, епископа Вероны.

В «Хронике» Яна Длугоша есть свидетельство, касающееся отношений Даниила Галицкого с папой. У польского хрониста оно датировано 1249 годом (Dlugosz: 85). Начинается это известие рассказом об убиении блаженного Петра Веронского, а затем Длугош пишет о посольстве «архиепископа Русского» Альберта к Даниилу, который, в свою очередь, выгнал папского посла, не став его слушать:

«Zaslynął w tom czasie w Lombardii zyciem, nauką i czudami blogoslawiony Piotr z zakonu kaznodziejskiego, pochodzący w Werony, ale zostal zabity na terytorium Mediolany przez heretykow…ktorzy twierdzili, ze Bog jest Stworcą jedynie rzeczy widzialnych, natomiast szatan jest stworcą rzeczy niewidzialnych. [Po smiercie] zaczął slynąc wielkimi czudami.

Papiez Innocenty IV posyla dawnego biskupa armaganskiego Alberta, mianowanego obecnie arcybiskupem ruskim, do ksecia Rusi Daniela, domagając sie od niego, zeby zlozyl przysiege posluszenstwa jemu i Kosciolowi rzymskiemu. Ale podstępny I buntowniczy ksiąze nie posluchal żądania Stolicy Apostolskiej, ani nie okazal sie wiernym Kosciolowi rzymskiemu, ale jego wrogiem. Odeslal legata Stolicy Apostolskiej bez naleznej czci».

[В то время славился в Ломбардии жизнью, наукой и чудесами благословенный Пётр из ордина доминиканцев, выходец из Вероны, но он был убит на территории Милана еретиками, утверждавшими, что Бог есть Творец лишь видимых вещей, в то время как сатана является творцом невидимых. После смерти был прославлен великими чудесами.

Папа Иннокентий IV послал бывшего епископа Армы Альберта, назначенного ныне архиепископом русским, к русскому князю Даниилу, требуя от того присягнуть на верность ему и римской Церкви. Но коварный и мятежный князь ослушался требования Столицы Апостольской и оказался не верным римской Церкви, а её врагом. Он отослал легата Апостольской Столицы без надлежащей чести].

Здесь у Длугоша вновь не стыкуются некоторые данные. Блаженный Пётр Веронский (он же Пётр Мученик), доминиканский проповедник, был убит еретиками в 1252 году. Эту дату подтверждают близкие польскому хронисту Краковские анналы (MGH SS XVIIII: 599-600).

Ряд авторов поднимали вопрос о посещении Альбертом Суербеером земель Даниила Галицкого, отмечая, что оно имело место в 1248 году. Д. Домбровский связал «прохладным приемом» Альберта Суербеера в Галицкой земле факт того, что архиепископ Альберт стал «вдохновителем» переговоров между папским престолом и Александром Невским (Dąbrowski 2012: 284), впоследствии исследователь говорит о том, что отправка писем Александру, в которых папа признавал за ним Киев, был явно направлен против Даниила, который давно претендовал на южнорусскую столицу (Dąbrowski 2012: 313-314). В. Абрахам отмечает также, что речь в переговорах папы и Даниила имела исключительно политическую окраску –

пребывание Альберта Суербеера на Руси было коротким, он даже не успел освятить новую ятвяжскую епархию «из-за своего изгнания» (Abraham 1904: 129). Тот же факт отмечается и в биографии Альберта, где сказано, что к 1249 году папа не мог предложить Даниилу организацию крестового похода против татар, поэтому миссия Альберта не достигла успеха (NDB: 130).

Следует сделать небольшое отступление и вернуться к вопросу папско-никейских отношений. В марте 1249 года к папе в Лион прибывает монах Салимбен, который привез письма от патриарха Мануила II и императора Иоанна Ватаца. 28 мая 1249 года датируется папский ответ – письма Иоанну III и патриарху Мануилу, в которых папа согласился отправить Иоанна Пармского с посольством (Майоров 2012б: 35).

Однако в ходе обсуждения в Никее греческими теологами и папскими посланниками условий объединения церквей возник спор по вопросу о filioque – добавлении Римской церкви в никео-цареградский Символ веры об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына. С осуждением позиции латинян выступил один из крупнейших византийских теологов XIII в. Никифор Влемид (Майоров 2012б: 35).

Следуя, как это показывает А.В. Майоров, в фарватере никейской политики, Даниил, очевидно, должен был согласовывать свои действия – а условия, выдвинутые папой, никейцами в 1249 году приняты не были, что было сказано выше. Ответное посольство от патриарха Мануила и императора Ватаца к папе было организовано только в начале 1250 года (Салимбене: 662), но дошло до Лиона только в начале 1251 г., так как в пути было задержано союзником Даниила и Ватаца, императором Фридрихом II, недовольным тем, что Иоанн III ведет переговоры с его противником – папой (Майоров 2012б: 36). В этих условиях в 1249 году Даниил не мог дать папе удовлетворительного ответа.

Также необходимо обратить внимание на уже рассмотренный нами выше эпизод со временным разрывом в галицко-римских отношениях, где мы писали о позиции Д. Домбровского, который утверждал, что определенную роль в этом разрыве сыграл Альберт Суербеер, имевший «недобрые отношения» с Романовичами (см. выше).

Кроме того, важна была и позиция императора Фридриха: как уже было сказано, в 1250 году он предъявил претензию одному из своих союзников, Иоанну III Ватацу. Вследствие этого Иоанн вынужден был доказывать свою верность союзнику: весной 1250 года никейский император выслал в поддержку Фридриху значительные военные силы (Жаворонков 1974: 114). Примечательно, но незадолго до этого состоялась встреча послов императора и с Даниилом Галицким – в Прессбурге (Братислава). Летопись датирует эту встречу 1252 г. (ПСРЛ 2: 273). А.В. Майоров говорит, что встреча могла состояться летом 1248 или 1249 г. (Майоров 2012б: 39-40), при этом в той же летописной статье вслед за упоминанием о встрече в Прессбурге рассказывается о конфликте между Миндовгом и его родственниками (Товтивилом, Едивидом, Викинтом), который М.С. Грушевский датирует 1250 г. (Грушевский 1901: 35). Предыдущая же статья, датированная 1251 г., как уже было сказано выше, рассказывает о вокняжении в Мазовии Земовита I, которое произошло в 1248 г. То

есть, встреча Даниила с императорскими посланниками состоялась между 1248 и 1250 г., ближе к последней дате.

Нельзя не согласиться с еще одним тезисом А.В. Майорова (Майоров 2012б: 40) о том, что перейдя под власть папы, Даниил вынужден был бы отказаться от претензий на «наследство Бабенбергов» - австрийской династии, прервавшейся по мужской линии со смертью герцога Фридриха Воинственного в битве на Лейте в 1246 г. Даниил имел право претендовать на Австрию в силу родства с Бабенбергами по материнской линии, но папа видел претендентами на австрийский трон других правителей, не относящихся к дому Романовичей.

В 1248 году Гертруда дала согласие на брак с Германом Баденским – папским ставленником, и 14 сентября того же года Герман был признан герцогом Австрии. Однако он не пользовался популярностью у австрийской знати – согласно Мелькским анналам «лишь немногие вельможи Австрии его в этом поддержали» (paucis optimatibus in Austria faventibus eidem»: MGH SS IX: 508). Это было дополнительным обстоятельством, мешавшим Даниилу принять корону в тот момент – он еще надеялся принять участие в борьбе за австрийское наследство и решить её исход в свою пользу.

* * *

13 декабря 1250 года умер император Фридрих II, что внесло существенные изменения в характер папско-имперских и, соответственно, папско-никейских и папско-галицких отношений. Преемник императора, Конрад IV был враждебно настроен к никейскому императору (Майоров 2012б: 36) из-за конфликта между ним [Конрадом] и семейством Ланчиа – родственниками жены Иоанна III Ватаца, которых последний приютил в нике после их бегства из Италии (Diehl 1908: 219-220).

Потеря столь важного союзника как германский император повлияла на изменение баланса сил и в отношениях папы и правителя Никеи. Папа оказал поддержку Балдуину (Бодуэну) II де Куртене, императору Латинской империи, который снова стал собирать войска крестоносцев для нанесения ответного удара по никейцам и возвращения утраченных территорий (Майоров 2012б: 36). Параллельно, папа начинает рассылать проповедников с призывами борьбы против Никеи (Жаворонков 1974: 114). В этих условиях Ватац был вынужден инициировать новый этап переговоров с папой.

В это же время обостряется ситуация вокруг Австрии. Как сообщают Адмонтские анналы в ноябре 1251 года, сын чешского короля Пржемысл Оттокар II, признанный австрийской знатью, вошел с войсками в Вену (MGH SS IX: 599). Это привело к складыванию против Оттокара союза, в который вошли Бела IV Венгерский, Болеслав V Польский и Даниил Галицкий. В 1252 году, согласно Мелькским анналам (продолжение хрониста монастыря Святого Креста), племянница убитого в 1246 герцога Австрии Фридриха Воинственного Гертруда «взяла в мужья короля Руси [Романа Даниловича. – М.К.] наперекор своей тётке, герцогине Австрии» (MGH SS IX: 643).

В этой ситуации, как пишет Б.Я. Рамм «давно лелеемые в Лионе планы привлечь Даниила на свою сторону приобрели в глазах папских дипломатов конкретный политический смысл: было очень важно отвлечь Даниила от античешской коалиции и тем укрепить положение чешского короля» (Рамм: 168).

Еще одна причина для Даниила отказаться от коронации – и это сочетается с летописным свидетельством – действительно была связана с татарской угрозой. В 1252 году началось ордынский царевич Сартак направил на Русь войско во главе с полководцем Неврюем в поддержку Александра Невского (ПСРЛ 1: 266). «Неврюева рать» была карательной операцией против Андрея Ярославича, великого князя Владимирского. Андрей Ярославич был союзником Даниила Романовича Галицкого на Руси. Зимой 1250 года Андрей женился на дочери Даниила Романовича, причем венчание совершил митрополит Кирилл, кандидат Даниила Галицкого на митрополичью кафедру.

Даниил Галицкий не мог не опасаться, что следующий карательный поход будет направлен против союзника Андрея – более того, эти опасения вскоре подтвердились: в 1252 году – по мнению Грушевского, даже в 1251 г. (Грушевский 1901: 1-71) – начался первый поход татарского беклярбека Куремсы (Куремиши) на Бакоту (Иванова 2013: 40). И, хоть исследователь показала, что поход Куремсы – это не карательная акция, инициированная ордынским ханом, а частный территориальный конфликт Куремсы и Даниила (Иванова 2013: 44), тем не менее, Даниил не мог не опасаться татарских войск, а также того, что хан в любой момент может поддержать Куремсу.

В 1253 г. война в Австрии между Оттокаром и его венгерскими, польскими и русскими противниками завершилась в пользу чешско-австрийского правителя. А.В. Майоров называет такой исход уступкой Даниила Галицкого Апостольскому престолу, в ответ на которую князь рассчитывал получить реальную помощь против татар (Майоров 2012б: 40). Уже в мае 1253 года папа адресовал буллу к христианам Богемии, Моравии, Сербии и Померании с призывом отразить набеги татар (Акты: 78-79), выполняя условие Даниила Романовича. Судя по имеющейся приписке, булла такого же содержания была отправлена и на Русь (Майоров 2012б: 40).

Лишь в 1253 году, когда папа издал буллу о противостоянии татарской угрозе, после получение подтверждения из Никеи и убеждения матери, Даниил Галицкий согласился принять королевскую корону из рук папского легата Опизо Мессанского.

ЛИТЕРАТУРА

Акты – Акты исторические, относящиеся к истории России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. 1. Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов, с 1075 по 1584 год. СПб., 1841.

Войтович, Александрович 2013 – *Войтович Л., Александрович В.* Король Данило Романович. Біла Церква, 2013.

Георгий Акрополит – Летопись великого логофета Георгия Акрополита. СПб., 1863.

Греков, Якубовский 1950 – *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.; Л., 1950.

Дашкевич 1873 – *Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по иностранным источникам. Киев: Университетская типография, 1873.

Грушевский 1901 – *Грушевський М.С.* Хронольоґія подій Галицько-волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901.

Иванова 2013 – *Иванова Е.Е.* К вопросу об ордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52).

Папские послания – Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства Восточной Европы. 1975. М., 1976.

Жаворонков 1974 – *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Запад (взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и папством). Византийский временник. Т. 36. М., 1974.

Иловайский 1998 – *Иловайский Д.И.* Русская история. Книга для всех. М., 1998.

Карамзин 2002 – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV. М., 2002.

Карпини – Иоанн де Плано Карпини. История Монголов / Введение, перевод и примечания А.И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Редакция, вступление и примечания Н.П. Шастиной. М., 1957.

Киселев 2015 – *Киселев М.В.* Австрийский «узел» во внешней политике Даниила Галицкого // Русин. Международный исторический журнал. 2015. № 1 (39).

Котляр 2005 – *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская Русь второй половины XII-XIII в. // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.

Любавский 2004 – *Любавский М.К.* Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.

Пашуто 1950 – *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Майоров 2011 – *Майоров О.В.* Невідомий епізод 1237 року у взаеминах князя Данила Романовича з імператором Фрідріхом II // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2011. Вип. 4.

Майоров 2012а – *Майоров А.В.* «Король Руси» в битве на Лейте // Русин. Международный исторический журнал. 2013. № 3 (29).

Майоров 2012б – *Майоров А.В.* Первая уния Руси с Римом // Вопросы истории. 2012. № 4.

Майоров 2013 – *Майоров О.В.* Ефросінія Галицька. Дочка візантійського імператора в Галицько-Волинській Русі: княгиня І черниця. Біла Церква, 2013.

Матвей Парижский – Matthaei Parisiensis. Historia Anglorum, sive, ut vulgo dicitur, Historia Minor. 1067-1253. T. III. London. 1869.

Насонов 2006 – *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006.

Паславський 2009 – *Паславський І.* Український епізод Першого Ліонського собору (1245 р.). Дослідження з історії європейської політики Романовичів. Львів, 2009.

ПСРЛ 1 – Полное собрание русских летописей. Т. I. Л., 1927.

ПСРЛ 2 – Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1908.

Послания Иннокентия IV – Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: Послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. 1988. № 20.

Пресняков 1988 – *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. М., 1988.

Рамм 1959 – *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X-XV веках. М.; Л., 1959.

Салимбене – Салимбене де Адам. Хроника. М., 2004.

Соловьев 1988 – *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. Т. 3.

Ужанков 2009 – *Ужанков А.Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI-XIII веков. М., 2009.

Флоря 2004 – *Флоря Б.Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004.

Шараневич 1872 – *Szaraniewicz I.* Die Hypatios-Chronik als Quellerbeitrag zur osterreichischen Geschichte. Lemberg, 1872.

Abraham 1904 – Abraham W. Powstanie organizacyi kosciola lacinskiego na Rusi. T. I. Lwow, 1904.

Bullar.Roman - Bullar. Roman. T. III. Turin, 1858.

Diehl 1908 – *Diehl Sh.* Figures byzantines. T. II. Paris, 1908.

Dlugosz – Jana Dlugosza roczniki czyli kroniki slawniego krolewstwa Polskiego. Warszawa, 2009. Ks. 7, 8.

Dąbrowski 2012 – *Dąbrowski D.* Krol Rusi Daniel. Biodrafia polityczna (ok. 1201-1264). Krakow, 2012.

Mandatum 1237 – Mandatum ad Alexandrum, filium Henrici, ut Henrico Baumo de Wienna mercatori // Historia diplomatica Friderici Secundi: sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius imperatoris et filiorum ejus; accedunt epistolae paparum et documenta varia / Ed. J.-L.-A. Huillard-Bréholles. Paris, 1860. T. 5.

MGH LS – Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum / Ed. L. Weiland. Hannoverae, 1893. T. I.

MGH SS IX – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores / Ed. G. Pertz. Hannoverae, 1851.

MGH SS XVIIII – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores / ed. G. Pertz. Hannoverae, 1866.

NDB – Neue Deutche Biographie. Berlin, 1952.

Regesta Imperii – Regesta Imperii. Innsbruck, 1881. T.5: Jüngere Staufen 1198–1272 / Ed.J.Fr. Böhmer. Bd.I: Die Regesten des Kaiserreichs unter Philipp, Otto IV, Friedrich II, Heinrich (VII), Conrad IV, Heinrich Raspe, Wilhelm und Richard / Bearb. J. Ficker und E. Winkelmann. Abt. 1.

RPR – Regesta Pontificum Romanorum inde ab anno post Christum natum 1198 ad anno 1304. Berolini. 1875. T. II.

REFERENCES

Abraham 1904 – *Abraham W.* Powstanie organizacyi kosciola lacinskiego na Rusi [The appearance of the organization of Catholic church in Russia], T. I, Lwow, 1904 [in Polish].

Akty – Akty istoricheskie, otnosjashhiesja k istorii Rossii, izvlechennye iz inostrannyh arhivov i bibliotek A.I. Turgenevym [The historical acts, related to the history of Russia, extracted from foreign archives and libraries by A.I. Turgenev], T. 1, Vypiski iz Vatikanskogo tajnogo arhiva i iz drugih rimskih bibliotek i arhivov, s 1075 po 1584 god [Extractions from the Vatican secret archive and other Roman libraries and archives from 1075 to 1584], Saint Petersburg, 1841 [in Russian].

Bullar.Roman – Bullar. Roman [The Roman Bulls], T. III, Turin, 1858 [in Latin].

Dąbrowski 2012 – *Dąbrowski D.* Krol Rusi Daniel. Biodrafia polityczna (ok. 1201-1264) [Daniel, the King of Rus'. The political biography (ca. 1201-1264)], Krakow, 2012 [in Polish].

Dashkevich 1873 – *Dashkevich N.P.* Knjazhenie Daniila Galickogo po inostrannym istochnikam [The reign of Daniel of Galicia according to the foreign sources], Kiev, Universitetskaja tipografija Publ., 1873 [in Russian].

Diehl 1908 – *Diehl Sh.* Figures byzantines [The Byzantine portraits], T. II, Paris, 1908 [in French].

Dlugosz – Jana Dlugosza roczniki czyli kroniki slawniego krolewstwa Polskiego [Annals or chronicles of the glorious kingdom of Poland by Jan Dlugosz], Warszawa, 2009, Ks. 7, 8 [in Polish].

Florja 2004 – *Florja B.N.* U istokov religioznogo raskola slavjanskogo mira (XIII v.) [At the beginnings of the religious split of the Slavic world (XIII cent.)], Saint Petersburg, 2004 [in Russian].

Georgij Akropolit – Letopis' velikogo logofeta Georgija Akropolita [The chronicle of the great logothete George Akropolites], Saint Petersburg, 1863 [in Russian].

Grekov, Jakubovskij 1950 – *Grekov B.D., Jakubovskij A.Ju.* Zolotaja Orda i ejo padenie [The Golden Horde and its fall], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Grushevskij 1901 – *Grushevs'kij M.S.* Hronol'orija podїj Galic'ko-volins'koї lїtopisi [The chronology of actions in the Galician-Volhynian chronicle], in: Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka [The Notes of the Scientific association named after Svevchenko], Lviv, 1901 [in Ukrainian].

Ilovajskij 1998 – *Ilovajskij D.I.* Russkaja istorija. Kniga dlja vseh [The History of Russia. Book for everybody], Moscow, 1998 [in Russian].

Ivanova 2013 – *Ivanova E.E.* K voprosu ob ordynskoj politike knjazja Daniila Romanovicha Galickogo [To the question of the hordian policy of the prince Daniel Romanovich of Galicia], in: Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki [The Ancient Rus'. The Questions of medieval studies], 2013, № 2 (52) [in Russian].

Karamzin 2002 – *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo [The history of the Russian State], T. IV, Moscow, 2002 [in Russian].

Karpini – *Ioann de Plano Karpini.* Istorija Mongolov / vvedenie, perevod i primechanija A.I. Maleina [The History of Mongols / Introduction, translation and notes by A.I. Malein], in: Puteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka / redakcija, vstuplenie i primechanija N.P. Shastinoj [The travellings of Plano Carpini and Rubruck to eastern countries / edition, introduction and notes by N.P. Shastina], Moscow, 1957 [in Russian].

Kiselev 2015 – *Kiselev M.V.* Avstrijskij «uzel» vo vneshnej politike Daniila Galickogo [Austrian «knot» in foreign policy of Daniel of Galicia], in: Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal [International historical magazine «Rusin»], 2015, № 1 (39) [in Russian].

Kotljar 2005 – *Kotljar N.F.* Galicko-Volynskaja Rus' vtoroj poloviny XII-XIII v. [Galician-Volhynian Rus’ in the second half of XIIth – XIIIth cent], in: Galicko-Volynskaja letopis'. Tekst. Kommentarij. Issledovanie [Galician-Volhynian chronicle. Text. Commentary. Research], Saint Petersburg, 2005 [in Russian].

Ljubavskij 2004 – *Ljubavskij M.K.* Ocherki istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Ljublinskoj unii vkljuchitel'no [The sketches of Lithuanian-Russian state till the Union of Lublin inclusively], Saint Petersburg, 2004 [in Russian].

Majorov 2011 – *Majorov O.V.* Nevidomij epizod 1237 roku u vzaeminah knjazja Danila Romanovicha z imperatorom Fridrihom II [The unknown episode of the year 1237 in the relations of the prince Daniel Romanovich and the emperor Frederick II], in: Knjazha doba: istorija i kul'tura [The principal epoch: historu and culture], Lviv, 2011, Vip. 4 [in Ukrainian].

Majorov 2012a – *Majorov A.V.* «Korol' Rusi» v bitve na Lejte [«King of Rus» in the battle of Leitha], in: Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal [International historical magazine «Rusin»], 2013, № 3 (29) [in Russian].

Majorov 2012b – *Majorov A.V.* Pervaja unija Rusi s Rimom [The first union of Rus’ with Rome], in: Voprosy istorii [Questions of history], 2012, № 4 [in Russian].

Majorov 2013 – *Majorov O.V.* Efrosinija Galic'ka. Dochka vizantijs'kogo imperatora v Galic'ko-Volins'kij Rusi: knjaginja I chernicja [Eufrosinia of Galich. The daughter of the emperor in Galician-Volhynian Rus’: the princess and the nun], Bila Cerkva, 2013 [in Ukrainian].

Mandatum 1237 – Mandatum ad Alexandrum, filium Henrici, ut Henrico Baumo de Wienna mercatori [A mandate of Alexander, son of Henry, and Henry Baumo to the Viennese merchant], in: Historia diplomatica Friderici Secundi: sive constitutiones, privilegia, mandata et documenta varia / Ed. J.-L.-A. Huillard-Bréholles [The history of diplomacy of Frederick the Second: privileges, mandates and other documents / edited by J.-L.-A. Huillard-Bréholles], Paris, 1860, T. 5 [in Latin].

Matvej Parizhskij – *Matthaei Parisiensis.* Historia Anglorum. Historia Minor. 1067-1253 [Matthew Paris. The history of England. The lesser chronicle], T. III, London. 1869 [in Latin].

MGH LS – Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum / Ed. L. Weiland. [The documents of German history. Section of Laws IV: the constitutions and public acts of emperors and kings / edited by L. Weiland], Hannoverae, 1893. T. I [in Latin].

MGH SS IX – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores / Ed. G. Pertz [The documents of German history. Texts / edited by J. Pertz. Vol. IX], Hannoverae, 1851 [in Latin].

MGH SS XVIIII – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores / ed. G. Pertz [The documents of German history. Texts / edited by J. Pertz. Vol. XVIIII], Hannoverae, 1866 [in Latin].

Nasonov 2006 – *Nasonov A.N.* «Russkaja zemlja» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. Istoriko-geograficheskoe issledovanie. Mongoly i Rus'. Istorija tatarskoj politiki na Rusi [«Russian land» and the formation of the Old Russian state. Historical-geographical research. Mongols and Rus’. The history of the Tatar’s policy in Rus’], Saint Petersburg, 2006 [in Russian].

NDB – Neue Deutche Biographie [New German Biographies], Berlin, 1952 [in German].

Papskie poslanija – Papskie poslanija galickomu knjazju kak istoricheskij istochnik [The papal letters to the prince of Galich as a historical source], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1975 [The ancient states of the Eastern Europe. 1975], Moscow, 1976 [in Russian].

Pashuto 1950 – *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi [The sketches of history of Galician-Volhynian Rus’], Moscow, 1950 [in Russian].

Paslavs'kij 2009 – *Paslavs’kij I.* Ukraïns'kij epizod Pershogo Lions'kogo soboru (1245 r.). Doslidzhennja z istoriï єvropejs'koï politiki Romanovichiv [The Ukrainian episode of the First Lion Council (1245). The research of the history of European policy of Romanovichi], Lviv, 2009 [in Ukrainian].

Poslanija Innokentija IV – Innokentij IV i ugroza tataro-mongol'skogo nashestvija: Poslanija Papy Rimskogo Daniilu Galickomu i Aleksandru Nevskomu [Innocent IV and the menace of the Mongol-Tatar invasion: the letters of the pope to Daniel of Galicia and Alexander Nevski], in: Simvol [Symbol], 1988, № 20 [in Russian].

Presnjakov 1988 – *Presnjakov A.E.* Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva [The formation of the Great Russian state], Moscow, 1988 [in Russian].

PSRL 1 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I [Complete Collection of Russian Chronocles. Volume 1], Leningrad, 1927 [in Old Russian].

PSRL 2 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II [Complete Collection of Russian Chronocles. Volume 2], Saint Petersburg, 1908 [in Old Russian].

Ramm 1959 – *Ramm B.Ja.* Papstvo i Rus' v X-XV vekah [The papacy and Rus’ in X-XV centuries], Moscow; Leningrad, 1959 [in Russian].

Regesta Imperii – Regesta Imperii [The Indexes of Empire]. Innsbruck, 1881. T. 5: Jüngere Staufen 1198–1272 / Ed.J.Fr. Böhmer. Bd.I: Die Regesten des Kaiserreichs unter Philipp, Otto IV, Friedrich II, Heinrich (VII), Conrad IV, Heinrich Raspe, Wilhelm und Richard / Bearb. J. Ficker und E. Winkelmann [Book 5: The younger Staufen 1198-1272 / edited by J.Fr. Böhmer. Vol. 1: The indexes of Empires of Philipp, Otto IV, Frederick II, Henry (VII), Conrad IV, Henry Raspe, William and Richard / prepared by / Bearb. J. Ficker und E. Winkelmann] [in Latin].

RPR – Regesta Pontificum Romanorum inde ab anno post Christum natum 1198 ad anno 1304. Berolini [The list of the Roman popes from 1198 and 1304. Berlin], 1875, T. II [in Latin].

Salimbene – *Salimbene de Adam.* Hronika [Chronicle], Moscow, 2004 [in Russian].

Sharanevich 1872 – *Szaraniewicz I.* Die Hypatios-Chronik als Quellerbeitrag zur osterreichischen Geschichte [The Galician-Volhynian chronicle as a key source for the Austrian history], Lemberg, 1872 [in German].

Solov'ev 1988 – *Solov’ev S.M.* Sochinenija. V 18 kn [Works. In 18 books. Book 2. Volume 3], Moscow, 1988, Kn. 2, T. 3 [in Russian].

Uzhankov 2009 – *Uzhankov A.N.* Problemy istoriografii i tekstologii drevnerusskih pamjatnikov XI-XIII vekov [The problems of historiography and textual study of Old Russian memorials of XI-XIII centuries], Moscow, 2009 [in Russian].

Vojtovich, Aleksandrovich 2013 – *Vojtovich L., Aleksandrovich V.* Korol' Danilo Romanovich [The king Daniel Romanovich]. Bila Cerkva, 2013 [in Ukranian].

Zhavoronkov 1974 – *Zhavoronkov P.I.* Nikejskaja imperija i Zapad (vzaimootnoshenija s gosudarstvami Apenninskogo poluostrova i papstvom). Vizantijskij vremennik. T. 36 [Empire of Nicea and the West (the relations with the states of the Italian Peninsula and the papacy). The Byzantine annals. Volume 36], Moscow, 1974 [in Russian].

Киселёв Максим Викторович – аспирант Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).
Kiselev Maxim – post-graduate student of Institute of history
of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).
E-mail: fasthedgehog@bk.ru

УДК 902.2

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: МИХАЙЛОВА Е.Р. ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС КУЛЬТУРЫ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ. ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ. LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING, 2014. 435 стр.

М.И. Жих
Российско-немецкий исторический семинар (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

Авторское резюме

В рецензии рассматривается книга известного петербургского археолога Е.Р. Михайловой, посвящённая вещевому комплексу культуры псковских длинных курганов. Анализируются вопросы этнокультурной истории её носителей.

Ключевые слова: славяне, этногенез, длинные курганы, расселение, археология.

REVIEW OF THE BOOK TYPOLOGY AND CHRONOLOGY OF THE ANTIQUITIES OF THE PSKOV LONG BARROW CULTURE BY E.R. MIKHAILOVA. LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING, 2014. 435 pp.

Maksim Zhikh
The Russian-German Historical Seminar (St. Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract

The author of the review comments on and evaluates the work of E.R. Mikhailova, the well known St. Petersburg archaeologist, devoted to the antiquities of the Pskov Long Barrow Culture.

Keywords: Slavs, ethnogenesis, long barrows, resettlement, archaeology.

* * *

После выхода фундаментальной работы В.В. Седова о длинных курганах кривичей (Седов 1974), обобщившей все данные, которыми располагала наука об этих памятниках на первую половину 70-х гг. XX в., наметилась некоторая неравномерность как в степени исследованности, так и в полноте введения в научный оборот материалов псковских длинных курганов с одной стороны и смоленско-полоцких длинных курганов – с другой. Если последним только на уровне монографий посвящено три серьёзные работы (Енуков 1990; Штыхаў 1992; Шмидт

2012), не говоря о множестве статей Г.В. Штыхова, Е.А. Шмидта, Л.В. Алексеева, В.С. Нефедова и т.д., то с первыми ситуация обстоит несколько хуже. Поэтому выход книги Е.Р. Михайловой, но современном научном уровне обобщающей все собранные к настоящему моменту данные о вещевом комплексе культуры псковских длинных курганов является важным событием для всех, кто занимается историей севера Восточной Европы и происходящими в регионе во второй половине I – начале II тыс. н.э. этнокультурными процессами.

В книге освещена история изучения культуры псковских длинных курганов (далее - КПДК) и последовательно описаны принадлежащие к ней вещевые находки, разобраны вопросы её единства и выделения локальных вариантов.

Обобщение накопленного фактологического материала по культуре псковских длинных курганов актуализирует вопросы этнокультурной жизни её носителей. По мнению Е.Р. Михайловой «длиннокурганники» не были славянами и не стали основой населения соответствующих регионов древнерусского времени, уступив место новому, славянскому, населению, которое их ассимилировало: «рассуждать об этнической или языковой принадлежности населения, полностью растворившегося в иной среде, не оставив заметных следов ни в материальной культуре, по-видимому, в языке, вряд ли имеет смысл» (Михайлова 2014: 230). Насколько обоснован такой скепсис?

Если носители КПДК не были славянами-кривичами, как считал В.В. Седов, а представляли собой местное дославянское население, то с какими памятниками следует связывать приход в бассейн рек Великой, Ловати и Мсты славян?

Оппоненты В.В. Седова, представители петербургской археологической школы, к которой принадлежит и Е.Р. Михайлова, начиная с И.И. Ляпушкина (Ляпушкин 1968: 89-118), пытаются разделить длинные курганы и сопки с одной стороны и круглые курганы с сожжением – с другой (первые дославянские, вторые связаны с пришедшими славянами), но сделать этого сколько-нибудь надёжно никому не удалось ни хронологически, ни территориально; эти два типа курганов составляют единые комплексы (Седов 1974: 36-41; Носов 1981: 42-45).

Если отрицать славянскую принадлежность длинных курганов (и сопок), то славянское расселение на севере Восточной Европы придётся датировать временем не ранее IX-X вв. Это кажется совершенно нереальным, так как в этом случае славяне должны были в кратчайшие сроки заселить огромные территории и ассимилировать их население, так как уже в XI в., славянский этноязыковой компонент здесь безраздельно господствует согласно всем известным письменным источникам, в том числе массовым: берестяным грамотам и памятникам эпиграфики.

В новгородских берестяных грамотах, отражающих именослов не только города, но и всей его округи, с самого времени их появления всецело господствуют славянские антропонимы (показательна, например, грамота № 526, относящаяся к XI в. и перечисляющая должников из разных мест новгородской сельской округи), что было бы совершенно нереально, появись здесь славяне так поздно.

Прекращение существования КПДК Е.Р. Михайловаа объясняет сменой населения в её ареале (Михайлова 2014: 228-230). Но ведь примерно одновременно с

КПДК прекращают своё существование и другие локальные восточноевропейские культуры: луки-райковецкая, роменско-борщевская, смоленско-полоцких длинных курганов, сопок. Все они сменяются древнерусской культурной. Значит ли это, что во всей Восточной Европе произошла смена населения? Едва ли[1]. Гораздо проще и логичнее объяснять процесс прекращения существования локальных восточноевропейских культур в IX-XI вв. не сменой населения, а унификацией жизни Восточной Европы в пределах формирующегося Древнерусского государства (Седов 1999: 180-229). Процесс этот шёл постепенно: в каких-то районах местные культурные особенности исчезли раньше, в каких-то – позже. Но нет никаких оснований трактовать процесс постепенного угасания «местных» культур в период становления Руси как смену этнического лица соответствующих регионов.

Лингвистически при этом прослеживается диалектное единство Псковской, Полоцкой, Смоленской и Тверской земель (Николаев 1990; 2011). Исторически оно может соответствовать только распространению в этом ареале погребений в длинных курганах, которые очерчивают тот же ареал, который летописи отдают кривичам (Седов 1974: 36).

Если предположить неславянское происхождение длинных курганов, то не ясным станет вопрос, с какими археологическими реалиями связывать называемый в летописях восточнославянский этнополитический союз кривичей, так как на смену культуре длинных курганов приходит уже вполне стандартная древнерусская культура, отражавшая, как было сказано, процесс нивелировки славянского и иного населения Восточной Европы, его интеграции в рамках древнерусской народности.

Е.Р. Михайлова согласна с построениями В.В. Седова, М.М. Казанского, И.А. Бажана, С.Ю. Каргопольцева и других учёных, которое, при разногласиях по ряду конкретных вопросов, в общем указывают на важность центральноевропейского импульса (распространение вещей провинциальноримских типов в лесной зоне Восточной Европы в середине I тыс. н.э.: шпоры и удила, железные бритвы, железные пластинчатые кресала, пинцеты, В-образные рифленые пряжки, некоторые типы подвесок, железные втульчатые наконечники копий, новые типы серпов, каменные жернова для ручных мельниц и т.д.) в период становления КПДК (Михайлова 2014: 223-224. См. также: Михайлова 2012: 203-208). Есть ряд оснований полагать, что связан он был преимущественно со славянами (Седов 1994: 296-304; 1999: 91-117), которые и заложили основы КПДК.

«Западные» черты древненовгородского диалекта, сближающие его с западнославянскими языками, имеют наибольшее соответствие в псковских говорах, что указывает на их кривичскую природу (Николаев 1990: 54). КПДК охватывала не только Псковщину, но и значительную часть Новгородчины.

Ю. Удольф на основе гидронимических данных выявил в своё время один из путей славянской миграции: из Повисленья через Среднее Понеманье в Новгородско-Псковские земли (Udolph 1981: 321-336), а Р.А. Агеева выделила в

[1] Инфильтрация славян в Восточную Европу из Дунайского региона в этот период имела место (Седов 1999: 183-204; Щеглова 2009), но она по своим масштабам совершенно не может претендовать на то, что эти мигранты поглотили и ассимилировали массы восточноевропейского населения.

Новгородско-Псковской земле ряд славянских гидронимов, соответствующих, по С. Роспонду, зоне «А» – славянской прародине в Повисленье, где сосредоточены славянские гидронимы наиболее архаичных типов (Агеева 1974: 153-185. Ср.: Rospond 1968). Причём, выделенные Р.А. Агеевой по гидронимическим материалам регионы наиболее древней славянской колонизации Северной Руси, совпадают с районами скоплений ранних длинны курганов (бассейн реки Великой, земли в Южной Приильменье, район между Псковским и Чудским озёрами и рекой Лугой), на что обратил внимание В.В. Седов (Седов 1994: 301). Эти гидронимические данные указывают на раннее расселение славян в указанном регионе, происходившее тогда, когда были ещё продуктивны праславянские модели водных названий.

Важное значение имеют наблюдения Д.К. Зеленина о происхождении названия русских в языках их финно-угорских соседей, производном от традиционного экзоэтнонима балтийских славян *венеды*: «знаменательно, что эсты называли вендами (Wene) не кашубов или поляков, которые по языку ближе к балтийским славянам, а именно русских. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что эсты наблюдали, как многие прибалтийские венды уходили из Ливонии на Русь и обратно уже не возвращались. Как видно из Хроники Генриха Латвийского, эсты хорошо знали ливонских вендов, и перенесение их имени на русских не может быть каким-либо странным недоразумением со стороны эстов» (Зеленин 1948: 93).

Антропология свидетельствует о близости антропологических характеристик славян, земли которых прилегают к Балтийскому морю (Алексеева 1973: 260).

Собранные Б.А. Малярчуком данные генетики свидетельствуют о сходстве псковско-новгородского населения с польско-литовским населением Северо-Восточной Польши (Сувалки), при этом, важно подчеркнуть, что нсаселение Сувалок отличается генетически как от населения остальных частей Польши, так и от остальных групп балтов, что позволило исследователю сделать вывод о западных истоках генофонда северо-западных русских (Малярчук 2009).

Таким образом, на наш взгляд, нет достаточных оснований, чтобы отвергать славянскую этноязыковую атрибуцию ядра носителей КПДК и их тождественность кривичам письменных источников.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева 1974 - *Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Наука, 1974. 252 с.

Алексеева 1973 - *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Издательство МГУ, 1973. 330 с.

Енуков 1990 - *Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим данным). М.: Курский педагогический институт, 1990. 262 с.

Зеленин 1948 - *Зеленин Д.К.* О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М.: Издательство АН СССР, 1948. Т. 26.

Ляпушкин 1968 - *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII - первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Л.: Наука, 1968. 187 с.

Малярчук 2009 - *Малярчук Б.А.* Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). 2009. Т. 1. № 1. С. 23-27.

Михайлова 2012 - *Михайлова Е.Р.* Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи // Истоки славянства и Руси. СПб.: Нестор-история, 2012. С. 201-210.

Михайлова 2014 - *Михайлова Е.Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 435 с.

Николаев 1990 - *Николаев С.Л.* К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 54-63.

Николаев 2011 - *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. 2011. № 6. С. 3-19.

Носов 1981 - *Носов Е.Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // Советская археология. 1981. № 1. С. 42-56.

Седов 1974 - *Седов В.В.* Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974. 96 с.

Седов 1994 - *Седов В.В.* Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 343 с.

Седов 1999 - *Седов В.В.* Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Шмидт 2012 - *Шмидт Е.А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: Издательство СмолГУ, 2012. 168 с.

Штыхаў 1992 - *Штыхаў Г.В.* Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў ў паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.

Щеглова 2009 - *Щеглова О.А.* Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI-VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2009. С. 39-65.

Rospond 1968 - *Rospond S.* Prasłowianie w świetle onomastyki // I Międzynarodowy kogres archeologii słowiańskiej. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.

Udolph 1981 - *Udolph J.* Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wien, 1981. Bd. 29. S. 321-336.

REFERENCES

Ageeva 1974 - *Ageeva R.A.* Gidronimija Russkogo Severo-Zapada kak istochnik kul'turno-istoricheskoj informacii [Gidronimiya of the Russian Northwest as source of cultural and historical information], Moscow, Nauka Publ., 1974, 252 p. [in Russian].

Alekseeva 1973 - *Alekseeva T.I.* Jetnogenez vostochnyh slavjan po dannym antropologii [Ethnogenesis of east Slavs according to anthropology], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1973, 330 p. [in Russian].

Enukov 1990 - *Enukov V.V.* Rannie jetapy formirovanija smolensko-polockih krivichej (po arheologicheskim dannym) [Early stages of formation of Smolensk and Polotsk Krivichi (according to archaeological data)], Moscow, Kurskij pedagogicheskij institut Publ., 1990, 262 p. [in Russian].

Ljapushkin 1968 - *Ljapushkin I.I.* Slavjane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovanija drevnerusskogo gosudarstva (VIII - pervaja polovina IX v.). Istoriko-arheologicheskie ocherki [Slavs of Eastern Europe on the eve of formation of the Old Russian state (VIII - the first half of the IX century). Historical and archaeological sketches], Leningrad, Nauka Publ., 1968, 187 p. [in Russian].

Maljarchuk 2009 - *Maljarchuk B.A.* Sledy baltijskih slavjan v genofonde russkogo naselenija Vostochnoj Evropy [Traces of the Baltic Slavs in a gene pool of the Russian population of Eastern Europe], in: The Russian Journal of Genetic Genealogy (Russkaja versija), 2009, T. 1, № 1, pp. 23-27 [in Russian].

Mihajlova 2012 - *Mihajlova E.R.* Formirovanie kul'tury dlinnyh kurganov: process na fone jepohi [Formation of culture of long barrows: process against an era], in: Istoki slavjanstva i Rusi [Sources of Slavic peoples and Russia], St. Petersburg, Nestor-istorija Publ., 2012, pp. 201-210 [in Russian].

Mihajlova 2014 - *Mihajlova E.R.* Veshhevoj kompleks kul'tury pskovskih dlinnyh kurganov. Tipologija i hronologija [Ware complex of culture of the Pskov long barrows. Typology and chronology], LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014, 435 p. [in Russian].

Nikolaev 1990 - *Nikolaev S.L.* K istorii plemennogo dialekta krivichej [To history of a breeding dialect of Krivichi], in: Sovetskoe slavjanovedenie [Soviet Slavic studies], 1990, № 4, pp. 54-63 [in Russian].

Nikolaev 2011 – *Nikolaev S.L.* Sledy osobennostej vostochnoslavjanskih plemennyh dialektov v sovremennyh velikorusskih govorah. Verhnevolzhskie (tverskie) krivichi [Traces of features of East Slavic breeding dialects in modern great Russian dialects. Upper Volga (Tver) Krivichi], in: Slavjanovedenie [Slavic studies], 2011, № 6, pp. 3-19 [in Russian].

Nosov 1981 - *Nosov E.N.* Nekotorye obshhie voprosy izuchenija pogrebal'nyh pamjatnikov vtoroj poloviny I tysjacheletija n.je. v Priil'men'e [Some general questions of studying of funeral monuments of the second half of the I millennium AD in Priilmenye], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1981, № 1, pp. 42-56 [in Russian].

Rospond 1968 - *Rospond S.* Prasłowianie w świetle onomastyki [To Praslavyana in the light of onomastics], in: I Międzynarodowy kogres archeologii słowiańskiej. T. I [I International congress of Slavic archeology. Volume I], Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968 [in Polish].

Sedov 1974 - *Sedov V.V.* Dlinnye kurgany krivichej [Long barrows of Krivichi], Moscow, Nauka Publ., 1974, 96 p.

Sedov 1994 - *Sedov V.V.* Slavjane v drevnosti [Slavs in the ancient time], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994, 343 p. [in Russian].

Sedov 1999 - *Sedov V.V.* Drevnerusskaja narodnost' [Old Russian nationality], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Shheglova 2009 - *Shheglova O.A.* Volny rasprostranenija veshhej iz Podunav'ja na severo-vostok v VI-VIII vv. kak otrazhenie migracij ili kul'turnyh vlijanij [Waves of distribution of things from Podunavya on the northeast in the VI-VIII centuries as reflection of migrations or cultural influences], in: Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo Gos. Jermitazha Publ., 2009, pp. 39-65 [in Russian].

Shmidt 2012 - *Shmidt E.A.* Krivichi Smolenskogo Podneprov'ja i Podvin'ja (v svete arheologicheskih dannyh) [Krivichi of Smolensk Podneprovya and Podvinya (in the light of archaeological data)], Smolensk, Izdatel'stvo SmolGU Publ., 2012, 168 p. [in Russian].

Shtyhaў 1992 - *Shtyhaў G.V.* Kryvichy: pa matjeryjalah raskopak kurganoў ў paўnochnaj Belarusi [Krivichi: on materials of excavation of barrows in northern Belarus], Minsk, Navuka i tjehnika Publ., 1992, 191 p. [in Belarusian].

Udolph 1981 - *Udolph J.* Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung [Colonization of east Slavs in the light of onomastics], in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas [Year-book on stories of Eastern Europe], Wien, 1981, Bd. 29, pp. 321-336 [in German].

Zelenin 1948 - *Zelenin D.K.* O proishozhdenii severnovelikorusov Velikogo Novgoroda [About an origin of severnovelikorus of Veliky Novgorod], in: Doklady i soobshhenija Instituta jazykoznanija AN SSSR [Reports and messages of Institute of linguistics of Academy of Sciences of the USSR], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948, T. 26 [in Russian].

Жих Максим Иванович – Историк, общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).
Zhikh Maksim – Historian, public and scientific project
«The Russian-German Historical Seminar» (St. Petersburg, Russia).
E-mail: max-mors@mail.ru

УДК 94(367)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПАУЛЬ А. БАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ: ОТ РЕРИКА ДО СТАРИГАРДА. М.: КНИЖНЫЙ МИР, 2016. 544 стр.

В.И. Меркулов
Российско-немецкий исторический семинар (Москва, Россия)
e-mail: mail@histformat.com
Scopus Author ID: 55848349600
http://orcid.org/0000-0003-0555-0813
ResearcherID: E-5671-2014
SPIN-код: 1519-7585

Авторское резюме

В этой рецензии рассматривается новая книга немецкого историка, координатора проекта «Российско-немецкий исторический семинар» Андрея Пауля «Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда», отмечаются её преимущества, особенности и наработки автора, представляющие научную значимость.

Ключевые слова: балтийские славяне, ободриты, Рерик, Старигард.

REVIEW OF THE BOOK BALTIC SLAVS FROM RERIK TO STARIGARD BY A.PAUL. KNIZHNYI MIR, MOSCOW, 2016. 544 pp.

Vsevolod Merkulov
The Russian-German Historical Seminar (Moscow, Russia)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

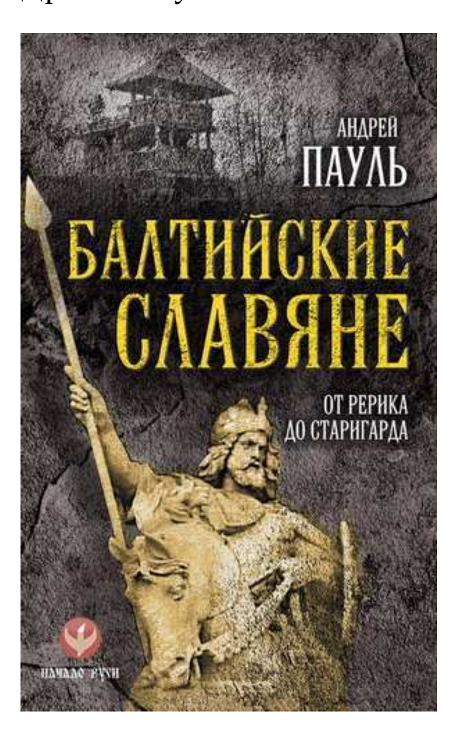
The review discusses the book by a German historian and a coordinator of the project «Russian-German Historical Seminar» Andrej Paul «Baltic Slavs from Rerik to Starigard», notes its features and qualities, makes reference to specific findings of scientific value in the book.

Keywords: Baltic Slavs, Obodrites, Rerik, Starigard.

* * *

Исследование немецкого историка Андрея Пауля «Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда» (Пауль 2016) представляет собой очень удачную попытку написания истории одного из самых загадочных и значительных западнославянских племён – ободритов. Эта уникальная славянская ветвь, издревле населявшая примерно половину территорий федеративных земель Мекленбург-Передняя Померания и Шлезвиг-Гольштейн современной Германии, была практически полностью ассимилирована германскими племенами саксов, фризов и франков уже

в позднем средневековье. Наследие, оставленное ободритами в Германии, огромно – это немалый вклад и в этногенез сегодняшних северных немецев, и в сложение балтийской морской торговой сети, ставшей предшественницей знаменитого Ганзейского союза. Значительный вклад внесли ободриты в историю Дании и Восточной Европы, в том числе немаловажна их роль и для эпохи становления Древней Руси.

История ободритов до сих пор остаётся практически неизвестной русскоязычному читателю. Немногое, печатавшееся на эту тему на русском языке, к сожалению, по большей части настолько устарело, что уже не представляет научного интереса. С другой стороны, недостаток качественной литературы о балтийских славянах привёл к появлению на неконтролируемых просторах интернета множества самых фантастических и не связанных с реальностью популярных заметок, зачастую полностью дезинформирующих интересующегося читателя. В русскоязычной научной литературе тема цивилизации балтийских славян также рассматривалась преимущественно лишь в контексте «варяжского вопроса», что не способствовало непредвзятому взгляду на их историю всеми сторонами.

Исправить эти недостатки и попытался автор книги, предприняв попытку написания истории ободритов на основании доступных на сегодняшний день материалов, начиная с подробного анализа средневековых источников и заканчивая самыми современными открытиями немецких лингвистов и археологов. По сути, сама попытка проследить и написать историю ободритов с первого их упоминания в источниках и до завершения употребления славянской речи на их землях, с привлечением самых разных источников и научных дисциплин, не имеет до сих пор аналогов не только в русскоязычной, но и в германоязычной литературе.

Книга начинается с краткого описания расселения славян на территории Германии в средние века, даются общие сведения о главных племенных союзах, происхождении названий племён, особенностях северо-лехитских диалектов, языческой религии, медицине и погребальном обряде балтийско-славянских племён. Довольно новой выглядит информация о таком феномене, как сильная схожесть скандинавского и славянского погребальных обрядов на юге Балтики, в частности, славянских камерных и лодочных захоронений, которые автор исследует на основе последних научных разработок (Biermann 2009; Gabriel/Kempke 2011; Gerds 2011; Herrmann/Warnke 2008).

Не менее интересным является описание истории возникновения южно-балтийского торгового пути, связывавшего южную Балтику с Восточной Европой, Прибалтикой и Русью. Археологически возникновение системы приморских торговых центров датируется концом VIII века, первые письменные упоминания

появляются в начале IX века (Рерик), первые упоминания торговли с Русью и Византией ободритов по морю восходят ко второй половине X века (Ибн-Якуб). Это наиболее раннее из известных описаний пути «из варяг в греки». Особенное внимание в исследовании уделяется картам выпадения редких типов монет, указывающих на прямые контакты южнобалтийских славян с Русью, например, редкие хазарские чеканки, серебряники Владимира Святославича, монеты Генриха Ободритского, нижнеэльбские агриппины (Bleile/Jons 2005, 2006; Filipowiak 1989; Herrmann 2004; Müller-Wille 2011).

Основная мысль А. Пауля состоит в том, что с конца VIII века существовали непрекращающиеся торговые и культурные контакты балтийских славян с Русью. Эта торговля составляла значительную долю дохода местной знати, так что многие местные войны славян с данами, немцами и другими славянами часто были связаны именно с конкуренцией и стремлением получить право на сбор налогов с торговых центров и, соответственно, контролировать торговлю. Сами эмпории, согласно данным археологии, возникают не из рыбацких деревень, постепенно развившихся в города, а в большинстве представляют собой специально созданные для торговли поселения, находившиеся под прикрытием расположенных рядом княжеских столиц, в чем можно усмотреть целенаправленную политику южнобалтийской знати, сохранявшуюся на протяжении всего раннего средневековья. Постоянное присутствие в таких торговых центрах разноэтнического населения (славяне, саксы, фризы, франки, даны, возможно, балты) и постоянный завоз заморских товаров способствовал складыванию на южнобалтийском побережье особенной «балтийской культуры», похожей на германские материальные культуры.

Интересная информация представлена в книге о славянском населении полуострова Вагрия и о главных городах – столице Старигарде, Любице и крепости Плуне. А. Пауль разбирает известные этимологии и анализирует их недостатки. В целом, автор развивает нашу мысль (Меркулов 2008; Меркулов 2013) о том, что современная форма *Вагрия* происходит от более ранних форм *Wari*/*Waari*. Дело в том, что зачастую предпринимавшиеся до настоящего времени этимологии Вагрии от герм. «wagvarioz», которое должно было быть заимствовано у данов, не находят подтверждения. Хронологически ранние формы без *г* (Вари) невозможно вывести из этой формы. Датская же форма названия Вагрии известна (Брамнес) и не сходится с предполагаемой праформой. К тому же, в источниках форма Ва*г*рия через *г* не является абсолютно преобладающей. У Гельмольда, жившего в Вагрии, равноправно с ней и систематически Вагрия записывалась как «Ваирия».

В контексте истории смельдингов и полабов А. Пауль касается основных проблем языка дославянского субстрата и дославянской топонимики, приводя ценные ссылки на балтийские этимологии как в новых, так и в старых исследованиях, не избегая, впрочем, и попыток собственных этимологий.

Впрочем, особенно интересным нам показался разбор имени ободритов и попытка реконструкции их самоназвания. Автор пришёл к выводу, что слово «ободриты» не известно ни одному народу, кроме континентальных немцев и, поскольку оно не имеет надёжной славянской этимологии, имеются основания для того, чтобы признать его немецким экзоэтнонимом. Традиция существования

наряду со славянскими самоназваниями немецких экзоэтнонимов, на них совершенно не похожих, хорошо известна в Германии – лютичи/вильцы, стодоряне/хабельдун, гломачи/далеминцы, славяне/венды и т.д. С другой стороны, анализ источников показал, что под *варинаби* упоминаемыми Адамом Бременским (и только им), для которого было характерно упоминание двух разных названий племён, должны были подразумеваться те же самые ободриты. По описаниям, это племя должно было населять те же территории, что и ободриты в узком смысле, но, в отличие от слова *ободриты*, *варинаби* имеет черты славянского словообразования, поэтому А. Пауль принимает его как возможное славянское самоназвание ободритов.

Далее идёт разбор германских источников, упоминающих племя «варинов» на территории Франкской империи или прямо на юго-западе Балтики, которые было бы легко объяснить, отождествив их с ободритами. Закрепление за варинами имени ободритов Пауль связывает с возможным династическим патронимом, которым представители княжеской династии подтверждали свои права на управление всем королевством.

Помимо детального описания главных городов и крепостей ободритов – Мекленбурга, Рерика, Зверина, Добина и Пархима, в исследовании реконструируется история ободритов с конца VIII до конца XII вв., причем отдельное внимание уделяется IX веку. Любопытно, что А. Пауль устанавливает существование в этот период некоего правителя с именем Рорик или Барух, бывшего недолгий период королём ободритов. При этом анализируются доступные упоминания Рорика Фризландского, которого ни один источник вполне намеренно не называет королём (он был ленником), в отличие от «Рорика, короля язычников».

Исключительно новаторскими стоит признать авторские наработки к реконструкции общего хода событий на юго-западе Балтики в середине IX века. К нарастающему конфликту ободритов с Франкской империей, которая стремилась ограничить их права и христианизировать, добавилась большая эпидемия, начавшаяся с мора скота, но вскоре перешедшая и на людей, и бушевавшая по всей юго-западной Балтике, в южной Ютландии. Этот факт, кажется, до сих пор ещё не в полной мере осмыслен в историографии (принималось, что сообщения об эпидемии имели, скорее, «литературный» характер: *кара, обрушившаяся на язычников за их злодеяния*), но может иметь значение для определения взаимосвязей (миграций) между южно-балтийским побережьем и Восточной Европой.

Помимо этого, автор касается участия ободритов в походе на Гамбург 845 года вместе с данами. А. Пауль реконструирует последовательность событий таким образом, что, объединившись с данами, вагры или ободриты начали опустошать Нордальбингию, очевидно, мстя за убийство короля Гостомысла годом ранее. Гамбург либо был ими занят, либо вообще входил в это время в «ободритскую марку», т.е. подчинялся какому-то локальному ободритскому князю, который, в свою очередь, подчинялся королю ободритов, а король ободритов – должен был подчиняться франкскому императору. О том, что Гамбург был в подчинении ободритов незадолго до этих событий, в конце VIII или в начале IX века свидетельствует археология (наиболее ранний слой – славянский), а также

сообщение о разрушении саксами «города славян» на обратном пути, после разгрома датского флота в 845 году.

Важным наблюдением, сделанным в исследовании, является тезис относительно единственного упоминания славянской формы *Старигард* в тексте Гельмольда, связанной с некими славянскими легендами о великих вагрийских князьях, правившими многими славянскими землями, в том числе – где-то на востоке. На стр. 341 приводится соответствующая цитата:

«*Альденбург – это то же, что на славянском языке Старигард, то есть старый город. Расположенный, как говорят, в земле вагров, в западной части [побережья] Балтийского моря, он является пределом Славии. Этот город, или провинция, был некогда населен храбрейшими мужами, так как, находясь во главе Славии, имел соседями народы данов и саксов, и [всегда] все воины или сам первым начинал или принимал их на себя со стороны других, их начинавших. Говорят, в нем иногда бывали такие князья, которые простирали свое господство на [земли] ободритов, хижан и тех, которые живут еще дальше*» (Гельмольд, I, 12).

На основании формы *Старигард*, свидетельствующей о славянском источнике и самом смысле информации (возвеличивание неких древних славянских языческих князей Вагрии), и ссылки Гельмольда на некие «рассказы старцев славянских», А. Пауль связывает эту информацию с эпосом ободритов, частично проникшем в церковные легенды Гамбургской епархии, так как речь в них шла, в том числе, о притеснениях славянами христиан в Гамбурге, что славяне воспринимали как месть и правое дело, а гамбургские христиане – тоже как подвиг, но подвиг мученичества своих настоятелей. Далее, анализируя историю ободритов, известную по письменным источникам, автор приходит к выводу, что историческая возможность для существования таких вагрийских князей могла существовать только до середины X века, т.к. с этого времени правили мекленбургские, а не вагрийские князья, и история их хорошо известна (Пауль 2016: 343).

Из этого следует дальнейшее предположение, что фразу Гельмольда о существовании в древности (как выясняется, до середины X века) в Вагрии «*таких князей, которые простирали свое господство на [земли] ободритов, хижан и тех, которые живут еще дальше*» можно связать с варягами IX века, если под «*теми, которые ещё дальше [хижан]*» предположить восточноевропейские земли северной Руси.

Весьма интересными оказались также данные о присутствии балтийских славян в Скандинавии (Пауль 2016: 442-480). На сегодняшний момент имеются свидетельства, что славяне основывали многочисленные поселения (Дания, Сконе, Борнхольм), вели широкую морскую торговлю (вся Скандинавия), колонизировали целые острова (Лолланд, Фюн, Мён, возможно, Борнхольм), организовывали масштабные военные походы в Скандинавию и имели династические связи. Фактически, с середины X века, когда ободритские князья принимают христианство и о них начинают писать в хрониках не как о варварах, а как о равноправных правителях, выясняется, что христианская ободритская династия была родственна датской. Ободритские князья из поколения в поколение женились на датских принцессах или выдавали своих дочерей за датских королей, а в случае конфликтов в

своих странах отправлялись в изгнание, как правило, в Данию (Готтшальк, Генрих, Прислав, Кнуд).

Наконец, приложением к интереснейшему исследованию А. Пауля идёт публикация «Страдания гамбургских мучеников» – нового источника, в текст которого, предположительно, включены сюжеты из эпоса ободритов. История об эбсторфских и гамбургских мучениках ранее уже была известна по хроникам Минденских епископов и Триббе XV-XVI вв. Однако лишь с обнаружением двух рукописей «Страдания» стало ясно, что это не плод литературной фантазии. Автор приводит подробный разбор возможных славянских источников преданий и указывает на несколько характерных славизмов в этих легендах, подтверждающих славянский источник информации. С исторической точки зрения, источник может использоваться для изучения истории ободритов в Германии: внести новую информацию как об их войнах с Франкской империей, так и об интеграции уже христианизированных славян в немецкое общество. Перевод данного источника на русский язык имеет важное научное значение, которое трудно переоценить.

Таким образом, перед нами ценное издание, которое во многом продолжает, уточняет и детализирует научные наработки, принадлежащие целой плеяде российских историков, относящихся к «школе А.Г. Кузьмина». Работа снабжена обширным ссылочным аппаратом, позволяющим, в случае необходимости, быстро найти более подробную информацию по многим, упомянутым в силу известных причин лишь бегло, вопросам самостоятельно.

ЛИТЕРАТУРА

Меркулов 2008 - *Меркулов В.И.* Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси / Труды Института российской истории РАН. 2008. № 7. С. 8-28.

Меркулов 2013 - *Меркулов В.И.* Начало Руси по германским источникам (К уточнению научной проблематики) // Русин. Международный исторический журнал. 2013. № 1. С. 42-52.

Пауль 2016 - *Пауль А.* Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда. М., 2016. 544 с.

Biermann 2009 - *Biermann F.* Bootsgrab-Brandgrab-Kammergrab. Die slawischen Graberfelder von Usedom im Kontext der früh- und hochmittelalterlichen Bestattungssitten in Mecklenburg und Pommern. Leidorf, 2009.

Bleile/Jons 2005, 2006 - *Bleile R., Jons H.* Zur Rekonstruktion der historischen Topographie und Infrastruktur des Handelsplatzes Menzlin an der Peene // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. Jahrbuch 2005, 2006.

Filipowiak 1989 - *Filipowiak W.* Handel und Handelsplatze an der Ostseeküste Westpommerns // Bericht der Romisch-Germanischen Kommision. Darmstadt, 1989.

Gabriel/Kempke 2011 - *Gabriel I., Kempke T.* Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien. VI. Die Grabungsfunde. Einführung und archäologisches Material. Wachholtz Verlag, Neumunster, 2011.

Gerds 2011 - *Gerds M.* Groß Stromkendorf bei Wismar. Ein Graberfeld der frühen Wikingerzeit bei den Ostseeslawen und seine Beziehungen nach Norden // Archäologie in Schleswig, 13, 2010. Wachholtz Verlag, Neumünster, 2011.

Herrmann/Warnke 2008 - *Herrmann J., Warnke D.* Ralswiek auf Rügen, Teil 5, Das Hugelgraberfeld in den «Schwarzen Bergen» bei Ralswiek. Schwerin, 2008.

Herrmann 2004 - *Herrmann J.* Seehandelsplatze des 8. Jahrhunderts an der südwestlichen Ostseeküste und deren Hinterland. Eine Problemsicht, Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern, Jahrbuch 2003-51. Lubstorf, 2004.

Müller-Wille 2011 - *Müller-Wille M.* Zwischen Starigard/Oldenburg und Novgorod. Neumünster, 2011.

REFERENCES

Biermann 2009 - *Biermann F.* Bootsgrab-Brandgrab-Kammergrab. Die slawischen Graberfelder von Usedom im Kontext der früh- und hochmittelalterlichen Bestattungssitten in Mecklenburg und Pommern [Slavic fields of burials on Usedom in the context of medieval customs of burial in Mecklenburg and Pomerania], Leidorf, 2009 [in German].

Bleile/Jons 2005, 2006 - *Bleile R., Jons H.* Zur Rekonstruktion der historischen Topographie und Infrastruktur des Handelsplatzes Menzlin an der Peene [To reconstruction of historical topography and infrastructure of trade point Menzlin in Peene], in: Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern [Land protection of historical monuments in Mecklenburg-Vorpommern], Jahrbuch 2005, 2006 [in German].

Filipowiak 1989 - *Filipowiak W.* Handel und Handelsplätze an der Ostseeküste Westpommerns [Trade and trade points on the coast of the Baltic Sea in West Pomeranian], in: Bericht der Romisch-Germanischen Kommision [Messages of the Roman-German commission], Darmstadt, 1989 [in German].

Gabriel/Kempke 2011 - *Gabriel I., Kempke T.* Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien. VI. Die Grabungsfunde. Einführung und archäologisches Material [Starigard/Oldenburg. The main lock of Slavs in Wagria. VI. Finds in excavation. Introduction and archaeological material], Wachholtz Verlag, Neumunster, 2011 [in German].

Gerds 2011 - *Gerds M.* Groß Strömkendorf bei Wismar. Ein Graberfeld der frühen Wikingerzeit bei den Ostseeslawen und seine Beziehungen nach Norden [Groß Strömkendorf near Wismar. Graberfeld time of early Vikings and Slavs of the Baltic Sea and its relation with the North], in: Archäologie in Schleswig [Archeology of Schleswig], 13, 2010, Wachholtz Verlag, Neumünster, 2011 [in German].

Herrmann 2004 - *Herrmann J.* Seehandelsplätze des 8. Jahrhunderts an der südwestlichen Ostseeküste und deren Hinterland. Eine Problemsicht, Bodendenkmalpflege [The sea trade city of the VIII century on the southwest coast of the Baltic Sea], in: Mecklenburg-Vorpommern [Protection of historical monuments in Mecklenburg-Vorpommern], Jahrbuch 2003-51, Lubstorf, 2004 [in German].

Herrmann/Warnke 2008 - *Herrmann J., Warnke D.* Ralswiek auf Rügen, Teil 5, Das Hugelgraberfeld in den «Schwarzen Bergen» bei Ralswiek [Ralswiek on Rügen, Part 5, a field Hugelgraber in «Schwarzen Bergen» in Ralswiek], Schwerin, 2008 [in German].

Merkulov 2008 - *Merkulov V.I.* Meklenburgskaja genealogicheskaja tradicija o Drevnej Rusi [Mecklenburg genealogical tradition about Ancient Russia], in: Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN [Works of Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences], 2008, № 7, pp. 8-28 [in Russian].

Merkulov 2013 - *Merkulov V.I.* Nachalo Rusi po germanskim istochnikam (K utochneniju nauchnoj problematiki) [The beginning of Russia in the German sources (Specification of scientific problems)], in: Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal [Rusin. International historical magazine], 2013, № 1, pp. 42-52 [in Russian].

Müller-Wille 2011 - *Müller-Wille M.* Zwischen Starigard/Oldenburg und Novgorod [Between Starigard/Oldenburg and Novgorod], Neumünster, 2011 [in German].

Paul 2015 - *Paul A.* Baltiiskie slavyane: ot Rerika do Starigarda [Baltic Slavs from Rerik to Starigard], Moscow, 2016 [in Russian].

Меркулов Всеволод Игоревич – Кандидат исторических наук,
Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Москва, Россия).
Merkulov Vsevolod – Candidate of historical sciences,
Public and scientific project «The Russian-German Historical Seminar» (Moscow, Russia).
E-mail: mail@histformat.com

Правила публикации в журнале

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрических базах данных РИНЦ, Scopus и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п.л., рецензии – 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc .docx .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.
3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.
4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание – по ширине листа; первая строка – отступ 1,25; межстрочный интервал – одинарный; шрифт – Times New Roman; размер – 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» – оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в журнале. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

* * *

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2015, № 4

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 05.12.2015
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Palatino Linotype»

Издатель: Редакция журнала «Исторический формат»

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415